

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
ОПТИНСКОГО
старца
иеросхимонаха
ИЗЯЯРИЯ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
оптинского старца
иеросхимонаха
ИЗЯКЪЯРИЯ

Свято-Введенская Оптина Пустынь

Свято-Троицкая Сергиева Лавра

Издательство «Отчий дом»

Москва

1997

По благословению
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси Алексия II

Подготовка текста
Сергея Лизунова и Елены Помельцовой

Комментарии
*Елены Балдиной, Сергея Лизунова,
Елены Помельцовой*

Общая редакция *Елены Помельцовой*

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СТАРЦА МАКАРИЯ

Редактор *Е. Помельцова*
Художник *Н. Чувашева*
Технический редактор *З. Кондрашова*
Корректор *Е. Обоева*
Компьютерная верстка *А. Рябчиков*

ЛР № 064113 от 17.05.95. Подписано в печать 16.04.96. Формат 70 x 90/16. Бумага офс. Печать офс. Объем 26,0 п. л. + 2,0 п. л. (илл.). Тираж 10 000 экз. Заказ № 456. Введенская Оптиная Пустынь. 249700, Калужская обл., г. Козельск, Введенская Оптиная Пустынь. ТОО Издательство «Отчий дом». 117049, Москва, ул. Крымский вал, д. 8. Отпечатано с оригинал-макета на Можайском полиграфкомбинате Комитета Российской Федерации по печати. 143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Ж 0403000000-023
24Р (03)-96

ISBN 5-7676-0035-X

© Издательство «Отчий дом», 1996

Оптинский старец Макарий

Оглавление

Предисловие	5
Глава I	
<i>Происхождение Михаила Николаевича Иванова, впоследствии старца иеросхимонаха Макария, и его мирская жизнь</i>	6
Глава II	
<i>Вступление Михаила Николаевича в Площанскую Богородицкую пустынь. Современные его поступлению старцы-подвижники и значение старчества. Местоположение Площанской пустыни</i>	14
Глава III	
<i>Состояние Площанской пустыни при поступлении в нее Михаила Николаевича и его житительство под руководством старцев — сначала иеромонаха Ионы, а затем схимонаха Афанасия Захарова</i>	20
Глава IV	
<i>Прибытие в Площанскую пустынь духовного старца о. Леонида. Сближение с ним о. Макария. Деятельность сего последнего в Площанской пустыни и его переход в Оптинский скит</i>	32
Глава V	
<i>Взаимные отношения старцев о. Леонида и о. Макария</i>	40
Глава VI	
<i>Душевные свойства старца Макария, приобретенные, при помощи Божией, его трудами и подвигами, и духовные благодатные дарования, скоро доставившие ему большую известность среди людей благомыслящих</i>	48
Глава VII	
<i>Природные способности старца Макария, его разумная внешняя обстановка, наружный вид, келлия и порядок ежедневных занятий</i>	64
Глава VIII	
<i>Внешнее устройство Оптинского скита и церковный порядок при старце Макарии</i>	73
Глава IX	
<i>Общий взгляд на великое значение старца Макария, как старца. Об откровении старцам (в женских монастырях — старицам) помыслов. Взаимные духовные отношения старца Макария и оптинских братий, как скитских, так и монастырских, во главе с о. настоятелем и благие их последствия</i>	84

Глава X	<i>Отношения старца о. Макария, в частности, к некоторым из оптинских братий — скитским и монастырским</i>	98
Глава XI	<i>Старец Макарий — продолжатель литературных трудов молдавского старца Паусия Величковского по изданию в свет святоотеческих писаний</i>	115
Глава XII	<i>Временные отлучки старца Макария из своей обители в Орловскую и Курскую епархии, в Киев и проч. Посещение Оптиной Пустыни наместником Троице-Сергиевой лавры о. архимандритом Антонием. Поездка старца Макария в Москву и Сергиеву лавру. Отношения Московского митрополита Филарета и лаврского наместника архимандрита Антония к старцу Макарию и его к ним. Участие митрополита Филарета в книжных трудах оптинских братий</i>	128
Глава XIII	<i>Отношение некоторых иерархов и соприкосновенных книжным оптинским трудам лиц к старцу Макарию и старца к ним, а также и к своим скитским братиям</i>	156
Глава XIV	<i>Отношение старца о. Макария к посторонним монастырям — мужским и женским</i>	173
Глава XV	<i>Отношения старца Макария к мирским посетителям</i>	196
Глава XVI	<i>О письмах старца о. Макария</i>	204
Глава XVII	<i>Взаимные отношения старца Макария и господина Д.Л. с семейством</i>	217
Глава XVIII	<i>Чудодейственный рассказ Шамординской Амвросиевской женской пустыни схимонахини Юлии Гурьевой о старце Макарии, вместе и о другом замечательном оптинском подвижнике — страдальце иеродиаконе Мефодии</i>	234
Глава XIX	<i>Чудесные действия благодати Божией по молитвам старца Макария во избавление обращавшихся к нему с верою за помощью от недугов душевных и телесных и Божии наказания за непочитание старца, прославлявшегося Самим Господом</i>	243
Глава XX	<i>Старец Макарий уклоняется от настоятельской должности и архимандритского сана и слагает с себя</i>	

	<i>некоторые обязанности. Его любовь к вере и Церкви Православной и ревность по вере и благочестию. Благодарное письмо за это к нему от Московского митрополита Филарета. Следит старец за духовною литературою и с великим участием относится к отечественным событиям. Скорби старца в последние годы его жизни и разрешение недоумений по сему случаю</i>	258
Глава XXI	<i>Последние годы и обстоятельства жизни старца о. Макария, его предсмертные страдальческие дни и благодатная кончина</i>	276
Глава XXII	<i>Перенесение тела почившего о Господе старца о. Макария из скита в монастырь и погребение. Поминальная трапеза. Сочувственные письма почитателей старца о потере его</i>	287
Глава XXIII	<i>Посмертные добродейства старца о. Макария некоторым из почитателей его чрез сновидения: исцеления, утешения, ободрения, обличения</i>	296
Приложение		
	<i>Из наставлений Оптинского старца иеросхимонаха Макария Предостережение читающим духовные отеческие книги и желающим проходить умную Иисусову молитву</i>	310
	<i>Аннотированный указатель лиц, упоминаемых в Жизнеописании Оптинского старца Макария</i>	323
	<i>Оптинской святости мудрый хранитель (Архимандрит Агапит — автор Жизнеописания старца Макария)</i>	400

Введенская Оптиная пустынь

Иоанно-Предтеченский скит Оптиной пустыни

Предисловие

В предисловии первого издания жизнеописания почившего о Господе Оптинского старца иеросхимонаха Макария (+1860 г.) достопочтеннейший автор оногo, иеромонах (впоследствии архимандрит) Леонид Кавелин, между прочим, написал следующее:

“Приняв на себя труд, по общей просьбе многочисленных учеников и особ, пользовавшихся духовными наставлениями старца, составить очерк его богоугодной жизни — близким свидетелем которой сподобил Господь быть и меня, многогрешного, — я дерзнул на сие лишь в той надежде, что исполненные духовной мудрости письма старца, помещенные в приготовленном к печати сборнике, дополнят духовную скудость моего сказания. Не излишним считаю заметить, что все собранные мною здесь сведения о покойном старце проверены свидетельством ближних учеников нашего общего отца, наставника и благодетеля”.

Таким образом, главным источником для составления вновь жизнеописания старца Макария и принято 1) это, изданное в 1861 году, с таким оглавлением: “Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Макария” в полном составе без изменения. Далее, к пополнению предлагаемого жизнеописания послужили: 2) давно напечатанные письма старца Макария, 3) Скитская летопись, 4) собственноручные записки покойного скитоначальника, иеросхимонаха Анатолия Зерцалова, бывшего ближайшего ученика старца Макария, 5) записки монахинь некоторых женских монастырей, и по преимуществу Белевского, и 6) наконец, устные рассказы оптинских монахов-старожилов, которые теперь уже все отошли в жизнь вечную.

Всеблагий Господи! Помоги, за молитвы подвизавшегося Тебе ради в жизни сей временной почившего старца, приснопоминаемого иеросхимонаха Макария, совершить предпринятое дело к прославлению пресвятого имени Твоего и описываемого здесь верного раба Твоего!

Глава I

Происхождение Михаила Николаевича Иванова, впоследствии старца иеросхимонаха Макария, и его мирская жизнь

о кончине первого великого Оптинского старца, иеромонаха Леонида, в схиме Льва, положившего в Оптиной Пустыни начало старчества, преемником его и вторым великим Оптинским старцем был иеросхимонах Макарий. Он происходил из дворян Орловской губернии, по фамилии Ивановых. Как родители его, так и предки их отличались особенным благочестием.

Прадед старца Макария, Иоанн, был иноком Карачевского Николаевского Одрина монастыря и в монашестве переименован в Иосифа; памятен был своею строгою постническою жизнью. Сказывали, что ежегодно во всю Св. Четыредесятницу он вкушал вареную пищу только по субботам и воскресным дням, а в среды и пятки съедал по одной просфоре; остальные же дни поста проводил вовсе без пищи.

Дед и бабка старца Макария, о которых он вспоминал по рассказам своих родственников, имели также свои добрые качества. Бабка по преимуществу отличалась делами благотворительности. Следуя словам Св. Писания: *Прозящему у тебя дай* (Мф. 5, 42), она никому не отказывала в подавании посильной милостыни; а сверх того, по субботам сама ходила тайно подавать заключенным в городской тюрьме пироги и пышки домашнего печения. Добродеение это однажды спасло ей с супругом жизнь. По рассказу самого старца Макария, дело было так. Дед и бабка его ехали куда-то зимой и были остановлены на дороге шайкой разбойников. Один из числа их, заглянув в повозку, узнал в сидевшей внутри ее женщине ту самую, из рук которой он не раз, бывши в тюремном заключении, получал милостыню, и потому уговорил своих товарищей пощадить им жизнь. Разбойники отобрали у них лошадей и большую часть поклажи, но оставили им необходимое по зимнему времени платье, повозку и одну лошадь, чтобы было на чем доехать до ближнего

селения. Так милостыня, по Писанию, искупающая душу от многих грехов (Дан. 4, 24), на сей раз избавила возлюбивших ее и от смерти телесной.

Родители старца Макария, Николай Михайлович Иванов, в чине коллежского асессора, и Елизавета Алексеевна, урожденная Емельянова, сверх родового поместья гг.Ивановых, сельца Щепятина Орловской губернии Дмитровского уезда, владели населенными имениями и в других губерниях, в том числе и в Калужской. В окрестностях города Калуги, вблизи Лаврентьева монастыря, принадлежало им небольшое сельцо Железники*, где они и проживали. В этом сельце в 1788 году 20 ноября родился у них сын первенец и был наречен во св. крещении Михаилом, в честь св. Михаила, князя Тверского, коего память 22 ноября. Это и был будущий старец Макарий.

Не лишним считаем заметить, что сельцо Железники расположено в чрезвычайно живописной местности. От Лаврентьева монастыря и подмонастырской слободки Подзавалье оно отделяется глубокою луговою долиною, по которой в совершенно плоских берегах протекает излучистая речка Яченка, впадающая в Оку; а Железники раскинуты по скату покрытой лесом возвышенности, которая, окаймляя луговую долину, тянется вдоль правого берега Яченки. На самой оконечности деревенского поселка, против северной стороны Лаврентьева монастыря, стоял уютный сельский домик, в котором жили родители Михаила. Дом этот, по обыкновению, окружен был необходимыми службами с садом. Вблизи, по скату той же горы, росла березовая роща. Из окон дома, со двора, из сада и рощи открывались ненаглядные виды. Внизу под горою — излучистая речка Яченка, текущая в ровных берегах и окаймленная лугами. На противоположной возвышенности — мужской монастырь во имя праведного Лаврентия, Христа ради юродивого, Калужского чудотворца, где почивают под спудом его святые мощи. Обитель вся окружена тенистым садом, отчего верхи белых ее зданий выказываются из купы деревьев, точно белоснежная лилия из корзины зелени. Далее, вправо, на одной высоте с монастырем, виднелась Крестовская часовня на Боровской дороге (ныне здесь церковь и богадельня епархиального ведомства), городское кладбище, усеянное многочисленными памятниками, и южная оконечность Калуги со зданиями и садами. Наконец, вдали, на самом краю горизонта, блестит зеркало многоводной Оки — там, где вливается в нее Яченка и где показы-

* Сельцо это после принадлежало г. Делянову. Родитель старца Макария, по доброте своей, в свое время отдал это имение в поручительство за долг своего приятеля, который долга этого не уплатил, и имение г. Иванова поступило в продажу.

вают следы древнего городища. Позади дома с хозяйственными заведениями, гумнами и овинами продолжался лес, а за ним начинались обрабатываемые поля.

Среди впечатлений этих приятных для зрения и отрадно мирных для сердца видов сельской природы, имея пред глазами тихую иноческую обитель, из которой ежедневно доносился до слуха обитателей Железников звон колоколов, призывавший иноков к молитве, возрастал малютка Михаил, будущий инок и молитвенник, еще тогда неведомый миру.

Настоятелем Лаврентьева монастыря в то время, когда близ него проживали родители Михаила, был отец архимандрит Феофан, муж благоговейный, ласковый и обходительный. Находившись в близком духовном общении с гг. Ивановыми, он воспринимал у них от св. купели детей; но всех ли, утвердительно сказать нельзя. А что о. архимандрит Феофан был восприемным отцом сестры старца Макария Варвары, об этом сказывал сам старец.

При личных воспоминаниях об обители праведного Лаврентия отец Макарий передавал из своей детской жизни такой замечательный случай. Однажды, бывши там с родителями у обедни, он, кажется, во время чтения Апостола, увидев сидевшего в алтаре о. архимандрита Феофана, которого очень любил, стремительно вбежал к нему в алтарь через отворенные царские врата.

У гг. Ивановых, кроме первенца Михаила, было еще три сына: Алексей, Павел, Петр и дочь, вышеупомянутая Варвара*.

По свидетельству оставшейся в живых некоей сверстницы Михаила, мать его Елизавета Алексеевна, женщина смиренная и богобоязненная, из всех своих детей особенно безотчетно любила своего первенца. В объяснение этого она говорила своим близким так: "Сердце мое чувствует, что из этого ребенка выйдет что-нибудь необыкновенное". Вместе с тем Михаил с раннего детства невольно привлекал к себе общее внимание всех, знавших его, своими добрыми свойствами: тихостью, кротостью и молчанием. Он даже не участвовал в играх своих братьев и сверстников, а постоянно пребывал дома и почти не отходил от колен своей любимой матери, как бы в

* В календаре 1840 года, принадлежавшем старцу о. Макарию, рукою его написана следующая заметка: "18 февраля 1840 года, в воскресенье, в 9 часов пополудни, скончался брат мой, Алексей Николаевич Иванов, в Орле. Родился 1789 года, декабря 8 дня; всей жизни было 50 лет, 2 месяца и 10 дней. Скончался христианскою кончиною, в вере и надежде воскресения и жизни вечной. Пред кончиною сообщался 4 и 15 февраля; а за несколько минут оборван маслом, и отходная прочитана. Сподоби его, Господи, Царствия Небесного и сотвори ему вечную память! (Женат не был.) Павел скончался в 1831 году; одна из дочерей его, Варвара Павловна, с 1849 года посвятила себя иноческой жизни и ныне находится в Севском девичьем монастыре, именуясь в рясофоре Мелания. Петр скончался еще младенцем в Карачеве".

предчувствии, что всем им недолго остается пользоваться ее ласками. Так действительно и случилось. Вскоре слабое здоровье Елизаветы Алексеевны до того расстроилось, что Николай Михайлович должен был оставить свой тихий сельский приют и переехать со всем семейством в Москву для пользования больной. Старшему сыну их Михаилу тогда было пять лет. Через три года после того (в 1797 году, 21 января) Елизавета Алексеевна скончалась от чахотки и погребена в Андрониевом монастыре. А Николай Михайлович с детьми своими — Михаилом, Алексеем и Павлом — переехал в Дмитровский уезд в родовое свое имение — село Щепятино. Дочь же его Варвара Николаевна*, оставшись по кончине матери нескольких месяцев, взята была на воспитание родною своею теткой О.П. Голдобиной, которой имение находилось в Костромской губернии Кинешмского уезда, близ Судиславского посада.

В том же 1797 году Николай Михайлович переехал из с. Щепятина в г. Карачев для совместного жительства с родной сестрой своей Дарьей Михайловной, супруг которой, Семен Феодорович Передельский, служил тогда по выбору дворянства членом Карачевского уездного суда. Дети Николая Михайловича, Михаил, Алексей и Павел, вместе с двоюродным своим братом Алексеем, сыном Передельского, были тогда же помещены в городское приходское училище. Михаилу было тогда 9 лет. Здесь-то начал и окончил свое школьное образование отрок Михаил, будущий духовный вождь и наставник.

Когда же Николай Михайлович в летнее время, по требованию хозяйства, уезжал в свою деревню, сельцо Щепятино, дети его, чтобы не прерывать занятий, оставались в Карачеве на попечении своих ближайших родственниц, Дарьи Михайловны Передельской и Авдотьи Ивановны Сандуловой**. Около 1801 года, когда Передельские переехали в свою деревню, они взяли к себе домашнего учителя для продолжения воспитания сына. По воспоминанию сего последнего, “учителя звали Артемоном Петровичем... (фамилии, пишет он, не упомяну) из благородных, — человек благочестивый и с познаниями в науках”. Тогда и Михаил со своими двумя братьями переехал в дом своей родной тетки, где они и продолжали

* В прежних изданиях жизнеописания старца Макария год рождения Варвары Николаевны означен 1793. Но это, должно быть, ошибка, так как по тому же жизнеописанию мать ее Елизавета Алексеевна скончалась в 1797 году, а дочь ее, упоминаемая здесь Варвара, осталась после нее нескольких месяцев.

** Авдотья Ивановна Сандулова — двоюродная сестра старца Макария, дочь Анны Михайловны Веревкиной, родной его тетки. Анна Михайловна владела частью сельца Щепятина и была очень дружна со своим братом Николаем Михайловичем Ивановым, родителем отца Макария.

обучаться вместе с ее сыном чистописанию, грамматике и арифметике.

В деревне у Передельских Михаил прожил не более года. В 1802 году он поступил бухгалтером в уездное казначейство в г. Льгове Курской губернии, где место казначея занимал тогда С.Я. Сандулов, родственник Михаила, а места бухгалтерских помощников заняли — родной брат Михаила Алексей и двоюродный, также Алексей, Передельский. “Три нас малолетка, — рассказывал сей последний, — управляли канцеляриею казначейства с особенною исправностию”. Впоследствии старец Макарий в разговорах с близкими прибавлял к этому: “Бывало, из-за одной копейки, по случаю недочета, приходилось просиживать по целой ночи, дабы свести приход с расходом”. Место бухгалтера было очень трудное, но четырнадцатилетний юноша проходил эту должность с редким усердием и с такою точностию и исправностию, что обратил на себя внимание губернского начальства. По случаю смерти начальника стола счетной экспедиции в Казенной палате Цицурина Михаил Николаевич вызван был в Курск занять эту должность в 1805 году и в том же году получил первый классный чин.

Советник Казенной палаты Николай Михайлович Ленивцев так полюбил даровитого и вместе скромного юношу, что предложил ему помещение в своем доме. Это, очевидно промыслительно устроившееся сближение с семейством просвещенного начальника, оградив молодого человека от всяких бесполезных знакомств и товарищеских компаний, вместе с сим способствовало поддержанию нравственного образования, — что особенно важно в период молодости, когда, как известно, имеет столь сильное и почти неотразимое влияние среда, в которую вступает юноша по окончании воспитания домашнего или школьного. Таким образом, для хранимого Богом юноши служебное время в Курской палате прошло тихо и с пользой. От занятий должностных, любимых им по чувству долга, он переходил к занятиям, любимым по склонности сердца, — музыке и чтению. Но в чтении, несмотря на свои молодые лета, он искал не одного только приятного препровождения времени, а главным образом приобретения новых познаний и разрешения на важнейшие вопросы ума и сердца. В этих занятиях незаметно протекли три года службы Михаила Николаевича.

В 1806 году, 17 марта, Михаил Николаевич лишился своего родителя. Николай Михайлович Иванов скончался после продолжительной болезни мирною христианскою кончиною с напутствием Св. Таинств и погребен в селе Турищеве близ приходской своей церкви.

Между тем подросли и другие братья Михаила Николаевича; и сестре его Варваре Николаевне минуло уже 13 лет. На семейном совете дружных между собою братьев решено было сестру от тетки Голдобиной, у которой она доселе воспитывалась, взять домой. С этой целью один из братьев, Алексей Николаевич, ездил за нею в имение тетки и привез ее в село Щепятино, где она и оставалась, живя с братьями и двоюродною сестрою, Пелагеею Тихоновною Макаровою, до выхода в замужество в 1814 году за орловского помещика, коллежского асессора Николая В.Глебова. У Глебовых было несколько сыновей и дочерей, из коих старший сын, действительный статский советник П.Н.Глебов, в свое время занимал должность генерал-аудитора морского министерства, а одна из дочерей, Александра Николаевна, на 23-м году от рождения посвятила себя иноческой жизни в Севском женском монастыре, приняв постриг в рясофор с именем Афанасии. Известно также, что у старца Макария были в том же Севском монастыре другая родная племянница и двоюродная сестра. Но о сей двоюродной сестре точных сведений не имеется. Может быть, это была та самая Макарова, о которой только что упомянуто было выше. Другая же родная племянница была дочь родного брата старца Макария, Павла Николаевича Иванова, Варвара Павловна, в рясофоре именовавшаяся Меланиею. Какое близкое участие принимал старец Макарий в этих своих племянницах, увидим далее. А теперь продолжим рассказ о ранних годах его самого.

Единодушие братьев Ивановых было примерное. Все у них делалось с общего согласия. По общему же братскому совету, положено было доставшееся им от родителей имение не раздроблять, а принять его одному, старшему брату Михаилу, с тем, чтобы двух других братьев, Алексея и Павла, удовлетворить деньгами, которые имелись в виду по иску с г. Сенявина, простиравшемуся свыше 20 000 рублей ассигнациями. Нимало не колеблясь, Михаил Николаевич принял это предложение братьев и в 1808 году вышел в отставку, получив при оной в награду чин губернского секретаря. Можно полагать, что, приняв беспрекословно просьбу братьев, Михаил смотрел на таковое, вовсе неожиданное для него, обстоятельство как на удовлетворение своего тайного влечения, о котором он едва смел мечтать, это — желание уединенной жизни, заманчиво рисовавшее его юному воображению возможность на свободе предаться любимым занятиям — музыке и чтению.

Михаил Николаевич прожил в деревне хозяином всего только два года. По рассказу жившей в то время в их семействе двоюродной сестры его Пелагеи Тихоновны Макаровой, хозяйство шло очень

плохо. Ибо оно требовало бдительного личного присмотра, иногда же и взыскания за опущение дела; а Михаил Николаевич, по доброте своей, не мог и не хотел следовать общепринятому порядку. Однажды мужички, видя, что нет за ними надлежащего присмотра, покрали большое количество гречихи. Михаил Николаевич призвал их к себе и долго уговаривал и вразумлял словами Божественного Писания, а мы, домашние, сказывала Пелагея Тихоновна, втихомолку смеялись над ним. Но, к удивлению и стыду нашему, увещание кончилось тем, что виновные упали пред Михаилом Николаевичем на колени, сознались чистосердечно в своем проступке, просили прощения, и, конечно, были прощены. Соседи скоро узнали о доброте молодого помещика и нередко присылали просить у него то разных хозяйственных вещей, то каких-либо семян. Отказу никому не было. “Мы, — вспоминала Пелагея Тихоновна, — бывало, скажем: что ты, Миша? Самим надобно будет”. Ответ был один: “Бог пошлет. Как же я скажу, что нет, когда я имею? Воля ваша; а я этого не могу сделать. Я вам говорю, что, испытавши себя, вижу, что не могу быть хозяином”.

Принимая живое участие в Михаиле Николаевиче, братья его, приехавши к нему в деревню, начали уговаривать его жениться и предлагали ему многих невест; но по ближайшем рассмотрении свойств каждой должны были сознаться, что ни одна из известных им девиц не обладала вполне теми свойствами, которые могли бы понравиться их брату. Когда же наконец указали на одну соседку, которая действительно была девица скромная и добродетельная, Михаил Николаевич сказал: “Разве на этой жениться?” Братья обрадовались сему и, не предупредив Михаила, поспешили поехать к ее родителям с предложением. Но те, будучи не приготовлены к сему ни предварительным знакомством с женихом, ни строго соблюдаемыми в то время в провинциях формами сватовства, на предложение ответили: “Благодарим за честь, но так скоро нельзя; надобно подумать, ближе ознакомиться”, и прочее тому подобное. Услышав об этой неудаче своих братьев, Михаил Николаевич с радостью прибежал к сестрам и говорит: “Слава Богу! Сказали: надо подумать. Пусть думают. Я не мог отговориться, сделал послушание братьям; но теперь никто меня не уговорит”.

Из этих слов очевидно, что благочестивый юноша, привыкший подчинять себя и все, до него касающееся, воле Божией, склонился на убеждение братьев единственно лишь для того, чтобы видеть, *что речет о нем Господь* (Пс. 84, 9). Последовавший же нерешительный ответ принял он за явное указание Промысла Божия ко вступлению

на иной, высший путь жизни, к чему от юности стремилась чистая душа его, *как елень на источники водные* (Пс. 41, 2).

Спеша удовлетворить этой спасительной жажде, Михаил Николаевич поехал на Коренную ярмарку, купил себе книг, преимущественно духовного содержания, и, возвратясь домой, углубился в чтение их, питая душу сродною ей пищею. Иногда же уходил он в столярную и работал до усталости за верстаком, желая таким образом приучить юную плоть свою покоряться духу.

В заключение всего сказанного приведем свидетельство о свойствах Михаила Николаевича товарища его детства, Алексея Семеновича Передельского. “Проведя, — писал он в свое время, — детство и часть службы с Михаилом Николаевичем, о свойствах и нравах его объясню, что ему присущи были всегда: набожность, благочестие, целомудрие, кротость и нравственная чистота. Он большею частию уклонялся от наших детских игр и забав, а вместо того любил заниматься чтением и рукоделием — разумею детские клеения из картона домиков, вырезывание разных фигур, или что-нибудь выпиливал. Придя в возраст, во время мирской жизни он не чуждался светских пристойных удовольствий, но и не оказывал к ним особой склонности. Любил музыку и довольно хорошо играл на скрипке. Любил также пение. Голос у него был хотя слабый, но этот недостаток восполняло его знание и понятие о музыке”.

Слабость здоровья проявлялась у Михаила Николаевича с самого малолетства. Он был очень худощав и с самых юных лет страдал бессонницею. Многие знакомые по скромности и стыдливости Михаила Николаевича, еще до поступления его в монастырь, в шутку называли его монахом.

Глава II

Вступление Михаила Николаевича в Площанскую Богородицкую пустынь. Современные его поступлению старцы-подвижники и значение старчества. Местоположение Площанской пустыни

последствии, когда Михаил Николаевич Иванов был старцем-наставником, он имел обыкновение при удобном случае о мирской и монастырской жизни выражаться так: “До тех пор человек упирается — не расстается с миром и нейдет в монастырь, пока мир ему ногу [не] отдавит”. В миру это называется разочарованием. И эту истину Михаил Николаевич, кажется, первое всего испытал на себе. В самом деле, плохое ведение хозяйства, ощутительная неспособность быть хозяином, недовольство на него за все это домашних, к тому же еще и неудавшееся сватовство — все это, естественно, должно было ослабить в нем привязанность к мирской жизни, если бы она была в нем и довольно сильная. Вместе с тем в душе благочестивого юноши все более и более укреплялись другие, высшие, духовные потребности, которые заставляли его постоянно углубляться в чтение духовных книг, так что, вероятно, забывал он при сем и о музыке. Итак, что же ему оставалось теперь делать? Даже и по простому человеческому соображению оставалось одно: идти в монастырь. Михаил Николаевич так и поступил. В 1810 году, 6 октября, когда ему было почти 22 года, поехал он для богомолья в Площанскую Богородицкую пустынь, отстоявшую от его имения, сельца Щепятина, в 40 верстах; но уже назад не возвратился.

“Было ли это посещение пустыни преднамеренное или случайное, — писал в свое время Алексей Семенович Передельский, сверстник и двоюродный брат его, — осталось для нас неизвестным. Но только Михаил Николаевич написал домой, что он остается в пустыни, а имение предоставляет братьям, ничего себе не желая, исключая того, что он обязывал их, когда будет строиться в селе Турищеве (где погребен их родитель) каменная церковь, вы-

дать на построение ее 1000 рублей ассигнациями, что и было исполнено своевременно братом его Алексеем Николаевичем, когда он сделался владельцем села Щепятина”.

Не берем на себя и мы положительно решать вопрос, было ли это посещение Михаилом Николаевичем Площанской пустыни преднамеренное или нет. Скорее можно, однако, полагать, что оно было преднамеренное, как следствие тайного влечения к жизни иноческой, образовавшегося незаметно под влиянием благодатного призвания, действию которого благочестивый юноша не только не противился, но и всемерно способствовал, благоговейно сохраняя в сердце своем огонь ревности, вверженный в него благодатию Божиею, по сказанному: “Яже Божия сама от себе приходят, нам не ощущающим, но аще место (сердце) будет чисто, а не скверно”. С другой стороны, с достаточной вероятностью можно предположить, что мысль остаться навсегда именно в этом, а не в ином месте созрела окончательно лишь под влиянием благодатных впечатлений на благочестиво настроенную душу юноши при виде иноческого чина и самой пустынно-безмолвной обители. Ибо то и другое вполне соответствовало тому образу жизни, который составил в мыслях Михаила Николаевича от чтения сказаний о подвигах преподобных отцов, просиявших в монашеском жительстве. Такое предположение оправдывается отчасти его собственными словами. Бывши в Оптинском скиту старцем-наставником, он при воспоминании об обстоятельствах своего поступления в монастырь говорил, что, когда прибыл он в первый раз в Площанскую пустынь, имел такое чувство, что не знал, где он находится, “на земле или на небе; и все монашествующие казались ему яко Ангели Божии”. А такой чистый взгляд был, конечно, особым действием благодати Божией, явственно указывающей путь тем, кои с верою вопрошают о нем словами Псалмопевца: *Скажи мне, Господи, путь в оныже пойду, яко к Тебе взях душу мою* (Пс. 142, 8). В ответ на сие Михаилу и возведен путь спасения, указано способствующее оному место, преподаны благопотребные средства и способы.

Но чтобы показать, к какой духовной семье принадлежал старец Макарий и кто именно имел влияние на его духовное воспитание, необходимо, хоть вкратке, указать на современных его вступлению в монастырь старцев духовной жизни.

Около сего времени поместились в некоторых русских обителях несколько замечательных старцев-подвижников, которые утверди-

• Св. Исаака Сирина. Слово 2.

ли в них уставы и предания святых отцов. Случилось же сие таким образом. После упразднения в отечестве нашем многих малых монастырей и пустынь, вследствие учреждений о духовных штатах 1764 года, многие из иноков и мирян, отрекшихся ради душевного спасения мира и яже в мире, отправились странствовать в Палестину, на Афонскую гору и в Молдо-Влахийские княжества. Собирая, подобно пчелам, с цветов мед спасительных учений от обитавших в тамошних местах подвижников, они находили, особенно в обители великого старца Паисия, настоятеля Молдо-Влахийского Нямецкого монастыря (нашего соотечественника по своему происхождению), величайшую духовную пользу, научаясь примером высокой его жизни и медоточными его наставлениями подвигам монашеским и внутреннему духовному деланию.

Старец Паисий скончался в 1794 году, 15 ноября, на 72-м году от рождения. Его ученики и бывшие с ним в духовном общении иноки-русские, одни еще при жизни старца, вследствие благоприятных для возвращения на родину политических обстоятельств, а другие по кончине своего наставника и отца духовного, лишась с ним вещественной и нравственной опоры, одновременно возвратились в свое отечество и поселились в русских иноческих обителях, где и передавали другим, ищущим спасения, независтое приобретенное ими духовное сокровище, некоторые — начальствуя над обителями, а другие — находясь в числе братства.

Большая часть сих приснопамятных старцев по возвращении в Россию поселилась в монастырях Курской и Орловской епархий. Так, прежде других процвела чрез них Софрониева пустынь в Курской епархии, получив в настоятели о. Феодосия, одного из учеников иеросхимонаха Василия, мудрого старца Поляномерульского скита в Валахии, учеником и постриженником которого был и старец Паисий Величковский. О. Феодосий вызван был в Россию со своими учениками еще в 1787 году, во время войны с Турциею под предводительством князя Потемкина. Во все продолжение жизни своей он был другом старца Паисия и состоял с ним в духовной переписке. От Софрониевой пустыни впоследствии заняла свое благоустройство находящаяся в той же епархии пустынь Глинская, которая процвела под управлением одного из учеников Феодосиевых, игумена Филарета (1817—1841). Из учеников сего последнего упомянем о иеромонахе Самуиле, который, как увидим ниже, состоял в духовной дружбе с о. Макарием.

В Орловской епархии в начале XIX столетия, также дав у себя приют старцам-пришельцам, благоустроились и процвели: пустынь-

ная обитель Белобережская и монастыри — Чолнский и Свенский. А впоследствии уже заимствовала от них вместе с внешним чином духовный свет и Площанская пустынь, в которой полагал начало иноческой жизни описываемый здесь старец Макарий.

В Белобережской пустыни вселился и около 1801 года был строителем оной старец духовной жизни Василий, в мире Василий Тимофеевич Кишкин, из дворян Курской губернии. Первоначально (с 1780 года) он жил с учениками своими несколько лет на св. Афонской горе и в Молдавии. В то же время вышли из Нямецкого монастыря от старца Паисия иеросхимонах Клеопа и схимонах Феодор, постриженные в монашество и основательно наставленные им в жизни духовной. И о. Клеопа прямо поселился в Белобережской пустыни; а о. Феодор сначала жил в Чолнском Трубчевском монастыре. Потом, когда место настоятеля и старца Василия в Белых Берегах (в 1804 году) занял его ученик и постриженник иеромонах Леонид, тогда и о. Феодор перешел в Белобережскую пустынь. Упокояемые любовью и попечением настоятеля, старцы Клеопа и Феодор жили при обители в уединенной и безмолвной келлии в лесу, сперва вдвоем; а потом, в 1808 году, присоединился к ним и любитель безмолвия о. Леонид, добровольно ради сего сложивший с себя бремя настоятельства. Все они совокупно занимались умным деланием, принося в то же время пользу и ближним, притекавшим к дверям их келлии, духовными советами и наставлениями, Богу их прославляюще. Впоследствии, как увидим ниже, о. Леонид, сделавшись Оптинским старцем, был наставником и вместе другом духовным о. Макария.

В 1806 году поселился в Белобережской пустыни ученик старца Паисия схимонах Афанасий Захаров, который в 1815 году перешел на жительство в Площанскую пустынь и был старцем отца Макария до самой блаженной своей кончины. Но о нем сказано будет дальше, по потребности, в своем месте.

Вышеупомянутый старец Василий, оставив настоятельство в Белобережской пустыни, перешел на жительство в Свенский монастырь, где около 1818 года был казначеем один из любимых учеников его, иеромонах Серафим, бывший впоследствии настоятелем сперва Белобережской, а с 1818 года Площанской пустыни, которая много обязана ему своим благоустройством как во внешнем, так и во внутреннем отношении, где и о. Макарий обитал.

В Свенском монастыре нашел еще себе приют и другой схимонах, Афанасий, также ученик старца Паисия, из сенатских секретарей, который известен, между прочим, тем, что принес из Мол-

давии в Санкт-Петербург митрополиту Гавриилу рукопись “Добро-толюбие”, перевода старца Паисия. Он скончался в 1811 году на руках соименного ему вышеупомянутого старца схимонаха Афанасия Захарова.

Все эти исчисленные духовные воины Христовы трудились и подвизались в жизни сей временной под руководством духовно опытных старцев в беспрекословном им послушании; а потому и достигли в свое время возможного совершенства духовного и сами сделались руководителями и наставниками в жизни духовной для искренне относившихся к ним искателей вечного спасения.

Другого благонадежного пути ко спасению и нет. “Если же, — замечают преподобные иноки Каллист и Игнатий, — неким из досточтимых отцов случалось и без такого подвига послушания улучить боготворное безмолвие и по Богу совершенство; то это бывало и бывает (если только бывает в наше слабое время) по особенному Божию промыслению и притом очень редко. Но ты, — говорят далее те же иноки, — веруя, что истинное послушание есть как бы некое предуготовительное обучение к добрейшему безмолвию, **оставь то, что по особенному домостроительству бывало редко, и сообрази с тем, что обще для всех постановлено всечестными отцами.** Так сподобишься ты и воздаяния, определенного для законно живущих”.

О важности же духовного руководства, что в обителях именуется старчеством, те же преподобные Каллист и Игнатий говорят так: “Если на случайную дорогу, неизведанную делом, едва ли кто решится вступить без верного проводника; если в море никто не пустится без искусного кормчего; если за какую-либо науку или искусство никто не возьмется без знающего дело учителя: то кто дерзнет приступить к изучению делом искусства искусств и науки наук, вступить на таинственную стезю, ведущую к Богу, и пуститься в беспредельное мысленное море, то есть в иноческую жизнь, подобную жизни Ангелов, с самоуверенностью достигнуть конца без руководителя, без кормчего и учителя, опытного и истинного? Поистине таковой, кто бы это ни был, прельщает себя и прежде вступления на путь уже заблудился, как незаконно подвигающийся: как, напротив, и шага не сделав, достиг конца тот, кто подчиняет себя отеческим уставам. Ибо откуда иначе имеем мы узнать, как ополчиться против плоти или как вооружиться против страстей и бесов? Как без них (без наставников) научиться отличать доброе от недоброго, когда к добродетелям прицепляются худые страсти и всегда стоят некакo при дверях их? Как без них умудримся обузды-

вать чувства телесные и, как струны на гусях, согласно настраивать силы душевные? Особенно же, как без них можно будет нам различать гласы, откровения, внушения, видения Божественные и козни, прелести и призраки бесовские? Одним словом, как сподобимся достигнуть в единение с Богом и научиться богодейственным священнодействиям и таинствам без посвящения в них тайноводителем истинным и просвещенным? Никак невозможно это, никак..."* И далее.

На этот незаблудный и благонадежный путь иноческой жизни с первого же раза вступил наставляемый Промыслом Божиим Михаил Николаевич и держался одного во все последующее время, сам всячески при усердной молитве к Богу стараясь отыскивать для себя духовных наставников и добровольно предавая им себя в полное послушание.

Площанская Богородицкая пустынь, в которую поступил 22-летний юноша Михаил, как замечено выше, вообще соответствовала его духовным стремлениям, так что он всегда с любовью относился к ней. Находящаяся почти в равном расстоянии от городов Дмитровска и Севска (в 45 верстах), обитель эта, по словам ее описателя, хотя не заключает в себе ни огромных зданий, ни великих богатств, не поражает посетителей и дикостью или особенным величием природы, но зато все в ней просто, скромно и привлекательно этою скромною простотою своей. Удаленная от всякого живого места, окруженная со всех сторон лесами, пустынь эта вполне соответствует характеру уединенной иноческой жизни, которой желала и искала чистая душа молодого христолюбца Михаила Николаевича.

* Русское Добротолюбие. Иноков Каллиста и Игнатия Ксанфопулов. Глава 115.

Глава III

Состояние Площанской пустыни при поступлении в нее Михаила Николаевича и его жительство под руководством старцев — сначала иеромонаха Ионы, а затем схимонаха Афанасия Захарова

то время, когда прибыл на жительство в Площанскую пустынь Михаил Николаевич, ею управлял иеромонах Иоанникий, человек простой и добрый по своим личным свойствам, но малоопытный в духовном руководстве братии и несведущий в хозяйственных распоряжениях. В его управление Площанская пустынь, богатая угодами*, изобиловала хлебом и другими произведениями сельского быта; для чего держалось в обители и довольно большое количество рогатого скота и лошадей; но от недостатка в денежных средствах, а отчасти и в благорассудном управлении, терпела нужду во всем, что приобретается покупкою со стороны. Братия нуждались в белье и необходимой одежде, почему вне церкви ходили в многшвенных рубищах и вместо сапог носили лапти. Характеризуя тогдашнее состояние Площанской пустыни, иеродиакон Палладий, современник о. Макария, живший в то время в одной с ним обители, говаривал так: “В масле хоть купайся, а надеть было нечего”. Братство Площанской пустыни при вступлении в нее Михаила Николаевича, несмотря на ограниченный штат, состояло из 50 человек. Между ними хотя и были старцы строгой жизни, да и вообще все братия проводили жизнь строгую и трудолюбивую, но, по свидетельству самого старца Макария и вышеупомянутого иеродиакона Палладия, строгость эта выражалась в одном лишь внешнем делании: братия обычно ходили неупустительно к службам церковным, соблюдали пост и исполняли молитвенное правило, и сами исправляли все монастырские общие и частные послушания. Так, сверх послушания по церкви и трапезе и заготовле-

* В 1861 году помечено было: количество монастырской земли издавна — 2645 десятин и 154 сажени, из коих пахотной 240 десятин, сенокоса 325, под строевым лесом 157 и под дровяным 1640. Остальное количество десятин может быть под неудобной землей, или тут ошибка.

ния для себя дров в лесу, они занимались еще уборкой сена, хлеба и огородных овощей. На внутреннее же делание, именно на искоренение страстей: гордости, тщеславия — весьма тонких и почти незаметных для невнимательного ока, также гнева, осуждения ближних, тонкой лжи и лицемерия в словах и поступках и других бесчестных страстей, губящих души, — почти вовсе не было обращено внимания.

При соблюдении внешней стороны монастырского устава, то есть относительно времени и порядка церковных служб, общей трапезы и монастырских послушаний, не существовало в обители особенного порядка в управлении внутреннем, который, как известно, зависит не столько от буквального соблюдения устава, сколько от духовной опытности начальствующих в руководстве душ, им Богом вверенных. Главное же, в обители не было установлено правило об откровении братиею своих помыслов духовно опытным и благорассудительным старцам, которые бы во всякое время могли подать полезный и спасительный совет неопытным в неотдышной их борьбе с невидимыми и злохитрыми врагами и своими страстями. Ибо хранение совести чрез возможно частое откровение, или исповедание, своих помыслов и дел, вследствие всецелого предания себя руководству духовно опытного и благорассудительного старца, есть основание, залог и ходатай иноческого преуспеяния, как то показывают согласные свидетельства всех св. отцов-подвижников, есть причина процветания доныне киновий и скитов на св. Афонской горе и некоторых пустынных обителей у нас в России. Но сколь велико и душеспасительно сие святое делание (то есть смиренное, с должным к себе вниманием, откровение помыслов благорассудным старцам), столько же противляется оному враг и супостат наш диавол. По словам преп. аввы Дорофея, “не только самое наставление ненавидит лукавый, но даже и самого голоса, произносящего оное, не может слышать... И сказать ли, почему? Он знает, что злодейство его обнаружится тотчас, как только станут спрашивать и говорить о полезном. И ничего он так не ненавидит и не боится, как быть узанным, потому что тогда он уже не может коварствовать, как хочет”.

Но продолжим речь о юном подвижнике Михаиле. Ревность его к иноческой жизни не устранилась лишения и трудов, встреченных

* Преп. аввы Дорофея поучение 5. И во всем этом поучении содержатся прекрасные наставления о том, чтобы в жизни духовной во всем поступать с советом духовно опытных старцев. Более подробное понятие о духовном руководстве, или о старчестве, каждый может узнать из жизнеописания Оптинского старца о. Леониды, в схиме Льва, насадителя в Оптиной Пустыни старчества.— Издание Оптиной Пустыни.

им при самом вступлении в монашеский подвиг. Напротив, вследствие той же самой ревности они казались ему не только легкими, но и любезными. Живя уже в Оптиномском скиту и будучи старцем, батюшка о. Макарий с любовью вспоминал о том, как он полагал начало иноческой жизни в Площанской пустыни, сказывая, как при искреннем его произволении легкими казались ему лишения в пище и одежде и милы были самые лапти как смиренная обувь наших смиренных крестьян, паче же христиан. “Впрочем, — сказывал он, — мне как дворянчику давали не грубые лапти, а род башмаков из лык же, но аккуратной работы, называемые бахирями”.

Через месяц после поступления Михаила Николаевича в обитель, а именно 16 ноября 1810 года, он был определен указом Орловской духовной консистории в число послушников Площанской пустыни; а 24 декабря того же года пострижен строителем отцом Иоанникием в рясофор и наречен Мелхиседеком. В ноябре 1811 года он сопровождал своего о. строителя в его поездке за сбором подаваний на обитель в Брянский округ и Калужскую губернию. Причем, как замечено в собственноручных записках сопровождавшего о. Мелхиседека, собрано с небольшим 300 рублей. А после сего о. Мелхиседек занимался постоянно в обители письмоводством.

При самом вступлении о. Мелхиседека в монастырь он поручен был о. настоятелем особенному попечению братского духовника, почтенного старца иеромонаха Ионы. Старец этот родом был из болховских мещан. По образу своей подвижнической жизни и неутомимому трудолюбию, коему помогала необычайная крепость его телесных сил, по суровой внешней строгости к себе и другим и по прямоте своего характера он был един от древних. Водимый верою в Промысл Божий и в указанного ему наставника, юный подвижник монах Мелхиседек, несмотря на свое слабое здоровье и нежное воспитание, как железо ковачу, предал себя ему в полное послушание. И простой старец полюбил вверенного ему настоятелем послушника за его тихость и беспрекословное послушание. Он усердно принялся обучать о. Мелхиседека, как новоначального, нотному церковному пению и вообще порядку и монашескому благочинию. При знании основных законов музыки и пения послушник легко изучил церковное пение, тон и порядок дневных церковных чтений. В последствии времени от отца же Ионы он занялся изучением церковного устава, сперва в должности канонарха, а потом и уставщика левого клироса. Нельзя при сем не заметить, что все эти столь необходимые в монастыре знания, которые, впрочем, достаются не легко и не

всякому, будучи благовременно усвоены о. Мелхиседеком, послужили ему приготовлением к будущей его деятельности в качестве наставника монахов.

Все это, конечно, похвально. Но так как внимание старца Ионы главным образом обращено было на внешние подвиги и внешнее благочиние, то душа юного подвижника, стремившаяся к очищению от греховных помыслов и желаний, наносимых исконными невидимыми врагами, естественно, не могла удовлетворяться одною внешнею стороною иночества. Ограждаясь страхом Божиим от всяких порочных действий, о. Мелхиседек не мог, однако, не иметь мысленной брани и бесовских приражений, неизбежных для духовного воина. И чем более преуспевал он во внешнем делании, тем более сознавал недостаток в руководителе с даром рассуждения помыслов для преуспевания в делании внутреннем, без которого, по сказанному выше, нельзя достигнуть плода иноческой жизни, или преуспевания. О. Мелхиседек скорбел о сем тем более, что слух о старцах духовной жизни, привитавших в лесах брянских и в некоторых монастырях Курской и Орловской епархий, и отголосок о их учении доходил и до Площанской пустыни, разжигая сердце юного инока жаждою их лицезрения и душеполезной с ними беседы.

В 1813 году бывший настоятель Площанской пустыни о. Иоанникий уволен был на покой в Свенский монастырь. Преемник его, иеромонах Каллист, родом из орловских купцов, встретив препятствия к исправлению укоренившихся от времени опущений во внутреннем порядке, отказался от начальствования, пробыв в звании настоятеля менее года. Место его заступил иеромонах Павел, из ростовских купцов, постриженник св. Афонской горы. Возвратясь оттуда, он жил в Белобережской пустыни и затем в Свенском монастыре, находясь в духовном общении с жившими в них старцами; потом определен был казначеем в Орловский монастырь, а отсюда в конце 1813 года назначен был строителем Площанской пустыни, которою и управлял до 1818 года.

Эта благая перемена для о. Мелхиседека столько же была вожделенна, сколько и полезна. В 1814 году он задумал отправиться в Киев для поклонения мощам почивающих там св. угодников Божиих. С посохом в руке, с котомкой за плечами и в самой убогой одежде странника пошел он пешком, имея еще в виду ознакомиться с некоторыми духовными мужами. И потому на пути заходил он в разные пустынные обители, разузнавал о старцах духовной жизни и вступал с ними в беседу, едино имея в намерении отыскать бесценный бисер — Христа.

По возвращении же о. Мелхиседека из путешествия в свою обитель новый настоятель о. Павел как человек духовного разума, заметив в нем спасительную ревность к иноческой жизни, понуждение себя на все монашеские добродетели, а наипаче к смирению и молчанию, и горячее усердие к прохождению возлагаемых на него послушаний, поспешил вчинить его в лик иноков вверенной ему обители. В 1815 году 7 марта он постриг о. Мелхиседека в мантию и нарек его Макарием, во имя преподобного отца Макария Великого Египетского, поощряя тем молодого инока к подражанию сему светильнику восточного иночества. Молодому иноку теперь был только 26-й год.

В том же году 12 марта о. Макарий, по представлению о. настоятеля, рукоположен был во иеродиакона преосвященным Досифеем, епископом Орловским и Севским, а в июне месяце того же года, по резолюции преосвященного, определен ризничим.

В самый год пострижения о. Макария в монашество поступил на жительство в Площанскую пустынь один из учеников старца Паисия Величковского, схимонах Афанасий, старец духовной жизни. Немедленно о. Макарий вошел в духовное с ним общение и, проживши первые шесть лет в Площанской пустыни под руководством старца Ионы, с 1817 года, по благословению настоятеля, перешел к о. Афанасию в келлию. о. Макарий любил, берег и почитал сего старца, как своего отца и наставника, и удостоился послужить ему до самой его блаженной кончины. По собственному свидетельству о. Макария, старец его схимонах Афанасий имел ближайшее влияние на его духовное воспитание. Потому для объяснения, в чем именно заключалось это воспитание, считаем не излишним войти в некоторые подробности о жизни сего замечательного ученика Паисиева, передав их в том виде и почти теми же словами, как они записаны были в одной рукописной тетрадке, найденной в бумагах по кончине старца Макария.

“Схимонах Афанасий, по фамилии Захаров, родом из дворян, служил в военной службе ротмистром в гусарском полку. 30 лет вступил в Молдавский Нямецкий монастырь, где и был пострижен в монашество старцем Паисием, и жил там 7 лет. После чего приехал по своей надобности в Россию, но отсюда уже возвратиться назад ему не удалось, ради чего и понес он многие скорби. Потом был определен во Флорищеву пустынь Владимирской губернии и был там некоторое время казначеем. Жил и в Гороховском монастыре и в обеих сих обителях имел много скорбных искушений. В 1806 году поехал на богомолье в Киев и на возвратном пути

за болезнью остался в Белобережской пустыни. В 1815 году, по благословению преосвященного Досифея, приехал в Площанскую пустынь и в декабре месяце того же года сломал себе правую ногу, и уже остался здесь на постоянное жительство*.

Десятилетнее пребывание сего старца в Площанской пустыни служило примером для всей братии. Многие пользовались его жизнью, наставлением и любовью, ибо старец сей был кроток, снисходителен, смирен, милостив, сострадателен и любовен ко всем. Когда, бывало, услышит, что кто-либо болен или нуждается в чем-либо, то всячески печется, как бы помочь и утешить его. Также и страннолюбив был. Редкий странный прошел, чтобы он не утешил его чем или не дал ему чего-либо на дорогу. Случалось не раз видеть, как он, сам не евши, отдавал последнее, что имел, брату, говоря: "Слава Богу! Нам присылают, а они люди немощные; где возьмут?" Как же сей старец был милостив и к согрешавшим против него, приведем один из многих тому примеров. Некоторый брат, будучи побежден завистью диавольскою, злословил старца, будто бы он ходил на гостиницу для того, чтобы обирать приезжающих в обитель, разумея под сим чай, сахар и прочие недорогие вещи, подаваемые ему от усердия посетителями, получавшими духовную пользу от его назиданий и советов. Брат сей не только сам роптал, но и возбуждал к тому некоторых из братий. Но братия не столько верили словам его, сколько соблазнялись ими, зная добродетельную жизнь старца. Я же сему свидетель (говорит жизнеописатель), с каким намерением и вместе с какою скорбью старец ходил на гостиницу. Ибо многие, как иночествующие, так и мирские люди, имели большую веру к старцу и просили настоятеля, чтобы позволил побывать им у него или ему позволил, чтобы посетил их на гостинице. А что они давали ему по усердию, то он раздавал братии и нищим, не оставляя у себя и половинной части. Отец же Афанасий, слыша злословия и клеветы на него сего брата, ублажал его всячески и многим о нем говаривал, что сей брат — весьма добрый. Когда же он вышел из монастыря, о. Афанасий

* В собственноручных записках старца о. Макария о Площанской обители под 1815 годом говорится так: "В сем году старец схимонах Афанасий, Владимирской губернии Флорищевой пустыни, живший в Белых Берегах, приехал в сию пустынь и, бывши у строителя в келлии, упал с лежанки и вывихнул ногу, коею болезнью страдал более года". Под 1816 годом: "В сем году, по желанию отца архимандрита Кесария, о. Афанасий переехал к нему в Чолнский монастырь; там поздоровел, но уже не мог ходить без костыля". Под 1817 годом: "В апреле месяце из Чолнского монастыря переехал в сию пустынь схимонах Афанасий на жительство и жил в келлии с иеродиаконом Макарием Ивановым". Разница в записках старца Макария с приведенным очерком жизни схимонаха Афанасия дает повод думать, что очерк написан не старцем Макарием, а другим лицом, знавшим схимонаха Афанасия.

много сожалел о нем; и не только сего брата, ненавидящего его, любил так, но и других многих. Он был милостив и к бессловесной твари. Не раз случалось видеть, что зимою, соболезнуя о птицах, которые не едят обыкновенной человеческой пищи, старец заботился, чем бы их накормить.

При всей своей немощи он никогда не оставлял келейного правила и церкви. Правило же его, по преданию старца Паисия, было таково: сходявши к утрени, читывал акафист Спасителю и Божией Матери, молитвенное воспоминание страстей Христовых и из находящихся в акафистнике канонов кондаки и тропари; две главы из Апостола и одну главу из Евангелия. А потом вспоминал молитвенно Божию Матерь и святых, какие придут на память, поминая при том о здравии и о упокоении отцев и братию, сродников, знаемых и благодетелей. Это правило старец совершал вечером и утром, кладя при том сотни по две поклонов. На службах же церковных стоял всегда до отпуста и, несмотря на то, что был весьма немощен, никогда не садился не только во время церковных пений и чтения Апостола и кафизм, но даже и во время положенного на утрени чтения толкового Евангелия и чтения из Пролога по 6-й песни канона. В это время он, напротив, усугублял свое внимание и для сего, выходя из своего обычного места, подходил к самому чтецу. Опираясь грудью на свой костыль и опустив голову, старец задумчиво слушал чтение; и нередко, когда оно оканчивалось, забывая все окружающее, со слезами на глазах восклицал: "О слово, исполненное великой пользы! Надобно его записать". А возвратившись в келлию, спешил записать читанное, как будто слышал это в первый раз.

От усиленного стояния в ножных суставах его образовалась опухоль, как бы некий нарост. Старец же вместо лекарства мазывал оную маслом из лампы от иконы Божией Матери. К Царице Небесной он имел великую веру; так что, когда совершал правило или кто, бывало, помянет при нем имя Божией Матери, он с радостью и слезами величал имя Ее и молился. Когда же мазывал ноги от лампы противу огня, тогда вспоминал будущую муку и огонь неугасимый, моля Господа нашего Иисуса Христа и Его Пречистую Матерь о избавлении от него.

Приходящих к нему пользы ради и совета духовного братий принимал с любовью. Беседа же его была простая. Он мало беседовал от книг. А когда и говаривал, то с крайним смирением, как бы ничего не знающий; а более говорил о добродетельных старцах и о благих монастырских уставах (обычаях). Особенно любил рассказывать нам (ученикам своим) о старце своем Паисии, архимандрите Мол-

довлахийской Нямецкой обители, что он был муж добродетельный и премудрый в слове и разуме духовном, что имел дарование слез; и когда, бывало, брат какой придет к нему пользы ради, то он станет его утешать, — сам плачет и брата приведет в слезы. И о прочих добродетельных старцах сказывал.

Когда же приходили люди мирские, он говаривал о Царствии Небесном, о будущей муке и о милосердии к нищим, и что сия жизнь дана на взыскание будущей, и с таким смирением и любовью говорил, что умилительно было на его лицо смотреть, и слова его касались многих сердец, а особенно, кто приходил с верою. Также немало соболезновал он о раскольниках; многих из них молил и уговаривал, чтобы оставили свое заблуждение; и благодатию Божиею некоторые приходили в чувство и обращались к Православной Церкви. В свободное же от молитвы и приема посетителей время занимался выписыванием из отеческих книг душеполезных наставлений с намерением впоследствии собрать и расположить их по предметам их содержания, как пишется, например, свод текстов об известном предмете, но за смертью не успел окончить сего предприятия”.

Прервав здесь очерк жизни старца Афанасия, где далее говорится уже о его кончине, присовокупим в дополнение следующее важное обстоятельство. Занимаясь в Нямецкой обители, по благословению старца Паисия, выписками из отеческих и церковных учительных книг — о молитве, смирении, терпении, послушании, любви и прочих христианских добродетелях, о стяжании которых он имел всегдашнее попечение, старец о. Афанасий имел у себя верные списки всех письменных трудов приснопамятного своего старца Паисия: книгу высокого учителя внутренней жизни св. Исаака Сирина, исправленные старцем Паисием древние славянские переводы писаний: преподобного Макария Великого, св. Иоанна Лествичника, св. Варсануфия, Фалассия и св. Симеона Нового Богослова (12 слов) и стишную книгу, и им самим переведенные писания: Максима Исповедника слово по вопросу и ответу, огласительные слова Феодора Студита, жизнь Григория Синаита, слова Григория Паламы и некоторые другие.

Сего написанного о старце схимонахе Афанасии достаточно, чтобы показать, как полезно было для о. Макария почти десятилетнее сожительство его с таким старцем. Это — добрая ветвь доброго корня, один, как выше сказано, из сонма учеников великого старца Паисия. Его кротость, смирение, детское незлобие и простота служили живым образцом для молодого иеродиакона о. Макария к подражанию, поучали без слов; а слово простое, растворен-

ное любовью и смирением, назидало во время мира душевного и утешало во время находивших скорбей. Отеческие же писания в рукописях старца Афанасия поистине составляли пищу для боголюбивой души его ученика.

По благословению своего старца и любознательности он с горячим рвением принялся утолять свою духовную алчбу и жажду внимательным чтением и трудолюбною перепискою этих рукописей, выучившись нарочито для сего уставному письму. Глубоко печатлелись на чистом сердце и в памяти юного инокa слова писаний святоотеческих, над которыми проводил он многие бессонные ночи. Все же это, как показало время, было промыслительно. Приобретение верных списков с переводов старца Паисия послужило впоследствии к изданию этих переводов на пользу общую; а усвоение и сохранение восприимчивою памятью о. Макария изречений и мыслей из отеческих писаний принесло сторичный плод, когда Промысл Божий вызвал своего избранника на служение душевной пользе многих.

Но чем более углублялся любомудрый юный инок в чтение святоотеческих писаний, тем более возгоралась в нем ревность достигнуть желаний края — духовного делания, научиться умной Иисусовой молитве. Так называется молитва, непрестанно совершаемая умом в сердце. Старец его, схимонах Афанасий, имея запрещение от своего великого старца Паисия касаться сего высокого делания, проходил, по его наставлению, лишь устную Иисусову молитву; а притом, как выше было замечено, по глубокому своему смирению, не любил говорить от книг. Следовательно, любознательность о. Макария не могла быть удовлетворена с этой стороны. Те же самые писания показывали, что одному, без наставника, заниматься этим деланием опасно, ибо легко можно повредить себе. Оставалось ожидать благоприятного случая для сближения со старцами, которые стяжали сей дар по преемству от других опытных наставников.

В 1817 году 27 мая о. Макарий был рукоположен преосвященным Досифеем во иеромонаха. Ему тогда шел 27-й год.

В 1818 году в Площанской пустыни последовала перемена. Место доброго и болезненного настоятеля о. Павла, уволенного по собственному его прошению на покой в Калужский архиерейский дом, занял ученик старца Василия Кишкина, строитель Белобережской пустыни, тоже добрый иеромонах Серафим. Ему позволено было взять из сей пустыни в Площанскую около десяти человек братии для улучшения в оной церковного дела и вообще порядка в обители. о. Серафим, как человек жизни духовной, был добрым наставником

и отцом для братии. Он переменял бывшее до него в Площанской пустыни при церковных богослужениях столповое, или знаменное, пение на киевское, заведенное в Белых Берегах схимонахом Феодором, и установил большее благоустройство по монастырю и по трапезе. В его время в пустыни собралось до ста человек братий. Он вел жизнь трезвенную, в разговорах был приветлив, нравом кроток и тих.

Эти благие перемены по обители и введение лучшего во всех ее частях благоустройства встретили большое сочувствие во всех благонамеренных братиях, в том числе и в о. Макарии. Сложив с себя по слабости здоровья 5 августа 1818 года должность ризничего, о. Макарий продолжал помогать в письмоводстве и вообще неутомимо трудился в пользу обители, помогая то опытными советами, то личным трудом. В храме Божием при службах церковных он постоянно участвовал в пении и чтении и, как знаток церковного пения, принял деятельное участие при введении в обители киевского напева, находя его вполне соответствующим настроению своего пустыннолюбивого духа. Как за эти труды, так и вообще за усердное прохождение разных послушаний о. Макарий, по представлению нового о. настоятеля, в 1819 году 8 июня, во время посещения обители новым Орловским архипастырем Ионою, был награжден набедренником.

В то же время новонагражденный иеромонах испросил у преосвященного дозволение и благословение еще сходить на поклонение Киевской святыне. По рассказу остававшегося в живых спутника его (впоследствии доживавшего свой век в Оптиной Пустыни) иеродиакона Палладия, о. Макарий совершил и этот путь в оба конца пешком, с посохом странника и в самой убогой одежде. В Киеве он пробыл десять дней, был утешен приветливостью наместника лавры, архимандрита Антония*, и служил Литургию в Дальних пещерах.

На обратном пути из Киева вместе с о. Палладием зашли они в Глинскую пустынь. Здесь о. Макарий познакомился и вошел в близкое духовное общение с одним из учеников настоятеля сей обители, игумена Филарета, — иеродиакonom Самуилом, который был делателем умной молитвы, проходя оную под руководством некоего старца, ученика Феодосиева (архимандрита Софрониевой пустыни). Три дня, сказывал о. Палладий, провели они за книгой св. Исаака Сирина, беседуя всласть о внутренних деланиях духовной жизни. Но, судя по некоторым впоследствии намекам о. Макария,

* Скончался в сане архиепископа Воронежского и Задонского.

можно с достоверностью полагать, что прохождение умной молитвы по степени тогдашнего его духовного возраста было преждевременно и едва не повредило ему. Стяжав впоследствии мать дарований духовных — смирение и оградив им высокое делание умной молитвы, старец предостерегал всех, относившихся к нему, от занятия сим высоким деланием прежде очищения от страстей, указывая всем как на верное оружие против врагов невидимых и собственных страстей и помыслов греховных на молитву Иисусову, только **произносимую устами** со вниманием и усердием или, по выражению епископа Игнатия Брянчанинова, с участием сердца. Предостережение это, оправданное многими опытами во время продолжительной духовной деятельности старца Макария на людях, повредивших себя самочинным (без опытного руководителя) и преждевременным упражнением в умной молитве, плодов которой, по слову св. Исаака Сирина, и проходящие правильно оную достигают едва один от тысячи, побудило старца незадолго до своей кончины составить основанное на учении св. отцов и лично известных ему опытах наставление читающим духовно-отеческие книги и желающим проходить умную Иисусову молитву*.

В 1824 году иеромонах Макарий ездил в Ростов Ярославской губернии на поклонение мощам святителя Димитрия, Ростовского чудотворца. В эту же поездку он посетил в первый раз Оптину Пустынь и новоустроенный при ней пустынный скит, который впоследствии приютил его в своих стенах и в свою очередь был обязан ему многим.

В 1825 году скончался старец о. Афанасий, в котором о. Макарий видел живой образец всех христианских добродетелей. “За таковое его житие, — продолжим теперь очерк его жизни словами неизвестного автора, — а паче по Своей благодати, милостивый Бог удостоил старца блаженной кончины. 11 октября 1825 года он заболел и в сей болезни три раза приобщался Св. Таин. 16 числа осoboрован маслом и приобщен, а в последний раз сообщили его в самый день кончины 17 числа. Болезнь его была грудная водяная. Скопление мокрот усиливало страдания, но пред кончиной они прекратились. И старец при конце воскресной вечерни, по прочтении отходной, мирно предал свою праведную душу в руке Божии, скончавшись на руках своего ближнего ученика иеромонаха Макария, который с ним жил и по вере своей много воспользовался примером его богоугодной жизни, исполненной любви и смирения”.

* Наставление это смотри в приложении.

В следующем 1826 году скончался и настоятель пустыни о. Серафим. На место его преосвященный Орловский Гавриил назначил в должность строителя Площанской пустыни своего эконома (взятого в архиерейский дом из братства той же пустыни) иеромонаха Маркеллина. Но и после сего назначенный новый о. настоятель более двух лет жил в Орле, правя экономскую должность, а пустыню управлял казначей иеромонах о. Анатолий.

Между прочим, в год кончины строителя о. Серафима, 10 июня, иеромонах Макарий назначен был благочинным своей обители. И в этой должности он усердно помогал новому о. строителю Маркеллину в управлении обителью почти до самой предсмертной его болезни, которая началась в декабре 1831 года.

В 1827 году 30 января иеромонаху Макарию прибавилась еще другая должность. Он был определен духовником Севского Троицкого женского монастыря. Это назначение было началом нового периода его духовной деятельности, которая кончилась вместе с его многотрудною жизнью. С этого же времени началась и его духовная переписка, продолжавшаяся также до начала его предсмертной болезни. Итак, не сам он признал себя довлеющим к прохождению многотрудной обязанности духовного наставника; но, будучи призван к сему волею своего архипастыря, не мог не видеть в этом обстоятельстве Божия призвания. Мыслию о сем призвании свыше он укреплял себя в многообразных скорбях, соединенных с этою обязанностью.

Как высоко понимал и с каким искусством и терпением, мудрою снисходительностью и неуклонною твердостью проходил старец эту обязанность, лучше всяких слов свидетельствуют его духовные письма как к своим духовным детям, так и ко всем, искавшим помощи и опоры в его духовных советах. О достоинстве этих писем будет сказано далее в своем месте.

Глава IV

Прибытие в Площанскую пустынь духовного старца о. Леонида. Сближение с ним о. Макария. Деятельность сего последнего в Площанской пустыни и его переход в Оптинский скит

ы видели, что о. Макарий по своей ревности к иноческой жизни еще в начале сего спасительного пути достаточно познакомился с писаниями св. отцов-подвижников и вполне воспользовался назидательным примером благочестивой жизни своего покойного старца, схимонаха Афанасия. Но справедливость требует заметить, что старец Афанасий, “прост сый”, не мог удовлетворить вполне любознательного своего ученика разрешением вопросов, невольно возникавших в его проницательном уме, обогащенном знанием отеческих писаний. Важная обязанность духовника породила еще более вопросов, которые требовали советов опытного старца. Скорбя о своем духовном сиротстве, о. Макарий после кончины схимонаха Афанасия усилил свои молитвы к “Богу разумов”, чтобы Он благоволил послать ему наставника с даром духовного рассуждения, который управлял бы корабль души его для дальнейшего безбедного плавания. И вот 6 октября 1828 года прибыл в Площанскую пустынь уже давно известный старец высокой духовной жизни иеромонах Александро-Свирского монастыря Леонид (в схиме Лев). По выходе из своей обители с намерением поместиться в Оптиной Пустыни Калужской епархии он предварительно отправился для богомолья в Киевскую лавру; но на возвратном пути, сначала, может быть, даже мимоездом, прибыл в Площанскую обитель.

Прибытие сего великого старца, без сомнения можно сказать, было ответом на усердную молитву иеромонаха Макария. Так точно воззрел на это и сам о. Макарий. Считая прибытие этого человека в столь важное для него время за утешение, посланное ему Промыслом Божиим в его скорби, он поспешил воспользоваться сим утешением, сколько было для него возможно, и немедленно

вошел в тесное сближение с этим опытным в духовной жизни наставником и окрепшим в борьбе с многоразличными искушениями вождем иноков, который по тому самому мог и искушаемым помогать.

Сближение это имело важное влияние на всю дальнейшую жизнь о. Макария. В о. Леониде он нашел именно то, чего так долго алкала душа его, — мужа того духовного разума, который, по слову св. Исаака Сирина, есть порождение искушений*, мужа с даром духовного рассуждения, по силе коего он удобно и легко решал недоумения и преподавал полезные советы всем, обращавшимся к нему с верою и смирением. Не менее того и о. Леонид рад был встретить столь даровитого и так хорошо подготовленного к восприятию особых благодатных дарований инока в лице о. Макария, который с этих пор и предал ему себя на всю свою последующую жизнь в полное послушание, несмотря на то, что и сам уже был в преполовлении лет иноческого пути. Вероятно, в это самое время о. Макарию, как уже подготовленному деятельными добродетелями к высокодуховной жизни, и преподано было о. Леонидом таинство высокой Божественной умно-сердечной молитвы.

Между тем, ученики старца Леонида, остававшиеся в Александро-Свирском монастыре, как надо полагать, узнавши о водворении его в Площанской пустыни, поспешили также перебраться к своему духовному отцу и наставнику. Впрочем, старец Леонид недолго прожил в Площанской пустыни — всего полгода. Отчасти некий в сей обители разлад в жизни духовной, а главная, кажется, причина — это давнее намерение старца поместиться на постоянное жительство в Оптиной Пустыни — заставили его в апреле 1829 года со всеми своими учениками перебраться в Оптинский новоустроенный уединенный скит. Можно думать и то, что о. Макарий, проводши в духовной науке полгода под личным надзором старца Леонида, теперь уже не имел крайней нужды в его личном присутствии и по отбытии старца в Оптину обитель продолжал довольствоваться духовным общением с ним уже посредством переписки.

После о. Леонида прибыл из Глинской пустыни в Площанскую упомянутый выше старец о. Василий Кишкин и по убеждению своих учеников водворился в этой обители на постоянное жительство с намерением здесь окончить скитальческие дни свои. Он и улучил желаемое, скончавшись мирною кончиною в ноябре месяце 1831 года. Благовременно было прибытие духовного мужа, старца Василия, в Площанскую пустынь, так как оно не могло не пролить

* Слова св. Исаака Сирина. Слово 74.

духовного утешения в душу о. Макария, лишившегося личного спребывания со старцем Леонидом, к которому он расположился всей любящей своей душою.

Деятельность о. Макария теперь все более и более расширялась. В своей обители он, по рассказам упомянутого выше иеродиакона Палладия, пользовался всеобщей любовью, многим помогал духовными советами, а вне своего монастыря, кроме духовных советов, принимал участие, хотя поневоле, и в хозяйственных делах. Насколько проницателен был ум о. Макария и обстоятельны его советы, приведем следующий тому пример. Молодой человек из дворян, Николай Петрович Демутье*, служивший несколько времени в военной службе, прибыв в Площанскую пустынь, немедленно познакомился с о. Макарием и так расположился к сему опытному в духовной жизни старцу, что отдал ему себя в полное послушание. о. Макарий поместил нового послушника подле своей келлии. Послушание его состояло в келейных послугах старцу и канонаршестве. Но вскоре враг спасения нашего смутил нового пришельца. По его внушению, Николай Петрович задумал оставить обитель и старца-руководителя; под предлогом богомолья он стал проситься в Воронеж для поклонения новоявленному тогда чудотворцу святителю Митрофану. Опытный старец о. Макарий и другие иноки, видевшие тут вражие искушение, долго уговаривали его остаться в обители. Но когда убеждения их остались безуспешными, то благословили его отправиться в Воронеж и даже дали ему лошадь и кучера, чтобы подвезти его до города Орла. Собрав все свои небольшие пожитки в дорожную сумку, не исключая и свидетельства об отставке от военной службы, Николай Петрович отправился в путь. Но не успел он отъехать от монастыря и восьми верст, как постигло его горе. Лошадь без всякой видимой причины с испугу бросилась в сторону и, выбросив седока с кучером, помчалась вперед одна. Кучер бросился догонять лошадь, а Николай Петрович принужден был тою же дорогою вернуться назад в монастырь. Настал вечер. И путешественнику пришлось идти пешком уже ночью со слезным раскаянием, что не послушался совета своего доброго старца о. Макария и других иноков остаться в обители. К полночи дошел он до монастыря и ночевал на монастырской гостинице. К довершению горя Николая Петровича на другой день утром оказалось, что кучер с лошадью в монастыре, а котомка его пропала. Видя в этом событии явное наказание Божие за ослуша-

* Впоследствии архимандрит Никодим, настоятель Малоярославецкого Николаевского монастыря в Калужской епархии. Скончался 7 февраля 1864 года на 65-м году жизни.

ние и непокорность старцам и за неблаговременную отлучку из обители, Николай Петрович усердно испрашивал у старцев себе прощения. Между прочим, он много беспокоился о потере своей сумки, в которой хранилось выданное ему свидетельство об отставке. Добрые и истинно чадолюбивые старцы вместе с о. Макарием старались всячески успокоить и утешить его. Того же дня к вечеру явился в монастырь из находящейся вблизи монастыря деревни крестьянин и объявил, что он поднял в лесу кожаную котомку, которую и принес в монастырь, спрашивая, не найдется ли в нем ее хозяин. Таким образом, Николай Петрович, по милости Божией и по молитвам старца Макария с прочими площанскими старцами, неожиданно и притом вскорости получил все потерянное и усердно возблагодарил за сие Премилосердного Господа, а также и доброго бескорыстного находчика*.

Вследствие посторонних хозяйственных дел, в которых о. Макарий по необходимости принимал участие, ему приходилось иногда не на короткое время оставлять свою обитель и жить на стороне. Так, большую часть лета 1831 года он провел в Севске, будучи назначен, по распоряжению преосвященного Орловского Никодима, членом комитета по постройке Севского училищного корпуса, а по званию духовника Севского женского монастыря — членом другого комитета по построению вокруг означенного монастыря каменной ограды. Но он весьма скучал этим не сродным его духу занятием, выражаясь в письмах к старцу о. Леониду, что “завязался комитетами”.

Скуки или скорби душевной вскоре еще более прибавилось о. Макарию, когда последовало для него новое назначение. В октябре того же 1831 года преосвященный Никодим, отправляясь на чреду в Святейший Синод, вовсе неожиданно вызвал о. Макария в Орел и взял с собою в Петербург в должность казначея и эконома**. По пути из Орла в Петербург о. Макарий заехал в Оптину Пустынь, находящуюся по-тогдашнему в полуверсте от большого киевского тракта, на прощание и для совета со своим духовным наставником и другом старцем Леонидом. Весьма он был утешен этим личным

* Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. Издание Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, февраль 1907 г., под заглавием: “Архимандрит Никодим, настоятель Малоярославецкого Черноостровского Николаевского монастыря”.

** Вместе с о. Макарием поехал ученик его, живший с ним в Площанской пустыни более 13 лет, монах Иоанникий, родом из московских мещан. В 1844 году, уже бывши иеромонахом, он перешел из Площанской пустыни в Сергиевскую, что близ Петербурга; но отсюда опять возвратился в Площанскую пустынь, где и скончался, постриженный в схиму с именем Игнатия.

свиданием со старцем, что можно видеть из следующего писанного к нему о. Макарием письма от 23 октября 1831 года, через два дня по приезде в столицу: “Ваше высокопреподобие! Достопочтеннейший и любезнейший батюшка о. Лев (схимническое имя) с возлюбленными о Христе братьями! Радоватися и здравствовать желаю! Хотя малое время сподобил меня Господь быть у вас и видеть вас; но я и сие приемлю за неизреченную ко мне милость Божию и благодарю Его благодать. Молю, да и впредь сподобит меня, не только временно, но и всегда быть при вас и вашими молитвами и наставлениями устроить мою жизнь. Приношу вам чувствительную мою благодарность за отеческие ваши ко мне милости и любовь, явленные и ныне являемые. По отъезде от вас путешествие наше продолжалось весьма медленно и с большою скукою по причине суровой погоды. Наконец, 21 октября достигли царствующего града С.-Петербурга, где нашли архипастыря своего, нас ожидающего, который объехал нас в Твери, чего мы тогда не знали, но после уже на дороге узнали. В Москве мы пробыли сутки; были в соборах у св. мощей. По приезде сюда, на другой день были в Невской лавре, и св. мощам св. Александра Невского сподобился прикладываться. Был у о. И...ия; братским его расположением и любовью много доволен; расстояние не позволяет часто иметь свидания, а при том моя обязанность и не своя воля. Более не имею ничего сообщить, как только опять обращаюсь к немощам своим: вижу себя весьма неспособна к распоряжению по части экономической, а паче, когда все еще не устроено; и что будет далее со мною, не знаю; но буди воля Божия! Пошел сюда я не по своей воле и не ради почести или других видов, но единственно за послушание. Хотя в чем окажусь неспособным, и ежели освободят от сей должности, то и в сем Промысл Божий к лучшему ведет”.

В последующих письмах из Петербурга к старцу о. Леониду о. Макарий постоянно выражал скорбь души своей о лишении пустынного жителства и о тяжести постоянного пребывания в молве и попечениях града, столь несходных с его духовным устроением. “Почтеннейший батюшка! — писал он в письме к старцу от 2 июня 1832 года. — Хотя и писал вам, что милосердием всемогущего Бога, за молитвами вашими, ничего особенного не случилось, но, впрочем, почти ежедневно случаи бывают причиною смущений и скорбей, которых всех описать никак невозможно. А сверх того лишение мест пустынных, образа жизни и чина монастырского наносит томность и унылость. Также худое мое устроение, леность к молитве и ревность на разрешение, — все сие наносит скорбь и тягость

душе*. Я полагаю, что все сие устроил и попустил так Господь за мои грехи. За все оное, от Промысла Божия со мною творимое, должен немолчно благодарить Бога; но нахожу в себе немощь, а смирения не имею”.

В другом письме от 30 июня того же года о. Макарий еще сильнее выражает чувства невольной скорби, с одной, и глубокого смирения — с другой стороны. “Вы, батюшка, от преизбытка преизливающейся в вас отеческой любви утешаете меня, не видя вполне худого моего устроения, которое все подробно описать не могу, а разве некоторую малейшую часть. Вы изволите писать, что я не по собственному предложению здесь нахожусь. Это действительно так, а за послушание. Но сего последнего вижу себя неисполняющим, а много прекословящим и отрицающася, почитая оное для себя неместным, и не терплю со смирением укоризны. Я вам уже изъяснял, что далек от Акакиева устроения”. Всего изъяснить на бумаге не могу; но я должен всегда находить в себе вину, а этого нет. Но и в сем, может быть, Промысл Божий действует непостижимою нам премудростию к пользе. То есть: ежели бы иначе было, то еще бы хуже был... Помолитесь, батюшка, да исправит Господь путь мой пред Ним и дарует прочее дней живота моего время перейти безмятежно в истинном покаянии — в таком месте, где Его святой воле будет угодно...”

Призирающий свыше на смиренных сердцем Господь внял скорби и усердной молитве верного раба Своего. Такое место уже было уготовано для него, по судьбам Промысла Божия, в награду за безропотное претерпение скорбных искушений, о которых он с таким смирением намекал лишь в своих письмах к старцу Леониду.

21 октября 1832 года о. Макарий уволен был от казначейской должности, пробыв в ней с год времени. На возвратном пути из Петербурга он имел утешение проездом через Москву быть в Новоспасском монастыре у старца иеромонаха о. Филарета. Его духовная беседа и глубокий разум, проникнутые силою и светом благодати, и его любовь навсегда запечатлелись в благодарной памяти о. Макария. А проезжая мимо Оптиной Пустыни, он опять постарался видеться с о. Леонидом, у которого теперь уже испросил благословение, а также и согласие о. строителя Моисея на принятие его в скит, состоящий при Оптиной Пустыни. о. Макарий подал прошение о сем о. строителю, прося его дать оному ход, когда найдет сие удоб-

* Очевидно, что старец выражается так о себе по глубокому своему смирению, будучи развлекаем внешними попечениями по должности.

** Преподобный Акакий — пример беспрекословного послушания. См. о нем в Лествице, слово 4, глава 110.

ным; а сам отбыл в Площанскую пустынь и, предавшись воле Божией, спокойно ожидал, что речет о нем Господь.

Между тем, смиренный, бегавший славы человеческой о. Макарий представлен был в числе трех кандидатов к занятию должности строителя Площанской пустыни. Ибо о. Маркеллин, заболев в декабре 1831 года, оставался больным почти в течение трех лет, до самой своей кончины, последовавшей в 1834 году. Но о. Макарий, испытав на себе всю тяжесть должностных скорбей, не желал этого назначения; ибо в мыслях своих уже решился жить и подвизаться вместе со своим старцем о. Леонидом в одной обители и во всем подчиняться его воле и руководству. “Вы изволите, батюшка, писать, — выражался он в одном из своих писем к старцу Леониду по возвращении в Площанскую пустынь, — что чувствам вашим не извещается, чтобы я был отсюда отпущен. О сем ничего не смею сказать; а токмо имею истинное желание быть при ногу вашей, прочее оставляя на волю Всеведущего Бога. Ежели это случится, то, верно, за мое недостойнство, в наказание меня. Но не ведая судеб Божиих и будущего о нас Промысла, должен повиноваться воле Его святой, хотя и не без прискорбия по немощи нашей. Что ж касается до начальства, то всячески я спокоен в этом нахожусь, зная, какое имеют в Орле о худом моем устроении мнение. Да и оное представление кандидатов... молчит. При том же и наш о. строитель не теряет надежды быть еще правителем. Я слышал это и со своей стороны от души желаю ему быть здоровым и управлять обителью”.

В марте месяце 1833 года получил о. Макарий уведомление от старца Леонида, что дело его о переходе из Площанской пустыни в Оптину пошло в ход. В ответ на сие известие о. Макарий в письме к старцу от 11 апреля 1833 года выразил свою радость в следующих словах: “Премилостивое отеческое ваше писание, от 23 числа марта пущенное, много меня утешило, как по отеческой любви вашей ко мне, так и по известию о пошедшем в ход моем деле... Но как устроит Господь, да будет Его святая воля. Хотя я и многогрешен, но уверяю себя в покров Пречистой Богородицы — всем грешным предстательству и спасению. Ожидаю, что устроит Господь Ее святыми молитвами на пользу души моей. Я к вам писал от 22 марта, что располагал проситься в Воронеж для богомолья, но, получив ваше письмо, уже нельзя было пускаться с прошением к архиерею, — оставил. Буду ожидать, как Господь устроит. Можно и тогда побывать”. Дело о. Макария тянулось почти целый год, и только 14 января 1834 года получил он столь вожеленный для него указ о своем перемещении из Площанской в Оптину Пустынь. Слезно простился

он с обителью, под сению которой прожил 23 года и три с половиной месяца, и, воздав благодарение Царице Небесной, покрову Которой вручал себя в этом деле, поспешил на соединение с любвеобильным старцем Леонидом. Но и расставшись со своею родною обителью, о. Макарий до самой кончины своей сохранил благоговейное воспоминание о ней и любовь, что нередко выражал словесно и письменно. Так, например, писал он к одной из своих духовных дочерей от 18 июня 1843 года: “Я рад, что ты побывала в Площанской пустыни. Я ее сам очень люблю. Да как и не любить, 23 года проведши? А икона Царицы Небесной пречудной и неизреченной доброты! От одного на нее зрения нельзя не прийти в умиление. Я переселился оттуда хотя и по своей воле, но не усиленно того требуя, и, предавшись Промыслу Божию, и желая воспользовать душу мою через батюшку о. Леонида, и, благодаря Бога, доволен здешнею жизнью; а как дальше будет, одному Богу известно”.

Глава V

Взаимные отношения старца о. Леонида и о. Макария

Макарий из Площанской пустыни в Оптинский скит прибыл 5 февраля 1834 года, начальником коего в то время был иеромонах Антоний (Путилов), родной брат настоятеля Оптиной Пустыни строителя (впоследствии архимандрита) Моисея. О. Макарию теперь было уже 45 лет от роду.

Выше мы видели, что еще с 1826 года на него возложена была орловским епархиальным начальством должность духовника Севского женского монастыря; и потому многие уже давно имели его своим наставником и пользовались его духовными советами. А он, смиряясь и вменяя себя ни во что, бегал славы человеческой, ища как особой чести и отличия быть “при ногу” другого старца, а улучив желаемое, явил в себе черты истинного послушания.

С самого прибытия в скит о. Макарий жил здесь весьма скромно, ничем не отличаясь от прочих братий: ходил вместе с ними к старцу Леониду на вечерние правила, довольствовался общею братскою трапезою и обычною для всех пустынников одеждою. Сначала он помогал старцу лишь в его обширной переписке с лицами, просившими у него духовных советов и назидания; но с течением времени деятельность его стала более и более расширяться.

В 1836 году по воле калужского епархиального начальства, вследствие запутанных обстоятельств*, старец о. Леонид переведен был из скита в монастырь. С великою скорбью и слезами проводила его скитская братия, как единоклубная семья, у которой отнимали родного отца. Неизвестно только, как взглянул на это обстоятельство о. Макарий. Может быть, он этим менее других был опечален; так как во всех обстоятельствах, и своих, и чужих, он давно уже привык видеть волю Божию и беспрекословно повиноваться пекущемуся о всех нас Промыслу Всевышнего. При том же скит от монастыря находится не в дальнем расстоянии — всего с четверть

* Подробно сказано о сем в жизнеописании старца о. Леонида (в схиме Льва). Издание Оптиной Пустыни.

версты; а потому о. Макарий мог видаться со старцем Леонидом во всякое время.

В том же 1836 году в октябре месяце о. Макарий указом Св. Синода определен был братским духовником в Оптиной Пустыни. Отношения его к старцу Леониду через это нисколько не изменились. По-прежнему он находился у старца в полнейшем беспрекословном послушании: ежедневно ходил к нему в монастырь — то приносил для подписи приготовленные им к почте письма, под которыми старец по смирению подписывался совместно с ним, то просил совета и разрешения каких-либо недоуменных вопросов относительно духовнической обязанности. Так продолжалось с небольшим три года. После того положение о. Макария по внешности еще несколько изменилось. Начальник Оптинского скита иеромонах Антоний по распоряжению высшего начальства определен был настоятелем Малоярославецкого Николаевского монастыря в Калужской епархии с возведением его в сан игумена. А обязанность управлять Оптиным скитом с 30 ноября 1839 года возложена была на о. Макария. Но и эта оказанная ему начальством честь вместе с умножившимися трудами нимало не изменила его отношений к старцу Леониду. Слово **начальник** не слышалось в устах смиренного подвижника. Будучи исполнен веры и любви к старцу, о. Макарий ничего не делал без его спроса и благословения; и, по смирению своему, весь успех своих начинаний и дел приписывал тайно и явно молитвам, советам и благословению своего духовного отца и наставника. А потому и Господь, призирающий на смиренных, благословлял труды его. Вообще говоря, до самой блаженной кончины старца Леонида о. Макарий пребыл одним из усерднейших учеников его, неизменно верным благому для произволяющих игу послушания.

Со своей стороны, и старец о. Леонид после своего невольного перемещения в монастырь до самой предсмертной своей болезни не прерывал общения с любимым им скитом и с новым скитоначальником о. Макарием. Еженедельно по субботам и воскресным дням он продолжал, доколе позволяли ему силы, ходить в скитскую церковь для слушания Божественной Литургии; а после обедни обыкновенно заходил в келлию о. Макария. Туда же собирались и прочие скитские старцы для духовной беседы со своим духовным наставником. А иногда и бывшие у обедни светские лица из дворян и купцов, зайдя на чашку чая к начальнику скита и застав у него духовную беседу, становились слушателями и участниками оной, к душевной своей пользе.

И не только старец Леонид не прерывал общения со скитом и скитона начальником о. Макарием, но в отношении последнего и сам являл со своей стороны смирение. Встретившись в Площанской пустыни с о. Макарием, старец о. Леонид, как замечено выше, рад был сблизиться со столь даровитым и искусным иноком и по переходе его в Оптинский скит смотрел на него не как на ученика, а как на своего сотрудника, спостника и друга духовного. И только уступая его нелицемерному смирению и постоянству, решился обращаться с ним как с присным и возлюбленным о Господе сыном и учеником.

Больше всего старец о. Леонид обнаруживал свое смиренномудрие и свое уважение и любовь к о. Макарию в том, что приблизил его к себе и сделал своим помощником, разделяя с ним труд духовного окормления братий и посетителей. В последние пять лет своей жизни старец о. Леонид желавшим пользоваться его руководством большею частью благословлял обращаться вместе с тем и к о. Макарию и открывать ему все, что открывали самому о. Леониду. Со своей стороны, и о. Макарий, когда узнавал от своих духовных детей что-нибудь касающееся до них важное, всегда спрашивал, объясняли ли об этом старцу Леониду, и если не объясняли, то отсылал к нему для объяснения. Таким образом, душа каждого из относившихся к ним была равно открыта пред обоими старцами, и оба они одинаково знали все обстоятельства своих духовных детей. Если кто, исповедавшись у о. Макария, приходил принять благословение у старца о. Леонида, то старец, имевший дарование открывать и напоминать забвенные грехи, спрашивал, говорили ли то или другое о. Макарию. И если не говорили по забвению или по какой-либо другой причине, то посылал опять к нему для объяснения невысказанного. Когда спрашивали о чем-либо о. Макария, он без старца о. Леонида не давал никакого решения. Также и старец без о. Макария ничего не решал и в подобных случаях говаривал: “Подождем; придет о. Макарий, вместе поговорим”.

Умилительно было видеть такое единодушие и взаимную любовь двух старцев. “Бывало,— рассказывала духовная дочь о. Леонида и о. Макария, бывшая впоследствии настоятельницей Белевского женского монастыря, игумения Павлина,— бывало, говоришь с о. Леонидом, входит о. Макарий. О. Леонид говорит ему: “Батюшка, поговори-ка с ней, ей нужно тебе кое-что объяснить”. Или, бывало, сидят они, как Ангелы Божии, рядом, а мы стоим пред ними на коленях и двум открываем свои души, как бы одному. И никогда не разделяли их и не делали между ними никакого разли-

чия. Поистине в них *бе сердце и душа едина* [Деян. 4,32]. Потому, — прибавляла рассказчица, — когда скончался о. Леонид, хотя мы и скорбели о нем, но скорбь наша была умеренная, так как мы лишились одной половины, а другая осталась при нас”.

Так старцы, одушевленные единомудрием и связанные взаимною духовною любовью и единомудрием, поучали своих духовных чад этим главнейшим христианским добродетелям не словом только, но более всего собственным примером, и не допускали, чтобы между ними возникало какое-либо разделение, к чему ученики по немощи человеческой нередко бывают склонны. Между духовными детьми о. Леонида и о. Макария никаких подобных разделений или партий не было. Единомудрие и единомыслие старцев отражалось и на детях их. Таким образом, в одной обители было два старца, но не было раздвоения и не терялось единство старческого окормления.

Все это показывает, что о. Макарий, будучи братским духовником и скитона начальником, теперь уже признан был от о. Леонида и старцем-руководителем других, ищущих спасения. Несмотря на это, о. Леонид, как замечено выше, уступая нелицемерному прощению и смирению о. Макария, продолжал обращаться с ним, как с учеником и, следуя наставлению св. Иоанна Лествичника, не упускал случаев доставлять искусному подвижнику венцы через испытание его терпения. С этою целью о. Леонид подвергал его выговорам и замечаниям нередко и при других, чтобы и их воспользовать его смирением. Вот примеры.

Осенью 1837 года преосвященный Калужский Николай, бывши в Оптиной Пустыни, назначил в настоятели Калужской Тихоновой пустыни одного из учеников старца о. Леонида, иеромонаха Геронтия, который, конечно с благословения старца и согласия настоятеля, взял с собою из Оптиной шесть человек братий, в числе коих был близкий ученик старца Леонида, послушник Александр, впоследствии — иеросхимонах, духовник в Киево-Печерской лавре. Тихонова пустынь была в то время в крайне печальном положении. Монастырек был маленький, во всем недостатки, все здания пришли в ветхость, и потому уже определено было эту обитель закрыть. К довершению этих неудобств назначенный в нее новый настоятель имел вспыльчивый и крутой характер. Все это тяжело отзывалось в душе послушника Александра, который, кстати сказать, был келейником у о. Геронтия, значит, самым приближенным лицом. Проводивши оптинцев в убогую Тихонову пустынь, любвеобильный старец о. Леонид не мог не сочувствовать их тяжелому поло-

жению и не принимать в них живого участия. Каждый год однажды в летнее время до самой своей кончины он посещал Тихонову пустынь и проживал там по нескольку времени. В первое лето он пробыл там шесть недель. Лишившись на такой продолжительный срок близкого общения со старцем, не привыкший к этому о. Макарий сильно заскучал своим безотрадным положением. И вот когда о. Леонид в сопровождении послушника Александра возвратился в Оптину и вошел только в свою келлию, о. Макарий вместе с прочими братьями поспешил повидаться с ним после долгой разлуки. Между тем, при входе в келлию старца он нечаянно сошелся с Александром и с огорчением сказал ему: “Вы со своим старцем (о. Геронтием) готовы там батюшку присвоить”. С тугою сердечною (так рассказывал после Александр) ответил я ему: “Батюшка! Не желал бы я от вас слышать такую несправедливость. Это по вашему с батюшкой (о. Леонидом) назначению я подчинен под старчествование о. Геронтия...” — И не мог более говорить — слезы потоком полились из глаз моих... Так мы оба вошли в батюшкину келлию. О. Макарий поклонился батюшке в ноги. Поздоровались. Но вместо братского приветствия старец о. Леонид как бы с неудовольствием обратился к о. Макарию: “А ты, брат, тут костричишься?!” Смирясь перед старцем, о. Макарий сказал: “Простите, батюшка! Это правда. Но что же мне делать? Меня одного оставили на такое продолжительное время”. Старец с укором: “Да, ты прав, как немощной; а эти люди (указывая на меня) с запасом. Их, по-твоему, можно бы и совсем оставить. Эх, какое самолюбие!” “Да простите, батюшка,— повторил о. Макарий,— потому так я и говорю, что сознаю свою немощь”. Этим сухим приемом о. Леонида на первый раз и окончилось свидание старцев после шестинедельной разлуки.

Еще: несмотря на то, что о. Макарий был братским духовником и разделял с о. Леонидом труды по старчеству, братия исповедывались у о. Макария, а для откровения помыслов ходили к о. Леониду. Вместе с прочими ходил к нему из скита и келейник о. Макария, рясофорный монах о. Иродион Пономарев (впоследствии скитоначальник — иеросхимонах Иларион). “Ходя к о. Леониду на откровение, — так передавал сам о. Иларион, — еще, бывало, пожалуйсь ему на батюшку о. Макария, и о. Леонид при мне же сделает ему выговор, для того, конечно, чтобы кротость и смирение батюшки о. Макария послужили мне примером, когда я вырасту из духовного малолетства. А я, по малой тогда духовной опытности, еще не мог понять смысла сего и доволен был, что о. Леонид батюшку о. Мака-

рия обвинял, а меня оправдывал. Так, однажды, во время моего келейничества у о. Макария, я самочинно раздал все баранки. Батюшка о. Макарий спрашивает: “Где баранки?” “Раздал,” — говорю. “Как же ты смел? Кто позволил тебе раздать?” И бранил меня за то немало. Я пожаловался о. Леониду, и он при мне же начал укорять за меня батюшку о. Макария”.

Неоднократно старец Леонид принимал вид гневающегося на о. Макария и тогда осыпал его бранными словами, вроде того: “Ах ты, дворянничко, такой-сякой!” Или иначе как-нибудь бесчестил в присутствии других. Вот один из многих тому примеров. О. строитель позвал к себе о. Макария и просил его принять от пострижения в мантию некоторых готовившихся к тому братий. Вменяя просьбу начальника в приказание, о. Макарий ответил на оную соизволением и смиренным поклонением. Придя после того к старцу Леониду, он застал сего духовного вождя по обычаю окруженного множеством вопрошавших о своих духовных нуждах и недоумениях. О. Макарий кратко поведал ему, зачем звал его настоятель. Пользуясь этим случаем доставить подвижнику-иноку венец терпения, а других воспользовать его смирением, духовно опытный старец с видом строгости спросил о. Макария: “Что ж, ты и согласился?” “Да, почти согласился, или, лучше сказать, не смел отказываться”, — ответил о. Макарий. “Да, это свойственно твоей гордости!” — сказал старец, возвысив голос, и, притворяясь гневающимся, довольно долго укорял о. Макария. А тот стоял перед старцем с поникшей головою, смиренно ему кланяясь и повторяя по временам: “Виноват! Простите, Бога ради, батюшка!” Все присутствовавшие, выкиши уважать о. Макария наравне со старцем Леонидом, смотрели на это одни с недоумением, другие с благоговейным удивлением. Когда же старец умолк, о. Макарий, поклонившись ему в ноги, кротко спросил: “Простите, батюшка! Благословите отказаться?” “Как отказаться? Сам напросился, да и отказаться? Нет, теперь уже нельзя отказываться, дело сделано!” — сказал о. Леонид, вовсе не имевший в виду лишать духовной пользы тех, которые вверялись духовному руководству опытного наставника. Цель выговора была иная: искусить смирение преуспевшего в оном старца-ученика и, как выше замечено, воспользовать через то других. И она вполне была достигнута. Ко всем таким и подобным выговорам и замечаниям старца Леонида о. Макарий не оставался равнодушным, но всячески старался обращать их к пользе своей души. Он не малодушествовал перед ними, нимало не смущался, не обижался на своего обличителя и не прибегал к самооправданию; а, напротив, держась истинного пути жизни духовной, смирялся и зазирал себя в неуме-

нии угодить любимому своему старцу, оуждая свои дарования и заслуги и через это незримо для себя самого преуспевал в боголюбезном и спасительном смирении, без коего никакими трудами и подвигами спастись невозможно. А между тем, любвеобильный старец Леонид не только отечески глубоко любил, но и сердечно уважал о. Макария, как своего друга и сотаинника, и когда то находил нужным, высказывал свои чувства в такой мере, что изумлял присутствующих и самого о. Макария, который по смирению считал себя того недостойным, относил это более к смиренномудрию старца или к тому буйству Христа ради, которым тот обыкновенно прикрывал свою духовную мудрость.

А какую любовь и почитание и вместе глубокое смирение показывал о. Макарий к старцу Леониду, когда в последние годы своей жизни старец подвергся гонению со стороны своих недоброжелателей! Весьма убедительно в одном письме он доказывал правоту старца Леонида и выказывал опасение, как бы за клевету не последовало наказание Божие клевещущим. С глубочайшим смирением испрашивал он у старца дозволение и благословение написать другому лицу письмо просительное о ходатайстве перед высшими лицами, дабы защитили его от угрожавшей ему опасности. И по получении дозволения немедленно озаботился исполнить то, чего усердно желала его любящая и смиренная душа.

И так постоянно ученик состязался в смирении с учителем. Все же ясно видели, что оба они достойны были друг друга. Семь лет, проведенных о. Макарием вместе со старцем Леонидом, миновали быстро. 11 октября 1841 года о. Леонид преставился ко Господу мирною и блаженною кончиною. О. Макарий оплакивал его потерю не менее, чем первого своего духовного наставника, схимонаха Афанасия, — ибо первый насадил, а второй укрепил в нем семена духовного ведения.

Признательный ученик и по кончине своего учителя не переставал любить его и благоговеть к его памяти. Он сам составил краткий некролог старца Леонида, написанный его собственною рукою в календаре 1840 года. Помещаем его здесь:

“1841 года, октября 11 числа, пополудни в 7 часов и 20 минут, в Оптиной Пустыни скончался достоуважаемый многими духовными и светскими особами старец иеромонах о. Леонид, а в схиме Лев, от роду 72 лет. Перед кончиною болел недель пять, в течение которого времени особорован елеем и многократно сподобился

* Пространно об этих обстоятельствах изложено в жизнеописании старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва). Издание Оптиной Пустыни.

причащаться Св. Таин, и в самый день кончины сего дара сподобился. Несколько дней перед кончиною страдал, но кончил жизнь спокойно, с упованием на милосердие Божие; до самой кончины был в полной памяти и здравом уме. И всего жития его **по исшествии из мира** было 46 лет. Родом из карачевских граждан, он поступил прежде в сию Оптину Пустынь; пробыв два года, перешел в Белые Берега, где и пострижен; выходил на время в Чолнский монастырь; потом был строителем в Белых Берегах 4 года. Отказавшись от сей должности, был на покое и перешел на Валаам, оттоль в Свирский монастырь со знаменитым о. Феодором, где сей и скончался. В 1828 году, оставя Свирский монастырь, пожил с полгода в Площанской пустыни, откуда в 1829 году перешел в Оптину Пустынь — в скит; в 1836 году взят в монастырь. Претерпел многие гонения и ложные хульные порицания, коими, яко злато в горниле, искушен; уповаем, яко наследует Царствие Небесное. Многим братиям был наставник и оставил по себе добрую память”.

Ниже в том же календаре замечено: “Сего же месяца 17 числа 1825 года скончался в Площанской пустыни схимонах Афанасий”. Это прежний старец о. Макария, вышеупомянутый схимонах Афанасий Захаров.

При жизни старца Леонида некоторые любопытствовавшие пожелали узнать от него о душевном устроении настоятеля монастыря о. Моисея, брата его, бывшего скитоначальника о. Антония и описываемого здесь иеромонаха о. Макария. Старец кратко ответил: “О. Моисей и о. Антоний — великие люди, а Макарий — свят”.

Глава VI

Душевные свойства старца Макария, приобретенные при помощи Божией его трудами и подвигами, и духовные благодатные дарования, скоро доставившие ему большую известность среди людей благомыслящих

После кончины старца о. Леонида главным старцем в Оптиной Пустыни стал скитоначальник и братский духовник иеромонах Макарий, наследник всех добродетелей и духовных дарований своего предместника.

Вера, по апостолу Иакову, от дел являемая (гл.2), вера правая, живая и непоколебимая в Господа Бога и Его всеблагое промысление о всех людях вообще и, в частности, о каждом человеке, была присуща старцу во всю его жизнь. О сем уже отчасти говорено было прежде и будет говориться дальше. Право разумея догматы нашей православной веры, изображенные в Символе веры, а также и евангельские заповеди, обетования и прещения, Правила св. апостолов, постановления св. Вселенских Соборов, великих церковных учителей и святителей с их толкованиями, а равно и учения и наставления преподобных и богоносных отцов наших, о. Макарий крепко защищал их и вразумительно пояснял истины веры и спасения, поучая соблюдать все сие и всех, духовно относившихся к нему. Соединенная с такою верою твердая надежда на неизреченное милосердие Божие и всецелая преданность во св. волю преблагого Господа неотступно сопутствовала ему во всех радостных и скорбных жизненных его обстоятельствах.

Из прочих боголюбезных качеств души старца Макария особенно выдающимся было его глубокое смирение. И поистине его самого можно было назвать воплощенным смирением. Во всех многочисленных его собственноручных письмах проглядывает эта боголюбезная черта его характера. Ибо везде в них он в полном смысле считает себя за ничто. Например, так писал он к одной особе: "Вы возлагаете обязанность (духовного руководства) на меня. Но сколь похвально ваше желание, столь трудно с моей стороны оно же исполнение. Не имея свойств на таковое дело и не видя в себе плодов духовных, чему могу других научить? Это

очень нередко меня обличает и, заключаясь в границах моего неразумия, дает видеть мое ничтожество. Слова Спасителя нашего: *врачу, исцелися сам* (Лк. 4,23) и *слепец слепца еще водит, оба в яму впадут* (Мф. 15,14) — немало меня устрашают. Привычка моя входить в излишние разговоры и суждения, может быть, нередко и неправильные, но многими непонимаемые, подают повод думать о мне то, чего не имею, и искать чрез меня душевной пользы. Хотя бы я и должен сего отрицаться; но, будучи столь слаб в своем характере, не могу отказывать и, при чувстве моего неразумия — вхожу в их положение, предлагаю от слова Божия и от учения святых отцов; и когда кто получает душевную пользу, то сие происходит действием благодати Божией, не по моему достоинству, но по вере их, им даруемую. Сие написал вам, хотя показать мое ничтожество, впрочем — совершенно в малом виде — и причину, по коей думают некоторые о мне нечто, и дабы вы знали, что я ничего не могу сам собою сделать. Просьба ваша словесная и письменная убеждает меня искать не своих си, а яже ближнего; и, забывая свою худость, по слабости моего характера, не смею вам отказать в вашем прощении. Не полагаюсь на свой разум, но на Бога, вразумляющего и бессловесных, к пользе разумного Своего создания, и искупленного кровию Сына Его, Господа нашего Иисуса Христа, Который, по вере вашей, за молитвами духовного моего отца, силен просветить слепого, показать стезю или предостеречь от стремнин, на пути сем обретающихся. Только прошу вас, и ваши молитвы присовокупите к вспомоществованию в сем высоком и важном предприятии. По скудости моего разума не взыскивайте красноречия; и ежели буду что писать или говорить, не от дел моих и не от разума, но от Писания и святых отцов учения, что Господь подаст помраченному моему уму для пользы вашей, предлагая, по слову св. Иоанна Лествичника: “Что некоторые, шедши путем и попавши сами в тину, других предостерегают, дабы опасались и не замарались тою же тиною и грязью; да чрез сие избавление их и они получают прощение грехов своих” (Степень 26, глава 14)*.

Или в письме к другому лицу старец еще сильнее выражается: “Мне-то горе, бедному! О людях рассуждаю, а сам низлежу во всех злых; и гордости не чужд. Принимаю от подобных себе слепцов убажение на свое осуждение. А ежели бы вам открыть глаза, и видели бы хотя часть некую моих злых деяний; то воззрети бы не восхотели на такое чудовище. И надобно бы было мне умолчать и внимать себе. Но не знаю, обычай ли мой лукавый или тщеславный, под видом пользы якобы ближних не допускает умолкнуть. Оставляю попечение о своей душе, простираюсь о других; и только знаю, что пишу, хотя и весьма нелегко мне сие. Не знаю, что

* Письма старца Макария к монахиням. Часть 4. Письмо 1.

будет”*. И вообще во всех своих письмах старец Макарий выставляет на вид свою якобы худость и неведение, относя все свои добродетели, как и подобает, единственно к силе и славе Божией. Смирение его также выразилось в словах и делах, а равно и во всей его внешности: виде, одежде и в каждом движении. Оно было альфой и омегой и всего его учения. Нередко можно встретить в письмах его приводимые им слова преп. Исаака Сирина о великом значении добродетели смирения. “Смирение, — говорит он, — и без дела много прощает согрешений; как, напротив, все наши дела и все добродетели без смирения суетны — не спасут нас”**.

Оберегая от кичливости одну свою духовную дочь, старец писал ей: “Пишешь: кажется тебе, что ты смиренна и терпелива. Какое наше смирение? — волчье; а терпение — гнилое”.

Не стыдился старец Макарий, по смирению своему, высказывать пред людьми свое как будто малодушие и боязнь силы бесовской. Находился он однажды, как это и часто бывало, при старце о. Леониде, когда сей последний еще был жив. Вот привели к ним обоим некую бесноватую женщину. Смело и со строгостью подошел к ней о. Леонид. Бесноватая тотчас стала неистово кричать. А старец о. Макарий, как бы из боязни, показывая вид робости и прячась за о. Леонида, говорил: “Боюсь, боюсь!..” Бесноватая же, или, вернее сказать, бес в женщине, услышав это, кричит: “Врешь, врешь! Не боишься! Уж меня-то ты не обманешь!”

По слову св. Исаака Сирина, “несть смиренномудр, точию мирный: а не сый мирен, ниже смиренномудр есть”***. А потому смиренный старец Макарий был мирен всегда и со всеми и никогда и ни на кого не скорбел, хотя бы что и претерпел от кого-либо. С каким, например, смиренным расположением сердца принимал он известие, что кто-либо отзывался о нем с худой стороны! “Слава Богу, — говорил он обычно своим ученикам, — он один только и уразумел обо мне правильно. Это Бог возвестил ему обо мне. Вы же прельщаетесь, считая меня нечто быти. Разве не помните сказанного: *Горе, егда добре о вас рекут вси человецы?* [Лк.6,26] И горе тому, чья слава выше дел его! А это духовные щетки, стирающие нашу нечистоту душевную”. Или так писал он в письме к своим севским родственницам: “Надобно пожалеть и о м.Р. И она также находится в подвиге: не победивши страстей, имеет стужение и видит себя обиженною. А в этом я ее хвалю, благодарю и отдаю честь, что она, бывши слепа и очарована, прозрела и увидела меня в таком виде, каков я есмь, — грешник. Похвалу, которую она приносила мне, обратила в укоризну и тем хотя мало облегчила тяжесть мою, которою я тяготеею, принимая ложную славу и имея имя выше дел моих”****. Словом, как преуспевший в добродетели смирения, он не только не опечаливался, а паче радовался,

* Письма старца Макария к монахиням. Часть 5. Письмо 53.

** Слова св. Исаака Сирина. Слово 46.

*** Св. Исаака Сирина слово 89.

**** Письма старца Макария к монахиням. Часть 3. Письмо 65.

слыша злословие, поношение и укоризны, и по заповеди Спасителя молился за таковых. Осуждения же кого-либо бегал, как яда змеиноного.

Это глубокое смирение старца Макария, как корень и основание всякого добра, привело к нему и весь светозарный собор евангельских добродетелей.

Любовь старца, коею он возлюбил от всей души своей паче всего Господа своего и ближнего своего, как самого себя, была поистине пламенная и деятельная. Она заключала в себе те свойства истинной любви, о которых говорит св. апостол Павел: *Любы долготерпит, милосердствует, любы не завидит, любы не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своих си, не раздражается, не мыслит зла, не радуется о неправде, радуется же о истине: вся любит, всему веру емлет, вся упоает, вся терпит. Любы николиже отпадает* (1 Кор.13, 4-8).

Исполненный такой любви, старец проливал обильно милость свою прежде всего на всех духовных чад своих, объемля их душою своею и нетесно вмещая в сердце своем. По примеру премилосердного нашего Спасителя и Искупителя, он не отвращался ни от кого, приходившего к нему и просившего милостыни духовной или телесной, и никого не отпускал от себя, не оказав по возможности внимания к его нужде. С какою, например, отеческою любовью в свое время он принял в скит и успокаивал до самой кончины одного брата, который некоторое время, по наущению вражью, злословил его и досаждал ему! Случалось еще, что иной брат в обители чем-либо немоществовал, но по его виду нельзя было считать его больным. Прочие братия обыкновенно говорили старцу: “Какой он больной? Притворяется, не хочет работать, и больше ничего”. Но любвеобильный старец в таких случаях отвечал: “Ну, а я не могу не верить”. Так, *любовь всему веру емлет.*[1 Кор.13,7]

Рассказывал о себе оптинский старожил о. игумен Марк*: “Вскоре по поступлении моем в Оптину я захворал лихорадкой. Болезнь моя продолжалась около двух лет. Больницы в то время в обители не было, и больные из братии лежали в своих кельях. Тогда я вполне убедился, какою великою, истинно отеческою любовью проникнуто было сердце старца батюшки о. Макария по отношению к братьям скита и монастыря, и в особенности больным. Несмотря на то, что к нему ежедневно приходили во множестве посетители разного пола и сословия, он всегда

* О сем передавал старец иеросхимонах Амвросий.

** О. игумен Марк, достигши в Оптиной Пустыни иеромонашеского сана, был некоторое время настоятелем Мещовского Георгиевского монастыря; а после возвратился опять в Оптину Пустынь и прожил здесь на покое немалое время. Скончался 1909 года 18 марта в преклонных летах.

находил время обойти всех больных братий и каждого из них обласкать, успокоить и утешить”.

Тот же, прибавим к сему, о. игумен Марк сказывал, что, будучи уже иеродиакonom, он стал смущаться помыслами выйти из Оптиной Пустыни; но вместе с тем, зная святость старца Макария, опасался лишиться молитвенного его предстательства пред Богом и духовного окормления. И вот однажды он объяснился в этом старцу. Тот ответил: “Если останешься на этом месте и пребудешь тут до смерти, буду ходатайствовать за тебя пред Богом; а если выйдешь куда, сам смотри!” Так о. Марк и остался в Оптиной.

Еще рассказ о. игумена Марка о том, как был снисходителен старец Макарий к немощным и падшим: “Жил во времена старчества о. Макария в Оптиной иеромонах Мелхиседек”. Вообще он был весьма исправен, но иногда подвергался страсти винопития. Несмотря на это, старец отечески поддерживал его и покрывал его своею любовию. Случилось даже однажды, что во время подпития о. Мелхиседек впал в неприличный монашескому сану проступок, который мог послужить поводом к раздражению старца. Но вместо угроз и обличений старец сам принес ему чаю и сахару, ободрил его, успокоил и, духовно восстановив, не допустил, таким образом, впасть в уныние и отчаяние. О. Мелхиседек лично рассказывал мне о сем со слезами”.

Старец Макарий хотя по смирению своему не любил высказывать перед другими своих добрых качеств, но письмоводителю его, о. Андрею Глушкову, приходилось иногда слышать из уст его такие слова: “Я всех люблю: и птичек люблю, и коровок люблю, и лошадок люблю”. Получив однажды жалобу от монастырского эконома, что посланный им на какое-то дело брат сильно утомил лошадей скорою ездою, старец сделал строгий выговор виновному, объявив все неприличие для инока ради удовлетворения своей личной прихоти или из тщеславия относиться с жестокостью к бессловесным животным, вопреки Св. Писанию, которое называет блаженными тех, кто милует и скотов. Вообще, подобно бывшему своему старцу Площанской пустыни схимонаху Афанасию, и о. Макарий показы-

* Иеромонах Мелхиседек из духовного звания, родился в 1809 году. По окончании курса в Калужской семинарии принял монашество и жил сначала в Мещовском Георгиевском монастыре; был несколько времени учителем духовного училища; а в 1842 году, вследствие каких-то неисправностей, указом Духовной консистории переведен был под надзор в Оптину Пустынь. Всегда он проявлял особенную ревность к подвижничеству, но эта ревность, по неведомым судьбам Божиим, многократно растворялась попустительною смиряющею слабостию, подвергавшую его многим стенаниям и воздыханиям, на которые наконец призрел Всеблагий Господь и даровал ему остаток дней провести в мире и отойти из сей жизни с благим упованием 22 октября 1870 года, 61 года от роду.

** Андрей Иванович Глушков — малоярославецкий помещик, впоследствии скитский иеродиакон Антоний, по случаю серьезной болезни во второй половине шестидесятых годов прошлого XIX века удалился к своим родным в город Малоярославец и там скончался; погребен в Малоярославецком Николаевском монастыре.

вал большую сострадательность ко всякой бессловесной твари. Так, в зимнее время, сожалея об остающихся без пищи птичках, старец, по своему обыкновению, приказывал келейникам сыпать для них ежедневно на приделанную извне к окну его келлии полочку конопляных семян. И довольно количество синичек, коноплянок и маленьких серых дятлов слеталось пользоваться благодеянием старца. Заметив же, что большие птицы, сойки, стали обижать мелких беззащитных птичек, зараз поедая то, что им стало бы на целый день, старец, пища нужные письма, сам по временам поднимался со стула, чтобы стуком в окно прогонять хищников. Но видя, что это не помогает, он уже велел сыпать зерна в банку, из которой мелкие птички легко могли доставать их, влетая в оную; сойкам же стало неудобно обижать их.

Тот же упомянутый здесь письмоводитель старца Глушков рассказывал: “Видя однажды, что старец особенно благодушествует, я обратился к нему с такими словами: ”Батюшка! Как бы я был счастлив, если бы Господь привел мне быть по смерти хоть в последнем уголке, только в том месте, где вы будете”. Опустив руки и обернувшись ко мне лицом, старец довольно серьезно посмотрел на меня через очки свои и наконец проговорил: “О! Желаешь? Хорошо!” Замечательно, что предсмертная болезнь о. Антония (бывшего о. Андрея Глушкова) была схожа, хотя, может быть, несколько, с предсмертной болезнью старца Макария. Так, думается, по закону правды Божией, чтобы наслаждаться в вечной жизни хотя отчасти одинаковыми со старцем Макарием благами, должно было о. Антонию хотя отчасти потерпеть и одинаковую с ним болезнь.

Продолжим речь о душевных свойствах старца Макария. Он был кроток и долготерпелив. Никогда не был он в смущении и не увлекался страстию гнева; разве только иногда оскорблялся за нарушение заповедей Божиих, памятуя слова царя-пророка: *Гневайтесь, и не согрешайте* (Пс.4,5). Обличая кого-либо, он запрещал с тихостью, наставлял и поучал с любовью, долготерпел с надеждою исправления согрешающих. Не любил старец похвал, в особенности если слышал, что его считают святым. С такими людьми он строго обращался, показывая даже вид гнева. Так, шел однажды по монастырю монах Серапион. Но вот останавливает его какой-то странник и начал рассказывать, что он был крепко нездоров; но явившийся ему во сне какой-то старец исцелил его и велел сходить в Оптину Пустынь помолиться. На вопрос, какой он видом, странник стал объяснять. В это самое время из-за Владимирской церкви показался старец Макарий, который направлялся из скита к настоятельскому корпусу. Увидев его, странник с радостью воскликнул: “Вот он! Вот этот самый!” И с этими словами хотел было подойти к нему. Но

о. Серапион, остановив странника, сам захотел передать старцу рассказ его, желая тем, со своей стороны, оказать ему честь. Пока речь шла о сильной болезни странника, старец слушал со вниманием. Но лишь дошло дело до чудесного им исцеления, старец переменял свой взор и, не дав рассказчику закончить историю, разразился над ним палочным ударом, не стал более слушать, отвернулся и ушел.

Еще подобный рассказ. Шел однажды старец Макарий по гостининому двору для обычного своего посещения прибывших богомольцев. Случившаяся тут какая-то простая старушка, почитавшая его за святого человека, положила на землю свою палочку, стала на колени и начала на него молиться. Увидев это, старец — этот добрый, ко всем благожелательный и снисходительный старец, — грозно схватив палку, несколько раз ударил ею старуху по спине. Та, забыв свою молитву и святость старца, едва успела от него. Но после эта же старушка получила от благостного старца вразумление и утешение.

Похвалу для себя старец даже называл клеветой. Так, писал он в Севск к своим племянницам: “Я не ожидал от тебя, м.Мелания, такой клеветы, какую ты меня клеветешь. Откуда ты взяла такие оскорбительные и ложные вносить на меня клеветы? Считать меня живоносным источником, точащим не знаю что такое, и последним столпом монашества оставшимся? О горе мне, грешному! Напротив, не только не столп, но самая немощная, иссохшая от греховного зноя, былинка; и не живоносный источник, а греховное благо, источающее смердячую воду. Это я вижу в себе истинно так; и неложно должно бы говорить и мыслить: *Беззакония моя аз знаю, и грех мой предо мною есть выну* (Пс.50,5). Как погляжу на прошедшее и на настоящее, только и есть греховное усыпление и нерадение. Нет, суд человеческий несправедлив, а суд Божий истинен. Ежели вы что видите в письмах моих, то сие не мое, но по вере вашей от Бога даруемое вразумление”^{*}.

Был старец Макарий и милостив. Великое милосердие являл он к бедным. Многие бедные и слабые здоровьем монахини почти содержались на его счет. Он помогал им и деньгами, и бельем, и другими необходимыми вещами. Рассказывая о старце Макарии, келейник его, вышеупомянутый о. Иродион, между прочим говорил: “О. Макарий вел себя иначе, нежели о. Леонид (его предшественник-старец). Последний действовал открыто, на глазах у всех, и не старался скрывать своих добрых благотворительных действий, а о. Макарий скрывал себя. Никогда не подавал он денег или вообще не оказывал помощи при всех открыто, но делал это всегда уединенно,

^{*} Письма старца Макария к монахиням. Часть 3. Письмо 83.

идя, например, по лесу или еще каким-нибудь способом, глаз на глаз с бедняком”. Так, бывший скитский пономарь, монах (впоследствии — иеросхимонах) Савватий передавал следующее. “Занят я был,— говорил он,— одним делом за скитскими воротами. Около скита в это время стояла какая-то бедная девочка с набранной ею для продажи земляникой. Вдруг выходит из скита батюшка о. Макарий. Завидев у бедной ягоды, он начинает с нею торговаться: ”Что просишь? Что просишь?” Та говорит: “Гривеньчик пожалуйста, батюшка”. Но батюшка, заметив, что неподалеку от него я тут нахожусь, чтобы скрыть свое добродетельное от меня, отвечает: “Дорого, дорого! Пятак, бери пятак! Больше не дам, больше не дам!” А сам сует ей в руку рубль серебряный”.

Незлобие и простота старца были поистине младенческие. Обладая такими боголюбезными качествами и вследствие этого находясь всегда в мирном душевном расположении, старец Макарий желал видеть и поддерживать мир и между присными духовными чадами своими и всячески старался искоренять немирствие, если замечал в ком. Так, например, писал он к своим севским племянницам-монахиням: “Приятно, что теперь мирно между вами. Совсем другая жизнь мирная против смущенной. Для того было и Господне пришествие, чтобы мир даровать нам. Но мы оный погубляем своими страстями, действуя оными противу естества. И знаем, что должно подвизаться против них, но при случае — все в сторону; и разум помрачается, и сила изнемогает, врагу возмущающе; а помощь Божия не действует за гордость и возношение наше. Потечем, братие и сестры; не будем тратить данного нам времени на приобретение вечного блаженства; доколе будем увлекаться страстями? Я уже не говорю о телесных потребах и немощи в служении. Это есть немощь телесная, хотя и она должна нас смирать; но о душевных страстях — гордости, тщеславии, от коих рождаются ярость, злоба, зависть, смущение, неустроение и разорение всякого порядка и благого устроения. Вот каков этот диавольский недуг! Сколько же мы имеем против оного врачевства? Но, увы! Туне оставляем и не прилагаем благовременно к язvam нашим”. Одной посетившей старца Макария монахини, неизвестно только какой и по какому случаю, он сказал: “Да благословит тебя Господь тем миром, которым Он благословил святых Своих апостолов!” “После того,— передавала означенная монахиня, — я ощущала такой невозмутимый мир и такую духовную в сердце сладость, что в продолжение целой недели я не

* Письма старца Макария к монахиням. Часть 3. Письмо 126.

знала, где находилась — на земле или на небе. Мир этот неземной и после продолжался еще с месяц, но только в меньшей мере”.

При сих, описанных здесь главных добродетелях, старец Макарий был исполнителем и всех прочих евангельских добродетелей. А укрепляла их и совершенствовала всегда сопутствовавшая им молитва. Она была у старца непрестанная. Восклищения: “Боже милостивый! Мати Божия! Иисусе мой!” и т. п., сопровождаемые вздохами, часто излетали из уст его на правиле келейном, в беседе с посетителями, за письменным столом, на пути, во время отдохновения, даже, как свидетельствовали в свое время келейники его, и во время самого сна, по слову Писания: *Аз сплю, а сердце мое бдит* (Песн. 5,2). Страдая иногда бессонницей, старец и совсем оставался по ночам без сна или часто просыпался. Причем подмечено было, что, как только пробуждался он, тотчас прибегал к благодарению и прославлению имени Божия, пока снова забывался. И вообще ум его, как делателя умно-сердечной молитвы, всегда соединен был с Богом; от какого делания лицо его цвело духовною радостью и сияло любовью к Богу и ближним.

По временам старец приходил в состояние духовного восторга, особенно при размышлении или в беседе о неизреченных судьбах Промысла Божия, о его великой и присносущной силе и Божестве. Тогда он, если был в келлии один, запевал какую-либо из своих любимых церковных песней, как, например: “Покрываяй водами превыспренняя Своя, полагаяй морю предел песок и содержи вся, Ты поет солнце, Ты славит луна, Тебе приносит песнь вся тварь, яко Содетелю и Творцу во веки” (Трипеснец в Великий четверг, на повечерии, песнь 8); или — песнь, в которой с особенною силою и вместе краткостью выражено таинство Св. Троицы: “Приидите, людие, Триипостасному Божеству поклонимся...” (Славник на Господи воззвах в праздник Пятидесятницы); или один из догматиков, в коих воспевается неизреченное и недоуменное таинство воплощения Сына Божия и послужившая оному таинству чистая Матерь Еммануилова, как, например: “Кто Тебе не ублажит, Пресвятая Дево...”, “Царь Небесный...” и пр. А иногда в летнее время, вышедши из келлии с костью в руках, несмотря на окружавший его народ, прохаживался по скитским усаженным цветами дорожкам и, переходя от цветка к цветку, погружался в созерцание премудрости Творца, от творений познаваемого, что-то тихо напевая про себя. Так же и в то время, когда находило на душу его облако печали или являлось чувство томности в духе — ибо, как известно, и совершен-

* Передавал о сем скитский рясофорный монах старожил о. Петр Иванов.

ные в жизни духовной мужи не могут быть всегда в неизменном душевном устроении, — старец любил утешать себя во время сей духовной брани пением церковных песен.

Имел еще старец обыкновение, когда для него можно и удобно, во время Страстной седмицы, на утрени петь среди церкви, как заведено в Оптиной Пустыни, светилен: “Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный...” И как он пел? Казалось, что слово **вижду** имело в устах его подлинное значение и что пение его выражало то, что в самом деле видели его душевные очи. Старческий голос дрожал от возбуждения чувства духовного, слезы катились по бледным его ланитам; сердца же слушающих проникались умилением. Невольно присутствовавшим в это время в храме Божиим почитателям старца могла приходить мысль: “Тебе ли, земной ангел и человек небесный, облеченному в одежду смирения, вопиять ко Господу: одежды не имам, да вниду в онь?” Но сам старец вполне чувствовал свою греховность пред Тем, пред Коем самое *небо нечисто* (Иов 15,15). Ибо, как сказано, и *праведник седмижды в день падает* (Притч. 24,16). Такие смиренные чувства выражал старец и в письме к своим севским племянницам-монахиням: “13-е апреля (1853 г.). Нынешнее умиленное пение: ”Се Жених грядет в полунощи” и “Чертог твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имам да вниду в онь”, — должно бы смягчить окамененные сердца наши, или сказать — мое окамененное сердце. Не знаю, что о ком сказать, но свою нищету ясно вижу и хотя единым гласом дерзаю вопить ко Господу: “Просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя!” (светилен). Знаю, чувства утешительные даруются претерпевшим за исполнение заповедей Божиих от людей, от плоти и от бесов, и исправльшим сердце свое противлением страстям и достигшим любви. А на испачканной и на изорванной хартии сердца нашего благодать не напишет своих законов и не сподобляет утешения. А когда и посетит благодать хотя малою искрою своего действия, то мы не можем сохранить оную в смирении, а требуем огня, пополяющего страсть гордости и тщеславия или предшествующим, или последующим искушением*, — да смиримся и познаем, как немощны наши силы. Я о себе так понимаю и то отчасти, помрачен сый страстями. А ежели и вы в себе усмотрите что подобное по сему рассуждению: то постарайтесь об исправлении — каждая себя и друг друга поддерживающе советом и делом, и

* В других письмах старец Макарий писал часто повторявшиеся и его преемником старцем Амвросием слова: “Всякому доброму делу или предшествует, или последует искушение”.

исполнится на вас: *Брат от брата помогаем, яко град тверд и высок* (Притч. 18,19)***".

С переходом в Оптинский скит старец Макарий отказался от священнослужения, ибо, по косоязычию и страдая в то же время занятием духа, не мог ясно выговаривать возгласы, тем менее произнести целую ектению или должное поминовение на великом входе Св. Литургии всех членов Императорской фамилии**. Вместо сего он всегда однажды в месяц причащался в алтаре Св. Христовых Таин с глубоким и трогательным умилением. По принятии же Святейших Тела и Крови Господних он, как передавали современные ему монахи, буквально обливался слезами.

Заметим еще, что мужам духовным, украшенным описанными высокими добродетелями, при непрестанной умно-сердечной молитве, всегда присуща бывает память смертная с последующими грозными для грешных и отрадными для праведных обстоятельствами. Насколько живо памятовал о смерти старец Макарий, можно видеть из его письма к своему дяде по случаю кончины дядиной матери, а его — старца — бабушки. Вот оно:

“Милостивый государь и почтеннейший дядюшка, Павел Иоакимович! 20 января (год неизвестен) достигло руки моей письмо, возвестившее грустную весть — кончину почтеннейшей бабушки А.П. Слава милосердому Господу, сподобившему ее переселиться из этой жизни в лета столь преклонные и в белой одежде искреннего раскаяния и исповедания грехов своих, неся на себе печать святого елеосвящения и в себе Христа причащением Его Святых и Животворящих Таин! Благодарю вас за подробности ее преставления; ибо они единогласно обнадеживают меня в ее вечном благополучии. Благодарю за то, что не сокрыли от меня чувств вашего горестного сердца; ибо люблю печалиться с опечаленными. Всевозможное сострадание есть непременно обязанность, которую я должен любви вашей, отыскавшей меня и в сем удаленном, безмолвном и безызвестном уголке.

Потеряв человека, даем мы ему настоящую цену, дражайший П.И., может быть, увеличиваем оную. С моим зачатием напisyвался внутри меня закон разрушения; на каждый вновь образующийся член смерть накладывала свое грозное клеймо, говоря: “Он мой!”

Цепь дней моих есть цепь больших или меньших страданий; каждый новый день моей жизни есть новый шаг, приближающий меня

* Письма старца Макария к монахиням. Часть 3. Письмо 71.

** В первой половине XIX столетия как на ектениях великой и сугубой, так и на великом входе Св. Литургии поминались поименно все члены Императорского дома.

к ~~нет~~лению. Приходят болезни, и трепещущее сердце вопрошает их: предвестники ли вы только моей кончины, или уже дана вам власть разлучить тело от души разлукою горькою и страшною. Иногда умственное мое око, развлеченное суетою, оставляет созерцание моей печальной участи; но едва встретится какое-либо внезапное скорбное приключение, опять быстро притекает к моему любимому поучению, как младенец к сосцам матерним, к поучению о смерти; ибо в истинной печали сокрыто истинное утешение, и благоразумное памятование смерти расторгает смертные узы!

Ты, Которого неизреченной благодати мы создание! Скажи нам: почто жизнь нашу Ты растворил горестями? Неужели Твое милосердие не трогается нашими страданиями? Почто даешь мне бытие и потом восхищаешь оное мучительною смертию?

“Не услаждаюсь Я,— вещает Бог,— твоими болезнями, о человек! Но из семени скорбей твоих и твоих печалей желаю произрастить для тебя плоды вечного и величайшего наслаждения. Не в твоём единственно теле запечатлел Я закон смерти и разрушения — запечатлел оный в каждом предмете сего видимого мира. Я заповедал всему свету вопить тебе, вместе с твоим телом, что жизнь сия не есть жизнь истинная и настоящая, что нет в сем мире ничего постоянного, к которому могло бы привязаться твоё сердце любви непредосудительною. Когда ты не внемлешь грозному гласу всей вселенной, тогда отеческое Моее благоутробие, непрестанно тебе желающее неограниченных благ, заставляет Меня поднять жезл наказания; тогда томлю тебя искушениями, измождаю недугами, угрызаю скорбями, дабы ты, оставив безумие, сделался премудр, оставив тени, за коими гоняешься, припал к стопам истины и вместе к стопам спасения. Моя неизреченная благодать и человеколюбие недомысленное заставили Меня воспринять плоть. Моим уничтожением Я открыл роду человеческому величие Божества (Ин.14,9). Претерпев крест ради спасения человеческого, кого хочу привлечь к Себе, того сперва поражаю скорбями и стрелами скорбей умерщвляю его сердце к временным сладостям. Жезл наказания есть знамя любви Моей к человеку. Так, ещё прежде уязвлял Я страданиями сердце раба Моего Давида; и когда поток искушений отрешил его от мира, тогда некоторое дивное размышление, некоторые необыкновенные мысли явились в ум его и заняли оный. *”Помыслих,— пишет он,— дни первыя и лета вечная помянух и поучахся:* то есть взглянул на мимошедшие дни моей жизни, и они мне показались мгновенным сном, быстро исчезнувшим явлением, мертвою жизнью; потом воспомянул о вечности, стал сличать ее с

краткостию прошедшей моей жизни, и, сравнив бесконечное с кратчайшим временным, вывел результат. Какой же результат сей? *Убо образом ходит человек, обаче все мятется*[Пс.38,7], то есть сколько человек ни суетится, сколько ни заботится о разных временных приобретениях, однако все сие напрасно; ибо не престаёт он быть на земле некоторым кратким явлением, гостем, странником. Таковые чувства и размышления удалили его от мира страстей. Он начал поучаться в законе Господнем день и ночь и стремиться к познанию себя и Бога, как жаждущий елень на источники прохладных вод. Как царь, он имел возможность всех временных наслаждений; но когда вкусил сладости внутренних благ, тогда забыл снести и самый хлеб свой.

Написал я вам, любезный дядюшка, мои чувства, если противные светскому разуму, то по крайней мере искренние, а искренность может быть утешительною во время печали.

Усопшая родительница ваша завещала вам пред кончиною быть добрым христианином. И я вам этого желаю от всего моего сердца. Тогда смерть потеряет в очах ваших свой грозный вид и соделается только некоторым приятнейшим переходом от временных скорбей к бесконечному наслаждению. Она принесет вас в чертоги, в коих обитает теперь, как мы с некоторою достоверностию угадываем, ваша почтенная родительница. Самая печаль об умерших, озаренная светом истинного разума, истаевает, а на месте оной зачинает прозябать благое упование, утешающее и веселящее душу. Фанатизм стесняет образ мыслей человека; истинная вера даёт ему свободу. Сия свобода обнаруживается твердостью человека при всех возможных счастливых и несчастливых случаях. Меч, рассекающий наши оковы, есть очищенный ум, видящий во всяком случае его истинную, сокровенную, таинственную причину. Достигает сей цели всякий, кто устремится к ней рассматриванием своего ничтожества с трепетным прошением Божественного покровительства и помощи.

...За все слава премилосердому Богу, изливающему нам во всяком случае неизреченные блага, ибо источник благодати не может источать из Себя никаких других волн, кроме благодатных, не понимая коих, человек часто ропщет на Всеблагое. И.М.”*

В своих письмах к севским своим племянницам старец Макарий нередко Любомудрствует о скоротечности настоящей жизни и о вечности будущей и Страшном Суде Божиим. Так, например, писал он

* Письма старца Макария к мирским особам. Письмо 47.

2 ноября 1854 года: “Время течет нечувствительно; и не видим, как оно летит, измеряемо секундами, минутами, часами, днями и далее; и всякая секунда приближает нас к вечности. Мы, зная это, плохо печемся о том, как предстать и дать отчет нелицеприемному Судии. Чувственность помрачает ум наш. Все наше попечение и помышление о том, чтобы доставить покой телу; а о душе мало радим — страстей не искореняем, и даже не противимся им; и от того лишаемся мира и покоя душевного...” Или 19 ноября того же года: “...Мятемся, колеблемся, смущаемся; и все протекает, как река, и уносит все прошедшее, как будто и не было; весьма немногое история и повествования частные оставляют на память о былом. Нынешний день оканчивается в моей жизни 66 год, а завтра начнется 67. Но что это в отношении к вечности? Меньше, нежели капля в море. Но какая будет вечность, о сем надобно теперь подумать и просить милосердного нашего Создателя и Исккупителя, да милостив нам будет в день судный и сподобит десного стояния. А как-то мы плохо о сем думаем, будто и вечности не будет. Так и жизнь проводим — заповеди преступаем и истинного покаяния не имеем. Господи, помилуй!” Или 1 января 1857 года: “Чего мы ищем, чего желаем? Конечно, спасения, Царствия Божия. А чем оно приобретается? Вам довольно известно. Долгий ли наш век? Кто нам сказал, что и до завтра доживем? По нынешним же бедным временам многие ожидают великих переворотов и, может быть, предшествующих всемирному огненному потопу: то кольми паче надобно нам сближаться любовью и смирением, дабы слово Божие не исполнилось на нас: *иссякнет любви многих* (Мф. 24, 12). Подумайте о сем получше и не ищите каждая своя си, но яже ближнего к созиданию”. Или в январе 1859 года: “Я-то 71 год 2 месяца прожил. Надобно бы с пророком мыслить: *Помыслих дни первыя, и лета вечная помянух и поучахся* (Пс. 76, 66). Что прошедшее? Как день вчерашний; а вечность некончаемая. Как же я живу? Горе мне, грешному! Помилуй, Господи, и даруй прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати; христианскую кончину, непостыдну, мирну и добрый ответ на Страшном Судище Христовом получит”. И еще во многих местах этих писем старец писал все о том же и о том же.

Все исчисленные здесь добродетели старца Макария, не исключая и памяти смертной, суть, конечно, дары Божии, по слову Господа: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5); подаются же они Богом исполнителям святых заповедей Его, изложенных в Свя-

* Все эти выдержки из 3-го тома писем старца Макария к монахиням. Письма 103, 106, 135 и 155.

том Евангелии; а таков и был старец Макарий. Но и еще Всеблагий Господь ущедрил верного раба Своего другими высокими духовными дарованиями, одно из коих есть **дар духовного рассуждения**. Для объяснения того, как существенно необходимо ищущему спасения сие **рассуждение**, сам старец обыкновенно указывал на сказание о даре рассуждения одного из древних скитских отцов, аввы Моисея, заимствованное сим последним со слов преподобного Антония Великого. Сказание это находится в славянском Добротолюбии, в слове святого Кассиана к Леонтину игумену о св. отцах скитских и о рассуждении. Покойный старец Макарий особенно любил это слово и, бывши уже в предсмертной болезни, укреплялся им духовно, прося читать оное одного из своих учеников. Это было последнее для него чтение из отеческих писаний, в которых, по слову преподобного Нила Сорского, он полагал свою жизнь и дыхание.

Для того чтобы и читатель яснее мог судить о значении сего дара рассуждения, выписывается следующее место из славянского Добротолюбия, но только в русском переводе. “Рассуждение,— сказал авва Моисей,— не есть какая-либо малая добродетель, но одно из значительных дарований Св. Духа, о которых говорит апостол: *Овому Духом дается слово премудрости, иному же слово разума, о том же Дусе: другому же вера, тем же Духом: иному же дарования исцелений... другому же разсуждения духовом...* (1 Кор.12,8,9,10). Потом, окончив исчисление духовных дарований, (апостол) присовокупил: *вся же сия действует един и тойже Дух*. Итак, рассуждение не есть земной или малый, но величайший дар Божией благодати, которому если инок не последует всею силою со тщанием и не навькнет рассуждению твердым помыслом входящих в него духов: то по необходимости придется ему, как заблудшемуся в ночи, впадать не только в ямы лютейшего зла, но и преткаться на прямых путях и ровных местах”.* И далее... А св. Иоанн Лествичник определяет рассуждение так: “Рассуждение есть совесть неоскверненная и чистое чувство. Оно находится в одних только чистых сердцем, телом и устами”**. Сей-то высокий дар сообщил Господь и блаженному старцу Макарию на пользу общую. При помощи сего-то дара каждому из приходивших к нему на откровение своей совести иноков и мирян подавал он приличное немочи врачевство, предлагая всем просившим у него духовные советы и наставления правые и истинные, по учению святых и богоносных отцов наших.

Наконец, всем и каждому видно было, что сообщены были от Господа старцу Макарию и дарования исцелений, и прозрения бу-

* Славянское Добротолюбие. Часть IV.

** Лествица. Слово 26. Главы 4 и 2.

душего и вообще сокровенного. Каковые дары, по замечанию Вышенского Затворника епископа Феофана, суть дары апостольские, выше коих на земле уже ничего нет. Примеры же сих высоких дарований читатели увидят далее в своем месте.

Таким образом, описываемый старец, по замечанию вышеупомянутого о. игумена Марка, по духовной зрелости своей вполне соответствовал унаследованному им от предместника своего старца Леонида проходимому им высокому служению, был **аввою** в полном и истинном смысле этого слова. Его смиренное слово, хотя и не всегда было красноречиво, тем не менее оно было слово сильное, властное и действенное; так что невольно покоряло сердца всех, искренно желавших и искавших духовного преуспеяния и спасения. Пред ним невольно преклонялись все благорассудительные от мала до велика.

Еще при жизни старца Леонида, как выше было сказано, все относившиеся к нему привыкли смотреть на о. Макария как на его духовного друга и сотаинника, хотя по смирению сей последний и вчинял себя в число учеников его; привыкли получать письма, писанные рукою о. Макария и скрепленные общею подписью обоих старцев в знак полного их единодушия и единомыслия. Все относившиеся к старцу Леониду были в то же время духовными детьми и о. Макария, как духовника обители. Наконец, во время предсмертной своей болезни, продолжавшейся с лишком пять месяцев, старец Леонид всем пользовавшимся его духовными советами, иночеству и мирянам, прямо указал на о. Макария как на своего преемника по старчеству. И потому все относившиеся к старцу Леониду после его кончины, нисколько не колеблясь, стали обращаться за духовными советами к о. Макарию и, видя в нем те же духовные дарования, а главное — ту же отеческую любовь, сердобольное участие в их духовных нуждах, умение радоваться с радующимися и плакать с плачущими, скорое решение недоумений и искусство во врачевании душевных недугов, — с радостью сообщали о сем другим своим знакомым. И потому слава о старце Макарии быстро разносилась по всем концам Руси православной и привлекала к нему множество желавших пользоваться от него мудрыми советами устно и письменно.

Глава VII

Природные способности старца Макария, его разумная внешняя обстановка, наружный вид, келлия и порядок ежедневных занятий

Как при изучении внешних наук успешнее усваивается внешнее образование и многознание людьми даровитыми: так и при изучении науки наук — жизни духовной — замечается тот же порядок, конечно, при благом произволении и усердии подвижающихся*. Так, можно думать, и приобретению боголюбивых качеств души и высоких духовных дарований старца Макария много способствовали его природные способности, направляемые при его тщании Промыслом Божиим к благой цели.

Старец от природы имел ум светлый и любознательный. Как окончивший школьное свое воспитание в приходском училище и поступивший на гражданскую службу в уездное казначейство с 14-летнего возраста, он, очевидно, не был достаточно обучен внешним наукам; но по поступлении в святую обитель — это училище жизни духовной — деланием заповедей Христовых со всегда присутствующим ему глубоким смирением и прилежным чтением Божественных и отеческих писаний и житий святых угодников Божиих скоро достиг высокого совершенства жизни духовной. Так что, думается, если бы пришлось ему долго заниматься изучением светских наук, он много бы потерял дорогого времени, употребленного им для достижения главной своей цели — спасения души. По долгом труде Господь просветил ум смиренного подвижника к ведению всех Божественных писаний — так что на нем можно видеть исполнение слов св. Исаака Сирина: “Смиренномудрым открываются таинства”**.

Память у старца Макария была изумительная и, очевидно, промыслительно дарованная ему для вспоможения в деле служения

* Великие Оптинские старцы-подвижники: архимандрит схимонах Моисей (Путилов), родной его брат схимигумен Антоний, иеросхимонахи — Лев, описываемый Макарий и Амвросий — все были умы недюжинные, хотя почти все — не получившие достаточного школьного образования.

** Слова св. Исаака Сирина 56 и 66.

ближним. Сказывали его современники монахи, что когда он предлагал какому-либо брату для пользы его душевной прочесть какое-либо место из творений св. отцов, то указывал по памяти даже страницу книги, где можно было отыскать то место. Еще: если кто раз был у него на исповеди или откровении, то он долго помнил все главные касавшиеся его обстоятельства. Можно себе представить радость какой-либо бедной старушки, которая после многих лет первого личного свидания со старцем, придя к нему в другой только раз в своей жизни, бывала встречаема от него приветствием вроде следующего: “А, здравствуй, Дарья! Что детки? Здоровы ли? Как Иринushка твоя поживает? Ведь она, кажется, у тебя уж года три будет как отдана замуж?..” И вот, изумленная таким неожиданным вниманием и памятованием о ней святого отца, старушка уже и была вполнину то горе, которое привело ее в обитель, а вместе исчезла и робость, с которой она шла к старцу, раздумывая: “Как-то я, грешница, покажусь ему, как расскажу ему — что есть на душе?” И легко и свободно изливает она пред ним свою душу, черпая в то же время утешение в словах благоголющих его уст.

До самой своей кончины старец сохранил врожденную живость характера, делавшую его крайне подвижным и на всякое благое дело скоро уготованным. Живость эта проявлялась во всех его действиях — в чтении, разговоре, походке, во всех его занятиях и даже в некоторых телодвижениях. Самое упомянутое выше косноязычие было следствием быстрого выговора слов, отчего язык у него был перебит. По той же живости характера он не любил и в других медлительности и вялости, долгих сборов и т. п. Так, например, если кому случилось ехать с ним в дорогу, надобно было собраться спешно или заранее; потому что, едва лишь поданы бывали лошади, он уже готов был к отъезду и шел садиться. В делах послушания также любил, чтобы все братиями делалось скоро, или, вернее сказать, с усердием и тщанием, ибо что делается усердно и тщательно, то бывает и споро, и скоро. Небрежности же не мог терпеть даже в маловажных делах. Например, если кто, взяв в руки книгу, вследствие торопливости или просто без внимания положит ее нижней стороной вверх, увидев это, старец не преминет заметить: “Ты положил книгу небрежно — это нехорошо”, — и сам поправит ее.

Имея ум, осененный благодатию Божиею и проникнутый смирением, старец располагал и всею внешнею обстановкою своею разумно. Во всех телесных деланиях держался среднего, непадательного, так называемого св. отцами царского, пути, удаляясь всемерно крайностей, которые они же называют бесовскими. Так, относительно употребления пищи, следуя совету св. Иоанна Лествичника, а вместе и прикрывая воз-

держание свое смирением, он вкушал в определенное время понемногу от всего предлагавшегося, не запрещенного монахам; в мере же, как можно было заметить, держался правила св. отцов — вставать из-за стола с чувством неполного удовлетворения голода. Но кто пожелал бы узнать, сколько старец скушал пищи за один раз, тот, взглянув, например, на оставшийся после обеда на его приборе хлеб, мог бы удостовериться, что он не съел и одной трети обыкновенной порции оно́го, полагаемой к трапезе каждому брату, состоящей из ломтя хлеба средней величины. То же можно сказать и о прочей пище, было ли то в братской трапезе, в чьем-либо доме или в своей келлии. Нелишне заметить здесь, что оставшийся на старцевом приборе хлеб трапезные монахи всегда сберегали и потом раздавали понемногу почитателям батюшки о. Макария на благословение. Принимая по вечерам приходивших к нему на откровение помыслов скитских и монастырских братий, старец не всегда имел возможность участвовать своевременно за общею братскою трапезою. Тогда келейники приносили ему в келлию обычной трапезной пищи — щей и каши в двух небольших глиняных горшочках, которые и ставили до времени в печь, чтобы пища не остыла. Окончив же прием братий, продолжавшийся час и более, утомленный старец подкреплялся разогретою пищею запросто из тех же самых горшочков.

Таков был вообще у старца Макария порядок в отношении употребления пищи. Готовясь же к причащению Святых Христовых Таин, он усугублял пост, употребляя пищу без масла, а иногда ограничиваясь и сухоядением. Так же и в посты, в особенности в Великий, и преимущественно в первую и Страстную седмицы, он постился иногда до изнеможения сил телесных. Вместо чая пил раз в день после вечерни одну или, может быть, две чашки настоенной укропом горячей воды и довольствовался суровою скитскою трапезною пищею в самом умеренном количестве; почему в одном письме к племянницам и жаловался полушутя, что “кормят плохо”.

* В скиту такой порядок: в понедельник, вторник и четверг первой недели Великого Поста вареная пища для братий не поставляется в трапезе; а вместо того после великопостных часов, которые оканчиваются часа в два пополудни, братия закусывают, кому что угодно — хлеб, квас, огурцы, соленые грибы и, может быть, еще что, только не вареное. Ужин вообще не полагается; а вместо сего братия после вечерни кушают наподобие чая какую-либо травку, например, душицу, шалфей или большею частию мяту с медом, а некоторые слабые при сем чего-либо невареного понемногу и закусывают. На Страстной неделе после продолжительной службы с чтением Евангелий, часа в два пополудни, по причине положенных в эти дни Литургий, полагается обед, который в первые три дня седмицы состоит только из двух блюд — щей и проховой гречневой каши с прибавлением малого количества картофеля, и все это непременно без масла. Ужин, как и на первой неделе Поста, не полагается. В Великий пяток трапезы не бывает, но немощные вечером довольствуются сухоядением.

Одежда старца Макария была простая и самая скромная. В келлии ходил он обычно в белом холщовом или канифасовом, иногда с заплатами, балахоне, который сменял не часто и который потому временем был довольно заношен; на голове имел черную вязаную шапочку; для молитвенных келейных правил употреблял короткую мантию; для чтения и письма надевал очки в стальной оправе старой формы. В храм Божий ходил, как и прочие монахи, по заведенному в Оптиной Пустыни порядку, в простой мухояровой мантии. Выходя куда-либо из своей келлии, старец надевал летом сверх легкого коленкорового черного подрясника тоже мухояровую черную рясу, на ногах имея башмаки; калош ни зимой, ни летом не носил. Зимой сверх рясы надевал весьма поношенную, крытую темно-зеленым драдедамом легкую шубку, опираясь при том на старческий посох или костыль, с четками в руках, из коих любимыми были у него коралловые, подаренные ему в бытность его в 1852 году в Москве досточтимым старцем — митрополитом Филаретом.

Наружный вид старца Макария был чрезвычайно привлекательный. Волосы на голове и бороде имел он недлинные и седые, бороду окладистую. Руки его отличались мягкостью и гибкостью, как и весь его стан — стройностью. Лицо белое и чистое, ничем, впрочем, с первого взгляда не поражающее и по недостатку в глазах несколько неправильное, даже, по обыкновенным понятиям о красоте физической, вовсе некрасивое, притом с печатью постоянного самоуглубления, следовательно, на вид более строгое, чем ласковое. Но такова сила благодати Божией, что лицо это, служа зеркалом чистой, смиренной и любвеобильной души старца, сияло какою-то неземною красотой, отражая в себе то или другое из свойств внутреннего человека — плодов Духа, исчисленных апостолом (Гал. 5, 22, 23). Взор тих, слово смиренно и чуждо дерзновения. Вообще в нем было редкое соединение ума и детской простоты, величия и вместе тихости и смирения, делавших его доступным для всех и каждого.

По званию скитона начальника, старец занимал корпус келлии, расположенный по левую сторону святых скитских врат при входе в скит совне, в котором всегда помещались скитские начальники (исключая только одного, бывшего начальником, — старца о. Иосифа Литовкина, †1911). Корпусок этот, как и прочие скитские корпуса, небольшой, с 1858 года извне обложен кирпичом, выбелен и покрыт железом, а внутри разделен теплым коридором на две половины. Южную половину занимал сам старец, а северную — два его келейника.

* Летом 1910 года этот начальнический корпус при скитона начальнике игумене Варсонофии несколько распространен пристройкой с северной стороны.

Половина, которую занимал старец, состояла из двух комнат — обе с передними и с выходами в коридор. Первая передняя вела в приемную комнату, стены которой, кроме юго-восточного угла, занятого св. иконами, были обвешаны видами русских иноческих обителей и портретами известнейших наших архипастырей и мужей, просиявших подвигами благочестия. На западной стороне, над диваном, находились живописные портреты преосвященных: Астраханского Никифора Феотоки, Пензенского Иннокентия, Черниговского Лазаря Барановича; литографированные изображения: Александрийского Патриарха Иерофея и Всероссийского — Никона; высокопреосвященных митрополитов: Филарета Московского*, Филарета Киевского, Никанора, Григория и Исидора Новгородских и С.-Петербургских; архиепископов Воронежских Антония и Игнатия; епископов: Белгородского Иоасафа Горленки (ныне прославленного Св. Церковью) и Калужского — Григория II. Кроме сих, на других стенах келлии были еще портреты известных своею высокою жизнью старцев: Илариона Нефедьевича (вернее — Мефодиевича), подвизавшегося в посте и молитве в селе Троекурове Лебедянского уезда Тамбовской губернии более 30 лет при церкви св. Димитрия Солунского; Иоанна, Затворника Сезеновского, той же губернии и уезда; Серафима, старца Саровского (ныне прославленного Св. Церковью угодника Божия); Киево-Печерской лавры иеросхимонаха Парфения, духовника высокопреосвященного Филарета, митрополита Киевского; архимандрита Макария (Глухарева), бывшего Алтайского миссионера, а потом настоятеля Болховского Оптина монастыря, скончавшегося в 1847 году; основателя Белобережской пустыни схимонаха Симеона; игумена Валаамского монастыря отца Назария; Саровского иеромонаха Илариона; Задонского затворника Георгия Машурина; Оптинского старца иеросхимонаха Иоанна, известного своими сочинениями против раскольников; Оптинского старца иеросхимонаха Леонида; Саровского схимонаха Марка; Задонского схимонаха Митрофана. Сверх того портреты мирских особ: Ивана Васильевича Киреевского, лежащего во гробе, и Ивана Акимовича Мальцева.

Рядом с этою приемною комнатою, которая служила старцу для принятия главным образом почетных гостей, была собственно так называемая келлия старца, в которой он провел двадцать лет своей

* Сверх того еще были — один портрет сего владыки акварельный, а другой живописный в миниатюре. Последний постоянно находился у старца на письменном столе.

** Старец сей окончил свою подвижническую жизнь 1853 года 5 ноября в глубокой старости.

сокровенной со Христом в Боге жизни. Это — небольшая продолговатая комнатка, в 6 аршин длины и 4 1/2 ширины, с одним окном на юг — на дорожку, идущую от св. скитских врат к Предтеченской церкви. Пред окном, завешанным зеленою шторкою, стоял простой деревянный стол, окрашенный белую масляною краскою и обитый старою клеенкою. В боковых ящиках его внизу хранились письма и письменные принадлежности, также образки, крестики, четки и пояски для раздачи посетителям. На столе стоял письменный прибор: на деревянном поддоне простая стеклянная чернильница и деревянная песочница, выточенная руками самого старца. Против прибора, на середине стола, сверху других бумаг, лежало всегда начатое письмо. По сторонам его — кучи писем, разделенные на требующие скорейшего ответа и терпящие отсрочку, читанные и по недосугу еще не читанные. Ближе к окну — вновь полученные духовные журналы или какая-либо вновь полученная книга, которые просматривались старцем урывками и большею частию взамен послеобеденного отдыха, и, наконец, одна или две из книг святоотеческих, в чтении которых, как замечено выше, старец полагал свою жизнь и дыхание. У письменного стола стояло кресло, обитое зеленым драдедамом, с овальной спинкою. На кресле лежала небольшая шитая подушка. Внизу под столом стоял медный подсвечник с жестяным зеленым зонтом.

Юго-восточный угол сей комнаты, как и в приемной, и большая часть южной стены над окном убраны были св. иконами. В числе их была особенно чтимая старцем Макарием Владимирская икона Божией Матери, пред которой теплилась неугасимая лампада*. Около нее — различные иконы — Богородичные и св. угодников Божиих, которые присылались старцу из разных обителей русских и св. мест восточных, иконы разной величины, окладные и без окладов, писанные на досках, на стекле, на финифти и перламутровые; кресты также разной величины, деревянные, живописные, резные из кипариса, перламутра, единороговой и слоновой кости; некоторые из них со св. мощами. Под иконами, в том же углу, деревянный угольник. Против угольника, на особом аналойчике для чтения обычных

* Эта замечательная местночтимая чудотворная икона, полученная на благословение схимонахом Феодором при выходе его из Молдавского Нямецкого монастыря в Россию от старца Паисия Величковского и перешедшая по кончине о. Феодора по преемству к старцу о. Леониду и затем к старцу о. Макарию, взята была у последнего скитским монахом Иоанникием (в схиме Леонидом), родственником схимонаха Феодора, при переходе его из скита в Тихонову пустынь. И хотя о. Иоанникий по времени возвратился на жительство в Оптинский скит; но св. икона, по просьбе Тихоновского настоятеля о. игумена Геронтия, оставлена была им в Тихоновой пустыни и поставлена в храм во имя Преображения Господня на видном месте в особом киоте с надписью.

келейных правил лежала Следованная Псалтирь; по сторонам — Евангелие и Апостол, Канонник Богородичный Киевского издания, в коем находятся одни дневные Богородичные каноны всех восьми гласов, исповедная книжица. Вдоль западной стены, изголовьем к окну, стояла узкая деревянная кровать, на которой старец давал краткий отдых своему утружденному телу. Над изголовьем — Распятие, выше его — образ Спасителя, взявшего на рамо погибшее овча. Западная стена над кроватью убрана была портретами. В середине — два живописных изображения Оптинского настоятеля о. архимандрита Моисея и брата его по плоти и по духу о. игумена Антония. Вокруг их фотографические портреты некоторых из учеников старца Макария и живописный — давно скончавшегося отца протоиерея Феодора Александровича Голубинского, профессора Московской академии, принимавшего в свое время, как ниже будет сказано, участие в издании Оптиною Пустынью святоотеческих книг. Над дверью, на северной стороне, ряд живописных портретов нескольких приснопамятных и близких сердцу старца мужей, как-то: святителя Тихона Задонского, в настоящее время прославленного Св. Церковью угодника Божия; схимонаха Симеона, основателя Белобережской пустыни; Московского Новоспасского монастыря иеромонаха Филарета; Площанской пустыни схимонаха Афанасия Захарова, бывшего старцем описываемого здесь старца Макария; Площанской пустыни иеросхимонаха Иосифа; схимонаха Феодора, ученика старца Паисия Величковского; Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва), ученика сейчас упомянутого схимонаха Феодора и Оптинского скита столетнего старца монаха Илариона.

Вот та тесная келлия, в которой возносил старец Макарий свои молитвы ко Господу, в которой в течение многих лет начертано им множество душеполезных писем в разрешение многоразличных духовных нужд, где ежедневно с утра и до вечера открывались от многих сердец помышления их, разрешались сомнения, упразднялись недоумения, священнодействовалось таинство покаяния, проливались обильно спасительные слезы умиления и раскаяния в содеянных беззакониях, слагались обеты к исправлению жизни; откуда входившие печальными выходили радующимися, скорбящие — утешенными, отчаянные — воздвигнутыми к покаянию в надежде спасения, самонадеянные — смирившимися. Но говоря о пользе, которую получали от старца приходившие к нему, — что было у всех на виду, — мы не можем подробно описать те сокровенные труды и болезни, которые подъял смиренный подвижник, ревнуя о своем духовном преуспеянии. Можно только полагать, что он, непрестанно держа в памяти имя Божие, все более и более прилеплял-

ся к Господу верою, надеждою и любовью, горящею в сердце, ища и толцая смирением, постом и непрестанною молитвою со слезами во всякое время. Благодатию Божиею он и обрел в сердце своем, по слову Господню, источник воды живой, от которой пия утолял жажду свою до сытости, подавая в то же время независтно и всем, искавшим оную.

Теперь скажем о порядке ежедневных занятий старца, батюшки о. Макария. Каждый день вставал он на утреннее правило по звону к утрени монастырского колокола, то есть около двух часов утра. А если с вечера дольше обыкновенного просиживал за письмами или чувствовал себя нездоровым (ибо с детства страдал бессонницей), то не позже трех часов. Сам выходил в коридор и будил на правило своих келейников. Утреннее правило его состояло из чтения утренних молитв, 12-ти избранных псалмов, первого часа, дневного Богородичного канона по гласу недели и акафиста Божией Матери; причем сам пел ирмосы. Затем келейники расходились по своим келлиям, а старец оставался один с Богом. В шесть часов, когда обыкновенно в монастыре начинается ранняя обедня, старец опять призывал келейников для чтения богослужебных часов с изобразительными.

После сего он выпивал чашку или две (и никогда не более трех) чая и принимался писать письмо к кому-нибудь или читать отеческую книгу. С этого времени начинался старцем прием общий для всех, имевших до него какую-либо нужду, духовную или вещественную. Вот окончилась в монастыре ранняя обедня, и начинается время от времени раздаваться звон привратного колокольчика. Хибарки при старцевой келлии для принятия женского пола поначалу еще не было. “Батюшка! — докладывает келейник. — Там у ворот болховские женщины идут в обратный путь и желают принять ваше благословение. Да вот дали два пузырька — одна просит маслица, а другая — святой водицы”. Старец оставляет только что начатое письмо, выходит к воротам, преподает благословение отходящим, оделяет их на дорогу знаками своего отеческого внимания: крестиками, образками, поясками... Едва успел он возвратиться в келлию, как опять раздается звонок: “Батюшка! Монахиня N. монастыря совсем готова к отъезду, ожидает только ответных писем, которые вы хотели послать с нею”. Письма готовятся, запечатываются; и старец сам выходит к воротам вручить письма; дает вместе с тем отъезжающей просфору, несколько порций скитского хлеба... Возвратившись, старец опять пишет письмо или читает книгу, отрываясь непрестанно для беседы с приходящими братьями. Опять зовут на крыльцо: “Какой-то больной Христом Богом заклинает выйти к нему, хоть на минутку, — приплелся за несколько сот верст принять благословение...” и т. д. Выходы эти старца на крыльцо и далее к воротам бывали не только летом, но и в зимнее время. Старец наскоро, легко одевшись, и в башмаках на босу ногу, выходил к

посетителям. В это время в его башмаки иногда засыпался снег. И он спокойно, при удобном случае, тут же скидал их с ног и снег вытряхал. При слабости сил телесных, старец, как передавали скитские монахи-старожилы, простуды не боялся.

Около 11 часов дня, по окончании в монастыре поздней обедни, когда в скиту, по обыкновению, ударяли в колокол к трапезе, старец вместе с другими скитянами шел на обед. После трапезы он запирался в своей келлии на полчаса или, много, на час. И это было единственное, в течение целого дня, свободное у него время для отдыха, ничем не развлекаемого чтения, письма, мысли... Но лишь только скрипнет, бывало, дверь, старец немедленно выходил из своего затвора или спрашивал: "Кто там?" И снова начиналась та же деятельность. Спустя час или два ходил он, изредка по немощи и ездил, на гостиницу, где уже его ждали многие десятки, а по великим праздникам и постам и целые сотни народа всех сословий, обоих полов и всех возрастов, из разных городов и селений со своими нуждами духовными и житейскими.

Возвратившись с гостиницы, старец вместо отдыха слушал краткое молитвенное правило, которое прочитывали келейники его. Оно состояло из 9-го часа, кафизм с молитвами и канона св. Ангелу-Хранителю. Потом до вечерней трапезы, а иногда и во время оной, принимал он монастырских братий, приходивших к нему для ежедневного откровения помыслов, а также и некоторых скитских, не успевших побывать у него днем. Окончив прием братий и подкрепившись скудной пищею, старец слушал вечернее правило, на которое, кроме его келейников, приходили еще один или два ближайших к нему ученика. Правило это состояло из малого повечерия, молитв на сон грядущим, двух глав из апостольских посланий и одной главы Евангелия. Прочитывался затем конец вечерних молитв, начиная с молитвы: "Владыко Человеколюбче, неужели мне одр сей гроб будет...", "Ослаби, остави...", "Ненавидящих и обидящих нас прости, Господи...", "Исповедаю Тебе, Господу Богу моему...", (краткое исповедание грехов пред Богом). И отпуст. После сего ученики старца, участвовавшие с ним в отправлении правила, получив от него благословение, расходились по своим келлиям; а старец оставался один на краткий отдых, предвоявшийся молитвенным подвигом. И когда, бывало, огни в скитских келлиях давно уже погасли, окно его келлии еще освещалось светом свечи, горевшей на его письменном столе или вскрай его кровати. Но вот, наконец, погасал и этот свет. Оставалось только слабое мерцание неугасимой лампы пред святою иконою Той, Которая именуется Неусыпающею в молитвах Предстательницею и Ходатаицею пред Сыном Своим и Господом за весь род христианский.

Глава VIII

Внешнее устройство Оптинского скита и церковный порядок при старце Макарии

тарец Макарий поставлен был начальником скита, когда сей последний вступил уже в 18-е лето своего существования. Постройка в нем была та же самая, которая заведена была первоначально, при основании его в 1821 году. Но старанием старца, в течение 20 лет его в скиту пребывания, при помощи благотворителей скит не только был обеспечен в необходимом содержании, но и помогал о. настоятелю в содержании монастыря; так как благотворители эти, пользуясь наставлениями старца, не преувеличивая можно сказать, считали за счастье для себя оказать свою любовь и усердие к нему и к месту его пребывания, чем могли. По заведенному в начале основания скита правилу все, что в продолжение года оставалось у скитонаачальника, за расходами на содержание скитского братства, отдавалось в распоряжение настоятеля монастыря. А приношений старцу Макарию от благотворителей было так много, что он имел возможность ежегодно доставлять в монастырскую рухлядную разных материалов — сукна простого, мухояру, холстины и прочего — в половинном количестве годового монастырского запаса.

Предметом же особенного попечения скитонаачальника и старца Макария была скитская церковь во имя Св. Иоанна, Пророка и Предтечи Господня, стоящая в середине келлий, как бы в знамение того, что она назначена соединять живущих в скиту в единство веры, любви и молитвы. Безошибочно можно сказать, что каждое украшение в этом храме Божиим занимало то, а не иное место по особой мысли старца и его личному указанию. Потому-то она с первого же взгляда так всегда и привлекала и привлекает внимание посетителей соединением благолепия с простотою. Впоследствии, по прошествии полуустолетия после кончины старца Макария, последовали в этом скитском храме некоторые изменения; но стенная живопись почти вся осталась та же, и общий вид Предтеченского храма почти все тот же.

Большая часть церковных украшений в Предтеченском храме была плодом усердия преданных старцу Макарию особ. Таковы, например, бронзовая с хрустальным набором люстра, освещаемая в нарочитые праздники, по палестинскому обычаю, не свечами, а елеем в лампадах, расположенных в два ряда; спускная хрустальная же лампада в форме свечи пред цельбоносной иконой Знамения Божией Матери, что над царскими воротами (давно, впрочем, замененная обыкновенною лампадой). Над царскими же воротами помещена была икона, изображающая лежащую на блюде усеченную главу св. Иоанна Предтечи Господня, прекрасной работы италийской школы, в венце и окладе на полях серебропозлащенных. Икона эта, по случаю вновь устроенных царских врат, перенесена в придельную церковь во имя Преподобного Макария Египетского, духовного патрона старца Макария. Бисерные чехлы на поставные свечи в поликандилах (давно замененных подсвечниками) пред местными иконами. Венки из искусственных цветов, возложенные на венцы местных икон. Наборные финифтяные иконы в рамах в виде параллелограмма, в середине коих вставлены: в одной — круглый небольшой киот с частицами св. мощей разных угодников Божиих, пожертвованный временно проживавшим в Оптиной Пустыни отставным штаб-ротмистром С.К.Нарышкиным из его наследственной, по бывшему родству с Царствующим домом, святыни; в другой раме — серебропозлащенный крест, тоже со св. мощами. Рамы эти находились на северной и южной сторонах храма за клиросами; а в настоящее время хранятся в ризнице. На месте же их поставлены большие иконы в приличных киотах: с южной стороны икона Божией Матери “Скоропослушницы”, а с северной — св. великомученика и целителя Пантелеимона. Последняя взята из келлии старца Амвросия после его кончины. В алтаре на горнем месте поставлена в киоте большая Тихвинская икона Божией Матери в богатой серебропозлащенной ризе, напоминающая об усердии к скитской церкви первого великого Оптинского старца, иеромонаха Леонида, в схиме Льва; а по сторонам, соразмерно ее величине, размещены так называемые штилистые образа. Пред этими иконами во время праздничных служб возжигаются особые свечи, что, усиливая вместе с запрестольным трехсвещником освещение алтаря, приятно действует на зрение и чувство. За стеклом в киоте запрестольного образа Божией Матери хранились и хранятся в особом серебряном ковчеге мощи св. новых преподобномучеников Афонских — Игнатия, Акакия и Иоанна. На престоле, с правой стороны ковчега, водруженный в подставу, украшенный разноцветными камнями крест с частицами

разных св. мощей — дар скиту бывшего о. наместника Свято-Троицкой лавры архимандрита Антония*, о чем будет сказано дальше; а с левой стороны — небольшое, в серебропозлащенном окладе Евангелие с изображением на середине “Моления о Чаше” — дар тульского предводителя дворянства Феодора Захаровича Ключарева, скончавшегося в скиту схимником. Обе святыни под стеклянными выпуклыми футлярами. В задней же, так называемой домово́й, части храма**, на восточной стене, устроен был особый иконостас, составленный, по мысли старца Макария, из нескольких рядов икон, между которыми были иконы работы скитских братьев-живописцев, а иные присланы были посторонними лицами. Иконостас этот усердием благодетелей в семидесятых годах прошлого, XIX века заменен новым; а прежние иконы — какие хранятся в ризнице, а какие поставлены в скитской трапезе.

В последние годы старца Макария описываемая скитская церковь преобразилась совершенно, и тоже благодаря его попечению. Весь иконостас вызолочен был вновь; причем позлащены и колонны, его украшавшие. Потолок и стены, как в алтаре, так и в церкви, вновь были расписаны по мысли старца. На это Господь, видимо благоволивший ко всем его начинаниям, послал совершенно неожиданно знающего и усердного исполнителя***.

Забываясь о внешнем украшении храма, старец вместе с тем обратил особенное внимание на отправление церковных служб. Будучи сам знатоком церковного устава, проходя порядно послушание канонарха и уставщика еще в Площанской пустыни, любя и твердо зная нотное церковное пение, он и в Оптином скиту личным руководством, трудом и терпением постепенно ввел порядок и точность в отправление церковных служб; установил плавное чтение, без ложной чувствительности, во избежание тщеславия чтецов. Им же заведены в скиту: должность канонарха и пение стихир на “подобны”, каковое пение перешло затем из скита и в монастырь. Обратил старец внимание способных скитских братьев на изучение церковной ноты и ввел пение по обиходу догматиков, стиховенных воскресных богородичных и антифонов в воскресные дни, положенных пред чтением Евангелия. Во время великопостных служений, и преимущественно в первую и Страстную седмицы, когда обыкновенно все скитские братия готовятся к причащению Св. Таин, установлено старцем предлагать во время богослужения, на шестом часе, чтение из

* Скончался или в конце 70-х или в начале 80-х годов прошлого, XIX столетия.

** В то время расположение Предтеченского храма было иное и придела во имя Преп. Макария еще не было.

*** В 1899 году этот иконостас заменен новым, несравненно лучшим. Но только св. иконы во всех трех ярусах остались те же.

книги св. Иоанна Лествичника, с таким наблюдением, чтобы вся Лествица прочтена была в течение Великого Поста. Для сего он сам размечал ее и назначал, сколько в какой день прочитать.

Но и после введения вышеозначенного порядка по церкви, старец Макарий постоянно наблюдал за поддержанием одного, никогда не оставляя без замечания, в отношении церковного устава, чтения и пения, не только важной ошибки, но и малейшего упущения. Разделит ли канонарх не на месте слова стихир во время канонаршения с нарушением смысла, ошибутся ли в чем-нибудь певчие или очередной чтец, старец не оставлял их без замечаний. Если нужно было переменить или поправить тон пения или напомнить певчим забытый напев, старец сам приходил на клирос и запевал стихир или ирмос; также указывал чтецу, где он ошибался и как надо поправляться. А канонарха, по окончании пения стихир, призывал к себе с книгою и указывал, как надобно правильно разделить ту или иную стихир. И все это делалось с любовью, кротко, тихо, вразумительно. Вместо всяких оправданий сделавший ошибку, по монашескому обыкновению, кланялся старцу в ноги и говорил: "Простите, батюшка!" На это старец отвечал: "Бог простит!" — и благословением оканчивалось дело вразумления. Наблюдал также старец, чтобы все скитяне приходили к Литургии со звоном в колокол или за полчаса до начала ее прочитывать синодики, в которых вписываются имена благодетелей и своих монахов о здравии и упокоении. Для сего служащий иеромонах по окончании звона долго медлил начинать часы. Обычай этот в скиту и теперь наблюдается.

По заведенному от основания скита и продолжавшемуся при старце Макарии и теперь продолжающемуся порядку, все скитские братия ради духовного общения с монастырскими во все двенадцатые праздники и в первый день Св. Пасхи ходили и ходят к церковным службам — ко всеобщему бдению или вместо того к утрени и Литургии в монастырь. На второй же день великих праздников — Рождества Христова и Светлого Христова Воскресения — бывала, как и теперь бывает, в скиту своя полная служба. Кроме того, отправлялась (как и теперь отправляется) в скиту церковная служба в три полные в году седмицы — первую Великого Поста, Страстную и Пасхальную; также в какой-либо день среди каждой великопостной недели и непременно во все субботы и воскресные дни всего года. Чествовались еще (как и теперь чествуются) службою церковною все дни, посвященные памяти св. великого Пророка и Предтечи Господня Иоанна, имени которого посвящен скит, праздники в честь некоторых Богородичных чудотворных икон, дни тоже некоторых св. угодников Божиих, восточных и российских, дни тезоименитства неких духовных лиц, как, например, 1-е декабря — память св. Филарета

Милостивого, тезоименитого двум достоуважаемым незабвенным старцам митрополитам Филарету Киевскому и Филарету Московскому; дни преподобных — Моисея Мурина, Антония Великого и Макария Великого, имена которых носили три одновременно живших в Оптиной Пустыни великих старца — о. архимандрит Моисей, родной его брат о. игумен Антоний и описываемый старец Макарий^{*}. Ко всем этим праздникам скитская церковь убиралась с особым тщанием. Во время всенощного бдения на величании угодникам Божиим возжигалась люстра и предстоящим давались в руки свечи.

В скитский главный храмовой праздник, 7-го января, Собор св. Иоанна Пророка и Предтечи Господня, так же, как и на второй день Пасхи и Рождества Христова, служил в скитской церкви сам настоятель обители о. архимандрит Моисей или брат его о. игумен Антоний. Старец же Макарий, как выше упомянуто, не участвовал в священнослужении, частью по косноязычию, а частью, — можно полагать, — и по глубокому своему смирению; и при отправлении церковных служб обычно становился в коридорчике (бывшем на правой стороне), где совершалось деннонощное чтение Псалтири скитянами ради поминовения о здравии и упокоении своих братьев, их сродников и благодетелей. Когда же старец изнемогал в силах, он удалялся в так называемую архиерейскую келлию^{**} и отдыхал там. Впрочем, в первые годы своего пребывания в Оптином скиту он участвовал в соборном служении только раз в год, на первый день Св. Пасхи. Также облачался иногда на погребение некоторых из братьев или почему-либо особенно почитавшихся им мирян.

Но продолжим речь о внешнем устройстве скита. Трудami старца Макария, бывшего в Площанской пустыни ризничим, приведена была в отличное состояние скитская ризница. Он передал искусство хранения и обращения со священными одеждами и облачениями одному из близких своих учеников, пономарю монаху о. Флавиану^{***}, который всегда был точным и усердным исполнителем его воли, а потому и пользовался особенным расположением старца. Известно, что золотошвейное искусство всегда процветало и процветает в наших женских обителях. И вот инокини, относившиеся к старцу Макарию, зная его любовь к церковному бла-

* К этим служебным в скиту дням присоединялись и еще по обстоятельствам, как, например, дни кончины старцев Макария, Амвросия и др.

** Первоначально Предтеченский в скиту храм имел расположение домово́й церкви; и в задней части его отделена была особая комната на случай приезда Калужского владыки Филарета (Амфитеатрова), основателя скита, который ежегодно приезжал в скит и проживал в этой комнате или Сырную, или первую седмицу Великого Поста; почему и комната эта называлась архиерейской.

*** О. Флавиан, впоследствии иеромонах, в начале 60-х годов переведен был в монастырь на должность казначея, каковую тщательно проходил до самой кончины, последовавшей 30 мая 1900 года.

голепию и желая чем-либо выразить свое усердие к нему за получавшуюся от его советов духовную пользу, просили у него, как особой милости, позволения участвовать своими трудами в украшении любимой им скитской церкви. Одни —имущие — жертвовали своей работы разные вещи: воздухи, оплечья на ризы и стихари, подольники на подризники, орари, поручи, пелены; другие трудолюбивые сестры, но неимущие, просили дать им работу. Мирские особы, относившиеся к старцу со своими духовными нуждами, также желая изъяснить свое усердие, жертвовали кто материал для вышивания, а кто и материи для облачений, платки для покрова престола и т. п. вещи, служащие к церковному украшению или пригодные для обращения на оные. Число усердных приношений далеко превышало потребности скитской церкви. Вследствие чего, по распоряжению старца Макария, приумножена и монастырская ризница*. А это давало монастырю возможность в разное время поделаться облачениями с церквями страждущего Востока и нашего Западного края.

Родившись в деревне и проведя детство среди отрадных видов сельской природы, старец Макарий и всегда обнаруживал к природе глубокое сочувствие. Между прочим, любил он цветы. Но когда сделался начальником скита, отсекая эту невинную склонность, он не стал было заниматься цветниками, даже и прежде него заведенными в скиту его предместником, иеромонахом (впоследствии игуменом) Антонием. Обратил же он на них внимание лишь тогда, когда услышал, что посетители скита упрекают его в упущении того, что не считал недостойным своего внимания бывший пред ним начальник скита. Сначала старец увеличил небольшой цветник пред окнами своей келлии. А затем по времени появились цветы уже вокруг всего Предтеченского храма, пред окнами некоторых келлий и по главным скитским дорожкам. Тут можно было видеть и высокорастущие, но без запаха, разных колеров георгины; также пионы, пахучие воздушные кусты жасминов, лупины, резеду и другие мелкие цветы. Любителям цветоводства было чем полюбоваться, подойдя, например, к келлии старца, так сказать, осыпанной цветами. И трудно было поверить, узнав, что все это было делом усердия одного человека, старцева келейника, монаха Илариона, неувядаемый плод послушания и особенно искренней любви его к своему старцу-наставнику.

Вся внутренность скита еще основателем его, иеромонахом Моисеем**, обращена была в плодовый сад. Но усердием того же старцева

* Великолепная на престольную одежду в главном монастырском Введенском храме, шитая по пунцовому бархату золотом и серебром, и большой серебропозлащенный потир с принадлежностями — суть также плод любви старца Макария к благолепию дома Господня.

** Впоследствии настоятель Оптиной Пустыни, архимандрит.

келейника, монаха Илариона, сад этот приведен был в наилучшее состояние. Произведения сего сада никогда не продавались и в урожайные годы; и потому скитские братия почти до новых плодов имели за своей скромной трапезой утешение из плодов своего сада. Часть же не идущих впрок по снятии раздавалась монастырским братиям и приходившим посторонним посетителям. Ближние городские и сельские жители нередко и зимой приходили в скит просить для своих больных свежих и моченых яблок, и, когда было что дать, не получали отказа.

Имелись в скиту при старце Макарии и парники для выращивания огурцов. Парники эти, так же как и цветы с садом, были на попечении того же келейника о. Илариона. “Я,— передавал сей последний,— сначала к парникам неохотно подступал. Чтобы приохотить меня к ним, батюшка о. Макарий, бывало, скажет: пойдём-ко посмотрим, что, парники-то там набиты, что ли? И поведет меня посмотреть. Раза три он так-то водил меня к ним. Ну, и парниками стал я заниматься, и не без успеха”.

Состоящий при ските пчельник при старце Макарии заботливостью и трудами скитян был приумножен; причем приложены были все известные в то время усовершенствования по части пчеловодства по системе Прокоповича.

Оберегая скитское безмолвие, старец Макарий имел особое попечение о сбережении окружающего скит со всех сторон леса. Благодаря благим впечатлениям детства, он, как выше упомянуто, до конца жизни сохранил любовь к природе; но в особенности любил лес, справедливо считая его живою оградой каждой иноческой обители, лучшим ее украшением. “Человек,— рассуждал он,— получает в лесу себе успокоение и душевную пользу. Мы видим, как в прежние времена люди удалялись в чащу лесов, и там, в тиши от мира и сует его, в молитве и трудах иноческих искали своего спасения. Один вид присно зеленых хвойных деревьев нашей родины веселит зрение, служа символом надежды на жизнь присносущную, для взыскания коей удаляются в пустыни. Леса, окружающие наши пустынные обители, надобно беречь всеми мерами, чтобы чрез истребление их название “пустынь” не сделалось, наконец, праздным словом”. Сильная буря в 1849 повалила немало огромных деревьев, столетних сосен и елей, особенно в участке, отделяющем скит от монастыря. Скорбя о лишении этой живой ограды, старец приложил особое старание зарастить этот участок. Ежегодно под руководством одного из скитских братий послушники трудились весною над расчисткою этого участка от ненужных кустарников; а осенью засевали оный семенами хвойных деревьев, преимущественно сосны. Бог благословил труды и попечение старца. Теперь, в течение долгого времени, постоян-

ные сосновые семена образовали из себя высокий лес. Таким образом, безмолвный скит опять стал закрыт сплошной живою оградой.

Любитель леса и вообще природы, старец Макарий возымел еще желание насадить и насадил внутри скита, близ восточной ограды, кедровые деревья, из которых по времени образовалась кедровая роща. В этой роще в прежние времена в летнюю хорошую погоду, по двенадцатым праздникам, в послеобеденное время скитяне все во главе со скитона начальником, иеромонахом Иларионом, бывшим прежде келейником старца Макария, кушали чай. Разросшиеся большие кедровые деревья приносили и приносят плоды — прекрасные орехи. Только в последние годы стали поедать их набегающие из леса белки.

Примыкающая к кедровой роще большая сажалка при старце Макарии ежегодно очищалась от ила и падающей в нее с окружающих деревьев листвы. В сажалке этой водились, как и теперь водятся, караси, которые изредка ловятся для скитской трапезы.

Говоря о любви старца Макария к видимой природе, не безгрешно было бы умолчать о том, что старец всегда от предметов природы видимой переносился мыслию к предметам духовным. Так, например, писал он к своим севским племянницам:

“Погода стоит прекрасная; весна красуется, одевает деревья в их благолепную красоту; а певцы поют, славят Творца и поют свою свободу. А мы, страстные, како воспоем песнь Господню на земли чуждей, исполненной терния и волчцев? Хоть и поем; но можно сказать: *Пою и не разумею*. [Пс. 100, 2] Слава долготерпению Божию!” Или еще: “У нас 18 числа (мая) георгины высажены, теперь цветут разнообразные тюльпаны, левкой и мелкие маргариты. Все это творение Божие, на службу человека дарованное и на утешение. Слава Его милосердию и всепремудрому Промыслу о нас во всем!” Или: “У нас проходят дождички с громом, и паки просиявает солнце. Погода благорастворенная. Жасмины в полном цвете, а георгины расцветают. Как бы нам постараться украсить душевный наш вертоград цветами добродетелей, благоухающих смирением.” Еще: “У меня бывает всякий день много гостей пернатых. К окну приделана полочка, и сыплем зерен разных. Прилетают разного рода птички: синички, воробьи, иваньчики (мелкие серые дятлы), сойки и другие. И всякая своим манером кормится. Естественная наука в натуре, и видна творческая сила и премудрость”. Писано зимой, в декабре.

Или вот еще: “После трехдневной ненастной погоды ныне наступила ясная и хорошая погода; а ночью был мороз небольшой. Растения оживут. У нас по скиту раскинулся прекрасный зеленый ковер, и деревья готовятся к цвету. Только дай Бог сохраниться им от моро-

за; а почка сильна. В поле зелени прекрасные, веселят земледельца. Слава и благодарение Господу! О, когда бы наши сердца приносили плод духовный, а паче приличествующий нашему званию, и искали бы того бисера, которого ради оставили мир! *Уподобися Царствие Божие купцу, ищущему добраго бисера*, и проч. (Мф.13,45). А мы так ли ищем оного? О! Горе нашему веку и скудному нашему монашеству! *Вы есте свет мира* (Мф.5,14), сказал Господь. Но если этот свет помрачен, то кольми паче тьма (Мф.6,23). Что будет? Какие у нас крамолы, мятежи, ссоры, приобретения и другие соблазны! Мир, видя это, не только блазнится, но и себя ублажает. Конечно, не надобно отчаиваться и жалеть об оставлении мира. Бог силен спасти наведением невольных скорбей, как было сказано Пахомию Великому, что и из рова оного Бог силен извлечь и скорбями спасти. И как Иоанн Карпафийский ублажает иноков паче мирян. Впрочем, не надобно дерзать и предаваться беспечности”. **3-е мая:** “Погода пасмурная, и все дождит мелочью. Бедная пчела убывает; сколько ни кормили, и все сама бы лучше нашла, да нельзя вылететь. Жаль ее; но что делать? Все это, видно, грехов ради наших. Посмотрю на себя и на прошедшее время жизни, вижу ничтоже благо себе сотвориша, а грехов множество накоплено. Надобно бы сетовать, скорбеть и плакать о прогневании Господа; а я вместо того пускаюсь в научение других: пишу и говорю, сам не сотворив сего. А ведь Господь повелел прежде творити, а потом учити (Деян.1,1). И апостол пишет: *Не мнози учителие бывайте* (Иак.3,1). А мне и сии слова приличествуют: *Грешнику же рече Бог: вскую ты поведаети оправдания Моя и восприемлещи завет Мой усты твоими* (Пс.49,16)? Как же мне быть? Времени остается немного. Час смерти безвестен; а я нахожусь в беспечности. Помолитесь о мне, худейшем, да прочее время живота моего в мире и покаянии скончати сподоблюся и христианской кончины живота моего, безболезненной, мирной, непостыдной, и доброго ответа на Страшном Судище Христове сподоблюся улучшить. О сем и всем надобно бы иметь всегдашнее попечение; да страсти-то наши помрачают наш смысл и влекут за пустыми мечтами, которые вместо отрады причиняют скорбь, и вместо пользы — душевный вред. Кто из нас имеет что от таковых, да потщится отселе положить начало к исправлению с самоукоренением и помощью Божиею”.

Но возвратимся к главному предмету и продолжим речь о внешнем благоустройстве скита и вообще всей обители старанием и содействием старца Макария. В последние годы жизни старца Мака-

* Все эти выдержки взяты из III части писем старца Макария к монахиням. Письма 89, 93, 95, 107 и 153.

рия, вследствие также его заботливости, усердием расположенных к нему благотворителей произведены в скиту некоторые постройки. Именно: построена вокруг скита ограда деревянная на каменном фундаменте и с промежуточными каменными же столбами. Заложенные в 1857 году вместо деревянных ветхих новые каменные св. врата с каменною над ними колокольнею в следующем, 1858, году достроены; и повешен большой колокол в 30 пудов. А до того времени колокольни не было, и маленькие колокола висели на деревянных столбах около церковной паперти*.

Находящиеся по обе стороны св. врат корпуса с келлиями обложены снаружи кирпичом, оштукатурены и покрыты листовым железом. Прочие же братские корпуса в то время были покрыты частью тесом, а частью черепицею; а ныне все покрыты железом. Главным благотворителем был известный заводчик Мальцев.

В том же 1858 году, также при помощи расположенных к старцу благотворителей, построена была вместо обветшавшей новая деревянная братская трапеза с прилегающими к ней службами. И собственно трапеза выстроена была на счет управляющего заводчика Мальцева, Иустина Андреевича Андреева. В то же время она покрыта была железом, а все остальное черепицею. Нелишне здесь заметить, что управляющий этот имел такое усердие к старцу Макарию, что нередко приезжал к нему; и однажды подал старцу кредитными билетами 3000 рублей, прося его принять эти деньги как жертву на скит. Но старец убедил сего боголюбца взять их обратно, сказав при этом, что они ему самому понадобятся. Действительно, деньги эти в скором времени управляющему пригодились; потому что он за что-то отставлен был от должности и долго оставался без места, содержась на эти деньги.

В течение последнего в жизни старца Макария 1860 года на восточной стороне скита, против алтаря Предтеченской церкви, заложен был в его присутствии каменный фундамент для нового деревянного корпуса с братскими келлиями и с мезонином для помещения скитской библиотеки, в пользу которой старец перед кончиною завещал свою келейную библиотеку избранных духовных книг и рукописей и собрание находившихся в его келлии портретов св. мужей и пастырей и архипастырей, просиявших своими подвигами и учением**.

В том же году новая колокольня и св. врата, по мысли и указанию старца Макария, расписаны были извне и изнутри священными

* Колокольню клали мастера из Мальцева завода; а расписывал колокольню с св. вратами живописец г.Зубцова Тверской губернии Гавриил Иванович (фамилия неизвестна). Колокола же впоследствии времени переменены, и самый большой колокол повешен в 100 пудов.

** В 1908 году помещавшаяся в упомянутом мезонине скитская библиотека перенесена в новое каменное здание как более безопасное место на случай пожара.

изображениями. И это был последний плод его постоянной заботливости о внешнем благоустройстве и благолепии любимого им скита.

Скит этот, будучи так много обязан старцу Макарию своим внешним благоустройством, его же по преимуществу заботливости обязан и прибавлением штатных монашеских вакансий в обители. Это важное для скита по своему значению и последствиям событие совершилось по благоволительному вниманию к старцу Московского митрополита Филарета, при непосредственном его участии. По Высочайше утвержденному в 9-й день февраля 1857 года определению Св. Синода разрешено: "К монастырскому штату прибавить 12 монашеских и 12 послушнических вакансий, с тем чтобы сим добавочным числом пополнялся недостаток братии в существующем при сей пустыни Предтеченском ските". Акт этот важен, во-первых, потому, что посредством его подтверждено высшим духовным начальством существование скита при Оптиной Пустыни, устроенного первоначально по благословению епархиального архиерея; а во-вторых, важен тем, что скитские братия с того времени не могли уже подвергаться благословным упрекам со стороны монастырского братства в занятии штатных вакансий, на которые всегда было довольно желающих по благоустроенному состоянию обители. Штаты эти, впрочем, как известно, вскоре после этого события были уничтожены.

По молитвам старца Макария Господь оказал Оптиному скиту и еще одно великое благодеяние. Известно, что старец Макарий при жизни своей старался обеспечить скит материально, дабы он не обременял монастырь своими частыми требованиями. Вместе с тем, по словам покойного о. игумена Марка, батюшка о. Макарий далек был от мысли поставить скит в полную независимость от монастыря, признавая в то же время главенство над ним настоятеля обители и законность его распоряжений, бывающих не в ущерб скиту. Но, по смирению своему, старец едва мог помышлять, чтобы это старание его об обеспечении скита осуществилось когда-либо на деле. Господь же милосердный, всегда готовый исполнять благие желания верных рабов Своих, благоволил исполнить желание и старание и старца Макария. Один из расположенных к Оптиной Пустыни вообще и лично к старцу христолюбец, помещик Илья Иванович Полугарский, умирая в 1858 году, по духовному завещанию отказал на свое поминование в пользу скита Оптиной Пустыни достаточную сумму денег, с тем чтобы она была употреблена на покупку участка земли, ежегодный доход с которого был бы употребляем на содержание скита. Исполнение же сего поручено было им своей супруге Марии Павловне Полугарской. Вскоре за сим и куплена была на имя скита, верстах в десяти от оногo, роща, которою пользуется скит и до сего времени.

Глава IX

Общий взгляд на великое значение старца Макария как старца. Об откровении старцам (в женских монастырях — старицам) помыслов. Взаимные духовные отношения старца Макария и оптинских братьев, как скитских, так и монастырских, во главе с о. настоятелем, и благие их последствия

се внешние по скиту улучшения при усердном содействии блаженной памяти старца Макария, конечно, имеют свою цену, похвальны, да и необходимы. Ибо монахи — не Ангелы бесплотные; а потому при деятельном попечении о спасении душ своих имеют нужду и во внешних скромных удобствах, приличествующих монашескому чину. Не отказывают они, между прочим, себе в заботах и о более лучших внешних удобствах, если имеют к тому возможность, в особенности при помощи боголюбивых благотворителей, которые еще не все перевелись в православной России. И это, главным образом, во всех иноческих обителях относится к украшению храмов Божиих. Каковое украшение желательно и предпринимается монахами не столько для себя, сколько ради посетителей, на души коих благотворно действует церковное украшение. Да и то еще должно помнить всем православным христианам и никогда не забывать: кому и посвящать драгоценности природы, как не Творцу их и Господу?

При всем том, как известно, никакая блестящая внешняя обстановка недостаточна к искоренению страстей из зараженного ими сердца и к совершенствованию человека в жизни духовной. И как для больного тела потребны врач и врачевства телесные: так и для души, страдающей греховными навыками, необходимы врач и врачевства духовные. Или иначе: необходим руководитель в жизни духовной, умудренный жизненным опытом, могущий прилагать благодатные цельбы к ранам греховным и исцелять их. Старец Макарий как нельзя лучше соответствовал этому высокому призва-

нию. Так пишет о нем современник его, скитянин, иеромонах о. Леонид Кавелин*: “Где найду слов изобразить влияние старца на каждую отдельную личность — его умение каждого вести к одной цели разными путями, смотря по различию характеров, способностей и духовному устроению, его пастырскую и отеческую любовь ко всем вообще и к каждому в особенности, снисходительность к немощствующим и раскаивающимся, строгость к самочинным и прекословным, умение утешить единым словом, обрадовать взором или благословением, ободрить малым, но драгоценным (потому что оказано вовремя) вниманием, поощрить трудящегося к вящему труду, отсекая при том вредное тщеславие, восстановить к деланию разленившегося без укора и гнева, поддержать унывающего, удерживать пылкого от ревности не по разуму, от искания дарований духовных прежде очищения от страстей, видения прежде деяния, молитвы умной прежде деятельной на страсти и помыслы? Кто из относившихся к старцу не испытал на себе, что он, по апостолу, умел *радоваться с радующимися, и плакать с плачущими* (Рим. 12, 15), умел быть *всем вся, да всяко некия спасет* (1 Кор. 9, 22), приводя к Пастыреначальнику Христу? Про него, не обинуясь, можно сказать то же, что было сказано про тезоименитого ему великого подвижника, авву Макария Египетского: “Он, как Бог, всех покрывает любовью”**.

Вследствие этих боголюбезных качеств старца Макария все духовные его дети, и прежде всего ближайшие к нему по месту жительства скитяне, имели к нему полную веру и глубокую сыновнюю преданность. Вышеупомянутый современник старца Макария свидетельствует о сем так: “Сила его любви столько привлекала к нему сердца всех, что мы готовы были не отходить от него, чтобы выну наслаждаться светлым его лицезрением и сладкою беседою благоголивых уст его”. А все это располагало каждого брата к искреннему, по преданию св. отцев, **откровению** пред ним **совести**, состоящем в частом и, если возможно, даже ежедневном и вместе чистом исповедании пред старцем не только всех дел и поступков, но и тончайших помыслов и умственных приражений, с получением от него советов и наставлений, как противостоять той неотдышной внутренней брани, которую ведут невидимые враги с воинами Христовыми. Ибо, по Писанию, *несть наша брань к крови и плоти, но к на-*

* Впоследствии архимандрит, наместник Троицкой Сергиевой лавры, скончавшийся 22 октября 1894 года.

** Этот панегирик вполне приличествует и предшественнику старца Макария, старцу о. Льву, и преемнику его, старцу о. Амвросию.

чалом и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным (Еф.6,12).

В силу такого отношения старца Макария к своим ближайшим ученикам двери его келлии отверсты были для них во всякое время. Каждый из них свободно мог входить к нему без доклада келейников, не опасаясь прийти не вовремя или обеспокоить старца своим приходом.

Проживший 20 лет при старце Макарии келейник его в свое время говорил, что ни разу он не видел, чтобы старец выразил на кого-нибудь из братий неудовольствие за несвоевременный приход, не исключая даже и того часа, который он, утомленный трудами, употреблял на краткий послеобеденный отдых. Как чадолюбивый отец, он одним лишь обеспокоивался — если долго не видел у себя кого-либо из постоянно относившихся к нему. Отворяя дверь, каждый пришедший, по общепринятому в обителях обычаю, обязательно должен был произнести молитву Иисусову. Ведущая из коридора в переднюю старца дверь, когда отворялась, скрипела на своих ржавых петлях. По этому только скрипу старец узнавал о приходе посетителя и немедленно выходил к нему, оставляя свои келейные занятия.

Но вот однажды келейники, наскучив скрипом двери, вздумали в отсутствие старца подмазать скрипевшую дверь маслом. На другой день старец, не слыша обычного скрипа, встревожился: “Кто испортил мою дверь?” — спросил он келейников. Те сознались, что сделали это умышленно. “Исправьте! Сейчас исправьте! Пусть будет по-прежнему”. Нечего делать, пришлось снять дверь с петель. Тщательно обтерли масло, и дверь опять стала скрипеть по-прежнему, возвещая старцу о приходивших и через то заменяя докладчиков.

Коснувшись откровения помыслов, нелишне будет сказать о том, как смотрел старец Макарий на это весьма важное дело*. Именно:

а) как открывать помыслы старцу (или в женских монастырях — старицам) с пользою душевной? Так писал он к одной монахини:

* Собственно отношение к духовному руководителю, состоящее в беспрекословном ему повиновении по согласному учению св. отцов-подвижников, должно иметь следующие качества: подобает истинному послушнику иметь: а) веру к своему руководителю в такой мере, чтобы смотрел на него как на Самого Христа и как Христу повиновался ему, всякое от себя отгоняя неверие и сомнение; б) истину, то есть чтобы истинствовать в деле и слове и в точном исповедании помыслов; в) не творить своей воли; ибо для послушника творить свою волю есть большая потеря и большой вред; г) отнюдь не прекословить и не спорить; ибо прекословие и спорливость происходят от самомнения — сожительницы неверия и высокоумия; наконец, д) держаться совершенного и чистого исповедания тайных сердца (помышлений и желаний). Ибо язы объявляемые не в худшее придут состояние, но исцеляют, говорит Лествичник (Русское Добротолюбие Т. V. Каллиста и Игнатия, главы 15 и 14).

“Если согласится та сестра, о которой ты пишешь, принимать твои помыслы, то советую изъяснять перед нею, но не простым рассказом, а в виде раскаяния. И Господь силен устроить тебе пользу”.

В другом месте: “Устроивши, помощью Божиею, себе откровение помыслов к матери Г., должна соблюдать сие с верою и смирением и страхом Божиим, говоря не простым разговором, но со стыдением и похулением себя. А Бог, по вере твоей, даст слово, которое послужит к укреплению твоему и освобождению от страстей и успокоению совести”.

б) Какой ищется плод чрез должное откровение помыслов? И каково бесполезное откровение? “Откровение твое, писанное мне, есть как должно. Но я у тебя спрашивал, получаешь ли пользу? Имеешь ли сокрушение сердца, болезнование об оном и приходишь ли во смирение? А также ощущаешь ли тишину от бурь оных? В этом-то и состоит существенная польза откровения; как пишется в слове св. Кассиана к Леонтину игумену: “Само то еже являти и открывати злые помыслы отцем увядают оные и немощнейшая творит”. Что и на многих опытах дознано нами. Можно и открывать бесполезно, если — равным, безболезненно и вместо простого рассказа, который не приносит стыда и пользы, но еще может другую страстную повредить. Потому я и вопрошал тебя о пользе, ощущаешь ли оную”.

в) “Но какие помыслы открывать и о каких умалчивать? — писал старец Макарий к другому лицу. — В слове о рассуждении об откровении помыслов, какие должно открывать своим отцам, научают, что должно всякие помыслы **стужающие** открывать, но проходящие мимо и ничтожные не нужно говорить и время напрасно терять. Да это есть уже малодушие. И не будешь иметь времени ни на что, а только говорить о помыслах. Это также есть сеть вражия. Не повинуйся ей. Время брани, опыт и наставление покажут тебе, как должно поступать в таком случае”.

г) При всем том ни уединенная жизнь, ни самое откровение помыслов без других пособий не сильны избавить человека от страстей бесчестия. Писал старец к тому же лицу: “Ты думаешь найти в келлии покой; но обманываешься. Прочти о сем ответ Иоанна на вопрос 313 в книге Варсонофия, стр.292. Ты хочешь без скорби стяжать покой? Страсти тебе не дадут покоя. А ты еще и понятия не имеешь, как бороться с ними и противиться им. Только и думаешь, что будешь ко мне о всех помыслах писать и тем успокаиваться. Нет,

* Письма Оптинского старца иеросхимонаха Макария к монахиням. Том 4. Письма 134 и 135.

этого мало. А надобно, в случае восстания страстей, иметь поближе **врачевства**. А у тебя главная страсть — духовная гордость. От ней-то вся и беда — и смущение происходит, и прелесть”.

д) Какие же это врачевства? “Постарайся жить с отсечением своей воли и разума, как учат нас св. отцы: св. Иоанн Лествичник (степень 1 и 4), святой авва Дорофей, св. Симеон Новый Богослов, св. Феодор Едесский и проч. Приемля в разуме их учение, старайся исполнять делом. Но и тут остерегайся мнения о себе, что ты уже исполняешь как должно. Это — посев, а ищется плод — смирение. От послушания рождается смирение, пишет св. Иоанн Лествичник. Однако надобно знать, что враги нашего спасения ненавидят находящихся в повиновении и стараются отвратить от сего. Они стараются или мнением о себе уничтожить плод послушания, или совсем отвратить от оногo. И если ощутишь в себе оные, не закосневай открывать и обличать козни вражии. Обличаемые, они убегают, пишет св. Кассиан к игумену Леонтину”.

е) При отсечении своей воли и разума предлагаются старцем против самолюбия и еще иные врачевства: “Жизнь монастырская, — пишет он, — требует искушения для познания нам своей немощи и своего устройства. Нам показан путь Самим Спасителем — иго благо и бремя легкое — отвержение своей воли и разума, (но по-твоему), нехорошие эти руководители! Ты плачешь, что сестра определяется к N. и не будет жить с тобою; а между тем ты с нею ни в чем не сходишься в нравах и действиях. А тебе, по моему мнению, необходимо к совлечению страстей отвергнуться своей воли и разума... Не говорю, что пред M., но хотя пред сестрою, и то хорошо. А ты думаешь довольствоваться только откровением м. игумении. Этого одного мало. Если открывать свои раны, надобно и лекарства на них: укоризну, досаду, поношение, насмешение и прочие неприятности для самолюбия и гордости — врачевства, которых ты и не будешь иметь; а будешь обольщать себя, что живешь с откровением”.

ж) Для очищения от страстей нужна и молитва Иисусова, но только **устная**, и по указанию опытных, ибо при мнении о себе и самая молитва без указания старца не может иметь должного направления. Слова старца к той же особе: “Просишь благословения почаще молиться. Я никому не запрещаю молиться: молитва много нам приносит блага. Но приниматься за высокую молитву я опасаюсь предавать, чтобы не впасть в прелесть, а **призывать устно Имя Иисусово**, и во время стужения страстей нужно молить Господа. А с мнением, которое враг повергает в ум неопытных, помысл говорит, что мало молился, так смирайся. А когда будешь много молиться, он скажет

тебе, что хорошо делаешь. Вопрошаешь о конце молитвы и приводишь слова Иоанна Лествичника, что ночная молитва освящает наши дневные делания. Да идет ли к твоему устроению? И к кому это сказано? Как во всем, так и в этом, проси мать М. наставить тебя: она видит твоё устроение и скажет тебе полезное. Ты будешь ночью молиться, а ее же осудишь, что она не встает на молитву и себя поставишь лучше от нее”.

з) Старец еще рассуждает о недостаточности молитвы и чтения книг (конечно, святоотеческих) в деле совершенствования духовного и опять сводит мысль свою к необходимости терпеть скорби: “Ты все увлекаешься своими молитвенными исправлениями, но какую же пользу обрела? Много читала, и после ум помрачился, а надобно разделять время на все. Мы составлены из духа и плоти, и должны каждому давать свое делание. А ты ничего не делаешь; оттого и впадаешь в такое смущенное устроение. Надобно непременно чем-нибудь заниматься, то есть рукоделием и каким-нибудь послушанием, чтобы тебе и со стороны могли быть какие-нибудь толчки к познанию своей немощи и к смирению. Хорошо правило — пост и поучение в писаниях; но это — возделание земли и посев; а когда же будет плод терпения, смирения, любви и проч.? И как ты оные стяжешь, не имея ни с кем сообщения?”

Душа неопытного подвижника слепа. И потому старец пишет своей ученице разъяснения на некоторые предметы, касающиеся жизни духовной. Так как разъяснения эти очень полезны для стремящихся ко спасению и интересны: то, кажется, не неуместно будет ознакомить с ними читателей. Так писал он к той же особе: “Спрашиваешь, как очищать страсти? И что есть страсть? И как нужно засматривать почаще в глубину своего сердца? Какие же ты будешь очищать страсти, когда ты и не знаешь, что есть страсть? И как входить в глубину сердца своего? Это высокий вопрос! Страстей много есть в нас, но главных три: славолюбие, сластолюбие и сребролюбие; а от сих еще пять, о коих подробно пишут св. Кассиан и Нил Сорский, и как оным противиться. Еще у св. Исаака много писано о страстях и у прочих отцов. Как же ты хочешь входить в глубину сердца, когда оно завалено колодами, камнями, хворостом, сором, паутиною и пылью? Входить в глубину сердца — значит и пылинки чтобы не было. Ты прежде выбрось крупные вещи: колоды, камни, хворост, а потом сними паутину, и тогда будешь выметать и пыль. А ты, прочтя, что надо сходить в глубину сердца, уже и

* См. преподобных отцев Варсонофия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни. Ответ на вопрос 378.

лезешь туда. Св. отцы пишут: “Люто есть предати новонаначальному высокая”. Еще скажу тебе попроще пример: сердце наше — земля; а тернии — страсти, которыми оно заросло. Так надобно исторгати тернии всякий день, хотя понемногу стараться и очищать землю; и тогда сеяти добрые семена. Они и плод принесут. А то ведь терние подавит их, и пропадут. Еще св. Пророк Давид учит: *“Уклонися от зла и сотвори благо”*. А не уклоняся от зла, видно, и благо не воспользует. Ты начинай с отвержения своей воли и разума, и найдешь путь истинный.

Ты желаешь духовного делания; а оно состоит в отвержении воли и разума. Говоришь: нет во мне рассуждения. Однако ты скоро вздумала стяжать такое высокое дарование. Прочти в 7 степени Кассиана, в послании к Леонтину игумену, как оно стяжается: “Истинное рассуждение не приходит, аще не от истинного смирения”. Смирения не имеешь; а с гордостью хочешь иметь рассуждение.

Пишешь о сомнении твоём вкушать трапезу один раз, а вечером не вкушать, и думаешь этим утончением плоти мысли утончить и что более будешь иметь внимания к своему спасению. А если ошибаешься, то что будет? Ты все лезешь в высоту, а не снисходишь к смирению. Если вкусишь мало и вечером трапезы, не помрачится ум, а более смирится. И в этом отдайся на волю старице, видящей твое устроение. Ты хочешь вдруг взойти на небо; а старцы говорят: “Аще видеши юна, текуща на небо, запни ему ногу”. Ты не летами, а разумом юна. Прочти у св. Иоанна Лествичника в 4-й степени 118 главу о безвременно ищущих великих исправлений — что он пишет. Да и всю эту степень прочти повнимательнее и найдешь пользу послушания.

На вопрос твой о бане, что ты не ходишь в баню. Невелика добродетель. А если сим возносишься, а других судишь, то и пользы нет. Опасайся мечтать о своем целомудрии. Помни, что и девы не вошли в Чертог Небесный, не имея елея в светильниках своих.

Страсти в полной мере тобою обладают, а паче страсть самолюбия. Ты жила в мире, основывала свое спасение на одном исполнении правила и на посте; а о нравственности нимало не помышляла, и страсти в тебе спали; а когда вышла на подвиг, то они и возбудились, и восстали на тебя. Хотя тебе и помогает правильный путь боления со страстями и на них победы — отвержение своей воли и разума и истинное послушание; но враг, напротив, вооружает тебя против сих спасительных действий, как написано у св. Феодора Едесского в главе 40-й и далее, о коих я тебе много раз писал и лично предлагал. Ты, принявши злой его совет, видишь в М. про-

тивное; а когда воспротивилась (сему злomu совету), то пишешь, что получила успокоение. Из сего ты должна впредь быть опытною”.

Говоря о должном откровении помыслов, старец Макарий, как мы видим, всемерно старался наклонять ученицу свою ко смирению. Заметим при этом, что правильное откровение естественно должно приводить держащегося сего пути человека к самопознанию, или правильному взгляду на свою великую греховность и никуда негодность, а чрез это и ко смирению. В самом деле, при тщательном к себе внимании человек видит, что вся прежняя его жизнь прошла в грехопадениях, что и вчера он грешил пред Господом в том и том, и ныне опять то же и то же, и завтра лучшего нельзя ожидать, и так далее, и так далее. Поневоле он должен приходить к смирению о себе мнению, выраженному в 4-й запричастной молитве: “Аз есмь пучина греха и несмь достоин, ниже доволен воззрети и видети на высоту небесную от множества грехов моих, их же несть числа”. К сему-то и старался старец Макарий направлять всех своих чад духовных, приводя в своих письмах, без сомнения, и в личных беседах, слова св. Петра Дамаскина: “Тогда бывает душа сокрушена и видит грехи своя, яко песок морской; и сие есть начало просвещения души и знак ея здравия”^{***}.

Из всего же вышеприведенного можно видеть, что отношения духовных детей к старцу Макарию, как и его к ним, были правильные, согласные с учением о сем св. отцов. Именно вследствие боголюбивых качеств его души все доблассудные дети его духовные имели к нему полную веру, которая заставляла их истинствовать пред ним в словах, делах и откровении помыслов, или чисто и без утайки высказывать их. А старец, со своей стороны, поучал их отсечению своей воли и разума, причем естественно должны были отвергаться всякое прекословие и спорливость. Все же это направлялось к одной спасительной цели — стяжанию плодов духовных: терпения, смирения и проч.

Бывали еще и такие, которые, поручив себя духовному руководству старца, вместе с тем хотели жить и действовать по своей воле и нередко прекословили ему. Таковых старец оставлял ходить по воле сердца своего, да *накажет* их самое *отступление* их (Иер. 2, 19). Послушнику, вопрошавшему о чем-либо старца лукаво, с желанием исполнить волю свою, последний отвечал: “Как хочешь”. И это повторялось им с терпением на все следовавшие оправдания виновного до тех пор, пока самочинник не сознавал искренно своей вины и, раскаявшись, вопрошал старца уже чистосердечно: “Как посоветуете мне, батюшка? Я оставляю

* 23 письма Оптинского старца о. Макария к г-же С.И.Н.—Душеполезное чтение, 1908, март, апрель, май.

** В славянском Добротолюбии, св. Петра Дамаскина о седми деяниях.

на вашу волю: как возвестит вам Бог сказать, так и постараюсь исполнить при помощи ваших святых молитв”. Тогда и старец преподавал потребный совет. По данному ему от Бога дару прозорливости он иногда предостерегал самочинных от угрожавших им опасностей. “Делай как знаешь, — говорил он иному, — но только смотри, как бы ни случилось с тобою вот того-то”. И слова старца всегда оправдывались на деле.

Вообще же, по отношению ко всем временно уклонявшимся по действию вражью от пути откровения, долготерпеливый старец мудро выжидал, когда постигнет кого-либо из таковых какое-нибудь искушение, внешнее или внутреннее. Тогда, выслушав, раздумлял и утешал к нему пришедшего, говоря так: “Вот, это постигло тебя за то, что ты уклонился на шее. Ах, брате, брате! Рассуди, мне ли нужно твое откровение? Врагу не нравится этот путь, как верный и кратчайший ко спасению. По свидетельству св. отцов — аввы Дорофея, Феодора Едесского и многих других, — он не только не любит откровения помыслов, но даже терпеть не может и самого голоса, которым оно произносится. Вот почему он и старается всячески тебя отвлечь от сего. Хотя я грешен, неразумен и немощен душевно и телесно; но не отрекаюсь тем, кто ищет с верою утешения (в скорбях) и пользы душевной, сказать, что Бог подаст омраченному моему уму к их пользе, и быть в сем орудием милосердного Его отеческого Промысла, аще и недостойн. Если с верою будешь искать и принимать мои слова, то и чрез грешника получишь пользу. А если — без веры или с сомнением и испытанием, разбором слов и действий: то, хотя бы и праведник был, пользы быть не может. Это знаешь и из отеческих писаний, и на деле испытал. Говорю сие, не упрекая тебя, но утверждая на предняя”.

Сими и подобными словами старец так, бывало, утешит и ободрит виновного, что тот выйдет из его келлии, сам себя не помня от радости, благодаря Бога, что возвратился на правый путь и вместе укоряя себя и раскаяваясь в том, что на время отступил от сего пути, послушав вражия коварства.

Впрочем, не всегда так тихо и кротко обращался старец Макарий с братьями. Бывали случаи, когда он не только строго, но и грозно поступал с некоторыми из них. И это было в особенности тогда, когда замечал он в ком-либо из близких и искренно относившихся к нему спорливость, непокорность и вообще горделивость, хотя бы в тонком виде; а иногда и для испытания. Примеры сему будут далее. А теперь упомянем о том, что благостный старец о. Макарий не только заботился об удовлетворении душевных нужд сожительствовавших с ним братий, но и старался по воз-

* Подлинные слова старца Макария.

возможности облегчить их внешнее затруднительное положение. Рассказывал о себе современный старцу скитский послушник Илия Силаев (впоследствии настоятель Оптиной Пустыни архимандрит Досифей): “Происходя из крестьянского звания и поступив в монастырь в молодых летах, я должен был вскоре и оставить монастырь для отбытия страшной в те былые времена воинской повинности. Узнав о моем безвыходном положении, старец спросил: “Хочешь уходить из монастыря?” С великой скорбью я ответил ему: “Лучше бы я согласился, батюшка, умереть, нежели оставить обитель”. Тогда старец озаботился найти благодетелей, которые пожертвовали достаточную сумму денег, дабы откупиться от солдатчины”. Оказывал старец такую же помощь и другим послушникам, если видел в них искреннее желание иноческой жизни. По обязанности скитонаачальника, старец Макарий как сам строго соблюдал, так и во вверенном ему братстве силою своего влияния поддерживал соблюдение скитских правил. Сам всегда присутствовал в храме Божиим при церковных богослужениях и ходил вместе с братьями в трапезу. Чтобы ни в чем не отделяться от прочих братий и не выказывать особенных подвигов и своего пред ними превосходства, старец Макарий вместе с братьями ходил и в баню мыться. Но как он мылся? Лишь только войдет, ополоснется водой и уже идет вон. Ему скажут: “Батюшка, батюшка! Что же вы так скоро-то?” “Довольно, довольно” — ответит. Затем поплюет на свое тело, например на руку, а другою разотрет. “Ничего, ничего, — скажет, — хорошо, довольно”. Тем и кончалось его омовение. Так самым делом наставлял старец учеников своих презирать плоть свою, преходит бо. С искусством, приобретенным долговременным опытом, старец сам распределял между братьями и частные послушания и назначал каждому по его силе, способностям и душевному устроению келейные занятия. Сам входил во все подробности каждого дела; решал возникавшие при прохождении того или иного послушания недоумения, неприятные столкновения и смущения; вразумлял, наставлял, поощрял, вспомогавствуя каждому брату и словом, и делом. Каждый брат поэтому воочию видел и чувствовал, что бремя его трудов и скорбей сострадательно разделяет с ним любвеобильный его отец и мудрый наставник. От сего и трудное послушание для проходившего оно казалось легким. Сам же старец нередко и посещал кельи своих учеников и, как замечено ими, приходил всегда благовременно, имея в виду духовную цель — утешить одного, ободрить другого, поддержать падающего духом, вразумить неразумного. А потому посещения эти проливали в души посещаемых успокоение и духовное веселие. По уходе же такого возжеленного гостя, казалось, и самая келья брата исполнялась благоуханием смирения, которым запечатлены были все дела и слова сего поистине дивного мужа.

Как духовный наставник, старец Макарий каждому из относившихся к нему вменял в существенную обязанность к пояснению и подтверждению получавшихся от него духовных советов заниматься в келлии в свободное от послушаний время чтением святоотеческих книг и сам каждому брату назначал, что читать, сообразуясь с мерою его духовного возраста, отнюдь не дозволяя братья за чтение книг самочинно, по собственному выбору каждого. Новоначальным, или вновь поступившим в монастырь, послушникам предварительно и преимущественно назначал читать книгу поучений преподобного аввы Дорофея, называя ее “монашескою азбукою”; так как без усвоения содержащихся в ней правил нельзя положить твердого основания иноческой жизни.

Затем старец поучал и наблюдал, чтобы никто из учеников его никогда не был праздным. А для сего он внушал им, чтобы каждый сверх определенного ему скитского послушания для прогнания уныния занимался каким-либо рукоделием, которое у св. отцов обычно называется “поделием”, указывая при том на отеческое слово, что монах, занятый делом, борется только с одним бесом, а праздный — со многими. Поэтому он завел в скиту и поддерживал личным участием и поощрением разные рукоделия: токарное, переплетное, футлярное и ложечное. Из них три первые старец сам знал. Искусные в краснописании занимались списыванием по уставу святоотеческих книг, в чем старец, как выше сказано, тоже был сведущ.

Желавших заниматься рукоделиями старец снабжал материалом; а трудившиеся взаимно приносили ему свои изделия. Между тем, батюшка о. Макарий тут, как и везде, имел духовную цель, ибо через такой оборот незаметно отсекалось в братиях веществолюбие и насаждалась беспопечительность. Приносившие старцу свою работу получали от него в поощрение так называемое по-монастырски “утешение” — кто осьмушку или четверку чая и фунт или два сахара, кто иной раз платочек, четки, книгу или еще что-либо. Чтобы понять значение слова “утешение”, присоединяемого к столь, по-видимому, маловажным вещам, надобно было видеть, как высоко ценились эти подарочки горячо любимого и любвеобильного старца даже и седовласыми старичками, как знак отеческой его любви и милостивого внимания. Между тем как через эти малые утешения братия незаметно привыкали довольствоваться малым и навыкали к самоограничению, что в духовной жизни имеет великое значение. Старец же приносимые братиями изделия обыкновенно

дарил благотворителям обители, а иногда подносил их и почетным лицам, посещавшим Оптину Пустынь, мирским и духовным.

Отношение старца о. Макария к монастырю, так же как и к скиту, обуславливалось, главным образом, многотрудною обязанностью духовника и наставника. Обязанность эта была возложена на него, как выше упомянуто, в 1836 году, еще при жизни старца о. Леонида, мужа приснопамятного по своим духовным дарованиям, опытности и разуму духовному. Вследствие чего старец о. Макарий и принимал от Евангелия всех постригавшихся о. настоятелем братий, как скитских, так и монастырских. Принято же старцем постриженных в Оптиной Пустыни с 1839 по 1860 год, в конце которого он преставился ко Господу, шестьдесят человек*.

Одаренный от Господа духовным разумом, старец наставлял всех своих учеников словами Св. Писания и отеческих учений, глубоко вкоренившихся в чистом его уме и сердце. До самой блаженной кончины своей он старался главным образом поддерживать в братстве заведенное его предшественником, старцем о. Леонидом, откровение помыслов, от которого проистекает хранение совести, справедливо признавая сие делание, как выше сказано, основанием внутреннего благоустройства и порядка, а следовательно, и процветания обители**.

Смирennomудрый Оптинский настоятель, о. архимандрит Моисей, сам первый подавал в этом пример для всего братства. С глубоким уважением и искреннею любовью относился он к старцу

* Из них до 1860 г. скончались 11 человек. Из остававшихся в 1860 году в живых пребывали в Оптиной Пустыни — в монастыре 27 человек, и в скиту 11, и перешедших по обстоятельствам в другие обители — 11 человек.

** Откровение помыслов старцам, передавал в свое время вышеупомянутый о. архимандрит Леонид Кавелин, есть столп и утверждение афонских киновий и скитов. В бытность мою, говорил он, на святой Афонской горе в 1859 году на сделанный мною одному из свечильников афонского иночества вопрос: "Что сотворю, да спасуся?" — он спросил меня: "Да ты в каком монастыре живешь? И есть ли у вас старцы и откровение помыслов?" — Я отвечал, что живу в общежительном монастыре, в коем по милости Божией есть старцы опытные в духовной жизни, и что внимающие себе ходят к ним на откровение своих помыслов. "Итак, ступай с миром и продолжай сей правый путь и спасительное делание, сказал он, помня, что за находящихся в повиновении у старцев отвечают Богу они, а послушники нет иного падения, как, отдавшись в послушание старцу, творить свою волю. И у нас брате, — прибавил он, — кто спасется, не иначе как чрез старчество спасается; ибо нет иного кратчайшего пути ко спасению, как сей. От послушания бо рождается смирение, а сие творит нас сынами Божиими". Так понимают старчество, согласно с учением св. отцов, современные афонские подвижники. И там ни один монастырь не примет инока, самовольно отлучившегося от своего старца без его разрешения. В недавнее время был там следующий случай, который показывает общность взгляда на старчество всей Афонской горы. Афонский протат назначил некоторого инока в настоятели одной из афонских обителей, не спросив предварительно согласия на сие у его старца. Сей последний протестовал против этого назначения во имя своих духовных прав над восприимчивым сыном, говоря: "Я не признаю его способным занять сие место". И протат, не требуя от старца никаких дальнейших насчет сего объяснений, немедленно отменил свое распоряжение.

Макарию, находясь у него в безусловном самопроизвольном послушании, считая каждое слово его законом для себя, будучи в то же время глубоко почитаем и любим и старцем.

Наблюдал также батюшка о. Макарий, чтобы сохранялось в братстве и наружное благоговение и благоприличие, особенно чтобы младшие братия отдавали должное почтение старшим, во исполнение заповеди Господней о почитании родителей, под коими разуметь должно и вообще всех старших ближних наших, отцов и братьев, так как внутреннее расположение души согласуется с внешними поступками у не очистивших от страстей сердце свое.

Входя таким образом во все обстоятельства всех братий, не исключая и о. настоятеля, старец всемерно старался поддерживать во всех них мир, любовь и единодушие. При удобном случае, по примеру своего предшественника, старца о. Леонида, всем вообще и каждому порознь он напоминал слова Спасителя: *О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин.13,35). Конечно, батюшка о. Макарий разумел здесь любовь чистую, духовную. Ибо всякое страстное движение в учениках своих и ученицах он всячески преследовал, как увидим ниже из рассказов некоторых относившихся к нему монахинь. Так он и писал к одной из своих племянниц: "Любить мы всех обязаны, но чистейшею любовию, успокаивающею нас, а не причиняющею смущение. А иначе будет то, что мы любим тварь паче Творца; тогда как должны любить ближнего ради любви Божией. А ты было увлеклась пристрастною, а не истинною любовию, которую св. Симеон Новый Богослов запрещает в 125-й главе, и прочие отцы. Проси Бога, чтобы тебе даровал иметь к ним... равную любовь; а различие и пристрастие от врага, которое укрыться не может, тебя и их беспокоит. Молись Богу и отдай Ему свое сердце; исполняйся к Нему любовию; и с м.П. имей мир. Господь силен сохранить тебя от козней сопротивного. Будь мирна и спокойна".

Поучая учеников своих соблюдать все заповеди Господни, изложенные в Св. Евангелии, старец Макарий в особенности наставлял их заботиться о приобретении самоукорения и смирения, носить немощи ближнего и душу свою полагать о брате, доблестенно претерпевать случающиеся искушения, то есть оскорбления, поношения, укоризны, досады; а также мужественно претерпевать с благодарением и находящие телесные многообразные искушения: недомогания, болезни, лютые и горькие временные злострадания ради вечного спасения душ своих.

• Письма к монахиням. Т.3. Письмо 197.

Вследствие таких взаимных отношений между старцем и братьями время старчества батюшки о. Макария в Оптиной Пустыни, в особенности к концу его жизни (1854—1860 гг.), по рассказам вышеупомянутого о. игумена Марка, было поистине блаженным временем, золотым веком для обители по причине установившегося внутреннего строя в среде братства через старческое и именно отеческое влияние старца на внешнюю и внутреннюю жизнь братий, несмотря на видимую их разрозненность по их званию и состоянию. Все это богособранное братство поистине представляло одну родную единомысленную семью, восходящую от силы в силу в отношении иноческого совершенствования. Если же кто из поступавших в обитель начинал отступать от установленных старцами правил, о коих сейчас было сказано: тот уже не мог ужиться среди оптинского единодушного братства и переходил в другой, по своему вкусу, монастырь. Вспоминая это блаженное время, преемник старца Макария старец Амвросий при личном свидании с игуменом Марком неоднократно говаривал: “За счастье мы должны счесть, что жили при таких великих старцах, каковы были: о. архимандрит Моисей, брат его о. игумен Антоний и старец о. Макарий”.

О будущности же и значении старчества в Оптиной Пустыни батюшка о. Макарий выражался так: “Старчество в Оптиной Пустыни будет более или менее **поддерживаться** до тех пор, пока откроются в ней **мощи**”. Но чьи мощи — известно только Единому Господу.

Глава X

Отношения старца о. Макария, в частности, к некоторым из оптинских братий — скитским и монастырским

ообще должно сказать, что смиренный и любвеобильный старец батюшка о. Макарий ко всем братиям, и скитским, и монастырским, и старшим, и младшим относился с одинаковою отеческою любовью и попечительностью. Но особенное благорасположение оказывал он тем из братий, которые проводили более внимательную жизнь. Таких старец отличал от остальных братий. По рассказам старожилов-монахов, оказывал некое предпочтение скитянам перед жившими в монастыре, без сомнения, потому, что видел в них более склонности к жизни духовной. Имел еще старец большое расположение к некоторым из преданных ему, но чем-либо немоществовавших духовных чад его. Так сердце матери обычно более бывает склонно к любви и жалению малых болезненных своих детей.

Из скитских современных старцу Макарию подвижников известен иеромонах Амвросий, преемник его по старчеству, к которому батюшка о. Макарий, по словам о. игумена Марка, относился как к любезнейшему сыну о Христе и своему наперснику. Случалось неоднократно, что старец Макарий по обстоятельствам уезжал куда-либо на время из скита. В таком случае духовное окормление братства поручал он не иному кому, как только, главным образом, о. Амвросию. Сказывал о себе вышеупомянутый о. игумен Марк: “В Оптину Пустынь прибыл я в 1854 году, когда там старчествовал о. Макарий. Объяснив ему причины желания моего поступить в монастырь, я рассказал ему все обстоятельства своей жизни и просил его святого благословения на подвиг иноческий. Благословив меня и указав на келлию о. Амвросия, старец сказал: “Идите к нему; вон его келлия!” С тех пор я стал относиться к о. Амвросию как к старцу”. Говорил еще тот же о. игумен Марк, живший в монастыре: “Входишь, бывало, в скит, встречаешь старца Макария с кучею писем на его имя; и кучу эту он, бывало, несет тоже к о. Амвросию”.

Без сомнения, батюшка о. Макарий был в полной уверенности, что о. Амвросий, по своей опытности духовной, сумеет, как и что ответить на эти письма и преподать полезный совет нуждающимся, несмотря на то, что был в то время еще в средних летах.

“Пришлось мне однажды,— сказывала Белевского женского монастыря монахиня м. Татиана Иванова,— пожаловаться батюшке старцу о. Макарию на батюшку о. Амвросия. Старец внушительно ответил: “Молчи, молчи! Если бы ты знала, кто будет Амвросий!..”

Упомянутый сейчас о. Марк сетовал однажды по поводу опасения, что с кончиною старца Макария оскудеет в Оптиной Пустыни старчество и даже совсем может прекратиться. Утешая его, старец сказал: “Ничего. Лучше меня еще будут”. Конечно, имел он при этом в виду своего преемника о. Амвросия, который при слабых своих телесных силах более тридцати лет старчествовал в Оптиной Пустыни и слава о коем в свое время разнеслась по всей Православной Руси.

При всем том, следуя словам Св. Писания: *Наказуй сына, и возлюбит тя* (Притч. 29,17), а также и наставлениям св. отцов-подвижников, старец Макарий при удобных случаях поступал с возлюбленным духовным сыном своим о. Амвросием грозно и взыскательно. Однажды просто без церемонии выгнал его вон из своей келлии за одну немилосердную барыню, которую, впрочем, и сам не принимал долгое время. Бывали неоднократно и другие, подобные сему, случаи.

Немало было в скиту при жизни старца Макария и других подвижников, старых монахов, к которым он имел особое благоволение. Таков, например, был иеромонах Иннокентий (в схиме Иов), духовник самого старца Макария, труженик и любитель безмолвия, в продолжение 18-летнего пребывания своего в скиту никогда и ни с кем не вступавший в праздные разговоры и вообще устранявшийся бесед. Рядом с ним в особой келлии жил болящий монах о. Макарий Грузинов. С этим только болящим монахом о. Иннокентий и имел по вечерам собеседование, и только о духовных предметах. Что днем вычитывал он назидательного из духовных книг, то, бывало, и пересказывал больному о. Макарию. Как иеромонах и духовник старца Макария, о. Иннокентий занимал в скиту видное положение, но, по своему смирению и любви к ближним, сам изъявил желание послужить болящему о. Макарию вместо келейника и отправлял эту обязанность с великим усердием до самой своей кончины, которая причинила оставшемуся после него больному невыразимую скорбь. Пред самою кончиною, когда

о. Иннокентий находился уже в крайнем изнеможении сил, на вопрос одного из старших братьев: “Не желаете ли чего, батюшка?” — он, собрав последний остаток сил, ответил с расстановкою: “Желаю... разрешиться... и со Христом быть”. После чего вскоре и скончался.

Еще особенно замечателен был в скиту бывший Валаамский игумен Варлаам, уединенник, делатель умной молитвы Иисусовой, изливавший обильные слезы, что доказывали веки его глаз, опухшие и лишенные ресниц, — и при том крайний нестяжатель. У него в келлии положительно ничего не было, и дверь келлии никогда не запиралась. По поводу кончины сего подвижника и еще нескольких пожилых оптинских монахов старец Макарий с сожалением так писал к одному лицу: “Жаль старичков, особенно о. Варлаама. Без них как будто пусто. Молодые хороши при старичках”.

Из младших же скитских монахов батюшка о. Макарий особенно был внимателен к получившим хорошее научное образование в средних или высших учебных заведениях, которые, впрочем, смирялись и были у него в беспрекословном послушании. Из этих можно упомянуть о монахе Ювеналии (впоследствии архиепископе Виленском). В миру назывался он Иван Андреевич Половцев. Воспитание получил в Артиллерийском училище и немного послужил на военной службе. В марте 1849 года поступил в Оптинский скит послушником под окормление старца о. Макария, пользовавшегося в то время широкою известностию за высокие нравственные качества и святость жизни.

Нелишне, думается, поместить здесь интересный рассказ владыки Ювеналия о самом первом его пребывании в скиту. “Некоторые родственники, — так передавал он своему племяннику А.В. П-ву, — уговорили второго брата моего Александра поехать ко мне, чтоб извлечь меня из Оптиной Пустыни. Он пришел ко мне и говорит: “Брат Михаил проигрался в карты. Но имение его Старая Мойна — это золотое дно. Я продал дом и мог бы уплатить долги брата; но для этого нужно, чтобы в Мойне был честный управляющий, который вел бы там дела года три. Тогда я и получил бы свои деньги обратно, и у брата Михаила осталось бы порядочное состояние”.

Слушая это, я подумал: вот бес выдумал какую штуку; да не удастся. Я сказал, что без благословения старца ни на что не решусь. Мы пошли к о. Макарию, который принял нас в маленькой комнате, служившей ему приемною. Александр говорил красноречиво о пользе, которую я мог бы принести родным, о необходимости управляющего в Мойне и прочее.

— Да приискивайте, — сказал о. Макарий.

— Мы и нашли вот его, — ответил он, указав на меня.

— Нет. Это вы хотите часть у Бога взять. Этого нельзя. У вас другие братья есть.

И тут старец спросил меня: “Что ж ты, Иван Андреевич, молчишь? Как же ты думаешь об этом?”

Я не помню буквально, что я отвечал; но смысл был тот, что я отказываюсь. Александр очень огорчился. Игумен (о. Моисей) кормил его приличным обедом, занимал его. Условились мы, что я приду к нему на гостиницу после отдыха. Но Александр так был расстроен, что уехал, не дождавшись меня и даже позабыв передать мне переплетный инструмент, который прислала мне маменька”.

Александр Андреевич (присовокупляет автор-племянник), передавая мне неоднократно этот рассказ, сообщал при этом любопытную подробность, касающуюся старца Макария. Раньше, чем повидать брата Ивана, который работал где-то на огороде, Александр Андреевич посидел некоторое время в келлии о. Макария, которому сказал только, что приехал повидать брата, не упоминая о действительной цели приезда. К удивлению Александра Андреевича, старец Макарий стал говорить с ним о Луи-Блане и о всевозможных событиях, происходивших тогда во Франции. В разговоре с братом Иваном Александр Андреевич спросил потом:

— Разве у вас получают газеты?

— Почему ты думаешь? — возразил Иван Андреевич.

— Да вот, Макарий говорил со мной о самых новейших событиях во Франции.

— Да ты, вероятно, читал газету, когда ехал сюда?

— Читал. Так что же?

— Так старец Макарий говорил тебе то самое, о чем ты думал. Он читал твои мысли. Мы к этому привыкли. Он очень часто не спрашивает тех, кто к нему приходит, — зачем они пришли, а прямо говорит, — что надо делать, чтобы помочь горю.

Об этом даре старца Макария записан мною со слов архиепископа Ювеналия еще следующий рассказ: мужик привел к нему своего сына бесноватого, который падал на землю в судорогах. “А ты зачем его проклинал?” — сказал Макарий без всяких расспросов о болезни. “Да это давно было”, — возразил мужик. “То-то давно”, — ответил о. Макарий. — **А.В. Половцев**”.

* Московские Ведомости. 1904. № 120. Выписка из статьи “Страж Православия в Литве”.

Живя немалое время при старце Макарии, о. Ювеналий всегда находился у него в строгом безусловном послушании. Вот для примера один, хотя, по-видимому, маловажный, но все-таки характерный случай. Однажды о. Ювеналий у старца в чайной вместе с его келейниками пил чай. Но вот отворяется дверь, показывается старец и зовет: “Ювеналий!” У о. Ювеналия оставалось на блюде немного недопитого чая, может быть, глотка на два или на три, но он, нисколько не рассуждая, тотчас оставил свое чаепитие и хотел было уже идти к старцу. Заметив это, старец улыбнулся и велел ему сначала допить свой чай.

Годов через восемь по поступлении в скит о. Ювеналий, возведенный в сан иеромонаха, с другим иеромонахом, о. Леонидом Кавелиным, по воле высшего начальства назначен был к отправлению в Палестину в Иерусалимскую миссию. И вот, когда настало время выезжать ему из скита, батюшка о. Макарий привел его в церковь и велел приложиться к св. иконам, а сам в это время запел своим старческим, но приятным голоском: “Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром...” Ему стал подтягивать скитский бас о. Исаакий. Пение их было так приятно, что до глубины души трогало собравшихся и стоявших здесь скитян, сердца коих и без того уже предрасположены были к грустным чувствам по причине разлуки с отделившимся от родной семьи собратом. После того, прощаясь с о. Ювеналием, старец сказал: “Здесь мы видимся теперь в последний раз”. По приезде в Палестину о. Ювеналий вследствие неожиданно встретившихся обстоятельств хотел было через год возвратиться назад в Оптинский скит и стал просить у батюшки о. Макария на это благословения, но старец убеждал его еще послужить, сколько достанет у него сил. Потому он пробыл там еще года два. Наконец, по усиленной его просьбе, разрешено было ему старцем возвратиться; но только, возвратившись, он уже не застал старца в живых.

Еще особенным благоволением старца Макария пользовался из младших скитян вышеупомянутый монах Леонид, ездивший с о. Ювеналием в Иерусалимскую миссию (впоследствии архимандрит, наместник Троицко-Сергиевой лавры). В мире он назывался Лев Александрович Кавелин, происходил от благочестивых и благородных родителей; получил воспитание в кадетском корпусе и служил несколько времени на военной службе; а затем вышел в отставку и поступил в число братства в Оптинский скит. Был у Льва Александровича природный недостаток — сильная вспыльчивость. Вследствие чего он и против воли наносил иногда некоторым из

братий оскорбления. За то вообще оптинские монахи его не любили. Так, однажды, в бытность белевской монахини Татианы Ивановой (бывшей крепостной гг. Кавелиных) в Оптиной Пустыни, какой-то иеродиакон в разговоре с нею назвал его даже бранным словом: “Сибирный”. Под таким впечатлением и находилась м. Татиана в своем номере на гостинице. Но вот через четверть часа после разговора ее с иеродиаконом входит к ней батюшка о. Макарий и, обратившись к ней, в обличение ее помысла, говорит: “Таня! Так Леонид сибирный? Ну, не конфузся. Вот тебе пряник”. Обличил старец, а вместе и утешил. Впрочем, к чести Льва Александровича должно сказать, что он имел прекрасные душевные качества. Был человек прямодушный, добросердечный и благожелательный. Если иногда кого-либо нечаянно и оскорблял, то немедленно после того шел к оскорбленному и просил у него прощения с земным поклонением. Бывшее имение гг. Кавелиных, село Грива, находится верстах в 10-ти от Оптиной Пустыни, и старец Макарий ежегодно туда ездил. Имел он обыкновение, по словам вышеупомянутой м. Татианы, от г-жи Кавелиной, матери о. Леониды, всегда заезжать к ее золовкам, версты за три. Один раз в летнее время пошел он к ним в сопровождении о. Леониды пешком. С ними послан был от Кавелиных слуга, который нес их одежду. После слуга этот сказывал, что они всю дорогу разговаривали. О чем была их беседа, он не мог слышать, так как ему велено было идти от них поодаль, но лица обоих их в то время были так необыкновенны, что он шел за ними в каком-то страхе. Впоследствии, по свидетельству почившего оптинского настоятеля о. архимандрита Досифея, вероятно, уже незадолго до кончины старца Макария, о. Леонид, будучи в сане иеромонашеском, был некоторое время его духовником.

Эти упомянутые три лица — иеромонах Амвросий и монахи Ювеналий и Леонид — под непосредственным надзором старца Макария в его келлии занимались в свое время изготовлением к печати переведенных с греческого на славянский язык известным старцем, настоятелем Молдавского Нямецкого монастыря, Паисием Величковским некоторых святоотеческих книг. К этому ученому обществу присоединен был еще один скитский рясофорный монах Павел Степанович Покровский (впоследствии иеросхимонах Платон). Об этом последнем также нелишним считаем сказать несколько слов.

Павел Степанович — сын священника, окончил курс наук в Тамбовской Духовной семинарии, где воспитывался и старец о. Амвросий, который только шел курсом после него. В одно с ним время Павел Степанович был и учителем в Липецком духовном училище.

Человек он был умный и хороший латинист* и потому был хорошим помощником прочим трудившимся при старце Макарии в книжных занятиях не только, — не в осуждение сказать — был он малодушен и пристрастен к мирским удовольствиям. В особенности, живя в миру, увлекался он скрипкой, на которой играл очень искусно, и картежной игрой, в которой был весьма счастлив. О монашестве же хотя он и думал иногда, но все день за день откладывал. И только холера загнала его в монастырь почти, можно сказать, поневоле. Потому духовно опытный и любвеобильный старец Макарий, очень хорошо понимавший положение и душевное расположение Павла Степановича, прилагал о нем всевозможное попечение и оказывал ему во многом великую снисходительность. Приехавши из мира в Оптину Пустынь, Павел Степанович поступил сначала в монастырь, где проходил послушание помощника монастырского письмоводителя; но, проживши тут два года, по благословению старца Макария, перешел в скит. Долго он не мог свыкнуться с монастырскою жизнью. Не раз смущала его мысль даже совсем уйти из монастыря. Потому почти каждый год в летнее время он просился у о. настоятеля в отпуск на родину для свидания с родными, имея в намерении уйти и уже не возвратиться в монастырь. Но настоятель о. архимандрит Моисей (Путилов), муж мудрый и подвижник, несмотря на то, что содержал братство в строгости, никому не позволяя ездить на родину без крайней необходимости, всегда отпускал Павла Степановича беспрепятственно; так что некоторые из братий в этом завидовали ему. Причиною такой снисходительности было то, что о. настоятель видел в Павле Степановиче нерешительность и слабое произволение к иноческой жизни. Так, искусный рыболов попавшуюся на уду большую рыбу не вдруг вытаскивает на берег, а дает ей некую ослабу, пока она не обессилеет. Домой Павел Степанович не ездил на конях, а всегда ходил пешком. И вот как только он, бывало, попросится у о. настоятеля сходить повидаться с родными, настоятель даже одобрял его желание. Скажет, бывало, так: “Да уж, это хорошо, пройтиться, проветриться”. Ободрив однажды его желание сходить к родным, о. настоятель примолвил: “Да уж, кажется, на дорожку нужно дать и горошку”. “Какого же это горошку он хочет мне дать?” — подумал Павел Степанович. Но дело скоро разъяснилось. Сходивши к своему денежному ящику, о. настоятель вынес два рубля мелкою серебряною монетою — пятачками и, всыпав ему в руку, сказал: “Ну вот, брат, чайку-то с сахарком ты возьмешь отсюда; а на

* По благословению старца о. Макария он перевел с латинского на русский язык “Поучения преподобного аввы Исаии”, изданные Оптиною Пустынью.

дороге попросишь, где поставить самоварчик, и заплатишь пятак”.

После каждого из таких странствий Павел Степанович, несмотря на смущавшие его по временам помыслы удалиться из Оптиной Пустыни, опять-таки возвращался в Оптину, куда влекла его в особенности любовь настоятеля и старца Макария. И если настоятель всегда оказывал ему родственное внимание, как отец сыну: то старец, по справедливости можно сказать, относился к нему как мудрая любящая мать или добрая богобоязненная няня. Сей последний следил за каждым шагом своего духовного сына и знал, когда и что ему посоветовать, ободрить, утешить, когда и выискать за что-нибудь. Нередко смущали Павла Степановича, как человека даровитого, помыслы поступить в академию для продолжения образования с целью со временем занять высшую иерархическую должность. Но мудрый и благопопечительный старец всегда был против этого. Зная неустойчивый характер Павла Степановича, а вместе с тем и волю о нем Божию, он никак не хотел выпустить неоперенного птенца из-под своего крыла, опасаясь вреда для его нравственности*. Кроме того долго беспокоило Павла Степановича воспоминание о прежней жизни. И в особенности одно время долго смущала его скрипка. Шел ли он куда, стоял ли в храме Божием, исполнял ли порученное ему послушание, звучит, бывало, над его ухом эта невыносимая скрипка своими бесконечными магическими переливами. Моцартовские, бетховенские фантазии, польки, мазурки не давали ему покоя. Даже и во сне нередко он отхватывал такие отчаянные пьесы, что, проснувшись, сам удивлялся своему искусству; так как и наяву никогда так мастерски не играл. Между прочим, по неопытности своей, считал он все это делом естественным и не слишком беспокоился этими помыслами и представлениями, не вменяя их даже в грех; а потому и старцу не открывал их. “В одно время,— так рассказывал впоследствии о. Платон (бывший Павел Степанович),— когда я шел к старцу, скрипичная музыка в особенности одолевала меня. Всю дорогу воображением я наигрывал разные увертюры, вариации и т. п. Когда же вошел в келлию к батюшке, он, как старец прозорливый, встретил меня

* Впоследствии, когда уже старец Макарий давно отошел в жизнь вечную, а Павел Степанович был уже о. Платоном и, кажется, иеродиаконом, один благодетельный знакомый ему человек, близкий к покойному Московскому митрополиту Филарету, зная еще неостывшее желание о. Платона поступить в академию, довел о сем до сведения митрополита, который дал на это такой ответ: “Пусть он явится ко мне, я ни о чем не стану его спрашивать и вообще экзаменовывать; а только посмотрю на него”. Но о. Платон струсил и не поехал. Тем и кончились его мечты об академии.

такими словами: “Что ты все играешь? Какие там польки, вальсы, мазурки? А по-нашему вот как...” И так как старец в миру сам был скрипач, то начал тут же руками представлять игру на скрипке, копируя Павла Степановича и вместе с тем приговаривая: “Барыня, барыня...” Старец действовал руками с проворством и искусством артиста и принял такую позу отчаянного скрипичного игрока, что Павел Степанович, удивленный этим явлением, рассмеялся и совершенно растерялся. “Вот как по-нашему! — прибавил батюшка, живо выпрямившись и приняв обычное свое, но веселое положение, — а то что там по-французски... завывает, завывает”. — “Рассмешив меня этим до крайности,— говорил о. Платон — и вполне утешив, батюшка меня отпустил. Но в то самое время мне и в ум не пришло, для чего старец это сделал; а после, когда уже я ушел от него, сообразил, что этим батюшка обличил мое внутреннее недугование. А что еще удивительнее для меня было, так это то, что вот уже более десяти лет живу я в скиту, и прежние скрипичные грезы уже не беспокоят меня”. Нелишне заметить здесь, что описанный случай, пожалуй, некоторым покажется несвойственным строгому подвижнику и соблазнительным; но святая жизнь старца Макария всех и каждого уверяла, что он стяжал сердце чистое, исполненное благодати Св. Духа, и потому всегда говорил и действовал безошибочно, по потребности каждого для его душевной пользы.

Остывшая таким образом у о. Платона любовь к светской инструментальной музыке теперь с силою стала проявляться у него к нотному партесному духовному пению, нередко в италийском вкусе. Он и сам пел на клиросе, и другими в качестве регента руководил до самых последних дней своей жизни. Но так как голосок у него был очень легонький басок, а певцов в скиту было мало, притом же поначалу он поставлен был на левый клирос: то пение его долго не ладилось. Начнет что-нибудь партесное, кто не доносит, кто переносит, а то и совсем собьются; и только, бывало, одно горе и служащим, и молящимся, и самим поющим. Случалось даже, что некоторые из служивших иеромонахов жаловались на него старцу Макарию, что во время служения смущались от его пения. Но так как о. Платон всегда после неудачного пения спешил к старцу с повинной головой, смиренно испрашивая прощения в неудаче; то старец, от всех искавший главным образом смирения и любивший смиравшихся, всегда защищал его от нападения других и самого его ободрял, говоря: “Ничего, ничего, пропели по-скитски”. Бывали и такие случаи. Достанет о. Платон откуда-нибудь новенькую пьеску, затем

увидит где-нибудь в скиту идущего по дорожке старца, подойдет, начнет ему показывать ее и просить благословения пропеть ее в церкви. Старец с обычною снисходительностью остановится. Станут оба тут же на дорожке пробовать, гудят, как пчелки, своими тихонькими голосками, и оба размахивают руками — меру дают. Картина! Если же о. Платон (в то время еще Павел Степанович) начнет иногда задумываться и смущаться: то сам старец при случае сунет ему в руку новенькую партитурку и скажет: “Павел, Павел! На-ко вот, распиши, разучи к празднику”. Берет Павел, расписывает, разучивает. Впоследствии при воспоминании о сем о. Платон говаривал: “Вот, бывало, мне и работа на целую неделю, и развлечение”. Так, с помощью Божиею, при участии благостного старца мало-помалу и свыкался малодушный послушник с монастырскою жизнью.

Был особенно замечательный случай, о котором так передавал о. Платон: “Пришел я однажды к батюшке испросить у него благословение пропеть в церкви вместо причастного стиха вновь расположенный по нотам догматик 6-го гласа: **“Кто Тебе не ублажит, Пресвятая Дево”**. Батюшка в это время сидел в своей келлии один за письмами. На мою просьбу он, положив на стол перо, начал рассматривать принесенные мною ноты. Наконец, послушав от меня напев догматика и, без сомнения, желая преподать надлежащее понятие о пении церковном, и притом **разумном**, он сказал мне: “Ну что ты разучаешь все новое партесное? Ну что в нем особенного? Как его можно сравнить с нашим церковным пением? Мы вот как этот догматик певали”. И старец запел его по церковному напеву. Строго церковное его нотное пение проникнуто было самым искренним чувством вполне понимаемого им песнопения. Он воспевал Небесную Царицу Деву, как бы стоя пред Нею и созерцая славу Ее. Я забыл свои ноты и с изумлением глядел на поющего старца и не мог надивиться: как это у такого маститого старца, строгого подвижника, мудрого учителя, такое детски нежное чувство, такая пламенная, младенчески верующая любовь к Божией Матери! Батюшка чем дальше пел, тем глубже проникался чувством песнопения. Голос его уже начал дрожать. И лишь только пропел он: **быв человек нас ради**, — пение его прервалось. Слезы полились у него ручьем. Склонив голову, он плакал сильнее и сильнее и наконец зарыдал, как дитя, оторванное от любящей его матери — единственного утешения. Долго стоял я, изумленный таким явлением. Прошло с полчаса, а рыдания батюшки не прекращались. Вместе с тем виделось в нем такое глубокое чувство смирения и пламенеющей любви к Господу и Пречистой Богоматери, что мне даже стало стыд-

но и смотреть на него. Так я и не дождался конца рыдания старца и, глубоко растроганный, пошел со своими нотами к себе в келлию”.

Не всегда, впрочем, старец Макарий гладил по головке своего духовного сына. Бывало и наоборот. Оптинский скит, как выше сказано, и совне окружен деревьями громадной величины, и внутри засажен разными плодовыми деревьями, ягодными кустарниками и множеством разнородных и разнovidных цветов; так что все здания его в летнее время утопают в зелени и цветах. А известно, что роскошная растительность — излюбленное место для птичек. Здесь порхают и чирикают разных пород мелкие пташки. Но из всех них выделяются, как и всегда выделялись, своим приятным пением соловьи. Любили (да и теперь, вероятно, любят) некоторые из монахов в вечернюю летнюю прохладу послушать этих пернатых певцов. Но вот несчастье — соловьи мало-помалу стали исчезать. Причиною же сего оказались кошки, которые усердно ловили их для своей потребности, не различая соловьев от мышей. Между прочим, старец Макарий любил держать в своих келлиях кошек как полезных домашних зверьков, способных истреблять известных вредных грызунов; только отнюдь не любил ласкать их. Павел Степанович, как любитель соловьиного пения, возревновал против этих неразборчивых истребителей. В досаде на них и, вероятно, надеясь на обычную снисходительность старца, он пришел к нему и бесцеремонно начал говорить: “Благословите, батюшка, побить кошек”. Озадаченный такой неожиданной просьбой и видя в просителе настойчивость и не-смиренное расположение духа (что в монашестве считается нетерпимым злом), старец, со своей стороны, спрашивает: “За что же, за что их побить?” “Да как же, — отвечает тот, — они всех соловьев поели”. “Ну так что ж? — продолжал старец. — Это их естественное свойство”. Да как затопчет ногами, зашумит на Павла Степановича: “Ах ты, сякой-такой! Ишь затеял что!” Павел Степанович повернулся было к двери уходить, как старец начал поддавать ему подзатыльни. И стучит, и шумит, и под затылок поддает. Хотел было Павел Степанович поскорее выбежать вон, но так растерялся, что ощупывает руками дверь и никак не может ее найти; а старец продолжает штурмовать. Наконец он кое-как выбрался на дорожку и от сильного огорчения тут же дал себе слово непременно хоть куда-нибудь уйти из Оптиной Пустыни, говоря, что тут каторжная жизнь. Сложившись с таким помыслом, он уже и от старца отшатнулся: дня два или три ходит мимо старца, не кланяется ему, ни под благословение не подходит и даже не смотрит на него. Видит старец, что Павел огорчился до крайности. Пришел как-то сам к его келлии и сотворил по обычаю монастырскому молитву. Послышался внутри келлии ответный аминь. “Благослови, брате, войти”, — сказал старец. Был ответ: “Бог благословит”. Вошел старец, помолился на св. иконы и затем с краткою

речью обратился к Павлу Степановичу: “Павел, Павел! Ты обиделся на меня? Обиделся? Ну, прости меня”. И вдруг кланяется ему в ноги. При воспоминании о сем о. Платон сказывал: “Это глубочайшее смирение великого старца, имя которого в свое время славно было не только по всей России, но и за пределами ее, поразило меня до глубины души. Весь в слезах, мгновенно и сам я бросился к старцу в ноги, прося простить меня, малодушного, неразумного грешника. А любвеобильный старец тихо продолжал свою речь: “Что же ты уж и от меня-то ничего не хочешь понести? И если от меня не терпишь, то от кого же можешь потерпеть что-либо?” Далее старец говорил о том, что терпеть скорби необходимо, что необходимы нам душевные потрясения для нашего же спасения. Так поучив меня, он удалился из моей келлии. Обуреваемый доселе разными сопротивными помыслами, я почувствовал в душе невозмутимый мир и тишину. И после такого случая, прибавлял о. Платон, еще более, бывало, полюбишь старца, а о выходе из обители и забудешь совершенно”. Впрочем, это едва ли не единственный был случай во все время пребывания о. Платона в скиту при старце Макарии в продолжение лет десяти. Вообще же старец всегда относился к нему с любовью и снисходительностью.

Из монастырских же братий, которых старец Макарий отличал от других, минуя настоятеля обители о. игумена Моисея, к которому он питал великую любовь и уважение как к доблестному правителю иночествующими братьями, можно указать прежде всего на родного брата настоятеля о. игумена Антония, с 1853 года жившего в Оптиной Пустыни на покое. Старец также относился к нему с великим уважением и любовью, как к мужу, исполненному мудрости духовной и великому подвижнику*.

Затем, особенною любовью старца Макария пользовался иеромонах Пимен. По происхождению он был малоросс; в обители прожил 49 годов, а всех от роду 76. Он так был кроток и смирен, что старец Макарий называл его ангелом во плоти. Кто бы ни сделал ему в чем-либо замечание, он не имел обыкновения оправдываться; а, сложив крестообразно на груди руки, у всех просил прощения. Уже будучи в иеромонашеском сане, если где-либо, даже и при народе, встречался со своим духовным отцом, хотя бы младшим его по летам**, всегда кланялся ему в ноги и наравне с простым народом принимал от него благословение как от архиерея. Был великий подвижник, постник и, по замечанию современных ему монахов, на койку спать не ложился. О сем можно было заключать из

* Оба брата, о. Моисей в сане архимандрита и о. игумен Антоний, похоронены вместе в храме во имя Казанской иконы Божией Матери возле южной стены за клиросом. О них составлены особые жизнеописания, имеющиеся в Оптиной Пустыни.

** Последним духовником о. Пимена был скитоначальник иеромонах о. Анатолий, много моложе его по летам и по поступлению в монастырь.

того, что койка его всегда была завалена грудой разных вещей. Тут лежали в беспорядке и книги, и белье, и еще разные разности, которые, как видно было, никогда не убирались. А потому монахи в свое время говорили, что о. Пимен, без сомнения, предавался краткому сну, сидя на стуле. Ко всем службам церковным ходил он неупустительно и очень любил часто служить Божественную Литургию, говоря: “Я этим живу”. Последние 20 лет жизни он был духовником и проходил эту обязанность с великим усердием. Случалось нередко, иного исповедника держал на исповеди час и даже более, подробно расспрашивая о всех обстоятельствах его жизни, во всем сочувствуя ему и наставляя его на путь добра и благочестия. Многие крестьянки-богомолки так любили его за такое его участливое отношение к ним, что, когда он скончался, придут, бывало, в Оптину, упадут на его могилку и плачут. Во все время своего духовничества, пока позволяли ему силы, каждый день, отслушав утреню, он выходил пред царские врата и сначала прочитывал молитвы к исповеди для тех богомольцев, которые днем должны были исповедоваться; а затем для готовившихся уже к причастию Св. Таин на Литургии сам прочитывал правило ко Св. Причащению. Если кто-либо из исповедников почему-либо несколько опаздывал к правилу, о. Пимен, уже прочитавши несколько молитвословий, тотчас прекращал чтение и начинал читать правило сначала; хотя некоторые из нетерпеливых и недовольны были им за это. Пред самую кончину о. Пимен принял постриг в схиму. По некоторым признакам можно было думать, что он имел от Господа дар прозорливости.

Еще старец Макарий особенно чтит в монастыре схимника о. Карпа, слепого, считая его за великого подвижника. О сем слепце предместник старца Макария старец о. Леонид (в схиме Лев) отзывался так: “О. Карп, хотя слеп, но видит свет”. В свою очередь, и о. Карп, как и другие выдававшиеся в то время в монастыре подвижники, относился к старцу Макарию с великим благоговением и сыновнею любовью. Живший в скиту на покое вышеупомянутый о. игумен Варлаам вздумал однажды полюбопытствовать, как о. Карп относился к своей слепоте. “О. Карп! — сказал он. — Хорошо бы тебе съездить в Москву к докторам. Говорят, что там доктора стали так искусны, что и слепых делают зрячими”. Услышав это, о. Карп как будто испугался и с тревогою душевной заговорил: “На что? На что мне зрение? Я слепотой спасаюсь!” Так оказалось, что смиренный слепец не только не тяготился своею слепотой, но и не желал иметь очи телесные, дабы не видеть растлевающей суеты и соблазнов мира сего.

Из младших монастырских братьев пользовался особенным вниманием старца Макария юный послушник Феодор Попов (впоследствии на-

стоятель Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря Калужской епархии игумен Феодосий). Родом он был из г. Балашова Саратовской губернии. Замечательно было его поступление в Оптину Пустынь. Пришел он в монастырь пешком в юных летах и с поддельным годовым паспортом, так как по ревности к иноческой жизни ушел из дома тайно, вопреки воле своих родителей. В монастыре, как и в находящемся недалеко от него скиту, отправлялось в это время бдение. Феодору нужно было видеть старца Макария, для чего он и пришел в скит. Когда же доложили старцу о его приходе, что, дескать, какой-то странник желает его видеть и поговорить с ним; старец, никогда не знавший и не видевший пришельца, сказал: “Да это Феодор пришел”. И велел своему келейнику отвести его в трапезу, накормить и уложить спать. Феодор, однако, по желанию своему, несмотря на усталость от пути, достоял до конца бдения и просил старцева келейника о. Иродиона разбудить его к обедне, которая в скиту прежде, как и теперь, начиналась в шесть часов. Старец же не велел будить. Усталый путник, как можно было ожидать, уснул мертвецким сном и проспал Литургию. Утром тот же о. Иродион пришел в трапезу, разбудил Феодора и сказал, что батюшка о. Макарий прислал за ним, чтобы шел к нему чай пить. Огорченный своею неисправностию, Феодор, однако, по зову старца немедленно пришел к нему. “Когда я вошел в переднюю старца, — так рассказывал впоследствии о. Феодосий — и увидел его тут сидевшим в простом белом худом балахончике с четками в руках и поклонился ему до земли, он, благословляя меня, сказал, улыбаясь: “Что, проспал?” “Простите, батюшка, — ответил я, — проспал”. — “Что ж, приятен был сон для тебя?” — “Да, я всю ночь не просыпался; крепко спал”. — “А что ж, поблагодарил Господа за приятный и здоровый сон?” — “Нет, батюшка”. — “Так иди же вот с келейным о. Иродионом и пейте там вместе с о. Амвросием чай а напившись чаю; положи тогда в келлии пятьдесят земных поклонов и поблагодари благого Господа за приятный и здоровый сон. Знаешь ли, кому дает благий Господь приятный сон?” — “Не знаю, батюшка”. — “Он дает такой сон любящим Его: *Аще поспиши, сладостно поспиши* (Притч. 3,24)”. Угостивши странника чаем, старец велел о. Амвросию, бывшему в то время иеродиакonom, взять его к себе в келлию, а через три дня сам старец отвел его в монастырь к о. игумену Моисею. Тут в настоятельских келлиях Феодор в первый раз увидел знаменитого Оптинского настоятеля, поклонился ему в ноги и принял от него благословение. А старец Макарий, обратившись к о. игумену, сказал: “Вот, батюшка о. игумен, я привел вам нового подвижника Феодора; он желает поступить в монастырь для испытания себя в иноческой жизни: благословите его принять?” “Благословен Господь, посылая к нам рабов Своих!” — последовал ответ о. игумена. И тут же новый подвижник обоими старцами одет был в смиренный заплатный монастыр-

ский подрясник, и ему определена была также смиренная убогая келлия. “Со слезами бросился я к ногам старцев,— сказывал потом о. Феодосий,— облобызал их в восторге радости, что меня приняли в обитель, и, поцеловав затем благословляющие их руки, пошел за игуменским келейником и водворился в назначенной мне келлии”.

Только год прожил Феодор в Оптиной Пустыни. Долее он не мог здесь оставаться, так как вышел срок его поддельному паспорту, и ему нужно было уведомить о своем местопребывании своих родителей, которые и потребовали, чтобы он немедленно возвратился к ним. После сего он, по обстоятельствам, надолго оставался в миру; и наконец поступил в монастырь в другой раз уже окончательно и чрез несколько лет иноческой жизни, с именем Феодосия, настоятельствовав немалое время*.

Еще из младших монастырских братий пользовался особенным благоволением старца Макария послушник Алексей Зерцалов (впоследствии скитоначальник, братский духовник и старец иеросхимонах Анатолий)”. По временам батюшка о. Макарий называл его нежным именем Алешеньки. Впрочем, благоволение это не выходило у старца за пределы скромности и даже строгости. Будучи сам, как замечено выше, воплощенным смирением, старец и всех учеников своих более всего оберегал от пагубного увлечения людскими похвалами и от возношения. Того же искал он и требовал от любимого своего Алешеньки. Летом 1856 года посетил Оптину Пустынь полагавший в ней начало иноческой жизни настоятель Сергиевой пустыни Петроградской губернии архимандрит (впоследствии известный епископ) Игнатий Брянчанинов. Ему отведены были келлии в одном корпусе с послушником Алексеем. Однажды почетный этот гость и пригласил к себе брата Алексея на чай, за которым очень и очень расхваливал его, называя его Иосифом Прекрасным и приписывая ему большие достоинства. Молодой послушник по неопытности в жизни духовной увлекся этими похвалами и, весьма ими утешенный, тотчас по выходе от о. архимандрита отправился в скит сообщить батюшке о. Макарию свою великую радость. “На полдороге,— так сказывал сам о. Анатолий,— встречает меня батюшка, спереди и сзади окруженный множеством разного люда — монахинь, знатных женщин и крестьян обоего пола. Увидев меня очень веселого, и он с веселым видом встречает меня ласковыми словами: “Алешенька, Алешенька! Куда идешь?” “К вам, батюшка,— ответил я. — Я сейчас от петербургского архимандрита. Что он мне сказал, батюшка! Что я точно Иосиф Прекрасный, что он рад видеть меня и очень утешается мной...” Не успел еще я окончить свой рассказ, как батюшка отскочит от меня и, переменив вид

* Игумен Феодосий родился в 1824 году, скончался в 1903 году 20 октября в Оптином скиту, где и похоронен.

** Скончался в 1894 году в ночь на 25-е января.

и тон речи, как топнет ногой. “Как? — вскрикнул он грозно. — Ты такой-то!.. Так вот ты какой!.. Такой-то ты...” А сам в нападательной позе все ближе и ближе ко мне подходит. “Да как же ты смеешь так думать? А? Как смеешь?” — поднял затем батюшка свою палку (и палка-то на этот раз была у него не обычная черненькая, а какая-то длинная желтая), да прямо на меня и замахнул ею во весь размах. Сопровождавшие старца отскочили вдаль и, стоя от меня шагах в 30-ти, с ужасом смотрели на меня как на великого преступника. А батюшка все продолжал во весь размах замахиваться на меня палкою. Того и гляжу — разобьет мне голову. Я же и сам не понимал, что со мной творилось... Затем, обратившись к стоявшим поодаль зрителям, батюшка сказал: “Смотрите-ко, какой большой!.. (Брат был высокого роста) У! Какой большой! Экой!.. Ну-ко, ну-ко, давай смирять...” И начал меня мерить своею палкою. Зрители при этом успокоились, видя, что преступник я не уголовный, но мне было от сего не легче, а им трудно было удерживаться от смеха. Измерив меня таким образом спереди и сзади, батюшка наконец подошел ко мне близко и начал тихо и убедительно, истинно отечески увещевать меня, а вместе, по обычаю, и смирать: “Ну, не дурак ли ты? Ведь он (архимандрит) — вельможа петербургский. Он день и ночь со знатью, да с какою знатью-то! Там похвала необходима. Он привык хвалить. А ты уж и в самом деле думал, что ты великий человек. Ты — длинный человек — вот и все тут. Плюнь. Забудь все это. Ступай. Бог тебя благословит! Поди, скажи о. Амвросию, как я тебя пробрал”. И я поплелся скромненько в скит к о. Амвросию облегчить свою душу жалобою на поражение меня за возношение”.

Брат этот однажды выразил старцу Макарию желание перейти из монастыря в скит, чтобы жить поближе к дорожному батюшке. Старец только сказал: “Будешь и в скиту жить”. Предсказание это исполнилось лет через пятнадцать или, может быть, и более. В 1873 году, по кончине скитона начальника иеросхимонаха Илариона, когда брат Алексей был уже почтенным иеромонахом Анатолием и благочинным монастыря, он переведен был монастырским начальством в скит для занятия должности начальника скита.

Чрез такие-то грозные проборки, всегда, впрочем, своевременные и всегда оканчивавшиеся отеческою снисходительностью и вразумлением старца Макария, воспитывались и возрастали в жизни духовной многие достойные мужи, как-то: преемник его по старчеству известный старец Амвросий, скитона начальники иеросхимонахи — Иларион и Анатолий, духовники мирских посетителей Оптиной Пустыни и некоторое время старца Амвросия — иеросхимонахи Пимен и Платон; затем монах Ювеналий, достигший архиепископского сана, архимандрит Леонид — наместник Троицко-

Сергиевой лавры, архимандриты Исаакий и Досифей — настоятели Оптиной Пустыни, архимандрит Моисей — настоятель Тихоновой Калужской пустыни, архимандрит Пафнутий — настоятель Малоярославецкого Николаевского монастыря и предместник его архимандрит Никодим, игумен Марк — настоятель Мещовского Георгиевского монастыря, игумен Феодосий — настоятель Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря, на которого старец Макарий также имел немалое влияние. А сколько еще воспитано было им монахов-подвижников, скромно живших и почивших в обители, имена которых оставались неведомы для мира! Сколько монахинь в разных женских обителях, между которыми были и достойные настоятельницы монастырей, и опытные в жизни духовной старицы — руководительницы дев, уневестивших себя Христу!

Глава XI

Старец Макарий — продолжатель литературных трудов молдавского старца Паисия Величковского по изданию в свет святоотеческих писаний

помянув в предыдущей главе о некоторых скитских монахах, получивших в свое время хорошее школьное образование, которые под непосредственным надзором блаженной памяти старца Макария занимались изготовлением к печати рукописей известного великого старца Паисия Величковского, не уместно здесь будет поговорить и о самих этих книжных занятиях; так как они имеют свою небезынтесную историю.

Выше мы видели, что старец Макарий, живши еще в Площанской пустыни около своего старца схимника о. Афанасия, ученика Паисиева, нашел у него верные копии со всех переводов святоотеческих книг старца Паисия, как вновь сделанных, так и исправленных сим последним, и что списывание их долго было любимым его келейным занятием. Таким образом, в келейной библиотеке старца Макария давно уже обретались верные копии: а) с исправленных старцем Паисием древних славянских переводов писаний преподобных отцов — Макария Великого, Иоанна Лествичника и Варсануфия и Иоанна и б) с переведенных им самим книг преподобных — Максима Исповедника слово по вопросу и ответу, Феодора Студита с новогреческого языка, житие Григория Синаита, слова Григория Паламы и некоторые другие творения св. отцов-подвижников. Всеми этими сокровищами духовного разума старец Макарий всегда как сам пользовался, так и независтно делился ими со всеми, искренно желавшими и искавшими духовного назидания и спасения, вовсе не смея, по собственному его признанию, помышлять об издании их в свет. Он был доволен и всегда благодарил Бога и за то, что удостоил его стяжать такие сокровища — одни собственными трудами, то есть перепискою, а другие — как воздаяние за сыновнюю его любовь к старцу Афанасию по кончине сего последнего.

Прилежное чтение и изучение о. Макарием этих святоотеческих писаний, а также и собеседования о духовной жизни с духовно

опытными мужами при строго внимательной, смиренной жизни были причиною того, что всеблагий Господь, видя его благую ревность ко спасению и чистоту сердца, просветил ум его к ведению Божественных и святоотеческих писаний. Когда же о. Макарий перешел в Оптинский скит и подвизался в сообществе со старцем Леонидом, который был учеником схимонаха Феодора, также близкого ученика Паисиева, он еще более преуспел в этом ведении. И таким образом Господь приуготовил его быть продолжателем начатых старцем Паисием книжных трудов.

Принять должно во внимание еще и то, что в настоятеле Оптиной Пустыни о. игумене Моисее и в родном его брате о. игумене Антонии, который до конца 1839 года был начальником Оптинского скита, занятие о. Макария чтением и изучением святоотеческих писаний встретило самых достойных ценителей и пособников; ибо и сами они, будучи благими ветвями благого корня, еще задолго до вступления в Оптину Пустынь (1821 г.) проводили безмолвную уединенную жизнь под руководством старцев духовной жизни, подвизавшихся в Рославльских лесах Смоленской губернии. Пребывая здесь, оба брата главным занятием своим в свободное от молитвы время имели поучение в святоотеческих писаниях; для чего и переписывали переводы старца Паисия с рукописей, бывших у одного из рославльских пустынножителей — иеросхимонаха о. Афанасия.

Итак, по особому устроению и промыслению всеблагого Господа, в то время когда Ему благоугодно было послать способы и указать благоприятное время для издания на общую пользу остававшихся более пятидесяти лет под спудом духовных сокровищ — письменных трудов блаженного старца Паисия, в Оптиной Пустыни появились способные к тому люди и обрелись самые верные списки с Паисиевых рукописей. В числе их было даже несколько рукописей первоначальной редакции, принадлежавших самому старцу Паисию, переписанных по его благословению с черновых тетрадей ближайшими его учениками, исправленных и подписанных собственною его рукою. Такова, например, рукопись слов великого учителя внутренней жизни св. Исаака Сирина*.

* Судьба этой рукописи особенно замечательна. Писана она была полууставом на белой лошенной бумаге в лист более половины — близким учеником старца Паисия схимонахом о. Феодором, а dokonчена другим его и сожителем в молдавских и русских обителях схимонахом о. Николаем. Затем рукопись эта прислана была старцем Паисием Петербургскому митрополиту Гавриилу с таковым в предисловии (после посвящения) собственноручным подписанием: "Трудивыйся в переводе сем Свято-Вознесенского Нямецкого и Предтечева Секульского Молдовахйских монастырей архимандрит Паисий Величковский родимец Полтавский". По кончине же митрополита Гавриила в 1801 году, неизвестно как, рукопись перешла в частные руки какого-то барышника и привезена была им на продажу в Валаамский монастырь, так как дошел до него слух, что там живут старцы духовной жизни,

Печатание от Оптиной Пустыни книг духовных началось с 1845 года с малых размеров и как бы случайно. В этом деле принимали живое участие близкие к старцу Макарию почитатели его гг. Киреевские — известный христианский философ и в свое время редактор московского учено-литературного журнала “Москвитянин” Иван Васильевич и супруга его Наталья Петровна, которая поначалу и возбудила это дело. Еще с 1838 года она была духовною дочерью старца Макария. Через нее-то Иван Васильевич сначала и предложил ему, не благоугодно ли ему будет в издававшемся им журнале помещать статьи духовного содержания. Старец ответил на это предложение благодарением, уведомив Ивана Васильевича, что, если это возможно и удобно, то он предлагает поместить в журнале его “Жизнь старца Паисия Величковского”. Если же это будет почему-либо неудобно, то он пошлет статью эту в журнал “Маяк”, издававшийся в свое время известным Бурачком. Разделяя мнение старца Макария об услугах, оказанных блаженным старцем Паисием всему православному иночеству и славянской литературе утверждением в ней аскетической терминологии, Иван Васильевич с удовольствием согласился на предложение старца украсить этою статьею страницы издававшегося им журнала. Статья эта на славянском наречии и была напечатана в 12-й книге “Москвитянина” за 1845 год и украшена портретом старца Паисия.

В следующем, 1846, году старец Макарий при посещении им гг. Киреевских в их имении — селе Долбине (Белевского уезда Тульской губернии), отстоящем от Оптиной Пустыни в 40 верстах, в радушной и искренней беседе с гостеприимными хозяевами, говоря о разных духовных

которые, верно, купят ее за дорогую цену. Таким образом книга дошла и до рук, писавших ее, схимонаха о. Феодора, жившего в то время на Валааме. Можно себе представить радость, а вместе с тем и удивление о. Феодора по случаю обретения, в особенности для него, столь драгоценной рукописи, которую он не надеялся не только иметь, но и когда-либо видеть. Господь, устроивший столь чудесное обретение рукописи, даровал смиренному и убогому старцу и средство возвратить оную из рук барышника. Это случилось между 1811 и 1817 годами. О. Феодор чрезвычайно дорожил изгibшим и столь нечаянно обретенным сокровищем. Вообще старец сей столько любил писания св. Исаака Сирина, что во время постигавших его лютых скорбей, гонимый злобою и завистию, будучи вынуждаем неоднократно переходить из монастыря в монастырь, уносил с собою только одну эту книгу св. Исаака. После блаженной кончины старца Феодора в 1821 году книга эта досталась любимому его ученику и спутнику во время всей его скорбной жизни по выходе из Молдавии иеромонаху о. Леониду (в схиме Льву). О. Леонид еще при жизни своей подарил ее своему ученику схимонаху Антиоху, по кончине которого она перешла к другому ученику старца Леонида, жившему тогда в Александро-Невской лавре, монаху Иоанникию (в схиме Леониду). Сей подарил ее благодетельнице Калужской Тихоновой пустыни, где и сам он проживал довольно долгое время, духовной дочери старца о. Леонида старице Е.Т. Л-ой, а от нее книга эта в 1849 году перешла к иеромонаху той же обители о. Ефрему, бывшему также учеником старца Леонида. О. Ефрем подарил ее духовному своему сыну монаху Авраамии. А сей, отъезжая в 1858 году на жительство во св. Афонскую гору, принес сию рукопись в дар Оптинскому старцу иеросхимонаху Макарию, который в предсмертной своей болезни благословил ею вместе с иконою св. Исаака Сирина вышеупомянутого скитского иеромонаха (впоследствии архимандрита) о. Леонида Кавелина; а им оставлена в скитской библиотеке Оптиной Пустыни.

предметах, коснулся и недостатка духовных книг, руководствующих ревнителей благочестия в деятельной христианской жизни. В заключение беседы он упомянул, что у него есть довольно рукописей творений св. отцов перевода старца Паисия, исполненных духовного разума и пользы.

Оказалось при сем, что и у Натальи Петровны, которая прежде была духовною дочерью старца, иеромонаха Московского Новоспасского монастыря о. Филарета*, сохранилось также несколько подобных рукописей, доставшихся ей в наследие от упомянутого блаженного старца. Со стороны Ивана Васильевича и его супруги и возник по этому поводу вопрос: “Что мешает явить миру эти духовные сокровища?” Смиренный старец, по своему обычаю, отвечал, что он считает себя к тому недостаточным, никогда этим не занимался и не дерзает просить кого-либо о печатании рукописей, что, видно, на это еще нет воли Божией и т. п. Иван Васильевич и Наталья Петровна сказали, что попробуют попросить о сем Московского владыку митрополита Филарета**. Если не будет удачи, то и они уже готовы будут согласиться, что нет воли Божией на сие благое дело. И так как предполагалось прежде всего напечатать отдельною книгою “Жизнь старца Паисия с его творениями”, то положено было тогда же на общем совете написать хотя краткое к книге предисловие. Принесена была бумага с прочими для сего принадлежностями. Помолились Богу; и хозяева оставили старца одного в комнате. Через час он позвал их к себе. Первая написанная старцем страница была прочтена. Киреевские, как лично и близко знавшие старца о. Филарета Новоспасского, присоединили к сему сведения о его жизни. Старец Макарий взял написанный ими листок с собою, чтобы показать своему настоятелю о. игумену Моисею. О. игумен, со своей стороны, присоединил рассказ о старце жизни духовной, Арзамасском архимандрите Александре. Потом и начали, в надежде на успех предпринимаемого дела, переписывать имевшиеся в рукописях у старца Макария и у г-жи Киреевской писания старца Паисия с целью подготовить их к печати. Между тем, Киреевские написали в Москву к профессору Московского университета Степану Петровичу Шевыреву, прося его о том, чтобы он испросил от них благословение у владыки митрополита на печатание переводов старца Паисия. Владыка столько был милостив, что вместе с благословением обещал и свое покровительство этому благому делу. Переписанные набело, на первый раз потребные рукописи посланы были в цензуру к профессору Московской академии Феодору Александровичу Голубинскому. И до приезда гг. Киреевских в Москву в сентябре 1846 года уже напе-

* См. о сем старце в предисловии к книге: “Жизнь и писания старца Паисия Величковского”. Издание Оптиной Пустыни.

** Митрополит Филарет скончался в 1867 г. 19 ноября и погребен в Троицко-Сергиевой лавре.

чатано было Шевыревым восемь листов жизни и писаний старца Паисия. Книга эта, также на славянском наречии, вышла в свет в начале 1847 года под следующим названием: “Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского (с портретом старца)”, с прибавлением против напечатанного в “Москвитянине”: а) предисловия, заключающего в себе краткое сказание о жизни и иноческих подвигах учеников старца Паисия и некоторых современных ему старцев духовной жизни, живших в России, с которыми он был в духовном единомысленном общении, и б) всех известных писаний старца Паисия. При сем первом издании напечатано было отдельною брошюрою письмо старца Паисия к бывшей начальнице Арзамасской Алексеевской женской общины Марье Петровне Протасьевой. И тогда же 50 экземпляров этой брошюры препровождены были в дар сей общине. Таково было малое начало святого дела, продолжавшегося почти до самой кончины старца Макария, — дела, на которое старец взирал очами веры, называя оное всегда делом Божиим и почитая его таковым в чувстве души своей.

Вот краткий перечень всех душеполезных книг, изданных Оптиною Пустынью при жизни старца батюшки о. Макария по его благословению и при его главном содействии или руководстве.

1. Второе издание **Жития и писаний блаженного старца Паисия Величковского**, так же как и первое, на славянском наречии, с добавлением противу первого издания статей: 1) О ошаянии* брашен, возбраненных монахам: а) предисловие, б) исследование старца Поляномерульской обители Василия; и 2) Жизни бывшего настоятеля Арзамасского монастыря архимандрита о. Александра и его духовной переписки. При этом издании, так же как и при первом, приложен литографированный портрет старца Паисия. Книга напечатана в конце 1847 года.

2. **Четыре огласительные слова к монахине**, сочиненные и говоренные в 1766 году иеромонахом Никифором Феотокием, бывшим впоследствии архиепископом Астраханским, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским. Брошюра эта напечатана в конце 1848 года; а в начале 1849 года напечатана была вторым изданием. В том же году напечатаны были отдельные статьи из прежде изданных писаний старца Паисия при его Житии: а) Свиток об умной молитве и б) Толкование на “Господи, помилуй”. Перевод с греческого.

3. **Преподобного отца нашего Нила Сорского предание ученикам своим о жительстве скитском**. Напечатано в 1849 году на славянском языке (18 мая начато, а 15 июня окончено) с подстрочными примечаниями, служащими к пояснению неудобопонятных мест. Это издание впоследствии украшено литографированным изображением преп. Нила Сорского,

* Ошаяние (ц.-сл.) — воздержание. (Прим. ред.)

которое снято с присланного из скита его имени в Оптину Пустынь изображения в благодарность за доставленные в оный скит экземпляры изданной книги.

4. Восторгнутые классы в пищу души. Это сборник некоторых святоотеческих писаний, переведенных старцем Паисием с греческого на славянский язык. Книга напечатана в конце 1849 года с пояснительными подстрочными примечаниями трудных для понимания мест.

5. Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошение учеников. Книга, исполненная великой духовной пользы, принадлежит к числу славянских переводов, исправленных старцем Паисием. Она вновь проверена с греческим подлинником и напечатана в 1852 году на славянском наречии русскими буквами; снабжена также подстрочными примечаниями, служащими к объяснению неудобопонятных мест, и алфавитным указателем.

6. Оглашения преподобного Феодора Студита. Славянский перевод старца Паисия с новогреческого языка. Книга эта напечатана в начале 1853 года в числе лишь 600 экземпляров собственно для пользы иноческих общежительных обителей*.

7. Преподобного отца нашего Максима Исповедника толкование на "Отче наш" и его же слово постническое по вопросу и ответу. Напечатано в конце того же 1853 года.

8. Св. отца нашего Исаака Сирина, епископа Ниневийского, слова духовно-подвижнические, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским. Это — драгоценнейшее из всех изданий Оптиной Пустыни. Еще 21 октября 1852 года скитские книгочии под непосредственным надзором старца Макария начали заниматься составлением пояснительных примечаний к славянскому переводу этой книги и сличать оный с греческим текстом. Труд сей при помощи Божией окончен был того же года 29 ноября. Рукопись была переписана и отослана в цензуру; напечатана же была уже в марте месяце 1854 года на славянском наречии гражданскими буквами с подстрочными примечаниями и алфавитным в конце книги указателем, которым прилежно занимался сам старец Макарий.

9. Книга преподобных отцев Варсануфия и Иоанна руководство к духовной жизни, в вопросах и ответах с алфавитным указателем в русском переводе. По убедительной просьбе многих, не знакомых со славянским наречием, скитские книгочии начали заниматься переводом сей книги на русский язык в конце 1852 года и окончили оный в апреле следующего 1853 года; а напечатана была книга в 1855 году.

* В 1873 году, уже при старце Амвросии, Оглашения преп. Феодора Студита переведены были на русский язык и напечатаны. Они читаются в Оптином скиту на общем келейном утреннем правиле начиная с Недели мытаря и фарисея и заканчиваются уже после Пасхи.

10. Преподобного отца нашего аввы Фалассия главы о любви, воздержании и духовной жизни. Со славянского перевода старца Паисия переведены на русский язык и напечатаны оба текста — славянский и русский гражданскими буквами. Оригинал этого перевода с поправками старец Макарий по некоторым частным обстоятельствам сохранял и завещавал сохранять в скитской библиотеке как великой цены сокровище. Книга напечатана также в 1855 году.

11. Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением его вопросов и данных на оные святыми старцами Варсануфием Великим и Иоанном ответов, в русском переводе. Перевод с елинно-греческого языка сделан по поручению старца Макария одним из его духовных детей, мирским человеком, знатоком классических языков Константином Карловичем Зедергольмом*. При проверке сего перевода для издания в свет принят был оптинцами во внимание первопечатный славянский перевод, изданный в Киево-Печерской лавре в 1617 году. Первое издание этой книги в русском переводе напечатано было в 1856 году.

12. Житие преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова. Напечатано на славянском языке в том же 1856 году.

13. Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника нравственно-подвижнические слова. Изданы в свет в русском переводе в 1858 году. Из книги: “Восторгнутые класы” и “Добротолубия”.

14. Преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова, игумена и пресвитера, бывшего от ограды св. Маманта, слова весьма полезные, “Двенадцать слов”. Изданы на славянском языке в конце 1858 года.

15. Преподобного отца нашего Орсисия, аввы Тавенисиотского, об устроении монашеского жителства. Буквальный перевод сей книги с латинского на русский сделан был вышеупомянутым Константином Карловичем Зедергольмом. Книга издана в 1859 году.

16. Преподобного отца нашего аввы Исаии, отшельника египетского, духовно-нравственные слова. Книга напечатана в 1860 году в русском переводе, для коего сверх древнего славянского, приписываемого старцу Паисию, перевода послужил русский перевод, сделанный несколько лет прежде с славянского одним любителем отеческих писаний духовного сана. Для уяснения же некоторых

* Впоследствии иеромонах Оптиного скита о. Климент. Скончался 1878 г. 30 апреля.

темных мест пользовались латинским текстом сих слов, находящихся в библиотеке св. отцов Голланда.

Итак, с 1845 по 1860 год включительно под руководством старца Макария издано в свет 16 книг, из коих 5 — на русском наречии, одна — на славянском и русском, а остальные 10 — на славянском. Все они напечатаны гражданскими буквами. Первое место между этими изданиями бесспорно принадлежит творению великого учителя иноческой жизни св. Исаака Сирина. Затем следует книга преп. аввы Дорофея, которую старец Макарий, как выше упомянуто, справедливо называл монашескою азбукою, особенно указывая на нее всем новоначальным послушникам, желавшим положить прочное начало в деятельной жизни духовной, которая, по учению св. Иоанна Лествичника и сего преп. Дорофея, слагается из послушания и смирения.

Кроме перечисленных изданных Оптиною Пустынью в свет книг, боголюбивый старец Макарий немало потрудился над творением также великого учителя жизни иноческой св. Иоанна Лествичника, подвизавшегося в Синайской горе. Высоко ставя творение сего св. отца в ряду писаний других св. отцов-подвижников, старец изучал и сличал между собой все известные дотоле печатные издания и рукописные переводы сего бессмертного творения. Наконец, приняв в основание перевод старца Паисия, как мужа, исполненного духовного разума, прошедшего опытом изложенные св. Иоанном советы, старец Макарий приложил особое усердие к тому, чтобы пояснить перевод старца Паисия через сличение одного с другими рукописными позднейшими переводами, печатными изданиями и с греческим текстом. Цель же его была та, чтобы сделать перевод Лествицы доступным не для одного лишь голого чтения, но особенно для общего практического руководства содержащимися в сей книге духовными наставлениями. Таким образом и составилась перевод Лествицы на упрощенном славянском языке, коим прилежно занимался сам старец Макарий при деятельном пособии близкого своего ученика иеромонаха Амвросия, преемника его по старчеству. К этому переводу по окончании его сам же старец Макарий составил алфавитный указатель предметам, содержащимся в Лествице, и собственноручно переписал оный, забывая и немощь своего тела, и недосуги, жертвуя для сего временем краткого своего отдыха.

После с этого упрощенного славянского перевода по благословению старца Макария сделано переложение Лествицы на русское наречие; в чем упражнялся под непосредственным наблюдением старца другой его ученик, вышеупомянутый монах Ювеналий Половцев.

Но как упрощенный славянский, так и русский переводы Лествицы, неизвестно по каким причинам, не были изданы в свет при жизни старца Макария. Они напечатаны были уже после его кончины. Вероятно, это было потому, что издание Лествицы на славянском языке принадлежит собственно Св. Синоду; а потому Оптиная Пустынь и не имела права издать от себя славянский, хотя бы и упрощенный ею, текст книги. По времени же обитель, не ища для себя вещественной выгоды, а единственно имея в виду духовную пользу благочестивых читателей, просила Св. Синод, дабы он от себя издал эту книгу — что и осуществилось на деле. Русский же перевод Лествицы митрополит Московский Филарет благословил издавать Оптиной Пустыни. Но как к сему служил некоторым препятствием уже изданный русский перевод сей книги Московской академией, то милостивый святитель изволил на это сказать так: “Пусть академия издает свой перевод, а Оптина — свой”. Экземпляры обоих переводов, славянского и русского, до напечатания достаточно распространены были в списках между братьями, как скитскими, так и монастырскими*.

Всеми занятиями, как по приготовлению к печати славянских переводов старца Паисия с подстрочными пояснительными примечаниями неудобопонятных слов и выражений, так и при переводе некоторых из них на русское наречие, руководил непосредственно сам старец Макарий. А трудившиеся в этом деле все были близкие его ученики из скитских братий, именно: вышеупомянутые иеромонахи Амвросий, мантийный монах Ювеналий и рясофорные монахи — о. Лев Кавелин и о. Павел Покровский. Все эти лица для книжных занятий собирались в приемной комнате старца, который, не прекращая своих обычных занятий с братиею и посторонними посетителями, посещая также в определенное время и монастырские гостиницы, тем не менее принимал самое деятельное участие в сих занятиях. Можно утвердительно сказать, что ни одно выражение, ни одно даже слово не было вписано в отсылавшуюся к цензору рукопись без его личного утверждения. Деятельность его в этом деле была поистине изумительна. Одаренный от природы живым энергичным характером, старец в книжных занятиях точно забывал себя, почасту жертвуя для них, как уже и упомянуто выше, необходимым для него кратким отдыхом. Хотя и у всех участвовавших в сих трудах

* И теперь хранятся экземпляры Лествицы, прекрасно написанные уставом, — один, написанный монастырским монахом Астионом, в скитской библиотеке, а другой, написанный скитским иеродиакonomом Сергием Труновым, — в монастырской. В течение Великого Поста на церковных службах бывает чтение упрощенного славянского перевода Лествицы в Оптиной Пустыни, как в монастыре, так и в скиту.

не было недостатка в усердии, но нельзя не сознаться, что если кто чувствовал по временам изнеможение, то отнюдь не старец — он был неутомим.

“Зато,— говорил в свое время от лица всех соучастников книжных занятий один из них, о. Леонид Кавелин,— как щедро мы награждены были за наши малые труды! Кто из внимающих себе не отдал бы несколько лет жизни, чтобы слышать то, что слышали уши наши! Это — объяснения старца на такие места писаний отеческих, о которых, не будь этих занятий, никто из нас не посмел бы и спросить его. А если бы дерзнул на сие, то несомненно получил бы смиренный ответ: “Я не знаю сего; это не моей меры. Может быть, ты достиг ее, а я лишь знаю: даруй ми, Господи, зрети моя согрешения! Очисти сердце; тогда и поймешь”. Кто из нас в состоянии забыть, с какою снисходительностью выслушивал он, ущедренный от Господа даром духовного рассуждения, наши детские немотствования и делал уступки в желании изящнее или яснее выразить мысль там, где не видел нарушения духовного смысла, прикрывая оные приличной отеческой шуткой, например: “Пусть будет так; я новейшей литературы не знаю; а ведь вы — народ ученый”. Если между трудившимися возникало разногласие в понимании какого-либо места или слова, старец немедленно устранял оное: или предлагал на среду свое собственное мнение, или, смиряясь и смиряя нас, оставлял такое место вовсе без пояснения, говоря: “Это не нашей меры; кто будет делать, тот поймет. А то как бы не поставить наше гнилое вместо его (разумея старца Паисия) высокого духовного понимания”.

Промыслом Божиим, по замечанию старца Макария, устроено было так, что ко времени издания Оптиною Пустынью святоотеческих книг явились и глубоко сочувствовавшие и содействовавшие сему делу высокие покровители, люди недюжинного ума, как из среды духовной, так и светской. Таковы были, кроме высокопреосвященнейшего и вместе высокопросвещеннейшего Московского митрополита Филарета: упомянутый выше профессор Московской духовной академии, просвещеннейший философ протоирей Феодор Александрович Голубинский, которому временно помогал бывший ректор Московской духовной семинарии, архимандрит Леонид (скончавшийся в сане архиепископа Ярославского). Усердно также содействовал успешному ходу оптинских изданий бывший в то время инспектором Московской академии архимандрит Сергей (скончавшийся в сане митрополита Московского). Из светских же лиц принимали участие в этом деле в особенности вышеупомянутый Иван Васильевич Киреевский, как это можно видеть из его переписки со

старцем Макарием, а затем профессор Московского университета Шевырев и другие.

Понятно, что вследствие трудов оптинских братьев по изданию в свет святоотеческих писаний старец Макарий от многих понимавших дело лиц многократно получал лестные отзывы, ублажения и благодарения. Но старец и здесь, по обычаю своему, выказывал свое глубокое смирение. Так, например, писал он от 5 января 1857 года к одному духовному лицу*, с которым письменно находился в постоянном духовном общении, несмотря на дальность разделявшего их пространства: “Вы одобряете наши издания отеческих книг, а паче в русском переводе. Но тут нашего ничего нет, а все Божиим благоволением для пользы желающих и ищущих душевной пользы совершилось. Как бы мы могли приступить к столь важному и необычному для нас делу?! Но Бог воздвиг людей благомыслящих к содействию в деле сем. А более всего благоволение и благословение милостивого архипастыря” послужило к изданию лежавших под спудом в рукописях блаженного старца Паисия Молдавского переводов. А св. аввы Дорофея книга также скрывалась под спудом в конце книги св. Ефрема Сирина и по древности славянского языка недоступна была многим; но — благодарение Господу! — и она теперь стоит на свещнице. Дай Бог, чтобы чтущие и слушающие обрели душевную пользу!...”

Утешаясь изданными на общую пользу сокровищами духовного разума, скрывавшимися в безвестности более полу столетия, старцы Оптиной Пустыни прежде всего памятовали, что книги эти никогда не могли бы появиться в свет, если бы Господь, видимо, благоволивший к сему делу, не послал к успешному осуществлению оного покровительства, содействия и способов духовных и вещественных. В этих мыслях настоятель обители о. архимандрит Моисей, брат его о. игумен Антоний и описываемый старец о. Макарий на общем совете положили, что они ничем приличнее не могут изъяснить свою благодарность просвещенным их пособникам в издании книг, как делав оные общеизвестными в заведениях, назначенных для образования духовного юношества, в этих рассадниках духовного просвещения будущих пастырей и учителей Православной Церкви Христовой. С этою целью своевременно разосланы были по экземпляру всех вышеисчисленных изданий в дар: 1) во все библиотеки акаде-

* В подстрочии первого издания Жизнеописания старца Макария помечено: “А-ъ П-ъ, ныне епископ”. Вероятно, это был архимандрит Поликарп, кажется, живший и служивший некоторое время в Иерусалимской миссии, находившийся в близком духовном общении с Оптинскими старцами, впоследствии епископ Орловский.

** Московского митрополита Филарета.

мические и семинарские, 2) почти всем епархиальным архиереям, ректорам и инспекторам духовных академий и семинарий, 3) в лавры и во все общежительные русские обители, 4) на св. Афонскую гору: в русский Пантелеимонов монастырь, болгарский Зографский общежительный монастырь, в скит Св. Пророка Илии, в скит Св. Апостола Андрея Первозванного и болгарский скит Богородицы (Ксилургу). Когда напечатана была книга св. Исаака Сирина, экземпляры ее посланы были и в Молдавский Нямецкий монастырь, откуда книга эта и получила свою известность в России. Сверх того, во многие приходские церкви в местностях, зараженных расколом, разосланы были безмездно изданные в обличение раскольниковских заблуждений сочинения скитского иеросхимонаха Иоанна, бывшего немалое время в расколе и обратившегося в Православие. Также раздавались и рассылались в дар оптинские издания и всем знакомым посетителям Оптиной Пустыни в разных ближних и дальних местах. Не пропустим при сем без внимания и того, что обитель, из которой так много книг щедрою рукою бесплатно раздавалось и рассылалось во все концы России, сама далеко не была обеспечена и часто очень затруднялась в средствах к существованию, никогда не выходя из долгов в несколько тысяч рублей. Но недостатки в материальных средствах нисколько не подавляли духа начальствовавшего в то время крепкого верою в Промысл Божий о. архимандрита Моисея. Он даже находил удовольствие в том, чтобы так или иначе приносить пользу ближним. Это было главною целию всех его забот и дел в продолжение всей его долголетней жизни. “Когда-нибудь кто-нибудь прочтет ту или другую книгу, — говаривал он, — и душевная польза одного человека вознаградит все наши труды. Наше дело сеять. Бог даст, когда-нибудь будут и плоды”. И плоды получались чрез изданные книги, да и доселе получают обильные.

За таковые приношения монашествующим и мирским боголюбцам, кроме частных письменных изъявлений благодарности от многих архипастырей и отцов ректоров и инспекторов, оптинский настоятель о. архимандрит Моисей, по представлению о сем семинарских начальств, удостоился в 1857 году получить благословение Св. Синода. А старец Макарий за издание книги св. Исаака Сирина получил в дар от настоятеля Молдаво-Влахийского Нямецкого монастыря камлотовую рясу греческого покроя, которую, по своему смирению, надевал, только когда приступал к принятию Св. Христовых Таин.

Где же, может быть, спросят, издатели взяли сумму, потребную на издание такого значительного количества книг? Не обинуясь,

можно ответить на это словами старца Макария: “Бог послал на благое дело чрез добрых людей”. Ибо кто, как не Он, внушал людям достаточным, получавшим душевную пользу от одной книги, посильно помогать изданию другой? Во время самых книжных занятий многие сочувствовавшие этому делу заранее спрашивали: “Скоро ли будет готов начатый труд?” И стоило только старцу сказать, что вот, слава Богу, дело оканчивается, недостатка в усердствующих помочь изданию новой книги, по милости Божией, не было. Много заботились о всей материальной стороне книжного издания приверженные к старцу Макарию гг. Киреевские, и в особенности, как увидим далее, супруга Ивана Васильевича Киреевского, Наталья Петровна. За оказанную ими обоими в этом деле услугу силен воздать лишь Тот, Кто обещал не оставить без мзды подающего ближнему и чашу холодной воды во Имя Его.

Заметим здесь, что старец Макарий при окончании издания в его время Оптиною Пустынью книг, просмотрев счет денежных издержек на это дело, пришел в удивление, как все это совершилось и откуда собралась израсходованная на все издания такая крупная сумма — до 15 000 рублей ассигнациями. Он мог только выразить свои чувства слезами благодарности к Щедродавцу Богу, воскликнув: “Дивны дела Твои, Господи!” [Пс.138,14]

Глава XII

Временные отлучки старца Макария из своей обители: в Орловскую и Курскую епархии, в Киев и прочие. Посещение Оптиной Пустыни наместником Троицко-Сергиевой лавры о. архимандритом Антонием. Поездка старца Макария в Москву и Сергиеву лавру. Отношения Московского митрополита Филарета и лаврского наместника архимандрита Антония к старцу Макарию и его к ним. Участие митрополита Филарета в книжных трудах оптинских братьев

реди забот и хлопот как по внешнему благоустройству скита, так и по внутреннему духовному окормлению всего немалочисленного оптинского братства, не исключая и книжных занятий, старец Макарий находил возможность уделять время и на отлучки из своей обители — на малый срок нередко, а кое-когда и на довольно продолжительное время, всегда, впрочем, с благою целию оказывать духовную пользу ближним, а вместе и самому воспользоваться.

Так, в 1848 году 4 октября отправился он, в сопровождении одного послушника, по консисторскому паспорту в Орловскую и Курскую губернии на целый месяц. А несчастный в дороге случай со старцем заставил его пробыть вне своей обители и долее. Того же октября 18 числа получено было в Оптиной из г. Севска письмо с уведомлением, что батюшка о. Макарий, не доехавши до г. Дмитровска, повредил себе руку вследствие того, что повозка, в которой он рано в темноте выезжал с постоялого двора, нечаянно взвалилась. Врачи — дмитровский, а за ним и севский — думали, что у старца в правой руке переломлена кость; оттого и пользовали его руку перевязками и примочками. Старец стал даже чувствовать некое облегчение. Но на деле оказалось иное. Оптинский настоятель о. Моисей с братиею, долго ожидая возвращения старца, стали сомневаться, правильно ли понимали врачи его болезнь. И потому,

Вид Калуги

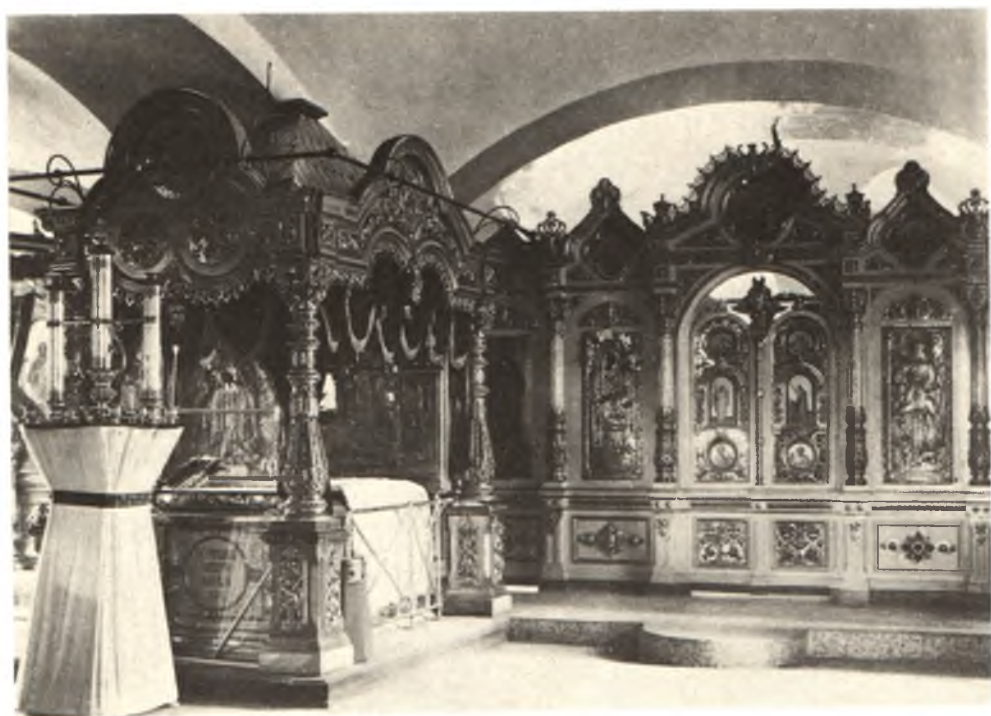
Вид Курска

Калуга. Лаврентиев монастырь

Лаврентиев монастырь. Сень над мощами преподобного Лаврентия

Богородицкая Площанская пустынь

Молченская Рождество-Богородицкая Софрониева пустынь

*Глинский игумен Филарет (Данилевский)
Глинская Рождество-Богородицкая пустынь*

Белобережская Иоанно-Предтеченская пустынь

Брянский Свято-Успенский Свенский монастырь

Трубчевский Спасо-Чолнский монастырь

Санкт-Петербург. Александро-Невская лавра

Москва. Новоспасский монастырь

*Преподобный Пасий Величковский
Оптинский старец Леонид, в схиме Лев (Наголжин)*

*Новоспасский старец
Филарет
(Пуляшкин)*

*Оптинские старцы: братья Моисей и Антоний (Путиловы),
Макарий (Иванов)*

Оптинский скит. Келлия скитоначальника

Митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров)
Епископ Калужский Григорий (Постников)

Епископ Калужский Григорий (Миткевич)
Архиепископ Воронежский Антоний (Смирницкий)

*Преподобный Серафим Саровский
Затворник Сезневский Иоанн*

*Затворник Троекуровский Иларион
Киевский иеросхимонах Парфений (Краснопевцев)*

*Архимандрит Макарий (Глухарев)
Валаамский игумен Назарий*

*Затворник Задонский Георгий
Иеросхимонах Иоанн (Малиновский)*

*Преподобный Амвросий Оптинский
Саровский схимонах Марк*

*Архиепископ Ювеналий (Половцев)
Архимандрит Леонид (Кавелин)*

Иеросхимонах Анатолий (Зерцалов)
Схиархимандрит Исаакий (Антимонов)

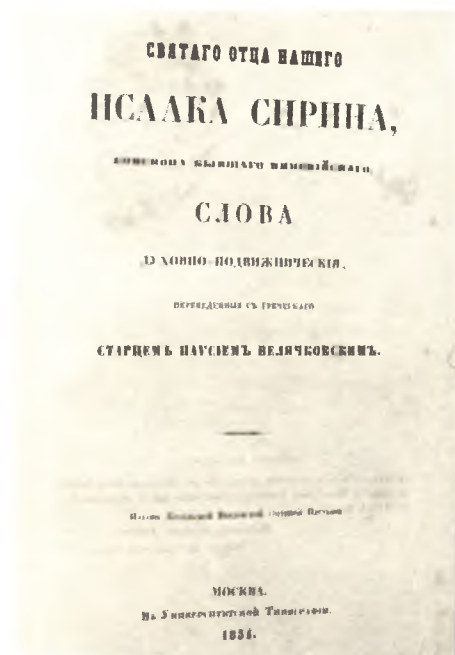
Иеросхимонах Флавиан (Маленков)
Федор Александрович Голубинский

Иван Васильевич и Наталья Петровна Киреевские

*Степан Петрович Шевырев
Титульный лист книги, изданной Оптиной пустынью*

*Святитель Митрофан Воронежский
Святитель Иоасаф Белгородский*

*Воронеж. Благовещенский Митрофанов монастырь. Внутренний вид.
Белгород. Собор и колокольня Белгородского Свято-Троицкого
монастыря.*

Киев. Киево-Печерская лавра

Киев. Михайловский монастырь

списавшись со старцем, послали к нему в Севск его келейника о. Иродиона с опытным костоправом, который нашел вместо перелома вывих кости у плеча. Нужно было старцу решиться на трудную операцию, дабы вправить в свое место кость, которая уже стала было зарастать. Боль была сильнейшая. Но, при помощи Божией, операция прошла весьма удачно; и старец в тот же день мог уже поднимать и опускать свою больную руку. А 20 ноября он имел возможность, к общей радости всего оптинского братства, и возвратиться восвояси.

Любовь старца Макария к своим оптинским питомцам так была велика, что, несмотря на свою болезненность, он во все время своего пребывания в гостинице Севского женского монастыря не оставлял их без духовного окормления. На получавшиеся от них, с его же дозволения, письма, хотя не своею рукою, а посылал ответы, с трудом подписывая свое имя больною рукою. Скитский летописец замечает, что несчастье приключилось старцу по наваждению исконного нашего невидимого врага. Это, между прочим, подтверждалось тем, что одна тамошняя бесноватая женщина, как раз перед этим несчастьем, выкрикивала мужеским голосом на старца угрозы. Враг хотел лишить духовной пользы давно ожидавших своего духовного наставника севских монахинь; так как у них по случаю вновь выбранной начальницы на место умершей были в обители нестроения. Но Промысл Божий самое несчастье старца обратил к пользе смущавшихся насельниц монастыря. Ибо старец, вследствие позднего осеннего времени, рассчитывая проехать в Курскую губернию, думал пробыть в Севске не более трех дней. Но душевные нужды как новопоставленной игумении, так и монахинь — духовных дочерей старца, требовали пребывания его там даже не одной недели, дабы всех их умиротворить. Что, при помощи Божией, и достигнуто было старцем.

В другой раз, в 1850 году, старец Макарий, также с консисторским двухмесячным паспортом, ездил в Воронеж и Киев для поклонения св. мощам угодников Божиих, взяв с собою в проводники скитского послушника Ивана Ивановича Антимонова*. Отъезжая 15 мая в путь, старец поручил духовное окормление братий духовникам иеромонахам Амвросию и Паисию, а управление скитом, или наблюдение за внешними порядками, — скитскому иеромонаху Никону. Завещав братиям иметь мир и любовь между собою, он опять дозволил им писать к нему о своих духовных нуждах, назна-

* Впоследствии оптинский настоятель архимандрит Исаакий. Скончался 22 августа 1894 г.

чив места своих остановок и обещаясь на письма их отвечать — как и было все это на деле. В эту поездку старец, между прочим, по пути посетил свою родную сестру Варвару Николаевну Глебову в ее имении, селе Никольском Ефремовского уезда Тульской губернии. Но года через два после сего свидания, именно в декабре 1852 года, эта благочестивая особа скончалась в Петрограде от холеры. Терпеливый и вместе любвеобильный, отзывчивый и к чужим скорбям старец принял в свое время горестную весть о кончине любимой своей сестры с покорностью неисповедимым судьбам Промысла Божия и вместе с глубокою скорбью, усугубив свое отеческое внимание к ее детям (отца они лишились ранее), и на закате дней своих имел утешение видеть, что мудрые его советы, а наипаче усердные о них ко Господу молитвы поставили одних и утвердили других на пути христианской благочестивой жизни.

Но продолжим прерванную нить главного рассказа. После свидания с сестрой своей Варварою Николаевной старец был в Воронеже и Белграде Курской губернии на поклонении св. мощам святителя Митрофана и еще не прославленного в то время святителя Иоасафа Горленки; также в Борисовской женской пустыни и в г. Курске у посетившего несколько лет тому назад Оптинский скит архиепископа Илиодора; а квартиру имел в доме почетного потомственного гражданина Ивана Васильевича Антимонова, родителя взятого им с собой послушника Ивана Ивановича Антимонова, где они прожили пять дней. К сему понудило старца следующее обстоятельство. Иван Иванович уехал из дома и поступил в Оптину Пустынь вопреки воле своего родителя, даже не сказавши ему о сем; почему отец недоволен был сыном за его своеволие. Нужно было потому примирить их. Пробывши же известное время в доме Ивана Васильевича, старец, при помощи Божией, достиг сей цели. Отсюда чрез Севск старец Макарий со своим проводником 18 июня прибыли в Киево-Печерскую лавру и приняты были с любовью и с особенным почтением к старцу ектисиархом лавры иеромонахом Мелетием, родным братом Ивана Ивановича Антимонова, и другими монахами, полагавшими в свое время начало иноческой жизни в Оптиной Пустыни. В лавре пребывали они в келлиях о. ектисиарха в продолжение десяти дней. В это время они неоднократно сподоблялись прикладываться к святой чудотворной иконе Успения Божией Матери и к мощам почивающих в пещерах угодников Божиих и св. великомученицы Варвары в Михайловском монастыре. Были на благословении у высокопреосвященнейшего митрополита Филарета, основателя Оптинского скита, и приняты им были отечески благосклонно. По-

сетили расположенных к Оптиной Пустыни инспектора Киевской академии иеромонаха Даниила и ректора семинарии архимандрита Антония (Амфитеатрова). Пред отъездом же из Киева были в Голосеевском скиту, где слушали Литургию и приняли на возвратный путь благословение от находившегося там владыки митрополита, который еще оставлял было гостей на несколько дней; но по краткости срока паспорта нельзя им было долее в Киеве оставаться. И так, с чувством духовного утешения и благодарения Богу, Матери Божией и святым угодникам, распростились они с близкими знакомыми лаврскими монахами, которые, по любви и усердию к старцу Макарию, поднесли ему в дар — кто образочки, кто книжки или еще что-либо достойное замечания. 4-го июля после обеда путешественники отправились из Киева и чрез Севск прибыли в Орел, где представлялись архиепископу Смарагду, который принял посетителей тоже очень благосклонно и угощал их чаем и фруктами. Вообще во все время своего долгого путешествия, где бы старец Макарий ни останавливался, везде встречал весьма радушный прием. Везде знавшие его, по усердию своему, удерживали его на некое время и относились к нему с глубоким уважением и почитанием. Наконец старец с сопутствовавшим ему братом, проехавши на лошадях в оба конца 2040 верст в продолжение 70 дней, к общей радости всего оптинского братства прибыл 24 июля в свой скит, от всей души возблагодарив Господа, сохранившего его целым и здоровым.

Каждый раз по возвращении из далекого путешествия старец Макарий, по обычаю, продолжал заниматься своими делами; между тем в недалеком будущем, после поездки в Киев, его ожидала еще поездка в Москву для личного представления высокопреосвященному Московскому митрополиту Филарету, а затем в Свято-Троицкую лавру для поклонения св. мощам угодника Божия преп. Сергия. Это сложилось так.

Еще в 1849 году в октябре посетил Оптину Пустынь известный умом и благочестивою жизнью пользовавшийся в свое время благоволением Московского митрополита Филарета и уважением всего московского знатного общества наместник Троицкой Сергиевой лавры архимандрит Антоний в сопровождении вышеупомянутого настоятеля Малоярославецкого монастыря досточтимого о. игумена Антония. Оба они в этот раз неоднократно посещали скит. Были и в келлиях скитоначальника о. Макария, который преподнес о. наместнику несколько изделий скитских братий — ложек и некоторых точеных вещиц. С любовью принял о. наместник эти незатейливые дары и даже хотел некоторые из них поднести митрополиту

Филарету. Затем, по возвращении из скита в монастырь, немало времени проведено было старцами в духовном собеседовании. И тут же благоугодно было о. наместнику почтить старца Макария и скит драгоценным подарком — частью мощей преп. отца Сергия Радонежского от его ножного пальца. Каковой дар принят был старцем Макарием и всеми скитянами с великим благоговением и благодарением Господу и боголюбивому посетителю обители, обещавшему в то же время прислать еще в скит крест с некоторыми святынями. 24 того же октября, по отслушании ранней Литургии, Оптиные старцы — о. игумен Моисей и батюшка о. Макарий — распустились с дорогими гостями со слезами обоюдной любви духовной, устроив для них почетные проводы. И вот как старец Макарий писал об этом посещении о. наместником лаврским Оптиной Пустыни 31 того же октября к своим племянницам, монахиням Севского монастыря:

“Все эти дни были мы в приятных хлопотах. В пятницу вечером, то есть 21 числа, утешили нас своим посещением почтенно-любезные гости — лаврский наместник о. архимандрит Антоний с малоярославецким игуменом о. Антонием. Какое его было ласковое, приятное обращение с нами, убогими, а паче со мною, ничтоже стоящим! Надобно было удивляться. Кажется, он любовью дышал, — что все выражалось умиленными его чувствами. Всякое слово любвеобильной его беседы запечатлевалось в сердцах наших; а описать оных тупое мое перо с таким же умом не имеет способности. Наградил скит наш святынею; и еще обещал прислать. С каким благоговением принял рукоделие скита нашего — ложечки и точечные штучки! — надобно было удивляться. И хотел представить оные митрополиту. Ну, словом, оставил нам память и пример нелестной любви и смирения. Что можем воздать ему? Токмо в благодарном сердце сохранить сие чувство и молить Господа простым словом: спаси его, Господи!”*

Вскоре за сим, именно 10 ноября, получен был через почту от того же о. архимандрита Антония и обещанный им в скитскую церковь крест сребропозлащенный, на верхней доске коего серебряное белое изображение распятого Христа Спасителя, украшенное по сторонам разноцветными камешками. Внутри сего креста вложены: часть животворящего древа Креста Господня, а внизу часть мантии

* Собрание писем Оптинского старца Макария. Письма его к монахиням. Часть 3. Письмо 17.

преп. Сергия; и оставлено место для вложения подаренных мощей сего угодника Божия*.

Чрез год после посещения старцем Макарием киевских святынь ему почему-то нужно было поехать в Малоярославецкий монастырь. 11 октября 1851 года он и отправился туда в сопровождении послушника Иоанна Половцева. Оттуда вместе с о. настоятелем игуменом Антонием проехали они в Боровский преп. Пафнутия монастырь и после любезного свидания с настоятелем одного монастыря архимандритом Геннадием отправились в Зосимову женскую пустынь, бывшую под особенным покровительством Московского митрополита Филарета и наместника Троицко-Сергиевой лавры архимандрита Антония. Там неожиданно пришлось им свидеться и с о. наместником. Вот как писал о сем сам старец Макарий к своим севским племянницам: “В понедельник рано приехали в Зосимову пустынь... От преизбытка их (сестер) радости и любви они не знали, какое нам подать успокоение. Но мы были довольны; и нельзя не быть признательным к всеобщему радостному и усердному приветствию и растворенному откровенному чувству. Но в самое время нашего у них пребывания умножилась их радость: получили известие, что завтрашний день, то есть 16-е число, придет к ним отец наместник лаврский, отец архимандрит Антоний, и пробудет у них день своего Ангела бывшего, Андрея Критского, 17-го числа, что и исполнилось. 16 числа в 3 часа пополудни приехал отец архимандрит; и для нас было это такое неожиданное утешение, так что если бы и списываться к съезду, то нельзя бы было так приноровить. Приятное его любовное простое обращение, душеполезные и назидательные беседы для всех и каждого служили большим утешением. И в это все время у сестер работы и занятия все были оставлены, кроме нужных; а все приседали при ногу его и нашею и питались душевною пищею, исходящею из уст его”**. Здесь, между прочим, старец Макарий в присутствии о. наместника объяснился, что в недавно изданном академическом русском переводе “Лествицы” замечены некоторые неточности. По возвращении своем из Зосимовой пустыни о. наместник не преминул довести о сем до сведения митрополита. Владыка через духовную дочь старца Макария Н. П. Киреевскую изъявил желание, чтобы старец изложил свои замечания на бумаге и доставил ему. Делом этим под непосредственным наблюдением старца Макария, занялись иеро-

* Крест этот, длиною 5 вершков, всегда стоит на св. престоле в скитской Предтеченской деревянной церкви или в новой каменной под стеклянным футляром.

** Письма старца Макария к монахиням. Часть 3. Письмо 51.

монах Амвросий и о. Иоанн Половцев. Сличив академический перевод со славянским Молдавского старца Паисия и с русским переводом бывшего настоятеля Болховского монастыря архимандрита Макария (Глухарева), они выписали должные замечания. Выписки эти через ту же г-жу Киреевскую доставлены были старцем митрополиту при следующем смиренном письме:

“Простите, Милостивый Владыко, что осмеливаюсь утруждать Вас худосложными моими строками. По благословению Вашего Высокопреосвященства, переданному мне через Н. П. Киреевскую, призывая на помощь Ваши архипастырские молитвы, вновь изданную книгу св. Иоанна Лествичника в русском переводе с некоторыми из братий нашей обители прочитав и сличив с переводом старца Паисия, архимандрита Молдавского, сделал замечания, в чем, по нашему разумению, находил несходство или слова, не выражающие на русском языке духовного разума, которым, составив особый реестр, осмеливаюсь представить на благоусмотрение Вашего Высокопреосвященства. И повергая себя к стопам Вашего Высокопреосвященства, испрашиваю прощения за сие наше дерзновение; и отнюдь не смеем утверждать справедливости нашего мнения, предавая на Ваше архипастырское усмотрение и решение; и аще что или все изволите найти неправильным, то всенижайше просим покрыть Вашею архипастырскою любовью и снисхождением. Получая неоднократно благословение Вашего Высокопреосвященства, и паки дерзаю испрашивать оно, и, ввергая себя в молитвенный Ваш покров и архипастырские милости, с достодолжным моим высокопочитанием имею честь пребыть...”

Письмо это послано было в первых числах января 1852 года и было началом интересной переписки старца с митрополитом.

Нельзя сказать достоверно, чтобы до издания Оптиною Пустыню душеполезных книг (до 1845 г.) старец Макарий хорошо был известен митрополиту Филарету. Когда же приближенные к старцу люди стали просить у владыки благословение на начало книжного дела, святитель, без сомнения, не мог не полюбопытствовать, кто же будет заниматься подготовкою к печатанию рукописей. В свою очередь, давно известные митрополиту гг. Киреевские и другие почитатели старца не могли не высказаться о нем с самой похвальной стороны как о муже мудром и высокодуховном подвижнике; через что владыка митрополит не мог не расположиться сердцем к старцу Макарию. Какова была приязнь к нему митрополита, можно видеть из ответного письма Н. П. Киреевской к старцу, писанного в мае 1849 года, в котором упоминается и о содействии московского святителя

в издании книги преп. Нила Сорского. “Бывши у владыки,— так, между прочим, писала Наталья Петровна,— я сообщила ему вашу признательность за его милостивое внимание и прочла ему несколько строк из начала и конца письма, где Вы мысленно повергаетесь к стопам его и испрашиваете св. молитв и благословения. Он выслушал это с чувством и сказал: “Напишите к о. Макарию, что прошу Господа, и посылаю ему Божие благословение, и прошу его св. молитв. О Ниле Сорском справлялся; разрешили напечатать и не спрашивая Синода, и вскоре вы получите его книгу для печатания”. Это собственные слова владыки”.

Наконец, отзыв о старце Макарии недавно с ним сблизившегося наместника Троицко-Сергиевой лавры о. архимандрита Антония, к которому митрополит имел полное доверие, без всякого сомнения, произвел на душу святителя Филарета глубокое впечатление. А доставленные ему старцем осмысленные замечания на академический перевод Лествицы, можно думать, послужили уже как бы подтверждением всех похвальных о нем отзывов пред митрополитом. Вследствие же всего этого мудрый святитель, не спешивший в делах, требовавших осторожности, решился наконец письменно изъяснить старцу желание видетсья с ним лично.

Поехать в Москву побуждали старца Макария, кроме сего, и иные причины, в особенности его слабое здоровье. Давно уже преданные ему особы уговаривали его съездить в Москву посоветоваться о своем здоровье с тамошними врачами; но он на их неоднократные уговаривания только отвечал: “Пусть будет, что Богу угодно”,— или чаще отмалчивался. Между прочим, по случаю предпринятого оптинцами издания книг старец Макарий, можно сказать, уже и по необходимости входил в переписку с митрополитом. И вот в ответ как на прежнее его с замечаниями письмо, так и на другое, поздравительное, в том же 1852 году с праздником Светлого Христова Воскресения, старец удостоился получить от владыки митрополита письмо следующего содержания:

“Преподобнейший отец Макарий! Христос воскрес! Примите от меня сие целование к общему соутешению общею верою. Господь воскресший да дарует Вам обещанную Им радость, исполненную и неотъемлемую.

Простите, что поздно благодарю Вас за сообщение замечаний на новый перевод Лествицы. Я дал их переводчикам и еще не имею от них отчета, которого ожидаю и требую, чтобы над книгою побеседовать с Вами посредством Ваших замечаний.

Наши общие знакомые, сообщая мне сведения о Вас, возбудили во мне заботу о Вашем здоровье, а от сего родился помысл, который Вам сообщаю. Вы далеко путешествовали к Киевским чудотворцам: почему бы не предпринять Вам путешествие не так далеко — к Московским чудо-

творцам и к преподобному Сергию? Они не оставили бы без благословения Ваше посещение. Кстати, Вы могли бы выслушать советы врачей, а мы воспользовались бы Вашим общением. Если бы я звал Вас к себе, Вы могли бы отказать не думавши. Но как я зову Вас к Московским чудотворцам и к преподобному Сергию, то надеюсь, Вы подумаете о сем не без внимания. Господь да устроит Ему угодное. Прошу молитв Ваших. — Филарет м. Московский. Апреля 3. 1852”.

Это милостивое, любвеобильное и смиренномудрое писание великого святителя Московского, при глубоком уважении к нему старца Макария, вызвало со стороны последнего замечательно смиренный ответ. Так писал старец:

“Христос воскрес! Ваше Высокопреосвященство, милостивейший отец и архипастырь! Вы столь много изволили излить на меня архипастырской и отеческой милости, удостоив худость мою своеоручного Вашего писания, что я не в силах вполне выразить чувств, мною к особе Вашего Высокопреосвященства благоговения и низжайшей сыновней благодарности. При получении столь дорогого для меня знака Вашего благоволения, я облобызал слова, писанные святительскою Вашею десницею, мысленно повергаясь к стопам Вашим.

Осмелюсь ли я отказываться от столь милостивого Вашего предложения и благословения мне, худейшему, — поклониться Московским великим чудотворцам и преподобному Сергию Радонежскому, нашим великим заступникам и ходатаям спасения, что для меня будет служить великим утешением? Но и благоговей к особе Вашего Высокопреосвященства, давно имею желание получить лично Ваше архипастырское благословение, чего до сих пор не мог удостоиться. Теперь же за счастье себе сочту при первой возможности, по слитии воды, с благословения нашего архипастыря и отца игумена, припасть лично к стопам Вашего Высокопреосвященства. Осмеливаюсь, испрашивая Вашего архипастырского благословения и святых молитв, с низжайшим моим высокопочитанием и сыновнею преданностью припасть к стопам Вашим и пребыть Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего отца и архипастыря, низжайший послушник, многогрешный иеромонах Макарий. 8 апреля 1852 года”.

Одновременно с письмом к старцу Макарию митрополит прислал особое письмо и о. игумену Моисею, прося его отпустить старца в Москву. Но со стороны смиренного и доблестного о. игумена задержки нельзя было и предполагать, хотя бы митрополит и не просил его об этом. И вот, с наступлением мая месяца, старец собрался в путь, пригласив с собою в проводники вышеупомянутого, теперь уже рясофорного монаха, о. Иоанна Половцева. 8-го числа, на праздник Вознесения Гос-

подня, в послеобеденное время, батюшка отец Макарий пригласил всех скитских братий к себе на чай и объявил, что в отсутствие свое поручает смотрение за внешним порядком в скиту иеромонаху Пафнутию, а духовное окормление братий, как и прежде, иеромонаху Амвросию. Завещавал при том всем хранить мир и единомыслие, как главные признаки учеников Христовых, и не оставлять келейных занятий. При сем он заметил: “Вот и светские мудрецы указывают нам исход — отеческое писание. Недавно Иван Васильевич Киреевский прислал (как вы слышали) мне свою книжку, в которой он гласно признается, что, исчерпав всю мудрость западных философов, убедился, что истины нет у них; а она таится в писаниях отцов Православной Церкви”.

В следующий за тем день, 9 мая, после бывшей в скиту Литургии отслужен был для отъезжающих напутственный молебен с коленопреклонением; а потом и состоялись замечательные проводы старца братиями. Все после молебна поспешили к батюшке в келлию, где, как выразился летописец, совершалось торжество любви Христовой в наше скудное любовию время. Затем все скитские братия и большинство монастырской семьи последовали за старцем к выездным монастырским воротам. Туда же вышел и о. игумен Моисей. Здесь достойные друг друга старцы простились, а братия провожали отъезжавших через р. Жиздру, протекающую саженьях в ста от монастыря, где монастырские, приняв от старца благословение, повинувшись его желанию, возвратились назад, скитяне же проводили старца и еще несколько далее. Наконец, он вышел из своей кибитки, благословил каждого брата и отправился в преднамеренный путь.

Может быть, такие торжественные проводы старца устроились вследствие разнесшейся молвы, что он едет в Москву по вызову великого московского иерарха. Думается, впрочем, что и прежние проводы старца, при отъезде его на долгое время, не лишены были интереса.

15 мая, в послеобеденное время, возвратился из Малоярославца скитский кучер* с лошадьми, на которых возил туда старца. С этим кучером получено было скитянами от батюшки и первое письмо, в коем он, после подробного описания пути до Малоярославца, изво-

* Кучер этот жил в скиту долгое время, лет 30, если не более. Звать его было Никитой; а любвеобильный старец всегда звал его не иначе как “Никитушка” и по возможности заботился об удобствах его положения. Однажды во время поездки — неизвестно только куда — старец остановился в полуденное время в некотором постоялом дворе покормить лошадей; а затем и опять стал собираться в дорогу. Вышедши к своей повозке, он, между прочим, обратившись к кучеру, ласково проговорил: “Ну что, Никитушка, сыт ли ты?” А тот, полутолодный, с огорчением ответил: “Да что, батюшка? Щи-то были без разомту”. Это значило, что щи не были подправлены маслом. Но уж делать было нечего. Так и поехали в дальнейший путь. Без сомнения, после старец чем-нибудь убоготворил своего Никитушку.

лил, по обычаю своему, приписать свое отеческое благожелание: “Пребывайте, братие, в самоукорении и любви; и мир Божий пребудет с вами”.

Около полутора месяцев, с проездом в Москву и обратно, пробыл в отлучке старец Макарий. В промежуток этого времени изволил посетить Оптину Пустынь новый преосвященный, епископ Григорий (Миткевич), занявший Калужскую кафедру с 9 декабря 1851 года после предместника своего, епископа Николая. Приехал он 31 мая и пробыл несколько дней. Ко всем и ко всему в обители владыка был очень внимателен и любезен. Бывши в скиту, пожелал посетить келлию скитона начальника и старца Макария. Войдя в залик, он спросил: “Это приемная, кажется? А я желаю видеть келлию старца”. Тогда сопровождавший преосвященного о. игумен Моисей приказал отпереть дверь келлии. Войдя туда, владыка помолился на святые иконы, потом, взглянув на шкаф, проговорил: “А! Книги?” И, надев очки, начал пробегать сквозь стекло шкапа оглавления. Затем обратился к другому шкапу: “И тут тоже книги? Вот сколько! Значит, старец пользуется ими. А чьи это?” О. игумен объяснил, что собственные старца. После сего, осмотрев скит и пасеку при нем, возвратился в монастырь.

Отслужив в монастыре 3 июня Литургию, преосвященный пожелал в следующий день и в скиту послужить. Прослушав с вечера в скитской церкви бдение и возвращаясь на ночлег в монастырь, он в разговоре с сопровождавшим его о. настоятелем спросил: “А откровение к кому (братия) имеют?” О. игумен ответил: “Откровение имеют к старцу о. Макарию”. “Вот это — главное,— продолжал владыка.— В этом-то и состоит все дело. Это есть источник спасения. Не то или упадет человек слишком низко, или вознесется высоко. Первое худо, а за вторым как раз следует прелесть. Не правда ли?” “Точно так, ваше преосвященство,— ответил о. игумен.— Иной самочинием попадет в такую прелесть, что и исправить бывает трудно”. Далее владыка говорил о том, сколь важным считает он откровение помыслов, посредством которого очищается сердце и увядают страсти, и заключил разговор словом Писания: *безсовестьем же пленяется нечестивый* (Притч. 11,6). Этот замечательный во всех отношениях разговор послужил для владыки и темою беседы, которую он на другой день произнес в скитской церкви по совершении Божественной литургии.

Но продолжим разговор о путешествии старца Макария. В Москву он прибыл 14 мая, утром в 9-м часу, в дом Киреевских, который находился у Красных Ворот, где хозяева ожидали его как благословение Божие. Но едва успел старец выйти из повозки, как послан-

ный от митрополита Филарета приехал узнать, когда ожидают старца? До слез тронут был батюшка о. Макарий вниманием милостивого владыки; и поспешил сам выказать митрополиту душевную признательность — явиться к нему лично. В это же первое свидание митрополит изволил пригласить его к своей трапезе.

Как затем старец проводил в Москве время, заимствуем сведения из его собственноручных писем к своим севским племянницам. В следующее, 15-е, число мая он писал так: **“12-й час.** Мы после обедни удостоились получить от владыки благословение и удостоились его беседы. Около часа был я у него; говорил (владыка) о разных предметах, более духовных, и выше моего достоинства; явил архипастырскую свою милость — приехать приказал во втором часу обедать, где обещал познакомить худость мою с преосвященным Григорием Казанским. Ну стою ли я того? Боюсь, да не будет мне сие во осуждение”.

(Того же) **“15-го числа,** после письма моего к вам, я удостоился быть сотрапезником двух иерархов; истинно не по моему достоинству, взирая на жизнь мою нерадивую, и при том горе мне! Яко имя мое выше дел моих, а я, окаянный, уловляя славу, далече бегу от поношений; а не имею равенства и к тому, и к другому. Но что делать? Господи! Имиже веси судьбами, спаси мя, недостойного”.

“Ныне (должно быть, в следующее, 16-е, число) опять благословил владыка побывать к нему, и я поеду туда в 8 часов к обедне и надеюсь получить его благословение”.

“17-е мая. Слава Богу! Вот мы уже в Москве четвертый день живем, и кое-что поисправили, и у некоторых были. Я писал к вам о благополучном нашем приезде и о получении благословения от владыки; и теперь утром, имея свободное время, пишу к вам сии строки, или беседую с вами. Вчера, уже не рано, получил письма из Пустыни от вас, от братьев, и все присланные на мое имя в Пустынь”.

“18-е мая. Сего дня праздник Сошествия Св. Духа; и я, грешный, выше моего достоинства сподобился быть сослужителем при митрополите в Чудове монастыре. Он служил Литургию, и я был в числе служащих. Благодарение Господу!”

“На память Алексея Митрополита (20 мая) был я в Чудове. Владыка служил, а я стоял в алтаре с М... После был на закуске у владыки; и он благословил мне отправиться в лавру. Думаю завтра или в пятницу туда поехать. А вы, кажется, бредите в жару о моей мнимой высоте, не понимая того, что я ничтоже значу. Владыка со мною еще почти ничего не говорил; а как поговорит, то и увидит мое неразумие и ленивое и нерадивое житие. Он, может быть,

думал найти во мне какие-нибудь высокие дарования и плод духовный; а я всего этого чужд и един от грешных и немощных есмь. Вы бредёте, как хотите, а мне на деле виднее”.

“26-е мая. Пишу к вам из лавры преподобного Сергия, угодника Божия, куда мы приехали в пятницу 23 числа, в 2 часа пополудни. И в тот же день приехал сюда и владыка. На другой день после утрени мы служили молебен преподобному Сергию, где и ваши имена воспоминали. После обеда отправились в скит; и отец наместник туда же приехал и показал нам все заведения тамошние. Мы там были у всенощной и обедни в воскресенье; там и заговлялись. И на тот же день приехала в лавру Великая Княгиня Мария Николаевна. Нынче утром мы приехали в лавру: владыка будет служить”.

“Пишу после обедни... В церкви мы стояли в алтаре, и довольно хорошо можно было видеть Великую Княгиню с сыном... Слава Богу, что державный Двор наш имеет такое усердие к угоднику Божию, преподобному Сергию, они нарочно приезжали для поклонения. В Москве только переночевали”.

“30-е мая. Второе пишу к вам, возлюбленные о Господе чада, отсюда из лавры, где пробудем до воскресенья или понедельника...”

“Благодарение Господу! Удостоившись побыть в лавре преподобного Сергия и поклониться святым его мощам, вчерашний день возвратились паки в Москву. Оттоль я писал к вам, почему теперь нахожу излишним описывать вам тамошнее наше пребывание. Скажу только, что молитвами угодника Божия нам было там очень хорошо. Владыка милостиво и отечески нас принимал и проводил благословением и иконою Успения Пресвятой Богородицы; и коралловые четки из своих святительских рук благословил”.

Здесь представляется нужным сделать небольшую вставку. В январе 1859 года новый начальник Оптинского скита, иеромонах Пафнутий, в бытность свою в Москве, представлялся митрополиту Филарету, который принял его милостиво и очень ласково, расспрашивал об Оптиных старцах, о. Макарии, о. архимандрите Моисее и о. игумене Антонии, и в заключение, благословив его, прибавил: “Скажи о. Макарию, что четочки, которыми мы с ним поменялись, я ношу; и теперь их имею в своих руках”. Слова эти показывают, что старец, по глубокому смирению своему, об обмене с митрополитом четками умолчал.

Продолжаем говорить о расставании о. Макария с о. наместником лавры собственными словами старца:

“А о. наместник явил велию свою к нам любовь и всем снабдил: образами, книгами, чаем, сахаром, самоваром, деньгами, рясою и

камилавкою с клобуком; дал до Москвы своих лошадей и преспойный тарантас; сам проводил за 10 верст, где мы и чайку попили. А о. Ф. с о. Д. проводили до половины дороги, то есть до ночлега. По приказанию владыки, мы пробыли в лавре и в скиту 10 дней. Я представил ему, что срок наш сближается, а он говорит: “Можно отсрочить; когда нужно, я напишу к вашему архиерею, а вам надобно в Москве полечиться”. Нам же осталось сроку только 7 дней, а тут еще ни у кого не были, что делать? Просил о. игумена прислать еще отсрочку на две недели. А между тем, мы будем часто беседовать на письмах, — что я и делаю всякую почту: пишу к своим братьям и сестрам, то есть к вам, а вы пишете ко мне и не скучайте”.

Этим заканчиваются сообщенные самим старцем Макарием сведения о его пребывании в Москве и лавре. Можно из них видеть, как были ему рады и какую показывали к нему любовь митрополит и лаврский наместник, а с другой стороны, каково было и смирение старца!

13 июня выбыл батюшка о. Макарий из Москвы. Киреевские проводили своего духовного любвеобильного отца до заставы. А 20 июня, в конце вечернего правила, он возвратился из своей поездки в скит. Свиделись скитяне со своим дорогим батюшкой и получили от него благословение в церкви. А затем, до позднего вечера, келлии старца наполнены были монастырскими братьями, приходившими к нему получить благословение и изъяснить свою радость о благополучном его возвращении.

Насколько приятно было митрополиту личное свидание со старцем, можно видеть из следующего письма к нему владыки:

“Преподобный отец Макарий! Первее всего благодарю Вас за доброе посещение. Надеюсь, что труд Ваш небесплоден. Жалею, что не довольно беседовал с Вами. Но слава Богу о всем!

Благодарю за книги”. Вы очень щедры, и мне совестно было пользоваться щедростию Вашею: но меня убедили не прекословить. Польза, которую обретут читающие, Богу тайнодействующу, да обратится и Вам в духовное приобретение. Целование моего смирения всему братству Вашему. Благодать и мир Господень с Вами!

* Собрание писем Оптинского старца Макария. Письма к монахиам. Часть 3. Письма 60, 61 и 62.

** Послано было митрополиту 25 экземпляров только что отпечатанной при его содействии книги “Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни”.

Прошу не лишить меня благой помощи молитв Ваших. Филарет м. Московский. Августа 13. 1852”.

Действительно, труд поездки старца Макария в Москву, по словам митрополита, был небесплоден. Там он имел утешение помолиться св. угодникам Московским и лобызать их нетленные мощи, а затем и преп. Сергия в его лавре; видеть лицом к лицу великого святителя Московского, получить от него благословение и насладиться его смиренно-любовным собеседованием; в лавре же быть принятым с братскою любовью — и даже, кажется, больше того — о. наместником лавры, а затем еще ректором духовной академии архимандритом Алексием, инспектором архимандритом Сергием и профессором Ф.А. Голубинским. Кроме того, старец воспользовался и пособием главного доктора Московского сухопутного госпиталя г. К.К. Пфеля. Издавна страдая, а последние годы и постоянно, занятием духа, страдалец поддерживал себя каплями, которые прописывал ему означенный доктор.

Благосклонно относился митрополит Филарет к старцу Макарию и до личного с ним свидания; а после того стал относиться еще с большим вниманием, благорасположением и благопожеланием. Так, например, 25 февраля 1854 года старец получил от митрополита письмо следующего содержания:

“Преподобному отцу Макарию о Господе радоваться. Как пишу к Вам при вступлении в пост, то время просить у Вас прощения, может быть, и в больших винах, нежели та, о которой теперь думаю, — в долгом молчании. С участием слышу, что здоровье Ваше слабо. Дайте себе отдых. Не истощайте сил, которые при умеренном употреблении долее могут служить на пользу.

Слышу также, что Вы озабочены неправыми суждениями о некоторых людях, получавших от Вас наставления. Сколько знаю обстоятельства: надобно им советовать терпение, потому что мнение их начальства не вдруг изменить можно. Впрочем, нет причин опасаться, чтобы могли случиться затруднения, подобные случившимся с покойным отцом Леонидом*.

Мир и тишина душе Вашей. Помолитесь о моей, молвою житейскою обуреваемой. Филарет м. Московский. Февр. 21. 1854.

Целование Вашему отцу архимандриту и отцу Антонию. У первого также прошу прощения в молчании”.

* Отец Леонид — первый Оптинский старец, предместник старца Макария, в продолжение всей своей 44-летней иноческой жизни (исключая первых немногих лет с поступления в монастырь) терпел гонения и великие скорби, которые, впрочем, с верою в Господа всегда переносил благодушно.

Или в письме того же года к старцу Макарию писала Наталья Петровна Киреевская: “В пятницу имела счастье быть у владыки митрополита... Несмотря на занятия, он сделал милость — принял нас внимательно и изволил спрашивать о здоровье Вашем; и, узнав о ослаблении и занятии духа, случающемся с Вами, крайне соболезновал и сказал: нужно бы о. архимандриту покоить старца; передайте старцу желание мое ему здоровья и благословение Божие. Исполняю сие приятное поручение от всей души”.

Во взаимных отношениях владыки митрополита и старца Макария проглядывает даже поистине детская друг к другу любовь. Духовную дочь старца Н.П. Киреевскую митрополит принимал без промедления во всякое время — и когда был занят делами, и даже когда нездоров был и потому, кроме нее, никого не принимал. 25 октября того же 1854 года Киреевская писала старцу следующее:

“Милостивый отец мой, благодетель души! В пятницу, как предполагала, была у владыки. Он был нездоров и еще никого не принимал. Я решилась сказать, чтобы доложили обо мне, и, конечно, за ваше святое благословение, была принята милостиво владыкой. Передала ваше земное поклонение, отец мой, и, получая вам святое благословение от владыки, я развязала узелок с дарами от вас и подала сперва чашу точеную, потом ложечки, ковшик. Владыка все пересмотрел со вниманием и, держа в руке ковшик, сказал: “Скажите, зачем тут внутри розы? Чтобы их выпить? Ведь они сойдут, вот и у меня в скиту тоже так расписывают; кажется, это лишнее?” Я ответила владыке: “Эти цветы не сойдут, они тщательно кроются олифою и удерживаются, что на опыте видела, употребляя ложечки одинаково расписанные; это очень красиво”. Владыка: “Ну хорошо, буду за обедом употреблять и пить из этого ковшика...” Потом подала подсвечники (точеные), которые очень понравились владыке. Он сказал, что “со шпилькою чище”. А когда я доложила, что батюшка сожелел послать их, —они в олове просто отделаны, владыка сказал: “Напрасно; я олово предпочитаю; оно гораздо лучше меди”.

После всего я подала владыке книги св. Исаака и объяснила, почему несколько измяты листы, — от моей вины, и что для себя вы изволили сами ставить литеры для удобства приискания строк той же материи, и показала — как (приискивать), и что усердствуете владыке, собственно думая, что не будет ли это удобство угодно для владыки. Владыка сказал: “Очень благодарен. Но для себя отчего же старец не оставил и лишил себя?” Я отвечала: “Батюшка еще себе потрудится сделать; а вам, владыка, он рад служить всем, что

имеет, по глубокой преданности его к вам”. Владыка сказал: “О, спаси их, Бог! Благодарю их. Видно, мне еще долго жить. Как они много всего мне прислали! Они хотят, чтобы я долго жил”. И все с приятностию улыбался. Я отвечала, что следовало по приличию. Владыка с участием расспрашивал о здоровье вашем. Я объяснила, что видела, и душою утешилась любовью к вам владыки, отец мой! Потом передала поклон и почтение от о. архимандрита (Моисея) и о. игумена Антония...”

Находясь в таких близких отношениях вообще к Оптинским старцам, и в особенности к старцу Макарию, владыка митрополит пожелал и еще раз свидеться с ним и с о. игуменом Антонием, к чему представился и благоприятный случай. В скитской летописи под 26 сентября 1855 года читаем следующую заметку: “В сей день, в 4 часа утра, старцы — о. игумен Антоний и батюшка о. Макарий поехали в Зосимову девичью пустынь по приглашению начальницы оной к освящению храма, которое будет совершено владыкою Московским Высокопреосвященным Филаретом, который также изъявил желание, чтобы старцы воспользовались сим случаем для личного с ним свидания и беседы”. Но подробности сего свидания, к сожалению, неизвестны.

Какая притом еще была великая внимательность владыки митрополита к изданию оптинцами во главе со старцем Макарием святоотеческих писаний — внимательность, соединенная с глубоким смирением святителя Христова, преимущественно по отношению к старцу! Мало того, что митрополит внимательно прочитывал и тщательно исправлял составленные оптинцами пояснения на некоторые темные места святоотеческих писаний; он сам даже переводил некоторые трудные места св. отцов, сличая с греческим или латинским подлинником, и побуждал цензора к скорейшему исполнению порученного ему дела.

Особенно святитель желал и всячески заботился об издании 1) книги “Преподобных отцев Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни”, — находя ее более других полезною для иночествующих. В письме своем к старцу Макарию Н.П. Киреевская в июле 1849 года, между прочим, писала, что владыка, узнав о желании оптинцев напечатать “Поучения преп. Феодора Студита” и преподобных Варсануфия и Иоанна, заметил: “Мнение мое: прежде всего начать печатать Варсануфия Великого — вот это бы лучше”. А от 19 сентября того же года та же Киреевская сообщила старцу Макарию следующие слова митрополита: “О книге св. Варсануфия, бывши в лавре, я занялся. Нашел и греческий подлинник;

и древний славянский мы отыскиали, и, что странно, славянский гораздо ближе и вернее греческого. Мы положим так: перевод старца Паисия печатать так, как он есть. Но как есть в нем в некоторых местах пропущенные речи и места: то все и тому подобное из древнеславянского, и частью сверяясь с греческою (книгою) будем выставлять внизу в примечаниях, как то сделано и в книге св. Нила". "Выслушав сии радостные слова,— писала затем Киреевская,— я поклонилась владыке в ноги с глубочайшею признательностию и благодарением... Я еще прибавила несколько слов о том, что боялась отвлекать Феодора Александровича (Голубинского), теперь иным занятого, от книги св. Варсануфия. Владыка сказал: "Ну, я ему приказал исключительно ею заняться". Когда же книга была напечатана и от имени старца Макария поднесена была Киреевскою митрополиту, он очень был доволен. Киреевская по этому поводу писала в Оптину следующее: "Владыка принял нас отечески благосклонно. Я подала ему подносный экземпляр от имени вашего, батюшка, благодарила от вас с поклоном земным. Владыка с большим удовольствием принял книгу и сказал: "У старцев как все поспевает, удивительно! Очень им благодарен". Я просила владыку обратить внимание на печать, на алфавит, и владыка все очень-очень одобрил. Любезно говорил".

Вместе с книгою преподобных отцов Варсануфия и Иоанна митрополит одобрял издание 2) преп. аввы Фалассия. Продолжая предыдущее письмо, Киреевская писала к старцу: "Я подала владыке 3-ю сотницу перевода Фалассия. Владыка спросил: "Что это?" — "Остальная сотница Фалассия. Самые последние главы 4-й сотницы батюшка о. Макарий не перевел, потому что боялся погрешить в изложении сих высоких предметов богословия, и оставил это на волю Вашего Высокопреосвященства, и как вам Господь возвестит". — "Напрасно; лучше бы перевели — мне бы помогли. Погодите, сейчас..." — и пошел в другую комнату. Владыка возвратился, держа в руках 1-ю сотницу св. Фалассия: "Вот 1-я сотница, я ее прочитал, некоторое изменил. В одном месте думал, что догадался, переправил, а как здесь в лавре нашел греческий подлинник, то увидел, что ошибся, и изменил поправку. В другом же месте было не так, вероятно, потому что пропущено было одно слово в подлиннике. Вот, отдайте от меня старцам и спросите, угодны ли будут им мои поправки. Я озабочивался и не знал, как мне им переслать эту сотницу. Очень рад, что вам могу отдать ее". Я очень благодарила и говорила, что вы примете милость владыки с глубочайшим чувством признательности и что ваши поправки —

благодеение. Владыка сказал: “Ну, это как старцы найдут”. Потом я спросила: “Когда старцы переписжут, то позвольте к вам обратно доставить?” — “Можно и в цензуру отдать — как хотите”.

По возвращении же первой сотницы аввы Фалассия митрополит писал к старцу Макарию:

“Мир свышний преподобному отцу Макарию! Возвращаю перевод аввы Фалассия, испещренный мною, может быть, так же некрасиво в отношении к разуму, как в отношении к буквам. Отдаю на Ваше рассуждение.

Не излишним думаю сказать, что мною сделано и почему.

Первую сотницу сличал я только с переводом старца Паисия. В немногих главах усомнясь, прибегнул к подлиннику.

Три остальные сотницы что-то побудило меня постоянно сличать с греческим подлинником, а иногда и с латинским переводом, который напечатан при греческом подлиннике, но не всегда с ним сходен. Оказалось, что для некоторых глав необходима была помощь греческого подлинника, а иногда и латинского перевода, хотя в некоторых других главах наш перевод, очевидно, верен, а печатный греческий темен — очевидно, испорчен.

В 59-й главе 3-й сотницы перевод наш оставлен неприкосновенным; а перевод с греческого поставлен в примечание, потому что несколько сомнительно, которое чтение правильное, хотя, по моему мнению, вероятнее, что истинное чтение — греческое; ибо только догадочно и принужденно можно дать значение словам: **в трудолюбивом друге ты найдешь покров очам твоим**. Но слова: **в трудолюбивом друге ты найдешь покров твоим погрешностям** — дают ясный смысл. И можно видеть их источник в словах апостола: **обративый грешника от заблуждения покроет множество грехов**”.

О том, что 89-я и 92-я главы 4-й сотницы не на своем месте, прилагается при сем особая записка.

Прилагаю также последние 21 главы, переписанные особо, дабы вы лучше могли прочитать; нежели то, что я связно пишу по недосугу, по немощи, а более всего по лености, от которой избавиться помогите мне молитвами Вашими. Паки целование мира Вам, и о. архимандриту, и о. Антонию. Филарет м. Московский. В лавре. Июня 22, 1855 г.”

В ответ митрополиту старец Макарий писал следующее:

“Ваше Высокопреосвященство, милостивейший архипастырь и отец! Неоднократно получая от Вашего Высокопреосвященства чрез Н.П. Киреевскую архипастырское благословение, принимал оное благоговейно, с чувством благодарности и, не смея беспокоить

Ваше Высокопреосвященства писаниями моими для выражения оного, сохранял в молчании доселе. Но ныне вновь излившая архи-
пастырская и отеческая милость Ваша подала смелость к написанию
сих моих скудоумных строк.

При всех Ваших многотрудных и полезных занятиях Вы изволили
уделить время для рассмотрения представленной от нас Вашему Вы-
сокопреосвященству чрез Наталью Петровну рукописи аввы Фалас-
сия первой сотницы со славянским текстом перевод на русский
язык. Получа оную обратно, с радостью увидели во многих местах
исправление перевода, сделанное святительскою рукою Вашего Вы-
сокопреосвященства, которое нам ясно показало правильность сла-
вянского текста и наше скудоумие; и еще столько явили милости —
изволили принять и остальные три сотницы на Ваше благорассмот-
рение. Простите, милостивейший владыко, такую нашу дерзость,
что мы осмелились сим утруждать особу Вашего Высокопреосвя-
щенства.

Считаем также великою милостию к нам и счастьем для себя то,
что удостоили принять от нашего глубочайшего усердия экземпля-
ры книги св. Варсануфия и Иоанна в русском переводе. Это не наше
произведение, а плод Вашего архипастырского благоволения и бла-
гословения, без коих не могло бы совершиться сие предприятие.
Продолжая Ваши архипастырские и отеческие милости, Ваше Вы-
сокопреосвященство изволили прислать чрез о. наместника лавры
о. архимандрита Антония в нашу обитель 100 рублей серебром.

Все оное слагая в сердцах наших, осмеливаемся в сих слабых ску-
доумных строках принести вашему Высокопреосвященству нашу
наиглубочайшую благодарность, и мысленно припадаем к стопам
Вашего Высокопреосвященства, лобызая святительскую Вашу дес-
ницу.

Причем, дерзая испрашивать Вашего архипастырского благосло-
вления и св. молитв всей нашей скитской братии, трудившейся в деле
книжном, и мне последнему с беспредельным высокопочитанием и
сыновнею преданностию, имею счастье пребыть Вашего Высокоп-
реосвященства, милостивейшего архипастыря и отца нижайший
сын и послушник, многогрешный иеромонах Макарий. 25 июня
1855 г.”.

Но в особенности владыка митрополит заботился об издании Оп-
тиною Пустынью 3) книги св. Исаака Сирина в славянском перево-
де старца Паисия Величковского. Книга эта, впрочем, напечатана
была немного раньше преп. аввы Фалассия. В памятной записке
старца Макария читаем о сем следующее:

“О напечатании книги св. Исаака Сирина мы не смели надеяться предпринимать какие-либо средства (вероятно, потому что уже напечатан был русский академический перевод сего святого отца); но Бог судьбами Своими устроил неожиданно и даровал нам иметь духовное утешение велие — видеть ее напечатанною в 2400 экземплярах. Вот как это случилось: в 1852 году, когда я был в Москве, говоря с гг. Киреевскими о русском (академическом) переводе сей книги, как бы хорошо и полезно было напечатать сию книгу на славянском языке старца Паисия, предложил им при случае предложить о сем высокопреосвященному митрополиту Филарету. Бывши в Троицкой лавре в то же время, предложил о сем о. наместнику архимандриту Антонию. По отъезде моем он, улучив время, в разные времена при разговоре докладывал о сем его преосвященству”.

По этому поводу в сентябре того же 1852 года получено было старцем Макарием от лаврского наместника следующее письмо:

“Боголюбивейший и любезнейший старец отец Макарий, благословите! По слову Вашему о напечатании Исаака Сирина писал я к старцу нашему, святому владыке. Извольте выслушать, какой ответ он мне написал: “Рад буду, если напечатают отцы Оптинские книгу Исаака Сирина на славянском, и для цензуры затруднения не предвижу. Желательно было бы, чтобы при сем на некоторые места сделаны были с подлинника пояснения, как сделано в издании Варсануфия Великого. Но если сие окажется трудным, и без сего напечатать хорошо. А с пояснениями славянский текст, по мне, лучше русского, потому что по свойству языка перевод ближе к подлиннику. Новым переводам я меньше верю”. Вот Вам, любезный батюшка, от слова до слова ответ владыки. Теперь остается Вам, призвав Господа в помощь, приступить к делу. Испрашивая св. молитв Ваших, с сердечною любовию есмь навсегда н.[едостойный] Антоний.

Отцу игумену Моисею, о. Антонию и всей скитской Вашей братии передайте братский поклон. 18 сентября 1852 г.”

На следующей за сим почте получено было письмо от Н.П. Киреевской, в котором она уведомляла старца о. Макария о разговоре своем с митрополитом. Владыка: “Не пишет ли вам о. Макарий что о печатании книги св. Исаака Сирина? Он писал о сем к о. Антонию, почему это?” Я отвечала: “Не знаю ничего о сем, владыко. Но если батюшка писал к о. Антонию; то, вероятно, основываясь на словах, сказанных Вами прежде мужу моему, что Вы рады будете видеть сию книгу напечатанною, подобно книге св. Варсануфия, на славянском языке с пояснениями. Но только, владыко, осмелюсь заметить, что если пояснения эти поручите сделать Голубинскому; то будет очень медленно. Да, кажется, владыко, вновь потом надобно будет отсылать в Синод и оттуда ожидать разреше-

ния о напечатании?” Владыка: “Нет, в Синод посылать я не буду — ведь эта книга **святого отца**, — а отдам ее на рассмотрение в Комитет; и если он не решится пропустить, то потребую к себе и сам подпишу. Пусть делают выговор мне одному”.

В вышеозначенной памятной своей записке старец Макарий заметил, что в отношении пояснений на темные места св. Исаака Сирина митрополит “не знает, кому поручить это сделать”. Вследствие сего, продолжает старец, “мы писали к Н.П. Киреевской предложить владыке, не угодно ли будет его высокопреосвященству дозволить нам заняться сим делом. На это и получили его благословение и дозволение взять в Московской духовной академии греческую книгу св. Исаака Сирина”. Приготовленная затем к печати рукопись представлена была митрополиту Филарету на рассмотрение. “Владыка — продолжает в своей записке старец, — принял оную благосклонно и, отправившись в Троицкую лавру, находясь там в скиту, первую неделю Великого Поста занялся просматриванием наших пояснений и замечаний; некоторые поправил и своеручно о сем удостоил меня писанием от 9 марта 1853 года, и что он передал рукопись сию в цензуру для рассмотрения и дозволения печатать, — которая и поручена цензору, о. инспектору академии архимандриту Сергию, который с любовию занялся рассматриванием оной и по окончании того же года в июле месяце подписал дозволение печатать и доставил в Москву к гг. Киреевским. А они, с благословения архипастыря, приступили к печатанию и продержали корректуру. Между тем, Господь помог нам сделать на оную книгу алфавитный указатель, который также утвержден цензурою к печатанию”.

Нелишне здесь предложить вниманию читателей и самое писание святителя Филарета от 9 марта 1853 года, коим он почтил смиренного старца Макария:

“Преподобнейшему отцу Макарию о Господе радоваться! Помоли-тесь о нас, борющихся с волнами людей и дел, да не погрязнем, но да касаемся, хотя несколько, брега тишины и свободы. Несколько месяцев прошло, доколе я нашел, наконец, время оторваться от дел неволи, чтобы заняться делом желаемым — чтением рукописи св. Исаака Сирина, приготовленной Вами к печатанию: но и теперь, не кончив сего, принужден возвратиться к окружающим меня неизбежным делам должности. Около половины книги читал я непрерывно, внимая учителю и Вашим толкованиям. Далее просматривал некоторые места: но, не могши продолжать и опасаясь еще надолго остановить дело, решаюсь завтра послать рукопись в цензуру. Простите меня, что я дерзновенною рукою коснулся некоторых примечаний Ваших, не имея возможности предварительно изъяснить Вам, почему так коснулся.

Некоторые места книги темны в греческом так же, как и в славянском тексте. Вероятно, сему причиною, между прочим, греческий переводчик с сирского. Некоторые примечания на такие места показались только догадочными и не довольно соответствующими греческому тексту. В таких случаях мне показалось лучшим — оставить темное темным, нежели подвергаться опасности дать читателю нашу мысль вместо мысли Исаака Сирина. В некоторых случаях мне показалось, что толкование не соответствует духу учения. Таково следующее место в слове 44-м. Текст: **“Безмолвие простое посреде правды укорно есть”**.

Примечание к слову “простое”: **Без ощущения благодатных действий** “(пояснение старца Макария).” Неужели всегда, — писал митрополит, — когда не ощущаются благодатные действия, безмолвие уже есть укорно или достойно осуждения? И добрые подвижники тотчас ли получают ощущение благодатных действий? И у достигших не скрываются ли иногда сии ощущения, по несовершенству или смотнительно? Почему я изменил сие толкование так: **без других подвигов и добродетелей**. В сем смысле сделано замечание и в греческой книге.

Одно толкование не решился я переменить сам собою и представляю Вам о сем при сем записку. Если согласитесь на предлагаемую перемену, то возвратите предлагаемое мною толкование, дабы передать оное цензорам для внесения в рукопись.

О изменениях меньшей важности, которые позволял я себе сделать, говорить не нужно и, по немалому числу их, неудобно. Божие благословение и мир Вам и братству Вашему усердно призывая, поручаю себя молитвам Вашим. Особенно отцу игумену изъясните мое почтение и признание моей вины, что не пишу к нему особо и что молчал долго, в чем у обоих вас прошу прощения. Филарет м. Московский”.

Толкование старца о. Макария, которое не решился митрополит переменить сам собою, следующее:

В 21-м слове св. Исаака Сирина текст: **“Чистота есть забвение разума сущих чрез естество, обретенных в мире от естества”**. Толкование: “Под видом знания здесь разумеется неестественное употребление вещей, находящихся в природе”, и проч.

Особая записка митрополита по поводу сего толкования: “Иное — виды знания, а иное — употребление вещей. И не под всеми видами знания разумеется неестественное употребление вещей. Есть вид знания сущих чрез естество: и прежде его есть вид знания сущих по естеству. Сей вид знания принадлежит чистоте, а тот — состоянию страстному. Мысль замечания правильна, но выражение не точно.

Не угодно ли так изложить замечание: преподобный Исаак различает здесь вид знания сущих по естеству и вид знания сущих чрез естество. Первый не противен чистоте, а второй должен быть забвен для достижения чистоты. Вид знания сущих чрез естество есть знание вещей не просто по естеству, но с применением мыслей, происшедших от употребления вещей не по естеству, а по страсти. Так, представление в мыслях золота как создания Божьего есть знание сущего по естеству, а представление золота с корыстным вожделением есть знание сущего чрез естество”.

Ответ старца о. Макария на сие писание митрополита: “Ваше Высокопреосвященство, милостивый отец и архипастырь! Высокое смирение Вашего Высокопреосвященства, явленное в своеручном писании Вашем от 9 числа сего марта, коим удостоили мою худость, до глубины души тронуло меня, и еще более дало познать и видеть мою нищету, и навело боязнь, да не будет мне на осуждение таковое снисхождение Ваше. Молчанием обротеваю^{*} ум мой и, повергаясь мысленно к святительским стопам Вашим, безгласное приношу благодарение. При многотрудных и многосложных подвигах и попечениях Вашего Высокопреосвященства о великой пастве пространного нашего отечества, Вы изволили уделить время на прочтение рукописи св. Исаака Сирина, по благоволению и благословению Вашего Высокопреосвященства приготовленной нами к напечатанию, с толкованиями или пояснениями на некоторые неудобопонятные места славянского текста, и удостоили слабый труд наш Вашего архипастырского внимания, рассмотрев оный. Это сродно токмо высококой особе Вашей и Вашей любви к распространению духовного учения святых отцов для питания оным чад Православной нашей Церкви. Представляя сию рукопись Вашему Высокопреосвященству, мы никак не смели считать наши пояснения точными и правильными; но утешались надеждою, что Ваше Высокопреосвященство обратит на них милостивое внимание, и, быв осчастливлены оным, почитаем изменения, сделанные Вами, справедливыми и святыми. Зная просвещенный разум и опытность Вашего Высокопреосвященства, с любовью и чувством невыразимой благодарности лобызаем мысленно святительскую Вашу десницу, потрудившуюся в сем исправлении наших погрешений. В некоторых же темных местах мы хотя и дерзали делать пояснения, не желая оставить их так; но если Ваше Высокопреосвященство изволите находить, что лучше оставить темное темным, нежели основаться на догадочных мыслях: то веруем, что Господь возвестил Вам сие; и это, без сомнения, будет надежнее и полезнее.

* Обротевать (ц.-сл.) — заграждать. (Прим. ред.)

Касательно двух мест, на которые Вы изволили сделать замечание и изменение, осмелимся доложить Вашему Высокопреосвященству, как мы понимали, не считая, впрочем, нашу мысль за правильную. В 44-м слове на слова: **“Безмолвие простое посреде правды укорно есть”**, — сделано нами пояснение: **“Без ощущения благодатных действий”**. Ваше Высокопреосвященство справедливо изволили заметить, что подвижник может не иметь сих ощущений, не доспев еще до сего или по другим причинам. Но мы имели в виду повыше сих строк исчисленные действия преуспейния безмолвия и рассматривали слова: **“Безмолвие простое посреде правды укорно есть”**, — только по отношению к оным, в высоком устройении находящимся людям, а не в таком разуме, чтобы простое безмолвие вовсе было укорно, или осуждения достойно. В нем, конечно, есть свои степени и умаления, и приращения по мере духовного возраста каждого. Мы так понимали, но не могли вполне выразить нашу мысль. Исправление же Ваше: **“без других подвигов и добродетелей”**, — ближе к понятию многих и точнее; ибо от совершения подвигов бывает и преуспейание в благодатных ощущениях. В 21-м слове наше замечание на текст: **“Чистота есть забвение разума сущих чрез естество, обретенных в мире от естества”**, — не выражает настоящего разума и точности; а замечание Вашего Высокопреосвященства очень ясно и правильно, и мы смиренно просим заменить оным наше ошибочное, если есть на сие Ваше соизволение. Во всех же наших недостатках и погрешениях, какие сделаны в сем деле по самосмышлению или по недоразумению нашему, припадая к стопам Вашего Высокопреосвященства, испрашиваем, как я, так и сотрудники мои, Вашего архипастырского и отеческого прощения и милостивого снисхождения.

Отец игумен наш принял благословение Вашего Высокопреосвященства с невыразимым чувством благодарности и зазрением себя о высоком Вашем смирении и считает себя счастливым, что удостоился получить Ваше благословение.

Молитвами и благословением Вашего Высокопреосвященства Господь даровал нам помощь окончить перевод на русский язык книги св. Варсануфия и Иоанна, которую надеюсь вскоре представить Вашему Высокопреосвященству, и смиренно просим Вашего соизволения и благословения на представление оной в цензуру для рассмотрения и утверждения к напечатанию.

Дарованное нам Вашим Высокопреосвященством в писании Вашем архипастырское благословение принимаем с верою и любовью и благодарным сердцем и на будущее время осмеливаемся испрашивать оно и святых Ваших молитв на укрепление наших немощей душевных и телесных. И паки припадая к стопам Вашим и лобызая благословляющую десницу Вашу, с глубочайшим моим вы-

сокопочитанием и невыразимою сыновнею преданностию имею счастье пребыть Вашего Высокопреосвященства, милостивого архипастыря и отца, нижайший послушник и. Макарий. 17 марта 1853 года”.

С каким благоговением старец Макарий относился к великому святителю Филарету, это можно видеть из его письма и к своим севским племянницам: “Сегодня,— писал он,— Господь сподобил меня, не по достоинству моему, получить милостивое писание от Московского владыки, митрополита Филарета, от 9-го марта, свое-ручное... О, велие смирение высокого сего мужа! Как он милостиво и смиренно выражается пред нашею худостию! Даже в стыд и страх приводит своим снисходительным смирением. И при столь обширных его епаршеских занятиях избрал время к прочтению сей книги (св. Исаака). Как велика его любовь к отеческим учениям и желание оные передать верным сынам России для напитания душ их манною духовного учения сего св. Исаака Сирина! Для нас очень приятно, что он своею святою рукою поправил наши ошибки. Слава Богу о сем Его даре!”*

Но всего этого внимания к изданию книги св. Исаака было мало для милостивого Филарета. Он чрез Н.П. Киреевскую пожертвовал собственно на это издание 100 рублей. Вместе с тем выражал заботу о том, чтобы издание книг, при щедродательности Оптинских старцев, окупалось продажей их, дабы на эти деньги можно было печатать другие книги.

“Итак,— заключает старец Макарий в своей записке,— сия богодухновенная книга (св. Исаака), помощью Божиею, напечатана благословением владыки, и первые три печатных экземпляра оной (в переплете) присланы к нам в обитель на Светлой неделе, 13 числа (апреля 1854 г.), на третий день праздника, как самый приличный подарок для Светлого праздника”. В письме к своим севским племянницам старец еще добавляет: “Иван Васильевич и Наталья Петровна (Киреевские) все усилие употребили докончить к Пасхе. Почти даже и невозможно было сего сделать”. Не один, впрочем, боголюбивый старец, но и все любители святоотеческих писаний были несказанно обрадованы выходом в свет сей книги. Прославляя за сие Бога, они вместе благословляли и высокого покровителя дела сего, митрополита Филарета. Да и как было не радоваться сему? Ибо было время, когда ревнители иноческой жизни и христианского любомудрия платили за рукописные экземпляры сей книги по 100 и более рублей ассигнациями; но и то трудно было достать. А хотя

* Письма старца Макария к монахиням. Часть 3. Письмо 67.

перевод старца Паисия и был напечатан в Молдавии в Нямецком монастыре еще в 1812 году; но, по существующему доселе запрещению ввоза из-за границы книг славянской печати без всяких изъятий в отношении их содержания, книга эта попадала в Россию лишь случайно и потому продавалась все же недешево — рублей по 15 и более серебром.

Последующие же оптинские издания, хотя также печатались с соизволения и благословения митрополита; но он уже не так участливо относился к ним по следующей, высказанной им И.В. Киреевскому, важной причине: “Я не знаю, — говорил он, — для чего печатать много. Не лучше ли ограничиться немногим, явно полезным? Светская литература представляет нам невыгоды многого печатания. Там враг человеческого рода постарался устроить так, что хорошие книги задавлены грудой бесполезных, так что до них и не доберешься. Не надобно ли остерегаться, чтобы и духовная литература не подверглась такой же участи?” Впрочем, святитель Христов и после такого высказанного им вполне истинного и отличавшегося по дальновидности его замечания, приложимого к нашему времени, не только не воспрещал оптинцам издавать душеполезные книги, но и содействовал.

Какова вообще была любовь митрополита Филарета к старцу Макарию и даже, если не дерзновенно так выразиться, уважение к нему, можно видеть из следующих строк, писанных к старцу Н.П. Киреевскому в марте 1859 года. Вот эти строки: “О вышедшей недавно вредной книге владыка митрополит Московский сказал, что ее знает, и что уже на нее пишут ответ, и что владыка сам будет об этой книге писать к Вам, отец мой! О чем и спешу Вас предупредить и просить Вас, Господа ради: отвечать владыке откровенно и сильно, как бы Вы были его **старец духовный**. Владыка этого отношения к Вам желает и глубоко ценит прямое, твердое, неуступчивое слово. Владыка имеет к Вам, отец мой, чувство особенной любви. Отношения к его чувству, конечно, Вам будут облегчены и Вашею к нему любовью. Простите, Господа ради, что смею о сем предлагать Вам; но делаю сие по неограниченной преданности к Вам о Господе”.

Того же 1859 года 22 декабря старец Макарий, как бы в подтверждение пред тем написанного Натальею Петровною, получил от митрополита Филарета смиренное письмо чрез вышеупомянутого о. Леонида Кавелина, бывшего в то время скитским иеромонахом, который при поездке в С-Петербург был у Московского владыки.

Так как 1 декабря празднуется память праведного Филарета Милостивого — день Ангела двух Филаретов, митрополитов Киевского и Московского, то издавна в скиту бывала, как и теперь бывает, в

этот день служба, на которой поминались в свое время о здравии и спасении эти два иерарха; теперь же поминаются о упокоении.

Письмо Московского владыки по этому поводу следующего содержания: “Преподобному отцу Макарию о Господе радоваться! Утешен я воспоминанием Вашим о мне в день моего Ангела: разумеая, что сие воспоминание есть молитва, в которой немощь моя и недостойнство имеют великую нужду. Господь обильно да утешает Вас Своим утешением, и да обновляет крепость Вашу многих немощей Ваших*, да совершает силу Свою”.

“Предостережение” я прочитал и думаю, что оно благопотребно некоторым, дерзновенно вступающим в сокровенный путь внутреннего духовного делания без опытного руководителя. Впрочем, оставляю еще рукопись у себя и надеюсь еще сказать Вам о ней слово**.

Божие благословение усердно призываю Вам, и начальнику обители Вашей, и сподвижникам. Благословите меня миром. Филарет м. Московский. Декабря 11, 1859”.

Московский митрополит Филарет призывает старцу Божие благословение и сам в то же время просит этого старца, простого иеромонаха, благословить его миром. Дивное смирение митрополита, и вместе с тем не менее дивное понимание им жизни духовной!

В заключение сей главы нелишне заметить следующее. С целью предлагаемые здесь письма приведены полностью, дабы читатели яснее видели, в каких искренних и смиренно-любовных отношениях были митрополит Филарет и духовник его, наместник Троицкой Сергиевой лавры архимандрит Антоний к старцу Макарию, как и он к ним.

* Немощей телесных — занятия духа, частой бессонницы и вообще ослабления телесных сил.

** “Предостережение” читающим духовные отеческие книги и желающим проходить умную Иисусову молитву. Но было ли последнее слово митрополита об этой рукописи к старцу, неизвестно.

Глава XIII

Отношение некоторых иерархов и соприкосновенных книжным оптинским трудам лиц к старцу Макарию и старца к ним, а также и к своим скитским братьям

нигоиздательская деятельность оптинских братий во главе со старцем Макарием далеко разнесла весть о сем душеполезном их труде и вызвала, как замечено выше, во многих, с одной стороны, искреннее сочувствие сему благому делу, а с другой — так или иначе — содействие.

В скитской летописи под 4 апреля 1854 года читаем следующее: “По частным сведениям (из письма Н.П.Киреевской), в Синоде недавно зашел разговор о изданиях нашей обители. Возникли и разные, более неблагоприятные, мнения. Но владыка Никанор, митрополит С.-Петербургский, бывший некогда епархиальным архиереем нашим (то есть Калужским) и вообще расположенный к обители (Оптиной), остановил эти толки одним словом: “Мы не должны, — сказал владыка, — препятствовать им в сем; ибо не они у нас, а мы у них должны учиться”. Конечно, слова эти относились к духовным мужам: старцу Макарию, настоятелю о. Моисею, о. игумену Антонию и подобным им.

В той же летописи под 15 августа 1857 года записано: “В начале сего месяца высокопреосвященный Филарет (Амфитеатров), митрополит Киевский (основатель Оптиного скита в бытность свою Калужским архиереем), с оказиею прислал в нашу обитель и в скит полный круг богослужебных книг — каждая с его собственноручною надписью — в благодарность за книги нашего издания, присланные лично для него, в лавру, Киевскую академию и семинарию”. Вообще святитель этот и всегда весьма расположен был к Оптиной Пустыни. Пред самою кончиною своею, когда ектисиарх Киево-Печерской лавры иеромонах (впоследствии архимандрит) Мелетий стал испрашивать у него благословение Оптиной Пустыни, он промолвил: “Напишите полное мое благословение; а я сам не могу писать”.

С тех пор как в Оптиной Пустыни установился добрый порядок иноческой жизни вследствие введенного между братьями старчества, ее посещали в разные времена некоторые иерархи. Так, вышеупомянутый Киевский митрополит Филарет дважды посетил монастырь и скит проездом в Киев из С.-Петербурга, где он находился некое время как член Св. Синода: в первый раз в 1837 году, а в другой раз в 1842 году. Далее, в 1844 году посетил Оптин монастырь и скит проездом из Орла в Вологду Вологодский архиепископ Евлампий. Он ласково приветствовал всех братий, а в особенности скитского иеромонаха Иоанна, составителя нескольких противораскольнических книг, за его труды. Узнав, что в скиту храм во имя Св. Иоанна Крестителя Господня, изъявил желание, чтобы ему отслужен был молебен — что и было исполнено с возгласением высокопочтенному посетителю многолетия. Благословив затем всех скитян и испросив их молитв, святитель отправился в монастырь, а потом вскоре и в предлежавший ему путь. 1846 года 18 сентября посетил Оптин монастырь и скит Курский архиепископ Илиодор, проездом из Курска в С.-Петербург. Был встречен о. игуменом Моисеем со всеми братьями монастырскими и скитскими во святых воротах и сопровождаем во Введенский собор, в котором, помолившись Господу, беседовал к братии о иноческих подвигах, с отеческим наставлением к душевному назиданию братии. Был и в скитской церкви; и со всеми обращался весьма благосклонно. А в следующий день, в пять часов утра, высокий гость отправился из Оптиной в дальнейший путь, оставив всему оптинскому братству архиерейское благословение; и благодарил о. игумена и скитоначальника о. Макария за усердный прием его. 17 сентября 1851 года скончался Калужский епископ Николай (Соколов). На погребение его приехал из Тулы епископ Димитрий (впоследствии Одесский архиепископ). По этому случаю были в Калуге и Оптинский настоятель о. игумен Моисей со старцем Макарием. Погребение совершено епископом Димитрием 21 сентября, после чего владыка сей изволил посетить Оптину Пустынь. Но подробности этого посещения неизвестны. В скитской летописи помечено еще под 31 августа 1852 года следующее: “В воскресенье преосвященный Дамаскин (бывший Тульский) слушал в скиту раннюю обедню; после чего пил у батюшки о. Макария чай; на поздней был в монастыре. Обедал у о. игумена; а около 4-х часов пополудни отбыл обратно. О нашей обители между прочим отзывался так: “Если кто желает витать между небом и землей, тот должен жить в Оптиной”.

Но особенно замечательно было посещение Оптиной Пустыни преосвященным архиепископом Орловским Смарагдом. Он прибыл в обитель 13 июня 1853 года, тоже проездом из Орла в С.-Петербург для присутствования в Св. Синоде. Ему была обычная торжественная встреча. Владыка этот давно расположен был к Оптиной; и это выразил в приветственных словах к братьям, когда благословлял их в Введенском соборе. “Я давно желал вас видеть, — так говорил он, — и вот теперь это исполнилось. Еду в Петербург. Помолитесь, чтобы Господь дал мне успех в делах... духовных и своих”. После чая у о. настоятеля посетил он скит, где был встречен у святых ворот всею скитскою братиею, прошел в церковь, где помолился при пении “Достойно есть...”, похвалил пение; а потом посетил келлию скитоначальника, старца о. Макария. Обедал у о. игумена. В разговоре как о. игумена, так и старца называл: “батюшка”. При прощании святитель просил о. игумена в том же 1853 году, в летнее время, отпустить батюшку о. Макария проехать в монастыри подведомной ему епархии для назидания монашествующих. Но когда старец со свойственным ему смирением стал было отклонять сие, преосвященный сказал: “Нет. Пожалуйста! Вас все очень любят; побывайте и в Севском монастыре; надобно поддерживать дух монашества. Я буду писать к преосвященному вашему. Время же не назначено для вашей поездки; а когда вам будет удобнее”. Пожелал видеть рясофорного монаха о. Иоанна Половцева и послушника Льва Александровича Кавелина; и первого уговаривал поступить в академию, а второго благодарил за составленное им описание Оптиной Пустыни; поучал обоих держаться старца, яко израильтяне держались Моисея в пустыне; и в заключение сказал им: “Прошу быть знакомыми; может быть, когда и пригожусь, на свете мало ли что бывает; и если случится нужда, рад служить”. В тот же день преосвященный Смарагд во время вечерни и выехал из Оптиной на монастырских лошадях, которые довезли его до первой станции. Во всех оптинских братиях оставил он приятное впечатление своим простым отеческим обращением.

Вследствие приглашения архиепископа Смарагда старец Макарий решил поехать в Орловскую губернию. Того же 1853 года 23 августа, в воскресенье, после скитской обедни отслужен был напутственный молебен; а после трапезы и проводили скитяне своего дорогого старца в путь. Отъезжая и прощаясь с ними, старец, по обычаю своему, паче всего завещавал им хранить между собою мир и согласие, — носить немощи друг друга, являя тем в себе пример последователей святоотеческого учения. В дорогу старец взял с собою

для послушания одного послушника. А кроме того, до г. Белева (верст 40 от Оптиной) и еще за Белев, до первой станции, провожал старца его келейник, монах Иларион. В эту поездку, как и в прежние, любвеобильный старец Макарий не прерывал общения со своими скитскими птенцами посредством переписки. И вот выдержки из некоторых, особенно назидательных, его к скитянам писем:

1) От 31 августа из Орла: “Не имея времени писать вам, возлюбленные о Господе братие, каждому порознь на письма ваши, полученные мною в Болхове, пишу всем вообще и каждому. Во-первых, прошу помолиться обо мне, да сохранит меня Господь в путешествии моем душевно и телесно и благополучно возвратит к любви вашей в свою обитель.

Возлюбленные братия! Я знаю, что вы, как воины духовные, стоите на брани; а враг нашего спасения, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити, то советую вам и предостерегаю, как лично говорил, так и письменно умоляю: будьте уготованы всегда на брань сию самоукорением, смирением и любовью, друг друга тяготы носяще терпением. Каждый да считает себя последним всех: то и удобно понесете брата вашего немощи, и отразите стрелы вражьи, пускаемые на вас, и сокрушите сети, коими он тщится опутывать вас; да не будет тщетно поучение ваше в отеческих книгах, и да не похвалимся токмо стяжанием оных, но подвигнемся и на делание, каждый по силе своей, в случившемся приращении. Аще же и случится кому впасти в противоречие друг другу, в зависть или вражду и проч. , умоляю вас, не пребывайте в оном; но, познавши поползновение свое от предварившей гордости, нисходите в глубину смирения и объявлением друг другу, с испрошением прощения, низлагайте страстные действия и умиротворяйтесь. О, мир, мир, богатое даяние Владыки нашего! Ищите его, берегите и насыщайтесь им. Хотя я сам нищ и убог; но вам желаю сего богатства — мира, любви и смирения. Помните завет Господа нашего Иисуса Христа: *“Аще любовь имате между собою, тогда Мои ученицы будете”* [Ин 13, 35]. Потщимся о сем и помолимся Господу удостоить нас сего именованья на деле.

Письма ваши... получил, благодарю за оные; но на ответы особенные не взыщите, а примите общий всем ответ. Испрашивая на всех вас Божие благословение, остаюсь смолитвенник ваш и желатель спасения, многогрешный иеромонах Макарий. Достопочтеннейшему нашему отцу архимандриту Моисею, о. игумену Антонию свидетельствую мое нижайшее почтение и прошу их св. молитв”.

2) От 14 сентября из Севска:

“Возлюбленные мои о Христе братия! Слава Богу, что вы здоровы и по возможности мирны. Да утвердит Господь сей великий Его дар между вами. О сем я сердечно радуюсь, а, напротив, о противном скорблю. Все мы несовершенны и находимся в подвиге на духовной нашей брани. А как оную побеждать, учат нас отцы святые — самоукорением и смирением, дондеже достигнем врат любви. Все это вы сами довольно знаете. Но я, хотя сам ничтоже благо сотворих, напоминаю вам, хотя вашею пользою и молитвами воздвигнете и меня, грешного, от болезненного греховного одра. Благодарю вас, что приняли мои советы с любовью, и каждый по силе своей старался приложить к своему устроению, не скажу — болезням. Благодарю и за уведомление о событиях, в нашей обители бываемых. Все принимаю с любовью, и приятное, и скорбное разделяю с вами, родная нам обитель. Которые едят и которые не едят, принимаю всех равно усердие и любовь”.

“15 сентября. Утро. Слава Богу, что вы по возможности стараетесь о сохранении мира и любви о Господе. Но чем оные совершаются и укрепляются, вы довольно знаете — смирением и самоукорением. Постарайтесь о сем Господа ради, умоляю вас. Собрание смиренных якоже собрание Серафимов, пишет св. Исаак”.

От 18 сентября: “Возлюбленные о Христе братия!.. Откровенные ваши сознания показывают мне, что вы, находясь на поприще брани духовной, падаете и восстаете; и выходит мирный результат. Молю Господа, да будет вам подвиг сей к познанию всей немощи и стяжанию смирения, достигая любви, все терпящей и покрывающей. Молитесь и вы за меня ко Господу”.

Из многого приведено здесь весьма малое. Но и из сего можно видеть, с каким участием и отеческою любовью при глубоком смирении относился всегда старец по преимуществу к своим скитским собратиям. Во время сего путешествия он неоднократно заболел сильною лихорадкою и все-таки дела своего не оставлял. Лишь только почувствует облегчение болезни, немедленно переезжает из одного монастыря в другой, заезжает к разным частным лицам, подолгу беседует о яже на пользу души и, совершенно не имея свободного времени, как сам выражался, урывками отвечает на получаемые им из своей обители письма, каковых переслано было им в это время немало. Так, получивши однажды в две почты 42 письма, он к одной почте успел приготовить 12 ответных.

От этих частых, при плохой осенней дороге, переездов, заболеваний и постоянных с людьми занятий старец уже начал изнемогать и потому 20 сентября писал в скит: “Прошу вас, возлюбленные мои

братие, помолиться о мне, грешном. Немало скучаю в путешествии моем, и что не скоро еще доеду до своей любезной обители и уютного скита". Был после этого старец в прежней своей Площанской пустыни, о чем писал: "В пустыни я был очень ласково и любовно принят как о. строителем, так и братиею. Спаси их Господь! Все это время был у них в келлиях о. строителя... Прошу вас помолиться за меня, да поможет Господь скорее к вам приехать. Остаюсь желатель вашего здравия, мира и спасения и недостойный смолитвенник, иеромонах Макарий". Наконец, 10 октября старец имел утешение во время вечернего в скиту правила возвратиться из своего утомительного путешествия, продолжавшегося семь недель.

Вскоре по возвращении старца Макария в свой уютный скит, именно 22 октября, посетил Оптин монастырь и скит еще один иерарх — Екатеринославский епископ Леонид, проездом в свою епархию из Костромы. В скиту встречен был всею братиею у святых ворот и прошел в церковь, где, милостиво благословив всех скитян, сказал: "Спасайтесь о Господе и молитесь за нас, преходящих от места на место. Мы иной раз и по недосугу не помолимся; а вы избрали сие единственною целию вашей жизни". Прошел по скиту и зашел в келлии скитоначальника и старца Макария, где благосклонно принял поднесенные ему старцем братского изделия ложки. Обедая у о. настоятеля и того же дня в 4 часа пополудни отбыл в преднамеренный путь.

В том же 1853 году старец Макарий представлен был о. настоятелем, а затем и епархиальным архиереем Григорием к наперсному кресту. Преосвященный же Орловский Смарагд, присутствовавший в то время в Св. Синоде, искренне расположенный к Оптиной обители и старцу, усердно хлопотал о сей награде. Известившись об этом, старец послал к нему смиренно-почтительное письмо следующего содержания:

"Ваше Высокопреосвященство, милостивейший архипастырь и отец! Архипастырские милости и благоволение Вашего Высокопреосвященства, оказанные моей худости, глубоко чувствуемые мною, и ныне простираются надо мною. Вы изволили ходатайствовать в Св. Синоде и своею особою действовать о награждении меня наперсным крестом. Чувство моей сердечной благодарности к Вашему Высокопреосвященству не могу достойно выразить на сей хартии; но, при сознании недостойнства моего, осмеливаюсь припасть к святительским стопам Вашим, изливая оную в безмолвном молчании, и просить Ваших архипастырских молитв, да сподобит Господь меня, по принятии на перси моя явственно знамения Креста Гос-

подня, всегда памятовать животворящие страдания Его, нас ради претерпенные, и да возжется пламень любви Его в хладном и убогом моем сердце. Приемлю смелость представить Вашему Высокопреосвященству книгу св. Исаака Сирина от убогого моего усердия. Хотя Вы изволите иметь оную от нашего о. архимандрита, но и я дерзаю испрашивать архипастьерской и отеческой милости: благоволите удостоить принятием сего моего приношения. По благоволению и благословению Вашего Высокопреосвященства, прошлого года в октябре месяце я был в обителях паствы Вашего Высокопреосвященства и в домах богомольных христиан и благотворителей нашей обители. Везде и всеми принят был с христианскою любовью и радушием. Все это отношу к благословению и молитвам Вашего Высокопреосвященства. И паки изливаю мою всенижайшую благодарность милостивому моему архипастьрю и отцу. Падая земным поклонением к архипастьерским Вашим стопам и лобызая святительскую десницу Вашу, испрашивая св. Ваших молитв и архипастьерского благословения, с глубочайшим моим высокопочтанием и преданностью имею честь пребыть Вашего Высокопреосвященства, милостивейшего архипастьря и отца, нижайший сын и послушник, многогрешный иеромонах Макарий”.

Что тут выражались старцем искренние чувства глубокого уважения, благодарности и смирения пред владыкою Смарагдом, в этом сомневаться никак не следует. Как бы в подтверждение сего в скитской летописи записан следующий факт: “Письмо старца Макария, здесь приведенное, писано было в мае месяце. А 27 июня посетил скит новый Калужский гражданский губернатор Булгаков. Он был к старцу весьма внимателен и между прочим говорил, что много слышал о нем хорошего, а теперь и видит, что ему особенно нравится его открытость — откровенность, написанная на его лице и выражающаяся в каждом его слове”, и т. п.

Ходатайство преосвященного Смарагда в Синоде о награждении старца Макария наперсным крестом, конечно, было уважено, и 27 июня 1854 года получено было из Калужской Духовной консистории предписание, чтобы старец к 1-му числу следующего месяца прибыл в Калугу для возложения на него креста. В этот день он участвовал в сослужении с преосвященным Григорием, который во время Божественной литургии и возложил на старца присланный из Св. Синода наперсный крест; а после Литургии пригласил его к столу. Обедали они только вдвоем, и разговор у них велся о ските и правилах скитской жизни. 3-го июля пред утрению старец возвратился из Калуги, — значит, почти в полночь, так как утренья в Оптиной Пустыни начинается раньше двух часов. Вероятно, для того он приехал в такое глухое время, чтобы не было ему от бра-

тии торжественной встречи по случаю довольно редкой в былые времена такой неожиданной награды.

Как старец смотрел на награждение его наперсным крестом, это видно из предыдущего благодарственного письма его к преосвященному Смарагду. В том же смиренном духе он писал и к другому близкому лицу: “При поздравлении Вами меня с наградой крестом, Вы истину сказали, что должны нас устрашать всякая слава и похвала человеческая. Ибо, по учению св. отцов, “не только приемляй славу от человек, но даже и слышай шум словес сих с услаждением, лишаясь вечно славы”. Не попусти, Господи, нам увлечься услаждением здешней суетной славы! А св. Иоанн Лествичник считает еще опаснее славы человеческой славу бесовскую, то есть самохваление. Поэтому-то многие св. отцы более всего побуждают нас к смирению, и все наши деяния совокуплять с оным; и такое дают оному преимущество, что “смирение одно может нас спасти, кроме дел” (св. Исаака слово 46). Но можем ли мы сказать, что стяжали сие сокровище? Если подумаем, что имеем оное, то сие самое являет скудость в оном. А, кажется, всегдашние наши немощи, душевные и телесные, и различные поползновения при обращении и столкновении с братиею и обществом должны нас смирать и всякую самонадеянность умерщвлять. Св. Григорий Синаит в 117 главе, в конце оной, пишет: “Аще человек не будет оставлен и побежден, поработившись всякой страсти и помыслу” и проч., “не может сокрушиться и иметь себе меньше всех и последнейша и раба всех” и проч. Я это только представил Вам учение св. отцов; а сам чужд сего и прошу Вас помолиться о мне, грешном, да великое знамение Креста Христова послужит мне не к суетной славе, а к стяжанию любви к Нему всегдашним памятованием Его страданий, по неизреченному Его к нам милосердию и любви; и образ Его глубочайшего смирения да побудит и меня, грешного, к смирению. Царь славы смирил Себя! Как же нам возвышаться, а не смиряться?!”

Так мыслил и чувствовал великий старец при награждении его наперсным крестом. А как смотрели на это духовные его дети, можно видеть из письма к нему Ивана Васильевича Киреевского. 9 июля 1854 года он писал:

“Искренно любимый и уважаемый батюшка! Сейчас прочел я Ваше письмо из Калуги к Н. П. и теперь хочу поздравить Вас с получением наперсного креста. Хотя я и знаю, ни это, ни какое видимое отличие не составляет для Вас ничего существенного, и что не такие отличия Вы могли бы получить, если бы сколько-нибудь желали их; однако же все почему-то очень приятно слышать это. Может быть, потому, что это будет приятно для всех любящих Вас.

Мы всегда видели, как Вы внутри сердца Вашего носите Крест Господень и сострадаете Ему в любви к грешникам. Теперь та святыня, которая внутри любящего сердца Вашего, будет очевидна для всех на груди Вашей — дай Боже, чтоб на многие, многие и благополучные лета! Дай Боже многие лета за то и благочестивому архиерею Вашему!”

В конце того же 1854 года возвратившийся из С.-Петербурга Орловский владыка Смарагд и еще желал было лично видиться со старцем Макарием в своей епархии; но старец по уважительным причинам отклонил это желание. Так писал он об этом в Севский монастырь к своим севским племянницам: “Ныне получил письмо и от м. Н. Пишет о своем устроении в кельи, как угощала игуменью и сестер. И владыка (Смарагд) ее посетил. Приказал написать ко мне, чтобы я посетил его епархию, был бы в Орле в их монастыре и в С. “Да напиши,— говорил он,— что я и сам желаю его видеть; и если он не захочет сам проситься, то я буду писать — просить их владыку, чтобы он его уволил”. Ну как это исполнить? Вы знаете, сколько мне будет подлежать труда при этом проезде? Нельзя оставить, не посетив благодетелей. А каково мое здоровье? Я хотя не лежу, а хожу иногда; а между тем ослабеваю, иногда и очень, хотя и проходит скоро. Это — одна невозможность. Другая — надобно проситься у архиерея; а зачем? Он знает, что я нездоров, а еду болтаться. Поэтому скажет: “Он может опять заниматься должностями”, — о чем он мне уже и говорил, когда я у него был. Сколько ни приятно было мне и вам, чтобы я был у вас — но сообразите все писанное и посудите — благоразумно ли будет рисковать и здоровьем и сделать нашему владыке неприятность. Верно, вы не захотите этого”.

Так высокодуховной жизни старцы Оптиные, со старцем Макарием в числе их, упрочившие в своей обители старческий путь иноческой жизни, привлекали к ней внимание многих лиц, занимавших высокие иерархические должности, что они в известные времена при удобных случаях удостоивали Оптину Пустынь своим посещением. Свои же калужские архипастыри, Николай и за ним Григорий, бывали в обители уже обычными гостями и приезжали в оную по обязанности.

Кроме сего, старцу Макарию, в бытность его в 1852 году в Москве и Троицко-Сергиевой лавре, пришлось, как выше сказано, лично познакомиться с ректором Московской академии архимандритом Алексием и с цензорами духовной литературы: инспектором той же академии архимандритом Сергием и профессором Феодором

* Письма старца Макария к монахиням. Часть. 3. Письмо 104.

Александровичем Голубинским, — и войти в ближайшие с ними отношения. Феодор Александрович (как заметил о. Леонид Кавелин) по любви своей к духовному просвещению и по неисчерпаемой доброте своего сердца оказал незабвенные и всегда искренно ценные старцем Макарием услуги святому делу издания Оптиною Пустынью святоотеческих книг. Когда нужно было, он поддерживал это дело, объясняя митрополиту Филарету причины, почему оптинцы не ограничиваются малым количеством издаваемых ими, более полезных, духовных книг. 2-го мая 1853 года Н.П. Киреевская уведомляла старца: “Феодор Александрович Голубинский в бытность у нас (в доме) говорил, что он представлял владыке жития Симеона Нового Богослова и Григория Синаита. Он оставил их просмотреть у себя и сказал, что их надобно отослать в Синод, ибо св. Симеон Новый Богослов нашу Церковь не признан за святого; причем сказал: “Уж не слишком ли много старцы Оптиные хотят издавать?” Феодор Александрович на сие отвечал: “Они, Ваше Высокопреосвященство, потому спешат, что желают для общей пользы воспользоваться тем участием, которое вы изволите принимать в сем деле, и без чего, вероятно, ничего не было бы издано”. “Да,— сказал владыка,— вот я посылал в Синод св. Исаака Сирина — и не вышло ничего”.

Как близко к сердцу принимал Феодор Александрович заботу об издании Оптиною Пустынью переводов старца Паисия, Киреевская к батюшке о. Макарию писала: “Граф Протасов (обер-прокурор Св. Синода) говорил, у Троицы бывши, про Феодора Александровича Голубинского, что “дело цензуры отягощает его и слишком для него ничтожно”. Из сего Феодор Александрович заключает, что ему должно оставить комитет, и говорит: “Если я оставлю его чрез полтора или год; то во всяком случае при себе наложу печати (то есть цензурного комитета) на все рукописи Паисия. И сверх того, хоть и выйду из цензуры, но этот труд не оставлю и все сам их просмотрю; если же умру, то все уже к выпуску их не будет остановки, потому что печать ко всему приложена будет”.

С какою любовью и почитанием относился Голубинский к самому старцу Макарию, видно из следующего его письма к нему от 19 мая 1854 года, в котором также выражается и его заботливость об оптинских изданиях. Так писал Феодор Александрович:

“Ваше Высокопреподобие, достопочтеннейший о. Макарий, верный путеводитель ко Господу рабов Его, подвигающихся в безмолвии! Приношу Вам сердечную мою благодарность за дорогое для меня Ваше посещение в прошлом году, за смиренномудрую беседу Вашу, за драгоценный дар Словес преп. Симеона Нового

Богослова и за исполненное христианской любви Ваше писание от 24 марта сего года. Простите меня, что так долго оставался пред Вами безответным: это произошло от того, что я желал услышать мнение просвещенного архипастыря нашего о некоторых переводах блаженного старца Паисия, упоминаемых в письме Вашем. В прошедшем месяце, в начале Фоминой недели, я представлял ему в Москве: 1) Жизнеописание преп. Симеона Нового Богослова, 2) Житие св. Григория Синаита и 3) Писание св. Григория Паламы к инокине Ксении, Десятословие Нового Завета и еще некоторые послания. Сличением сих писаний св. Григория с подлинником я занялся прежде других, потому что нужно было скорее возвратить греческую рукопись в Патриаршую библиотеку, из которой я брал оную. Высокопреосвященнейший оставил сии переводы у себя для прочтения и в нынешнем месяце (мае) прислал их сюда, с тем чтобы жизнь преп. Симеона и писания св. Григория Солунского были рассмотрены цензурным комитетом, и первая представлена для окончательного одобрения в Св. Синод, с исключением немногих выражений, в которых наставник преподобного Симеона признается святым, между тем как он не включен Церковью в число святых; а писания св. Григория Солунского были рассмотрены и пропущены к печатанию в здешней цензуре. Вместе с сими рукописями прислал сюда высокопреосвященнейший митрополит Ваш перевод св. Варсануфия на русский язык и писал, что он ждет от Вас ответа на сделанные им на сей перевод замечания. Когда он получит сей ответ; тогда по приезде в лавру, которого мы ожидаем на сих днях (после 21 мая), прикажет рассмотреть оный перевод цензурному комитету. Между тем присланный Вами перевод св. Исаака Сирина рассматривается о. инспектором академии архимандритом Сергием и был бы окончен в мае, если бы не помешала о. инспектору болезнь его, которая, впрочем, ныне проходит; так что он надеется в следующем месяце возвратить эту рукопись с надлежащим одобрением. В том же месяце (июне) выйдут из цензуры и писания св. Григория Паламы и св. Максима по вопросу и ответу. Что касается до стихшной книги* и жития св. Григория Синаита, то высокопреосвященнейший митрополит находит неудобным напечатать их в настоящее время. При сем долгом поставляю свидетельствовать Вам искреннейшее почтение о. ректора Алексия и о. инспектора Сергия. Мы нередко с признательностью

* Книга, написанная стихами преп. Симеоном Новым Богословом, потому и называется **стишная**; находится в скитской библиотеке в рукописи.

вспоминаем о Вас и о Ваших назидательных беседах. Прошу Вас покорнейше засвидетельствовать мое давнее душевное почтение его высокопреподобию о. игумену Моисею и братское усердие и уважение кроткому и любознательному Ивану Андреевичу (Половцеву), спутнику Вашему. Дай ему Господь быть верным спутником Вашим и в небесное отечество! Воздохните и о мне, грешном, в молитвах Ваших ко Господу. С сим желанием и усерднейшим почтением и благодарностию имею честь быть Вашего высокопреподобия покорнейший слуга, протоиерей Феодор Голубинский”.

Следующее за тем письмо Феодора Александровича к старцу Макарию, писанное в июле того же 1854-го года по тому случаю, что старец, послав ему какие-то две книги, в благодарность ему и помощникам его за их труды и хлопоты по изданию оптинских книг, вложил в посланные несколько ассигнаций, показывает, кроме искренней благодарности и смирения, которыми всегда отличался добродушнейший о. протоиерей, еще и самое близкое участие его в самом старце, относительно средств для дальнейшего издания книг. Вот самое письмо:

“Ваше Высокопреподобие, сердечно уважаемый мною батюшка отец Макарий! Приношу Вам хоть позднюю, впрочем, усерднейшую, благодарность за две душеполезные Вами присланные книжки и за награждения, в них вложенные. Я только в июне сего года узнал о сих приложениях (30 руб. и 60 руб. серебром); а целый год не знал, потому что они лежали не открыты в неразрезанных книжках; а потому и не извещал Вас так долго. Сотрудники мои, о. ректор ныне Московской семинарии архимандрит Леонид и о. инспектор академии архимандрит Сергей, и я свидетельствуем Вам нижайшую благодарность за эту неожиданную, удивившую нас награду. Вы подлинно так делаете другим добро, чтобы левая рука не ведала, что творит правая, и пускаете из рук деньги, как по ветру, не заботясь о том, пришли ли они по назначению, а полагаетесь на благоустроение Всевышнего Промысла. Пусть они текут и проходят, лишь бы не прилагалось к ним сердце.

Душевно ценю Ваше благое намерение издать на русский язык переложенные некоторые беседы св. Григория Солунского, Вами избранные и указанные. Позвольте спросить Вас, будете ли Вы иметь средства, необходимые для издания их? Вы по такой умеренной цене пускали в продажу прежние книги, Вами изданные, и так много дарили их, что едва ли остается у Вас выручка от их продажи... Я готов, сколько могу, содействовать Вам при исправлении сего перевода; только не знаю, успею ли в продолжение года совершить это дело. Нижайше прошу Ваших благопоспешных молитв ко Господу, чтобы Он еще потерпел грехам моим и подкрепил много от моей неумеренности ослабевшие мои силы. Простите, достопочтеннейший батюшка! Желаю Вам милости Господней.

Ваш усерднейший слуга, недостойный протоиерей Феодор Голубинский”.

Между тем, дни достойнейшего о. протоиерея были уже сочтены. В июле он просил батюшку о. Макария помолиться Господу о продолжении его жизни, а в следующем августе месяце любящая душа его переселилась в вечность. Об этом вскоре уведомил старца заместитель Феодора Александровича по цензорству оптинских изданий вышеупомянутый инспектор Московской академии архимандрит Сергей. Так, он писал:

“Возлюбленный о Господе батюшка отец Макарий! За благое Ваше писание свидетельствую глубочайшую благодарность. Вашими молитвами путешествовал я благополучно. Но теперь иногда немогуществую духом ради страха смерти внезапной*, опасность которой снова обдержит нас, грешных. Помолитесь, батюшка, о преданном Вам послушнике, но немогнейшем из грешников: истинно верую и предаюсь Вашим молитвам... На сих днях пришло известие из Костромы, что 22 августа Феодор Александрович Голубинский там скончался. Под это число ночью он почувствовал озноб; к утру так ослабел, что не мог подниматься с постели; потребовал духовника, исповедался, приобщился; освящен был елеем, и в два часа пополудни отошел ко Господу. Буди вечная память доброму и трудолюбивому нашему наставнику! В Кострому он поехал для свидания с родными. Он сын соборного диакона, 40 лет прожил в лавре и сложил свою любомудрую главу подле праха своих родителей. В сентябре русский перевод книги св. Варсануфия выйдет из моих рук, если, впрочем, отыщу в квартире покойного Феодора Александровича тетради, оставшиеся по его воле у него — от 52 по 100 вопросы. Глубочайшее мое почтение о. архимандриту Моисею. Вам преданный архимандрит Сергей. 27 августа 1854 года”.

Подробнее писал о последних днях и о кончине о. протоиерея Феодора Александровича сын его, Димитрий Феодорович Голубинский (бывший по кончине своего родителя профессором в Московской академии) к Ивану Васильевичу Киреевскому. Думается, что небезынтересны будут для читателей подробности эти, каковые и выписываются здесь:

“Дражайший папенька Феодор Александрович в последнее время имел сильное желание быть на родине: отправился он со мною 8 августа, останавливался в городах Ростове и Ярославле и 12 августа благополучно прибыл в Кострому. Там он посещал родных и знакомых. 14 августа был за рекою Костромой в Ипатьевской слободе; за-

* Вероятно — холеры.

хотел посмотреть родительский дом, взошел даже и в светелку; припоминал, как благословили его родители в академию. 15 августа он служил Литургию с преосвященным Филофеем. Следующие дни он проводил в свидании с родными и знакомыми, посещал места, знакомые ему из детства, щедро благодетворил бедным родным; и особенно замечательно то, что он часто служил панихиды и с большим чувством. Во все это время он был довольно здоров и бодр, и даже казалось, что был бодрее обыкновенного. Казалось, что свидание с родными оживило и утешило его. 20 августа и 21 он прощался с родными и знакомыми, намереваясь 22 отправиться домой (в Сергиев Посад). И 21 в нем не заметно было особенной болезни: он был у всенощной, но только чувствовал некоторую тошноту; впрочем, уснул, как кажется, довольно спокойно. Но 22 числа рано поутру он почувствовал сильные холерные припадки; а с тем вместе, кажется, с ним произошел и удар: голос у него очень переменялся. Врачебные пособия были уже недействительны. Папенька исповедался и приобщился Святых Таин. Чрез несколько времени после сего язык у него очень связался, так что он с большим трудом выговаривал слова, и потом почти совсем лишился употребления языка; был соборован, и в начале третьего часа папенька скончался. Погребен близ родителей 25 августа. Отпевал преосвященный Филофей. Кажется, у папеньки было какое-то тайное и неопределенное предчувствие близкой кончины. Оно выразилось в следующих стихах, писанных им к одной близкой родственнице старушке 11 июля, в день ее Ангела:

Уже мои слабеют силы,
Язык тупеет, ноги хилы.
Я перестал других учить
И в школу по звонку ходить.
Пора и самому учиться,
Как с грешным миром распрощиться.
Полвека я наукам посвятил,
На жизненном пиру довольно погостил.
Пора вставать и в путь собираться.
Пора домой! Не век скитаться.
Пусть тою же, как я, тропой
В цветник наук, вослед за мной
Походит сын любезный мой...
А я уж плут повесил свой.
Но пусть мои слабеют силы,
Я чувствую, что до могилы,
Пока свет жизни не угас,
Я не забуду сердцем вас.

1854 г. июля 11 дня".

По случаю кончины Феодора Александровича от старца о. Макария последовало о. архимандриту Сергию ответное, обычно-смирненное письмо, в котором он писал и о своих, близких его сердцу книжных делах:

“Ваше высокопреподобие, достопочтеннейший о. архимандрит! С чувством сердечного сожаления приняли мы известие об отшедшем от нас достопочтеннейшем отце Феодоре Александровиче Голубинском. Он оставил добрую память о себе, быв наставником многих, приготовлявшихся также быть наставниками и пастырями Христова стада. И ваша академия, вероятно, имеет памятниками многие его ученые труды и занятия и, конечно, почитит память его достойными похвалами для незабвения в будущие роды. Но всего важнее то, что удостоился кончины христианской, мирной, с напутствием всех таинств, в вере и надежде воскресения и жизни вечной. Это утешительно для оставшихся, любящих и уважающих его, и подает надежду, что удостоится получить милость Божию в вечной жизни. Память его и для нас священна. Он много потрудился в рассматривании представляемых нами рукописей отеческих писаний перевода старца Паисия и дал дозволение к изданию оных, хотя это несобственно служит одним нам пользою, но — еще важнее — и всем чтущим и послушающим сии духовные учения. Сии его действия занимают несколько страниц и в истории нашей обители, которая имеется у нас в рукописи. Мы обязаны молить Господа о упокоении души его в Царствии Небесном при церковном богослужении и при чтении Псалтири* вспоминать его имя. С получением о сем известия и исполняем поминовение о душе его. Да упокоит Господь душу его в Царствии Небесном!

Благодарение Господу, что Вы благополучно окончили свое путешествие и возвратились в лавру. Да сохранит Господь здоровье Ваше и избавит от страха болезни, постигшей окрестные места. Молитвами угодника своего, преп. отца нашего Сергия, Господь силен сохранить обитель вашу и всех живущих в ней от сей болезни. Какую же принесем Вам благодарность за милостивое Ваше расположение к нам и предприемлемый труд в прочтении русского перевода книги св. Варсануфия! Вы хотите утешить нас окончанием оной в сентябре месяце. Сам Господь воздаст Вам Своею милостию. Многие, не только из светских, но и из духовных лиц желают пользоваться оною в русском переводе. Но чтобы не было остановок в случае неотыскания в квартире покойного Феодора Александровича тетради от 52—100 вопросов: то мы списали оные с

* В Оптинском скиту издавна установлено денно-нощное чтение Псалтири братьями с поминовением о здравии и упокоении имен их родственников и благотворителей.

нашей черновой рукописи и на будущей почте постараемся к Вам доставить. Позвольте спросить Вас о рукописи — “Житие преп. Симеона Нового Богослова”, которую хотели представить из цензуры в Св. Синод, была ли она представлена и получено ли дозволение о напечатании оной или нет? И где она находится? О. архимандрит наш свидетельствует Вам свое почтение и приносит благодарность за Ваше ему приветствие. Поручая себя Вашим св. молитвам, с истинным моим высокопочтанием имею честь пребыть Вашего высокопреподобия нижайший послушник и богомолец, многогрешный иеромонах Макарий. 4 сентября 1854 года”.

Житие преп. Симеона Нового Богослова напечатано было от Оптиной Пустыни в 1856 году; следовательно, хотя нескоро, а все-таки разрешено было Св. Синодом к напечатанию.

Известны и еще два письма о. архимандрита к старцу о. Макарию по поводу издания книги преп. аввы Фалассия. Первое, от 9 сентября 1855 года, начинается так: “Возлюбленный и глубокоуважаемый о. Макарий! Спешу поблагодарить Вас за присылку рукописи и препровождаю ее обратно к Вам...” Затем, изложив свои соображения касательно перевода и издания книги, о. архимандрит прибавляет: “В заключение почитаю долгом сказать, что всякое Ваше письмо, достопочтеннейший батюшка, каким бы оно пером и на какой бумаге ни было написано, с великим утешением и благодарностию к Вам я получаю. Прошу Вас усерднейше, не забываете в молитвах Ваших преданнейшего Вашего слугу, архимандрита Сергия. P.S. Отцу архимандриту Моисею мое глубочайшее почтение и о. Ювеналию желание спасения”.

Другого письма, от 24 января 1856 года, начало таково: “Возлюбленный и досточтимый о Господе батюшка! Предаю на Вашу волю: сами ли письменно представите владыке (митрополиту) на разрешение сомнительное в книге место или поручите это сделать мне. У меня нет списка с этого места, а по памяти я не могу написать его. Поэтому надобно, чтобы Вы или снова прислали мне рукопись, или, по крайней мере, список того отделения или беседы о лжи, где рассказан случай”. И т. д. Заканчивается же письмо так: “Все сие пишу не с тем, чтобы учить Вас, батюшка, но искренно пред Вами открывая свои мысли. P.S. Глубочайшую приношу Вам благодарность за благодеяние, какое Вы сделали душе покойного моего родителя, записав имя его в ряду приснопоминаемых в Вашем скиту. Это для меня такая от Вас утешительная награда, которая всегда будет действовать ободрительно на дух мой. Она одна достаточна, чтобы я навсегда остался должником и послушником Вашим и святой Вашей

обитатели. Да воздаст Вам Господь сторицею за все, что Вы воздали мне!”

Все приведенные здесь писания инспектора академии о. архимандрита (будущего Московского митрополита) Сергия, равно как и ученейшего профессора академии о. протоиерея Голубинского, показывают их великую веру, любовь и уважение к старцу Макарию. Но кто такой был старец Макарий? Простой иеромонах, смиренный пустынник, считавший себя хуже и ниже всех людей и всякой твари. И однако какой был ему почет от сих и прочих знатных знавших его лиц во главе с современным ему Московским митрополитом Филаретом! Поистине говорят рассудительные люди, что слава человеческая подобна тени человека. Если человек за ней бежит, тень от него спешит; если же, наоборот, человек бежит от своей тени, тень за ним гонится. Таково же свойство и славы человеческой*. И как поразительно верны слова Господа нашего Иисуса Христа: *Смирняяйся вознесется* (Лк. 14,11)! Вознесется не только в будущем веке от Прославляющего смиренных, но еще и в сей временной многомятежной жизни, исполненной всякой неправды и беззакония.

* Мысль св. Исаака Сирина в 57-м слове.

Глава XIV

Отношение старца о. Макария к посторонним монастырям — мужским и женским

алеко-далеко разносилась добрая слава о смиренном оптинском подвижнике, батюшке о. Макарии, так как духовная его деятельность, или руководство к вечной жизни, как видели мы выше и увидим далее, не ограничивалось одними иноками Оптиной обители. По временам он лично навещал и другие монастыри, начальствующие коих имели к нему особенное расположение.

Так, из обителей своей Калужской епархии старец посещал иногда общежительные обители: Мещовский Георгиевский монастырь, пока в нем настоятельством о. игумен Никодим (Демутье), лет шесть поживший в Оптиной Пустыни, откуда определен был и настоятелем в Мещовск, а затем Малоярославецкий Николаевский монастырь, коим при жизни старца Макария управляли преемственно настоятели из оптинских братий — о. игумен Антоний (Путилов) и за ним переведенный из Мещовского монастыря и возведенный в сан архимандрита вышеупомянутый о. Никодим*. Но особенно любил старец пустынь во имя преп. Тихона, Калужского чудотворца, которая обязана началом своего благоустройства отеческому попечению о ней предместника старца Макария, старца о. Леонида (в схиме Льва). В последние годы жизни старца Макария настоятелем оной пустыни назначен был один из преданных его учеников, иеромонах Оптиной Пустыни о. Моисей**. Сердечно утешался старец Макарий внешним и внутренним благоустройством сей обители, простым и отеческим обращением настоятеля с братиею, трудолюбием братий, поощряемых к тому примером самого настоятеля и его внимательностью к общим и частным их нуждам.

* О. игумен Антоний скончался на покое в Оптиной Пустыни 1865 г. 7 августа вечером, а о. архимандрит Никодим — в своем Малоярославецком монастыре тоже на покое 1864 г. 7 февраля.

** Иеромонах Моисей в сани архимандрита скончался в своей Тихоновой пустыни 1895 г. 4 ноября.

Проживая в сей тихой пустыни по несколько дней, старец имел обыкновение высказываться так: “Я отдыхаю здесь душою”.

Современные старцу Макарию иноки отдаленных, более общежительных монастырей и пустынь других епархий, а также некоторые из белого духовенства, зная о духовных его дарованиях, приезжали к нему сами пользы ради и советов духовных; другие же, не имея на сие времени и возможности, обращались к нему за советами письменно.

Из женских иноческих обителей ближе других к старцу Макарию был монастырь Севский, Орловской епархии, где, как выше сказано, он в течение немалого времени был духовником и где в то время пребывали некоторые преданнейшие ему ученицы, и в том числе двоюродная его сестра и две родных племянницы. Об этих своих племянницах старец Макарий прилагал всевозможное попечение. Начиная с 1848 года и по 1860-й, последний год своей жизни, он едва ли не каждую почту писал к ним письма*, чаще всего с ответами на их вопросы, всегда склоняя их к терпению, самоукорению и смирению, без коих невозможно проводить жизнь в мире и спокойствии душевном и благоугождать Господу, и всегда именовал их нежно-отеческим именованием: “Возлюбленные чада о Господе”. Одна из них, м. Мелания, была болезненная, и старец весьма сочувственно относился к ее слабому здоровью, всегда сожалея о ней, но вместе с тем и склоняя ее к безропотному терпению, которое одно может заменить все произвольные иноческие подвиги. Нередко извещал их о своих личных обстоятельствах, а иногда и о монастырских оптинских. Словом, относился к ним как самый близкий сердобольный и доброжелательный отец. Впрочем, и в судьбах всей Севской обители старец принимал постоянно весьма близкое участие и, хотя изредка, навещал оную для духовного подкрепления и утешения как своих родственников, так и прочих относившихся к нему сестер обители.

Впоследствии одинаковым расположением старца Макария пользовалась и сопредельная Оптиной Пустыни Белевская женская обитель, в особенности с тех пор, как была поставлена настоятельницею оной одна из преданнейших учениц Оптинских старцев, о. Леонида и о. Макария, монахиня Павлина; а казначеей в то же время определена была опытная в жизни духовной старица, м. Магдалина (бывшая рясофорная монахиня Анфия), претерпевшая в

* Таких писем к одним племянницам старца составил впоследствии целый том, 3-й к монахиням, на который можно смотреть как на его дневник.

свое время, по наветам исконного невидимого врага, много великих скорбей за свое духовное отношение к помянутым старцам. Мигумения Павлина не только сама постоянно пользовалась советами старца Макария во всем, относившемся к внешнему и внутреннему благоустройству своей обители, но и поощряла к сему всех вверенных ее попечению сестер, имея на сие дозволение и благословение своих Тульских владык — преосвященного Димитрия (впоследствии архиепископа Одесского) и преемника его преосвященного Алексия. Плодом же сих духовных отношений белевских инокинь к старцу Макарию было: 1) быстрое процветание обители чрез совершенствование относившихся в жизни духовной и чрез умножение насельниц ее, привлекавшихся материнскою любовью настоятельницы и возможностью иметь на первых же шагах иноческой жизни руководство опытного в жизни духовной старца; и 2) устройство при помощи пожертвований от самих же состоятельных монахинь новых в монастыре зданий для помещения нуждавшихся в помощи. Потому монастырь этот, по преимуществу в то время, справедливо мог назваться, как по внешнему, так и по внутреннему благоустройству, лучшим из иноческих женских обителей, обличая своим благосостоянием — чего не достает другим, то есть руководства опытных в жизни духовной старцев или стариц; так как это последнее всегда было одним из верных средств к благоустройству монастырей.

Для более наглядных представлений взаимных отношений между старцем о. Макарием и его ученицами, белевскими монахинями, предлагаются здесь вниманию благочестивых читателей устные рассказы некоторых из них, лично знавших старца.

Рассказ монахини Павлины Овсянниковой. Приблизительно в 1849—1850 году батюшка о. Макарий ехал в Воронеж и по пути остановился в г. Мценске Орловской губернии у купца Фомы Никитича Кулешова, которого любил и даже благословлял мценским жителям обращаться к нему за советами, как к старцу. Мне, говорила м. Павлина, было тогда лет 14. Еще раньше возили меня к батюшке, и потому, когда узнала я о его приезде, пришла к Кулешовым. Когда батюшка меня увидал, то спросил: “Что, Полюша (мирское имя), не отнял у тебя Господь желание в монастырь пойти?” Я раньше не думала идти в монастырь, но на батюшкин вопрос ответила, что желаю пойти. Тогда батюшка перекрестился и сказал: “Слава Богу!” Действительно, спустя немного времени я поступила в монастырь в Белев.

В Белев батюшка ездил большею частию три раза в год: в январе, мае и августе. Пока у нас в монастыре не было своей гостиницы, он останавливался в городе у о. протоиерея Глаголева; а как выстроили при монастыре гостиницу, стал останавливаться в монастырской гостинице. Иногда он любил приехать неожиданно и незаметно пройти в корпус к матушке игуменьи с заднего крыльца. Если келейная заметит, то батюшка погрозится, чтобы молчала. Проживал он в Белеве дня по три, по четыре и обязательно, бывало, обойдет келлии всех сестер, ни одной не пропустит. Были и такие монахини, которые не любили его. К таким он всегда шел к первым. Иногда кто-нибудь скажет: “Батюшка! Что ж вы к ним пошли? Ведь они вас не любят”. А батюшка ответит: “Потому-то и надо вперед к ним пойти”. А те, как батюшка у них побывает, и помирится.

Радовались сестры приезду батюшки, как Светлому дню. Все, кому было можно, бросят, бывало, свои работы, оденутся по-праздничному и ходят за ним всюду по монастырю. В церкви, во время служб, батюшка стоял около матушки игуменьи. Идешь, бывало, на клирос, поклонись матушке, а она укажет на батюшку. Примешь от него благословение и стоишь всю утренью легко и радостно. Из церкви батюшка пойдет, бывало, к матушке в корпус рядом с нею; а мы все за ними. Раз, помню, он остановился на крыльце, оперся на костыль и говорит: “Игуменья, игуменья! Веди их в Царство Небесное”. “Да буду ли я-то, батюшка, там?” — сказала она. “Будешь, будешь, — ответил старец. — И их всех за собой веди”. В другой раз нас собралось много в чайной у матушки. Батюшка пришел к нам, посмотрел на всех нас и сказал: “Ах, девочки, девочки! Жалко мне вас; будем и мертвым завидовать”. Как будто предупреждал, что жизнь чем дальше, тем будет труднее.

Когда мы с матушкой игуменьей приезжали в Оптину, и если, бывало, приедем поздно и батюшку вечером не увидим; то утром, как в монастыре к утрени ударят в колокол, мы и пойдем к скиту. Позвоним у ворот (хибарки тогда еще ни одной не было), выйдет келейник, узнает, что это матушка, и скажет о сем батюшке, хотя она и не велит, бывало, о сем говорить. Он выйдет к воротам, благословит нас, а в свое время утром придет к нам на гостиницу чай пить. Иногда придет обедать, пришлет скитского кушанья и благословит матушке все есть, и она кушала без вреда; а дома, по болезненности, кроме ухи, ничего есть не могла. Как лекарство, батюшка благословлял ей пить воду из Пафнутьевского колодца*.

* Недалеко, может быть, с версту от монастыря есть колодезь преп. Пафнутия, на который бывает крестный ход из обители два раза в год, 1-го мая, на память преп. Пафнутия Боровского, и 14-го сентября.

Батюшка держал себя очень просто. За обедом не позволял перемывать ему тарелки.

Купила я себе раз батюшкин портрет и прошу, чтобы старец им меня благословил, а он и говорит: “На что тебе такого дурака?” — а все-таки благословил.

Последнее время, когда мы в Оптиной готовились к причащению Св. Таин, батюшка посылал нас исповедоваться к о. Пафнутию*. Мне очень не хотелось идти к нему. Я и спрашиваю батюшку: говорить ли некоторые грехи, которые я уж раньше ему самому открывала. А он ответил: “Не надо — про одни дожди не говорят трюжди”.

В Белеве последний раз батюшка был незадолго до своей кончины, в августе. Раньше он думал после Белева поехать в Вязьму. Когда же стал уезжать из Белева, келейник говорит ему: “Батюшка! Тарантас плох. Надо починить, прежде чем в Вязьму ехать”. А батюшка ответил: “Теперь не только в Вязьму, а и в Белев последний раз приехали”.

Когда узнали о батюшкиной болезни, поехали мы с матушкой в Оптину; но за день до его кончины пришлось уехать назад. В Белеве ждали владыку, и батюшка сам благословил матушке ехать, сказав: “Только меня ты больше не увидишь”. “Кому вы нас оставляете, батюшка?” — спросила матушка. “О. Амвросию и о. Илариону”, — ответил старец. “А с разными старцами мы не разойдемся по разным дорогам?” — “Нет. Верую Богу, что не разойдетесь”.

Незадолго до батюшкиной кончины вышло разрешение постричь у нас в мантию сверх штата. Матушка представила к постригу в мантию некоторых монахинь, уже постриженных тайно. Батюшка велел их предупредить, что это вторичное пострижение в церкви вменится им в постриг схимнический.

После кончины батюшки, в ночь под сороковой день, я видела его во сне, будто он велел матушке постричь меня в мантию. Потом во второй раз, во сне же, велел назвать меня Павлиною. Вскоре после этих двух снов мне дали подписать какую-то бумагу; так как мне иногда приходилось подписываться на разных бумагах, то я не обратила внимания на эту бумагу. Вслед за этим опять увидела я во сне батюшку, который сказал мне: “Знаешь ли, что ты подписала? Это тебя к мантии представили”. После я узнала, что на самом деле подписала прошение о постриге.

Моя келейная знает один случай, в котором проявился дар предвидения в батюшке. Крестьянин с. Нарышкина Тульской губернии, Андрей Кутепов, ездил с дочерью к батюшке при жизни его, чтобы

* Скитоначальник и братский духовник в Оптиной Пустыни, впоследствии настоятель Малоярославецкого монастыря и архимандрит.

благословиться выдать ее замуж. “Боже, избавь! — сказал батюшка, — она будет несчастна”. Когда же они возвратились домой, мать не захотела исполнить батюшкин совет, выдала дочь свою замуж, но не прошло и года, как молодая женщина и муж ее сошли с ума.

Из числа мирских, часто бывавших у батюшки о. Макария, помню орловского купца Ивана Михайловича Немытова и болховского — Василия Куркина*.

Рассказ монахини Никандры Зайцевой. Мои родные жили недалеко от Оптиной и имели великую веру к Оптиным старцам. Поэтому я девочкой часто бывала у батюшки о. Макария и лет пятнадцати, по его благословению, поступила в монастырь. При поступлении же моем в обитель была в Оптиной одна севская монахиня, которая очень просила батюшку благословить меня к ней жить. Сначала он как будто соглашался, но вдруг решительно отказал, хотя она очень оскорбилась этим отказом, и благословил мне ехать в Белев. После я узнала, что с помянутою севскою монахиною вскоре что-то неладное случилось. Она как бы в прелесть впала и как-то горестно окончила свою жизнь.

Сначала батюшка поместил меня в корпус к матушке игуменье. Затем пришлось мне жить в келлии, где было много народу. Он пришел однажды и говорит: “Видишь, сколько тут народу? И у тебя в твоей келлии столько будет, как сельдей в бочонке”. Потом батюшка благословил мне построить свою келлию и сам для меня место купил. Вправду, приходилось иногда так тесниться в этой моей келлии, что вспоминались его слова: как сельди в бочонке будем.

Особенно любил старец между сестрами мир. Помню, раз пришел он к нам — а нас вместе жило много, — остановился на пороге и спрашивает: “Мир у вас? Если мир, то пойду; а если нет, не пойду”. И только тогда вошел к нам в келлию, когда мы уверили его, что у нас мирно.

Забыть не могу батюшкину любовь и внимание, с которыми он относился к нам. Это был не отец, а самая нежная мать. Решительно на все он обращал внимание. Случалось мне после посещения родных моих заезжать прежде в Оптину. Так он сам все посмотрит — что дали родные и все ли у меня есть, что нужно. Иногда приедешь к нему — скорбишь и жалуешься, что родные забыли. А он скажет: “Бог любит тебя и потому посылает скорби. Родные тут ни при чем. Все — Бог. Он им не возвещает, вот и не шлют. Тебе нужны деньги?

* Немытов под руководством Оптиных старцев, иеросхимонахов Льва и Макария, проходил высокую умную молитву. Куркин тоже замечателен был своим благочестием; а кроме того, по молитвам старцев, Бог благословил его и временным богатством. Из бедного человека он сделался миллионером.

Возьми у меня, сколько надо?” А сам вынет из кармана кошелёк и подаст мне. Стану отказываться, а он начнет настаивать: “Бери, бери! Ведь мне дадут!” Так батюшка утешал, что, бывало, и подумает: “Ну что ж, что скорби есть? Зато благодаря им батюшка так утешает”.

К немощам нашим в отношении соблюдения постов старец был снисходителен. Когда приходилось нам быть в Оптиной Великим Постом, сам, бывало, пошлет к нам на гостиницу келейника и дозволит до часов чаю напиться; требовал только больше смирения и мира между сестрами. Впрочем, поначалу он не благословлял мне чай пить с хлебом, и притом, чтобы пить не больше трех чашек; а за лишнюю чашку, если придется выпить, положить пять поклонов. И строго выговаривал мне, когда я однажды, бывши в миру, выпила семь чашек. “Эдак ты на все будешь согласна, когда в миру бываешь”, — сказал он.

Ко всяким скорбям и нуждам батюшка был очень отзывчив; старался всячески помочь нуждавшимся; за бедных монахинь сам платил за номер в гостинице.

Батюшка все укорял себя. Придет ко мне, бывало, в келлию и скажет: “Вот я твою келлию осквернил”. Не любил он сладко кушать. Скажет, бывало: “Вы мне кушаний никаких не готовьте, я мужичок, мне шей да каши нужно”.

Из книг мне батюшка давал больше читать Поучения преп. аввы Дорофея и св. Иоанна Лествичника. Мне хотелось прочитать Библию, но он не благословил.

Говорил батюшка, что он больше всех монастырей любит Белевский а племянницам своим не благословил сюда поступить; потому что в прочих сестрах могла возбудиться ревность, что он своих родных больше их любит.

Раз мне пришлось передать батюшке, что какой-то странник сказал мне что-то особенное, а он и говорит: “Я тебе запрещаю странников принимать. Если примешь в келлию странника, все равно что врага, то есть беса, примешь”.

Однажды мне очень не хотелось уезжать из Оптиной, так как близок был праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы^{*}; а батюшка говорит: “Надо ехать. А то запоят: приведутся Царю девы в след Ея, а ты здесь с мужиками”.

Однажды мой брат собрался поехать в Киев и нашел себе товарища странника, но батюшка решительно не благословил с ним ехать. “Боже, избавь! — сказал он. — Откажись и ступай после один”. Брат послушался. И когда потом поехал, то в одном месте увидел, что собралась около

* Главный храмовый праздник в Оптиной Пустыни.

чего-то толпа народа. Он подошел посмотреть и увидел, что странник, с которым собирался он ехать, лежит мертвый. Убили ли его, или, быть может, он сам умер, неизвестно. Но, во всяком случае, если бы батюшка не удержал брата, то и брат мог бы также пострадать.

Когда батюшка скончался, я думала, что для меня все пропало, и плакала сорок дней, почти не переставая. Наконец увидела я батюшку во сне. Он и говорит мне: “Что ты плачешь? Мне хорошо. На мне одежда, как на св. Иоанне Крестителе”. И показал мне ее. На нем надето было что-то волосяное, подобно тому как изображают св. Иоанна Предтечу Господня.

Через год после батюшкиной кончины, вечером под 7-е сентября (день кончины старца Макария), мои родные проезжали мимо Оптиной Пустыни и видели два огненных столба, которые, как им казалось, поднимались — один над монастырем, а другой над скитом.

Раз мне пришлось на явившегося во сне беса призвать молитвы батюшки о. Макария. “А! Знает, кого призывать”, — сказал он и исчез.

Помню еще такой случай: умирала у нас монахиня, родная мать монахини Магдалины Сотниковой, совсем уже кончалась. В это время показали ей портрет батюшки. Портреты его тогда только что вышли. Она страшно закричала: “Не покаялась!” И кричала сорок дней, а потом скончалась.

Монахини Капитолины. Я поступила в монастырь по благословению батюшки о. Макария. Вместе со мной поступила еще моя родственница. И ей батюшка благословил как можно скорее одеться в монастырскую одежду. Она была больная. Одевшись, очень мало пожила и скончалась.

Мне батюшка дал в руководство на всю жизнь такое наставление: “Живи так: видеть не видала, слышать не слыхала. Люби Бога и начальницу; а с ябедами начальницу не беспокой”. Да все учил терпению: “Терпи. За терпение Бог не оставит”. Позовет иногда своего келейника и в шутку скажет: “Отец Сергей! Купи Вере (мирское имя) терпения”. “Батюшка! Да я сама куплю”, — скажу я. “Нет, ты дорого дашь”, — ответит старец.

Первое время по поступлении моем в монастырь я мало занималась по келлии черной работой — все берегла руки, чтобы не загрузели и чтобы можно было кружева плести, а тетка, у которой я жила, за это сердилась на меня. Вот приехали мы с ней однажды к батюшке. Она и говорит ему, что намерена отослать меня домой, потому что я не работаю. Батюшка взял меня за руку и повел на кухню. Выпачкал свои ручки в саже и затем всю меня вымазал — и лицо, и

руки; да так и провел по гостинице. Все на меня смотрят и смеются. С этих пор не стала я жалеть своих рук — все стала сама делать.

Не любил батюшка, если что скажешь про других. Скажет: “Это не твое дело”.

Пришлось мне раз поехать с теткой в Троице-Сергиеву лавру. И когда мы оттуда вернулись, батюшка все мне рассказал, что мы там делали.

Батюшку очень любили мценские жители. Помню, когда проездом в Воронеж он остановился в Мценске у Фомы Никитича Кулешова, у дверей дома его собралась такая толпа народу, что батюшку провели чрез заднее крыльцо, посадили в экипаж и проводили в путь; а мы верст 15 гнались за ним следом.

В Белеве батюшка жил дня по три-четыре; а в последний раз пробыл целую неделю и несколько раз повторял: “Надо, девочки, ехать на покой”. Ходит он, бывало, по монастырю, а мы за ним — целой толпой. Увидит он матушку игумению и пошутит: “Игуменья, игуменья! Я с конвоем”.

Когда старец был у нас в последний раз, я сказала ему, что сержусь на брата, который перестал мне помогать, не буду писать ему и молиться за него. Батюшка сейчас же приказал мне написать брату письмо и что-то сам приписал ему. Скоро я получила от брата письмо, в котором им было написано: “Какого это вы нашли там старца? Он мне свое писание вложил прямо в сердце”.

За год до своей кончины батюшка о. Макарий передал меня батюшке о. Амвросию: накрыл меня полою, передает ему и говорит: “Вот тебе дуру, дуру!” А батюшка о. Амвросий тут же занялся со мною и прямо в первый раз рассказал мне всю мою жизнь с семи лет.

Когда матушка игумения наша спросила умиравшего батюшку о. Макария, — что она теперь будет делать; он ответил ей: “Бог будет помогать. И я буду помогать”.

Когда батюшка скончался, матушка игумения сначала поехала в Оптину одна, а потом прислала благословение ехать всем, кто хочет. Я немного опоздала и пришла, когда уже перенесли батюшку из скита в монастырскую церковь. Личико его было совсем закрыто и зашито, а мы подпороли покрывало и посмотрели. Батюшка лежал, как Ангел Божий. Когда гроб его несли опускать в могилу, сестры и народ теснились около него и старались оторвать что-нибудь от гроба на благословение. Около нас шел за гробом иеромонах о. Варсонофий. Он вынул из кармана ножницы, отпорол немного позумента с бахромой и разрезал нам по кусочку.

Монахини Татианы Ивановой. Я с детства жила у помещицы Марии Михайловны Кавелиной. Ее имение недалеко было от Оптиной Пустыни, и она постоянно ездила к батюшке о. Макарию, и батюшка каждый год ездил к нам в деревню. Когда он, бывало, придет, все крестьяне соберутся принять от него благословение. Батюшка выйдет к ним и сядет; и пока благословляет их, говорит им что-либо в назидание, как будто ни к кому не относя своих слов, а между прочим многих в это время обличит.

У нашей помещицы был пчельник — хорошенький тихий уголок. И батюшка любил бывать там. За этим пчельником смотрела моя тетка. И батюшка всегда ей говорил: “Вот тут-то прекрасно! Сиди себе да читай духовные книги. И Таню к этому приучай”.

Моя барыня была очень предана батюшке. Но находились люди, которым эта преданность казалась странной. Сын нашего сельского священника, молодой человек, часто насмеялся над привязанностью моих господ к старцу; но вдруг заболел горячкой. Больной, он стал сознавать свою вину и раскаиваться. “Не за то ли,— говорил он,— Бог наказывает меня, что я смеялся над старцем?” И вскоре выздоровел. После того он приехал к нам и просил мою барыню: “Марья Михайловна! Вы поедете к старцу, попросите у него за меня прощения; а сам я боюсь к нему ехать”. Но барыня уговорила его самого поехать; и он тотчас же поехал. Возвращаясь же, он опять заехал к нам и говорит: “Ну, Марья Михайловна, я не могу вам передать, что я чувствовал, когда увидел батюшку. Лишь только сказал он мне слова два, как все во мне похолодело, а потом загорелось. Я почувствовал, что это не земной, а небесный человек; и только мог сказать: “Батюшка! Простите меня во всем”. А он говорит: “Бог тебя простит! Ты сам не понимал, что делал”.

Я сама три раза исцелена была батюшкой. С детства я жила с теткой у барыни очень тихо. Меня никуда не пускали. Но один раз, когда я была почти уже взрослая, меня отпустили на вечеринку к моему крестному отцу. Там мне вдруг стало очень тяжело. Я почувствовала, что у меня начали дергаться лицо и руки. Спустя немного и всю меня стало дергать; и потому вскоре отвезли меня домой, где я встречена была барыней и теткой. Я была в жалком положении. С трудом могла говорить. Рот кривился, все лицо было изуродовано, тело дергало. Тетка поехала к батюшке, который, узнав о случившемся со мною, недоволен был тем, что меня отпускали на вечеринку. По его словам, у меня была Виттова болезнь. К доктору не велел обращаться, сказав: “Не надо; вы не понимаете; это не докторская болезнь; и если будете лечить, вы ее совсем изувечите”. Он дал тетке

масла из лампы пред иконою Знамения Божией Матери, которая находится в их скитской церкви, и велел влить его в лампаду пред чудотворной Калужской иконой Божией Матери, которая была у нас дома, и зажечь ее на шесть недель. Каждый вечер велел он давать мне по ложке масла из этой лампы; а утром чтобы я клала по три поклона и пила богоявленскую воду; а если не могу поклоны класть, то пусть за меня кладет их тетка. Я стала так делать. Мне сделалось легче; а потом я и совсем выздоровела.

Года через четыре болезнь моя опять вернулась. Меня привезли к батюшке; а он и говорит: “Ты, верно, возгордилась, осуждала людей; вот тебе и попустилось опять заболеть”. Я сказала, что не осуждала, а смеялась над другими. “Все равно,— сказал он,— это все то же; вот за это и заболела опять”. И в этот раз батюшка лечил меня так же. Болезнь прошла и более не возвращалась. И в первый раз, по выздоровлении, батюшка благословил свозить меня в Троице-Сергиеву лавру, а во второй раз — в Воронеж и Задонск. А когда тетка моя стала благодарить батюшку, что за его святыми молитвами я выздоровела, он сказал: “Ты мне это не приписывай; это — Божие, не мое. Вот пообещайся съездить к св. угодникам, Господь и поможет”. И всегда батюшка очень недоволен бывал, когда я исцеление приписывала ему, даже и оскорблялся. “Это,— скажет,— у тебя вражие, что ты мне не мое прикладываешь. За это Господь накажет; болезнь опять вернется”.

В третий раз я простудилась, когда ехала в Оптину. У меня открылась лихорадка, потом как будто горячее состояние. Батюшка не пустил меня с гостиницы домой до следующего дня. Все от меня ушли за батюшкой на другую гостиницу, а я одна сидела у окна. Это было днем. Но мне вдруг стало страшно. Я оглянулась и увидела, что вся комната, где я сидела, наполнилась бесами. Они ехали на конях, рубились. Все стены и все было усеяно ими. Только на стоявшей в комнате иконе, на лике Спасителя ничего не было. Я пришла в ужас и стала кричать. Позвали тетку, но и при ней я продолжала видеть то же. Тогда пришел батюшка, прочитал псалом: *Живый в помощи Вышняго...*, окропил меня и все вокруг богоявленской водою и велел тетке читать надо мною этот псалом до тех пор, пока все исчезнет. Виденное мною, таким образом, стало делаться бледнее и наконец совсем исчезло. Но после я проболела недель шесть горячкой. Батюшка сам удивлялся этому моему видению и говорил, что так бывает с человеком только в предсмертные минуты; но, видно, Господу угодно особенно посетить таким искушением эту девочку.

Батюшка часто обличал меня. Придет, бывало, отведет меня в сторону и прямо сам скажет, что я сделала и подумала. А иногда захочет испытать — ждет, пока сама скажу. Утаить было нельзя. Сейчас скажет, что лгу. А если запрусь, скажет: “Что ж не говоришь? Ты за это болезнию поплатишься”. Все мои помыслы — все он знал. Посоветовал как-то мне батюшка воздерживаться понемногу в пище. Приехала я домой, дня два поела поумереннее, а потом и думаю: “Это батюшка так себе сказал, ведь надо же ему что-нибудь говорить”, — и стала опять вволю есть. Приехала затем в Оптину, а батюшка меня и обличил — сказал: “Ему делать нечего, он так себе и скажет”.

Вообще батюшка был очень ласков, но бывали случаи, когда и очень строго взыскивал. Помню, раз отправляя меня одну домой, он строго приказал, чтобы я немедленно села на воз и не смела идти пешком. А я заговорила со знакомым мне монахом. Он проводил меня через паром. Сначала я спокойно шла и разговаривала с ним, а потом его навязчивость очень испугала меня, и я едва отвызалась от него и уехала. Когда же мы приехали к батюшке в следующий раз, он пришел к нам на гостиницу, а на меня и не смотрит и ни разу не благословил меня. Когда он стал уходить, я побежала за ним и стала просить у него прощения. Сначала батюшка сделал вид, что и не знает моей вины. А когда я чистосердечно раскаялась в преступлении его заповеди, он мне сказал: “Помни! Последний раз прощаю; больше прощения тебе не будет. Хочешь ко мне относиться — слушайся! А не хочешь слушаться, лучше не беспокой меня, не ходи ко мне и времени не отнимай”.

Один раз барыня моя не послушалась батюшку. День ее Ангела, 22 июля, пришелся в постный день. Батюшка прислал к ней сына ее, скитянина, о. Леонида, сказать, чтобы за обедом ничего не было скоромного. У нее в это время гостил какой-то родственник — лицо очень важное, который никогда не ел постной пищи, потому она и велела подавать ему скоромное. Батюшка так этим оскорбился, что она потом едва могла выпросить у него прощения. И никогда она не видала его таким гневным, как в этот раз.

От батюшкиных увещаний люди очень изменялись к лучшему. Моя барыня была очень горячего характера, а потом стала очень кроткая. У нее был сын военный. В полку он вел разгульную, бурную жизнь; потом приехал в деревню, стал ездить к батюшке и в несколько времени изменился: оставил свои дурные привычки и стал жить как следует. Из полка он вышел в отставку; потому что с ним стали делаться припадки, которые были так сильны, что,

бывало, в верхнем этаже дома слышно, как он хрипел внизу. Один из таких припадков случился с ним в Оптиной при батюшке. Батюшка приказал принести из своей келлии пелену, присланную ему из Иерусалима, и накрыл ею больного, который тотчас стал успокаиваться. Припадок наконец совсем прошел и за молитвами батюшки более никогда не повторялся. Выздоровев, Кавелин женился и долго жил.

Однажды бешеный волк в нашей местности искушал несколько человек крестьян, в том числе и двух мужиков моей барыни. Как раз в это время приехал к нам батюшка. Искушенных крестьян отправляли в больницу; а крестьян моей барыни старец не благословил туда отвозить. Их позвали к батюшке. Он их благословил, окропил их раны святою водой и утешил надеждою на милосердие Божие, так как они очень скучали и боялись взбеситься. Затем велел им полагать по три поклона, молиться Царице Небесной и св. Николаю Чудотворцу и пить по утрам богоявленскую воду. Они так делали и остались живы и здоровы; а все прочие, отправленные в больницу, умерли.

Приезжали к батюшке раскольники, неправоверующие, и от бесед с ним делались правоверными. Только одного помню старообрядца, кажется, по суду присланного к батюшке для увещания, который не послушал гласа истины и не изменил своих заблуждений. Батюшка про него сказал: что с ним ничего нельзя сделать.

Из угодников Божиих батюшка чаще всего советовал прибегать к св. Иоанну Крестителю и св. Николаю Чудотворцу, а больше всего к Самой Царице Небесной.

Сам батюшка кушал суровую пищу, но других любил угощать.

Монахини Алевтины. Помню, один раз я с матерью своею, дожидаясь батюшку о. Макария, разговорилась о том, что меня, как проходил слух, хотели постричь в рясофор. Только что мы об этом поговорили, смотрим — идет батюшка и, обратившись прямо ко мне, говорит: “Постригаться собираешься, а смиряться не смиряешься”. На меня батюшка ни постов, ни каких-либо особенных правил не налагал, а все требовал от меня смирения.

Еще рассказ: моя родная сестра, Мария Павловна Полунина, страдала припадками беснования. Мать наша приехала с ней в монастырь, и мы с матерью повели ее в Оптину Пустынь. Еще перед тем в нашей церкви она сильно беспокоилась, а дорогой все бранила меня, что у меня рука проклятая, на руке же у меня были надеты батюшкины четки. Когда мы пришли в Оптину, то сели дожидаться батюшку на дорожке около скита. Вдруг сестра закри-

чала: “Вон идет седой!” — и забилась. Действительно, из скита вышел батюшка, подошел к нам и каким-то пояском опоясал больную. Она перегнулась назад, как бы переломилась, и как будто оцепенела. Потом, как оправилась, батюшка послал нас на могилку батюшки о. Леонида. Он всегда прикрывал чем-нибудь свои исцеления. Там мы помолились и взяли песочку с его могилки. Сестра успокоилась. На другой день была у обедни. Батюшка давал ей антидор; и она принимала спокойно. После того прежних припадков с нею уже никогда не было.

Монахини Иустины Бурцевой. Раньше я была крепостная гг. Загряжских. Со своей барышней, жившей в Зосимовой пустыни и желавшей перейти оттуда в Белевский монастырь, приехали мы в Оптину к батюшке о. Макарию, которого я видала раньше; так как он проездом в Малоярославецкий монастырь к о. игумену Антонию останавливался в имении моих господ. Батюшка пришел к нам на гостиницу, благословил мою барышню и на меня обратил внимание: “Это кто с тобой?” — спросил он барышню. А затем спросил и меня: “Хочешь, девочка, в монастырь?” Когда же занялся с моей госпожой, позвал меня к себе и говорит так ласково: “Ну, говори мне свои грехи, ведь мы с тобой тут двое”, — а сам гладит меня по голове. Я рассказала, что у меня было на душе, что мне хотелось поступить в монастырь, но я боялась, что меня не примут по той причине, что раньше мне предлагали в монастырь поступить, а я отказалась. “Бог милостив, — сказал батюшка, — будешь в монастыре”. Вскоре он запретил мне носить цветное платье. На другую же девушку, которая была с нами у батюшки, он не обращал внимания и ничего ей не говорил. После того мы обе с этой девушкой поступили в монастырь; но она прожила год и вышла из монастыря, а я осталась. Шесть лет не одевали меня в монастырское платье, потому что я была крепостная племянника моей барышни-монахини, а он меня не отпускал совсем. Я очень скорбела по этой причине, а батюшка всегда мне говорил: “Будешь одета, когда воля будет”. Так и случилось. Скоро затем крепостным дали волю, и я оделась.

Иногда батюшка строг бывал к моей монахине-госпоже, особенно за какие-нибудь барские капризы. Придет, бывало, к нам в номер и будто сильно на нее разгневается, даже ножками на нее затопает. Она расплчется, а он так и уйдет. Обойдет все гостиницы и опять к нам зайдет. Жаль ему станет ее, скажет: “Где тут слезокапка? Все, наверно, плачет”. И утешит ее.

Барышня моя была брезглива. Раз при батюшке и зовет меня стереть накапавшее на стол со свечки сало: “Устюша! Сотри эту гадость”. А батюшка и говорит: “Где? Какая гадость? Никакой гадости нет”. Собрал на свой палец это сало, да и помазал ей лицо.

Монахини Флавианы. Монахиню мою, у которой я была келейницей, батюшка перевел из Великолуцкого монастыря в Белевский; находил жить там для нее непомерным, потому что близко к ней были ее родные. Она и меня привезла с собою туда же; но я стала очень скучать на новом месте. Ей стало жалко смотреть на меня. Вот она и говорит старцу: “Батюшка! Я хочу Аннушку назад отправить — она все плачет”. А батюшка ответил: “А ты с кем поедешь?” Она удивилась этому, так как никуда не собиралась ехать. Но чрез несколько лет ее назначили игуменьей в другой монастырь. Ей и пришлось со мной ехать. А перед этим батюшка еще раз прямо сказал ей: “Ты игуменья будешь”. “Ну, батюшка, куда таких дураков в игуменьи ставить?” — ответила она на его слова. “Хоть дура, да игуменья”, — подтвердил он. Однажды она сказала старцу: “Батюшка! Какая счастливая м. Макария Сомова, что вместе с вами именинница!” “И ты вместе будешь”, — ответил он. Уже после кончины батюшки ее постригли в мантию и назвали Макарией.

Батюшка любил во всем простоту. Вошел он однажды к нам в келлию и увидел, что на подушках у нас покрышки с оборочками. Взял, да и побросал их на пол. Никогда он не позволял нам ни шерстяного подрясника и ничего цветного сделать.

Очень не любил батюшка, чтобы сестры ходили по келлиям. Иногда, бывало, со вздохом скажет: “Ах, девочки, девочки! Если бы вы знали, какой грех по келлиям ходить! Ты пойдешь чашку чая выпить; а там празднословие и осуждение. И за одну чашку сколько греха наберешься!”

Приехал однажды батюшка к нам в монастырь. В это время две монахини поссорились из-за стройки келлии и просили батюшку прийти рассудить их. Когда же он пришел, они стали вперебивку обвинять одна другую. Долго стоял батюшка между ними молча, опершись на свой костыль. Потом вдруг стал живо повертываться то к той, то к другой и скороговоркой говорить: “Ты какова? А ты какова? А ты какова?” Все присутствовавшие тут рассмеялись; тем суд и окончился.

С монашествующими батюшка занимался больше, чем с мирянами; но, по смирению, очень старался скрывать свои духовные дарования. Если, бывало, спросишь его о чем-нибудь очень прямо, скажет: “Не знаю, не знаю”.

Однажды батюшка, отпуская меня из Оптиной перед вечером, очень усталую, пешком, говорит: “Ступай! Там тебе оказия будет; сегодня дома будешь”. И правда. Только немного прошла я дорогой, нагнали меня какие-то добрые люди, посадили и довезли до монастыря.

Помню, одна бесноватая ударила батюшку по щеке, а он подставил ей другую. Она так и упала замертво.

Любвеобильный был старец. Совсем уже был больной перед кончиной и то все заботился, чем бы утешить сестер. “Пошлите, — скажет келейникам, — что-нибудь на гостиницу: там сестры приехали”. Они и принесут нам или яблок, или еще чего-нибудь.

Про келейника своего о. Илариона, который впоследствии был скитона начальником и старцем, батюшка говаривал как бы шутя: “Вот этот старец лучше меня проберет вас”. Скитскому иеромонаху о. Исаакию говорил, что он должен быть настоятелем в Оптиной Пустыни, а о. Флавиану — казначеем. Все это в свое время и исполнилось.

Монахини Анны Леонтьевой. Девочкой лет 12-ти была я у старца батюшки о. Леонида, и он послал меня исповедаться к батюшке о. Макарию. Пришла я в церковь, где он исповедовал людей; а мать моя, со мной пришедшая, осталась на паперти церковной. Батюшка меня спросил: “Прощалась ли ты со своею матерью?” Я ответила, что нет, да и не знаю, как надо прощаться. “Пойдем, — сказал батюшка, — я покажу тебе как”. Повел меня на паперть и заставил три раза матери в ноги поклониться. Очень не хотелось мне кланяться, потому что там много народу было. А батюшка смеется и приговаривает: “У нас нос-то кверху смотрит; а вот мы его и нагнем”. Матери же моей сделал выговор, что не учит меня просить пред исповедью прощения, и только тогда стал меня исповедывать.

Помню еще, как я приезжала к батюшке о. Макарию, когда уже была замужем. Жизнь моя в замужестве так была тяжела, что я готова была лишиться себя жизни, если бы не поддержал меня батюшка. Мать моя уговаривала меня бросить мужа и уехать на жительство к ней, но батюшка и слышать об этом не хотел. “Что ты, старая, придумываешь?” — говорил он ей. Обратившись же ко мне, сказал: “В чем другом слушайся своей матери, Анна; а в этом не слушайся. Что Бог сочел, то пусть не разлучает человек. Терпи и помни — не ты первая, не ты последняя. В мире несчастных много. Время исход покажет. А если уйдешь от мужа, лишишься Царствия Небесного”. Эти слова его меня ободрили, и я стала терпеливее. Трогательно уговаривал батюшка и мужа моего. Он поставил нас обоих пред Казан-

ской иконой Божией Матери и так говорил ему: “Помни, ты отдашь за нее ответ Богу. Ты в детстве разорял птичьи гнезда. Вот и с ней ты, как с таким же беззащитным птенчиком поступил. Исправься! Иначе тебя ждет большое наказание”. Муж не исправился и получил, как говорил батюшка, еще здесь наказание: он сослан был в Сибирь. (Оставшаяся жена по времени поступила в монастырь).

Монахини Анны Горбылевой. Когда дед мой вздумал женить моего отца, он сначала поехал к батюшке о. Макарию испросить его благословения, какую невесту взять, так как невест находилось много. Батюшка вдруг и говорит ему: “Да ты возьми за него свою куму”. Дедушка задумался. Сначала и вспомнить не мог, про какую куму сказал ему старец, а потом припомнил, что года три назад он ездил из Мценска в г. Новосил; дорогой остановился в доме, где был новорожденный ребенок, при крещении коего ему пришлось быть восприемным отцом; а восприемною матерью была тамошняя небольшая девочка. Поехал он в тот дом. Девочка в то время была уж как раз невеста. Посватался. Женил на ней своего сына; и они жили счастливо.

Монахини Матроны Косторновой. Я жила келейницей у м. Макарии Сомовой. Приехал однажды батюшка в Белев и пришел к нам обедать. Покушавши, он помолился Богу и говорит: “А теперь надо игуменье поклониться”, — и поклонился м. Макарии в ноги. Смущившись этим поступком старца, она только произнесла: “Батюшка! Что вы делаете?” А он опять говорит: “Нет, нет; игуменье надо поклониться”. Вечером в тот же день батюшка позвал ее пойти с ним к матушке игуменье, настоятельнице обители; надел на нее свою камилавку, а в руки дал костыль свой, да так и повел. Привел и говорит: “Игуменья! Я к тебе игуменью Макарию привел”. Года через два после этого м. Макарию поставили игуменей в Каширский монастырь.

Монахини Марии Добровольской. Пред поступлением в монастырь приехала я в Оптину Пустынь к батюшке о. Макарию. Увидала меня тут одна севская монахиня и стала звать к себе в келейницы. Пришел к ней на гостиницу батюшка. Она и просит у него благословения взять меня к себе и рассказывает, что и как она для меня делает, а батюшка на все только говорит: “Изрядно!” Потом, обратившись ко мне, сказал: “Поезжай, поживи до весны”. Я поехала с этой монахиней в Севский монастырь, но меня там не приняли в число сестер, потому что она привезла меня без благословения игуменьи. И потому весной мне, на самом деле, пришлось вернуться к батюшке, и он поместил меня в Белевский монастырь.

Бывши как-то раз в Оптиной Пустыни, я с другой монахиней остановилась поговорить с одним иеромонахом. В это время проехал мимо нас батюшка на гостиницу. Мы поклонились ему и пошли вслед за ним. Я и говорю своей спутнице, что, верно, батюшке не понравилось, что мы стояли и разговаривали. “Он, наверно, ничего не видел”, — ответила она. Подходим к гостинице, а батюшка выходит из экипажа. Стали мы помогать ему взойти на лестницу; а он и говорит: “Да, да, девочки, ведите меня; а то я слеп, ничего не вижу”.

Пред кончиною батюшки о. Макария, когда, по прибытии в Оптину, мы с товаркою узнали, что он опасно болен, пошли было с ним проститься; но немного опоздали. Подходим к скиту, а наша матушка игуменья, уже побывавшая у старца, встречает нас на дороге и говорит, что батюшка изнемог и не принимает больше. Мы поскорбели, но делать нечего, повернулись и пошли на гостиницу. Вдруг слышим, нас зовут назад; потому что прозорливый батюшка, хотя ему и не докладывали о нас, сам велел нас позвать к нему. Мы пришли и простились с ним.

После кончины батюшки, в день его Ангела, мне приснилось следующее: увидела я здание необыкновенной красоты; когда вошла я внутрь, увидела там множество окон, на которых стояли цветы, и много столов, покрытых белыми скатертями. За ними сидели старцы такого благолепного вида, что я смутилась, что взошла сюда, и подумала: хоть бы кого-нибудь знакомого здесь увидеть. И вот вижу — пятым от меня сидит батюшка и смотрит на меня. Я ему очень обрадовалась. Потом старцы встали из-за стола. А батюшка подошел ко мне и спросил: “Хорошо у нас?” “Так хорошо, что и высказать не могу”, — ответила я. “Ну, пойдем, — сказал он, — я тебе еще покажу”. И повел меня в прекрасные сады, где протекали ручейки. Опять батюшка спросил: “Хорошо ли тут?” Когда же я похвалила, он сказал: “Терпи! И тебя Бог не оставит”. У меня была в то время скорбь, и я, пока мы с ним ходили, все собиралась высказать ему. А он и говорит: “Я всю твою душевную скорбь знаю”, — и дал мне из одного ручейка выпить воды. Мне стало так хорошо, что я во сне от радости закричала: “Батюшка!” — и проснулась.

У меня была сестра, которая, по благословению старцев, в миру старалась жить по-монашески. Место ее жительства было недалеко от Оптиной Пустыни, и монахи оптинские, которым по делам приходилось проезжать чрез эту местность, всегда останавливались отдохнуть и ночевать в ее доме. Часто они привозили ей в благодарность или святую просфору, или еще что-нибудь на благословение; а один монах привез как-то сестре портрет батюшки о. Макария, но

позабыл его отдать ей, да так и уехал. В следующую за тем ночь сестра увидела во сне, будто батюшка едет через их город; а к ней не заехал. Она этим очень огорчилась, а батюшка говорит: “Я сейчас здесь только проездом, а на возвратном пути заеду к тебе”. Через несколько времени монах, забывший отдать сестре портрет, возвращаясь в Оптину, завез его сестре. И она чтит его как чудотворный; потому что в скорбях своих получала от него утешение.

Монахини Иустины Попошиной. Шли мы в Оптину и разговаривали дорогой, что, кажется, мы на руках бы унесли батюшку, если бы монахи нам его отдали. Приходим к батюшке, а он и говорит: “Еще берется на руках меня понести”.

В последний год своей жизни батюшка приехал к нам в Белевский монастырь с батюшкой отцом Амвросием и пошел по монастырю. За ним шел и батюшка о. Амвросий. Подбегает в это время к батюшке о. Макарию одна сестра и со слезами говорит: что отец ее хочет насильно взять ее из монастыря и выдать замуж, что уже и жениха дня нее нашел. Сначала батюшка о. Макарий все молчал, а потом промолвил: “К Амвросию обращайся”. Батюшка о. Амвросий видит, что она все плачет, а батюшка о. Макарий ничего ей не говорит, утвердительно сказал: “Не возьмет!” Так и случилось. Пробовал отец взять ее из монастыря, однако не удалось.

Монахини Клеопатры. Я поступила в монастырь без всяких средств, так что мне казалось невозможным иметь когда-либо свою келлию. Когда же стала проситься в монастырь еще моя сестра, я стала говорить батюшке о. Макарию, не благословит ли он ей поступить в какой-либо общежительный монастырь; а то что мы, обе такие бедные, будем делать в своекоштном монастыре. Но батюшка не благословил, сказав, что у нас будет своя келлия, что сестра нужна будет м. игуменье. Стал он сам пробовать ее голос, она запела дискантом, а он хвалит, что у нее хороший бас. В нашей обители в то время были певчие с такими хорошими голосами, что я подумала на батюшкины слова: вряд ли в моей сестре будут нуждаться. Однако ее приняли в нашу обитель и определили ей клиросное послушание. Через несколько лет ее голос перешел в бас, и в ней стали очень нуждаться на клиросе; потому что некоторые из певчих с хорошими голосами перешли в другой монастырь. За молитвами батюшки Господь послал нам и свою келлию.

Когда батюшка в последний раз приезжал к нам в монастырь, мы с сестрой стали проситься у него поехать на родину. Меня он отпустил, а ее ни за что не хотел отпустить, хотя она очень просилась. Я уехала, а батюшка без меня скончался. Сестра в то

время и нужна была здесь, потому что певчие наши ездили в Оптину на похороны батюшки.

Монахини Рафаилы. Когда батюшка о. Макарий стал ослабевать в силах, он благословил нас исповедоваться у духовника о. Паисия; но чрез несколько времени почему-то запретил ходить к нему и у него исповедоваться. Между тем, в бытность нашу в Оптиной Пустыни, о. Паисий сам пришел к нам в номер, и мы постеснились не принять его. Вдруг на гостиный двор приехал батюшка; мы выбежали его встретить, а он сказал, что придет в наш номер. Хотя мы не звали о. Паисия, однако были непокойны, что, вопреки заповеди старца не иметь с ним общения, о. Паисий был у нас в номере, и потому мы предложили батюшке заняться с нами где-нибудь внизу, тем более что номер наш был в третьем этаже, и взойти туда батюшке было затруднительно. Но батюшка сказал: что он все-таки туда пойдет, и в одну минуту был уже наверху. Отворил дверь нашего номера, посмотрел на о. Паисия, молча затворил ее и ушел от нас. И это было наказанием за нарушение заповеди старца.

После приведенных здесь нескольких устных рассказов белевских монахинь о старце о. Макарии имеется в виду сказать несколько слов о Борисовской Тихвинской женской пустыни в Курской епархии. Эта обитель издавна имела в себе немало учениц первого приснопамятного Оптинского старца о. Леонида, которые вместе с тем были и ученицами старца о. Макария. Обитель эту, по словам оптинского старожила, игумена Марка, старец Макарий в отношении жизни духовной ставил выше других женских обителей; так как в его время там жили и подвизались замечательные по жизни старицы. Из них в особенности известны были две схимницы — Алимпия Сукачева и Лаврентия Ускова, обе из дворян-помещиц. Между прочими сестрами сей пустыни известна была еще схимница Анатолия, тоже из помещиц, в мире Параскева Феодотовна Трунова, которая нередко приезжала в Оптину Пустынь к старцу Макарию и передавала о нем следующие замечательные случаи.

Приехала я однажды в Оптину, — так она рассказывала, — и по обычаю остановилась на монастырской гостинице. Увидела из окна своего номера, что на гостином дворе появился батюшка о. Макарий, и бросилась впопыхах принять от него благословение, забыв при этом и запереть свой номер, где лежало несколько моих денег для путевых расходов. Увидев меня, прозорливый старец тотчас сделал мне замечание: “А что же номер бросила распертым? Иди, иди, запри. У нас тут не всегда бывает благополучно”. Отошедши

от старца, я остановилась было на несколько минут еще издали посмотреть на него; но он погрозился на меня пальцем, чтобы я шла в свое место; что, конечно, я и исполнила.

В другой раз, приехавши в Оптину, я вместе со своими спутницами-монахинями и с одной мирской девицей пришла в скит к батюшке о. Макарию. Он ласково принял нас и угостил чаем. Поблагодарив старца за угощение, мы отправились на гостиницу. Дорогой не понимавшая старца и монашеской жизни мирянка с самодовольством говорила: “Ах! Как батюшка был нам рад! Как мы его утешили!” И так всю дорогу проахала. Но лишь только мы успели войти в свой номер, как тотчас же вошел к нам старец и повел обличительную речь: “Я пришел поблагодарить вас. Как вы меня утешили! Как я вам был рад!” Сконфузившись от этих слов, мы в оправдание себя стали указывать на мирскую, что это она так говорила. Но батюшка продолжал свое обличение: “Так вот потому-то я и пришел поблагодарить вас, что вы меня уж очень утешили, и я был очень рад вам”.

Еще случай. Шла однажды я в своем монастыре по дорожке мимо сада. На дороге валялось яблоко. Помысл смущал меня поднять яблоко и съесть. Но, одумавшись, я сочла это за искушение; потому подняла яблоко и бросила в сад. Через несколько времени, приехавши в Оптину, я пришла к батюшке, который встретил меня такими словами: “А яблочко-то бросила в сад”. Я уже и забыла об этом. “Какое, батюшка, яблочко?” — спросила я. “А мимо сада-то шла, помнишь? На дороге валялось яблочко, а ты взяла его и бросила в сад”. Тут уже и мне этот случай пришел на память.

Скончалась моя сестра замужняя. Когда донесли о сем батюшке о. Макарию, он велел жившей со мною в монастыре другой моей родной старшей сестре возвратиться к вдовому зятю, чтобы заведовать хозяйственными домашними делами, сказав при сем, что она все-таки окончит жизнь свою в монастыре. Мне же старец благословил одну маленькую сиротку, племянницу Дашу, взять с собою в монастырь — что я и исполнила. А сестра моя монахиня, проживши в миру у зятя семнадцать лет, по предречению старца Макария, опять возвратилась в Борисовскую пустынь, где, прожив еще лет двенадцать, скончалась.

Через несколько лет после смерти вышеупомянутой сестры моей мирянки тяжело заболел и муж ее. По этому случаю я вызвана была домой. В это самое время батюшка о. Макарий проездом на возвратном пути из Киева в Оптину случился в Курске. А так как Курск от нашего местожительства находился всего в 50-ти верстах; то я, с согласия нашего больного зятя, решила поехать к старцу

в Курск, дабы спросить у него, лечиться ли зятю или положиться на волю Божию. Старец ответил: “Чего там лечиться! Поспешай-ко поскорее домой, а то не застанешь его в живых”. При этом батюшка велел мне взять к себе в монастырь еще другую сиротку, сестру Даши, которая была немного постарше ее. Когда же я стала со скорбью отказываться: “На что мне их, батюшка? Что я с ними буду делать?” — старец сказал: “Вот ты не желала ходить за детьми, а Господь хочет, чтобы ты за ними походила”. С тем я и возвратилась домой к зятю, который на третий день по моем возвращении и скончался с христианским напутствием. По воле старца и другая сиротка взята была мною в монастырь. А вскоре после сего и остальные две их, тоже маленькие, сестры попали в одно стадо.

Упомянутая пятилетняя Даша страдала в монастыре сильною лихорадкою и расстройством желудка. Часто с нею случалась рвота, в особенности после того, как иногда, бывало, покушает жареной рыбы. Вот приехал однажды к нам в монастырь батюшка о. Макарий и посетил нашу келлию. Ему доложили про лихорадку Даши. “А вот мы ее увезем”, — сказал он и посадил больную девочку с собою обедать. Ему заметили было хозяева: “Зачем, батюшка, сажаете с собою девчонку?” Но он настоял на своем и приказал девочке кушать уху из одной с ним тарелки. Потом подали жареного карася. Старец разрезал его вдоль пополам и одну половину отложил себе, а другую приказал есть девочке. Та кушает и плачет, будучи уверена, что после этого удовольствия у нее откроется сильная рвота. Старец же, несмотря на ее слезы, понудил ее съесть всю отложенную ей половину карася. Девочка послушалась. Затем батюшка, распроставшись с нами, отправился восвояси, а Даша оказалась совершенно здоровою. Ни лихорадка, ни рвота с нею больше уже не повторялись.

Нелишне еще сказать о том, как старец о. Макарий ценил святое послушание. М. Анатолия долгое время несла в обители послушание ризничей. Когда же силы ее стали ослабевать, она, бывши в Оптиной, объяснила батюшке о. Макарию, что намерена отказаться от своего послушания. “А ты не знаешь, — возразил старец, — как высока цена святого послушания? Тут шаг (при этом он для большей выразительности шагнул), а там (указывая на него) рубль. Тут другой шаг, а там другой рубль”. Последние слова произнесены были старцем с теми же знаками выразительности. После сего м. Анатолия оставила свое намерение и до самой кончины несла благое иго своего послушания.

Кроме помянутых женских обителей духовным руководством и наставлениями старца Макария пользовались также некоторые внимательные к себе сестры монастырей: 1) Великолуцкого, игуменьей которого была мать П., одна из преданнейших учениц старца Макария; 2) Вяземского Аркадиевского, в котором настоятельницею была также одна из учениц старца, мать А-ия; 3) Казанского монастыря, игуменья м. Д-ея, бывшая ученица еще старца о. Леонида; 4) Курского монастыря, игуменья м. А-на, и некоторые из сестер оной обители; 5) Серпуховского; 6) Калужского; 7) Елецкого; 8) Брянского; 9) Осташковского; 10) Золотоношского; 11) Смоленского; 12) Тульского; 13) Каширского; 14) Зосимовой пустыни; 15) Белевского монастыря; 16) Орловского; 17) Бородинского и некоторых московских монастырей. Инокнии эти по временам нарочито приезжали в Оптину Пустынь для свидания со старцем о. Макарием, дабы, подкрепясь духовно устными его советами и наставлениями, продолжать потом пользоваться его назидательными письмами.

Глава XV

Отношения старца Макария к мирским посетителям

тою же святою любовью и с таким же искренним благожеланием, как к монашествующим, относился старец батюшка о. Макарий и к мирским посетителям, искавшим от него пользы духовной.

Между такими посетителями немало было по своему уму, образованию и положению в свете особ очень важных. Так, нередко посещал старца Макария благочестивый граф Александр Петрович Толстой, бывший обер-прокурор Св. Синода, и служивший при нем чиновником особых поручений Константин Карлович Зедегольм (впоследствии иеромонах Оптинского скита о. Климент); сенатор Петр Иванович Соломон с семейством; известный писатель-философ Иван Васильевич Киреевский, который направил к старцу Макарию другого известного писателя, Николая Васильевича Гоголя. В первый свой приезд в Оптину Пустынь, в летнее время, Гоголь, по рассказу оптинского старожилы, бывшего настоятеля Оптиной обители архимандрита Досифея*, прожил на монастырской гостинице недели три. Во все это время он ежедневно посещал старца и подолгу с ним беседовал. Со своей стороны, и старец, посещая почти ежедневно в послеобеденное время гостиницы, заходил в номер, в котором помещался Гоголь. Также достоверно известно, что батюшка о. Макарий с христианской точки зрения не одобрял его светскую литературную деятельность и советовал ему оставить писательство в этом роде и начать новую жизнь во Христе, по заповедям евангельским. И Гоголь во всем согласился, приняв близко к сердцу наставления старца Макария. Во время пребывания сего почтенного гостя в Оптиной Пустыни предложено было ему, между прочим, конечно, с благословения старца Макария, прочитать книгу св. Иоанна Лествичника. Прочитавши оную, Гоголь высказал о ней так: "Какая глубокая психология!" Слышно

* Скончался 1900 года 31 марта.

было, что по возвращении его из Оптиной в Москву душевное его настроение совершенно изменилось. Он уже не только перестал писать в смехотворном тоне, но и сожалел о том, что прежде им было написано, и даже выражал желание, если бы можно было, уничтожить все свои светские литературные произведения. Но за такой поворот Гоголя в его воззрении на жизнь умные миролюбцы провозгласили его тронувшимся в уме. А так как привлек его к старцу Макарию Иван Васильевич Киреевский, то и к Киреевскому те же умные люди отнеслись неблагосклонно. После того Гоголь еще раза два приезжал в Оптину к батюшке о. Макарию и во время своего пребывания на монастырской гостинице усердно посещал церковные службы в скиту.

В 1851 году 8 сентября посетил Оптину Пустынь известный своим благочестием духовный литератор Андрей Николаевич Муравьев и пробыл в обители около двух суток, посетил и скит.

Кроме сих поименованных особ, посещало Оптину и старца Макария весьма много людей всех сословий: дворян, купцов, мещан и крестьян обоего пола, и во всякое время; но особенно велико было в обители стечение народа в посты, и преимущественно в Успенский пост, когда духовники едва успевали исповедовать приходивших на исповедь, и каждодневно в монастыре причащалось по несколько сот человек. Сам старец, как выше упомянуто, не исповедовал, а только принимал приходивших к нему для откровения помыслов и получения от него нужных советов. И мужчин принимал он в своей келлии во всякое время с раннего утра до позднего вечера; а к женщинам выходил за ворота; в последние же годы своей жизни принимал их во внешней келлии, которая по времени пристроена была для сей цели к его корпусу, с выходом наружу. Келлия эта всегда называлась, как и теперь называется, хибаркой.

В отношении к посетителям старец не имел лицепрятия. Посещали его и родственники из мирян и монашествующих; но к ним относился он одинаково с прочими посетителями. Всех же принимал любвеобильный старец, как выше сказано, с великою любовью и родственным участием, всех выслушивал поистине с изумительным терпением и кротостию, по возможности стараясь удовлетворить все их нужды. И это — каждый день, и притом не один год, а в течение с лишком 20-ти лет, *дея учил*, указывая всем правый путь ко спасению; дабы таким образом, незримо для его смиренной души, и над ним исполнилось обетование Божие: *Иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небеснем* (Мф. 5,19).

Но если старец так участливо относился к своим посетителям, то посетители поистине благоговели пред ним, и в особенности простой народ. Трогательная картина представлялась очам наблюдателя, когда он, смиренный и благостный старец, проходил по дорожке из скита на гостиницу. “Батюшка, родной! — так вопияла, например, больная крестьянка, — столько-то годов я больна, рук ни к чему не могу приложить; а наше дело деревенское, работы много; помоги ты мне Христа ради!” И емлясь за ноги старца, она обливала их слезами, не отступая от него, подобно жене Хананейской. Что же отвечал ей смиренный старец, на которого в эту минуту обращались сотни взоров сопровождавших его посетителей? “Что ты делаешь, матушка? — говорил он, — Господь с тобой! Встань, Бога ради, встань. Я человек грешный, ничего не знаю, ничего не могу. На это есть доктор, а я что?” “Батюшка ты мой! — продолжала вопить больная, не отступая от старца, — не отойду от тебя. Помолись за меня, грешную. Бог услышит тебя. Прикажи вынести маслица аль водицы святой. Ты вот помог же такой-то. Не отринь и меня, грешную”. Старец отзывает ее в сторону, преподает духовное наставление, благословляет; а затем, если он еще не отошел далеко от своей келлии, приказывает келейнику дать ей святой воды или масла из лампады, неугасимо теплившейся пред келейною его Владимирскою иконою Божией Матери. И благотворно всегда действовал этот елей по милости Того, Кто вложил в сердце болящей обратиться с такою живою верою к смиренному рабу Его.

Или так рассказывал вышеупомянутый скитский иеромонах о. Леонид Кавелин: “Возвращался я однажды из монастыря в скит. На дороге и спрашивает меня старая деревенская женщина, прошедшая верст триста с больною дочерью: ”Батюшка, отец духовный! Как бы мне увидеть отца Макария-то? Бога ради скажи ему, родненький. Вот с самой ранней обедни жду-не дождусь его”. Старец, как известно было, ходил по гостиницам часов с двух пополудни. “Да на что он тебе, матушка?” — спросил я ее. “Дочка больна, батюшка ты мой, — отвечала она. — Вот третий годок, как замуж отдала на сторону. Бог благословил: муж хорош попался, любит, бережет — нечего Бога гневить, — а вот сохнет да вянет невесть отчего. И лекарям-то пробовали, показывали, и на богомолье ходили — не дает Бог способу... Не поможет ли чем кормилец, батюшка Макарь-то? Наши летось были у него. Что ж? Кто пошел с горем, вернулся с радостью; больные оздоровели. Ступай, говорят мне, Степанида. Он сердобольный такой — всякого принимает, всякому рад помочь. Вот я и поплелась, кормилец мой, с дочкой-то своей. Скажи ему, родненький, о нас, сделай такую милость”. “Да ты бы, — говорю, — на

гостинице подождала”. “Ох, отец мой,— отвечала со скорбью старушка,— там народу-то пропасть, с утра с самого ждут. Боюсь, не пробьешься. Иные дня по три ждут”. И точно, некоторые жили на гостинице не только по три дня, а и по целым неделям, ожидая возможности побеседовать со старцем несколько часов.

Несомненно известно, что все, с верою принимавшие и исполнявшие советы старца, который имел благодатный дар духовного рассуждения, получали чрез него не только душевную пользу, но и здравие телесное и благопоспешество в житейских делах своих. Примеров тому в свое время было великое множество, из коих некоторые уже приведены были выше, а об некоторых сказано будет далее.

Были, впрочем, и такие посетители, которые претыкались о камень неверия и уходили от старца, не воспользовавшись его советами. Иные же приходили к нему, предварительно составив о нем своеобразное высокое понятие. Мудрствуя **земная**, воображали, например, что старец — человек с обширными научными познаниями и что стоило лишь только представиться ему, как можно было услышать поток речей из уст его. Само собою разумеется, что составивши о нем такое представление, оставались совсем не удовлетворенными, увидев пред собою простого смиренного старца, который не только не забрасывал приходивших к нему словами, но иногда и с действительно нуждающимися и скорбящими, страдая занятием духа, едва был в силах вести краткий разговор. Были и такие, которые приходили к старцу из одного любопытства и во время беседы с ним более походили на явившихся поучать его самого, нежели желавших услышать от него что-либо полезное. Старец, посвятивший себя всецело на служение ближним и не желая никого оскорбить, и их принимал, хотя по временам и жаловался своим близким ученикам, что такие посетители лишь отнимают у него дорогое время, ему не принадлежащее. “Батюшка! — заметили ему однажды по уходе такого господина,— он, кажется, более поучал вас?” “Что ж,— ответил смиренный старец,— спасибо ему. Он лучше вас понял меня. Чему доброму можно научиться от меня, грешного? А он многое знает — все знает”. Случалось, что кто-либо из таковых любопытников, не понимая, зачем посещали старца люди верующие, начинал оспаривать сказанное им в ответ совопроснику. Тогда, кроме редких и особых случаев (то есть если речь шла не о предметах веры), старец тотчас же прекращал или, вернее сказать, сокращал беседу, говоря: “Как знаете; вы, конечно, знаете это лучше меня, я человек неученый”. И затем или вовсе умолкал, или продолжал бе-

седу уже о каких-либо посторонних предметах, что он шутя называл, как в устной беседе, так и в письменной, — “трынь-брынь”.

Вообще смиренномудрый старец, не любя прекословия и так называемого умничания в относившихся к нему духовно, одинаково и сам не любил вступать в споры ни с кем и ни о чем, а в особенности с людьми образованными и учеными, но противомудрствующими учению Св. Церкви, основываясь на слове апостольском: *Мы такого обычая не имамы* (1 Кор. 11,16) и на слове отеческом: “В споре нет смиренномудрия”.

Впрочем, многие из таковых, как после сами признавались, не успев или не умея воспользоваться духовною мудростию старца, воспользовались одним видением его, ибо, как уже замечено было выше, всех он привлекал к себе любовью, как магнит железо, весь исполнен был благодати, весь разлиан в милости.

Но надобно было слышать, с каким одушевлением, сердечною теплотою и сирдоболием вел он беседу с искренно вопрошавшими его о болезнях душевных или скорбях своих. Видя искренность и действительную нужду обращающихся к нему за помощью, старец забывал все — и свои немощные телесные силы, и необходимый отдых, и письма, требовавшие ответа, и даже пищу. И хотя нередко выходил из такой беседы изнемогший до крайности, едва переводя дыхание, но был весел в духе, говоря на замечание учеников своих, что он вовсе не щадит себя: “Что делать? Жаль бедного. Если бы вы знали, сколько у него скорбей! А душа-то смягчена ими, и есть искреннее желание попасть на путь истинный”.

Приходивших же к старцу Макарию посетителей, после краткого их пребывания в обители, дабы принять от него благословение в обратный путь, имел он обыкновение, особенно бедных, снабжать знаками своего отеческого внимания — крестиками, образками, поясками, несколькими порциями скитского хлеба на дорогу и т. п. Случалось не раз приближенным к старцу монахам, по его благословению, выносить эти вещицы за ворота скита и возвращаться с полными слез глазами, видя веру, с какою принимались эти видимые знаки отеческой любви и внимания благодатного старца.

Для окружавших батюшку о. Макария очень заметно было, что Промысл Божий, направляя к нему истинно нуждавшихся в его духовной помощи, указывал им и на ближайšie средства получить действительную помощь от мудрого старца. Иные же, напротив, и по несколько раз посещая его, не знали, как получить от него пользу духовную; тогда как средство к сему было самое простое. Надобно было сперва отбросить более чем неуместные в душевных нуждах

мысли — “боюсь старца беспокоить, не знаю, как приступить к нему, и т. п.”; а потом прямо объявить старцу, что, дескать, я желаю с вами поговорить о своих душевных нуждах; но, видя, что у вас так мало свободного времени, прошу назначить час, когда вы можете принять и выслушать меня. Нельзя при этом не заметить, что затруднения к полезной беседе со старцем несравненно реже встречались с людьми среднего сословия и простонародьем, а чаще с людьми так называемыми великосветскими, или, по-нынешнему, — интеллигентными. Первые, будучи водимы простою верою, всегда доходили до старца со своими нуждами даже и при большом стечении народа, с изумительным терпением выжидая его по целым часам или на крыльце его келлии, или на дорожке, ведущей из скита на гостиницу, или в самой гостинице. Увидав старца, они кланялись смиренному рабу Божьему до лица земли и, видя его отеческую любовь и участливость, прямо без оговорок раскрывали пред ним свои сердечные раны или скорби, прося совета и вразумления, и, по данной старцу благодати Божией, отходили от него исцеленными и утешенными, славя Бога и Его благого и верного раба.

Не любил старец странников, без сомнения, и странниц, представлявших из себя юродивых или блаженных, которые неясными намеками предрекали некоторым их будущее и тем вводили их только в смущение, не доставляя существенной душевной пользы. Только один современный старцу блаженный, некий Василий Петрович Брагузин*, пользовался его любовью и даже уважением; так как был поистине раб Божий. По временам он посещал Оптину Пустынь и был в духовном общении со всеми Оптинскими духовными старцами.

Приходили к старцу Макарию, а нередко и присылались высшим духовным начальством для увещания раскольники. Всех их принимал старец с обычным смирением, но только в прения с ними не вступал; а отсылал их для сего к своему келейнику о. Илариону, который, живши в миру в г. Балашове Саратовской губернии среди раскольников, хорошо знаком был с расколом и часто вступал с ними в прения. Старец же только указывал о. Илариону места из творений св. отцов, служащие к опровержению раскольнических заблуждений. Вследствие сего раскольники эти, познавши истину правой веры, обращались к Православию.

О разумных мерах борьбы с раскольниками старец Макарий писал к одному лицу следующее: “Желая поверить суждение неко-

* Об этом блаженном упоминается в жизнеописании Оптинского старца Леонида, в схиме Льва.

торых лиц и собственное, ты спрашиваешь моего мнения, как лучше поступать с нашими раскольниками: строгими ли мерами или снисходительными? Мне кажется, что строгие меры не принесут пользы, но более их ожесточат, равно и очень слабыми и снисходительными нельзя обратить их в недра Православной Церкви; а надобно держаться середины и употреблять нужные, благоразумные и сильные меры к убеждению. В случае же сопротивления и буйства не на всех простирать строгость, а на главных их учителей и наставников. Вопрос: кто же будет их убеждать? Приходским священникам неудобно, занятым своими должностями, и не всякий может иметь дар и способность к убеждению. Кажется бы, надобно избрать особых людей на сие дело, вроде миссии, с прикомандированием им чиновника, чтобы раскольники не могли жаловаться на притеснение и принуждение. Со стороны же правительства опасно то, что иногда неблагонамеренными чиновниками, под видом веротерпимости, может быть покровительство и защита. Это может принести большой вред. Преосвященный Иаков Саратовский действовал на раскольников снисхождением и любовью — но и сильным убеждением так удачно, что при Божией помощи многие тысячи их обратились от раскола к Церкви”.

Мысль старца Макария, что для убеждения раскольников в истинности Православия потребны особые священники-миссионеры, чрез несколько лет после его кончины осуществилась на деле. Теперь в Калужской епархии есть особые священники, хорошо знакомые с расколом, которые и ездят по селам, в которых живут раскольники, для их убеждения.

Навещали иногда старца Макария и последователи западных христианских религий. Ко всем им относился он снисходительно, с желанием обращения их к Православию. Заметим, кстати, что как [на] главный нравственный недуг современного старцу общества указывал он на упадок веры и равнодушие к уставам св. Православной Церкви.

Один только, и едва ли не единственный, был случай, когда старец с большою строгостию отнесся к посетившему его армянину. Пришел он к старцу, как и все посетители, просить у него совета. Был он богатый и хорошо образованный мужчина. Старец, по обычаю, принял его ласково, сел рядом с ним на диван и начал разговаривать весело и приветливо поначалу о делах обычных. Но когда при разговоре большей важности гость спросил: “Могу ли я...?” — старец, обратив на него взор недоумения, спросил: “Да кто же вы?” Тот ответил: “Я армянин”. Как от удара молнии, отскочил старец от посетителя шага на три или на четыре. Затем, мгновенно остановившись и строго устремив на пришельца очи, он, как

бы испуганный, торопливо и с гневом заговорил: “Зачем же ты пришел ко мне? Что тебе от меня нужно? Вон, вон! Я православный и с армянами общения не имею”. И непрощеный гость тотчас был выпровожен. Неизвестно, что за причина была такого недружелюбного обращения старца Макария с армянином. Может быть, потому он так поступил с пришельцем, что все приходившие к нему инославные христиане заранее объявляли — кто они; а этот, может быть, даже с каким-либо лукавым помыслом, не сделал этого, чем и ввел старца в заблуждение, возбудив в его сердце чувство огорчения и праведного негодования.

Вообще же, как замечено выше, старец любовно обращался с инославными христианами. При всем том запрещал поминать умерших из них в православных храмах. Так, например, писал он к одной особе: “Немцев лютеран и католиков, умерших в их вере, нельзя поминать на проскомидии. Они не имели в живых общения с Церковью нашею: то как же по смерти мы посмеем их присоединять к Церкви? Правила воспрещают поминать еретиков”^{*}.

* Письма старца Макария к монахиням. Часть 4. Письмо 189.

Глава XVI

О письмах старца о. Макария

еоднократно выше приходилось приводить выдержки из писем великого нашего старца батюшки о. Макария. Скажем здесь о них несколько слов.

Известно, что вскоре по переходе его из Площанской пустыни в Оптинский скит он по воле высшего духовного начальства определен был духовником всего Оптинского братства; затем, немного спустя, возложена была на него обязанность скитоначальника; а по кончине старца о. Льва он был и главным в обители старцем. Среди многотрудных занятий по всем этим обязанностям старец Макарий по каждой почте получал немало писем от обращавшихся к нему за духовными советами и решением своих недоумений сверх присылаемых из разных мест в немалом количестве с оказией*. И с 1834 года по 1841 год писал он ответы от лица своего духовного отца и сотаинника старца о. Леонида; а потом, когда старец Леонид в 1841 году скончался, в течение последующих 19-ти лет своей жизни продолжал писать уже от своего лица или диктовал ответы, приличные каждому вопрошавшему к укреплению и утешению его в скорбях. Большую часть ответов на вопросы, требовавшие духовного рассуждения, старец писал сам. Ученики же его помогали ему только в таких письмах, которые по содержанию своему требовали ответов маловажных и кратких; равно как и в ответах на письма не духовного содержания — поздравительных или требовавших просто поблагодарить кого-либо за любовь и усердие. Это делалось так: сперва старец прочитывал полученные письма, отлагая в сторону те, которые по важности содержания подлежали его личному ответу; а другие отдавал помогавшему ему в письмоводстве ученику, тут же сказывая вкратце — что нужно ответить на каждое письмо. Определенного времени для писем, как выше видно было, у старца не было. Они всегда почти писались, так сказать, урывками, потому что часто приходившие к нему

* Все оставшиеся без ответов письма в предсмертной болезни старца, согласно его воле, были сожжены в его присутствии.

посетители то и дело отрывали его от письменных занятий. Только два раза в неделю, в самые дни отхода почты по утрам, старец прекращал на несколько часов прием посторонних посетителей и до отправки писем усиливал свою деятельность: писал сам, прочитывал написанное помогавшим ему ученикам, исправлял, подписывал, сказывал адреса и сам запечатывал.

В течение последних 19-ти лет жизни старца помогали ему в письменных его трудах в разное время попеременно из скитских братий: иеромонах Амвросий — впоследствии старец, иеросхимонах; иеромонах Гавриил — впоследствии иеросхимонах, по благословению Калужского епископа Григория установивший порядок во вновь устроенной Белокопытской женской общине, там и скончавшийся; рясофорные монахи — Иоанн, Лев и Павел — впоследствии Ювеналий, Леонид и Платон, о которых говорено было выше; и, наконец, послушник Андрей Иванович Глушков — впоследствии иеродиакон Антоний, тоже вышеупомянутый.

Значение писем старца Макария весьма велико. Они заключают в себе полное наставление к шествию по пути спасения, утешение в скорбях и решение недоумений на самые разнообразные духовные вопросы иночествующих и мирян всех сословий, обоих полов и разных возрастов, будучи вместе с тем все проникнуты глубоким смирением самого писателя. Таким образом, это — дорогая сокровищница духовных советов, ясно свидетельствующая о духовных дарованиях почившего в Бозе старца, поясняющая его внутреннюю жизнь. Можно утвердительно сказать, что одними этими письмами старец Макарий оставил по себе вечную память.

По выходе в свет первых двух томов писем старца Макария, когда хорошо знавший его о. игумен Антоний Бочков¹ получил из Оптиной Пустыни в дар по экземпляру их, он, письменно изъявляя оптинцам благодарность за полученный им подарок, написал о них такой отзыв:

“Письма о. Макария едва ли может оценить мир по достоинству: *“Духа истины мир не может прияти”* (Ин. зач. 48). Учение твердое, основанное на адаманте отеческих правил, — вот что особенно поражает в письмах, исполненных при том глубочайшего смирения. Письма его могут быть названы часами, по которым и во утро, и в полдень, и нощию можно поверять жизнь всякому монаху и монахине, для которых они назначены. И юный, и зрелый, и старый

* Бывший настоятель Черемнецкого монастыря Петроградской епархии, полагавший начало иноческой жизни в Оптиной Пустыни при старцах Леониде и Макарии.

может прибегать во всякое время к этому указателю, который сам шествовал неуклонно по пути Солнца правды. Глубочайшая осторожность в советах с твердостью и простотою данных не на краткое время, но часто на многие годы, применение советов к возрасту вопрошавших, к их устройению, ко времени и их обстоятельствам, знание монашеской жизни и человеческого сердца — все это, утаенное от мира сокровище мудрости и опытности так и бросается в глаза, приобывшие различать сияние настоящих дорогих камней от фальшивого блеска. В отце Макарии вовсе не видишь аскета-схластика: редко выставляет он себя учителем, а только благим советником, который, однако ж, знает всю цену своих советов, внушенных многолетним опытом и проверенных не однажды на многих людях. Уважение к слову правды не колеблется он явить, где должно, и опереться на него крепко. И сколько жертв принесено было ближним в этой переписке, которые увенчались его страдальческою кончиною!

Премного вас благодарю за этот драгоценный подарок. Еще одно скажу о смирении блаженного старца: он всегда отклонял и отвергал похвалы и ласкательства учившихся у него. А от этого упоительного дыма у многих учителей закруживались головы. Между отцами нашего времени о. Леонид и о. Макарий достигли возможной высоты не подвигами и постами, а наукою послушания и человеколюбия. Простите, что моими неискусными похвалами я немногое приношу памяти этого преподобного отца. Драгоценные строки его, верно, доселе обливаются слезами многих, учившихся у него. 19 января 1864 г.”

В подтверждение такого лестного отзыва о. игумена Антония о письмах старца Макария приведем здесь несколько выдержек из писем последнего. Имеется при сем в виду выписать некоторые советы и наставления старца, в которых чаще нуждались и теперь нуждаются истинные ревнители благочестия, пекущиеся о спасении душ своих. Так, например, писал смиренный старец к одной ищущей спасения особе:

“Ты желаешь научиться от меня жизни духовной, чтобы иметь писанными строками, как проходить чин жителства, и оными наставляться. Доброе твое желание и намерение искать спасения. Но, с моей стороны, нетрудно написать; но опасно дать ответ людей учащу, а самому ничтоже благотворящу. Наставник наш и учитель есть Сам Господь наш Иисус Христос. Он даровал нам спасительные и животворящие заповеди, вводящие в живот вечный; и сказал вопрошавшему Его юноше: *что сотворю, да живот вечный наследую?*

* Из «Калужских епархиальных ведомостей» 1864 г. № 2.

[Мр. 10,17] — *Заповеди веси: сия сотвори и живот вечный наследииши.* И святые отцы, получившие спасение, получили оное исполнением заповедей Божиих; и нам оставили пример своего жителства. Движимые Святым Духом, предали учение свое в пользу нам, слушающим и прочитающим. А какие именно заповеди надобно исполнять хотящему спастися? Главные две: любовь к Богу и любовь к ближнему. *В сию обою заповедию весь закон и пророцы висят* [Мф. 22,40], сказал Господь. Подробно же и особенно заповеди оные изъяснены в Святом Евангелии, а большая часть в 5, 6 и 7-й главах евангелиста Матфея. При исполнении заповедей Божиих надобно иметь и смирение, о коем также заповедано: *Аще и вся повеленная сотворите, глаголите, яко раби неключими есмы, яко еже должны бехом сотворити сотворихом* (Лк. 17,10). И в другом месте заповедает Господь: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11,29). Вот какое к нам милосердие Божие! Деланием заповедей Его получаем спокойствие. И какая великая премудрость Божия! На всякую страсть, находящуюся в нас, есть заповедь, не только действие оной возбраняющая, но и до конца искореняющая. Итак, поучайся в слове Божиим; внимай и старайся исполнять, прося помощи Божией. Ибо Он сказал: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15,5). Читай и словеса отеческие: св. Иоанна Лествичника, св. аввы Дорофея, как наиболее нам приличные. Они научают нас: для чего мы оставляем мир и приходим в монастырь и как должны обучаться борению противу страстей, побеждать их и искоренять; при побеждении же от страстей, как восставать и приносить покаяние, а паче всего учат смирению. Оно непадательно и всех страстей губительно. Как гордость есть предвратительница падений и низвергает имущего ее в глубину адову; так, напротив, смирение восставляет и возводит из глубины греховной и возвышает имущего сие сокровище. И прочие святые отцы поучают нас, каждый по данному ему от Святого Духа, просвещению разума. Пройдя сами опытом жизнь духовную, они учат об отвержении себя и своей воли, о страхе Божиим, о послушании, о терпении, о воздержании, о смирении, о любви, о покаянии. И вообще весь лик прекрасных добродетелей обрящем во святом их учении, и како подвизаться о приобретении оных. Св. Исаак Сирин пишет о смирении, что смирение и одно спасает, кроме дел (46-е слово). Св. Иоанн Лествичник пишет в 5-й степени о покаянии, на первой странице оной степени: что есть покаяние и в чем оно состоит. Вот это и причислует к твоему вопросу о сем; а к концу книги совокупляет покаяние со смиренномудрием. Св. Исаак Сирин в 7-м слове премудро отводит от отчаяния и возводит к покаянию. От многих малое со-

брал для тебя к памяти и руководству в жительстве твоём. Когда пойдешь путем правды, то и больше сих обрящешь и уразумеешь. Встретишь и скорби; но оные неминуемы на пути спасения. Ищи избытия и утешения в оных во смирении. Но одними словами не научишься, а надобно делом проходить; и тут познаешь свою немощь, смиряешься; а во смирении нашем помянет нас Господь и избавит от враг наших и спасет нас. Чего тебе усердно желаю и молю Господа о сем. Ты вопрошаешь о чине жительства. Слово св. Симеона Нового Богослова ясно показывает оное; и св. Исаак Сирин в 9-м слове*.

А вот и еще к другой особе письмо приснопамятного старца Макария, в котором говорится о борьбе истинных христиан с духами злобы, и о несокрушимом против них оружии — смирении, и о том, как оно достигать:

“Упомянули вы в своем писании, что Бог не требует более от человека, как исполнения обязанностей звания, в котором он рожден, которые, по разумению вашему, стараетесь исполнить без укору совести. Как сей пункт немаловажен, то и о нем надобно получше рассудить. Обязанность сия состоит в исполнении заповедей Божиих по обету, данному нами в крещении, в каком бы кто звании ни был. Но нам в исполнении оных предлежит сопротивление от врага рода человеческого — диавола, о чем пишут святые апостолы. Св. Петр: *Супостат ваш диавол, яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити. Ему же противитесь тверди верою* (1 Пет. 5,8,9). Св. Павел: *Несъ наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем, и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6,12). Видите, какую мы имеем невидимую войну! Он всегда старается бороться с христианским противными действиями заповедям Божиим чрез наши страсти. К сему служат главные его оружия — страсти: славолюбие, сластолюбие и сребролюбие. Побеждены быв сими или одною из них, и прочим страстем даем свободный вход действовать в сердцах наших. Из вашего же разума видно, что вы о сей брани, или сопротивлении, имеете несовершенное понятие, и не столько осторожности; а только старание ваше, без укора совести, исполнять свою обязанность. Но и в сию не проникли, как должно, в чем она состоит. Ежели бы вы исполнили и весь долг свой без укору совести, а лучше — без смирения, то никакой нет пользы. У сопротивника нашего два средства, которыми он доводит людей до прогневания Бога: первое — ввергнуть в пороки; а второе — когда не успеет сего сделать, то — в гордость, то есть в мнение о себе, что

* Письма старца Макария к монахиням. Часть I. Письмо 105.

мы исполняем волю Божию, и с сим подходит весьма тонко — не вдруг ослепляет гордостью; “но убеждает вменять, что они делают добродетель, и повергает в сердце их семя радостного мнения; от него же, заченшися, воспитывается внутренний фарисей, который, день ото дня умножающееся и возрастающее, предаёт таковых совершенной гордыне и прелести, за которую попускается от Бога преданным быть во власть сатанинскую”. Сие рассуждение одного богодухновенного мужа и великого старца Молдавского*. Пишет и святой Иоанн Лествичник, что иногда и все пороки отходят от человека, оставляя один — гордость, который в состоянии заменить и дополнить прочие (Степень 26, глава 62). В таковой-то брани, или войне духовной, нужно непременно оружие, против которого не может устоять сила вражия. Какое же это оружие? Святое смирение. Как же достигнуть его? Разные способы есть к приобретению его. **Первое** — исполнение заповедей Божиих, в числе коих и сие есть: *Блажени нищие духом, яко тех есть Царство Небесное* (Мф. 5,3). *Егда сотворити вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко еже должны бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17,10). И: *Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11,29). **Второе** — познание своих немощей. Пишет св. Исаак Сирин в 61-м слове: “Блажен человек, познаваяй свою немощь, занеже сие познание бывает ему основание и корень и начало всякия благодости. Однако никто же может ощутить немощь свою, аще не будет попушен мало искушен быти утомляющими тело и душу. И праведник, не познаваяй своей немощи на острии бритвы имать вещи (то есть находится в опасности), и никакоже отступил есть падения, ниже от тлетворного льва, глаголю же беса гордыни”. И паки: “Не познаваяй немощи своея оскудевает от смирения; оскудеваяй же от сего скуден есть и от совершенства: и оскудеваяй от сего присно призрашен есть (находится в страхе)”. В 58-м слове: “Еже неким случаем греха поползатися, явительно есть естественныя немощи, занеже для пользы попустил Бог души приемательной быти страстей: усмотре бо не вышшу сих оную уставляти прежде второго пакибытия (воскресения). Еже приемательной быти оной страстей (то есть побеждаться страстями) полезно есть к угоданию (к укорению) совести: а еже пребыти в сих (в страстях) безстыдно есть и безсрамно (отвратительно, ненавистно)”. **Третье** — память прежних наших грехов сокрушает сердце и смиряет душу. **Четвертое** — “От послушания рождается смирение,— пишет св. Иоанн Лествичник в 4-ой степени; от смирения — рассуждение,

* См. Житие старца Паисия Величковского. Изд. Оптиной Пустыни, с. 134.

от рассуждения — рассмотрение, от сего — прозрение”. И святой Кассиан в слове к Леонтину игумену: “Истинное рассуждение не приходит, аще не от истинного смирения, которое снискивается, да не точию еже творим, но и еже помышляем, открываем отцем, и да ни в чем же своему помыслу веруем, но и во всем словесем старец да последуем, и она быти добро веруем, еже они искусят”. (Слово о рассуждении. Славянское Добротолюбие. Часть 4). **Пятое** — смот- рительное от Промысла Божия поущение впадать в страсти, дабы более восчувствовать свою гнусность, смирить себя и иметь в по- мысле, что есть худший всех тварей. О чем св. Григорий Синаит в 117-й главе пишет: “Аще человек не будет оставлен и побежден, и не от дел отнюдь помощи обретая, ни от Бога, ни от инаго кого, яко мало и не в отчаяние прийти искушаемому во всех: не может сокру- шиться и имети себя меньша всех, и последнейша и раба всех, и самых бесов неключимейша, яко мучима и побеждаема. И сие есть смот- рительное Промысла наказательное смирение, чрез которое и высокое от Бога дается”. Еще служит к приобретению смирения всегдашнее **самоукорение**.

Видите из сего рассуждения, что весьма опасно проходить путь добродетелей без смирения самонадеянно. Есть многие примеры, как древних, так и нынешних времен, впадших в прелесть от сего. От чего да избавит нас Господь своим милосердием. И при скудном моем понятии, чем больше рассматривать ваше душевное устрое- ние, тем больше открывается находившейся там гордости — что подтверждается и собственным вашим сознанием. Сколь же та пагубна и ослепительна, имеете много доказательств от писания св. отцов и от своего опыта. Но как вы признаете себя одержимою сим недугом, и хотя ослепление столь велико, что вместо полезного лекарства принимаете вредящие и более расстроивающие язвы пластыри: однако ж благое ваше произволение подает надежду, что при помощи Божией получите исцеление сему недугу; в чем и не должно отчаиваться.

Я считаю вредоносным для вас сии действия: испытание разума Писаний, для нас сокровенных и неведомых. Ибо прежде време- ни познание оных вредит нам; и прежде делания первых познать второе не полезно; а чрез труды и исполнение заповедей, удобопо- нимаемых нами, откроет Бог и прочее, нами недоразумеваемое. А ежели прежде времени узнать весь разум Писаний: то, возгордив- шись, ум пренебрежет о деянии и все потеряет. Что скоро и без труда приобретается, то скоро теряется и пропадает. Не хотеть убе- диться, что необходима для нас борьба со страстями, а еще считать

сие угнетением человечества — явная гордость и богоборство, — дерзаем износить суд на Самого Бога. Когда не борют нас страсти, тогда удобно приходим в гордость, не видя никак за собою пороков. И стремление вскорости победить страсти есть безумие, от гордости происходящее. Требование награды по долгу, за свои заслуги и за борьбу со страстями, а не по милосердию Божию ожидание, гнуснее фарисейской гордости. Подвиги против страстей тогда только тягостны бывают, когда гордо и самонадеянно проходим оные; а когда смиренно, призывая Божию помощь и исправления оной приписывая, то они бывают удобоносимы. *Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Мф. 11,30), сказал Господь. Проходя духовную жизнь и побеждаемы быв страстями, не должны малодушествовать, но более укрепляться в вере. Воин на войне тогда бывает искусен, то есть приходит в познание воинской науки, когда много раз и ошибки делает, и ранен бывает; но первое его вразумляет, а за второе награды получает. Однако не с одного разу может научиться воинской науке. Кольми паче духовная жизнь требует научения и многого времени. Так же и художеству кто хочет научиться, не вдруг делается художником, но многократно портит делаемую штуку, и паки поправляет, и требует наставляющего. Духовного же ли художества хошем в мгновение научиться, да еще самоменно и самочинно? Это невозможно! Когда самые поползновения наши смущают нас и до малодушия доводят: то сие есть знак гордости. Да они-то и суть наказание за гордость.

Уединение — самое пагубное средство для вашего устроения. Оно подает вину к гордости и неискусных погубляет. Св. Иоанн Лествичник пишет: “Недугующие мнением и лукавством ниже да видят след безмолвия”. Но так как вы познали теперь сами вред вышеописанных действий, то и я уверен, что вы от них будете всемерно отвращаться и не допускать входить им в сердце ваше; а место оных займет все то, что уничтожает гордость, а приносит смирение. К тому же смиренное сознание своих немощей пред Богом невольно возбуждает прошение Его помощи и ненадеяние на себя — и убедитесь в том, в чем не могли убедиться... Рассмотрите повнимательнее сие мое писание, сообразите со своим устроением и с чувствами. Я желал, при помощи Божией, предложить вам приличное и нужное к теперешнему вашему положению. Вникните сами в Божественное Писание и в учение св. отец, прося Божией помощи на все дела ваши и начинания, да подаст Он вам истинный разум, веру и смирение, и укрепит в пути добродетели и в духовной брани, и сподобит

обрести настоящий путь, ведущий ко спасению, и успокоиться на оном”^{*}.

Предостерегая от мнения о себе при молитве или от гордости, от чего люди впадают в прелесть вражью, старец Макарий так писал к иному лицу:

“Какого ты ищешь извещения о надежде спасения? При твоём устроении это дерзостно. Пожалуй, получишь мнимое извещение от прелести вражией и после обезумишься. Сего (извещения) сподоблялись великие угодники Божии прежде смерти или незадолго пред исходом. Но кто они были и какое имели глубокое смирение?! Св. Феогност пишет: “Проси дати тебе извещение, но не прежде смерти: еже есть смиреннейше”. А мы не имеем смирения. Если бы дано нам было извещение, то вознеслись бы и глубоко пали. Нам должно иметь веру, смирение и надежду на милосердие Божие и не отчаиваться до конца, а всегда пребывать в покаянии, болезновании сердца и во смирении; избегать же двух крайностей — излишней надежды и отчаяния, а иметь себя под всею тварею. О прочих же твоих неисправностях приноси всегдашнее покаяние и проси Бога подать тебе помощь. Оттого мы и падаем, что не имеем смирения. Ибо, по слову св. Иоанна Лествичника, где совершалось падение, там предварила гордость. О падении же надобно разуметь всякого рода: в помыслах, словах, нерадении и лености”.

Еще о молитве и прелести к тому же лицу: “Ты упоминаешь, что при возведении ума к Богу ощущаешь недолжное движение. И это потому, что ты, полна страстей, дерзаешь на сие возведение ума к Богу. Не случилось бы так, как последовало со вшедшим в чертог брачный в скверных одеждах и изверженным оттуда. Нам сроднее и приличнее иметь сердце сокрушенно и смиренно, которого Бог не уничтожит, и следовать мытареву покаянию”.

Еще о молитве к иному лицу: “Ты упоминаешь, что не имеешь чистой молитвы, а парение помыслов. Цену дать нашей молитве есть не наше дело, а Испытующего сердца и утробы и Дающего молитву молящемуся. Молись, но смиренно; к чему и невольно понуждает нас парение помыслов. Понуждать себя надобно не к одной молитве, по слову св. Макария, но и ко всякой добродетели. Ты находишь в себе грех к смерти леность; а гнев и ярость не в том же ли ряду стоят?”

Предложим здесь далее и иные советы приснопамятного старца Макария на некоторые часто бывающие случаи. Так, писал он о скорбях или неприятностях, бывающих от других: “От послушания

* Письма старца Макария к монахиням. Часть 4. Письмо 1.

отказываться тебе не советую, а случающиеся при оном неприятности с самоукорением и смирением переносить. Те, которые мнятся тебе быть враждебными, суть твои благодетели. Они смотрением Божиим показывают тебе твое внутреннее устройство, чтобы ты исцелилась от страстей твоих. И старайся не иметь к ним залогственного немирства. Но когда оное явится в тебе, тотчас самоукорением и покаянием исторгай оное и молись за них*. А если оставишь все, думая уединением исцелиться, то ошибаешься. Оно только умножит в тебе самомнение. Старайся удерживать себя в сообществе от празднословия и суесловия, но в случае поползновения скорей заирай себя, приноси покаяние и смирайся”.

Еще: “Многи скорби праведным, и многи раны грешному,— Святый Дух усты Давидовы глаголет. Кто же без скорби из нас? От нищего и до носящего диадиму не найдешь здесь совершенно мира и спокойствия. И все оное Господь посылает каждому в свое время и по мере потребности для него, чтобы здешним скорбным путем привести нас в Царствие Небесное. Скорбями очищаются грехи, предотвращаются (люди) от грехов, и испытывается вера наша. Кто ж похвалится не иметь греха? А потому мы и есмы должницы Богу. Люди же, нас оскорбляющие, не сами собою делают, а попушением Божиим; и потому они суть орудие Божие... Что ты пишешь о действиях против тебя сестер, желающих тебя очернить,— пусть будет правда: они делают неправду; а между тем, неправда их соделывает в нас Божию правду. Понимаешь ли это? И Давид не велел убивать Семея, хулившего его, а сказал: “Оставьте Семея кляти Давида; Бог велел ему кляти Давида”. “И ты так поступай, говоря себе: “Бог велел им оскорблять меня, чтобы грехи мои простить”. Ты говоришь, что находишься в безотрадном состоянии духа. Но если будешь так делать, как учат св. отцы: то получишь и утешение. И старайся видеть себя хуже всех. Эта азбука для нас очень нужна и полезна. Кратко скажу: когда виним себя, то скорби избавляемся; а если виним других, то умножаются и продолжают-ся”.

О хульных помыслах:

“Пишешь, что, как легкое облако, находит неверие о Боге и о будущем. Этот помысл причисляется св. Димитрием к хульным помыслам. Ибо в них наша воля не соглашается, а только враг наводит на помысл неверия. Человек этого не хочет и не виноват; а думает,

* По наставлению преподобного аввы Дорофея, молиться за ненавидящих и обидящих нас должно так: Спаси, Господи, и помилуй раба Твоего, брата моего или сестру — (имярек), и его или ее ради святых молитв помилуй и меня, грешного или грешную.

что виноват, смущается и сим больше веселит врага и дает ему повод к приступу. А когда будешь презирать это и не считать за грех, то и он постыдится и отыдет. В этом подает ему повод и осуждение других. Испытание Нифонта было другого рода к увенчанию его; а это — иное”.

Доказательство истинности православной веры:

“Доказательство правой нашей веры мы видим на многих вещах и действиях: после исповеди получаем успокоение совести — отчего это? А не исповедавая — чувство мучения — отчего? Видим мощи св. угодников и бываемые от них чудеса. Кем содеваются от чудотворных икон чудотворения? Кто производит сие? Все это действует Бог, давший нам Слово Свое к познанию Его в воплощении и искуплении нас от заблуждений. Кто для тебя услаждал чтение, когда читала св. Варсануфия книгу? Бог! Весь мир исполнен чудес Божиих. *Дивны дела твои, Господи! Вся премудростию сотворил еси* (Пс. 103,24)”.

О мире душевном и смущении:

“Видишь сама; где что делаем с покорностию воле Божией, там и мир ощущаем; а где мир, там и Бог. Господь наш Иисус Христос сказал Своим ученикам: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14,27). Вот чей мир! А что тобою написано в начале письма, то сама ты сознаешь, что написала бред расстроенной души, то есть смущенной, а где смущение, там есть действие вражие. Это должно быть тебе вперед уроком — не вдавать себя в подобные смутительные мысли, еже есть Вавилон, куда отводит враг плененную им душу, подобно Навуходоносору, уведшему иудейский народ из Иерусалима в Вавилон и там их угнетавшему порабощением разного рода”.

О покаянии и причащении Св. Христовых Таин:

“Желаешь поговорить и неосужденно причаститься Святых Христовых Таин. Самое нужнейшее к оным приуготовление — оставлять ближним согрешения их, по слову Господню: *“Аще оставляете ближним согрешения их, и Отец ваш Небесный отпустит вам согрешения ваши; аще ли не оставляете им согрешения их, то ни Отец ваш Небесный отпустит вам согрешений ваших”* (Мф. 6,14,15); и иметь мытарство смирение. Так бывает истинное покаяние! И во смирении нашем помянет нас Господь и пошлет свою помощь в делах наших, при нашем благом произволении.

На вопрос твой о исповеди подробно скажу: святые отцы не советуют грехов чувственности изъяснять подробно, чтобы памяти подробности не осквернять чувств; а сказать просто образ греха. А прочие грехи, наводящие стыд самолюбию, должно прояснять подроб-

нее, с обвинением себя. Когда же ты получишь после исповеди успокоение совести, то должна видеть в сем милость Божию, призревшую на твое покаяние. А ненавидяй добра диавол наводит смущение, что “не так сказала” и прочее. Отражай оное надеждою на милосердие Божие. При исповеди надобно пояснять все свои грехи, кроме разве когда забудешь, а не поверхностно говорить; ибо не исповедаемый грех и не разрешается; разве что по забвению не изъяснишь. После исповеди надобно блюсти себя от греховных действий. Но если и случится на кого оскорбиться или зазреть кого: в этом, примиряся с оскорбившим, быть спокойным; а за зазрение — самую себя зазреть и укорять, дабы не беспокоить старца. А если прилучится удобный случай видеть его, то, по мере греха и чувству совести, можно сказать ему оный вкратце. Писать можно грехи свои, соображаясь с нашею исповедию; ибо мы в течение времени, после исповеди, много согрешаем и забываем. Главное в исповеди — надобно иметь сердце сокрушенно и смиренно, которое Бог не уничтожит. И ежедневно надобно иметь испытание самих себя и укорять себя; за содеянное нами приносить перед Богом покаяние — что и читаем в третьей молитве на сон грядущим. Ты просишь дать тебе епитимию, но поколебалась моим молчанием. Какую ж дам тебе епитимию? Надобно, чтобы она была противоположна грехам. Ты пустословишь, осуждаешь, желаешь наказания той особе. Вот тебе епитимия: оставь сии твои действия; уклонись от зла и сотвори благо. А касательно дел, то не наше дело входить в суд. Кто что сеет, то и пожнет. Надобно желать всем покаяния и в разум истинный прийти”.

Еще писал старец об исповеди к иному лицу: “Говоришь, несть такого греха, его же не сотворих. Это слово совсем неприлично. Есть грехов много таких, которых ты не сотворил: церковь не окрал, не зажигал, бунтов не делал, смертоубийства не сотворил... и много найдется таких грехов, которых ты не делал. На что же на себя так клеветать? Пользы никакой нет; а надобно болезновать сердцем о тех, которые мы соделали, хотя и каялись; но все считать надобно себя грешным и иметь сокрушение сердца. *А сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничтожит* (Пс. 50, 19). Да и в настоящее время мы должны видеть свои грехи, по слову Петра Дамаскина: “яко песок морской; и это есть начало просвещения души и знак здравия ее; и вкратце, душа бывает сокрушенна и сердце смиренно, и меньше всех вменяет себя в истинну, и не дерзает кого уничтожить или осудить”.

О причащении Святых Таин к одной монахине старец писал: “Когда приступаешь к Божественной Трапезе и ощущаешь умиле-

* Выдержки заимствованы из 1-й части писем старца Макария к монахиням.

ние и слезы, то, конечно, это есть посещение Божие. Потому-то надобно приступать со страхом, верою и любовью и опасаться принимать помыслы тщеславия, и отвергать боязнь, что будет в это время страстное движение. От самого сего страха оно и может случиться. Однако и на это есть покаяние со смирением. Когда в нас есть залог самосознания и смирения, то не можем пострадать ничего подобного, а когда *с наблюдением* (Лк. 17,20) ищем в себе чего-то высокого, утешительного и увлекаемся тщеславием, то отъемлется утешение и умиление, а освящение не отъемлется. *Верою бо ходим, а не видением* (2 Кор. 5,7). Ты сама понимаешь, что за тщеславие и заносчивость ума и гордость, во всяком случае, лишаемся душевного утешения. Но и оно не всегда нам полезно; и на место оного является искушение и духовный крест, обуздывающие наше мнение. Прочти у св. Исаака 78-е и 79-е слова”.

При оценке писем старца Макария не имелось в виду делать подробный обзор их, а только желалось показать, как многосодержательны, преназидательны и притом проникнуты глубоким смирением эти писания великого старца. И таких писем напечатано шесть томов, заключающих в себе более 2000 исполненных мудрости духовной писаний, исключая трех приложений в конце книги к монахам. При всем том и доселе остается еще немало собственноручных писем старца Макария ненапечатанных, хранящихся в скитской библиотеке. Таковы, например, письма к Константину Карловичу Зедергольму (впоследствии скитскому иеромонаху Клименту). Лучшую оценку писем старца Макария дает известный святитель, Вышенский Затворник, покойный епископ Феофан. Так он писал к одному лицу: “Пишете, что вы читаете все письма Оптинского старца Макария. Благословенные книжки его! Глубокий веет от них дух смирения и навевает его на всякого читающего. Перечитывайте чаще. Не мешает выписки делать, чтоб в случае нужды подогреть дух смирения, из всех духов самонужнейший”*.

* Собрание писем епископа Феофана. Выпуск 4-й. М., 1899, с. 211.

Глава XVII

Взаимные отношения старца Макария и господина Д.Л. с семейством

е менее назидательны были и устные беседы богомудрого старца батюшки о. Макария. Для примера, кроме вышеприведенных бесед, предлагается здесь боголюбивым читателям рассказ господина Д.Л., в котором предварительно говорится и о том, как Промысл Божий направил сего раба Божия с его супругою к богомудрому старцу. Рассказ предлагается подлинником. Заглавие его таково: “Воспоминания о старце Оптиной Пустыни иеросхимонахе Макарии”*.

Вот самое сказание:

“Пусть извинят меня,— пишет Д.Л.,— если начало рассказа моего покажется кому-либо несколько далеким от дела. Я не могу не начать его так. Мне нужно показать, что послужило мне поводом к знакомству с одним из великих старцев Руси Православной, который впоследствии стал моим наставником в деятельности христианской, моим отцом духовным, усердным молитвенником пред Богом, у престола Коего предстоит он ныне в венце праведника... Итак, несколько слов о самом себе. Я — русский помещик и, по милости Божией, женат. Оба мы получили современное, по-тогдашнему, образование. Но, воспитанный покойною моею матерью, я уберег в душе моей искру страха Божия; и ни студенческая жизнь, ни гусарская служба, ни столичные развлечения не погасили ее во мне. Правда, подобно другим, и я редко посещал храмы Божии, забывал утренние и вечерние молитвы, любил театры и разные другие общественные увеселения; но бывали минуты, когда в душе моей неотразимыми упреками заговаривала совесть, и я с глубоким вздохом сокрушения о моем окаянстве обращал мысль мою к Тому, Кто сказал: *Не хочу смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему* [Иез. 33,11].

* Заимствован из “Домашней беседы”, издававшейся в прошлом, XIX, столетии Виктором Ипатьевичем Асоченским. 1862, выпуск 12, марта 24.

Однажды случилось мне проехаться по делам своим в разные места. Это было в сырую и пасмурную осень. Грязь была невылазная. К тому же и положение дел моих не слишком радовало меня. Естественно, поэтому я был в самом дурном расположении духа. Жена, встретив меня на пороге моего дома, сказала, что к нам собралось несколько знакомых. Не до них мне было, но, делать нечего, я переоделся и вышел в залу. Поздоровавшись с гостями и усевшись вокруг шипящего самовара, мы повели разговоры о сене, о гречихе и других предметах, “вызывающих на размышление”. Беседа наша час от часу становилась шумнее: посыпались анекдоты и рассказы про разные деревенские случаи. Вдруг докладывают, что в прихожей дожидается какой-то монах. После нескольких секунд колебания решено было принять неожиданного гостя. Вошел инок и, помолясь пред иконами, объявил, что он иеродиакон Оптиной Пустыни К. После обычных приветствий он объяснил причину своего приезда, что, дескать, послан от обители для сбора dobroхотных подаяний на нужды монастырские. Было уже поздно. Я и жена предложили ему переночевать у нас. Монах согласился. Затем мы стали продолжать прерванную беседу и скоро вошли в обычную колею толков и пересудов. Нас немножко стесняло присутствие монаха, и потому мы старались вести речь больше на французском языке. Монах молчал. Чувствуя неловкость нашего положения, мы пробовали как-нибудь втянуть в общий разговор и гостя. Как там оно случилось, не помню, но только речь наша коснулась вопросов религиозных. Поднялись сначала легкие, а потом более серьезные споры. Монах все молчал. Наконец, когда я, чтобы прекратить неуместную полемику, заговорил несколько в тоне поучительном, гость прервал свое молчание. Частию из любопытства, частию из учтивости, все наше общество перестало спорить и внимательно прислушивалось к скромной и простой речи инока. Довольно говорил он. Откланявшись затем, он вышел от нас в отведенную ему комнату. Мы тоже недолго оставались вместе. Через час каждый из нас отправился на покой с думами далеко не теми, какие были у всех нас при начале вечера.

На другой день инок, получив от нас посильное приношение, уехал. К завтраку мы собрались, как и вчера, целым обществом; но уже не тот был у нас разговор — все как-то не вязалось, не клеилось. Пробужденная совесть простым, но сильным словом инока не давала покоя. Что прежде казалось нам пустым и ничего не значащим, то теперь получило для нас смысл и выпукло стало пред открывшиеся наши очи внутренние. По крайней мере я так чувствовал. До борьбы с грехом было еще далеко; но сознание своей

порочности уже явилось. Образ жизни пошел по-прежнему, но спокойствие духа уже было нарушено.

На следующий год опять посетил нас тот же о. К. Мы обрадовались ему, как давно знакомому, и упросили пробыть у нас целый день. Мы и не заметили, как прошел этот прекрасный для нас день. Так много было сладостного в беседе человека, напитанного духовною мудростью опытных подвижников жизни духовной! Очень естественно, что мне и жене моей захотелось побывать в Оптиной Пустыни и познакомиться с тамошними подвижниками, особенно со старцами — иеромонахом о. Леонидом (в схиме Львом) и иеромонахом о. Макарием, о котором о. К. рассказывал нам много интересного. Впрочем, проект наш на этот раз остался только проектом. Уже на другой год мы с женою исполнили наше сердечное желание и прибыли в Оптину Пустынь, помнится, в конце сентября. Остановившись в монастырской гостинице, мы послали за нашим знакомым о. К. Он не замедлил явиться и, повидавшись с нами, пошел и привел с собою о. Макария. Первая наша встреча со старцем, против нашего ожидания, не имела ничего особенного. Припоминая себе рассказы о. К., мы думали встретить подвижника с особенным выражением в лице, с особенными приемами. Оказалось, что это был простой, обыкновенный монах, чрезвычайно скромный, неразговорчивый и к тому же еще косноязычный. Я положительно был разочарован. Но жена моя, несмотря на свою светскую бойкость, с первого раза почувствовала какой-то безотчетный страх, смешанный с благоговением; а в следующие его посещения привязалась к нему всей своей душою. Отговев и приобщившись Св. Таин, мы воротились в деревню; а чрез несколько времени выехали в Петербург.

Это была пора или, как говорят, сезон общественных увеселений. Спектакли, балы, маскарады, вечера не давали отдыха великосветским людям. Не каждый день, но, однако ж, и мы посещали театры, бывали на балах. Только, странное дело! Как-то беспокойна уже была совесть; и звон колокола, благовестившего ко всенощной, пробуждал в душе чувство, похожее на стыд и угрызение, когда уже решено нами было схать в балет или оперу. Нарушение поста тоже перестало казаться нам делом неважным. Мы начинали понимать, что живем не так, как того требует Православная Церковь. Перед встревоженными взорами души неотразимо стоял старец со своим спокойным взором, со своею умоляющею речью...

В следующую осень мы опять посетили Оптину Пустынь. О. Макарий был уже обходительнее и откровеннее с нами. Он подробно расспрашивал нас о нашем житье-бытье, говорил о Петербурге и

встречающихся в нем на каждом шагу искушениях. Когда я признался в смущениях, которые так безотвязно преследовали меня среди столичных развлечений, о. Макарий заговорил так, как никогда до того не говорил с нами. Жадно ловили мы каждое слово подвижника и по уходе его, соревнуя друг с другом, записали чудную речь старца Божия: “Всякий человек,— говорил о. Макарий,— создан для того, чтобы, живя, славить Бога. Создан он хорошим, но по времени, увлекаемый страстями телесными, ниспадает в состояние греховное. Однако никогда не поздно всякому грешнику возвратить себе первобытное состояние. Покаяние и старание исполнять заповеди Божии — вот вернейший путь к милосердному Господу для каждого. Христианину обязательно ежечасно обращаться к Богу и полагать начало исправления духовного своего бытия. Никто не должен смущаться своим греховным состоянием. *Несть человек, иже поживет и не согрешит* [2 Парал. 6,36]. И чем греховнее человек, тем сильнее будет помощь Божия для возведения его из тины греховной. Но помощь Божия бывает тогда лишь, когда грешник с сокрушением сердца кается, имеет произволение исправиться и, не видя в себе столько сил душевных, чтобы самому собою отторгнуться от дел греховных, ищет помощи Божией. Тут-то часто бывает видимое милосердие Господа, *не хотящего смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему*. Но ни в каком случае не должно ни на минуту отлагать начало своего исправления; и ежели голос совести возбуждает в нас чувство угрызения или раскаяния, то должно усердно молить Ангела Хранителя жизни человеческой, да сохранит он нас от тлетворных падений и да поможет нам *работати Господеву со страхом и трепетом* [Пс.1,11]”.

Как однако ж вяло слово человеческое, когда оно укладывается в размеренные строчки и обусловленные знаки, прозванные буквами! Доселе чувствуется сердцем та невыразимая сладость, та непобедимая сила речей о. Макария, которыми он тогда потряс все существо наше... Вся пошлость жизни светской встала перед нами во всем своем безобразии. В груди стало тесно от накопившихся слез, которые неудержимо потекли потоком из глаз моих. Да, мы плакали, и сладки были эти слезы глубокого раскаяния в грехах! О. Макарий утешал нас словами Св. Писания и писаний отеческих. И, Боже! Как много было в речах его этой врачующей елейности! Какая чудная заря не вечернего дня Христова поднималась тогда из-за туч наших грешных душ!.. О. Макарий посоветовал нам поговеть и, благословив нас, пошел в другие номера гостиницы для назидания и поучения посетителей, которые жаждали его внушающего слова.

Мы сами видели, как встречали его на дворе гостиницы. Ему кланялись в ноги; теснились, чтобы принять благословение, и крестились от радости, получив его.

Во все время приготовления нашего к исповеди и Св. Причащению, старец ежедневно навещал нас и назидал духовно. Мы раскрывали перед ним все наши помышления. Как-то раз зашла у нас речь о постах. Признаться, я боялся сказать ему о своей виновности в этом отношении, опасаясь услышать строгий выговор за нарушение постановлений Церкви. Вышло совсем не так. О. Макарий кротко заметил нам, что это дурно, нехорошо, что в Церкви на то и существуют разные постановления, чтобы мы, как дети ее, соблюдали их со всею строгостию, что они обязательны для всякого, невзирая ни на какие условия обыденной жизни. И все это говорил он так мягко и ласково, что у меня явилась смелость спросить его: “А можно ли в случаях нужды, например, в дороге, в гостях, вообще, где неудобно найти постную пищу, разрешать на скоромную?” О. Макарий, улыбнувшись, отвечал мне на это: “Могу ли я, иеромонах, разрешать то, что запретила Церковь? Нет, я бы попросил вас, хоть из любви ко мне, начать соблюдение постов”. Мы решились послушаться. Сначала трудненько было, а после привыкли; и теперь, благодаря Бога, не чувствуем в этом никакой тягости.

Разговаривая с о. Макарием, я как-то сказал ему, что, живя и вращаясь в свете, случается, что вдруг, ни с того ни с сего, понравится какая-нибудь девица. Слово за слово, и привяжешься к ней, да так, что после находишься необходимым из опасения ревности скрывать это от жены. Даже на молитве и в храме Божиим все думаешь о ней да о ней. Конечно, с течением времени эта привязанность сама собой проходит и забывается; а все-таки... “Да,— со вздохом сказал о. Макарий,— вам, людям светским, такая ветреность кажется пустою, незначащею; а между тем, в ней кроется страшное зло, влекущее за собою бездну бед и напастей и окрадывающее вашу духовную сокровищницу. Спаситель прямо говорит: *Всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* [Мф. 5,28]. Видите — вы только взглянули с вожделением, а грех уже совершен, и заповедь Господня нарушена. А с житейской-то точки зрения сколько горьких скорбей влекут за собою подобные пристрастия! Вот вы теперь, как я вижу, живете счастливо и спокойно в вашем семейном быту: любите жену, и она вас любит, откровенны с нею; вы имете в ней друга, который искренно участвует в ваших скорбях и радостях. А лишь только в сердце ваше проникнет помысл об измене, искушитель тотчас схватится за него и повлечет

вас с такою силою, что трудно уже будет остановиться и воротиться к священному вашему долгу. До падения тут уже недалеко, а совершилось оно — все тогда расстроилось! В жене вашей, если она верна вам, вы будете иметь скорее врага, чем друга; вместо любви вы начнете питать к ней ненависть, вместо утешения вы будете видеть в ней помеху удовлетворению вашей грубой нечеловеческой страсти. Вы и не заметите, как станете незаконным врагом вашей законной супруги. Что за горькая будущность такой жизни! Но это еще здесь; а что там, за гробом?.. Страшно, страшно грешнику *впасти в руце Бога живаго*. [Евр.10,31.] ”

— Научите же, батюшка,— сказал я,— как сохраниться от страстных увлечений вообще и от соблазняющих помыслов дома, на молитве и даже в церкви?

“Начало всех этих искушений,— отвечал старец,— есть гордость. Вообразит себе человек, что он живет благочестиво, нимало не рассуждая о своей греховности да иногда еще и осуждая других. Вот Господь и попустит действовать на него козням врага. Будьте внимательны к своему образу жизни. Поверяйте вашу совесть; и вы всякий раз невольно будете приходить к тому убеждению, что вы еще ни одной заповеди не исполнили, как следует христианину. Рассуждая таким образом, вы ясно увидите ваши немощи душевные, которые влекут за собою и плотские падения. Чтобы избавиться от этих падений, должно приобрести смирение. Что же касается до греховных помыслов в церкви и дома на молитве, то этим смущаться не должно; ибо это исходит не от вас, а от врага. Вы же старайтесь не коснеть в этих помыслах, а скорее обращайтесь к Богу с молитвою: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного”. Вот вам пример. Когда родители идут с маленькими своими детьми гулять: то обыкновенно детей пускают вперед, чтобы не выпускать их из виду. Вдруг откуда-нибудь из-за угла выбежит собака и бросится на детей. Что они делают? Сейчас же бросаются к родителям с криком: “Папа! Мама!” Они с детскою простотою, с чистой верой ожидают помощи от родителей. Так и вы, на пути вашей временной жизни, ежели искуситель наш диавол и начнет кознодействие, не смущайтесь и отнюдь не помышляйте обороняться своими собственными средствами, но с детскою простотою спешите к Отцу Небесному с воплем: “Господи! Я создание Твое; помилуй меня!” Наконец, скажу вам и то,— прибавил старец,— что, по моему разумению, трудно сохраниться от соблазнов, живя в больших городах. Как устоять человеку, еще слабому в деле духовного делания, против искушений современного света! Заметьте, что настоящее светское общество состоит частью из людей иноверных, частью из хрис-

тиан хоть и православных, но, по слабости их, так увлеченных обычаями света, что они православны лишь по имени, а в сущности далеко уклонились от истинного Православия. Трудно бороться со страстями, но несравненно труднее устоять против постоянных соблазнов. Наконец, роскошь, следование за модой, самые потребности жизненные — все это так дорого, что какого хотите состояния мало для удовлетворения всем требованиям света. Вот вы сами говорите, что ваши денежные дела в расстройстве; а как поживете подольше в деревне, средства-то ваши и поправляются. Да это ли одно? Душа человеческая, как существо бессмертное, не может оставаться в одном и том же положении: она или улучшается, или ухудшается. Очень немудрено, что при тихой деревенской жизни, конечно, при помощи Божией, и духовное ваше устроение должно хоть сколько-нибудь улучшаться”.

И много говорил мудрый старец такого, что глубоко запало в душу, жаждавшую слова правды. Никогда в жизни моей не ощущал я такого усадительного спокойствия, как в эти незабвенные минуты беседования с благодатным подвижником. Все помыслы стремились к одному твердому намерению положить начало жить, как следует православному христианину. Слова старца, как роса небесная, ложились на иссохшую землю сердца; и чулось, как внутри его начинало прозябать зерно сладкого упования, что и для меня не закрыт путь спасения, путь к блаженной жизни, что и я могу быть христианином не по одному названию. Все мои житейские планы получили другое направление. Я намеревался совсем покинуть зимние поездки в города, потому что после этих беседований и мне, и жене моей решительно опротивела городская шумная жизнь. Мы как будто в первый раз увидели логичность той простой истины, что гораздо будет разумнее привести свои дела в порядок вдали от света и вместо того, чем проживаться, например, в Петербурге, иногда пополам с нуждою, жить безбедно и даже со всеми удобствами в деревне.

В таком настроении чувств и мыслей воротился я домой, усердно занялся хозяйством и стал жить, по возможности следуя советам о. Макария. Наступила Филипповка. Я стал строго держать пост. Но увы! Плоть, похотствующая на дух, скоро взбунтовалась против святого постановления Церкви. Сначала колебание, потом разные думы и размышления, наконец, даже досада на старца Божия, возмущившего, как мне казалось, спокойствие моей совести, решительно расстроили меня. В таком раздраженном состоянии духа я как-то резко сказал жене, что мне надоело жить в деревне, что, собравшись с деньгами, я положил ехать в Петербург, куда, действительно, звали меня родные. Жена выслушала меня

спокойно, но потом мало-помалу принялась отсоветовать мне поездку. Она умоляла меня хоть на этот раз послушаться о. Макария; но я-таки настоял на своем и сказал решительно, что едем в Петербург в первых числах декабря. Оставалось дней пять до отъезда. Мне что-то не поздоровилось. Вообразив себе, что это от постной пищи, я приказал готовить себе скоромную. Но в первую же ночь после нарушения заповеди, когда все в доме уgomонилось, оставшись один, я почувствовал какое-то беспокойство, похожее на угрызение совести. Самовольное разрешение на скоромную пищу, а главное — ропот на о. Макария и преслушание любвеобильного его совета преследовали меня неотразимо. Я не спал почти всю ночь. Утром я рассказал об этом жене. Она снова начала упрасивать меня отложить поездку, но опасение показаться бесхарактерным не позволило мне согласиться на ее представления. Кончилось тем, что после долгих споров мы положили послать нарочного в Оптину Пустынь с письмом к о. Макарию и просить его благословения на поездку в Петербург, объяснив и причину тому. Я принялся писать, но странно! Вместо того, чтобы приступить прямо к делу, я, по какому-то неудержимому чувству своей виновности, писал вовсе не то, что думал писать, принимаясь за перо. Вот что написал я:

“Долго думал я, как начать письмо мое к вам, благодетель и покровитель души моей, батюшка отец Макарий! Случалось мне красно выражаться в сочинениях светских; но недоумею выразить того, что чувствую в настоящую минуту. Умоляю вас принять и обратить внимание на мое послание. Виноват перед вами, виноват перед Господом. Простите ради милости христианской. Свежо сохраняются в памяти моей ваши благие советы; но, увы! — почти ничего из них не исполнено. Очень горько мне, и крайне смущает меня, что не исполнил я ваших приказаний. Я со страхом решаюсь писать вам; но письмо мое состоит из верного описания моих греховных действий и помышлений. Я по делам моим решился ехать в Петербург без вашего благословения. Я сетовал на вас, что вы не советуете поездки в столицы. Наперед прошу вас простить меня как наигрешнейшего сына Церкви. Сознаюсь вам, я и теперь боялся писать о неисполнении советов ваших; даже тяготился ими, помышляя так: ведь я не монах и не могу оставить мира! Наконец, и теперь не оставляет меня мысль, что вы воспретили мне поездки в столицы и мирские увеселения. Все описанное сильно тревожит мою грешную душу; но более всего боюсь что-либо утаить от вас. Усерднейше прошу почтить меня ответом. Жена моя и проч.”

Письмо было наскоро переписано и отправлено. Когда нарочный уехал, я стал перечитывать брульон (чернетку) и пришел в необык-

новенное смущение. Мне сделалось так досадно и на себя, и на жену, и на о. Макария, что я готов был послать в погоню за нарочным и воротить его; и послал-таки, но посланный вернулся ни с чем. Я просто был вне себя от досады и тогда только успокоился, когда получил от о. Макария ответное письмо. Вот оно:

“Достопочтеннейший о Господе! В письме вашем сознаете вы в некоторых случаях неисполнение должного, называя оные моими приказаниями. Но что я значу? И могу ли что кому приказывать? Да без вопроса не могу ни к кому и ни о чем советовать. А кто о чем вопрошает меня, я, молясь тогда, призываю Бога в помощь, что, кому и как должно говорить, но не приказывать, а давать совет, согласно с заповедьми Божиими и постановлениями Церкви. За неисполнение оного я не могу требовать отчета или взыскания, ибо я не от себя советую; а всякий должен поверять совесть, в чем согрешил пред Богом, и приносить покаяние с намерением положить начало исправлению. Вы боялись мне сознаться, помышляя, что вы не монахи и не можете оставить мира и что я воспрещаю вам поездки в столицы и мирские увеселения. Это как же? Какое право я имею воспрещать вам? Но должен сказать не как монаху, а как христианину, учение св. апостола: *Аще кто хочет быти друг миру, враг Божий бывает*[Иак.4,4]. И паки: *Не любите мира, ни яже в мире, аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем, яко все, еже в мире, похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть*[1Иоан.2,15]. Видите, что есть мир, которого дружба поставляет во вражду с Богом,— не люди, но страсти, которым мы подвергаемся из подражания миру и свету. Не подумайте, что, написав вам это, воспрещаю вам обращаться с миром, но я только предлагаю вам учение апостолов в предосторожность. Вы имеете самовластие, разум и закон. Могу ли я понудить самовластие, разум, рассуждение и волю? А вы можете избирать — что хотите, благое или сопротивное”.

Прочитав несколько раз письмо старца, я не знал, — что предпринять. Но когда мысли мои пришли в нормальное состояние, взволнованный дух успокоился, тогда я взвесил на весах моего разума истины, предложенные о. Макарием. Какая логически верная правда, что суетная дружба с миром поставляет нас во вражду с Богом! Очень ясно, что не люди, а страсти наши, которым мы так легко подвергаемся из подражания свету, беспрестанно увлекают нас к падению. Кто из нас, поверив свою совесть, не сознается, что если не совсем невозможно, то очень трудно удержаться от подражания светским, не совсем-то православным обычаям! Возможно

ли сохранить чувство целомудрия в обольстительно-изысканном балете? Явится ли сокрушение духа после крикливой оперы или смирение после потешного водевиля? Соображая все это, я чувствовал, как сердце мое сжималось какою-то тягостною тугою; во взволнованной душе поднимался вопрос о смертном часе. Ужас объял меня, и я: *чаях только Бога, спасающего мя от малодушия и бури*[Пс.54,9]. Вспомнились мне в эти минуты слова старца о детях, гуляющих под призором родителей, и, смущенный духом, я думал с детскою простотою обратиться к Богу с испрошением Его помощи. Но где же взять простоты-то детской? Она чужда растленному человеческому сердцу; она подавлена кичливым разумом и безмерным самолюбием. Делать было нечего, приходилось обратиться за помощью к смиренной мудрости старца Божия. Мы так и сделали: вместо поездки в Петербург отправились в Оптину Пустынь.

С каким-то замиранием сердца взъехал я на двор монастырской гостиницы. Было около трех часов пополудни. Лишь только отвели нам квартиру, вошел к нам о. Макарий, бывший в ту пору на гостинице. Благословив и приветствовав нас, он сказал шутливым тоном: “Видите, какой я страшный! Вы за сто верст и то меня боитесь. А я, ежели правду сказать, радуюсь и благодарю Бога за вас. Ведь вы не меня боитесь; а вас пугает, что живете-то нехорошо. Не смущайтесь, однако же, этим. Господь вам поможет. Полагайте начало вашего исправления. Имейте только произволение благое, а уж Господь устроит ваше спасение. А ежели я не искусен и не сумел научить вас так, чтобы вы не смущались, то в этом простите Бога ради и не посетуйте на меня. Ведь я тоже человек, такой же грешник, как и все люди, даже грешнее многих, очень многих. Ежели и вы что-нибудь помыслили или сказали обо мне что-либо худое, то забудьте и не думайте об этом. Мы — христиане. Каждый из нас обязан, прощая друг друга, понести немощь братскую, по словам апостола: *Друг друга тяготы носите, да тако исполните закон Христов*[Гал.6,2]. Успокойтесь, прошу вас, и будьте мирны”. Поговорив еще немного, о. Макарий ушел. Оставшись один, я подумал: что за чудеса такие! Несколько недель душа моя была в непрерывном волнении. Мысли беспрестанно менялись и порождали в сердце то злобу, то досаду, тоску, беспокойство; и вдруг после его ласковых, исполненных христианской любви слов вся эта буря духовная миновалась... Неужели это от воображения? Отчего ж, однако, никто другой никогда не производил на меня такого влияния, как этот простой монах? Ведь это же не сказка, что я назад тому сряду несколько недель был нездоров душою, почти ни

одной ночи не спал покойно; и вот теперь чувствую, как будто на свет родился. Нет, поневоле придешь к тому убеждению, что тут есть *божественная благодать, всегда немогущая врачующая*, что она у врачевала меня при молитвенной помощи старца, что вместе с ним явилась ко мне всесильная помощь Божия и изгнала из души моей скорбь, замирание сердца заменила какою-то тишиною, пролила во все существо мое легкость, мир и спокойствие. Нет, старец Божий,— сказал я решительно,— теперь уж не отстану от тебя и, насколько сил моих хватит, буду исполнять все твои советы!

В течение нескольких дней, проведенных нами в Оптиной Пустыни, вот что преимущественно сохранилось в моей памяти. Когда у нас зашла речь о последнем письме старца, по которому я и приехал в обитель, о. Макарий сказал: “Помните, я писал вам, что вы имете самовластие, разум и закон. Рассудите здраво: вам дана воля жить, как вы хотите; дан всем нам закон, как обязаны мы жить; и наконец — разум, чтобы понять закон и видеть, как управляем мы нашею волею. Сообразны ли с уложениями закона по воле нашей творимые дела? Что преобладает нами — твердое ли намерение исполнять заповеди или лукавый и вместе с тем заманчивый соблазн житейских наслаждений? Кто в состоянии устоять сам собою против искушений вражиих? Кто, плывя по житейскому морю, не знает бурных напастей на зыбких волнах? А между тем, каждому из нас надо стремиться к тихому пристанищу, возводящему от тли ко Господу, Который призывает всех труждающихся и обремененных, обещая упокоить их. Помните, что все мы здесь временны, и никому не известно, когда предстанем пред Господа славы. Но ведайте, что в чем нас застанут, в том и судить будут. И ежели мы наше самовластие употребим во зло и разумную волю нашу не покорим закону, повторяю — страшно будет грешнику впасть в руки Бога живаго! Не подумайте, чтобы я вам предлагал убегать общения со светом или чуждаться знакомства с добрыми и хорошими людьми. Нет. Всякий человек должен жить там, где Господь определил ему жить. Вы — человек светский; вы — член вашего общества. Не чуждайтесь же его, но старайтесь жить благочестиво, никого не осуждая, всякого любя; во всех житейских столкновениях укоряйте себя, стараясь извинять другого. Если же кто вас чем оскорбил: то помышляйте, что это попущено Богом, дабы испытать несколько ваше христианское терпение. Поминайте чаще величие Божие и свое убогое ничтожество. Будьте внимательны к своему деланию и не допускайте в себе мысли о вашем достоинстве, подобно фарисею, но почаще повторяйте молитву

мытаря; читайте книги старческие, выпишите себе духовные журналы. Это будет занимать вас и утверждать в духовном делании”^{*}.

Когда я обжился в деревне и познакомился ближе с соседями, прошел слух, что меня хотят назначить на службу по выборам. Крепко не хотелось мне закабалить себя на несколько лет, не предвидя в этом ничего, кроме стеснения в жизни и лишения себя свободы. Увидавшись с о. Макарием, я обратился к нему с вопросом, как он мне посоветует поступить в этом случае. “Не должно искать или просить,— отвечал он,— чтобы вас избрали в какую бы то ни было должность; но ни в каком случае не должно и отказываться. Ибо не совсем добросовестно уклоняться от служения обществу, тем более, что ежели жребий служения падет на вас, то это, конечно, не без Промысла Божия, которому каждый из нас со смирением и любовью должен покоряться. Наконец, ежели никто из благонамеренных и способных людей не захочет служить: то поневоле место его займет какой-нибудь малознающий или, того еще хуже, человек с малыми средствами к жизни, который иногда будет не в силах устоять против искушений денежных, могущих встретиться на службе. Вами же выбранный человек начнет брать взятки, судить пристрастно; а вы приметесь его бранить, осуждать да сердиться на него, а кто виноват? Вы сами; потому что ленитесь служить, тогда как имеете все средства к тому, чтобы удержаться от каких бы то ни было незаконных доходов. Ведь вас не соблазнит мшелоимство?” — спросил он, устремив на меня свои добрые, в душу проникающие очи.— Не правда ли?” “Конечно,— отвечал я,— лично для меня это не опасно. Бывши в военной и гражданской службе, я никогда не имел никаких доходов; убежден и теперь, что никогда и впредь иметь их не буду”. “Ой, как вы нехорошо говорите! — почти со гневом перебил меня старец.— Какие у вас горделивые мысли! Как можно так самонадеянно говорить?! Неужели вы не знаете примеров, что бывали люди, о коих общественное мнение говорило, что они, в строгом смысле слова, честны; и не ошибочно было это мнение. Они действительно были безукоризненно честны, но когда доверили их распоряжению большие суммы: тут-то лукавый и попутал их. Горделивое самолюбие сказалося: страстная привязанность к житейским наслаждениям искуси-

* Но можно ли сказать это о духовных журналах нынешнего времени? Святитель Феофан, Затворник Вышенский, еще в 1876 году так писал в одном письме: “Что сделалось с нашею духовною ученостию? Все крадут у немцев. Хоть бы переделывали... а то нередко целиком... и не моргнут, а режут нелепости протестантские.” (Душеполезное чтение. 1910, февраль, с. 212).

** По другому чтению — многшеимство, то же, что излишняя забота о собирании богатств.

ла их слабые души; конечно, не без труда и не без угрызения совести решились они поклониться тельцу златому как средству для удовлетворения своих страстей, и пали они оттого, что их честность основана была на одном лишь самолюбии. Они были самонадеянно честны и притом боялись только света, не помышляя о будущей жизни и ответственности пред всеправедным Судиею живых и мертвых. Вам же советую о своих намерениях рассуждать без самонадеянности, но со смирением. Понятно, что вас не соблазнят сто рублей или тысяча, положим, даже больше этого; потому что по вашему состоянию подобная сумма не так еще важна. А ежели бы представился вам случай приобрести миллион, несколько миллионов, и приобрести их с надеждою, авось не узнают; что бы вы сделали? Я вам на это отвечу так: ежели обратитесь ко Господу, то Он поможет и сохранит от постыдного падения; а ежели понадеетесь на себя, то весьма немудрено, что впадете в преступление; от чего да сохранит вас Господь Бог и Царица Небесная!”

Раз как-то сказал я о. Макарию, что ко мне заехал монах со сбором для монастыря, что он держал себя неприлично своему званию, и манеры его для меня были неприятны, что я рассердился и с трудом удержался, чтобы не высказать ему этого. Отец Макарий задумался и потом сказал: “Попал к вам в гости наш брат монах и держал себя неприлично своему званию. Жалко его. А все-таки это случилось не без Промысла Божия, путеводящего всех нас. Почему вы знаете — может быть, Промысл завел его к вам для того, чтобы испытать, насколько у вас христианской любви и снисхождения к падшему во искушение человеку? Подумайте хорошенько, ваше ли дело осуждать его? Конечно, нет. Ваша обязанность — странного принять, успокоить его да по силе возможности подать ему. Знаете ли, что ежели вы пришедшего к вам примете во имя праведника, то и мзду праведнику примете. Ежели монаха, носящего на себе чин ангельский, достодолжно примете, то и за это мзды не лишитесь. А что монах чин свой носит несправедливо, в том за него ответственность не будете. Да притом вы видите только, как он погрешает; а известно ли вам, как он кается. Быть может, его раскаянию и Ангелы Божии радуются”.

Бывая в Оптиной Пустыни, я познакомился с одним из духовных детей о. Макария. Знакомцу моему случилось по делам своим заехать в нашу сторону. Верстах в тридцати от моего имения он сильно захворал. Узнав об этом, я тотчас же навестил его, принял на себя все хлопоты по делам его, ухаживал за ним как нянька, словом — употреблял все средства, чтоб быть ему полезным. Боль-

ной трудно поправлялся и, по приговору медиков, едва ли должен был встать с болезненного одра, но, к общему удивлению, он выздоровел и, приехав ко мне, вместо благодарности наговорил и наделал мне кучу неприятностей. Я страшно рассердился и если не наговорил ему дерзостей, то только из приличия и из опасения не наделать какого-нибудь скандала. Увидавшись после этого с о. Макарием, я рассказал ему все, что случилось, и горько жаловался на моего знакомого, не стесняясь нимало в излиянии моего гнева. Отец Макарий все слушал, да молчал. Мне стало досадно; замолчал и я. “Действительно,— сказал о. Макарий с обычною ему скромностью,— этот человек немного неосторожен, даже неучтив иногда, но что же мне с ним делать? Видите, каковы у меня духовные дети! Я иногда тоже бываю немирнен к нему и даже часто браню его. Что ж? И меня иногда не слушается. Сколько раз выговаривал я ему за то, что он без толку ездит; и каждый год или испортит, или совсем загонит несколько лошадей. Ведь это тоже нехорошо, говорю ему, а он противоречит. Погодите. Вот как он ко мне приедет, я поговорю с ним, и ежели Господь поможет, вы помиритесь. А вам теперь советую умирить ваш гнев да поговеть. Это дело будет полезней для души вашей”.

Я начал говеть. А чрез несколько дней приехал в обитель и оскорбивший меня оптинский мой знакомец. Когда я пришел к о. Макарию принять от него прощение и благословение к исповеди, старец сказал: “Да ведь вы еще не мирны к такому-то? Как же вы приступите к таинству покаяния и причащения, не примирившись со всеми? Я прошу вас, докажите мне на деле, что у вас есть желание приобрести смирение: смиритесь и попросите прощения у оскорбившего вас”. Трудно было совладать с оскорбленным самолюбием. Я несколько минут колебался; но потом увидел, что делать было нечего, надо было покориться старцу. Впервые в жизни пошел я просить прощения у человека, оскорбившего меня. Но когда я вошел к нему и поклонился, он так смутился, что мне стало жалко его. Мы обнялись и поцеловались лобзанием мира. С необыкновенною радостью в сердце я воротился к батюшке. “Спаси вас, Господи, за ваше ко мне послушание!” — сказал старец, когда я поведал ему все, бывшее между нами. — Вот теперь идите исповедоваться. Бог вас благословит!”

По принятии Св. Таин я еще несколько дней оставался в Пустыни и при разговоре с о. Макарием сказал как-то: “Отчего вы, батюшка, в ту пору, как я жаловался на такого-то, не укорили меня, а, напротив, даже сами осуждали его, принимая мою сторону?”

“Да,— отвечал старец,— я согрешил в этом, что осудил брата моего. Но что ж мне было делать-то? Если бы я начал тогда укорять вас, очень немудрено, что вы и против меня стали бы немирствовать. Ведь огонь маслом не тушат. Когда человек немирен, то противоречие только раздражает его. Должно дать место гневу. А когда бурное состояние позатихнет и мир начнет водворяться в душе его, тогда можно и совет предложить, который гораздо вернее подействует и примется с большею любовью. И вам советую в подобных случаях быть осторожным. Человека, в гневе сущего, не укоряйте, не обличайте и не спорьте с ним; а лучше оставьте его в покое. Будьте только внимательны к самим себе, чтобы не впасть в немирствие; и когда чувствуете, что сердце ваше раздражается, то поминайте мысленно молитву Иисусову и старайтесь положить хранение устом своим”.

В течение нескольких лет знакомства моего с Оптиною Пустынью и руководства о. Макария я незаметно начитался и наслушался многого от Священного Писания и от старческих книг. Свойственное человеку самолюбие родило во мне охоту в обществе разнородных людей вести религиозные разговоры, иногда вступать в споры с желанием поставить на своем. Когда я встречал сопротивление, то раздражался и выходил из себя. Однажды я рассказал об этом о. Макарию; и вот что отвечал он мне на это: “Ежели вам случится сойтись с людьми единомышленными, то отчего ж не говорить о религии? Этот разговор несравненно лучше и приличнее для христианина, чем какое-нибудь празднословие и пусто-словие. Почему не послушать духовно разумную речь благомыслящего человека; или отчего не передать того, что вы сами знаете? Но если возникнет спор, то гораздо разумнее избегать его, по учению апостола, воспреещающего словопрение; потому что оно служит не на потребу, а на разорение слышащих. В этом случае лучше прекратить разговор, но и то разумно, со смиренномудрием, или переменив предмет рассуждения, или постепенно выйти из него, но не замолчать разом, как бы внезапно. Ибо такое молчание легко может в спорящих породить такую мысль, что вы пренебрегаете их образом мыслей или что вы не хотите с ними говорить, считая их недостойными вашего разговора. Во всяком случае, должно стараться всякого человека умиротворять, а не вовлекать в страсть гневную. Ведайте и то, что для противоречащего поучение бесполезно, ибо поучается лишь тот, кто желает и ищет поучения”.

Много бы и еще можно поведать назидательных речей и уроков в Бозе почившего старца Макария; но довольно и этих, чтобы видеть всю духовную мудрость и опытность человека Божия.

Постараюсь еще, насколько сумею, очертить общий характер его наставнической деятельности. Что ни предлагал бы он, всегда ставил в главизне своих советов смирение. Из этой добродетели выводил он все прочие добродетели, составляющие характеристику истинного христианина. Поверять свою совесть, быть в постоянной борьбе со своими страстями, очищать душу от грехов, любить Бога в простоте сердца, веровать в Него без рассуждения, беспрестанно иметь перед собою Его милосердие беспредельное и всеми силами души своей хвалить и благодарить Его; во всех неприятностях жизни искать вину в самом себе и всякую вину ближнего против нас прощать, дабы исходатайствовать тем у Господа прощение своих грехов; стараться водворить в себе любовь к ближнему, хранить мир и спокойствие в своем семейном кругу, чистосердечно участвовать как в радостях, так и в скорбях своих домочадцев и всех знакомых; вспоминать почаще заповеди Божии, стараться исполнять их, равно как и постановления церковные; если возможно, несколько раз в год говеть и приобщаться Св. Таин; соблюдать все четыре поста, а также среду и пятницу; каждый праздник бывать у всенощной и у обедни; каждодневно читать утренние и вечерние молитвы и хоть несколько псалмов; а ежели время позволяет, то главу из Евангелия и Посланий апостольских; кроме того, утром и вечером молиться о упокоении усопших и о спасении живущих и в главе сей молитвы с благоговением молиться о Государе Императоре и о всем царствующем доме. Если же какую-либо из сих обязанностей по каким-нибудь обстоятельствам не пришлось бы исполнить — то укорять себя в этом, приносить чистосердечное раскаяние с твердым намерением впредь сего не делать; молиться и за тех, к кому питаем какое-либо неудовольствие; так как это есть вернейшее средство к примирению о Христе. Вот сущность уроков, которые преподавал о. Макарий всякому, жаждавшему от него назидания и поучения!

Отличительною чертою характера о. Макария была невыразимая любовь к ближнему. Когда он слышал о каком-нибудь несчастье или скорби ближнего, или о каком-либо греховном падении, или о семейной ссоре и т. п.: то как ни старался старец скрывать свои чувства, но всякому видно было, что он соскорбит скорбящим и всею душою соболезнует о них. Какою чистою любовью радовался он, когда с кем бы то ни было случалось что-либо, достойное духовной радости! Один знакомый мне господин около двадцати лет жил врозь с женою. Ненависть между супругами была взаимная, но

* Преподаные здесь старцем наставления касательно молитвенных правил, без сомнения, относятся только к людям мирским; а у монашествующих, кроме общих христианских обязанностей, свои, более продолжительные, правила.

вследствие увещаний старца они сошлись и живут теперь так, как приведи Бог каждому жить. С каким восторгом батюшка рассказывал нам об этом, относя, разумеется, успех дела не к себе, а к Богу, не хотящему смерти грешника, и искренно воздавая хвалу Ему!

Изумительно было спокойствие старца в минуты наставнической его деятельности. Он с одинаковым терпением выслушивал нелепое суеверие и безумное вольнодумство, бессмысленную жалобу крестьянской женщины и замысловатую пытливость эмансипированной барыни, бесхитростный рассказ простолюдина и хитросплетенную фразу ученого мудреца. Ничто не могло возмутить его христианского терпения, его полного душевного спокойствия. Все было покорено им в себе глубочайшему смирению. Это был истинный учитель нравственного богословия и духовного делания. Не цветисты были поучения его; но в них слышался дух, чувствовалась теплота, смягчалось самое ожесточенное сердце.

Накануне кончины о. Макария, 6 сентября, я с семейством моим удостоился принять от него последнее благословение. Благодетель наш благословил нас иконами. И вот последние, чуть слышно произнесенные слова его к нам: "Помните Бога и смертный час; храните мир и любовь между собою и ко всем".

Глава XVIII

Чудодейственный рассказ Шамординской Амвросиевской женской пустыни схимонахини Юлии Гурьевой о старце Макарии, вместе и о другом замечательном Оптиномском подвижнике — страдальце иеродиаконе Мефодии

рядом с рассказом господина Д.Л. помещается здесь другой интересный и тоже подлинный рассказ шамординской схимницы матушки Юлии Гурьевой, скончавшейся в первом десятилетии сего, XX, века, собственноручно записанный ею, о старце батюшке о. Макарии и иеродиаконе Мефодии. Подлинная рукопись озаглавлена так: “Из моих детских воспоминаний об Оптиномском старце батюшке отце Макарии”.

Навсегда, говорит схимница, остался у меня в памяти светлый образ покойного старца батюшки Макария. Когда я его узнала, мне было всего 14 лет от роду. Попала я в Оптину по особенному случаю, со своими давно уже теперь покойными родителями. Это было в год начавшейся страшной Крымской кампании, когда за недостатком офицеров покойным Государем Николаем Павловичем издан был указ — всех окончивших курс в классических гимназиях и пригодных к военной службе гимназистов выпускать в полки прямо офицерами. Для этого назначены были и экзамены раньше времени. Кончились они у нас в Калужской гимназии в феврале. Мой старший брат был один из назначенных к производству как отлично кончивший курс гимназии, притом атлетического сложения, несмотря на то что имел только 16 с половиной лет. Таково было и его собственное непреодолимое желание быть военным. Все наши предки старших в роде сыновей отдавали в военную службу. Так и мои родители старшего сына с детства предназначали быть военным; а меньший брат должен был оставаться при родителях. Но Бог судил иначе. Окончив экзамены, брат мой представлен был, по просьбе моего отца, в драгунский полк, где уже давно служил отцов племянник, наш двоюродный брат Д.К., которому мой отец хотел препоручить юного офицера. Но вот мой брат на

радостях, катаясь на масленице, сильно простудился и слег в постель. Не быв прежде никогда больным и не привыкши лежать, он долго не поддавался недугу и тем обманывал себя и свою мать, страстно его любившую и ходившую за ним. Между тем, болезнь была серьезная — воспаление легких, которая от несвоевременного медицинского пособия обратилась в скоротечную чахотку. Через две недели дни его уже были сочтены. Болезнь шла быстро в юном организме. Через месяц он уже был покойник и лежал на столе, именно в тот день, когда пришла бумага о принятии его в драгунский полк. Горе отца невозможно было описать; а про мать и сказать трудно. Сын этот ее был первенец, которого она так любила, что при нем как будто у нее других детей и не существовало. Правду сказать, что покойный брат мой по своему характеру и стоил этой любви. Никакое баловство матери не могло испортить этого простого, доброго мальчика. Умер он с замечательным присутствием духа, с христианским полным напутствием, которого сам пожелал. Испросив у всех в доме прощения и примирившись со всеми, чувствуя сам приближение смерти, последнюю ночь уговорил свою мать пойти отдохнуть, говоря, что ему очень хорошо, и без нее мирно отошел ко Господу. Утром никто не решался сказать ей о смерти сына. Но она сама взошла к нему и лишь только увидала бездыханное его тело, как тотчас же лишилась рассудка. Она неистово хохотала, плясала, рвала на себе одежду, волосы, силилась поднимать покойника, открывала ему глаза; при панихидах ломала свечи, бросала их в образа и Бог знает что говорила; даже хула вырывалась у нее на Господа.

После того как совершили над покойником установленный Св. Церковью чин погребения, перевезли тело его в наше родовое имение. По совету докторов решили и мать перевезти в деревню, дабы отдалить ее из города и того дома, где скончался мой брат, думая, что на его могиле будет ей легче. Но не так вышло. В деревне она нисколько не пришла в себя; а сделалось с нею еще труднее. Лишенная сна, она тайком уходила ночью на могилу, когда мы, истомленные уходом за нею днем и обманутые ее мнимым спокойствием, засыпали, разрывала руками мерзлую землю, надеясь, должно быть, откопать покойного. Не раз мы находили ее там, лежавшую на могиле, застывшую, и приводили домой. Так продолжалось до июня месяца. В июне, до начатия полевых работ, мы имели обыкновение ездить погостить к моему дяде, родному брату отца, имение которого было в восьми верстах от Оптиной Пустыни. Но странно, несмотря на близость обители от имения дяди, роди-

тели мои никогда туда не заезжали. В этот раз мой отец, за болезнью матери, не хотел ехать к дяде гостить; а вызвал его к себе. Дядя приехал и, увидев мою мать в ненормальном состоянии, стал уговаривать отца моего непременно повезти ее в Оптину Пустынь, где часто сам говел постами, к батюшке отцу Макарию как старцу святой жизни — что и было моим отцом исполнено. Мы всей семьей поехали, взяв с собою одну нашу соседку, немолодую уже девушку, очень богомольную, желавшую после смерти ее матери поступить в монастырь и жаждавшую увидеть блаженного старца, о котором давно шла большая слава. Прибыли мы в Пустынь утром и остановились в деревянной гостинице. Узнали, что старец перед вечерней имеет обыкновение приходить на гостиницу к тем, кому требуется его духовная помощь, и что также выходит он иногда из скитских ворот и тут же подле скита занимается с народом, преимущественно с женским полом, которому вход в скит издавна запрещен. Таким образом, мы пошли навстречу старцу; а с нами и много народу пошло из номеров. Мать моя шла машинально с нами, понутив голову, как бы не сознавая, куда ее ведут и что вокруг нее делается. Так довели мы ее до того места, где боковая дорожка выходит на главную дорожку, ведущую из монастыря в скит. Тут пришлось нам остановиться; потому что сам старец приближался уже к нам со множеством сопровождавшего его народа. С ним были и монашествующие, и миряне обоего пола. Старец шел на гостиницу. Батюшка остановился и окинув глазами всю нашу толпу, быстро мимо всех подошел к моей матери и резко, как-то торопливо спросил ее: “Что с тобой?” Она, сверх нашего ожидания, подняв на него глаза, сказала, заплакав: “Я лишилась сына”. “Ну, что ж? — сказал старец все тем же тоном, — каких лет?” На ее ответ — шестнадцати с половиною лет — он весело проговорил: “Отрок давно уже во святых”. Эти же самые слова старца Макария пришлось мне слышать про моего брата с лишком через 30 лет и от батюшки о. Амвросия, которому, рассказывая свою жизнь, я случайно упомянула и о том, как наяву приходил мой брат ко мне в девятый день после своей смерти, чтобы утешить меня в скорби по нем. Но продолжаю свой главный рассказ: затем батюшка о. Макарий обернулся к моему отцу и спросив, в каком номере мы остановились, пристально взглянул на меня, стоявшую за отцом, и так же торопливо и резко, строго спросил: “Ты романы читаешь?” Я покраснела до корня волос и ответила: “Нет”. Только перед отъездом в Оптину, утащив у отца ключ от его библиотеки, я вытащила какой-то старинный роман, украдкой прочла его от

доски до доски и назад положила ему. От того так сильно и покраснела я пред испытующим взглядом старца. “Смотри,— продолжал он, погрозившись на меня пальцем, как на ребенка,— ты романы не читай, тебе это бесполезно”. Тут же со мной стояла какая-то московская барышня лет 17-ти, как видно было, очень бойкая и светская особа. Она сказала: “А я вот, батюшка, всегда читаю романы”,— и хотела что-то добавить. Но старец, прервав ее, сказал: “Я без тебя знаю, что ты читаешь, тебя и не спрашиваю, а вот той говорю не читать”. “А вот,— сказал мой отец,— и мой меньшой сын”,— указывая на стоявшего с нами мальчика. Тогда этому моему брату всего было 9 лет. Он был толстенький мальчик, белый, розовый, особенно полны были у него щеки. Батюшка о. Макарий ухватился за них и, слегка тряся его, приговаривал: “А ты смотри, молодой человек, не женись без благословения маменьки”. И всегда в последующие разы, встречая моего брата, батюшка повторял ему одно и то же. Конечно, тогда казалось это странным. Мой брат был еще ребенок. Но через 16 лет после того нам с матерью пришлось вспомнить слова старца батюшки Макария. Мой брат 25 лет женился, не по желанию и благословению матери, на девушке, хотя и образованной, но не из своей среды, и был с нею несчастлив — что как бы и сократило его век.

Встреченный нами на дорожке старец пошел с нами на гостиницу. Взяв мою мать за руку, он увел ее в наш номер, где и остался беседовать с нею наедине. Так он делал в продолжение недели, или во все время нашего пребывания в Оптиной, ежедневно приходя к нам. В конце недели он заставил всех нас говеть, назначив духовником отца Паисия, тогдашнего монастырского духовника.

Из бесед старца, к сожалению, у меня почти ничего не осталось в памяти. Я еще была так молода, да и мало интересовало меня это. Притом он больше оставался один с моею матерью, которой нужна была его духовная помощь. Следствием чего было то, что она, пробыв подле него с неделю или, может быть, дней десять, выехала из Оптиной совсем здоровой. Ее безутешное, отчаянное горе обратилось в тихую грусть. Приехав домой, она стала заниматься понемногу своими семейными делами. Старец дал ей правило читать Псалтирь (растолковав, что это за книга), Евангелие по несколько и Апостол. Велел соблюдать посты: понедельник, среду и пятницу и все, конечно, четыре поста главных, которые тоже у нас, кажется, не соблюдались, разве Великий.

Затем, вероятно, рассказывая старцу про себя, мои родители упомянули, что в нашем имении был большой каменный храм,

который по какому-то неудовольствию с духовенством был закрыт и более 40 лет стоял запертый; а приход, вероятно, тогда же, причислен был к соседнему селу. Много было чрез это неудобств и греха. Помещик соседнего села, куда приписали наш приход, был лютеранин и не обращал никакого внимания на православный храм, который был тесен, сыр и холоден. Не давали даже дров для отопления его. Народ нашего села, можно сказать, почти был без церкви; да и ходить в другое село было далеко. Наш же упраздненный храм стоял в центре прихода и был просторный; но от него оставались одни стены. Иконостасы двух алтарей разрушились, образа от сырости облупились и очень мало их оставалось; престолы упали. Столько лет храм был заколочен, и никто туда не входил. Утварь церковная вся перевезена была в тот храм, куда приписаны были прихожане нашего села; а утварь была редкая для сельской церкви: напрестольный крест с 30-ю или более частицами св. мощей, Евангелие, жалованное Царем Алексеем Михайловичем, в царствование которого и был освящен наш храм. Вот батюшка о. Макарий и посоветовал моим родителям хлопотать пред епархиальным архиереем сначала о возобновлении упраздненного храма, а потом и о переводе своего прихода. Так они и исполнили. По его благословению, всю часть наследства моего покойного брата употребили они на храм, устроив в нем новый придел во имя Ангела брата. По молитвам старца, все это им удалось. Вскоре по освящении храма отец мой скончался замечательной кончиной, а мать до самой своей смерти заботилась о храме и поддерживала его. В то же время она исполняла и все назначенные ей старцем правила, была большая постница и богомольная. Но я зашла несколько вперед.

После первого нашего посещения Оптиной Пустыни мы еще два года кряду ездили в эту обитель Петровками готовиться к принятию Св. Христовых Таин. В последний наш приезд отец мой, идя к утрени после проливного дождя, поскользнулся с лестницы крыльца гостиницы, которая тогда была круче, чем теперь, и не закрыта фонарем, и ударился сильно правым боком о перила, что и было началом его предсмертной болезни; а через год он умер от рака, образовавшегося от ушиба. Наш отъезд в этот раз из Оптиной, по случаю ушиба отца, несколько замедлился. Замедлению этому как я, так и опять сопровождавшая нас богомольная барышня, наша соседка, были очень рады. С первого раза Оптина Пустынь сделала на меня глубокое впечатление. Что-то, как давно забытое или спавшее во мне, проснулось. Я тянулась ко всем оптинским служ-

бам, полюбила своего кроткого духовного отца Паисия, который научил меня, как молиться, креститься. Затем, окруженная монашенками, которые тогда подолгу живали около старца и к которым я бегала, — имела я удобство видеть у них старца Макария, который с гостиницы часто заходил к ним. Не помню, были ли они белевские или севские, но стояли они в Шаховском корпусе и работали тогда одежду на престол в скит. Они меня полюбили и ласкали; много говорили о монашеской жизни, предлагая и мне избрать эту жизнь, и даже решились сказать об этом моей матери. На что она ответила: “Не знаю, как отец; а я бы с радостью отдала ее в монастырь”. Мне тогда было 16 лет. Произведенное на меня монастырем впечатление не прошло у меня и после проведенной мною зимы в Москве у моего другого дяди, брата матери, который старался меня возить, куда только можно было по моим юным годам, и веселить. Не решаясь сама спросить старца батюшку Макария насчет своей судьбы по своей крайней застенчивости, я решилась предложить ему мысленный вопрос. Дело было так: пришел батюшка к нам в номер и стал что-то рассказывать моим родителям. Знаю только одно, что рассказ был не подходящий к моим мыслям. Я пристально устремила на него свои полудетские глаза с вопросом: идти ли мне в монастырь. Думала я с верой, что если старец действительно прозорлив, как говорили — то и на мой мысленный вопрос ответит, что мне надо. По вере и было мне. Старец вдруг обернулся в мою сторону; проведя глазами вокруг моей головы, он торопливо и довольно громко сказал: “Мы еще сначала выйдем замуж, да и за того, за кого не ожидаем”. Затем и продолжал свой рассказ. Никто, кроме меня, и не заметил вставленных им слов. Мне же они попали прямо в сердце и все перевернули во мне. “Ну, уж этого, — подумалось мне, — никогда не будет; не любя, я не пойду замуж; как это так?” И я, смущенная, вышла из комнаты.

В этот раз, как бы в подтверждение старцевых слов, моя знакомая барышня, приезжавшая с нами в Пустынь, случайно узнала, что в оптинской больнице, которая тогда находилась при Владимирской церкви, лежит много лет разбитый параличом иеродиакон Мефодий. В народе говорили, что он хорошей жизни и предсказывает. Одни передавали, что во время службы с ним сделался паралич и он остановился на словах: “Господи, помилуй!” Другие же говорили, что это был его обет, кроме слов — “Господи, помилуй” ничего не говорить. Моя знакомая неотступно стала меня тащить к нему в больницу. Народ ходил к нему во множестве в полдень. И так как

это было единственное время, когда пускали к нему — то от множества народа около него бывало тесно. Я — признаюсь в своей глупости — ужасно боялась таких. Да еще кто-то успел напугать меня наружным его видом. А больше всего я боялась, что он скажет мне вперед что-нибудь такое страшное. Но отделаться от своей знакомой я не могла. Она резонно доказывала мне мою глупость и почти насильно притащила меня в больницу. Налево, как взойдешь, был коридор, и крайняя келлия была его. Когда мы вошли, народ стоял и в коридоре, и в его келлии. Протиснуться сквозь толпу было трудно; но мы все-таки прошли. Я же подумала в себе: если я его увижу издалека и он покажется мне страшным — то уйду, и собралась было бежать. Не успела я это подумать, как раздался хохот больного, и он приподнялся с войлока, на котором лежал на полу. В его келлии не было ни койки, ни даже скамейки, он тогда лежал на полу уже 26 лет. Плаксивым голосом закричал о. Мефодий: “Господи, помилуй! Господи, помилуй!” — и, показав правой рукой, чтобы раздвинулась толпа, громко смеясь, показывал пальцем здоровой правой руки на меня. Другая рука и нога были у него парализованы. Это продолжалось до той поры, пока меня, рабу Божию, чуть не силком подвели к нему. Я, перепугавшись, опустилась перед ним на колена. Он правой рукой обнял мою голову и, смеясь, поцеловал в лоб. Затем говоря: “Господи, помилуй!” — выслал всю толпу народа вон и велел запереть дверь, оставив меня с моей знакомой подле себя. Весело смеясь, он приказал подать себе стоявший у него на окне букет роз. И когда моя знакомая подала их ему, он выдернул несколько белых роз, сунул их мне в руку; и, взяв мою руку и моей знакомой, прикрыл их, не помню, или полой халатика своего, или манатейкой, и, поя: “Господи, помилуй!” — обвел наши руки три раза. Ясно было, что он указывал мне на венчание. Затем он, весело смеясь, показывал мне, что я буду счастлива в семейной жизни. Трудно передать, почему я его понимала. Потом он, сделав серьезный вид, показывал мне одну привычку моего мужа, когда он, бывало, задумается, и которая тогда только бросилась мне в глаза, когда я близко его узнала. Невольно мне вспоминался тогда уже умерший о. Мефодий. После того болящий весь как-то преобразился. Лицо его сделалось серьезно-благоговейно. Взглянув на образ Спасителя, стоявший в углу его келлии — единственное ее украшение, — он как-то строго, не то молитвенно, указал мне на Спасителя и, предавшись весь молитве, снял с руки своей четки и надел их на мою левую руку, поя совсем уже другим тоном: “Господи, помилуй!” Я поняла, что под конец моей жизни случится со мной что-то иное, и я должна буду кончить монастырем. Наконец, хлопнув меня

рукой по голове, он опять с серьезным выражением лица взял четки свои назад и, указав на дверь, тотчас отпустил нас. Мы же, поцеловав в первый и последний раз его ручку, ушли. Больше я его не видала, равно как и батюшку о. Макария.

В ту же осень неожиданно к нашим соседям вернулся с Кавказа служивший там их брат, сильно расхворавшись лихорадкой. Он находился там во все время Крымской кампании и был в деле. Война уже оканчивалась, и ему беспрепятственно выдан был отпуск. Познакомившись по близости с нами, он вскоре сделался любимцем и другом моего отца, который был уже сильно болен и доживал свой последний год жизни. Гость наш был вдвое старше меня по летам и вполне серьезный человек. Потому мне и в голову не приходило, чтобы его выбор пал на меня. Его постоянное присутствие в нашем доме я приписывала дружбе с ним моего отца, и ничего насчет себя не приходило мне в голову. За десять дней до своей смерти отец сам выдал весь секрет. Вследствие его болезни мы с матерью по целым ночам около него не спали, сидя при нем по очереди. И вышло так: сидела я над ним вечер; затем разбудила мать и, посадив ее, тут же при них и заснула. Отец ночью окликнул меня, но я со сна тотчас не ответила. Слышу, он говорит матери: “Я забылся сейчас и вижу во сне: пришел ко мне святой угодник Божий Николай. (Замечательно, что храм, возобновленный моими родителями, был во имя Николая Чудотворца, и образ его чудотворный там.) Угодник говорит мне: “Я тебе приготовил дом узенький и длинный; через десять дней я тебя возьму”. Я бы умер спокойно,— продолжал отец,— если бы она (назвал меня) вышла за того-то; я бы, говорю, спокойно умер, оставив ее и всю семью на его попечение”. Я замерла на месте и молчала.

Ровно через десять дней после своего сновидения отец мой скончался. Часа за три до смерти он, благословив всех нас, плакавших, повторил мне свою просьбу и пожелал, чтобы я дала ему в этом обещание. Я согласилась положиться на волю Божию, если она на это будет. Через восемь месяцев после кончины отца я уже была замужем. Мать моя, родные мои и родные его — все единодушно были рады этому браку. Таким образом, свершилась надо мной воля Божия, и исполнилось предсказание Оптинского старца, батюшки о. Макария: я вышла замуж, за кого и не ожидала. Через много после того лет я спросила об этом уже другого Оптинского старца, батюшку Амвросия: “Почему это так вышло? У меня ведь, как мне казалось, было призвание к монастырю; а старец (Макарий) указал

• А вместе и о. Мефодия.

на замужество”. “Нет, нет,— ответил мне серьезно батюшка о. Амвросий,— ты была нужна в миру”.

Года через два или три после смерти отца мать моя ездила в Оптину к батюшке о. Макарию со своей невесткой, женой ее брата. Это было уже незадолго до кончины старца. Ездила же с матерью эта моя тетка просить его совета и благословения на развод ее дочери с мужем и на выход ее в замужество за другого. Старец серьезно сказал, приведя текст из Евангелия от Марка: *Аще жена пустит мужа, и посягнет за иного, прелюбы творит* (Мк.10,12). И в другом месте — от Матфея: *Иже пущеницу поймет, прелюбодействует* (Мф.5,32). И добавил: “Если же не послушаешь и выйдешь замуж за другого, последует большое наказание — счастья не будет; нет на это моего благословения”. Но моя двоюродная сестра не послушалась, развелась с мужем и вышла за другого. Года через два после сего она лишилась рассудка. И хотя не была она в доме умалишенных, так как у нее был известный пункт умопомешательства и огромные средства к жизни, и потому муж ее содержал ее дома; но все-таки видно было в этом для них обоих великое Божие наказание. И только лет через 17 Господь взял страдальцу к Себе из сей временной жизни.

Глава XIX

Чудесные действия благодати Божией по молитвам старца Макария, во избавление обращающихся к нему с верою за помощь от недугов душевных и телесных, и Божии наказания за непочитание старца, прославлявшегося Самим Господом

Следующие рассказы покойного скитоначальника Оптиной Пустыни иеросхимонаха Анатолия (Зерцалова), вначале жившего в монастыре во время старчества о. Макария, будут пополнением описанных выше чудес Божиих, совершавшихся в свое время смиренным старцем, подвижником, истинным рабом Божиим.

Имея от Господа дар исцелять болезни душевные и телесные, сам старец всевозможно заботился о том, чтобы не подать людям повода считать его человеком святым и приписывать его молитвам исцеление от той или другой болезни. Когда приводили к нему разного рода больных и бесноватых, он, не придавая себе никакого значения, посылал их в церковь отслужить молебен какому-либо святому, сам оставаясь, таким образом, как бы в стороне. Между тем, просившие его молитвенной помощи получали ее, оздоравливали и отходили от него с великой благодарностию.

В иное время, как говорено было выше, старец давал страждущим разными, не всегда понятными, болезнями освященный елей от неугасимой лампы, горевшей в его келлии пред особенно чтимой им Владимирской иконой Божией Матери, Единой Свидетельницы сокровенных подвигов верного раба Ее, или воды святой. И рассказы об исцелениях от сего, по-видимому, простого действия были многочисленны. Передаваясь от одних другим, они умножали и число посетителей старца. Во всех же случаях старец всячески старался укрывать присущую ему благодать исцелений.

Представим несколько сему примеров.

Брянского женского монастыря монахиня Макария (бывшая Аполлинария) начала подвизаться по своему разумению, самочинно, и впала в бесовскую прелесть. Однако, по милости Божией, она еще могла, хотя отчасти, видеть свое душевное повреждение. И потому, когда услышала о святости и мудрости старца Макария, решилась искать его помощи и для сего прибыла в Оптину Пустынь. Остановившись на гостинице, она пошла в скит. Но на полдороге среди леса вдруг явился перед нею бес в ужаснейшем и отвратительнейшем виде, чего она и в воображении своем представить не могла. Изрыгая хулы на старца и на шедшую монахиню, он с яростию говорил ей: “Ты куда идешь? К безумному старцу? Воротись. Или я сейчас же удавлю тебя вот на этом дереве”. Монахиня от ужаса оцепенела. Однако ж, призвав в помощь Имя Божие, она пересилила страх свой и быстро побежала в скит. Но когда вышел к ней старец, она упала пред ним без чувств. Желая скрыть от посторонних людей истинную причину припадка пришедшей монахини, старец обратился к своему келейнику: “Иларион, Иларион! Воды, воды! Холодной воды!” И начал ее опрыскивать, показывая вид, что с нею случилась обычная дурнота. Когда же она пришла в чувство, старец начал ее расспрашивать о ее жизни и подвигах. Но услышав, что она оставила чтение отеческих книг и даже Св. Писания, а упражняется в молитве Иисусовой, он велел ей тут же при себе прочитывать одну кафизму из Псалтири. Напрасно усиливалась получившая хорошее образование монахиня сделать то, что легко делали недоучки. Смущение и страх совершенно сбивали ее с толку, и она оставила Псалтирь, отозвавшись решительною невозможностью читать. Тут м. Макария уже окончательно убедилась в своем повреждении и просила старца не оставлять ее руководствовать в жизни духовной. По приезде же в свой монастырь, она долгом сочла письменно благодарить старца за его милости и попечение о ней и, между прочим, написала следующее: “Когда я в первый раз увидела вас, какой-то блестящий и жгучий луч поразил глаза мои, и я упала наземь без чувств”. Так вот что было истинной причиной упомянутого выше припадка м. Макарии. Но когда помогавший старцу в письмоводстве иеромонах Гавриил, прочитывая для него ее письмо, прочитал и эти строки, старец, обращая это в шуточную сторону, повторил несколько раз скороговоркою: “Ишь, ты, баба дура! Поверь, поверь ей! Ишь, какую чушь несет!” Между прочим, не сразу м. Макария избавилась от прелесть; и по этой причине долгое время велась у ней со

старцем переписка. В конце же концов она совершенно оздоровела и душевно благодарила своего духовного врача за исцеление.

Другая м. Макария, Домогацкая, монахиня Севского монастыря, рассказывала следующее: “Съехалось нас однажды в Оптину на богомолье с разных сторон много. Между нами случилась какая-то странница, которую я несколько раз видала, но все поодаль батюшки. Заметив, что она сторонится старца, я однажды сказала ей: “Что ты вместе с нами не подходишь к батюшке под благословение?” Она созналась, что ее что-то не допускает к старцу, и она страшится его, хотя внутренно и не желала бы этого. Получив такой ответ, я при первом же свидании со старцем сказала ему об этом. Он тут же подозвал ее к себе, обласкал и затем сказал: “Мы с тобой после еще увидимся и поговорим”. На другой день после ранней обедни мы опять пришли к старцу, и странница с нами. Была Пасха. Батюшка повел всех нас в скитскую церковь. Тут было несколько монахинь и светских дам, которых привел иеродиакон Исаия*. Старец показывал нам ризницу и некоторые достопримечательности, а странница в это время сидела в Предтеченской церкви на лавочке возле печки, по входе в церковь на левой стороне. После того батюшка повел нас вон из церкви. Но лишь только поровнялся он с сидевшею около печи странницею, она в то же мгновение ударилась об пол и начала самым ужасным образом метаться и кричать: “Вот тебе напал на своего! Вот тебе напал-то! Осьмнадцать лет меня никто не видал. Осьмнадцать лет я жил спокойно — никто не знал меня. А теперь напал на своего! Напал!.. Беда нам от тебя, Макарий! Гонишь ты нас, Макарий!” Уклоняясь от беснующейся, батюшка с поспешностию обращается к нам: “Теперь в трапезу! В трапезу! Тут все осмотрели”. И с этими словами он вышел из церкви. Мы все пошли за ним в трапезу. Потянулась за нами и странница. Когда же при осмотре трапезы случилось батюшке опять проходить мимо бесноватой, она опять ударилась об пол с прежними странными припадками, говоря: “Горе нам от тебя, Макарий! Гонишь ты нас, Макарий! Нет нам места от тебя, Макарий!” Старец, опять повернувшись, предлагает нам: “Не угодно ли теперь посмотреть и подвал под трапезой?” И тотчас спустился с нами вниз, оставив странницу в жестоком припадке. Когда же при осмотре запасов подошли мы к квасным бочкам, батюшка предложил желающим откусать скитского квасу. Тут пришла некоторым

* Монастырский сборщик, имевший много знакомых; впоследствии иеромонах, скончавшийся в 1883 году, приняв перед кончиною постриг в схиму.

из нас мысль попросить старца, чтобы он благословил стакан квасу, дабы им напоить бесноватую. Мы твердо были уверены, что старец может исцелить ее, но уклоняется от сего единственно по смирению. Теперь мы вздумали воспользоваться хотя таким благословением, веруя, что и этого достаточно будет для исцеления страждущей. Шепнули об этом общем нашем желании о. Исаии. Он налил стакан квасу и поднес его к батюшке, прося его благословения. Уразумев, для чего о. Исаия просил благословить квас, старец просто сказал: “Хорошо; напейте ее”. Но о. Исаия опять попросил: “Нет, батюшка, вы благословите квас”. Старец ответил: “Все равно; ведь я благословил; отнесите ей”. О. Исаия продолжал настаивать на своем. Тут и мы приложили общую просьбу. Тогда батюшка, как бы против воли, перекрестил квас, и его тотчас понесли к страдальце. Увидев это, она еще с большим беспокойством и ожесточением начала метаться и стиснула зубы. С трудом разняли их и насильно влили ей в рот квасу. Страдалица тут же опомнилась, успокоилась и, оправившись, стала совершенно здоровою. Дня три после того видала я ее. Она уже не боялась старца, а, напротив, изыскивала случая видеть его и получить от него благословение и наставление. После она мне созналась: “Во всю мою жизнь я не чувствовала такого жестокого терзания от припадка, как при свидании со старцем в скитской церкви и трапезе; я едва осталась жива; зато теперь уже не чувствую ни малейшего признака прежнего мучительного состояния духа ни в присутствии старца, ни без него; и так хорошо я никогда себя не чувствовала”. Действительно, никто из нас уже не видал в ней ничего похожего на прежнюю ее болезнь. Она была спокойна в духе и здорова.

Алексей Васильевич Говоров, сын помещика Ливенского уезда Орловской губернии, в бытность свою в Оптиной Пустыни 16 сентября 1863 года, в келлиях старца иеросхимонаха Амвросия, рассказывал о себе следующее: “Издавна я подвержен был пьянству в сильнейшей степени. Бывало, как придет время запить, никакая сила не в состоянии удержать меня от этой слабости. Этим я совершенно расстроил и свое состояние, и семейство. Люди советовали жене моей обратиться к некоторым лицам в надежде получить от них исцеление недуга моего; но дело почему-то не ладилось. Посоветовали мне, наконец, побывать в Оптиной у о. Макария. Вот мы с женой и отправились. По приезде же, когда мы объяснили старцу о моей немощи, он только шутя ударил слегка три раза по моей голове рукою; и затем велел готовиться к причащению Св. Таин. Но когда я стал подходить к Св. Тайнам, меня всего так начало ломать, что я сам не

в силах был подойти. Самого ломает и трясет; а злой помысл-то и твердит: “Зачем идешь? Что, тебе поможет причащение? Все это пустяки. Оставь! Ступай прочь!” И какая-то невидимая сила как будто отталкивала меня. Однако жена уговорами и силою помогла мне подойти к Св. Дарам. Тотчас же после причащения почувствовал я облегчение, которое по времени все более и более усиливалось во мне. Когда же, наконец, я совсем успокоился, во мне родилось такое отвращение ко всем спиртным напиткам, что я и запаха их не мог терпеть. И вот уже шесть лет я ни меду, ни пива, ни шампанского не могу даже отведать. Не могу есть хлеба, если он поставлен был на винных или пивных дрожжах”. К сему Говоров прибавил: “По кончине о. Макария, при вести о сем, мы очень восскорбели, и в особенности жена моя. Ночью он и является ей во сне, точь-в-точь как она видала его живым, в той же одежде, только видом гораздо светлее, и говорит: “Не скорби! Продолжайте ездить в Оптину. Вы и от праха моего получите то же, что получали от меня живого. Я все тот же!” Когда же мы недоумевали, ехать ли и как ехать, старец опять явился во сне и говорит: “Что же вы не едете в Оптину? Я сказал, что я тот же; и вы получите такую же пользу от праха моего, как и от меня живого”. И мы более не смели сомневаться”.

Дочь орловского помещика г. Матвеева, Наталья, 11-ти лет от роду, отличавшаяся особенным благочестивым настроением, получила исцеление во время сна по молитвам старца Макария от неизлечимой болезни, называемой “Виттова пляска”. Родители отроковицы знали старца, приезжали иногда к нему, хотя далеко не понимали его так, как узнали после. Вот как они рассказывали об исцелении своей дочери: “Наташа страдала около двух лет. Мы перепробовали всех окружных врачей, возили ее в Москву и долго там прожили, много средств употребляли; но ничего не помогало. Получив наконец от лучших московских докторов окончательное решение о невозможности излечения, мы отправились назад. И мать с больной Наташей поехала прямо домой, а я (отец) в Оптину, чтобы испросить у старца о. Макария совета — что делать с больной дочерью. Он посоветовал мне поехать с нею на богомолье в Воронеж к мощам святителя Митрофана, а оттуда заехать в Задонск к святителю Тихону. С таким решением я возвратился домой, где жене моей уже натолковали о каком-то бывшем в Орле магнетизере. Жене хотелось испытать это средство; а я настаивал исполнить совет старца. При таком взаимном разногласии решились мы опять спросить его о сем, но он опять дал нам прежний совет. Тогда уже мы окончательно вознамерились исполнить его в точности. И в ту же

ночь совершилось с больною нашей дочерью чудо. Кому известна “Виттова пляска”, тот знает, как тяжело болеть и как жалко смотреть на страдающую эту беспокойною болезнью. Больная непрестанно день и ночь то вздергивала членами, то поднимала и опускала их, то перекидывала. Ни сна не было, ни бодрствования. И потому для нее была отдельная комната и неотлучно находившиеся при ней две девушки сиделки. Когда мы решились ехать в Воронеж, Наташа почувствовала себя поспокойнее. Настала ночь, и больная, к удивлению находившихся при ней девушек, заснула спокойно. Заметив это, одна из сиделок сказала подруге: “Барышня крепко заснула; теперь можно и нам обеим уснуть”. Но все-таки, желая удостовериться, действительно ли больная спит, они поднесли к лицу ее горевшую свечу. В это само время Наташа поднимается, свешивает с постели ножки и протягивает правую ручку, как бы желая что-то принять. Девушки, думая, что она требует их помощи, взяли ее за ручку и спрашивают: “Что вам угодно, барышня?” А та взаимно их спрашивает: “Где же батюшка о. Макарий?” Они отвечают, что никого здесь кроме них не было. Наташа утвердительно говорит: “Как не было? Сейчас был вот здесь батюшка о. Макарий и сказал мне: вставай, Наташа, и приезжай ко мне в Оптину. И я протянула к нему руку, чтобы он благословил меня”. Изумленные девушки не знали, как и подумать о таком обстоятельстве. Между тем больная слезла с постели и начала без всякой посторонней помощи ходить по комнате. Обрадованные таким явлением, девушки сиделки забыли уже и о сне в ожидании нашего пробуждения. Проснувшись в пять часов утра, и мы с женой увидели такое чудо, какого не смели и ожидать. После такого радостного события принуждены мы были опять утруждать старца вопросом: “Куда же нам теперь ехать?” Он опять ответил: “К святым Митрофану и Тихону”. А дочке приказывал — в Оптину. И мы с величайшею радостью исполнили и то, и другое. А Наташа получила совершенное оздоровление и осталась все такую же набожною, как и прежде была.

Доживавший в Оптиной Пустыни последние годы своей жизни отставной генерал-майор Андрей Андреевич Петровский, духовный сын покойного старца Макария, бывши в мае 1862 года в келлии старца Амвросия, поведал о себе следующее: “Когда я перешел, — говорил он, — на постоянное жительство с ваших гостиниц в монастырь (это было около 1859 года), напала на меня такая душевная тягота, что я потерял аппетит, ночи проводил без сна, читать ничего не мог; а о молитве и говорить нечего. Помыслы день ото дня более и более внушали смущенной душе моей, что у меня потеряна надеж-

да ко спасению, что я живу в монастыре, сам не зная для чего, что в моих преклонных летах болезни, немощи и скорби съедят меня. Я не знал, что мне делать и к кому обратиться, когда уж и молиться не мог. Изнемогши духом и телом, я, наконец, из глубины сердца возопил: “Господи! За молитвы отца моего духовного, старца Макария, помози мне”. И что же? Не успел я проговорить эти слова, как случилось со мною то, что как будто невидимая рука в один миг сняла с меня всю тяжесть. Я обновился духом и в ту же минуту решился при первом свидании со старцем батюшкой о. Макарием объяснить ему это обстоятельство. Заметить должно, что старец, если когда заходил ко мне, то всегда это бывало после ранней обедни, когда я поуберусь и займусь с часок каким-либо делом. Но на этот раз, то есть на другой же день после рассказанного мною обстоятельства, он пришел ко мне, застав меня еще в постели. Едва я успел кое-как принять его, как он сверх всякого моего ожидания и прежнего обыкновения спросил о здоровье, повернулся и тотчас ушел, оставив меня в недоумении и не дав объяснить причину скорого моего выздоровления; в чем он всегда принимал живое участие. Этим я, однако, не удовлетворился, пошел к нему на исповедь и объяснил причину моего выздоровления. Старец все как-то уклонялся положительно выразить смысл моих слов. Но когда я сказал ему ясно и определительно, что получил исцеление именно чрез призвание его имени, он только заметил: “Можно и это делать; святые отцы не запрещают, но только как можно реже”.

Еще сказывал тот же генерал Петровский: “Долгое время не мог я найти себе по сердцу книги для чтения. Хотя и читал св. отцов, но все это не вполне соответствовало моему желанию. Назначая мне для чтения то ту, то другую книгу, старец всегда приговаривал: “Есть у меня книга; уж та верно вам понравится, но подождите”. Действительно, приносит он мне однажды рукописную книгу, озаглавленную “Ставрофилия”, и говорит: “Ну, вот вам и обещанная книга. Эта будет вам по сердцу. Бог благословит вам читать и списывать ее до самой смерти”. Когда я стал ее читать, оторваться не мог. Во всю мою жизнь ни одна книга из всех возможных назидательных книг не нравилась мне столько, как “Ставрофилия”. Так полно она удовлетворяла всем тонкостям моего желания. Вот уже четвертый год, несмотря на немощи моего 80-летнего возраста и слабость глаз, постоянно копирую ее, списываю восьмой экзем-

* Так озаглавливались прежние рукописные экземпляры этой книги. Когда же Оптиная Пустынь, по тщательной обработке ее, вознамерилась ее напечатать, цензор слово “Ставрофилия” заменил словом “Ставрофила”. Сему должно быть, говорил он, по свойству русского языка.

пляр. И вообразить не могу, чтобы дело это когда-нибудь мне показалось тяжелым. И надеюсь, за молитвами старца, продолжить это занятие до самой смерти без опасения наскучить им”. Списываемые экземпляры генерал рассылал разным своим родственникам мирским.

Следующие за сим рассказы передаются вышеупомянутым иеромонахом (впоследствии архимандритом) о. Леонидом:

“Многие из нас,— писал он в свое время,— помнят одну бесноватую женщину, которая, сидя на дорожке, ведущей из монастыря в скит, поносила старца, говоря между прочим: “Скоро ли умрет этот Макарий? Он измутил весь мир. Ох! Горе мне” и т. п. Привлеченная к старцу по вере ее мужа, женщина эта, несколько лет страдавшая беснованием, после употребления данного ей старцем освященного елея выздоровела совершенно. Впоследствии она разрешилась от бремени ребенком, который кричал без умолку непрестанно. Когда же принесли его к старцу, который осенил его во имя Божие благословением, младенец успокоился, и денноночные, ужасавшие его родителей вопли с тех пор, по милости Божией, прекратились.

Был и еще замечательный случай. Один из людей образованного круга имел несчастье подвергнуться припадкам беснования. Родные его обратились за помощью к искуснейшим докторам. Те долго лечили больного дома; наконец послали его за границу к водам; но облегчения не было. Признаки беснования были очевидны; ибо припадки болезни совпадали с днями нарочитых церковных праздников; а конвульсии усиливались от прикосновения священных предметов: Св. Креста, Евангелия, богоявленной воды. В заключение всего больной не в состоянии был добровольно приступать к таинствам покаяния и причащения Св. Таин. Несмотря на то, родные его боялись или не хотели назвать болезнь страдальца своим именем. Видя беспомощное состояние больного, один из близких к нему людей из сострадания взял на себя труд свозить его в Оптину Пустынь с намерением попросить совета у старца Макария, которого он знал лично,— что делать с непонятною болезнию приятеля. Успел ли он уговорить больного или привез его в монастырь, употребив для сего какую-либо хитрость, неизвестно. Только по приезде, остановившись в гостинице, он тотчас послал просить к себе в номер старца, не упоминая о приехавшем с ним приятеле и приятелю ничего не говоря о сем. Несмотря на это, больной в то же самое время начал обнаруживать сильное беспокойство — признак приближавшегося припадка, и говорил: “Макарий идет, Макарий идет!” Старец, действительно, пришел, но едва вошел в занимаемые

гостями покои, как больной бросился на него с бешенством, произнося разные неистовые слова, и, прежде чем успели удержать его, заушил старца. Зная, кто управлял в этом деле рукою несчастного, смиренный старец употребил против него сильнейшее оружие. По заповеди Христовой, он тотчас же подставил ему другую ланиту, произнося слова Господа: *Аще ты кто ударишь в десную твою ланиту, обрати ему и другую* [Мф. 5,39]. Опаленный смирением старца, бес тотчас же оставил страдальца, который упал без чувств к ногам благодатного посетителя и пролежал долгое время в совершенном оцепенении; но потом, очнувшись, встал уже здоровым, не сохранив ни малейшего воспоминания о своем поступке, в котором он, попущением Божиим, был только лишь орудием.

Кроме здесь описанных и подобных им случаев благодатных исцелений по молитвам старца батюшки о. Макария, были и другие, так сказать, наказательно-вразумительные случаи, когда некоторые за непочитание старца подвергались наказанию Божию, а вследствие раскаяния получали от премилосердного Господа и помилование.

Так, один купец, не раз приезжавший к старцу за советами по поводу своих торговых дел, не исполнив старческого наставления, клонившегося к примирению с Богом его совести, и видя увеличивающееся расстройство своего имения, приехал опять попросить у старца совета, что ему предпринять. Приезд свой купец приурочил к одному из двенадцатых праздников, когда число посетителей обители и всегда значительно увеличивается, а при жизни старца Макария увеличивалось особенно. Старец едва успевал удовлетворять духовные нужды обращающихся к нему с разными вопросами, давая на них краткие ответы. Прошло три дня, а старцу не было возможности заняться с упомянутым купцом. Скучая от нетерпения, сей последний стал роптать, давши место презорливым мыслям: “Уеду, — думал он. — Да и в самом деле, чего я жду? Такой же человек, как и все мы, грешные. Целый день в народе. Добро бы, затворник какой был...” и т. п. Сложившись с такими мыслями, коими враг, очевидно, хотел отвлечь его от принятия душеполезного старческого совета, он пришел в монастырскую церковь к ранней обедне. Борьба помыслов продолжалась и тут. Вдруг почувствовал он, как сам после рассказывал, головокружение. Относя это к тому, что был тепло одет, купец снял с себя шубу. Но вот ему представилось, что церковь колеблется, своды ее рушатся и грозят своим падением задавить его. Позабыв о шубе и без шапки, несмотря на бывший сильный мороз, купец стремительно выбегает из церкви и бежит без оглядки в скит. Дорогой ему кажется, что растущие по обеим ее сто-

ронам вековые деревья валятся на него. И потому он бежал с громким криком, как будто преследуемый свирепым зверем. Было рано. Упомянутый выше скитянин о. Леонид (Кавелин) читал в это время Псалтирь по благодетелям и братьям, живым и усопшим. Слыша необыкновенные и учащенные восклицания, он остановился на той мысли, что, вероятно, это один из бесноватых, которых иногда сильно приводили к старцу сострадательные родные. После уже он узнал о случившемся от келейников старца Макария. Вбежав на крыльцо старцевой келлии, купец упал на колени пред запертою изнутри дверью. В это время читались для старца келейниками его положенные Св. Церковью часы. На доносившийся с крыльца крик вышел один из келейников, о. Иларион. Увидев бледного и трепещущего всеми членами человека и по возможности успокоив его, он спросил: “Что вам угодно?” “Батюшку, батюшку, отца Макария, Бога ради!” — проговорил он, задыхаясь от усталости и испуга. Недоумевая, что случилось с ним, о. Иларион доложил старцу, который и вышел навстречу пришедшему. Увидев старца, купец упал ему в ноги и, обливаясь слезами, говорил: “Простите, батюшка, простите! Бога ради, простите! Я подумал, что вы такой же грешный человек, как и мы”. “Да ваше мнение и правильно,— говорил, успокаивая его, смиренный старец,— я не только такой же грешный человек, но еще и хуже всех грешников, по слову: *от них же первый есмь аз*. Успокоенный любовью старца и получив от него благословение и разрешение своих недоумений, купец оставил его келлию утешенный и в совершенно здоровом состоянии. После сего он остался в обители еще на некоторое время, говел, причастился Св. Христовых Таин и уехал, славя Бога и смиренного раба Божия, научась явным наказанием не уничижать смиренных, о них же благоволит Господь, сказавший: *Близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренных духом спасет. И: Уши Его в молитву их* [Пс. 33,19,16].

Еще наказательно-вразумительный случай, записанный иеросхимонахом Анатолием (Зерцаловым):

Белобережской общежительной пустыни некий послушник Адриан по поступлении в эту обитель начал проходить путь жизни подвижнической хотя усердно, но самочинно. Ищущий же погибели душ христианских лукавый враг внушил ему мысль ради спасения души своей принимать к себе странников и успокаивать их. Около семи лет подвизался так Адриан в своей обители. В это время в Оптиной Пустыни старчествовал описываемый здесь высокой духовной жизни старец Макарий. Как истинный пастырь, собственным опытом изведавший пользу старческого пути, он всячески оберегал

врученное ему стадо Христово, отлучая тех вновь поступивших послушников, которые не хотели следовать этим путем. Другие же из них и сами оставляли Оптину Пустынь и переходили в иные монастыри или обращались в праздношатающихся странников. Послушник Адриан вместе с другими странниками принимал и этих оптинских выходцев, которые наносили на старца Макария много клеветы. Таким образом, Адриан, хотя старца никогда не видал, но составил о нем понятие самое невыгодное. Старец представлялся ему человеком нрава жестокого, самовольно и пристрастно распоряжавшегося братьями. За год до кончины старца Макария Адриан вместе с другими пятью послушниками представлен был своим настоятелем к постригу в рясофор. Но в то время как он подписался к пострижению, видит ночью во сне, что входит к нему в келлию их настоятель и за ним неизвестный старец в мантии, камилавке и с двумя крестами на шее. Когда они подошли к Адриану, неизвестный старец, обратившись к о. настоятелю, говорит: “Вы представили в числе других к рясофору и Адриана; а я вам говорю, что Адриан недостойн сего. Другие пусть будут пострижены; а его должно оставить — он недостойн”. Настоятель будто стал оправдывать его, объясняя старцу, что Адриан давно живет в обители, что исправен в послушаниях и вообще хорошо ведет себя. Но старец уже с гневом опять начал говорить настоятелю: “Я вам говорю, что он живет дурно; он недостойн жить в обители, его должно изгнать; он сделает вот то-то, и еще... и... и если вы не выгоните его, то стены его выгонят”. Настоятель, будто, после этого поклонился старцу и вышел. Адриан в то же время проснулся и видит, что подле него уже в действительности стоит виденный им во сне старец. При виде сего неожиданного посетителя послушник вспыхнул от гнева, вскочил с кровати и, сжав правую руку в кулак, спросил: “Кто ты такой, что пришел возмущать против меня настоятеля?” Незнакомец ответил: “Я старец, настоятель Оптинского скита Макарий”. При последнем слове, припомнив все прежде о нем слышанное от странников худое, Адриан еще большим закипел гневом. “Что же тебе нужно? — вскрикнул он. — Из своего монастыря ты всех разогнал; и пришел еще чужую обитель возмущать? Блажени миротворцы. А ты у себя всех разогнал и отсюда выгонять хочешь?” “Я прогнал из своей обители, — ответил старец, — таких же негодных и недостойных, как ты. Ты недостойн пострижения. Ты сделаешь вот то-то, и еще... и... Тебя непременно должно изгнать из обители. Если настоятель тебя не выгонит, то камни выгонят тебя. Три года ты будешь всеми гоним и нигде не найдешь покоя”. Слова эти довели Адриана до крайней

степени гнева. Он обругал старца и со словами: “Вот Бог, а вот тебе порог,” — с яростию устремился на него. Но явившийся старец стал невидим. На другой день после этого Адриан почувствовал в душе беспокойство. На него восстали некоторые из старших братий. И сколько настоятель ни защищал Адриана, они принудили сего последнего выйти вон из обители.

Оставив Белобережскую пустынь, Адриан, действительно, в продолжение трех лет нигде не мог найти себе покоя или пристанища. В некоторых монастырях он и желал было остаться и даже получал на это от настоятелей соизволение; но вдруг с какой-либо другой стороны встречал препятствие, и желание его оставалось безуспешным. Иногда дело об определении Адриана в монастырь доходило до утверждения архиерея; но владыка, никогда не выдавший и ничего о нем не знавший, сверх всякого чаяния отказывал настоятелю в просьбе о его определении. В продолжение этого трехлетнего странствования Адриан, по предсказанию являвшегося ему старца Макария, действительно сделал что-то, по-видимому, укоризненное, и еще... и... Между прочим, он так был ожесточен против старца, что после полутора года своего бродяжничества, проходя в г. Козельск, нарочно миновал Оптину Пустынь, отвернув даже лицо свое от монастыря. Но когда стало к концу приходить роковое трехлетие, сердце Адриана начало смягчаться. И он в мае 1862 года, вопреки своему намеренному пути, сделал 200 верст крюку, чтобы только побывать в Оптиной Пустыни. Когда он прибыл в эту обитель, уже почти два года минуло с тех пор, как старец Макарий скончался. Тогда он обратился за советом к преемнику покойного, старцу Амвросию, — что ему предпринять и как быть и жить. Старец Амвросий посоветовал ему предварительно сходить на могилу старца Макария и испросить у него прощения. Исполнив этот совет, Адриан возвратился к старцу Амвросию и объявил ему, что после поклонения могиле почившего сердце его успокоилось и как бы подсказало ему, что он прощен. Еще месяц оставался до окончания назначенной старцем Макарием виновному трехлетней эпитимии по изгнании его из своей обители; но по совету старца Амвросия он уже отправился прямо на жительство в свое прежнее место — Белобережскую пустынь.

Здесь приведены примеры скорой помощи Божией нуждавшимся в оной по молитвам старца Макария, в свое время бывшие общезвестными. А сколько было еще таких, которые остались известными только Единому Господу и тем людям, которые обращались к старцу за помощью! Сколько можно было ежедневно насчитать исцеленных душевно! Одни уходили от него утешенными в скорбях,

другие возбуждены были им от греховного оцепенения, иные разрешены от уз отчаяния и тому подобного. *Прославляющие Мя прославляю* [1 Цар. 2,30],— сказал Господь. Слова эти вполне можно отнести к описываемому здесь блаженной памяти старцу Макарию. Господу угодно было открыть некоторым, какой славы сподоблял Он смиренного старца еще при жизни его. Приводятся здесь по этому поводу два записанных иеросхимонахом Анатолием замечательных случая.

Один благочестивый посетитель Оптиной Пустыни рассказывал следующее: “Еще до знакомства моего с Оптиной раз представилось мне в сонном видении внутреннее устройство ее храма, сооруженного в честь святой Казанской иконы Божией Матери, точно в таком виде, как оно было в действительности^{*}. Стоял я, будто, среди церкви во время какого-то торжественного богослужения. Царские врата были отворены, и в алтаре по обе стороны св. престола стояли в два ряда иеромонахи в полном священническом облачении. Чинное их стояние и благоговение мне очень понравилось, и я утешался, глядя на них. Только один из стоявших в алтаре иеромонахов показался мне исключением из этого сонма смиренных иноков; и я, признаться сказать, немножко блазнился им. Но вот слышу, какой-то голос говорит мне: “Не соблазняйся и этим монахом. Он так держит себя **от простоты**, и ты напрасно им соблазняешься. А вот, если хочешь, посмотри вон там (при этом как бы кто-то указывал мне на придельный алтарь с южной стороны), вон там есть мудреная простота. Вон там уж есть что посмотреть”. С этими словами будто кто-то взял меня за руку и повел в южный алтарь во имя Воздвижения Креста Господня. Вошедши туда, я увидел стоявшего на южной стороне св. престола по виду смиренного, но очень святолепного старца. “Вот это мудреная простота!” — сказал мне тот же голос. Впоследствии, когда Бог привел мне побывать в Оптиной Пустыни и в самой Казанской церкви, я чрезвычайно удивился тому, что, никогда прежде не бывши в этой обители, увидел все здесь совершенно мне знакомым. В особенности же поразил меня вид никогда прежде не виданного мною старца Макария, совершенно сходный с тем, который года два тому назад представлялся мне в сонном видении”.

Старец Макарий, когда приходил в монастырь к обедне, действительно, в Казанском храме всегда становился на том месте, где видел его в сонном видении упомянутый здесь богомолец.

* После внутри стены Казанского храма расписаны были вновь, также и иконостас поставлен новый.

А вот еще случай прославления Господом Богом смиренного старца Макария, когда он еще был жив.

Вышеупомянутая Севского монастыря монахиня м. Макария Домогацкая 27 мая 1862 года в присутствии многих лиц в хибарке старца Амвросия рассказала следующее: “Это было,— так говорила она,— еще при жизни батюшки Макария. В июне или июле 1860 года нашего (Севского) монастыря послушница Елисавета вместе с другими двумя монахинями приехала в Оптину к батюшке о. Макарию. Все они, по обычаю, поместились в монастырской гостинице, определенной собственно для приезжих монахинь. Нелишне заметить здесь, что послушница Елисавета в особенности замечательна была простотою нрава и множеством понесенных ею скорбей по причине бедности после мирской жизни в довольстве. Из окон келлий остановившихся в них монахинь был вид на гостинный двор и на дорожку, пролежавшую через лес из скита на гостиницу. В один день, около восьми часов утра, сидела Елисавета в одной из этих келлий и смотрела в окно на скитскую дорожку и вдруг услышала доносившиеся оттуда звуки удивительно приятного пения. Смотрит: идет старец Макарий и по сторонам его двенадцать мужей, которые одеты были в белые одежды, а сверху имели схимы. На головах у них были схимнические кукули, также белые и блестящие. Какое-то странное внутреннее чувство подсказало ей, что это были св. апостолы. Двое из них вели старца под руки, а некоторые шли впереди и несли подсвечники с возжженными свечами. Между тем, простодушная послушница не придавала этому видению особенного значения. Ей вообразилось, что, вероятно, в Оптиной Пустыни установился обычай с такою торжественностью носить Св. Дары для приобщения больных; а в гостинице в то время была больная. Должно быть, Елисавета в самозабвении и не подумала о том, что видела св. апостолов. Старец действительно в конце ранней обедни приходил из скита на гостиницу; но только кроме Елисаветы никто не видал сопровождавших его мужей. Когда же послушница эта пошла в церковь к поздней обедне, она случайно встретила на гостином дворе возвращавшегося в скит старца. Приняв от него по обычаю благословение, она пошла с ним по одной дорожке; а другие, сопровождавшие старца, шли сзади их. Пройдя несколько шагов, старец, обратившись к ней, спросил: “А кого ты, Лиза, ныне видела?” Послушница и вообразить не могла, чтобы старец знал о виденном ею; но, опомнившись и все еще хорошо не понимая смысл старцева вопроса, ответила: “Я видела, батюшка, апостолов”. “А кого они вели?” — продолжал

старец спрашивать с улыбкою. Пораженная такою нечаянностью и открытием ее тайны — так как до сего времени никто об этом не знал, — Елисавета вскрикнула: “Ах, батюшка, да ведь вели-то они вас!” При этом старец строго запретил ей открывать это кому бы то ни было до самой его кончины”.

Видению этому мы верим несомненно, как действительному событию. Ибо если Сам Господь, Царь Небесный, был в свое время среди учеников Своих, *яко служай*, когда умывал ноги их на Тайной Вечери, подав чрез это им образ глубочайшего Своего смирения и вместе с тем вложив в стопы их Свою Божественную силу, дабы они непреткновенно могли идти во весь мир с проповедию евангельскою: то ничего нет дивного в том, если и ближайшие ученики Господа св. апостолы, по примеру своего Учителя Бога, своими мощными молитвами, как бы руками, поддерживали и подкрепляли верного раба Божия, старца Макария, ведя его к определенной Промыслом Божиим цели, сиречь к продолжению трудов апостольских, дабы таким образом целить многоразличные недуги в людях и светом учения Христова просвещать омраченные грехами души.

Глава XX

Старец Макарий уклоняется от настоятельской должности и архимандритского сана и слагает с себя некоторые обязанности. Его любовь к вере и Церкви Православной и ревность по вере и благочестию. Благодарное письмо за это к нему от Московского митрополита Филарета. Следит старец за духовною литературою и с великим участием относится к отечественным событиям. Скорби старца в последние годы его жизни и разрешение недоумений по сему случаю

ыше упомянуто было, что стечение народа в Оптиной Пустыни при старце о. Макарии было очень велико. Но оно от времени до времени все более и более увеличивалось. Особенно во множестве посещали Оптину Пустынь имевшие вообще расположение к сей обители и лично к старцу Макарию отличавшиеся своим благочестием жители городов Болхова и Мценска Орловской губернии. Известный бывший настоятель Болховского монастыря, соименный старцу Макарию (ревностный сибирский миссионер между инородцами), архимандрит Макарий (Глухарев), указывал даже многим на Оптинского старца Макария как на своего преемника в их Болховском монастыре. Вследствие этого после кончины сего приснопамятного о. архимандрита, последовавшей в 1847 году, депутация болховских граждан прибыла в Оптину Пустынь, с тем чтобы просить старца Макария дать свое согласие на занятие в сане архимандрита настоятельской должности в Болховском монастыре, именуемом также Оптинским^{*}; а о. игумена Моисея — чтобы отпустил его к ним. Но смиренный старец решительно отказался от этой чести. Узнав же, что о сем уже сделано, помимо его согласия, представление высшему духовному начальст-

^{*} По древнему народному преданию, как Оптина Козельская Пустынь, так и Болховский Оптин монастырь основаны одним бывшим разбойником, Оптою, который, по рассказам оптинского старожилы иеросхимонаха Иова, скончавшегося во второй половине прошлого, XIX, века, пострижен был в схиму с именем Макария и скончался и погребен в Козельской Оптиной Пустыни.

ву, он поспешил отклонить его чрез некоторых благотворителей обители при посредстве одной высшей духовной особы.

Между тем, телесные силы старца батюшки о. Макария с течением времени все более и более ослабевали, а трудов ему все более и более прибавлялось. Часто усталый, измученный долгим занятием с народом, едва переводя дыхание, не имея сил не только говорить, но и произнести внятно одно слово, возвращался он с монастырской гостиницы в скит со своего ежедневного подвига. С грустью смотрели близкие к нему иноки на такое его изнеможение и нередко пробовали упрашивать его поберечь себя ради их и других многих, которым дорога была его жизнь. Просили, по крайней мере, сократить переписку, видимо истощавшую его силы еще более устной беседы. “Что же мне делать? — отвечал любвеобильный старец, — не писать вовсе нельзя; а отвечать одним и обижать молчанием других, я этого не в силах”. Иногда старец, казалось, как бы падал духом под тяжестью своего креста; но это лишь казалось так. Ибо благодать Божия, немощных врачующая и укрепляющая, всегда была присуща его духу, подавая крепость ослабевавшим его телесным силам. В самом деле, принимая в соображение вообще слабое здоровье старца, его ежедневные, почти непрерывные труды, нередко посещавшие его болезни и преклонные лета, — нельзя было не сознаться, что только сила Божия могла подкреплять измождающую плоть его для перенесения столь великих и многообразных трудов.

Не раз, однако, чувствуя крайнее изнеможение и упадок сил телесных, старец и сам решался прекратить вовсе умножавшуюся ежегодно свою духовно-назидательную переписку; но, по примеру своего духовного вождя и учителя, старца о. Льва, и, конечно, не без тайного извещения воли Божией, побеждаемой силою и горячностью любви к страждущим различными душевными и телесными болезнями, видя при том умножение недугов общественных, более же всего по смирению, не посмел сам сойти с определенного ему Богом креста, на который возвела его та же христоподражательная любовь, пока не испустил он на нем свой дух.

Кроме того, при умножавшемся год от году числе посетителей для старца все ощутительнее и ощутительнее становилось лишение уединения. “Молва, молва, — писал он к своим севским родственникам, — и ежедневная молва. Когда опомнюсь? Когда избавлюсь от помрачения и войду в себя? Не знаю. Пожалейте меня и помолитесь, чтобы я избавился от обольщения и себя, и других. Только и знаю, что толкусь да молвлю, и всякий день на гостиную сколько раз схожу; и не видно исходу. Одни уезжают, а другие наезжают; а

я, грешный, везде поспел. Горе, да и только! Душа гладна без пищи; читать времени мало; да и то, какое чтение в смятении? Ну, что делать? Надо потерпеть; а кто знает, когда позовут в вечность? Лета, слабость, все сближает к тому; а я нерадею. Господи, помилуй и спаси, по неизреченному милосердию Твоему!” Особенно же чувствовалось старцем лишение уединения, когда благоприятные обстоятельства указали время приступить к изданию книжных трудов блаженной памяти старца Паисия Величковского. Неоднократно батюшка о. Макарий высказывал это своим близким ученикам и знакомым. Однажды, еще в 1847 году, бывши в доме гг. Киреевских в их имении — селе Долбине, старец и им высказался о сем. Это подало Ивану Васильевичу мысль построить для старца уединенный домик в их владениях*. По отъезде батюшки о. Макария в обитель Иван Васильевич немедленно сообщил эту мысль своей супруге; а она передала о сем старцу и просила на то его согласия. Старцу так приятно было это предложение, что тогда же он сам приехал благодарить за оное радушных долбинских владельцев. В то же время избрано было им и место для сего домика, в глубине березовой рощи, отстоявшей в версте от господской усадьбы. Домик окончен был постройкою весной 1848 года, и старец приглашен был хозяевами на его освящение. Войдя в него в первый раз с келейником своим о. Иларионом, старец пропел: “Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородицу...” — и опять благодарил хозяев за их усердие. С тех пор он, испросив дозволения духовного начальства, по временам посещал устроенный для него домик, проводя в оном каждый раз по несколько дней с кем-либо из своих учеников для ничем не развлекаемого занятия — приготовления к изданию святоотеческих книг.

Но сего малого успокоения для слабеющего телесными силами старца Макария было недостаточно. Желая устранить от себя хозяйственные хлопоты, сопряженные со званием начальника скита, чтобы иметь более свободы для занятий духовных, старец неоднократно просил настоятеля обители о. игумена Моисея сложить с него начальническое бремя; но по просьбе его и братий отсрочивал свое намерение. Наконец, в 1852 году старец возобновил прежнее свое прошение. Но так как о. игумену известно было, что в скором времени он должен был почтен быть саном архимандрита, то старец и на сей раз получил от него такой ответ: “Уж погодите; вот, слышно, нам шапку хотят дать; так уж повремените”. Шапка действи-

* Построенный гг. Киреевскими домик по кончине старца Макария с согласия владельцев перевезен был на дачу Белевского женского монастыря и поставлен там на память о старце.

тельно в скором времени о. игумену была дана, и в следующем 1853 году старец Макарий передал должность начальника скита скитскому иеромонаху о. Пафнутию. Это было 30 ноября, в тот самый день, в который 14 лет тому назад он принял над скитом начальство. Собрав скитскую братию в церковь, старец объявил, что он по соизволению настоятеля о. архимандрита Моисея слагает с себя звание скитона начальника. После совокупной молитвы с поминовением на оной поименно о здравии и спасении всех скитских братий старец с земным поклонением испросил у всех прощения. Также и братия взаимно прощались со старцем, принимая в то же время благословение у нового начальника.

Подробнее об этом обстоятельстве так писал старец к своим севским родственникам: “Слава Богу! Ныне кончилось 14 лет моему управлению скитом, хотя и недостоин сего именованья, — но помощью Божиею, заступлением и покровительством Матери Божией и угодника Божия, Крестителя Христова Иоанна, за молитвами отца нашего архимандрита Моисея, и игумена Антония, и всех отцов и братий наших протекло время скоротечно. Хотя во многом и погрешал и братию оскорблял и во многом соблазнял, но любовь их был покрываем; а их послушанием и понуждением себя все дела внешние исполнялись. О душевных же преуспеяниях и немощах знает Сам Бог и коегождо совесть. Спаси их, Господи, и меня молитвами их помилуй! Итак, нынче, после поздней обедни, мы с о. Пафнутием пошли к о. архимандриту, я получил благословение на увольнение (по предварительном о сем совещании), а он — на вступление в управление. Зашли к о. Антонию; получили и его благословение, потом в нашем храме, вкупе с собравшеюся братиею, отслужили Божией Матери с акафистом молебен и св. Иоанну Предтече*, и после краткой беседы, приличной к сему, я просил у них прощения, благодарил за их любовь и послушание и поручил их новому начальнику, прося, чтобы имели и к нему послушание и любовь. И теперь, благодарение Господу, чувствую некоторое успокоение. А вы поздравьте меня с сим, давно желанным моим расположением к оставлению сего, хотя малого, начальства”.

Скитский летописец по этому поводу сделал такое замечание: “Перемена сия (передача начальства над скитом), разумеется, лишь внешняя. Но все-таки мысль, что батюшка слабеет, понемногу слагает с себя бремена, чтобы легче шествовать к своему отечеству (небесному), для нас тяжела, и неволью слеза катится из глаз; а сердце леденеет от мысли о разлуке с отцом и благодетелем”.

* Во имя сего святого основан Оптинский скит.

Правда, что перемена эта была только внешняя; потому что порядок жизни духовной в скиту, как и вообще во всей обители, чрез эту перемену нисколько не изменился. Новый начальник заботился более о внешних порядках и потребностях скита, нисколько не выходя из послушания блаженному старцу, который обращался с ним как с одним из скитских братий, даже и осыпал его иногда за что-либо укоризнами. Такова была сила благодати Божией, действовавшая в старце Макарии! Она невольно покоряла сердца и начальственных лиц.

По заведенному в скиту порядку, начальник скита утверждается и в должности братского духовника всей обители. Так было и с о. Пафнутием. Он обыкновенно исповедовал братию и некоторых мирян. Может быть, с того же времени, а может быть, и еще раньше, старец Макарий оставил и духовническую должность: то есть уже никого не исповедовал, а только старчествовал, то есть принимал от приходивших к нему откровение помыслов и преподавал советы и наставления, как противостоять жестокой и неотдышной брани от находящих бесовских худых помыслов и как удобнее жить по заповедям Божиим, изложенным в Святом Евангелии, уча тому словом и делом, главное же всего — примером собственной смиренной жизни. Все же внимание и старание старца, главным образом, обращено было к искоренению в относившихся к нему гордости и происходящего от оной злопомнения и к насаждению в душах их смирения. Так, например, писал он к своей севской племяннице м. Мелании: “Вини себя и за то, что не имеешь любви к М.П., ибо Господь повелел и врагов любить. Любовь и смирение, кроме всех дел, спасут нас. Духовная война мудрена. Враг хитер и силен. А кто вооружится на него смирением, против того и минуты постоять не может. Но смирение стяжать — много труда и внимания нужно. Ибо враг противится сему и наводит все противное оному. А сколько пагубно злопомнение, читай у св. Иоанна Лествичника и аввы Дорофея и Зосимы”. И во всех почти письмах проводятся старцем Макарием эти мысли. Потому и собрание всех его писем поистине можно назвать учением о терпении, самоукорении, смирении и любви.

Сам же старец все эти добродетели показывал в себе на деле. Его любовь, можно сказать, обнимала весь род христианский, и в особенности близкое его сердцу дорогое отечество. Как ревнитель единой истинной православной веры Христовой, он радовался о благотворном влиянии ее на сердца православных. “Слава Богу! — писал он к своим в Севск, — православная наша вера одушевляет и

утешает сердца наши. Хотя и скудны мы делами, но не отпадаем надежды на милосердие Божие; и будем вопить к Нему, да спасет нас, ими же вестъ судьбами!” Или в другом письме: “Благодарение Господу, что вы проходите время св. поста мирно и спокойно. Господь утешает вас при слушании церковного богослужения, которое Церковь так премудро расположила и устроила, наставляема Духом Святым”. Напротив, старец очень скорбел об усиливавшемся еще в его время распространении различных религиозных заблуждений и нравственной порче вообще среди русского общества. Например, так писал он к вышеозначенным родственницам: “В настоящее время мы читаем “Об отношениях римской церкви к другим церквям” Авдия Востокова. И как горько видеть все проделки папы и его воинства — иезуитов и пропаганды! Сколько он делал ухищрений в достижении главенства пап и непогрешимости их и во многих нововведениях догматических в Церкви, по отпадении от Греческой Церкви! А наша Церковь стоит в чистоте учения Христова и апостольского и святых вселенских соборов. А они внесли ереси. И наша Церковь считает их еретиками. А они до сих пор усиливаются распространять свои еретические учения в нашу любезную и православную Россию. И многие из аристократов уже увлеклись их учением, перешед в католицизм, и стараются собратий своих туда же увлекать. Допущена была веротерпимость; а ныне уже и проповедь возникает их ложного еретического учения”.

О предстоявшем браке одной из родственниц старца с католиком он писал: “К. пишут и радуются о предложении, сделанном М. католиком. Но я этому не радуюсь. А если совершится (брак) без присоединения его к нашей Церкви — то сильно скорблю. Я написал им, что нет моего благословения. Они так равнодушны к своей религии, — пишут, что “мало разницы”, и не понимают, что может произойти от различия веры и в супружестве, и в воспитании детей. Одно то, что приступают к Чаше Христовой разномысленно, и другие многие догматы уже разъединяют их союз дружбы и единомыслия. А чтобы он после обратился, это сомнительно. Напротив, у них мысль на Западе и во всех их, чтобы и всю Россию окатоличить. И уже к этому многие приступают; и из наших, принявших их веру, князя Гагарин и Голицын пишут брошюры и высылают в Россию... Какая же тут надежда на счастливую судьбу? Разве только одно холодное равнодушие к вере подаст ложный и мнимый покой. Я этого не желаю”. А по совершении брака вопреки воле старца он писал: “Как же не больно для меня видеть в членах моего родства смешение с еретиками! Я на них не сержусь, но болю о них; а писать к ним

не хочу. Пустое и тщетное пустословие! Они не послушались, соединились с еретиками; и теперь не слушают о присоединении их к нашей Церкви”.

О католической пропаганде и об опасности от нее Православию в России старец и еще писал: “Какое везде смятение и восстание на нашу Православную Церковь! Не помню, писал ли я к вам: вышла недавно книжка — 158 страниц мелкой печати, осьмушкой, напечатана в Париже, сочиненная каким-то нашим кн. Голицыным. Силится доказывать от наших книг о главенстве папы и о прочих догматах, что западная латинская — истинная, а Православная Греческая Церковь — отступила. Призывает Российскую Церковь к соединению с западною и с папою. И все это натяжно и ложно. Право, горько и скорбно сердцу было читать такое нападение на Церковь — и от кого же? От своих чад. Конечно, не всякий поверит, а паче из утвержденных в вере; но равнодушные к вере, а паче еще хромлющие аристократы, верно, ядом сим напоятся и уклонятся туда. А между тем, книг, верно, уже распущено не малое количество по России. Всякий, едучи из-за границы, привезет эту книгу, как драгоценность. Вот как наша Церковь страдает! Овцы взяли, или берут на себя, самочинную обязанность учения и не хотят слушать пастырей Церкви, прелазят инуде в ограду и распудят овцы. Но, Господи, не предаждь нас до конца, Имени Твоего ради, но утверди Церковь Твою Православную на неподвижном камени заповедей Твоих и учении Св. Вселенских соборов, в согласии с Греческою Церковью, от коей мы и веру приняли”.

Еще: “Ко мне пишет один ревностный наблюдатель: в Америке составилось какое-то общество под именем мормонов, особенное христианство. Многоженство позволено, и отличаются трудолюбием. Целая провинция собралась, до полумиллиона. Начальнику их будто бы ангел дал новую библию, или Златую книгу. В ней всякая смесь христианских догматов и отступление от истины. В Германии проповедуется явно полухристианство, подобное древнему арианству. Страшно сказать: Божество и чудеса Спасителя нашего Господа Иисуса Христа не признаются. И это лжеучение распространяют самые пасторы лютеранские посредством печатных книг. Оно вкрадывается повсюду. В Европе теперь большая часть юношества образованного не верит ничему, кроме своего ума. Папа старается всех привести в католицизм; и один наш князь и иезуит Гагарин издал брошюру: **Может ли быть Россия окатоличена?** Вот в каком бедствии находится наша Церковь и всяк правоверующий, а особенно юное поколение! Но идол нашего времени — неслыханная роскошь

— заставляет всех желать и искать богатства. Железные дороги, телеграфы, купечество всемирное! Благородство осмеяно. Все это к чему ведет? Бог знает. Ныне сделались модными словами: **допотопное, всемирное...** К чему эти слова клонятся? Разумей да разумеет!.. Не должны ли мы сближаться друг с другом любовью и смирением? Да не постигнет нас неготовых час смертный, а горшее оно — ослепление помраченное, разливающееся по вселенной! Как нам не благодарить Господа, что удостоил нас отлучиться от мира и сохраниться в православной вере! При частом столкновении с людьми противомудрствующими долго ли поколебаться уму и увлечься в их мнения? Что нередко случается со многими. Итак, будем благодарить Господа сердцем и усты, и дела благими — миром, любовью и смирением”.

Еще в том же духе и смысле писал старец к неизвестному лицу: “Что делается в мире, до нас еще меньше доходит. Но подобные, описанные вами случаи до глубины потрясают душу. Говорю это собственно не о себе, но вообще о братиях наших, подвижающихся и еще могущих подвергнуться прелести врага, ищущего поглотити всякого, не внимающего и предающегося суете мира и чувственности. И враг столько дерзок, что ополчается на мать нашу, Святую Соборную и Апостольскую Православную Кафолическую Церковь; различными средствами старается поколебать ее то папизмом, то лютеранизмом, то вольнодумством. Но Церковь наша пока еще хранима благодатию Божиею, и *врата адова не одолеют ей* (Мф.16,18). Бедствия претерпевает; но, по слову святого апостола, *подобает бо и ересем в вас быти, да искуснии явлени бывають в вас* (1 Кор.11,19). Будем бодрствовать и стоять на твердом камени веры нашей Православной Церкви. Сами себе, и друг друга, и весь живот наш Христу Богу предадим!”

В другом письме к тому же лицу писал старец так: “Изъясняете замечания ваши о нашем времени, находящемся в движении и волнении: чего-то ищут доброго и нового. Но как оно ищут? И где хотят найти? Цивилизация и прогресс! А на православную религию (веру) не обращают внимания. А на оной-то основывается все наше блаженство, и временное, и вечное. Умные, ученые, образованные люди хотят верить по-своему, а не как учит нас Православная Церковь. Учение Церкви непогрешимо, хотя в исполнителях оно и найдутся погрешающие. Но часть не есть целое; а насмешники над погрешающими обращают язык свой на всю Церковь; а в Церкви все наше благо и спасение. Таинства церковные суть проводники в Царство Небесное; служители оным и совершители — духовенство,

на которое так нагло и ядовито нападают образованные умники и заражают немощных, а паче напоят сим ядом юношество..." и далее.

Еще в ином письме: "Что делать? Нынче темная сила крепко вооружается против света истины, и разум силится взять верх над верою и противляется Церкви; но, по слову Господню, *врата адова не одолеют ей* (Мф.16,18). Хотя и многие увлекаются в сети лукавнующих, а паче жалкое юное поколение напояется горьким ядом мнений сопротивных; которые еще пагубный яд свой распространяют и в простонародии чрез вредные брошюры, пускаемые в народ для чтения вместо нравоучительных и нравственных наставлений. Жаль бедную, любезную нашу матушку Россию, если, по слову вашему, жатва эта скоро поспеет под серп! Если же это неминуемо должно быть, то верующим надо молиться милосердному Господу, да отвратит праведный гнев Свой от нас... и не дай, Господи, нам дождать и видеть несчастные случаи, если они будут у нас. Благодетельная Европа научила нас внешним художествам и наукам, а внутреннюю доброту отнимает и колеблет православную веру; деньги к себе перетягивают. Не могу ничего судить право. Вижу только, что мы больны душевно и не видим этого". Об успехе же католической пропаганды между православными старец писал так:

"О преимуществе пропаганды римской церкви пред православною и благотворительных оной заведений должно заметить, что как причиною отпадения ее от Православия было властолюбие и другие человеческие цели и расчеты: то и все ее действия расстроены тем же недугом и теми же видами; и нет в них предприятий чистых по Бозе и по совести, как в Церкви Православной. Оттого-то действия последней скромны и негромки. Загляни в историю времен Фотия, Патриарха греческого, который обратил Болгарию в христианство, и увидишь, что тогда делали паписты и для чего. И доселе продолжается то же. Паписты не заботятся обращать турок в христианство, а стараются совращать православных греков и болгар с истинного пути. Действия их всегда основывались и основываются большею частью на лжи и происках".

И в других письмах писал старец о том же предмете с великой скорбью. Все это писано было в 50-х годах XIX века.

Вследствие такой ревности по вере и благочестию старец Макарий удостоился получить от Московского митрополита Филарета следующее писание: "Преподобный отец Макарий! Приветствую Вас и отца настоятеля Вашей обители; и всему братству Вашему мир и благословение Божие, и непреткновенное, под осенением благодати Божией, течение по пути спасения и совершенства! Благосло-

венна сострадательная скорбь Ваша о восстании на Православную Церковь людей, иже *от нас изыдоша, но не беша от нас* [1Иоан.2,19]. Молитесь, да Господь непобедимою Своей помощью охранит ее и утешит, и нас, смиренных, утешит о ней и с нею. Православная Церковь, всегда воинствующая на земли, многие веки в отечестве нашем покровительствуемая, ныне, по грехам нашим, приближается к тому, чтобы вновь явиться гонимой.

Утверждение на Тя надеющихся, утверди, Господи, Церковь, юже стяжал еси честною Твоею кровию.

Прошу молитв Ваших о моем недостоинстве и немощи, пребывая с искреннею, яже о Господе, к Вам любовью. Филарет, м. Московский. Мая 11, 1859. Посылаю Вам обличение на одно из восстаний против Православной Церкви”.

При всех своих почти непрерывных, многотрудных занятиях и ослабевающих силах телесных старец Макарий находил время и возможность следить за духовною литературою. Он получал все в его время издававшиеся духовные журналы и периодические издания, как-то: Творения св. отцов, Христианское и Воскресное чтения, Православный собеседник, Православное обозрение, Странник, Духовную и Домашнюю беседы. Из четырех последних предпочитал Духовную беседу и Домашнюю. Кроме того, интересовался вновь издававшимися книгами духовного содержания и при случае делал о них свой отзыв. Так, прочитавши “Письма о христианской жизни” известного епископа Феофана, Затворника Вышенского, вскоре по выходе их из печати, старец писал о них к одному лицу: “Книжку “Письма о христианской жизни” я знаю и ожидаю скоро оной присылки. Я ее прочитал, но еще не всю. Книга очень хороша; но о молитве в некоторых местах очень смело сказано, как-то: в сердце иметь ум, и что это всякий может делать, искать в себе теплоту и прочее. Неопытные примутся за это и ничего не найдут, смутятся; а мало-мало кто ощутит, увлечется и впадет в прелесть. Святые отцы говорят, что на это требуется много времени, подвига, труда и наставника непрелестного; и что в чистую молитву один от тысячи токмо достигает; а еже по оной один от тьмы. Это слова св. Исаака Сирина. Он же пишет во 2-м слове, стр. 13 и 14: “Кто прежде обучения в первой части — деяния, приступает ко второй — видения, которое состоит в духовном поучении и молитве, на того гнев Божий находит; там увидите почему”, и далее: “яже Божия, глаголет, сама от себе приходит, тебе не ощущающему. Ей, но аще место будет чисто, а не скверно. Аще ли зеница очесе души твоя чиста несть, да не посмеешь воззрети на округ солнца, да не лишишися и самая тоя

малыя зари, яже есть простая вера и смирение, и исповедание сердечное, и малыя дела, яже по силе твоей, и отвержен будеши”, и проч. (Слово 2-е, стр.14). Молитва умная есть высшая всех деяний, по слову св. Григория Синаита. И кто беззастенчив и дерзостен хотя к Богу внити, и исповедати Его чисте, и стяжати Его в себе нудясь, удобь умерщвляем есть сицевый от самех бесов, аще попустится; и далее (в главах Григория Синаита о безмолвии, глава 7, “О прелести”). И пишут св. отцы: “Кто проходит молитву и воздержание, на тех сильно и яростно нападают бесы; и если мы не имеем на них оружия — смирения, то удобно низлагают”. Ныне много издано книг о сем деянии. Добротолубие и другие отеческие книги вам известны; но надобно проходить оное с наставником, а не самочинно. Старец Паисий в письме к Софронтиевскому старцу Феодосию пишет, что он о издании отеческих книг и радостию, и страхом одержим, а почему? Прочтите сами в житии старца Паисия к архимандриту Феодосию письмо на странице 265 первого издания. У нас есть написана статья в предостережение от самочинного делания сего; но времени нет исправить, а хотелось бы и издать. Не думайте, чтоб я осуждал книжку оную. Я нахожу в других материях очень полезной и исполненной истины. А как вы просили моего мнения, то я и сказал откровенно — что нашел. Надобно попроще: молитвою Иисусовою нужно молиться всем и отгонять помыслы; но не искать ничего, **кроме помилования**. А Господь, давая молитву молящемуся, даст и умную молитву, по слову Петра Дамаскина. А то у врага много подсад, и подвижников обольщает под видом истины ложными действиями. Впрочем, искренно желаю, чтобы во всем принесла пользу сия книжка. Спаси, Господи, написавшего оную”.

Каждое крупное событие отечественное вызывало глубокое сочувствие в отзывчивой душе старца Макария. Известная неудачная Севастопольская кампания в пятидесятых годах прошлого века привлекала к себе его внимание. Несмотря на свои постоянные недосуги и немощи телесные, во время осады Севастополя он просил прочитывать себе известия о ходе ее из “Московских ведомостей”, и при каждой радостной вести или подающей на успех надежду радовался как дитя и славил Бога; а при вести о неудаче скорбел и тужил молитвенно. 1854 года 16 октября старец так писал к одному близкому лицу: “Война сатаны против Креста продолжается и чем кончится, Единому Господу известно. Конечно, нам это наказание за грехи наши, однако с милостию и покровом Божиим. Аще не бы была Его защита и покров, что бы могли они сделать с такою сильною армадою и полчищем католицизма, протестантства, исламиз-

ма, при таком нечаянном и неожиданном нападении?! Право и истинно слово Господне. Если бы мы исполняли волю Его, то (исполнялось бы): *поженет един тысящи и два двигнета тьмы* (Втор. 32,30)... Надобно нам молиться Господу и умиловлять Его покаянием и благим житием. Да сохранит Господь Православную нашу Церковь и чад ее, братий наших, подпавших мусульманскому игу и мнимо-христианскому тиранству. Они, бедные, теперь без защиты. Вся Европа обрушилась на нас и на них. Один Бог наш помощник и покровитель; и Он да будет нам во спасение. Воззовем к Нему в скорбях сих, и услышит нас. Он силен и ныне коня и всадника ввергнуть не в Чермное, а в Черное море, и избавить людей Своих от горькой работы умного фараона, и тристаты его совокупленные уничтожить. Но что наше умствование? Мы должны повергаться пред величеством славы Его в бездну смирения и ожидать, да будет воля Его на нас”.

К тому же лицу старец еще писал: “О делах Европы и войне нынешнего времени рассуждать я не могу и со своей стороны не смею делать больших заключений, кроме того, что война эта есть перст Божий и бич, наказующий нас, уклонившихся от правого пути и идущих строптивым, широким и пространном, отводящим в пагубу. Многие положившие живот свой на брани, верно, получают оставление грехов, и многие увенчаются нетленными венцами славы небесной; а оставшиеся ближние их, да и все вообще, страдая о сем сердцем и терпя во многом нужду, невольно оставят роскошь и утвердятся в вере. Судьбы Божии для нас непостижимы, и Ему Единому ведома будущая вся, как прошедшее и настоящее. Буди воля Его святая на нас; но мы должны молиться, да милостив будет к нам, грешным, и помилует мир”.

Смирненно предаваясь в волю Божию при неблагоприятных для России известиях о войне, старец, по обычаю своему, переносился мыслию к брани духовной. Так, он писал к своим севским родным: “Я знаю, что вы находитесь в борьбе, и сильная война — не меньше Севастопольской. Но там оружие: медь, железо, сталь, свинец, чугун, порох, огонь, хитрость и сила человеческая; а у нас оружие другого рода: вера, упование на Бога, самоукорение, смирение, терпение, молитва и всеобъемлющая любовь. Оставляя сие оружие, впадаем в руки сопротивных, и они сокрушают душевные наши кости, повергают и томят в узах смущения и злопомнения. А тут мучители: зависть, рвение, поречение благого и весь злой собор страстей без милости мучат. Надобно же нам не оставлять спасительных оружий и оными низлагать сопротивных, научаясь брани на практике”.

Но вот скоро, одно за другим, последовали горестные отечественные события. В самый разгар войны, 18 февраля 1855 года, скончался Государь Император Николай Павлович. Неожданная весть о его кончине вызвала у старца обильные слезы. Причем он, как передавал в свое время один современный ему монах-старик, высказал такую мысль, что Император Николай держал Россию в железных руках и этим сдерживал пагубное своеволие своих подданных, а что ожидавшаяся после него свобода, всегда приводившая и приводящая людей к необузданному своеволию, должна принести России православной великий вред. Теперь мы и видим это на самом деле. Впрочем, скорбь свою о потере сего Государя старец растворял утешительным размышлением о его христианской кончине. Так, писал он в 1855 году к своим родным в Севске: “24-е февраля. На сих днях прочитал манифест нового Государя Александра II. Нельзя было без слез читать о кончине Государя Николая I. И в такую великую эпоху для России! Сохрани, Господи, нашу православную веру и Святую Русь от нашествия иноплемennых и от злого их умысла... смирить (то есть унижить) Россию. Будем молить Господа помочь нашему новому Императору и христолюбивому воинству. Час смертный близ есть, а мы не готовы. Как предстанем пред суд Божий? Вот люди умирают; и много знатных лиц в короткое время не стало. А над всеми и отец великого семейства — целой России, Император наш, Николай Павлович, благоговейно отошел ко Господу, исполнив долг христианина — исповеди и причастия Пречистых Таин Христовых; пребыл в полной памяти до самой смерти. Давал наставления Наследнику и семейству, потом попросил у Наследника Крест с распятием; благоговейно поцеловал несколько раз и, сказав: “Буди воля Твоя, Господи!”, скончался. При велией скорби о лишении отца отечества утешительно слышать о такой его христианской кончине, подающей надежду, что в вечности удостоится блаженства. О чем Св. Церковь и все мы молим Господа, да упокоит душу его в Царствии Небесном!”

Вскоре затем дошло до старца другое горестное известие — о взятии неприятелями Севастополя. Услышав об этом, старец зарыдал, как любящий отец, потерявший единородного сына. Упав на колени пред образом Богоматери, он долго молился пред Нею без слов.

В первых числах мая 1857 года старец Макарий в сопровождении о. Леонида Кавелина посетил Малоярославецкий монастырь по просьбе настоятеля оного, о. архимандрита Никодима, и на обратном пути чрез Калугу был у преосвященного Григория, который в

это время возложил на старца установленный для священнослужителей за минувшую войну бронзовый на владимирской ленте крест. Таким образом, старец к концу временной жизни своей украшен был двумя крестами — золотым наперсным и бронзовым. Сопровождавший старца о. Леонид (он же и скитский летописец) в летописи сделал при сем следующее замечание: “По своему благоволению батюшка навестил в Хлюстинской богадельне моего больного брата. Причем один больной, лихвинский мещанин, который, как временно (по словам надзирателя) приходит в ярость и бешенство и потому при нашем приходе лежал привязан к стене, увидя батюшку, возопил: “Преподобне отче Макарие! Моли Бога о нас”. Был ли то дух пытливый, действовавший в отроковице, ходившей за апостолами (Деян.16,17,18), или сей больной — юрод Христа ради, не знаю. Сообщаю лишь для памяти факт. Никто не предуведомлял о нашем прибытии, и имя батюшки не было произносимо во время его там пребывания. Возвратились домой (в скит) благополучно в 3 часа. Много народу ожидало батюшку на гостинице; а крест на него возложен был как бы прообразом крестов духовных, которые ожидали его по возвращении и ведомы лишь Богу и приближенным”.

Но какие ожидали старца духовные кресты, или, попросту сказать, скорби, о сем читатели увидят далее; а теперь посмотрим, как относился старец к ожидавшим Россию преобразованиям — освобождению крепостных крестьян и грамотности среди простого народа. Так, он писал: “В освобождении собратий наших крестьян, или просто христиан, от крепостного состояния мы должны видеть отеческий Промысл Божий, умилосердившийся над ними. А многие из владельцев охотно сроднились с сею мыслию и ожидают переворота, не смущаются за лишение многих доходов, а некоторые, также немалое число, скорбят, помышляя, что не будут иметь средств к привычной роскошной жизни, которыми они пользовались от трудов тысячи рук людей, кои сами лишались нередко чрез то нужного пропитания. Роскошь, конечно, умалится, которую можно назвать оружием дьявола к гибели душ человеческих. Но что будет со свободными и как они воспользуются оною свободою — это еще нам неизвестно. Вы правильно рассуждаете, что может быть то и то... Но вот что неизвестно: какой принесет плод эта грамотность, вводимая в простонародие. Мы теперь уже видим в казенных поселянах, которые научились грамоте: побудет кто из них писцом и окажется неспособным или по какому-либо случаю лишится места — то он уже не пахарь, и отец не имеет надежды на подпору своей старости. На это возражают: если все будут грамотными, то этого не может быть.

Ну, хорошо. Они научатся грамоте; а что будут читать? Повесят книги: “Смех”, “Пустозвон” и подобных. Какое они могут иметь влияние на нравственность? Что будет тогда — увидим. Да будет воля Господня на всех нас!” Или еще: “Сердце обливается кровию при рассуждении вашем о нашем любезном отечестве России, нашей матушке. Куда она мчится? Чего ищет? Чего ожидает? Просвещение возвышается, но мнимое. Оно обманывает себя в своей надежде. Юное поколение питается не млеком учения Святой нашей Православной Церкви, а каким-то иноземным мутным, ядовитым заражается духом. И долго ли это продолжится? Конечно, в судьбах Промысла Божия написано то, чему должно быть, но от нас сокрыто, по неизреченной Его премудрости. А, кажется, настает то время, по предсказанию отеческому: “Спасаяй да спасет свою душу!”

Интересен и весьма назидателен взгляд старца Макария на современное ему монашество — что весьма приложимо и к нашему времени. Так, писал он 5 июля 1860 года, незадолго до своей кончины, к одному иерарху: “При взгляде на нынешний образ жизни монашества, как мы далеко уклонились от того пути, который нам показан в отеческих учениях, — сердце болезнует! И вместо того чтобы искать *доброго бисера, сокровенного на селе* сердец наших, довольствуемся одною внешностью. А чтобы подвизаться на страсти, мали и редцы обретаются; и чрез слабости наши бываем соблазн миру, вместо того чтобы быть свет миру. Вы изволите замечать, что охота к чтению отеческих книг начала истребляться в монахах. Вот это и служит причиною к расслаблению; так как нет побуждения к деятельной иноческой жизни. Может быть, и есть из новоприходящих, что имеют ревность и желание спастись; но, видя примеры слабости, прежде осуждают их, потом и сами поработаются оным, не имея верного окормления и отвержения своей воли и разума — что могло бы привести их к смирению, как сильному оружию на все вражьи сети. Немудрено, что и в религиозных журналах нынешнего времени проявляется что-то такое невыгодное о жизни монашества. А о других литературных изданиях нечего и говорить! И все это разливается по всему христианскому миру, который не смотрит на свои слабости, а зорко взирает на монашеские и малые недостатки. Впрочем, мы не должны обвинять судящих нас, но находить в себе вины, смиряться, приносить покаяние; и Господь силен спасти и извести из оного, виденного преподобным Пахомием, скорбями, напастьми и болезнями. Хотя и горестно смотреть на наши слабости; но многие, приходящие в обитель, обретают защиту от стрел вражиих, коим могли подвергаться в

мирской жизни. Только, сколько мог я заметить, бесполезно и опасно слишком юных принимать (в монастырь); ибо они более подвергаются влиянию слабой стороны и, навывкнув худому, не скоро могут прийти к истинному пути, так что ни к монастырю, ни к миру не бывают способны. На сих днях мне случилось слышать сравнительный пример иноческой и мирской жизни. Один странник безногий ползком обошел многие монастыри и на вопрос одного монаха, как он находит монастырскую жизнь в сравнении с мирскою, отвечал: “Не все равные обители; но думаю так: луг когда огорожен, то и трава на нем растет хорошо; а вне ограды бывает потоптана и поедена”. Простой, но разительный пример! Еще ободряет нас писанное Иоанном Карпафийским к индийским инокам утешительное слово*. Надобно молить Господа, да сохранит иноческий чин в нашем любезном отечестве и подаст силу и крепость к побеждению видимых и невидимых врагов христианству и монашеству**.

Но какие же у смиренного старца Макария, всегда мирного в духе молитвенника, были скорби, или кресты духовные? Писал он однажды к своим севским родным: “У меня скорбей нет; скорби мои — грехи”. Однако к концу жизни посетили старца и скорби. Они состояли в том, что между ним и настоятелем монастыря о. архимандритом Моисеем, всегда жившими в мире и обоюдной искренней любви, произошел некий разлад, который, впрочем, как сейчас увидим, происходил не от сердечной нерасположенности друг к другу, а от разных взглядов на дела. Так, например, о. настоятель любил производить в монастыре постройки, по-видимому, даже излишние, а для сего по необходимости сводил монастырский лес и вводил обитель в долги, которых и без того было много. Старец же Макарий, наоборот, как выше было сказано, по любви к природе желал лес сберегать, и не затевать лишних построек, и не увеличивать без особенной нужды монастырского долга. Передавалось об этом и самому о. настоятелю; а он только, бывало, скажет: “Да, уж не человек создан для дерева, а дерево для человека”, — и затем продолжал свое дело. Время, однако, оправдало предприятия о. архимандрита Моисея. Все, по-видимому, излишние, его постройки впоследствии оказались годными и нужными, и долги обительские вскоре после его кончины были уплачены одним благодетелем, имевшим боль-

* Блаженного Иоанна Карпафского Слово подвижническое и весьма утешительное к инокам, находившимся в Индии. В славянском Добротолубии. Издается Оптиною Пустынью на русском языке особым листком.

** Письма старца Макария к монахам. Письмо 2-е.

шое расположение к о. архимандриту Моисею, и к брату его о. игумену Антонию, и вообще ко всей Оптиной обители. Заметим кроме сего, что, производя, по-видимому, излишние постройки, о. архимандрит мог быть еще и в таком убеждении: если он, заслуженный и всеми уважаемый настоятель, ради монастырских построек сведет некую часть леса; то все это ему будет прощено и высшим начальством, и своим братством, или, по крайней мере, не будет для него остановок в деле; преемнику же его, новому настоятелю, пришлось бы по этому поводу понести немалые скорби — ему совсем бы могли запретить сводить лес, несмотря на крайнюю в том нужду, или, по крайней мере, дело это могло бы сильно тормозиться.

Еще: о. архимандрит Моисей, отчасти по недостаткам бедной в то время Оптиной Пустыни, отчасти же, вероятно, и по склонности к подвижнической жизни, хотел между братьями искоренить чаепитие. Придет, бывало, к нему какой-либо брат попросить чайку; настоятель встретит его такими словами: “Тебе чаю?” “Да, — скажет, — пожалуйста, батюшка”. Ответит: “Чаю воскресения мертвых”, — и не даст. И начнет увещевать брата, говоря, что травка эта, именуемая чаем, привозится из страны иноземной, от народа языческого, и потому небезгрешно христианам, в особенности монахам, употреблять ее. Старец же Макарий, видя среди людей ослабление нравов, не сочувствовал в этом о. настоятелю и, напротив, говорил, что вследствие более и более укореняющейся в людях привычки пить чай искоренить между монахами чаепитие уже невозможно, да и спасение вовсе не в том состоит, чтобы не пить чаю. Но о. настоятель продолжал действовать по-своему.

Затем старец Макарий усиливался обратить внимание о. настоятеля на более важное упущение по обители, именно: что при отправлении служб церковных певчие монахи спешно стали петь и свободно стали держать себя на клиросах, отчего, по замечанию старца, терялось благоговение к церковным службам. Но должно заметить, что, во-первых, пение все-таки было не очень спешное; а во-вторых, о. архимандрит Моисей был уже в преклонных летах — и стар, и слаб. Выстаивать ежедневно и без протяжного пения долгие оптинские службы для утружденных ног его, как можно думать, было обременительно. А кроме того, как трудно было ему управляться с певчими, можно заключать из того, что, по его же словам, при обращении с певчими, да и с прочими братьями, во время своего долгого настоятельствоваания он очень много потерпел скорбей. Потому, вероятно, теперь уже он не столько обращался к виновным со словом назидания, сколько тайно молился о вразумлении их на полезное,

как и всегда это было у него в обычае, оберегая в то же время себя от расстройства душевного.

Таким образом, всегда и во всех делах безусловно покорный старцу Макарию и по смирению своему принимавший его советы как бы из уст Самого Бога, о. архимандрит Моисей теперь стал действовать совершенно вразрез старческим советам; так что батюшка о. Макарий, всегда и всех склонявший к миру и боголюбивому послушанию и никак не ожидавший сего от добрейшего о. настоятеля своего, до того огорчен был его поступками, что в присутствии близкого своего ученика и преемника по старчеству, иеромонаха Амвросия, с тугою сердечною сказал: “Эх! Должно быть, за грехи мои Господь наказывает меня”. Все же это, как выше сказано, показывает, что разлад между старцем о. Макарием и настоятелем о. архимандритом Моисеем не имел существенной важности, так как не основывался на недоброжелательстве их друг к другу. Подтверждается это и тем, что, как далее увидим, по кончине старца Макария о. настоятель воздал почившему заслуженную им великую почесть при искренней сердечной скорби о потере сего великого духовного вождя и светильника.

Глава XXI

Последние годы и обстоятельства жизни старца о. Макария, его предсмертные страдалческие дни и блаженная кончина

Жизнь старца батюшки о. Макария близилась к концу, и здоровье его все более и более ослабевало. На поздравительное письмо своих севских родственников в ноябре 1859 года он отвечал: “Благодарю вас за поздравление меня со днями моих рождения и Ангела. Да, уж 71-й год. Долго ли будет пришельствие, неизвестно. А как явиться пред Богом, не знаю. Буди воля Господня над нами! Вы скорбите о моем нездоровье, но оно изменчиво. Нельзя сказать, чтобы я лежал; но иногда бодрствую и хожу, а иногда уж и никуда не гожусь. Слава Богу о всем! Да душа-то больше тела. Тело поболит, да и тем кончится; а душевная-то болезнь простирается в вечность. Избави нас, Господи, от сей болезни и даруй исцеление!”

За два года до своей кончины, именно в 1858 году, старец Макарий принял пострижение в великий ангельский образ — схиму. Мысль о сем в первый раз выражена была старцем по получении известия о кончине Киевского митрополита Филарета (Амфитеатрова), основателя Оптинского скита, постриженного пред кончиною в схиму с именем Феодосия, который скончался 21 декабря 1857 года. К нему старец имел великую любовь и благоговение, как писал он вскоре после кончины сего святителя своим севским родным: “Думаю, уже вы слышали о кончине достоуважаемого митрополита Киевского Филарета 21 числа декабря. Жаль, что Церковь лишилась такого иерарха; но, видно, пришло время почтить ему от трудов своих и получить награду за оные. Молитвами его да помилует нас Господь!”

Впрочем, хотя старец о своем здоровье писал: “Иногда уже никуда не гожусь”, — однако до самой своей предсмертной болезни был на ногах и даже летом 1860 года, незадолго до своей кончины, имел возможность съездить в Калугу, и именно в Калужский Лаврентьев монастырь, место летнего пребывания калужских вла-

дык, дабы проститься с отъезжавшим в С.-Петербург для присутствования в Св. Синоде уважаемым архипастырем своим Григорием. Там, в ожидании, пока владыка окончит прием просителей, старец пошел пройтись по монастырскому саду. Остановившись против виденного им сельца Железники, бывшего имения его родителя, Николая Михайловича Иванова, он указывал сопровождавшим его место, где стоял их дом и окружавшие его службы, и рассказывал сохранившиеся в памяти его впечатления детства. Потом на монастырском кладбище отыскал при помощи одного штатного служителя поросшую травой могилу иеромонаха Павла, бывшего настоятеля Площанской пустыни, который некогда постригал его в монахи, и с чувством умиления поклонился его могиле, сказав: “Добрый был старец!” Затем, помолчав, примолвил: “Вот и нам всем предлежит путь, одному ранее, другому позже; а мне уж и пора...” То был его намек на близкую свою кончину. Между тем, окончив прием посетителей, преосвященный пригласил старца с другими немногими к столу; и во время трапезования был весьма милостив и внимателен к батюшке, ласкал его и сам клал кушанье на его тарелку. Наконец, распростившись с милостивым владыкой, старец в тот же день отъехал сначала в Тихонову пустынь и, пробывши там двое суток, возвратился в свой скит.

Был и еще замечательный случай, указывавший на близость кончины старца Макария. За год пред сим (одна) очень близкая к нему помещица, благочестивая старушка Мария Михайловна Кавелина подверглась сильной болезни, так что была на краю гроба. Между прочим, по своей вере к старцу она просила его помолиться Господу, чтобы Он продлил дни ее жизни ради свидания с любимым своим сыном, оптинским иеромонахом, который был тогда в отлучке из обители. Старец сказал ей утвердительно: “Ты выздоровеешь, а умрем мы вместе”. Слова старца оправдались. Бывшая в опасности умереть — выздоровела, но после того говорила близким: “Бойтесь моей смерти, с нею связана жизнь старца, вот что он сказал мне”. Это предсказание старца, вместе с другими вышеприведенными намеками на близкую его кончину, показывает, что ему было тайное от Господа извещение о времени его отшествия из мира сего. Кроме того, он часто говорил ученикам своим: “Пора, пора домой!” Но они не обращали на эти его слова особенного внимания, может быть, отчасти потому, что мысль о смерти, как одно из духовных деланий, никогда не оставляла его. Некоторые же из братий обратили внимание на следующее неожиданное обстоятельство: внутри скита на юго-восточной стороне росли три вековые сосны — две от одного

корня, а третья немного поодаль; старец действительно сберег их от посещения, которому при разведении на этом месте сада подверглись другие росшие с ними деревья. Скитяне всегда между собою переговаривали так: “Эти три сосны — символ союза наших старцев; две от одного корня — напоминают родных братьев: о. архимандрита Моисея и о. игумена Антония, а стоящая поодаль — нашего батюшку о. Макария”. Когда же летом, без всякой видимой причины, эта последняя сосна внезапно засохла, вид ее наводил на скитян невольную грусть, причину которой каждый угадывал, но не хотел высказать, боясь быть предвестником общей скорби. Когда же старец заболел, братия уже открыто стали сообщать друг другу, на какие мысли их невольно наводил вид этого засохшего дерева, которое, будучи сперва обязано старцу сохранением от посещения руками человеческими, засохла потом по воле своего Творца, сделалось предвестником кончины своего благодетеля, старца Макария.

Теперь будем следить за состоянием здоровья старца по дням: **23 августа 1860 года** вышеупомянутая старушка Кавелина скончалась. В здоровье старца в этот день, кроме обычной по временам слабости сил телесных, ничего особенного не замечалось. Он даже настолько был бодр, что мог пойти на монастырскую гостиницу, где находилась умиравшая старушка, и присутствовать при блаженной ее кончине. Она скончалась, сидя в креслах, через четверть часа после принятия Св. Христовых Таин, сказав бывшему при ней своему духовнику: “Такой радости и сладости, какую я теперь ощущаю, нельзя выразить никакими словами”. Прослезившись при сем, старец назвал эту тихую, наподобие угасавшей свечи, кончину “преподобнической”, примолвив: “Я считаю себя счастливым, что Бог сподобил меня видеть кончину праведную”.

25 августа батюшка о. Макарий имел возможность выйти в облачении вместе с другими на погребение означенной старушки. Вечером того же дня, накануне празднования сретения чудотворной Владимирской иконы Божией Матери, старец, который особенно чтил эту икону, как и его предместник, старец и вместе духовный друг и спостник иеросхимонах Леонид, по обычаю своему, как и в прежние годы, отправил в честь ее в своей келлии с несколькими близкими своими учениками всеобщее бдение и отошел ко сну в здравом состоянии духа и тела, преподав им предварительно обычное благословение. Ученики разошлись с миром по своим келлиям, не имея, по-видимому, никаких причин ожидать той скорби, которую породил наступивший день.

26 числа, на самый праздник, в пятницу, собираясь к обедне, старец вдруг почувствовал припадки болезни мочезадержания (называемой на медицинском языке *Ischuria*) и ее последствия, на которую, впрочем, жаловался по временам и прежде. В обители в это время случился городской белевский врач г. Базелев, который, будучи приглашен к больному, тотчас оказал ему первоначальное пособие, но, к сожалению, не мог остаться на некоторое время при старце для наблюдения за действием данного лекарства. К вечеру того же дня, когда больной стал чувствовать себя хуже, он благословил находившегося при нем иеромонаха Леонида (Кавелина) согласно сего последнего предложения, съездить в находящееся близ Оптиной Пустыни имение князя Д.А. Оболенского и пригласить домашнего его врача; но, к крайнему прискорбию, иеромонах не застал его у князя: врач уехал несколько дней тому назад на свою родину. На обратном пути через г. Козельск, захав к козельскому городскому врачу г. Б-ву, о. Леонид отобрал у него необходимые советы, которые по возвращении его в обитель и были немедленно приведены в исполнение.

27-го, суббота. Особенного облегчения от лекарственных пособий не виделось. Вечером исповедавшись, старец в следующий день после ранней обедни причастился Св. Христовых Таин и предал себя в волю Божию.

30-го, вторник. В шесть часов утра старец опять причастился в келлии Св. Христовых Таин во время ранней обедни. Вслед за сим, по его собственному желанию, совершено было над ним таинство елеосвящения, которое совершал о. игумен Антоний с шестью иеромонахами. Несмотря на то что по слабости сил старец не мог в это время не только стоять, но и сидеть, и потому возлежал на одре, он все-таки сказал: чтобы певчие пели все положенное пение великопостным напевом, и даже сам двукратно голосом напоминал им сей напев. Вслед за таинством началось трогательное по своей знаменательности прощание больного с братьями. Старец преподавал всем им прощение, смиренно в то же время испрашивая оное у них и себе самому. Хотя он и во все предшествовавшее время болезни был бодр в духе; но после совершенного над ним таинства св. елеосвящения видимо для всех еще более укрепился духом и телом. С поразительным спокойствием, ясностью ума и твердостью воли он сделал необходимые распоряжения на случай своей кончины до малейших подробностей. Благословлял всех приходивших и, утешая скорбных учеников своих словом и делом, оделял их образками, четками, кни-

гами и тому подобными видимыми знаками своего отеческого к ним благоволения.

Следующий день — **31-е августа** — был для оптинцев одним из дней надежды. Старец был совершенно покоен духом и беседовал с приходившими к нему. Замечательно только было, что преподавал он им духовные наставления кратко и выразительно, так что каждый вопрошавший, несмотря на спокойствие старца и возбуждаемую сим в окружающих его надежду, невольно чувствовал, что это наставление **последнее**, что недалек день и час, когда эти выну благоголивые уста сомкнутся навеки, и потому, выходя из присно поучительной келлии старца под влиянием такой мысли, плакался горько. Приближенные ученики его, не обманывая себя относительно положения больного, спешили воспользоваться казавшеюся бодростью его сил для испрошения решения вопросов, которые для каждого из внимавших себе могли быть названы вопросами жизни; например, к какому благословит он относиться духовно после его кончины, как поступить в том или другом предстоявшем случае иноческого пути. И старец невозбранно, ясно и спокойно удовлетворял сим вопрошениям, конечно, и сам внутренне сознавая, что дни его уже сочтены пред Господом. На вопрос учеников: “Как нам быть без вас, батюшка?” — старец указал им в Алфавитном патерике ответ аввы Исаака на точно такой же вопрос его учеников. Там написано: “Сказывали об авве Исааке — когда он был близок к представлению, собрались к нему старцы и спросили: что мы будем делать без тебя, отче? Он же сказал: вы видели, как я вел себя пред вами; если хотите подражать сему, сохраняйте и вы заповеди Божии, и Бог пошлет благодать Свою и сохранит место сие; если же не будете сохранять заповедей, не пребудете на месте сем. И мы также скорбели, когда отходили от нас ко Господу отцы наши; но, соблюдая заповеди Господни и завещания старцев, жили так, как будто они были с нами. Поступайте так и вы и спасетесь”.

Это предречение старца Макария — “не пребудете на месте сем” — кажется, прежде всего касалось нового скитона начальника, который по своей еще небольшой опытности в жизни духовной имел неосторожность по кончине старца Макария несколько уклониться от его старческих заветов, и потому в непродолжительном времени под предлогом повышения по воле высшего начальства выведен был из скита в иной монастырь с возведением его в сан игумена. Выходили, кроме его, из скита по времени и еще некоторые иноки.

* Достопамятные сказания о подвижничестве святых отцев, с. 115.

1 сентября. Болящий имел утешение видеть в своей келлии боголюбивых старцев — настоятеля обители о. архимандрита Моисея и брата его по плоти и по духу о. игумена Антония; довольно беседовал, особенно с первым; причем они преподали друг другу взаимное прощение и благословение. Проникнутый чувством горести о предстоявшей потере, о. архимандрит выражал это чувство многим из посетителей обители смиренными словами: “Видно, за грехи мои Бог наказывает меня, отнимая у обители опытного старца, а у меня духовного друга и мудрого советника”. А о. игумен Антоний, неоднократно и после навещавший старца, лишь плакал и молился, как и многие другие. В монастырских церквах множество спешно прибывших с разных сторон лиц обоего пола и всех сословий, пользовавшихся духовными наставлениями старца, непрерывно служили молебны и, проливая горячие слезы, усердно молились Господу о его выздоровлении. А в промежутках церковных служб они стояли у скитских врат, жажда услышать от выходящих из оных благую весть о состоянии здоровья старца, готовые поверить всякому слову надежды. В течение всего этого дня братия, как скитские, так и монастырские, невозбранно входили к старцу получать от него благословение и последние наставления.

Сентября 2-го числа приехали ожидавшиеся старцем племянницы его, инокини Севского женского монастыря. А после полудня одна из преданных духовных дочерей старца по первому известию о болезни его прибыла из Москвы и привезла ему от митрополита Филарета драгоценный дар — финифтяную Владимирскую икону Божией Матери и не менее драгоценное обещание молиться о нем ко Господу Сил. Другая боголюбивая особа прислала старцу свою семейную святыню — крест с вложенною в него частицею животворящего древа Креста Господня. Надобно было видеть, с каким умилением и духовным восторгом принял старец обе эти святыни и с каким радостным видом показывал потом посещавшим его дар глубокоуважаемого и сердечно чтимого им архипастыря — икону, висевшую на груди его вместе с упомянутым крестом.

3 сентября, после скитской обедни, старец причастился Св. Христовых Таин, которые принесены были ему из церкви.

В следующий день, **4-го сентября,** чувствуя ослабление сил, старец принимал весьма немногих. Статс-секретарю князю Д.А. Оболенскому, нарочно приехавшему со своим семейством и с графинею Протасовой узнать о его здоровье, выслал из своей образной келлии чрез иеромонаха Леонида на благословение икону, которую благочестивый князь принял с благоговением как последнее благослове-

ние отходившего из мира сего подвижника. После вечерни, часов в восемь, больной пожелал еще приобщиться и принял Св. Таины уже сидя в креслах. Несмотря на страдальческое свое положение, старец, как духовный воин Христов, до конца жизни не оставлял своего иноческого оружия — молитвы. Тихие восклицания: “Мати Божия! Спаситель мой!” — сопровождали почти каждый болезненный вздох его. Во все время болезни умиравшего ходившие за ним братья вычитывали для него своевременно положенные скитские молитвенные правила, которые он выслушивал с глубоким вниманием и умилением. Также просил близких учеников своих читать некоторые назидательные статьи из творений св. отцов, духовнопомазанное слово коих составляло его ежедневную духовную пищу. Последние из читанных для него статей были: Слово св. Кассиана к Леонтину игумену и главы св. Иоанна Карпафского*. Между прочим, старец объявил окружающим его, что лекарства ему наскучили и он более принимать их не будет.

Пользовал старца в продолжение многих лет, главным образом, козельский врач Иван Львович Плетнер, не православный, а, кажется, или католик, или, может быть, лютеранин. Нужно было подать больному при мочеудержании помощь, на что сам старец сначала не соглашался и, только уступая усиленным просьбам окружающих его близких учеников, не мог с ними не согласиться. Однако действие врача было неудачно. Между тем, старец испытывал жесточайшую боль. Впрочем, какого числа это было, положительно сказать нельзя.

5 сентября, понедельник. По совету медика, больной перенесен был из своей тесной опочивальни в соседнюю с нею приемную комнату и положен, по собственному его желанию, на полу. Этим, кроме большего простора для прислуживавших и пребывания в более чистом воздухе, старец доставил и утешение братии и посторонним посетителям: они могли хотя через окна наглядеться в последний раз на отходившего от жизни сей своего любвеобильного отца. В наступившую ночь с понедельника на вторник скончался в монастыре схимник Иларион, старец лет 90. После утрени, по обычаю, троекратный в монастыре редкий удар в большой колокол известил братию об отшествии в вечность одного из среды их. Этот унылый и протяжный звон, внезапно раздавшийся среди ночной тишины, тяжело отозвался в сердцах народного множества учеников и учениц старца, наполнявших все монастырские гостиницы. Они думали, что слышат весть о кончине их отца и благодетеля, и, встревоженные этою мыслью, бежали в беспорядке к скитским воротам, которые оказа-

* Статьи эти в славянском Добротолюбии, в 4-й части.

лись запертыми. Смятение это, впрочем, продолжалось лишь несколько минут и было успокоено вестью из монастыря, что умер иной старец.

6-е число, вторник. С наступлением утра появилось у старца занятие духа — прежняя всегдашняя его болезнь, что уже само по себе составляло худой признак. После поздней обедни он причастился Св. Христовых Таин. Утром того же дня приехали было к больному, кроме своего, козельского, еще два медика, привезенные настоятелем Малоярославецкого Черноострожского Николаевского монастыря архимандритом Никодимом по собственному его усердию к старцу; но уже было поздно. Им выпало на долю, расспросив о ходе болезни, лишь подивиться доблественному терпению духовного воина Христова, который укреплял себя памятью страданий святых мучеников, ограждаясь крестным знамением; принимал самые горькие врачевства; страдал и молчал или тихо стenal и вместе молился.

К вечеру того же дня больному сделалось значительно хуже, и потому он пожелал вторично приобщиться Св. Таин и приобщился в восемь часов, сидя в креслах; после чего страдания его несколько уменьшились. Около полуночи потребовал он своего духовника и после получасовой беседы с ним, получив его напутственное разрешение, просил прочесть отходную, которую слушал сидя. Затем, по желанию и просьбе больного, прочитаны были с вечера канон и акафист Божией Матери, а во время утрени канон и акафист Сладчайшему Иисусу; причем замечено было, что во время чтения страдания не только уменьшались, но и совершенно успокаивались. Больной часто обращал слезящий умильный взор свой то на стоявшую против его ложа на столике икону Спасителя в терновом венце, восклицая: “Слава Тебе, Царю мой и Боже мой!” — то на особенно чтимую им Владимирскую икону Божией Матери, говоря: “Мати Божия! Помози мне!” — или, простирая безмолвно руки к Царице неба и земли, молился о скорейшем разрешении от телесных уз. Страдания от занятия духа продолжались чрез всю ночь. Больной при помощи ходивших за ним братий то подымался, то опять ложился, то просил посадить его в кресла, но в духе был совершенно спокоен и тих, как дитя у груди матери, выражая благодарность за попечение о нем окружавшим его то нежно отеческим взглядом, то благословением, то безмолвным пожатием руки и слезами. Так наступило утро того дня, в который Господь благоволил поять к Себе душу верного раба Своего.

7-е сентября, среда. День предпразднства Рождества Божией Матери, к Которой старец, как и все православные подвижники, питал

глубокую сердечную веру, выражая ее постоянно призыванием все-святого Ее имени, чествованием богородичных праздников, келейными всенощными бдениями в честь некоторых икон Пресвятой Богородицы и, наконец, неопустительным чрез всю 50-летнюю иноческую жизнь чтением в честь Ее ежедневных канонов и в положенные дни — акафиста. В шесть часов утра в последний раз старец удостоился приобщиться Св. Таин — Тела и Крови Христовых, которые в этот раз принял уже от телесного изнеможения лежа, но в полной памяти и с глубоким чувством умиления. После причащения произнес он троекратно с возданием рук горе: “Слава Тебе, Боже наш! Слава Тебе, Боже наш! Слава Тебе, Боже наш!” И это были последние его слова. Почти через час после сего, при окончании чтения канона на разлучение души от тела, на 9-ой песни он того, старец предал свою праведную душу в руке Божии, окруженный сонмом своих близких учеников и других преданных ему особ, проводивших при нем бессонные ночи при неиссякаемых источниках слез. Кончина старца была мирна и тиха, проста и вместе величественна, как и вся жизнь его, угасшая словно вечерняя заря светлого дня, оставив в сердцах преданных ему глубокую ночь печали.

Тотчас по кончине старца, по обычаю, пропет был установленный Св. Церковью канон по исходе души, и тело его честно опрятано было руками близких его учеников; причем, согласно завещанию усопшего, возложена была на него освященная на Гробе Господнем схи́ма, привезенная ему в дар в 1859 году из святого града Иерусалима бывшим и служившим некоторое время в иерусалимской миссии иеромонахом Леонидом Кавелиным. При вести о кончине старца-подвижника келлии его наполнились разного рода людьми, по просьбе коих началось тотчас, одна за другой, непрерывное служение панихид, которое продолжалось как до выноса тела почившего в церковь, так и после выноса. Церковь скитская, бывшая во все время жительства в скиту старца предметом его особого попечения, куда посему преимущественно обращалось усердие и всех духовно относившихся к старцу, была убрана с особою заботливостью и тщанием, как в Светлый праздник. Ярко пылали многочисленные свечи, возжигавшиеся приходившими помолиться о упокоении души старца посетителями. Сквозь дым кадильного фимиама виднелся гроб, усердием одного христолюбца обитый бархатом, а усердием прочих духовных детей старца — покрытый дороною парчою. Тотчас после переноса тела в церковь прежде всего совершена была по усопшем соборная панихида о. игуменом Антонием с шестью иеромонахами. Затем панихиды

сменяли одна другую до глубокой ночи. Все теснились к дорогому гробу, чтобы поклониться святолепно возлежавшему в нем покойнику. Надгробное рыдание сливалось с надгробным пением. Слезы искренней любви орошали дорогие останки дорогого старца. Это был праздник веры, исполнение еще в сей жизни обетования Господня *воздать комуждо по делом его*.

8-е число, четверг. Праздник Рождества Пресвятой Богородицы. Поздняя обедня была в монастыре, а в скиту — ранняя, после коих панихиды продолжались непрерывно и в скиту, и в монастыре до конца дня.

9-е число, пятница. Празднование памяти святых Богоотцев Иоакима и Анны. В монастыре было бдение (по случаю храмового праздника во имя св. праведной Анны); а в скитской церкви одна лишь ранняя Литургия соборная с панихидою. В этот же день, к великому утешению всех скорбевших о кончине старца, получено было с почты письмо Московского митрополита Филарета. Оно было написано святителем, когда еще слух о кончине старца не успел дойти до него, и служило ответом на уведомление о его болезни, полученное владыкою от одной боголюбивой особы. Письмо это для всех почитателей покойного старца было и будет незабвенным памятником великой благосклонности к нему митрополита, который так писал: “Мир вам от Господа! Что скажет немощный духом, смотря на подвижника, страждущего телом, но не изнемогающего духом? Потерпи Господа, отче, мужайся, и да крепится сердце твое. Но, Господи, аще и не подвизавшихся и прещения достойных милуеши, облегчи подвизавшегося Тебе ради. Если и праведно ему желати разрешитися и с Тобою Быти, но и еще пребыти во плоти не благопотребно ли есть многих ради? Призри на сих, и еще даруй им его. Обаче Ты Един веси лучшая, и даруеши полезнейшая. Твоя да будет воля, и Тебе слава во веки. Аминь. 7 сентября 1860 г.”

По той же почте получено было письмо лечившего старца медика (вероятно, Плетнера) к одному из скитских отцов. Оно тем замечательнее по своему содержанию, что писавший не принадлежал к Православной Церкви. Пораженный крепкодушным терпением мучительных страданий старца, врач писал: “Только теперь могу сказать, что я видел человека, говорил с человеком. Не знаю, почему я прежде его не видел; а 18 лет знакомства, кажется, могли открыть глаза. Вот как трудно видеть совершенство; а достигнуть до совершенства, я думал, не в натуре человека... Представьте себе теперь мое положение: увидеть человека таким, каким он должен быть. Я чувствую себя нездоровым. Так нечаянно увидеть живой образец человека потрясло меня. Ах! Почему прежде вы не открыли мне глаза?

Теперь я страдаю. Сохрани, Господи, нам жизнь о. Макария. Но сердце говорит, да и ум, что такой человек есть жилец другого мира,— мы не достойны иметь его. 6-го сентября 1860 г., вторник”. Письмо это, как показывает выставленное число, писано было накануне дня кончины старца Макария.

Не упустим без внимания и сего обстоятельства: бывший управляющий канцеляриею Св. Синода, Петр Иванович Соломон (впоследствии член Государственного совета, действительный тайный советник), поступил под духовное руководство старца иеросхимонаха Макария года за два до его смерти. Весною 1860 года Петр Иванович, по особому поручению правительства, командирован был за границу, в Палестину, где и пробыл все лето. Возвращаясь в начале сентября в Россию, он не мог знать о болезни старца, так как болезнь эта была нечаянная и, можно сказать, скоропостижная; а, отъезжая из Оптиной, при прощании со старцем Петр Иванович оставил его с обычным здоровьем; потому и вообразить не мог чего-либо относительно его кончины. “7 сентября утром (день и час кончины старца Макария),— сказывал Петр Иванович,— когда мы на пароходе по Черному морю приближались к Одессе, я заснул легким сном. И вдруг представилось мне что-то вроде торжественной процессии: проходило мимо меня множество святителей, и все они были в полном монашеском одеянии. Но хотя они одеты были в мантии, однако чувство сердца говорило мне, что этот бесконечный ряд монахов, проходивших мимо меня чинно, тихо, безмолвно и вместе величественно, был ряд не простых монахов, но что все они были святые иерархи. Между ними увидел я и батюшку о. Макария, также в мантии, и с удивлением подумал: как это в сонме св. святителей явился о. Макарий? Видение это так врезалось в моей памяти, что я никак не мог забыть его, хотя и не понимал, как это и почему пустынный иеромонах явился в лике почивших св. иерархов”. Сновидение это стало понятно Петру Ивановичу, когда он уже приближался к Оптиной Пустыни и находился от нее в 30-ти верстах. Тут он с глубокою сердечною скорбью услышал о кончине многолюбимого им батюшки о. Макария и что она последовала в тот самый час, когда он в тонком сне на пароходе, еще не издавши берегов своего отечества, видел старца, куда-то мимо него проходившего в сонме почивших св. святителей.

Глава XXII

Перенесение тела почившего о Господе старца о. Макария из скита в монастырь и погребение. Поминальная трапеза. Сочувственные письма почитателей старца о потере его

ело почившего о Господе старца о. Макария 9-го сентября в два часа пополудни перенесено было из скитской церкви в монастырь. Пространство между монастырем и скитом немного больше одной четверти версты. Пред выносом покойного из храма совершена была над гробом его панихида одним из его учеников, настоятелем Калужской Тихоновой пустыни о. строителем Моисеем, соборне, со всеми скитскими иеромонахами. Вся церковь и пространство от нее до святых врат скитских занято было народом, прибывшим в пустынь большею частию издалека, по чувству любви и усердия к памяти своего духовного отца, наставника и благодетеля. Безмолвно-печально, обнажив головы, посетители, разместившись по обеим сторонам дорожки, ждали выноса тела. Многие из них тихо плакали, но все в душах своих ощущали, что естественное чувство печали и сожаления о усопшем невольно растворялось чувством упования на милость Божию к нему. Ибо все присутствовавшие знали, что в этом бездыханном теле обитала чистая, любвеобильная, святая душа, что почивший не был скуден духовных дарований и плодов Духа Святаго, указанных апостолом: любви, радости, мира, долготерпения, благости, милосердия, веры, кротости и воздержания (Гал. 5,22,23), что поистине он был “земный Ангел и человек небесный” и, как верный раб своего Владыки Господа, не скрывал вверенных ему талантов, с усердием, до конца дней своих послужив духовной пользе всех желавших и искавших ее.

По выносе тела покойного из храма в последний раз отслужена была здесь обычная, так сказать, прощальная лития, и шествие направилось к предназначенному месту. На пути же от скита до монастыря шесть раз останавливались для пения литий. У восточных мо-

настырских врат погребальный одр сретил настоятель обители, маститый старец, архимандрит Моисей, в облачении, со всеми иеромонахами и братиею. С чувством умиления взирая на приближавшееся со стороны скита погребальное шествие в сопровождении более чем 1500 человек, о. архимандрит сказал окружавшим его: “Это что-то необычайное! Восемьдесят лет живу на свете, а не видал таких светлых похорон. Это более походит на перенесение мощей, нежели на погребение”. Здесь также отпета была о. настоятелем со всем многочисленным собором присутствовавших тут иеромонахов последняя лития, и гроб отнесен был в церковь во имя Казанской иконы Божией Матери. Незадолго пред сим, скажем кстати, церковь эта украшена была стенною живописью с поновлением позолоты особенным усердием преданных старцу Макарию людей и под непосредственным его наблюдением. Гроб, по обычаю, поставлен был против царских врат главного престола, и тотчас опять начались беспрерывные панихиды, которые продолжались даже и в то время, когда в главном Введенском соборе отправлялось всенощное бдение в честь Коневской иконы Божией Матери*. Вокруг возлежавшего в гробе покойника курился фимиам и ярко горело множество свечей. Но, говоря словами нашего знаменитого церковного витии, сердца молившихся горели яснее свечей: пламень их достигал до неба, а воздух окрест гроба трепетал от гласа непрестанных молитв и воздыханий, орошался дождем слез, проливаемых от чистой любви и усердия к почившему.

Так наступило **10-е сентября**, день погребения почившего. Утром в 4 часа совершена была в Казанской церкви ранняя Литургия о. игуменом Антонием соборне; а в половине 9-го им же перенесен был гроб с останками старца в Введенский собор. Несмотря на то что в течение трех предшествовавших дней погода стояла теплая, совершенно летняя и гроб до самого опущения в могилу окружен был народом, среди которого была усиленная теплота, он нисколько не издавал мертвенного запаха, что замечено было всеми присутствовавшими. В 9 часов началась в соборе поздняя Литургия, которую совершал о. архимандрит Моисей с 6-ю иеромонахами. Непосредственно за обеднею последовало отпевание усопшего, совершенное также о. архимандритом Моисеем. С ним в сослужении были: 14 иеромонахов, монастырских и скитских, в том числе и настоятель Калужской Тихоновой пустыни о. строитель Моисей, 2 протоиерея, козельский и белевский, и 4 сельских священника. Долго затем дли-

* В Оптиной Пустыни издавна введен устав Коневской обители.

Оптинский старец, Макарий

Пафнутиев Боровский монастырь

Троице-Одигитриева Зосимова пустынь

Святитель Филарет Московский

Москва. Чудов монастырь

*Наместник Троице-Сергиевой
лавы архимандрит Антоний
(Медведев)*

Троице-Сергиева лавра

*Архиепископ Орловский Смарагд
(Крыжановский)*

Мещовский Георгиевский монастырь

*Настоятель Малоярославецкого
монастыря
архимандрит Никодим
(Демутъе)*

Малоярославецкий Николаевский монастырь

*Наместник Тихоновой пустыни
архимандрит Моисей (Федоров)*

Калужская Тихонова пустынь

Тихоново-Пустынь. Общій видъ монастыря

Троицкий Севский монастырь

Борисовская Тихвинская пустынь

*Настоятельница Белевского
монастыря игуменья Павлина
(Овсянникова)*

Крестовоздвиженский Белевский монастырь

*Игуменья Великолукского
Вознесенского монастыря
Палладия (Юрьевич)*

Вяземский Аркадиевский монастырь

*Граф Александр Петрович Толстой
Андрей Николаевич Муравьев*

Николай Васильевич Гоголь

*Святитель Феофан, Затворник Вышенский
Иеросхимонах Гавриил (Спасский)*

*Блаженный Василий Петрович
Брагузин*

Оптинский старец, Макарий

Оптина Пустынь
Казанская церковь

Оптина пустынь. Казанский собор

*Часовня на могиле старца
Макария*

По кончии первого великого Оптинского Старца, иеромонаха Леониды, из схи-
иеросхимонаха Макария. И его мирская жизнь.

По кончии первого великого Оптинского Старца, иеромонаха Леониды, из схи-
мъ Льва, подвизавшегося в Оптиной пустыни начало старчества, преемником его и
вторым великим Оптикинским старцем был иеросхимонах Макария. Он происхо-
дил из дворян Орловской губернии, по фамилии Ивановых. Как родители его,
так и предки уже отличались особенным благочестием.

Старца Макария Иоанн был иноком Карачевского Николаевского Ода-
восте переименован во Иосифа; памятен был своею
каждогодно во все с четвердесати

...также и предки уже отлучившись особеннымъ благочестіемъ. ...

Душевно. Старца Макария Юсуповича переименовали во Юсупа.
 рина монастыря, и въ монашескѣхъ переименованъ во Юсупа.
 строготъ постническаго житія. Сказывали, что ежегодно во все св. четыред-
 цу онъ вкушалъ военную пищу только по субботамъ и воскреснымъ днямъ; а въ сре-
 дѣ Исусовыхъ именинъ, въ пятницу, въ субботу и въ воскресенье, въ воскресенье
 онъ вкушалъ военную пищу только по субботамъ и воскреснымъ днямъ; а въ сре-
 дѣ Исусовыхъ именинъ, въ пятницу, въ субботу и въ воскресенье, въ воскресенье

1) (а) предисловіе, (б) исследование старца Поляносеру-
витина (Василия) и 2) Жизни бывшего настоятеля
Валаамского монастыря, архимандрита в. Александра,
его духовных переписки. При этом издании так-
же, какъ и при первомъ, приложенъ автографъ
портрета старца Паисія. Книга напечатана въ
г. 1847 году.

2) Четыре описательных слова к монахинь, сочиненных и говоренных в 1766 году иеромонахом Никитой Девоткиным, бывшим воеводой архиепископства Астраханским, переведенных с греческого старцем Паисием Величковским. Брошюра эта напечатана в концы 1848 года; а в начале 1849 года напечатана была вторично изданием. — В той же году напечатаны были отдельные статьи из предисловия изданных о цинной старца Паисия, при его житии: а) Святый Паисий, б) Переводъ съ греческаго. в) Преподобнаго отца нашего Нила Сорскаго предисловіе о житіи святаго Антонія Афонскаго (1849).

3) Преподобного отца нашего Нила Сорского предание русских о жителстве скитском. Напечатано в 1849 году, на славянском языке (18 листов), а 15 июня 1901 года с подстрочными примечаниями к переводу из славянского на русский язык. Издание украшено литографированным орнаментом, который взят из рукописи.

*Страницы рукописи «Жизнеописание старца Макария».
Машинопись и образец первого почерка*

лось прощание с дорогим покойником. Всякому желалось отдать последнее целование тому, кто при жизни, по апостолу, *был всем вся, да всяко некия спасет* (1 Кор. 9,22).

По выносе тела из собора, тотчас против дверей одного, по обычаю, совершена была лития; затем гроб принесен был к западным дверям Казанского храма, где также отправили литию; далее шествующие направились по южной стороне этой церкви и остановились против главного алтаря ее, еще почтили покойника литией; наконец, гроб принесен был и к уготованной для него могиле, которая находится против южного придельного алтаря Введенского собора, по правую сторону склепа, в котором положено было тело иеромонаха Леонида (в схиме Льва), духовного друга и спостника старца Макария. Вместе они жили и подвизались, вместе и похоронены. Кроме сходства между ними, в духе учения их обоих замечательно, что тот и другой окончили свое жизненное поприще на 72-м году от рождения*, понесши благое иго Христово в монашестве почти равное число лет (46 и 45). Отслужив последнюю, пред самым преданием тела земле, литию, опустили гроб в могилу. Когда же певчие запели: “Зряще мой гроб, поминайте мою любовь”, все присутствовавшие прослезились, а многие и рыдали, вспоминая любовь старца, обильно изливавшуюся на всех, кто когда-либо относился к нему за советом, решением недоумений, утешением в скорбях. Многие же из здесь стоявших, как дети, лишившиеся любящего отца, теряли в старце духовную опору в своей жизни; ибо апостол сказал: *еще бо и мнози пестуны имате о Христе, но не мнози отцы* (1 Кор. 4. 15). Да и все ли отцы бывают столь любвеобильны, как был сей незабвенный отец и наставник?

Между тем, при погребении старца случилось и одно неприятное обстоятельство, которое, впрочем, послужило уроком виновному и было причиной прославления самого старца. Козельский мещанин Дмитрий Никитич Чурилин, уже много лет живший по найму в Оптиной Пустыни в числе рабочих по каменной и граборской части, в самый день похорон работал в могиле, закладывая свод склепа над гробом покойника. Братия, отправив погребение, по обычаю, отправились в трапезу, а мирские посетители, и в особенности духовные дети почившего, преимущественно из монахинь, все еще не отходили от могилы своего нежно любимого отца, и некоторые из них, как обыкновенно бывает при погребении, бросали в могилу горстки земли. Одна из монахинь в слезах, не обратив внимания,

* Старец и настоятель Молдавского Нямецкого монастыря Паисий Величковский также скончался на 72-м году своей притрудной жизни.

вместе с землею захватила и камешек и, бросив в могилу, попала Чурилину в голову. Тот, не разбирая правых и виноватых, избрал стоявших около могилы непристойными словами. Монахи, как дождь, хлынули от могилы; а Чурилин в ту же минуту почувствовал боль в руке, как будто ее обожгло. Боль эта с каждым часом стала у него усиливаться, так что он скоро принужден был оставить свою работу. Приключившуюся таким образом болезнь Чурилин попросту называл “волосатиком”. Она ни днем, ни ночью ни на минуту не давала ему покоя. Палец на руке гнил, и кость в пальце, изнывая, разъедалась. По времени она стала как будто раздробленная молотом, и из раны начали вываливаться осколки. Врачебные средства не помогали. Некоторые из братьев, как-то: иеромонах Мелхиседек (скончавшийся в 1870 году), еще в начале его болезни, советовали ему обратиться с испрошением прощения в своем проступке к покойному старцу о. Макарию и помазать больное место елеем из лампады, горевшей на его могиле, в надежде на его молитвенную помощь. Но Чурилин, по неразумию своему, ответил однажды так: “Я же лучше помажу маслом из лампы от чудотворной иконы Казанской; а то что мне поможет о. Макарий?” Может быть, он и исполнил свои слова, но за такой горделивый ответ и презорливое отношение к почитавшемуся всеми старцу болезнь его не только не уступала, но еще больше усиливалась. Он стал ходить уже с подвязанною рукою; и болезнь длилась уже недель восемь или десять. Ему опять братья стали советовать обратиться за помощью к почившему старцу. И, веря или нет, но уже проученный жестоким уроком неверия, сходил он к могиле старца, несколько раз поклонился пред ней, испрашивая у старца прощения в грехе своем; и лишь только потер свой больной палец землею с могилы покойника, как в тот же час почувствовал большое облегчение своей нестерпимо острой боли, которая затем постепенно и совершенно утихла; а вскоре потом Чурилин и совсем оздоровел и опять по-прежнему в Оптиной Пустыни работал по найму, хотя с искривленным пальцем.

Но обратимся к главному повествованию. В память общелюбимого старца батюшки о. Макария от его почитателей, пожелавших остаться неизвестными, пожертвована была достаточная сумма денег для учреждения трапезы как для братии монастырской, так и для всех присутствовавших при его погребении посетителей, более чем на 1000 человек. Причем не забыты были и нищие братья, коих сверх показанного числа посетителей было до 700 человек. И они собрались помолиться о упокоении души своего великого благодетеля, который при жизни никогда не забывал указывать на них же-

лавшим подвигами милосердия заслужить блаженство милостивых или загладить многое в рукописании прегрешений своих. Трапеза в память почившего старца была поистине **вечеря любви**, ибо за ней соединились люди всех сословий — иночествующие и миряне, знатные и простые, богатые и убогие, сошедшись в пустынную обитель без зова и приглашения из городов и весей, связанные между собою лишь единением любви и усердия к отошедшему от мира сего подвижнику Христову. Не так ли и при жизни старца, в течение более чем 20 лет, видали его то на гостинице, то у скитских врат, окруженного людьми обоих полов, всех сословий и возрастов, жаждавших услышать слово спасения из благоглаголивых уст его?

Забота об угощении всех посетителей возложена была на старшего настоятельского келейника, рясофорного монаха о. Павла, который впоследствии рассказывал следующее: “На мне лежала обязанность смотреть за всею настоятельской келейною и за многими общими монастырскими распоряжениями, а также и на всех гостиницах. Народу всякого звания, пола, возраста и нищих было множество. Монастырь битком был набит посетителями; а требовалось, чтобы всякий был угощен и успокоен. Просто голова моя пошла кругом. Тут уж ни сон, ни еда не шли на ум. Помощников требовалось много, и чтобы все они были люди благонадежные и знающие дело; а откуда их взять — не виделось. Однако, утомившись, я все-таки заснул часа на два. Вдруг явился мне во сне покойный батюшка в рясе и камилавке, стал меня благословлять, придерживая несколько мою руку в своей, и говорит: “О чем ты тужишь? Помощников не имеешь? Бог пошлет людей для исполнения; только смирайся”. Проснувшись, я уже был спокойнее духом. И удивительно! Все время этой никогда еще здесь не бывалой суматохи прошло так хорошо, так успокоительно для гостей и для служивших, что и с лучшими официантами того ожидать было трудно. Смотря на все это, нельзя было не видеть, что батюшка сам невидимо везде тут был и распоряжался”.

Подобные успокоительные сны были и еще двум инокам: булочнику и гостиннику. В день погребения старца о. Макария, когда готовился для братии и посетителей обед, старшему булочнику о. Косме велено было приготовить пироги. По великому усердию к почившему старцу о. Косма всеми силами старался исполнить порученное ему дело как можно тщательнее; и вследствие сего так утомился, что, боля всем телом и духом, едва добрался до постели и заснул. Но вот во сне является ему покойный старец и благословляет

утомленного труженика. От сего утрудившийся о. Косма вместо утомления и уныния исполнился великой радости.

Гостинник монах Дометий рассказывал следующее: “В день погребения старца мне было столько заботы, хлопот и скорби, что не помню, было ли когда подобное со мною прежде. Болезнование о потере дорогого старца, множество требовавших ухода приезжих, из которых одно издалека приехавшее благородное семейство за недостатком помещения на монастырской гостинице отправилось в г. Козельск с крайним на меня огорчением, непрерывная среди народа суета — все это сильно потрясло меня и душевно, и телесно. Освободившись несколько от суеты, уже на другой день после обеда прилег я на кровать в столовой комнате, задремал и вижу во сне, будто подходит ко мне батюшка о. Макарий. Сначала я его не узнал и подумал: что это за монах? Но потом, взглянув в лицо, воскликнул: “Батюшка! Простите меня, что я так небрежно встречаю вас в постели; я не ожидал вас. Простите!” Батюшка будто говорит: “Ничего, ничего, не беспокойся. Я зашел сюда нарочно навестить моего духовного сына”. Я просил его благословения, и он благословил меня. Когда он стал уходить; я догнал его у двери и еще просил его благословения, и он еще благословил меня. Проснувшись, я во весь этот день, и даже на другой, так был спокоен и такую ощущал в сердце радость, что и пересказать не могу. И думалось мне, что это была, по молитвам старца, особая ко мне милость Божия за понесенные мною труды и скорби”.

В самый же день погребения, пока посетители в память боголюбивого старца подкреплялись пищею вещественною, свежая могила его, по завершении свода над гробом, уже засыпалась землею, и едва успели засыпать, над ней снова послышалось надгробное пение с его конечным: “Вечная память!” Вечная память, повторим и мы, в сердцах наших, тебе, наш любвеобильный отец и великий благодетель душ наших! Никаких слез не достанет оплакать сию потерю нашу.

Вскоре по кончине старца составлена была вышеупомянутым скитским иеромонахом о. Леонидом (Кавелиным) брошюра под заглавием: “Последние дни жизни Оптинского старца иеросхимонаха Макария”. Благодаря усердию одной благотворительной особы брошюра эта была отпечатана и прислана в обитель к 40-му дню памяти старца. При помощи этой брошюрки и рассылавшихся в свое время писем весть о кончине старца скоро проникла в самые отдаленные места. Вследствие чего получено было в Оптиной Пустыни немало писем, выражавших одно общее чувство — глубокую скорбь о потере дорогого старца; из коих предлагаем здесь вниманию благочестивых читателей три письма как наиболее

замечательные и по верности взгляда на духовные заслуги почившего, и по искренности и силе чувства.

1.

Письмо Калужского епископа Григория, находившегося в С.-Петербурге по случаю присутствования в Св. Синоде, к о. настоятелю Оптиной Пустыни: “Высокопреподобный отец архимандрит Моисей, возлюбленный о Господе брат! Великое лишение судил Господь обители Вашей и благоговейным читателям оной чрез воззвание достопочтенного старца Макария. Но, видно, совершилась свыше предопределенная ему чреда служения на земном поприще. Прискорбно отнятие такого благого сочлена и такого благого сотрудника Вашего; но благословенно распоряжение Господне, благоволившее призвать его к покою. Жизнь и кончина преставленного дают отрадное упование, что по имени его и жребий его новый блажен. *Ибо блаженны мертвии, умирающие о Господе*[Апок. 14,13]. А за сим должно надеяться, что и попечение его об обители не совсем прекратилось; только бы насельники оной не уклонялись от пути, по которому шествовал он и старался вести послушных ему. Призывая благословение Господне на Вас и на сотрудников Ваших, обитателей скита и пустыни, вседушно желаю, да сохранит вас сила Божия в совершенном благополучии и да благоустроит во спасение труды Ваши; и с искренним уважением, при братской преданности, остаюсь — Вашего высокопреподобия усердным слугою, Григорий, епископ Калужский. 22 сентября 1860 г. С. -Петербург”.

2.

Письмо и. А. к скитскому иеромонаху о Леониду (Кавелину):

“Вчера, в день кончины блаженного старца нашего Льва (11 октября), получил я от вас уведомление о кончине батюшки о. Макария. Благодарю за уведомление ваше преподобие. Есть вам о чем печалиться... О. Макарий мог говорить от избытка горячего своего сердца, опираясь на свою опытность и добросовестность. Это был человек, воистину на благо рожденный. Он был нелицемерным и постоянным послушником и настоятеля, и всей братии, и всякого

* Можно думать: иеромонаха Антония Бочкова, впоследствии игумена Черемнецкого монастыря С.-Петербургской епархии, полагавшего начало иноческой жизни в Оптином скиту и бывшего очень близким к Оптиным старцам и к обители.

просящего у него помощи, соучастия и содействия. И болезнь его, конечно, была следствием его неусыпных трудов для ближних; а пылкая его душа, кажется, стремилась вон из тела на всякий призыв его детей — ко всякому скорбящему. Душевный слух его сторожил каждое слово, касавшееся Св. Церкви и отечества, горячо им любимого. Его радовало все, что прославляло Господа, и с детским веселием он спешил возвещать всем о чудесах милости Божией. Он готов был передать всем свою теплую веру, что Господь жив, что не престал действовать к нашему спасению. Всякое сомнение в Промысле Божиим и в словах Священного Писания вызывало его на битву, на защиту Православия. Его неутомимые труды и заботы при издании творений святых отцов изумляли меня и даже ставили в какое-то недоумение. Батюшка составляет карту неба и научает нас безбедно плавать по житейскому морю. Но старец забыл, кажется, что корабли наши утлы и обременены грузом греховным. Может быть, это говорила мне моя леность; а он уповал на свою живость и на будущее поколение, ибо верил, что Господь силен и гору двинуть в море, и от камня сотворить чада Аврааму. Он тем более верил этому, что был легок, как птица, истончив тело свое всегдашним постом и бдением. И жизнь его как бы не нуждалась в животной пище, оправдывая слова при искушении (Господа), что *не о хлебе едином жив будет человек* [Лк.4,4]. Но для чего это вам говорить? Вы были сами свидетелями его прекрасных дел, из которых многие уже позабыты мною. Но как теперь вижу, как он, бывало, не ходил, а летал, куда позовут его, и разносил своим гостям небесные дары утешения и поучения. По своей доброте и неосуждению (ближних) он не хотел знать, что у него могли быть завистники и лицемерные друзья. Довольно! Не хочу каплями желчи огорчать ту чашу благословений, которая теперь возносится о нем... Благодарю еще раз, честнейший о. Леонид, за ответ ваш. Без вас я бы доселе был в неизвестности о кончине батюшки о. Макария. Хотя получил впоследствии два уведомления, но все по слухам. и. А.— Т-ъ. 12 октября 1860 года”.

3.

Письмо иеромонаха Ювеналия, находившегося в Иерусалимской миссии (бывшего впоследствии архиепископом Виленским), вероятно, к тому же иеромонаху о. Леониду (Кавелину):

“Глубоко поразило меня письмо ваше от 10—12 октября. Благодарю Вас за немедленное извещение моего ничтожества; но и до сих пор не могу прийти в себя от скорби о кончине такой неожиданной,

внезапной кончине св. отца нашего. Последнее письмо его ко мне было от 23 августа, а 7 числа сентября и его самого не стало!.. Не могу себе представить скита без батюшки! Какая у вас теперь общая, глубокая, безотрадная скорбь! Кто может заменить незаменимого, полного такую всепокрывающую любовь, таким “горением сердца” о всякой твари! Упокой, Господи, душу его в Царствии славы Твоей! Подлинно, заслужил он славу небесную презрением земной. И.Ю. Иерусалим. 30 октября 1860 года”.

Примечание. В прежнем издании жизнеописания старца о. Макария из сочувственных писем о его кончине почитателей его напечатано было четыре письма; но в теперешнем издании одно письмо опущено. Это потому, что в нем молитвенные слова, обращенные к прославленному Св. Церковью угоднику Божию преп. Сергию Радонежскому: “Аще толик был еси, святче Божий, на земли, колики ныне на небеси”, — применены и к старцу о. Макарию, хотя подвижнику, но еще не прославленному. Такое применение неправильно. Так смотрел на это в свое время и великий святитель Московский, митрополит Филарет, что не подобает тако сему быть.

Глава XXIII

Посмертные добродейства старца о. Макария некоторым из почитателей его чрез сновидения: исцеления, утешения, ободрения, обличения

Праведницы во веки живут (Прем.5,15), сказал премудрый. И мы веруем ему несомненно; ибо видим на деле, чтоходящие в мир горний, в особенности близкие к нам подвижники Христовы, только телом отлучаются от нас, а духом пребывают с нами. Они являются многим, преимущественно имевшим и имеющим к ним любовь и усердие, и в доказательство истинности своего явления так или иначе благодетельствуют им. Приводим здесь несколько замечательных сновидений, бывших по кончине старца о. Макария некоторым из его почитателей.

1. Оптинскому монаху о. Акакию* поручено было очень трудное послушание. Он жил верстах в восьми от обители на монастырской даче, известной под названием "Рыбной ловли", где, кроме рыболовства, по р. Жиздре и смежным озерам убиралось в летнее время по лугам много сена и имелось колод до ста пчел. За всем этим поручено было ему смотреть. И так как при обычных хозяйственных заботах о. Акакий и сам наравне с жившими при нем братьями и наемными рабочими нес великие труды; то и нажил себе чрез это две грыжи, которые от повседневных неизбежных напряжений, а вместе и от долгого стояния на церковных богослужениях, когда он приезжал по праздникам или для говения в монастырь, время от времени все более и более увеличивались. Особенно одна, по выражению самого о. Акакия, по временам выходила наружу с кулак, наливаясь как стекло; тогда он падал на землю, не помня себя от боли. Болезнь эта его многим была известна, в особенности старцам — о. Макарию, о. Амвросию и о. Пафнутию, скитонаачальнику. В год кончины старца о. Макария, именно в декабре 1860 года, о. Акакий, намереваясь поготовиться к принятию Св. Таин

* Монах этот впоследствии перешел в Коренную пустынь Курской губернии, где получил иеромонашество и был там долгое время духовником, там и скончался.

Христовых, прибыл в монастырь и поместился, как всегда так бывало, в кельи своего родного брата, монаха Каллиста, бывшего в то время помощником пономаря. В первый же день говения о. Акакий, хотя чувствовал от грыжи сильную боль, однако понудил себя отстоять всю утренью до конца. Но лишь только дождался он отпуска, как в тот же час последовал возглас иеромонаха на заупокойную обедню, которая, по усердию детей покойного старца, служилась в продолжение года по нем исключительно. Литургию эту о. Акакию, за дальностию места и хозяйственными хлопотами, еще ни разу не приходилось слушать. Теперь давнее его сердечное желание помолиться за этой Литургиею о упокоении души своего любимого отца и с минуты на минуту усиливавшаяся боль поставили его в крайне затруднительное положение. До четырех раз он пытался уйти в келью брата, который отдыхал у себя в ожидании второй ранней Литургии как помощник пономаря; но опять и опять оставался в храме Божиим. Наконец, невыносимая боль заставила его удалиться в келью, где брат встретил его укором — зачем ушел от батюшкиной обедни. Когда же больной объяснил причину, брат немедленно уступил ему свою постель, а сам лег на лежанку. Долго о. Акакий, болезнующий телом и духом, не мог успокоиться, наконец задремал и увидел знаменательный сон. “Будто я, — после рассказывал он, — у себя на “Рыбной ловле”. И вот пришли ко мне из скита отцы — Флавиан, Ювеналий, Сергей и Андрей (Глушков). Желая их угостить, будто пошел я половить для них рыбки; но на дороге боль от грыжи так крепко схватила меня, что я повалился на землю и от сильного страдания начал по земле валяться. Вдруг вижу, является батюшка о. Макарий, одетый в схиму, и спрашивает меня обычною скороговоркою: “Что ты делаешь? Что у тебя болит?” А я, лежа на земле кверху животом, ответил: “Да вот, батюшка, пошел для ваших скитских монахов поймать рыбки, чтобы угостить их; а теперь (вам известна моя болезнь) и дойти-то даже не могу, такая ужасная боль!” “Дай-ко, я полечу, — сказал явившийся старец, — да только стерпишь ли, я семь раз буду давить. Зато, если не умрешь, грыжи никогда не будет”. — “Попробуйте, батюшка!” — ответил я ему, лежа на спине. Старец ухватил меня за живот и пальцами своей руки начал давить мне под левое ребро. Каждый раз, надавливая, он считал: раз, два, три и далее до семи. В это время от жесточайшего невыносимого страдания я метался туда и сюда, кричал и не чаял остаться в живых; едва не вышел из меня дух. Но в то же время я ощутил, что внутренность моя в левом боку как бы приподнялась и окрепла; а

в душе почувствовал великую радость и какой-то страх — чего вполне не могу выразить. В благодарном и радостном трепете бросился я к батюшке и, обняв его живот, поцеловал схиму его, а он поцеловал меня в голову. В это время меня обдало как бы теплым паром, и я проснулся. Среди сна вследствие сильных в постели движений от нестерпимой боли я упал на пол; а пришедши в себя, увидел, что я сижу на полу с распростертыми руками, как во сне держал их, обнимая старца. Радость и трепет наполняли мою душу. В это время пришел будильщик звать брата, чтобы шел пономарить на второй ранней обедне. Брат, вставши и увидев меня сидевшим уже на постели, спросил: “Что с тобою?” Я рассказал ему виденное. “Ну, а что твоя грыжа? — продолжал он спрашивать, — пощупай”. Ощупываю и отвечаю: “Нет ни боли, ни следа грыжи”. Тут ударили в колокол к обедне, и мы вместе пошли в церковь. По окончании службы, пришедши в келлию, брат опять спросил меня: “Что грыжа?” Я хоть и боялся вполне верить своему исцелению — однако все-таки опять сказал, что нет и следа ее. После обеда, когда нужно было мне съездить на дачу, со стороны брата последовал прежний его вопрос, а от меня был ему прежний мой ответ. И вот, благодаря Бога, до сих пор не чувствую никакой боли, хотя и тружусь по-прежнему. Прежде, когда у меня была грыжа, я с трудом мог поднимать полпуда; а теперь ни подъемы в три и четыре пуда, ни долгое стояние, ни жар и вообще никакие труды не дают мне и знать, что у меня прежде была грыжа. Спустя около полугода после моего исцеления прибыл ко мне на дачу прежний мой товарищ по послушанию, монах о. Памво, живший здесь со мною лет десять и не раз выдававший мои страдания и слыхавший мои стоны. Когда я стал передавать ему рассказ о своем исцелении, он никак не мог сему верить, как я ни убеждал его. Наконец, неверивший собеседник решился сам освидетельствовать бывшее мое больное место. Освидетельствовал, поверил; и тут же залился слезами от ужаса и удивления.

2. Упомянутый в вышеприведенном рассказе монах Каллист, родной брат монаха Акакия, сказывал, что в сентябре 1861 года у него очень разболелись зубы. “Три дня, — говорил он, — ни на минуту я не имел от них покоя и в это время все ходил. Наконец, вижу, что и ходьба не помогает. Дай, думаю, выдерну. Мне и выдернули, но после того боль еще больше усилилась. Ныне (14 сентября) во время вечерни так мои зубы разболелись, что хоть впору умирать. Уткнул я голову в подушку, стало еще хуже. Потом, приподнявшись, увидел в окно — идет мимо моей келлии монах о. Леонид. “Батюш-

ка, — говорю ему, — ради Бога, принеси мне маслица с могилы батюшки о. Макария, умираю!” О. Леонид вскорости принес; и лишь только я выпил этого масла, как тотчас боль прекратилась. Нарочно головой трясую и боли нисколько не ощущаю”.

3. Монахине Белевского женского Крестовоздвиженского монастыря, м. Раисе, было замечательное сновидение по следующему случаю. Незадолго до кончины старца о. Макария богатый помещик Феодор Захарович и супруга его Александра Николаевна (впоследствии в монашестве м. Амвросия) Ключаревы, по взаимному согласию и по благословению старца, решились переменить мирскую рассеянную жизнь на монастырскую. И Феодор Захарович поступил в Оптинский скит под ближайшее духовное руководство старца Макария; а Александра Николаевна в женский монастырь в г. Белеве, отстоящем тоже недалеко от Оптиной Пустыни — верстах в сорока, чтобы иметь возможность тоже чаще пользоваться советами и наставлениями старца. И хотя старец Макарий при жизни своей поручил обоих Ключаревых духовному руководству иеросхимонаха Амвросия, имевшего вскоре заместить старца Макария; однако Александра Николаевна, как уже года два относившаяся к старцу Макарию, так привязалась к нему душою, что после его кончины стала очень скорбеть и смущаться, чрез что сделалась совершенно больною и ночи проводила без сна. В одну из таких ее тяжелых бессонных ночей м. Раиса увидела во сне: будто идет она по монастырскому своему двору и встречает покойного старца о. Макария, одетого в рясу, в простой монашеской шапке и с палочкой в руках. Шел он куда-то поспешно. Обрадовавшись несказанно этой нечаянной встрече, м. Раиса поклонилась старцу в ноги, прося его благословения. Но старец, благословляя ее, сказал: “Мне теперь некогда, я спешу к Александре Николаевне; она больна; надо ее утешить”. После этих слов м. Раиса проснулась в великой радости. Сходила она затем к ранней обедне; а по приходе из церкви пошла навестить Александру Николаевну, которая, оказалось, была довольно здорова и покойна духом. Когда же м. Раиса рассказала виденное ею во сне — тогда и Александра Николаевна, в свою очередь, объявила, что хотя она не видела во сне старца, да и не могла видеть, потому что от тучи сердечной во всю ночь не могла заснуть; но около того времени, как видела во сне старца м. Раиса, она, больная, ощутила облегчение своей душевной болезни и безотчетную сердечную радость; а рассказом м. Раисы была вполне утешена и вскоре совершенно выздоровела.

4. Известному Оптинскому старцу, иеросхимонаху Амвросию, около 11 ноября 1861 года было такое сновидение. “Сию я будто,— так поведал старец,— на своей постеле; а против меня, в другой стороне келлии, стоит иеромонах о. Леонид (Кавелин) с образом Божией Матери в руках, образок был вершка два с половиной. Оба мы, как бы в ожидании чего-то, молчали. Вдруг будто входит к нам батюшка о. Макарий, кладет пред образом три земных поклона и прикладывается к нему. Затем он быстро начал осматривать передний угол и перебирать бумаги на столе; потом опять положил три поклона и тихо, как будто сторонясь о. Леонида, сказал мне вполголоса: “Благовари Бога!” Наконец, пошел к двери и пред выходом прибавил: “Да белье перемени”. Вскоре после сего сновидения старец Амвросий так сильно заболел, что врачи теряли надежду на его выздоровление.

5. Долго врач, пользовавший болящего старца Амвросия, усиливался возбудить в нем хотя малейшую испарину, но все было тщетно. Наконец, 6 января следующего 1862 года у больного появилась такая сильная испарина, что смочила не только бывшую на нем фланелевую рубашку, но даже и одеяло, и подушку. И в этот день упомянутая выше послушница Белевского женского монастыря Александра Николаевна Ключарева, теперь уже духовно относившаяся к старцу Амвросию и сердечно расположенная к нему, необычайно ясно увидела сон, который и был ею записан: “Под 7-е число января 1862 года,— так поведала она,— я, угнетаемая тоскою о болезни батюшки о. Амвросия, долго не могла заснуть. Вздremнув около 12-ти часов ночи, вижу, будто встречается меня покойный батюшка (о. Макарий), одетый в белый балахон. Я в невыразимой радости упала ему в ноги и просила благословения. Батюшка, как бы куда-то поспешая, выходит в дверь из моих келлий и говорит с обычною ему живостию: “Надобно благодарить Бога. Благодарите Бога за исцеление”. Когда я стояла в недоумении, не догадываясь, кто именно исцелился, батюшка прибавил твердо и повелительно: “Благовари, что исцелился”. Хотя он и не сказал имени, но я поняла тут — о ком он говорил. После чего начал нас благословлять, и прежде, казалось мне, отца Амвросия, потом меня, а потом и других лиц предстоявших”. Александра Николаевна проснулась в великой радости вследствие надежды на скорое выздоровление любимого ею духовного отца и старца Амвросия, который с того дня, действительно, стал понемногу оправляться здоровьем и наконец совсем поправился.

6. Послушница Белевского женского монастыря, бывшая помещица Надежда Егоровна осенью 1861 года, бывши в Оптиной Пустыни и отправляясь на свою родину, по вере своей к покойному старцу Макарию взяла песочку с его могилы. Во время ее пребывания в своем имении в октябре месяце одна ее дворовая женщина около двух месяцев страдала сильною зубной болью, в особенности по ночам, и оттого все ночи проводила без сна. Лечилась она некоторыми домашними средствами, но ничто не помогало. Сострадая больной женщине, Надежда Егоровна, со своей стороны, придумывала, чем бы ей помочь. И вдруг пришло ей на мысль приложить к щеке болящей привезенного ею из Оптиной Пустыни песочку. Призвала она к себе в комнату больную, положила вместе с нею пред св. иконою Царицы Небесной три земных поклона, сначала намазала больную щеку елеем из лампы пред образом, а затем осыпала всю ее песком. Этому же песку дала она больной и выпить в воде. Немедленно после того больная заснула; а на другой день встала совершенно здоровою. Зубная боль к ней уже не возвращалась.

7. Когда вышеупомянутая дворовая женщина помощью Царицы Небесной по молитвам старца Макария исцелена была от жестокой зубной боли; тогда доложили Надежде Егоровне, что в ее имении еще есть девочка лет 15-ти, которая сильно страдает жабою в горле. Дали больной выпить в воде несколько песочку и приложили его же к горлу; в то же время девочка получила большое облегчение.

8. Бывшая помещица, а затем послушница Дивеевского женского монастыря Нижегородской губернии Мария Васильевна Апаньевская вскоре по кончине старца о. Макария рассказывала о себе следующее: “В первые дни после кончины батюшки о. Макария я, при великой грусти о лишении его, подверглась какой-то ужасной болезни, похожей на ту, которую в простонародье называют волосатиками. Боль была неослабная. Ни днем, ни ночью не было мне от нее покоя; и я уже несколько суток провела без сна. Рекомендованные средства не помогали. Бывши в это время в Оптиной Пустыни, иду я однажды из скита и думаю: дай схожу на могилку батюшки о. Макария и возьму с нее землячки для пальца — авось полегчает. Пришла, взяла сначала из горевшей над его могилой лампы маслица, обмазала им свой больной палец и затем, осыпав его землею с могилы, обвязала и ушла на гостиницу. Тут я и скоро заснула крепким сном; а поутру встала совершенно здоровая”.

9. Одна из сестер Вяземского женского монастыря Смоленской губернии, Евдокия Смирнова, более двух недель страдала сильною рвотою и чувствовала боль и расслабление во всех членах. Обраща-

лась за помощью к доктору; ей ставили мушку, давали лекарства внутрь, но болезнь не уступала. В изнеможении от частой рвоты больная к вечеру на 6 марта (год неизвестен) сказала сестре своей: “Теперь более не пойду к доктору — никакой нет пользы”. Перед диваном, где она лежала, на стене между другими изображениями висел портрет покойного старца Макария. Лично она его не знала, но много доброго слышала о нем. С верою и внутреннею молитвою к старцу, она пристально смотрела на его портрет. В таком положении она незаметно заснула так крепко, что не слышала, как сестра ее входила к ней и выходила. В это время она увидела во сне, будто пришел к ней батюшка о. Макарий с матерью игуменьею ихней обители. И старец спрашивает: “Знаешь ли ты, что это за матушка?” Больная отвечает: “Знаю, батюшка, что это наша матушка”. Старец: “Так что же ты лежишь?” Больная: “Да мне встать нельзя — у меня рвота сильная”. Старец перекрестил уста, грудь больной и всю ее и сказал: “Не будет рвоты; пойдя, отслужи молебен Успению Божией Матери”. Больная: “А у меня и акафист Ей теперь есть”. Старец: “И с акафистом отслужи; а после приди ко мне, я тебе маслица дам”. Больная, привыкшая все делать по благословию матери игуменьи, ответила: “Если матушка благословит”. Старец: “Благословит. Матушка и сама ко мне придет”. С этими словами старец встал и запел: “Воскресни, Господи Боже мой, да вознесется рука Твоя, не забуди убогих Твоих до конца”. Проснувшись, больная уже не ощущала в теле своем боли, и рвота более не повторялась у нее. И во весь этот день ей было невыразимо отраднo и легко.

10. Орловской губернии Малоархангельского уезда, сельца Стрелки сын богатого крестьянина Ивана Афанасьева Дунаева, 24-летний юноша Иван, в продолжение шести годов был нем и несколько помешан умом. Некоторые близкие к Ивану Афанасьеву знакомые советовали ему съездить с больным сыном в Оптину Пустынь к старцу Макарию, бывшему еще в живых. После неоднократных таких предложений родитель, наконец, решился повезти сына своего в Оптину. В октябре 1860 года они прибыли в монастырь, но старца в живых не застали: по нем уже оканчивался сорокоуст. Поскорбев немало о своей неудаче, они в свое время пришли в храм Божий отслушать бдение, которое служилось ради памяти покойного старца Макария. И усердие их к почившему старцу вознаграждено было великою милостию Божиею: среди бдения немой сын начал говорить и получил прежнюю светлость мыслей. Об этом исцелении стало известно в Оптиной Пустыни в 1863 году.

11. В первой половине февраля 1861 года жена станционного смотрителя вблизи г. Орла, Анна Антоновна Зайцева, женщина, по отзыву видевших ее, умная, обстоятельная и благочестивая, приходила в Оптину Пустынь для богомолья. Остановившись на монастырской гостинице, она рассказала бывшему в то время гостиннику, о. Алексею Калинкину, следующее обстоятельство, побудившее ее к сему путешествию. “Около пяти лет,— говорила она,— я страдала болезнью расслабления во всем теле, так что не могла ходить. К концу 1860 года расслабление мое усилилось, и муж мой советовал мне причаститься Св. Христовых Таин. Я долго не соглашалась; но настойчивость мужа заставила меня уступить его требованию. И вот ночью, накануне напутствования меня Св. Тайнами, увидела я следующий сон: лежала я будто, по обыкновению, в постеле, и ко мне подходят два старца — впереди мне не известный, а за ним недалеке хорошо мне известный батюшка о. Макарий. Неизвестный обращается ко мне с такою речью: “Для чего ты к себе требуешь Христа? Ты сама иди к Христу”. Отвечаю: “Как же я пойду, когда я и с постели не могу сойти?” Неизвестный продолжает: “Сходишь и в Оптину Пустынь, да еще пешком. Сходи и помолись там; и получишь исцеление”. “Отче! — спрашиваю,— кто же ты? Вот сзади-то тебя батюшка о. Макарий — я его знаю; а ты-то кто такой?” Он говорит: “Я оптинский иеросхимонах Леонид”. В это время стоявший молча позади старца Леонида о. Макарий говорит печальным голосом: “Вот прежде (то есть при жизни) меня всем угощали; а теперь уж не заботятся обо мне и не думают”. Я, как будто, вскочила с постели и стала с поспешностью набирать стол. Подав что могла, я просила его покушать. Батюшка подошел к столу, отщипнул двумя перстами несколько крошек хлеба и положил себе в рот. Я стою, кланяюсь и упрашиваю его покушать еще, а он сказал: “Я и это сделал только ради благословения дома”. Проснувшись, я почувствовала укрепление во всех своих членах и поднялась с постели. Чрез несколько дней я почувствовала себя настолько здоровою, что, несмотря на зимнее время, решила идти пешком на богомолье в Оптину Пустынь”. Пробыв три дня в обители, г-жа Зайцева отправилась в обратный путь. Она была в таком здоровье, что не взяла предлагавшихся ей лошадей до Орла, и в зимнюю пору, при сильных еще морозах, отправилась пешком до своего местожительства за 135 верст.

12. Орловской губернии Дмитровского уезда, прихода села Островского, деревни Лубенца 18-летняя крестьянка Евдокия Грышае-

* Предместник старца Макария.

ва около половины ноября 1861 года, спустя год после замужества, подверглась страшной болезни. Она вся ослабела, в особенности же у нее совсем отнялись руки, так что она ничего не могла ими делать. Кроме того, в груди у нее чувствовалась тяжесть и тревожное томление, а по временам появлялось сильное болезненное ощущение, которого она объяснить не могла. Месяца чрез два после того ей прибивилось еще горе. 7 января следующего 1862 года ночью Евдокия увидела во сне какого-то безобразного мужика, который производил на нее очень неприятное впечатление. Он будто сорвал с нее головной убор, который взял с собою, а некоторые вещи при ней же изрезал в куски и сказал: “Ты теперь от меня не избавишься”, — затем исчез. Проснувшись, она рассказала свое видение домашним, которые по осмотре, к общему своему удивлению, головного ее убора не нашли; некоторые же вещи оказались изрезанными в куски. С этой ночи безобразный мужик стал являться Евдокии во сне уже нередко с тою же угрозою: “Ты теперь от меня не избавишься”. По временам он уносил ее платки или еще что-либо из головных ее уборов; а иные вещи — иногда подушку или рубашку — изрезывал на месте. Промучившись так с месяц, больная оставила дом мужа и свекрови и перешла на жительство к родному брату; но и там не нашла себе покоя. Те же сновидения тревожили ее до пятой недели Великого Поста. В начале же этой недели, в одно время, кто-то наяву крепко ударил ее в затылок и сказал: “Уж мне неохотно ходить за тобой”. Несчастная упала на пол без памяти. Когда же ее подняли, оказалось, что у нее отнялся язык. Целую неделю после того Евдокия оставалась немою и в забытии. Чрез несколько дней после этого случая пришла навестить ее жившая в соседстве Анна Евстафьева, которая при жизни старца Макария кое-когда хаживала к нему. Сочувствуя бедственному положению Грышаевой, Евстафьева советовала ей сходить ей в Оптину Пустынь помолиться Богу; но больная, немая, при душевном расстройстве, ничего ей не отвечала. Вот однажды ночью эта немая увидела во сне (как сама она выражалась) какого-то седенького старичка, который ей сказал: “Иди туда, куда тебя звала старушка помолиться Богу, тебе будет лучше. И я отыщу твои вещи: они лежат в доме твоего мужа, в клети за стрехой (то есть между стропильным бревном и крышею). Только сама за ними не ходи, а пошли кого-нибудь”. Вставши от сна, она почувствовала, что язык ее разрешился от онемения и душевное состояние ее улучшилось — она уже стала с родными разговаривать, чем немало удивила их. В тот же день Евдокия послала свою сестру в дом мужа поискать вещи, о коих говорил ей в сновидении являвшийся старичок. Действительно, нашли в клети — один платок за стрехой,

а четыре платка лежали на сундуке, хотя их прежде никто тут не видал. После того Грышаева со своею свекровью и соседкою старушкою Анною и с другими некоторыми приходила к Св. Пасхе в Оптину Пустынь помолиться Богу и поклониться могилке старца Макария, хотя путь был неблизкий — до 200 верст. Крестьянка эта была уже в полном здравии душевном, но чувствовала еще некоторый остаток слабости в теле.

13. Старец о. Макарий при жизни предрекал скитскому иеромонаху о. Исаакию, что ему не миновать настоятельства в Оптиной Пустыни, хотя о. Исаакий вовсе не желал сего. Менее чем через два года после кончины старца предсказание его исполнилось. В 1862 году, после кончины о. архимандрита Моисея, о. Исаакий, действительно, был избран и утвержден на настоятельство. Но так как вскоре после кончины старца о. Макария и настоятеля о. архимандрита Моисея порядок старчества в Оптиной Пустыни, по обстоятельствам, не мог установиться как должно — то новый о. настоятель, привыкший в жизни руководствоваться советами старца о. Макария, при всегдашнем нерасположении начальствовать находился в великой скорби. Потому, конечно, не без воли Божией скорбевший о. Исаакий чаще других братьев и был утешаем посредством явлений ему старца Макария в сонных видениях. Таковых сновидений в продолжение первых 40 дней после кончины старца было ему более десяти. Но так как все они носят характер частных утешений, относившихся собственно к о. Исаакию — то они здесь и не перечисляются. Для примера приводится только одно. “Стоял я, будто бы, с братиею, — так сказывал о. Исаакий, — в коридоре больницы церкви в ожидании ранней обедни. Неподалеку от меня стоял о. Паисий (иеромонах), готовившийся служить раннюю Литургию, и еще кто-то говоривший с ним. Вдруг в главных дверях храма будто является батюшка о. Макарий, одетый в мантию, и куда-то идет очень скоро. Удивленный такою нечаянностью, полный до глубины души радости, я воскликнул: “Батюшка идет!” О. Паисий тоже с восторгом проговорил: “О! Воскрес!” Трепеща от радости, я побежал к нему и пал на колени, с тем чтобы получить от него благословение. Он благословил меня несколько раз и затем приветствовал меня по обычаю монашескому — целуя в плеча. Схватив его руку, я крепко держал ее, не выпуская; а он меня еще несколько раз благословил. От избытка радости слезы ручьем лились у меня, и я никак не мог их удержать. Затем вдруг черная монашеская одежда на батюшке изменилась в чистую, белую, и он стал невидим. Проснувшись, я трепетал от избытка радости и душевного утешения”.

14. Оптиной Пустыни братский повар монах о. Сергей так рассказывал сон, виденный им в 1862 или 1863 году: “Представилось мне, что я вхожу в небольшую, но светлую комнату, похожую несколько на часовню над могилой батюшки о. Макария. Впереди стояла гробница, но, казалось мне, повыше и обширнее той, которая там стоит. С правой стороны от меня пред гробницею же будто стоит наш новый настоятель, о. строитель Исаакий, очень грустный, и, смотря на гробницу, говорит: “Как мы несчастны, что нет с нами батюшки! Очень бы он был нам теперь нужен”. Я отвечал: “Да, батюшка, я тоже желал бы на него теперь посмотреть”. После этих моих слов, смотрю, будто поверх гробницы лежит покойный батюшка о. Макарий, как бы живой, и, глядя на меня, говорит: “Пойди, пойди, посмотри! Ты желал меня видеть? Вот я! Пойди сюда!” При этом явлении о. строитель Исаакий пал пред старцем на колени и, обняв его ноги, облился слезами. А батюшка, глядя на меня, продолжал: “Пойди, пойди сюда!” Я подошел. А он говорит: “На! Целуй меня! Ты желал меня видеть”. Я не осмеливался поцеловать его, а он повторял: “Целуй, целуй меня! Ты желал”. Я поцеловал. А он продолжал: “Целуй, целуй еще!” Я еще поцеловал. Старец еще и в третий раз велел мне поцеловать его. Я поцеловал и в третий раз. Наконец, обратившись к о. строителю, старец начал говорить ему с тоном укора: “О чем ты все скорбишь? Чего тебе хочется? Ведь я с вами, постоянно с вами. Никогда не отхожу от вас. Экой ты! А еще настоятель!” О. строитель наш, действительно, в это время очень скорбел и всеми силами старался было оставить настоятельскую должность. Я же, грешный, много утешенный бывшим мне сновидением, проснулся с чувством радости.

15. Сновидение оптинского монаха о. Матфея Попова. “Не очень долго спустя после кончины батюшки о. Макария,— так говорил он,— приключилась мне чрез одного отца такая напасть, что я не знал, что мне и делать. Нигде не находил я себе утешения — просто хоть ложись да и умирай. Но вот я однажды в свое время заснул и вижу: будто пришел я к батюшке в его келлию. Он сидел на диване в белом балахоне. Лицо у него светлое и веселое. Хотел я подойти к нему, чтобы получить благословение, да как-то запутался ногами в постилках и упал к нему прямо в ноги, а на лету-то и обнял его. Затем и говорю: “Простите, батюшка, я запутался в постилках и упал”. Он меня ободрил и спросил: “Зачем пришел?” Я рассказал ему свое горе. А он меня благословил и сказал: “Ничего, ничего; пройдет; это все пройдет”. Тут я проснулся, а в душе ощутил такую

радость, что и выразить нельзя. Куда девалось горе? С того часа и напасть вся прошла”.

16. Один казенный крестьянин Крапивенского уезда Тульской губернии, по имени Петр, имевший жену и детей, при жизни старца Макария коротко знавший его, с давнего времени имел стремление к подвижнической жизни. Раз как-то он сильно увлекался помыслами оставить жену и детей, дабы ради спасения душевного проводить жизнь отшельническую. Но вот он увидел во сне покойного старца, который будто явился ему среди Оптиного скита, одетый в рясу; а на голове у него была простая монашеская шапка. Подошедши к Петру, старец крепко взял его за руку своими обеими руками и, держа так, сказал: “Петр! Оставь свое намерение. Корми жену и детей. Это тебе будет полезнее. Да смотри свою гордость!” (то есть, чтобы не упускал из виду мнения о себе, что будто он жил благочестивее других). После этого сна день и ночь смущавшие Петра помыслы рассеялись как дым, и он уже спокойно проводил семейную жизнь.

17. Помещица г. Белева Тульской губернии полковница Кахно, духовная дочь покойного старца о. Макария, много лет страдавшая хроническою болезнью, имела от него заповедь как можно чаще приобщаться Св. Христовых Таин — если бы можно было, то каждый месяц. В конце 1861 года она была особенно нездорова. Телесная всегдашняя болезнь, хозяйственное неустройство и постоянная душевная скорбь уложили ее в постель. А она не всегда исполняла заповедь старца, то есть причащалась не так часто, как было ей завещано. Впрочем, делала она это не по небрежению к старческой заповеди и не по неуважению к Св. Таинам, а единственно по недоразумению. Ей представлялось, что для приготовления к причастию Св. Таин по установленному порядку обязательно должно ходить несколько дней в храм Божий ко всем службам церковным; а не имея сил исполнять это, она приобщалась реже заповеданного ей старцем. Теперь же, при совершенной невозможности идти в храм Божий, больная хотя изъявила желание приобщиться дома, но все-таки смущалась. Когда же послали за священником и она уже слушала правило ко Св. Причащению — вдруг видит наяву — входит в ее комнату покойный старец Макарий, подходит неспешно к св. иконам, кладет пред ними три поясных поклона и тотчас удаляется. Этою нечаянною радостью Кахно до того была поражена, что во время сего видения не могла произнести ни одного слова. Между прочим, это послужило для нее знаком, что вынужденное необходимою, по-видимому, и недостаточное приготовление к причаще-

нию Св. Христовых Таин — не зазорно. Недоразумение ее и смущение исчезли, и она с верою и в радости духовной приобщилась.

18. Один молодой офицер, мало веровавший старцу Макарию, после кончины его видел такой сон. “Пришел будто я, — так говорил он, — в храм Божий, где происходило приготовление к архиерейской службе, и увидел, что какой-то благообразный муж машет мне из алтаря и говорит: “Пойди, посмотри, где покоится о. Макарий, которому ты мало верил”. Ввел он меня в алтарь, и я увидел богатую вызолоченную раку, подошел к ней и земно поклонился лежавшему в ней праведнику со слезами раскаяния в своем маловерии. “Вот, — говорил мне тот же муж, указывая на прикрепленный к стене алтаря золоченый лист, — вот тут будет изображение вашего старца. Сегодня будет служить владыка и будет величание преподобному Макарию. Скажи на клиросе, чтобы читали и пели канон угоднику Божию Макарию”. О сем писала в обитель родная сестра видевшего сон молодого офицера.

19. Рассказывал вышеупомянутый монах Дометий: “Как-то я чувствовал себя не в духе и был нездоров. Ложась спать, я очень смущался помыслами и малодушествовал насчет своего слабого здоровья. Заснувши, вижу, будто я стою пред батюшкою о. Макарием и объясняю ему свои немощи и слабое здоровье. А он, сказав на мои объяснения несколько слов в назидание мне и утешение, прибавил: “А чаек-то внакладку пить надобно оставить. Это не монашеское дело. Надо оставить, надо оставить!” А я, признаться, привыкши с малолетства к сладкому чаю, и в монастыре все продолжал по немощи пить сладкий чай”.

20. Было и еще немало подобных замечательных сновидений некоторым из почитателей старца о. Макария; но, дабы не prolongовать очень слова, ограничимся еще одним, последним, сновидением, бывшим орловскому купцу Ивану Михайловичу Немытову, который находился в близком духовном общении с Оптинскими старцами иеросхимонахами о. Львом и о. Макарием и по наставлению их проходил высокую умную молитву.

“Снилось мне, — говорил Немытов, — что будто нахожусь в саду необычайной красоты. Все деревья и листья на них блистали, как бы серебряные. Тут видны были два дома. Из них один, стоявший на правой стороне, был величественный и красоты неопишущей, и из него слышался такой чудный звон, что я содрогался всеми членами и говорил сам себе: “О, если бы кто сказал мне: чьи это палаты, откуда исходит этот звон!” Тут я увидел, что из сего чудного дома вышел батюшка о. Макарий в необыкновенной славе. Я очень обра-

довался ему, поклонился в ножки и просил: “Батюшка! Простите моему дерзновению, удовлетворите мое любопытство. Мне желательно знать, чей это великолепный дом?” Батюшка со свойственным ему смирением отвечал: “Божий, Божий”. Я опять поклонился ему и, указывая на другой дом, который много уступал первому в великолепии, спросил: “А этот, другой дом кому принадлежит?” Батюшка ответил: “Поди, спроси самого хозяина”. Оглянувшись, я увидел, что из этого дома вышел покойный батюшка о. Лев. Я подошел к нему, поклонился до земли и спросил: “Желательно мне, батюшка, знать, почему этот дом менее славен и величествен того дома?” Батюшка о. Лев ответил мне: “Смирение батюшки о. Макария превзошло труды мои”. Тут я уже узнал, что первый дом — батюшки о. Макария; и, еще раз поклонившись ему, сказал: “Вот теперь-то я известился, что дом этот принадлежит вам”. Но батюшка о. Макарий опять смиренно отвечал: “Богу, Богу так угодно!” Тем сновидение мое и кончилось”.

Более 30 лет прошло со дня кончины старца батюшки о. Макария, как скончался и преемник его, старец Амвросий. Когда же копали для новопреставленного могилу рядом с могилой старца Макария, в это же время от могильного над сим последним склепа отвалился кирпич. В образовавшееся от сего отверстие некоторые из монахов вставляли горящую свечу и при свете ее видели гроб старца Макария, нисколько не поврежденный тлением, и даже запаха гнилого не ощущали. В этот раз один монах дерзнул оторвать кусочек гаса от гроба старцева и в тот же день понес наказание Божие: он почувствовал боль в кисти своей руки, так что перестал и пальцами владеть; что продолжалось около трех недель; но когда отслужил он несколько панихид на могиле старца — болезнь прошла.

Конец, и Богу слава и благодарение.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

Из наставлений Оптинского старца иеросхимонаха Макария

Предостережение читающим духовные отеческие книги и желающим проходить умную Иисусову молитву

оводом к написанию сего предостережения послужили две причины.

Первая и главная причина объяснена переводчиком отеческих писаний с еллино-греческого на славянский язык опытным делателем молитвы молдавским старцем Паисием Величковским в письме его к старцу Феодосию, архимандриту Софрониевой пустыни, где он пишет так:

“Духовно уведомляю святыню вашу, что касательно издания, чрез напечатание отеческих книг как на еллино-греческом, так и на славянском языке, объят я радостию и страхом: радостию — потому, что они уже не будут преданы окончательному забвению и ревнители удобнее могут приобретать оные; страхом же, боясь и трепеща, что эти (святые творения), как и прочие книги, как вещь продаваемая, предлагаемы будут не только монахам, но и вообще всем православным христианам; и по ним обучившимся самочинно, без наставления опытных, деланию умной молитвы как бы не воспоследовала прелесть; а за прелестью, как причину, не воспоследовала бы от суетных хула на это святое и пренепорочное дело, засвидетельствованное весьма многими великими святыми отцами”.

Представив бывший пример хулы на молитву, старец продолжает: “Итак, как выше я сказал, боюсь и трепещу того, дабы не воспоследовали для самочинников прелесть, прелесть же — хулы, хулам же — усумнения в истине учения богоносных наших отцов.

Потому богоносные отцы, уча о молитве сей, началом ее и непоколебимым основанием полагают истинное послушание, от которо-

* Печатается по изданию: “Предостережение читающим духовные отеческие книги и желающим проходить умную Иисусову молитву”. Из наставлений Оптинского старца иеросхимонаха Макария. Шамордино, 1913.

го рождается смирение; смирение же охраняет подвижащегося в ней от всех прелестей, последующих самочинникам. Да и как возможно будет без послушания, по самочинию, которому последует прелесть, без всякого наставления, понуждаться на столь страшное и ужасное дело, то есть на таковую молитву, и избежать много различных прелестей вражиих, с великим ухищрением наводимых на молитву сию и на подвижающихся в ней? Отнюдь невозможно!" *

Другой причиной предостережения послужила одна рукопись неизвестного писателя, в которой объясняются различные молитвенные действия и утешения духовные, каким сподобляем был сибирский старец Василиск. В этой рукописи сочинитель оной написал безразличное убеждение к прохождению умной и сердечной молитвы, поставляя главною целию в сем делании искание высоких дарований и утешений духовных, что может повести к весьма опасным последствиям в отношении прелести вражией. Хотя рукопись сия пока находится еще в немногих руках и редким известна, но нельзя умолчать о ней. Она написана убедительно. Доказательства приспособлены из книг отеческих; а опасная сторона по сему предмету умолчана; так что не совершенно знающий учение святых отцов легко увлечься может таким убеждением, и особенно кому не случилось самому видеть или от других слышать о повредившихся душевно чрез такое делание.

Чтобы яснее увидеть истину, приведем на чреду свидетельства святых и богоносных отцов о том, многим ли доступно умное делание молитвы Иисусовой и правильна ли и безопасна ли цель искать чрез сие делание дарований и утешений духовных.

Из соображения всего учения святых отцов видно, что проходящие делание молитвы Иисусовой правильным и законным образом действительно сподобляются иногда от Господа великих дарований духовных, и откровения таинств, и различных духовных утешений, благодатию Божией промыслительно действующих в душах смиренных и достойных молитвенников; но достигают сего весьма немногие.

Святой Исаак Сирин говорит: "Как из многих тысяч едва один обретается исполнивший заповеди и узаконения с малым несовершенством и достигший чистоты душевной: так из тысячи (проходящих умное деление) разве один найдется, сподобившийся со многим охранением достигнуть чистой молитвы, расторгнуть этот предел и приять оное таинство; ибо чистой молитвы никак не сподоб-

* Письмо это напечатано в книге "Житие и писания старца Паисия Величковского". Изд. 1-е. 1847, с. 265-267.

лялись многие, а редкие (или весьма немногие). Достигший же того таинства, которое уже за сею молитвою едва обретается из рода в род, по благодати Божией [Слово 16, с. 69]*.

Из сих слов святого Исаака видно, что если по представляемому убеждению всякий безразлично будет браться за прохождение умной молитвы, имея целью достижение высоких дарований и утешений духовных: то неминуемо должны многие впасть в одну из двух крайностей, — или уловлены будут в прелесть вражью ложными ощущениями и обольстительными мечтаниями, или, не получая никакого успеха, будут безрассудно смущаться, потому что “высокой духовной молитвы”, по слову святого Исаака Сирина, “сподобляется один из бесчисленных человек” [Слово 21, с. 118].

Святые и богоносные отцы написали о великих дарованиях духовных не для того, чтобы всякий безрассудно стремился к получению их, но для того, чтобы не имеющие оных, слыша о таких высоких дарованиях и откровениях, получаемых достойными, сознавали свою глубокую немощь и великое недостойнство и невольно преклонялись к смирению, которое паче всех деланий и добродетелей нужно для ищущих спасения.

Святой Лествичник пишет: “Как убогие, видя царские сокровища, еще более познают нищету свою, так и душа, читая повествования о великих исправлениях святых отцов, делается более смиренною в мыслях своих” (Степень 26, глава 211). И в другом месте сей святой говорит: “Удивляться трудам святых похвально; ревновать им спасительно; а желать вдруг сделаться подражателем их — это безрассудно и невозможно” [Степень 4, глава 42].

А у святого Исаака Сирина сказано: “Если же скажешь, что некоторые отцы писали о том, что такое чистота души, и что такое здравие (души), и что такое бесстрастие, и что видение: то писали не с тем, чтобы нам с ожиданием домогаться этого прежде времени. Ибо написано, что *не приидет Царствие Божие с соблюдением* [Лк. 17,20]. И в ком оказалось такое намерение, те приобрели себе гордость и падение. А мы место сердца приведем в порядок делами покаяния и жительством, благоугодным Богу. Господнее же само собою придет, если оное место сердца будет чисто и неоскверненно. А то, чего ищем с ожиданием, разумею Божии высокие дарования, сие отвергается Церкви Божией; и приемшие это приобрели себе гордость и падение. И это не есть признак того, что человек любит Бога, но недуг души. Да и как нам домогаться высоких Божиих дарований,

* Страницы указаны по славянской книге творений св. Исаака Сирина первого издания.

когда и божественный Павел хвалится скорбями и общение в страданиях Христовых (то есть терпение скорбей и страданий) почитает высоким Божиим даром” [Слово 55, с. 290].

Также и в другом месте говорится у святого Исаака: “Всякого человека, который прежде совершенного обучения в первой части (то есть деятельности) переходит к сей второй (то есть умозрительной), привлекаемый ее сладостию, не говорю уже леностию, постигает гнев (Божий) за то, что не умертвил прежде *уды свои яже на земли* [Кол. 3,5], то есть не уврачевал немощи помыслов упражнением в терпении поношений креста, но дерзнул возмечтать в уме своем о славе креста... У кого ум осквернен бесчисленными страстями и кто стремится наполнить ум свой мечтательными помыслами; тому заграждаются уста запрещением (то есть он наказанием возбраняется от сего), что не очистил прежде ума скорбями и не покорил плотских вожделений; но, положившись на то, что слышало ухо и что написано чернилами, устремился прямо вперед*, идти путем, исполненным мраков, когда сам слеп очами. Ибо и те, у кого зрение здраво, будучи исполнены света и приобретя наставников благодатных, день и ночь бывают в опасности, тогда как очи их исполнены слез и в молитве и плаче труждаются они весь день и ночь по причине страха в путешествии, и стремнин ужасных, встречающихся им, и образов истины, оказывающихся смешанными и обманчивыми образами. Божие само от себя приходит, неощутительно для тебя. Да! Но если место (сердца) будет чисто, а не осквернено. Если же зеница душевного ока твоего нечиста, то не дерзай воззреть на округ Солнца (мысленного), дабы не лишиться тебе и самого того малого озарения, то есть простой веры и смирения и сердечного исповедания, и малых по силе твоей дел и не быть извергнутым в одно с мысленными (врагами) место, которое есть тьма крошечная, внешняя от Бога, носящая образ ада, по подобию того, кто не устыдился войти на брак в оскверненных одеждах” [Слово 2, с. 13 и 14].

Здесь святой Исаак явно показал, что ищущие в молитве сладостных ощущений духовных с чаянием, и особенно стремящиеся преждевременно к видению и созерцанию духовному, впадают в прелесть вражью и в область тьмы и помрачения смысла, будучи оставлены помощью Божиею и преданы бесам на поругание паче меры и достоинства своего.

После жалкой повести о прельщенных диаволом Малпасе и Аспнасе святой Исаак говорит: “Не напрасно я сказал здесь это, но

* Так в русском переводе. А по-славянски: “потече прямо лицу своему”. Кажется, мысль здесь такая: “устремился по своемумышлению...”

дабы разуметь поругание бесов, жаждущих погибели святых, и не возжелать не во время высоты умного жительства и не быть нам в посмеянии лукавого и супостата нашего.

Ибо и теперь я вижу, что юные без страха суесловят и учат о тайнах бесстрастия". О людях, которые исполнены страстей и входят в исследование о разумении телесных и бестелесных*, а потому не отличаются от больных, преподающих правила о сохранении здоровья, одним из святых написано: "Блаженный Павел, когда узнал об учениках, которые пренебрегали заповедями и не победили страстей, но желали блаженства в созерцании таин, бывающего по очищении, сказал им: *Совлекитесь прежде ветхого человека страстей, и тогда возжелайте облечься в нового, обновляемого познанием таин, в подобие Творцу* [Кол. 3,22,23,24]. И не желайте оного моего и прочих апостолов в действительности бывшего благодатию (дарования), потому что Бог *его же хочет, милует, а его же хочет, ожесточает* [Рим. 9,18]. Ибо кто противостанет лицу Его или воспротивится воле Его? Бывает, что иногда Бог дарует туне, а иногда ищет дел и чистоты и потом уже подает дар; иногда же и после дела очищения не подает здесь, но хранит, дабы подать его на своем месте" [Слово 55, с. 309].

Святой Григорий Синаит, ревностный учитель умного делания, в главах о безмолвии пишет: "Близ и около новоначальных и самочинных бесы обыкновенно распростирают сети помыслов и пагубных мечтаний и уготовляют рвы падений; так как град их находится еще под властью варваров. И нечего удивляться, если кто из них заблудился, или выступил из ума, или принял и принимает прелесть... В том, что новоначальные ошибаются и после многих трудов, ничего нет дивного... Ибо память Божия, или умная молитва, выше всех деланий... Но бесстыдно и дерзостно желающий внити к Богу и исповедать Его чисто и нудящийся стяжать Его в себе удобно умерщвляем бывает от бесов, если попущено им будет сие... Господь же, милосердый к нам, видя, как скоры мы на высокое, часто не попускает нам впасть в искушение, чтоб каждый, сознав свое высокоумие, сам собою обратился к настоящему действию, прежде чем сделается поношением и посмехом для бесов и плачем для людей... Ибо сильным и совершенным принадлежит бороться всегда с бесами одним и на них непрестанно обращать меч духовный, *иже есть глагол Божий* [Еф. 6,17]; немощные же и новоначальные пользуются как твердынею бегством с благоговением и страхом, отказываясь от противоборства и не дерзая прежде времени вступать в него, и таким

* В славянском: "О словесех телесных и бестелесных". Старец Макарий слово "о словесех" пояснил словом "о разумении".

образом избегают смерти (душевной)". (Русское Добротолюбие, т. V. Наставление безмолвствующим, глава 7.)

У сего святого говорится еще, что не всякого должно и можно учить умному деланию молитвы, как написано у него в 15-ти главах: "Добре также говорят и те, кои совсем не держат псалмопения, если они преуспевают. Таковые не имеют нужды в псалмопении, но должны пребывать в молчании, непрестанной молитве и созерцании, если достигли просвещения. Ибо они с Богом соединены и не должны отторгать ум свой от Него и ввергать его в смущение (или в толпу помыслов)... Научить же и других сему чину не всех возможно. Послушливых* простецов и неграмотных — да (то есть можно), потому что послушание ради смирения ко всякой добродетели способно. Непослушливым же, простецы ли они или ученые, не преподается сия наука, чтобы не впали в прелесть; ибо самочинный не может избежать самомнения, которому обычно сопутствует прелесть, как говорит святой Исаак. Некоторые же, не помышляя об имеющем быть вреде, всякого прилучающегося учат своими усилиями держать память Божию (то есть Иисусову молитву) для того, чтобы ум навык сей памяти и возлюбил ее, что невозможно, особенно для привыкших жить по своему чину. Ибо, так как ум их нечист по причине нерадения и высокоумия и не предочищен слезами: то они узревают паче срамные образы помыслов, нежели молитву; между тем как гнездящиеся в сердце их нечистые, будучи тревожимы страшным именем (Божием), скрежещут, желая погубить уязвляющего их". (Русское Добротолюбие. О молитве и безмолвии, глава 8.)

Притом должно знать, что умная молитва немалого требует внимания, подвига и труда. Кто желает в разуме проходить делание сие, тому святой Симеон Новый Богослов предписывает следующее: "После (установления в сердце) совершенного послушания, какое, как мы сказали, должно тебе иметь к духовному отцу своему, и все прочие дела свои делай с чистою совестью, как бы ты был пред лицом Бога; ибо без послушания невозможно быть совести чистой. Совесть же свою хранить чистою должен ты в трояком отношении: в отношении к Богу, в отношении к духовному отцу своему и в отношении к прочим людям, также к вещам и предметам мира (житейским). В отношении к Богу долг имеешь хранить совесть свою чистою, не позволяя себе делать ничего такого, о чем знаешь, что оно не упокоивает Бога и неприятно Ему. В отношении к духовному

* Не по простому обычаю так называемых, но в повиновении находящихся у духовного отца с отсечением своей воли и разума.

отцу своему делай одно то, что он заповедует тебе, и ни больше, ни меньше того не позволяй себе делать, но шествуй по намерению его и по воле его. В отношении к другим людям соблюдешь совесть свою чистою, не позволяя себе делать им ничего такого, что сам ненавидишь и чего не желаешь, чтобы они делали тебе самому. И в отношении к вещам долг имеешь хранить свою совесть чистою, употребляя их всегда как должно, именно: пищу, питье, одежду. И, вкратце, сие делай так, как бы ты был пред лицом Бога, и ни в каком деле не допускай себя до того, чтоб обличала и уязвляла тебя совесть, что ты не сделал его хорошо” (Русское Добротолюбие, т. V. В 3-м образе молитвы.)

Кто имеет возможность и произволение жить по сему наставлению преподобного Симеона Богослова, то, без сомнения, со смирением и надеждою на помощь Божию может коснуться обучения деланию сердечной молитвы, употребляя при сем и другие советования святых отцов, то есть растворяя молитву памятию смерти, памятию прежнего жития и воспоминанием согрешений своих по виду (кроме плотских, сих бо памятование вредно), да всеми способами стяжет и удержит сокрушение духа, и смирение, и плач, “ибо мы имеем брань с гордыми (неблагодарными Богу) демонами”, говорит преподобный Филофей Синайский. (Русское Добротолюбие. Т. III, глава 13.) Делатель сей также должен иметь в виду и цель молитвы истинную, а не ту, какую представляет упоминаемый писатель, то есть искание дарований и утешений духовных. Истинно праведные подвижники не искали дарований; но, напротив, некоторые из них молились Богу о том, чтобы отняты были от них и данные уже дарования. “Если же некоторые из них, — говорит святой Исаак Сирин, — и получали дарования, то получали по нужде (для общей пользы) или по причине простоты своей” (Слово 36, с. 175).

Преподобные Каллист и Игнатий пишут: “Не ищи прежде времени того, что будет в свое время”. (Русское Добротолюбие. Т. V, глава 59.) И в другом месте сии святые, приводя свидетельство из книги святого Исаака о Божественном в нас явлении и существенном благодатном просвещении, предостерегают неопытных, говоря так: “Это Иерусалим и Царство Божие, внутри нас сокровенно, по слову Господню (Лк. 17,21), эта область облако есть Божией славы, в которую только чистые сердцем внидут узреть лице своего Владыки” (Слово 8-е). “Только сам он да не ищет явления Бога в себе, чтоб не принять того, кто воистину тьма есть и лживо представляется светом”. (Русское Добротолюбие. Т. V, глава 60.)

Какая же истинная цель молитвы? Святой Кассиан Римлянин в послании к Леонтину игумену, говоря о беседе своей с аввою Моисеем, пишет, что преподобный сей целию духовной жизни поставляет чистоту сердца, то есть очищение оного от страстей.

Как достигается цель сия?

При помощи хранения заповедей Божиих; и чрез сие, когда кто совлечется ветхого человека, то есть страстей, то сподобляется чистой и духовной молитвы, по сказанному у святого Исаака Сирина: “Сподобляется же человек ее (то есть духовной молитвы), когда и внутренне, и наружно совлечется греха чрез исполнение заповедей Господних, противных греху. Кто возлюбит эти заповеди и по чину их воспользуется ими; для того необходимо бывает устранившись многих человеческих дел, то есть совлечься тела и быть вне его, сказать так, — не по естеству, но по потребности. Кто ведет жизнь по образу Законоположника (то есть по примеру Его) и исполняет заповеди Его, в том невозможно остаться греху. Потому и Господь в Евангелии обетовал сохранившему заповеди сотворить обитель у него”. (Слово 21-е. В ответе на вопрос, что такое духовная молитва и как подвижнику сподобиться ее.)

У Макария Египетского в книге семи слов читаем: “Если кто, не имея охоты к молитве, принуждает себя только к молитве, дабы таким образом получить благодатную молитву, а к смиренномудрию, к любви и к соблюдению прочих Господних заповедей не принуждает себя: то хотя иногда, по мере прошения его, и дается ему благодатная молитва, даже отчасти с покоем и веселием духа; но нравами он бывает подобен тому же, кому и прежде подобен был. Ибо не имеет он кротости, потому что не трудился для приобретения ее и не приуготовлял сердца своего, чтобы быть кротким; не имеет смиренномудрия, потому что не просил и не принуждал себя к тому; не имеет любви ко всем, потому что не имел о ней тщательности и подвига в молитвах для испрошения оной. Ибо всякому, как он приневоливает себя к молитве и всячески нудит преклонить к оной упорное свое сердце; так должно принуждать себя и к любви, и к кротости, и ко всякому терпению и великодушию, по написанному, с радостию; должно также принуждать себя и к тому, что благодушно переносить изгнание и всякие укоризны и считать себя худшим и низшим всех” (Слово 1, глава 13). В той же книге и в том же Слове еще сказано, что таковой всегда близок к падению: “Если кто принуждает себя к молитве, пока не получил некоего дарования от Бога, а к тем, то есть к смиренномудрию, к любви, кротости и прочим добродетелям таким же образом насилия себе не творит; такому хотя иногда, по прошению его, и подается благодать Божия,

ибо благ и милостив Бог и просящим у Него даст по их прошениям, но поелику он не приуготовил себя и не приучил к сказанным добродетелям, то или утрачивает благодать, или приемлет и в то же время падает, или нисколько не преуспевает, впадая в высокоумие, потому что не предаст всего себя, с твердым намерением, заповедям Господним. Ибо обитель и упокоение Духа Святого есть смиренномудрие, любовь, кротость и прочие заповеди Господни” (Слово 1, глава 14).

И еще говорит сей святой (Макарий): “Если молитва наша не будет соединена со смиренномудрием, любовью, простотою и благодатию; то не самая будет эта молитва, а вернее маска молитвы, не могущая принести нам никакой пользы” (Слово 3, глава. 5).

Упомянутый писатель, убеждая к прохождению умной молитвы, на вид выставляет душевное устроение и образ жизни лишь только избранных подвижников, уже очистивших себя от страстей. А как вначале совершается духовно борение со страстями посредством молитвы, о том он умалчивает. В надсловии же на книгу преподобного Нила Сорского сказано: “Поставь на одной стороне заповеди Христовы, а на другой непрестанную молитву, чтобы оставил нам (Бог) долги наши. И дай мне слово истинное не нарушать ни одной заповеди, то есть не похотствовать, не гневаться, не осуждать, не клеветать, не лгать, не празднословить, любить врагов, добро творить ненавидящим, молиться за творящих напасти; также уклоняться сластолюбия, сребролюбия, блудных помыслов, печали, тщеславия и презорства* и просто всех грехов и худых помыслов. И с таким обещанием приступи к обучению умного делания; и тщательно внимай, сколько раз еще на всякий день, смотря на свое обещание, будешь преступать заповеди и сколькими грехами, страстями и худыми помыслами будешь уязвляться”. Место это, во-первых, показывает, как умное делание должно быть сопряжено с хранением заповедей Божиих, о которых упоминаемый писатель нигде утвердительно не говорит; а лишь повествовательно, в конце послания своего, упоминает мало. Во-вторых, оно показывает, что не вдруг делатель молитвы наслаждается желаемыми плодами, хотя упоминаемый убедитель и скорый обещает успех в этом.

Из учения святых отцов видно, что обучение умного делания требует многого не только труда и подвига, но и времени. Святой Иоанн Златоуст пишет: “Дело же требует не одного дня или двух, но многих лет и времени: необходимы подвиг и труд, пока изгнан будет враг и вселится Христос”.*

* Презорство — презиранье, пренебрежение, непослушание, строптивость. — *Ред.*

У преподобного Исихия и Никифора монашествующего хотя представлены многие подробности, как должно вначале проходить обучение умного делания; но не испытавшим еще одного преимущественно должно держаться наставления преподобных Каллиста и Игнатия, потому что они в постепенном порядке излагают руководство к прохождению умного делания, поставив впереди многие к оному приготовления. Во-вторых, сии святые говорят, что начало всякого по Бозе делания есть житительство по заповедям Спасителя и что желающий жить по Бозе должен направляться к исполнению всех заповедей Божиих, особенно же хранить мир с ближними и иметь любовь ко всем. Далее пишут, что прежде всего должно избрать духовного наставника и иметь к нему совершенное повиновение и отсечение пред ним своей воли. Выставив признаки истинного послушания, они объясняют еще, что делателю сему, при православной вере, надлежит быть исполнену и благих дел, избегать молвы и смущения, печали и попечения, быть молчаливу и безмолвну и о всем благодарить Бога; познавать свою немощь и доблественно терпеть искушения, с надеждою на Бога и ожиданием от Него пользы душевной; во время случающихся изменений не отчаиваться, а с верою и терпением ожидать перемены на лучшее и особенно погружаться во глубину смиренномудрия, от души считая себя грешнейшим и непотребнейшим паче всех человек; потому что смирение покрывает многие немощи наши и паче других добродетелей умилоствует о нас Бога. Еще преподобные сии советуют быть осторожну в отношении утешений духовных. Написана ими и глава об утешении Божественном и притворном, где выставлено на вид, как лукавый враг злохитро и тонко старается обольстить ложными утешениями не только неопытных, но и искусных подвижников, преклоняя их в некоторый тончайший сон, чтобы не могли отличить утешения ложного от истинного. (Русское Добротолубие, Т. V, глава 44.) Главный признак прелести в том и состоит, когда человек ложные ощущения радости или утешения врагии примет за благодатные или примет ложный совет за истинный. Почему, во избежание вреда, сии святые советуют в таком случае вопрошать могущего научить не только от Божественного Писания, но и от опытного Божественного просвещения. Если же такового нет, то лучше не принять утешения, а со смирением прибегнуть к Богу, от чистого сердца считая себя недостойным такого достоинства и видения. (Русское Добротолубие. Т. V, главы 62, 63.)

Хотя апостол Павел в числе других плодов упоминает и о радости (Гал. 5,22), но должно быть весьма осторожну, чтобы не увлечься ложным ощущением радости, как пишет о сем святой Лествичник,

** Слово к монахам в книге "Восторгнутые класы".

говоря: “Рукою смирения отвергай приходящую радость как недостойный ее, чтобы не обольститься ею и не принять волка вместо пастыря” (Степень 7, глава 57). Истинная и непрелестная радость, как видно из самого исчисления апостолом плодов духовных, принадлежит к великой мере духовной. Как дары Духа Святого начинаются от меньшего, то есть от страха Божия, и восходят постепенно, так равно и плоды духовные начинаются не высшими, но низшими, то есть воздержанием во всем и кротостию, которым последуют живая вера, всякое милосердие к ближнему, потом благодать, о которой говорят пророк Аввакум и святой Исаак Сирин: “Око благо не узрит лукава” (Авв. 1,13; Исаак Сирин, слово 21). Далее долготерпение в скорбях и искушениях внутренних и внешних и мир от помыслов и всякой страсти. Ежели кто сими добродетелями, названными от апостола плодами, растворяет молитву свою и достиг в свое время радости духовной; тот может наслаждаться оною достойно и праведно, быв исполнен смирения и любви, которая, по слову апостола, *николиже отпадает* (1 Кор. 13,8).

Кстати, скажем о прелести вообще. Святой Григорий Синаит пишет: “Ты же если добре безмолвствуешь, чая с Богом быть, никогда не принимай, если что увидишь чувственное или духовное, вне или внутри, хотя бы то был образ Христа, или Ангела, или святого какого, или бы свет мечтался и печатлелся в уме. Ум и сам по себе естественную имеет силу мечтать и может легко строить призрачные образы того, что вожделевает, у тех, кои не внимают сему опасно и таким образом сами себе причиняют вред. Так же и память о добрых и худых вещах обыкновенно вдруг печатлел в уме образы их и вводит его в мечтание... Потому внимай, да не поверишь чему-либо, увлекшись тем, хотя бы то было что-нибудь хорошее, прежде вопрошения опытных и полного исследования дела, чтоб не потерпеть вреда; но будь всегда недоволен сим, храни ум бесцветным, безвидным и безобразным. Часто и то, что было послано Богом к испытанию для венца, во вред обращалось многим. Господь наш хочет испытать наше самовластие, куда оно клонится. Но узревший что-либо мысленно или чувственно и приемлющий то без вопрошения опытных, легко — хотя то и от Бога есть — прельщается или имеет прельститься, как скорый на приятие помыслов... Бог не негодует на того, кто тщательно внимает себе, если он, из опасения прельщения, не примет того, что от Него есть, без вопрошения и должного испытания, но паче похвалит его как мудрого... Ибо немалый труд постигнуть истину явно и чисту быть от того, что противно благодати, потому что диавол обычай имеет, особенно для новоначальных, представлять под видом истины прелесть свою, преобразая лукавое свое в духовное”. (Русское Добротолюбие. Т. V. Наставление безмолвствующим, глава 7.)

И у Симеона Нового Богослова сказано: “На этом пути стоя, прельщаются и те, которые видят свет телесными очами своими, обоняют благоухание обонянием своим, слышат гласы ушами своими и подобное. Некоторые из таких взбесновались и в безумии ходят с места на место. Другие прельстились, приняв диавола, преобразившегося и явившегося им в виде Ангела света, а они того не rozpoзнали и остались неисправимыми до конца, не хотя слышать совета ни от какого брата. Иные из таких сами себя лишили жизни, быв подвигнуты на то диаволом: иные бросились в пропасть, иные удавились. И кто может пересказать разные прелести, какими прельщает их диавол, когда они неисчислимы?” (Русское Добротолюбие. Т.V. В 1-м образе молитвы. В конце книги.)

Сей прелести особенно подвергаются те, которые, не очистив себя от страстей, возводят ум на небо и воображают небесные блага и чины Ангел и проч., как написано у Симеона Нового Богослова в той же главе выше: “Когда кто, стоя на молитве и воздеяв на небо руки свои, и очи свои, и ум свой, держит в уме Божественные помышления, воображает блага небесные, чины Ангелов и обители святых и, кратко, — все слышанное в Божественных Писаниях собирает в ум свой и рассуждает о том тогда, во время молитвы, зря на небо, и подвигает тем душу свою к вожделению и любви Божией и иной раз извлекает даже слезы и плачет (то это будет первый образ внимания и молитвы)”.

“Но при этом образе (молитвы, если кто на нем одном останавливается) бывает, что мало-помалу (молящийся так) начинает кичиться в сердце своем, сам того не понимая. Ему кажется, что делаемое им есть от благодати Божией в утешение ему; и он молит Бога сподобить его всегда пребывать в таком делании. А это (то есть так думать о сем образе молитвы) есть знак прелести; ибо добро уже не добро, когда не бывает добрым образом и как следует” (там же).

Что значит “не бывает добрым образом”? Святой Симеон в ответ приводит свидетельство из книги святого Лествичника, который уподобляет образы внимания и молитвы лестнице о четырех ступенях и говорит: “Иные укрощают страсти и смиряются; иные поют, то есть молятся устами, иные упражняются в умной молитве, иные входят в созерцание. И так, которые, — продолжает святой Симеон, — берутся восходить по сим ступеням, не начинают с верхних, чтоб нисходить к нижним, а от нижних идут к верхним — ступают на первую, потом на вторую, далее на третью и, наконец, на четвертую... И, во-первых, нужно подвизаться умом и укротить страсти, во-вторых, упражняться в псалмопении, то есть молиться устами, потому что — когда умяются страсти, тогда молитва уже естественно доставляет удовольствие и сладость даже языку и вменяется в благоугодную пред Богом, в-третьих, молиться умно, и, в-четвертых,

восходить в созерцание... И так, кто проходит все сие по чину, каждое в свое время, тот может, после того как очистится сердце его от страстей, всецело весь и вдаваться в псалмопение, и противоборствовать помыслам, и на небо воззреть чувственными очами, когда будет потребно, умными же, душевными, созерцать оное и молиться чисто воистину, как подобает” (там же).

Все сии свидетельства от учения святых и богоносных отцов выписаны по желанию пользы ближнему и для предостережения неопытных и немощных, чтобы нерассудно и дерзостно не стремились выше меры своей к прохождению умного делания, да не впадут в прелесть вражью и будут поругание бесам и плач в человецех, как сказано выше. Но отнюдь не написано сие, с тем чтобы удержать и отвратить от сего делания кого-либо, в разуме и по учению святых отцов желающего проходить оное. Мы радуемся о тех, которые разумно и достойно могут соединяться с Господом чрез сие блаженное делание. Не достигшим же того и нудящимся к прохождению сего делания советуем самим читать с должным вниманием отеческие книги, да познают истину, и прелесть, и подсады вражие и соблюдут себя от начинаний выше меры своей.

Многим прилично и полезно помнить слово святого Исаака Сирина, который советует употреблять образ молитвы согласно с образом своей жизни и соответственно мере душевного устройства, говоря: “По жителству твоему должна быть и молитва твоя” (Слово 30-е). И в другом месте: “Опасно* преподавать что-либо высокое еще новонаначальному и младенцу возрастом (духовным)” (Слово 74-е). Не вотще и апостол заповедует прежде молиться молитвою устною, как написано в Послании к Евреям: *Тем убо приносим жертву хваления выну Богу, сиречь плод устен, исповедующихся имени Его* (13,15).

Также и преподобный Петр Дамаскин учит прежде проходить молитву деятельную, объясняя, что умозрительная даруется после благодатию Божиею, не по воле человека, а по воле Божией, когда обрящутся сердце и ум его могущими вместить оную, как сказано у него во 2-й книге: *Даяй молитву молящемуся* (1 Цар. 2,9), то есть добре молящемуся телесною молитвою подает Бог умную молитву и тщательно пребывающему в ней (дарует) безвидную и необразовидную (происходящую) от чистого страха Божия. И еще: добре совершающему сию (дарует) видение тварей и от сего — восхищение ума к богословию и благому действию будущего. Дарует же Бог тому, кто от всего *упраздняется* (Пс. 45,11) и поучается в том делом и словом, а не слухом одним”. (По славянскому Добротолюбию и по русскому переводу, книга 2, глава 24.)

* “Опасно” по-славянски: “люто есть”.

Аннотированный указатель лиц, упоминаемых в Жизнеописании Оптинского старца Макария

Настоящий аннотированный указатель включает в себя всех лиц, упоминаемых в Жизнеописании Оптинского старца Макария. По возможности, приводятся наиболее полные сведения о них в сжатом виде. Не даны биографические справки о некоторых наиболее чтимых святых, чьи жизнеописания вошли в Четьи-Минеи свт. Димитрия Ростовского, ветхозаветных царях и пророках, русских Императорах и Патриархах. Для монашествующих указываются: мирское имя, даты поступления в монастырь, пострига в рясофор, мантию и схиму, рукоположения в иеродиакона и иеромонаха, возведения в сан игумена и архимандрита, епископской хиротонии, возведения в сан архиепископа и митрополита, перемещения по монастырям и кафедрам, послушания в монастыре, в отдельных случаях — награды. Для монашествующих Оптиной Пустыни и лиц, близко связанных с обителью, даты указаны с точностью до дня, для остальных — до года, кроме дат рождения и смерти, которые везде (где это известно) указаны с точностью до дня.

При подготовке указателя использованы следующие основные издания:

- Православная богословская энциклопедия, кн. I-II. Пг., 1900-1910.
Полный православный богословский энциклопедический словарь, т.1-2. Б.м., б.г.
Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия в 4-х выпусках. Труд и издание архимандрита Никифора. М., 1891.
Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Спб., 1890-1907.
Русский биографический словарь, тт.1-25. Спб., 1896-1913.
[Эрстов Д.А., Яковлев М.Л.] Словарь исторический о святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. Спб., 1862.
Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь, М., т.1, А-Г, 1989, Т.2, Г-К, т.3, К-М, 1994.
Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. Спб., 1877.

- Митрополит *Мануил (Лемешевский)*. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 годы, т. 1-6. Эрланген, 1984.
- Митрополит *Мануил (Лемешевский)*. Русские православные иерархи периода с 992 по 1892 годы (включительно), т. 1-5. Куйбышев, 1971. Машинопись. Издательский отдел Московской Патриархии.
- Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св.Димитрия Ростовского, кн. 1-12. М., 1905-1911.
- То же. Русские святые, кн. 1-3. М., 1908-1916.
- [*Муравьев А.Н.*] Жития святых Российской Церкви, также иверских и славянских, а также местно чтимых подвижников благочестия, т. 1-12. Спб., 1855.
- Афонский патерик, или Жизнеописания святых, на святой Афонской горе просиявших, ч. 1-2. М., 1897.
- [Архимандрит *Никодим (Кононов)*.] Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков, т. 1-14. М., 1906-1912.
- Е.Поселянин*. Русская Церковь и русские подвижники XVIII века. Спб., 1905.
- Е.Поселянин*. Русские подвижники 19-го века. Изд. 3-е. Спб., 1910.
- Валаамский монастырь и его подвижники. Спб., 1889.
- Четвериков С.*, прот. Молдавский старец *Паисий Величковский*. Париж, 1978.
- Первый великий старец Оптинский иеромонах Леонид (в схиме Лев). Шамордино, 1917.
- [Архимандрит *Ювеналий (Половцев)*.] Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной Пустыни архимандрита Моисея. М., 1882.
- [*О.Климент (Зедергольм)*.] Жизнеописание игумена Антония. М., 1870.
- Козельский Оптиной Пустыни старец иеросхимонах Иоанн. М., 1849.
- Жизнеописание старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Илариона. Калуга, 1897.
- Леонтьев К.* Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни. Изд. 2-е. М., 1882.
- [Схиархимандрит *Агапит (Беловидов)*.] Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия, в двух частях. М., 1900.
- Житие и поучения Оптинского старца Анатолия (Зерцалова). Издание Введенской Оптиной Пустыни, 1994.
- Очерк жизни старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Иосифа. Шамордино, 1911.
- Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский *Иоанн (Снычев)*. Жизнь и деятельность Филарета, митрополита Московского. Тула, 1994.
- Архимандрит *Георгий (Тертышников)*. Жизнь и деятельность Феофана Затворника, епископа Владимирского и Суздальского. Фессалоники, 1994.
- Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни и состоящего при ней скита св.Иоанна Предтечи, составил Лев Кавелин, ч. I-II. Спб., 1847.
- [Иеромонах] *Е.[раст] В.[ытropsкий]* Историческое описание Козельской Оптиной Пустыни и Предтечева Скита (Калужской губернии). Издание Оптиной Пустыни. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902.
- Концевич И.М.* Оптина Пустынь и ее время. Джорданвилль, 1970.

Историческое описание Калужского Лаврентиева монастыря, нынешнего Калужского архиерейского дома и принадлежащей к оному Крестовской церкви. Составил иеромонах Леонид. Калуга, 1891.

Архимандрит *Леонид (Кавелин)*. Историческое описание Боровского Пафнутиева монастыря. Казань, 1907.

Историческое описание Белевского девичьего Крестовоздвиженского третьего-классного монастыря. Составил и. [еромонах] Л. [еонид] Спб., 1863.

[Иеромонах *Леонид (Кавелин)*.] Историческое описание Малоярославецкого Черноостровского Николаевского общежительного монастыря. М., 1903.

Токмаков И. Историческое и археологическое описание Тихоновой Калужской пустыни. М., 1892.

Описание Богородицкой Площанской пустыни, составленное по запискам, хранящимся в монастырской ризнице, в 1853 году. Спб., 1855.

Сергей Нилус. На берегу Божьей реки. Записки православного. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1916.

Сергей Нилус. На берегу Божьей реки. Часть II. Сан-Франциско, 1969.

Сергей Нилус. Сила Божия и немощь человеческая. Сергиев Посад, 1908.

Сергей Нилус. Святыня под спудом. Тайны православного монашеского духа. Сергиев Посад, 1911.

Сергей Нилус. Великое в малом. Записки православного. Сергиев Посад, 1911.

Сергей Нилус. Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле. Сергиев Посад, 1911.

Летопись Оптиной Пустыни. Подготовка текста, комментарии Р.В. Багдасарова. — Православие и русская народная культура. Книга I, М, 1993.

Биографические справки о монашествующих Оптиной Пустыни составлены на основании формулярных списков, хранящихся в архиве Оптиной Пустыни (Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки):

Формулярные списки монашествующих и послушников Оптиной Пустыни, 1802-1889. Ф. 213, карт. 1, ед.хр. 1.

То же, 1890-1906. Ф. 213, карт. 1, ед.хр. 3.

Указатель

Аввакум — св.ветхозаветный пророк. VII в. до Р.Х. = ок.600 до Р.Х. Память 2 декабря. — 320.

Авраам — св.праведный праотец, один из ветхозаветных патриархов, родоначальник еврейского народа и израильтян. Память 21 августа, 9 октября и в Неделю свв.праотец. — 294.

Авраамий — монах Калужской Тихоновой пустыни, духовный сын иеросхимонаха Ефрема, ученик старца Леониды. С 1858 г. жил на Афоне. — 117.

Адриан — послушник Белобережской пустыни. — 252, 253, 254.

А-ия (Аркадия) — игуменья, настоятельница Вяземского Аркадиевского монастыря. Из рода Шаховских. — 195.

Акакий — преподобный Синайский. VI в. Упоминается в “Лествице райской” св.Иоанна Лествичника. 9 лет провел в послушании у одного сурового старца, перенося от него жестокости и укоризны. Прославился своим послушанием, явив его после своей смерти, когда на вопрос, умер ли он, произнесенный над его гробницей, ответил: “Не умер, ибо невозможно умереть делателю послушания”. Память 7 июля, 29 ноября и в Сырную субботу. — 37.

Акакий — новый преподобномученик Афонский. † 1 мая 1816. В мире Афанасий. Родился в селении Неохори, близ Солуня. Родители отдали его в обучение башмачнику. Подвергаясь жестоким побоям от хозяина, Афанасий согласился на предложение двух турчанок принять мусульманскую веру и отречься от Христа. До 18 лет жил в доме хазнадара Юсуф-бея, а потом, спасаясь от преследований его жены, вернулся в родительский дом. Желая искупить свой грех, Афанасий удалился на Афон. Там он жил в Хиландарском и Иверском монастырях и Ксенофском скиту. Узнав о подвиге новых преподобномучеников Евфимия и Игнатия, пожелал сам принять мученическую кончину и начал подвизаться под руководством иеромонаха Никифора и старца Акакия. Последний постриг его в монашество с именем Акакия и вместе со старцем Григорием отправил на корабле в Константинополь. Там Акакий приобщился Св.Таин, переделся в турецкую одежду и пошел в Османскую Порту, где публично исповедал Христа и проклял Магомета. Сначала судьи уговаривали его отречься от христианства, но, видя его непреклонность, велели бить и бросить в темницу. Там св.мученик сподобился перед смертью причаститься и наутро был усечен мечом. Тело его было выкуплено у турок старцем Григорием, перевезено на Афон и погребено в церкви в честь новых преподобномучеников Евфимия и Игнатия. Св.главы всех трех преподобномучеников находятся в русской обители Св.Пантелеимона. Память 1 мая. — 74.

Акакий — монах Оптиной Пустыни, впоследствии иеромонах, духовник Курской Коренной пустыни. 1826 † ?. В мире Андрей Никанорович Сергеев. Из государственных крестьян Шигровского уезда. В число братства Оптиной Пустыни определен 20 марта 1853 г., рясофором накрыт 28 февраля 1855 г., в монашество пострижен 14 августа 1860 г. Нес послушание смотрителя при рыбной ловле и луговой даче. Был способен к чтению. В 1863 г. выбыл в Коренную Богородицкую пустынь. — 296, 297, 298.

Алевтина — монахиня. — 185.

Александр Невский — святой благоверный князь. В схиме Алексей. 30 мая 1220 † 14 ноября 1263. Память 23 ноября и 30 августа. — 36.

Александр II — Император Всероссийский, “Освободитель”. 17 апреля 1818 † 1 марта 1881. Старший сын Императора Николая I. — 270.

Александр Арзамасский — архимандрит, наместник Московского Новоспасского монастыря. 1758 † 29 апреля 1845. В мире Адриан Иванович Подгорченков. Родился в Малороссии, родители его происходили из польской шляхты. Учился в Киевской духовной академии, служил в Московском департаменте Камер-коллегии. В 1790 г. поступил в Московский Новоспасский монастырь. В 1793 г. пострижен в монашество, рукоположен в иеродиакона и иеромонаха митрополитом Петербургским Гавриилом, имевшим к нему особое расположение. О.Александр переписывался со старцем Паисием

(Величковским), состоял в дружбе с иеромонахом Филаретом Новоспасским. В 1804 или в 1805 г. к нему пришел за советом Тимофей Путилов, будущий архимандрит Моисей Оптинский. В 1810 г. посвящен в архимандрита Арзамасского Спасского монастыря, которым успешно управлял 35 лет, несмотря на крайне слабое здоровье. — 118, 119.

Александр — послушник Оптиной Пустыни, впоследствии иеросхимонах Антоний, духовник Киево-Печерской лавры. † 10 октября 1880. В мире Александр Степанович Медведев. Родился в г. Малоархангельске. В 1833 г. совершил паломничество к мощам преп. Александра Свирского, посетив по дороге множество русских святынь; был на Валааме и в Соловках. В 1833 — 1837 г. жил в Оптиной Пустыни, будучи келейником старца Леонида. В 1837 г. перешел в Тихонову Калужскую Пустынь. Позднее о.Антоний побывал на Афоне и во Св.Земле. Ему принадлежит книга “Воспоминания душевных впечатлений при поклонении святыни на Востоке” (М, 1880) а также записки о старце Леониде, включенные во второе издание книги “Первый великий старец Оптинский, иеромонах Леонид (в схиме Лев)” (Шамордино, 1917). О.Антоний состоял в духовном общении со многими иерархами и подвижниками своего времени, в частности, с преосв.Феофаном, Затворником Вышенским, которого он посещал в его пустыни, с афонскими старцами оо.Иеронимом и Макарием, с настоятелем Иверского Новгородского монастыря о.Лаврентием, постригшим его в схиму, с митрополитом Московским Филаретом. О.Антоний помог духовному устройению многих монастырей, особо он покровительствовал Дивеевской и Серафимо-Понетаевской женским обителям. — 43, 44.

Алексий — св.митрополит Московский и всея России чудотворец. Между 1293 — 1298 † 12 февраля 1378. Память 12 февраля и 20 мая. — 139.

Алексей Михайлович — Царь Всероссийский. 10 марта 1629 † 29 января 1676. — 238.

Алексий — епископ Тульский и Белевский. 1813 † 9 июня 1877. В мире Руфин Иванович Ржаницын. Родился в селе Кубенице Кадниковского уезда Вологодской епархии в семье священника. Окончил Вологодскую семинарию и Московскую духовную академию, был в ней инспектором. В 1837 г. пострижен в монашество в Чудовом монастыре митрополитом Московским Филаретом. По окончании курса определен инспектором Московской семинарии. В 1838 г. рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. В 1843 г. назначен ректором семинарии и произведен в сан архимандрита, настоятеля Заиконоспасского монастыря. В 1847 по 1853 гг. был ректором Московской духовной академии. В эти годы его труды печатались в “Прибавлениях к творениям св.отцов”. В 1853 г. хиротонисан во епископа Дмитровского, также святителем Филаретом. В 1857—1860 гг. — епископ Тульский и Белевский, в 1860-1867 — епископ Таврический. В 1867 г. переведен в Рязань и пожалован архиепископом. В 1876—1877 гг. архиепископ Тверской. Высокопреосв.Алексий отличался резким энергичным характером, прямодушием, вспыльчивостью. Много сделал для улучшения состояния сирот духовенства. При нем начали выходить “Тверские епархиальные ведомости”. — 142, 164, 166, 175.

Алексей — рясофорный послушник Оптиной Пустыни, 1803 † ? В мире Алексей Михайлович Калинин. Из мещан г.Ефремова. В число братства Оптиной Пустыни определен 28 января 1857 г., на послушническую вакансию — 5 июня того же года, рясофором накрыт 24 июля того же года. Нес

послушание смотрителя гостиницы. Последний раз упоминается в ведомости за 1864 г. — 303.

Алимпия — схимонахиня Борисовской Тихвинской женской пустыни в Курской епархии. В мире Сукачева. — 192.

Амвросий — преподобный, Оптинский старец, иеросхимонах. 23 ноября 1812 † 10 октября 1891. В мире Александр Михайлович Гренков. Родился в селе Большая Липовица Тамбовской губернии и того же уезда в семье пономаря. Окончил Тамбовскую духовную семинарию, служил учителем в Липецком духовном училище. Во время тяжелой болезни дал обет поступить в монашество, но еще медлил после этого три года. В 1839 г. вместе со своим другом П.С.Покровским (впоследствии Оптинский иеромонах Платон) ездил к Троекуровскому затворнику Илариону и получил от него совет идти в Оптину Пустынь, куда и поступил в том же году. 2 апреля 1840 г. определен в число братии. Был келейником и чтецом старца Льва, нес послушание на хлебне, в поварне. В ноябре того же года переведен из монастыря в скит. В 1841 г. накрыт рясофором. 29 ноября 1842 г. пострижен в мантию. 2 февраля 1843 г. рукоположен в иеродиакона, 9 декабря 1845 г. — в иеромонаха. С осени 1846 г. о.Амвросий тяжело заболел и в марте 1848 г. был исключен из штата Оптиной Пустыни и оставлен в монастыре на призрение и пропитание. С течением времени его здоровье несколько поправилось, но окончательно не восстановилось, и он до смерти был подтачиваем различными недугами, которые переносил с величайшим терпением и смирением. О.Амвросий явился продолжателем в Оптиной старчества. Старец Лев перед смертью передал его старцу Макарию, у которого о.Амвросий находился в беспрекословном послушании и помогал ему в издании святоотеческих книг, в частности, переводил “Лествицу”. Со времени своей болезни о.Амвросий и сам начал старчествовать. Старец Макарий поручал его окормлению некоторых братий, монахинь Борисовской пустыни и своих посетителей. С 1862 г. о.Амвросий официально назначен братским духовником, с 1865 г. стал известен святителю Московскому Филарету. Старец принимал обычно в своей “хибарке” в скиту, где его ежедневно дожидались толпы паломников со всех концов России. Приходящим о.Амвросий давал советы и наставления, иногда в самой простой, отрывочной и шутиливой форме. К старцу приходили все — от простолюдинов до членов Императорской фамилии. Среди посещавших его лиц были: преосвященные Калужские Григорий и Анастасий, митрополит Московский Иоанникий, Великий Князь Константин Константинович, светские писатели, историки и публицисты — Ф.М.Достоевский, В.С.Соловьев, Л.Н.Толстой, М.П.Погодин. Долго жил при старце К.Н.Леонтьев (в монашестве Климент). С обер-прокурором Св.Синода А.П.Толстым приезжали инородцы, многие из которых под влиянием старца приняли Православие. В 1860-е гг. здоровье старца сильно ухудшилось. На летнее время он имел обыкновение выезжать на так называемую “Аристархову дачу”, но и здесь принимал посетителей. О.Амвросий вел обширную переписку. В 1906 — 1909 гг. были изданы: один сборник его писем к мирянам и два — к монашествующим, содержащие около 700 писем старца. Под его руководством в Оптиной продолжалась книгоиздательская деятельность. 1 октября 1884 г. был освящен первый храм в основанной о.Амвросием в 12 верстах от Оптиной Казанской Горской Шамординской женской общины (впоследствии преобразована в монастырь) с детским приютом при ней. Старец ежегодно посещал обитель, а со 2 июля 1890 г. пребывал там неисходно до смерти, окормляя сестер и следя за построением храмов и зданий. Там он

и скончался. Погребен за алтарем Введенского собора Оптиной Пустыни. Господь изобильно излил на о.Амвросия разнообразные духовные дарования. Самым большим из них была беспредельная любовь, горевшая желанием всем помочь, всех утешить, всем спастись. Он вникал в положение каждого и давал наставление соответственно его духовным нуждам. Старец был также наделен дарами духовного рассуждения, проникновения в души людей, прозорливости и исцелений. В 1988 г. старец Амвросий причислен к лику святых. Память 10 октября. — 51, 57, 64, 74, 85, 97, 98, 99, 103, 111, 113, 120, 122, 123, 129, 134, 137, 177, 181, 191, 205, 236, 241, 242, 246, 248, 254, 256, 275, 296, 300, 309.

Амвросия — схимонахиня Белевского Крестовоздвиженского монастыря. 1820 † 23 августа 1881. В мире Александра Николаевна Ключарева. До 40 лет жила в мире в благочестивом супружестве, бывши замужем за тульским помещиком Федором Захаровичем Ключаревым. Последние 22 года жизни провела в монастыре. Духовная дочь старца Амвросия. В 1871 г. по его благословению купила имение Калыгина рядом с деревней Шамордино, где впоследствии был основан Шамординский монастырь. Погребена в Оптиной Пустыни. — 299, 300.

А-на (Алевтина) — игуменья, настоятельница Курского монастыря. В мире Недельская. Управляла монастырем в 1850—1865 гг. — 195.

Ананьевская Мария Васильевна — послушница Дивеевского монастыря, бывшая помещица. — 301.

Анатолий — Оптинский старец, иеросхимонах, скитоначальник. 6 марта 1824 † 25 января 1894. В мире Алексей Моисеевич Копьев (Зерцалов). Родился в семье диакона села Бобыли Калужской губернии. Закончил Боровское духовное училище и Калужскую семинарию, где получил новую фамилию Зерцалов. В юности странствовал по святым местам, недолго служил и, наконец, после выздоровления от тяжелой болезни, поступил 31 июля 1853 г. в Оптину Пустынь. Новоначальный период пребывания в обители был для него очень тяжел по множеству черных послушаний. 17 ноября 1862 г. Алексей был пострижен в монашество с именем Анатолия, 5 июля 1866 г. рукоположен в иеродиакона, 7 сентября 1879 г. — в иеромонаха. 13 февраля 1874 г. назначен к посвящению в сан игумена, но посвящен за недугами не был, а перед смертью принял схиму. Погребен у южной стены Введенского собора Оптиной Пустыни. О.Анатолий со дня поступления в обитель находился под руководством старца Макария, который обучил его умной Иисусовой молитве. О.Анатолий впоследствии сам стал ее великим делателем. После смерти старца Макария руководителем о.Анатолия стал старец Амвросий, назначивший его духовником Шамординской обители, с насельниками которой (как и других монастырей) о.Анатолий вел обширную переписку. Письма его отличаются духовной мудростью, особым светлым, “пасхальным”, настроением, кратким, живым слогом и неподражаемым юмором. На склоне лет Господь сподобил о.Анатолия даров духовного совета, прозрения в тайники человеческой души и знания будущего. О.Анатолий находился в духовном общении со св.прав.Иоанном Кронштадтским и ездил к нему в Кронштадт. — 5, 109, 112, 113, 243, 252, 255.

Анатолий — иеромонах, казначей Богородицкой Площанской пустыни. Управлял ею в 1826—1828 гг. — 31.

Анатолия — схимонахиня Борисовской Тихвинской пустыни в Курской епархии. В мире Параскева Феодотовна Трунова. — 192, 194.

Андреев Иустин Андреевич — управляющий заводчика Мальцева, благотворитель скита Оптиной Пустыни. — 82.

Андрей Первозванный — св.апостол. † около 67. Память 30 ноября. — 126.

Андрей Критский — святитель. † 712, или 720, или около 726. Память 4 июля. — 133.

Анна — св.праведная, мать Пресвятой Богородицы. См. Иоаким и Анна. — 285.

Анна — монахиня. В мире Горбылева. — 189.

Анна — монахиня. В мире Леонтьева. — 188.

Антимонов Иван Васильевич — курский купец, отец настоятеля Оптиной Пустыни схиархимандрита Исаакия. Имел от трех браков 13 детей. Умер 85-и лет от роду. По некоторым сведениям, был келейно пострижен о. Исаакием а мантию. — 130.

Антимонов Иван Иванович — послушник Оптиной Пустыни. — 130. См. Исаакий, схиархимандрит, настоятель Оптиной Пустыни.

Антиох — схимонах, ученик старца Леонида. — 117.

Антоний Великий — преподобный. 251 † 17 января 356. Память 17 января. — 62, 77.

Антоний — архиепископ Казанский и Свияжский. 15 октября 1815 † 8 ноября 1879 г. В мире Яков Гаврилович Амфитеатров. Родился в городе Миассе на Урале в семье священника. Племянник митрополита Филарета Киевского. Окончил Калужское духовное училище и семинарию, Киевскую духовную академию. В 1840 г. пострижен в монашество, рукоположен в иеродиакона и иеромонаха и назначен ректором Киево-Софийских духовных училищ. В 1841—1845 гг. — инспектор, профессор и ректор Киевской семинарии. В 1845 г. возведен в сан архимандрита. В 1848 г. назначен настоятелем Киево-Николаевского монастыря. В 1848-1849 гг. служил в Петербурге. С 1851 г. — ректор Киевской духовной академии, настоятель Киево-Братского Богоявленского монастыря. В 1858 г. хиротонисан во епископа Чигиринского, в 1859 г. переведен на Смоленскую кафедру, с 1866 г. — епископ Казанский и Свияжский. В 1867 г. возведен в сан архиепископа. Погребен в Рождественском приделе Казанского кафедрального собора. Преосв. Антоний — один из выдающихся русских архипастырей, человек неподкупной честности, великий труженик и ревностный блюститель устава. Вел аскетический образ жизни, отличался ровным, мягким характером и был хорошим администратором. В Казани он особо заботился о духовных учебных заведениях, основал несколько миссионерских мужских и женских монастырей и братство св.Гурия для просвещения инородцев, при нем стали выходить “Известия Казанской епархии”. Вел широкую благотворительную деятельность. За свои богословские труды был избран почетным членом Киевской и Московской духовных академий и Императорской Академии наук. Перу преосв. Антония принадлежат: “Догматическое богословие”, “Пастырское богословие”, “Три тома образцовых проповедей и речей” и многие другие труды. — 131.

Антоний — архиепископ Воронежский и Задонский. 29 октября 1773 † 20 декабря 1846. В мире Авраамий Гаврилович Смирницкий. Родился в селе Повстине Пирятинского уезда Полтавской губернии в семье священника. Окончил Киевское духовное училище и академию. В 1797 г. пострижен в монашество в Киево-Печерской лавре с именем Антония. В 1799 г. посвя-

щен в иеромонаха, в 1814 г. назначен начальником Ближних пещер, а на следующий год поставлен наместником лавры. В 1818 г. возведен в сан архимандрита, в 1826 г. хиротонисан во епископа Воронежского. За годы его управления в епархии было сооружено около 70 новых храмов, многие обновлены. В 1832 г. обретены мощи свт. Митрофана Воронежского. Владыке был дан дар назидательного обращения, и он приобрел любовь многих своею любовью, милостыней и благоговейным служением. — 29, 68.

Антоний — архимандрит, наместник Свято-Троицкой Сергиевой лавры. 6 октября 1792 † 12 мая 1877. В мире Андрей Гаврилович Медведев. Родился в семье крестьянина села Лыскова Макарьевского уезда Нижегородской губернии. Был аптекарем и певчим, заведовал больницей. Паломничал по св.местам. В 1817 г. посетил Саровскую пустынь, а с 1818 г. поселился в ней у преп. Серафима, который предсказал ему настоятельство. Через полтора года перешел в Высокогорскую Вознесенскую пустынь, где сначала был пономарем, а в 1822 г. пострижен в монашество и рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. В 1824 г. был на богомолье в Киеве. В 1826—1831 гг. был строителем Высокогорской пустыни, внешне и внутренне благоустроил ее. В 1831 г. митрополит Филарет избрал его наместником Троице-Сергиевой лавры и возвел в сан архимандрита Вифанского монастыря при ней. В должности наместника о. Антоний пробыл 46 лет, и лавра при нем расцвела. О. Антонию обязаны своим существованием все скитские обители — Гефсиманская, Пещерная, Параклит, Боголюбивая киновия. При нем были благоукрашены лаврские церкви, выстроены гостиницы, больницы, дом призрения, училище для мальчиков, устроена иконописная матерская, издано много духовных книг. Проводя столь деятельную жизнь, о. Антоний стремился к уединению и просился на покой, но просьба его так и не была удовлетворена. О. Антоний был духовником митрополита Московского Филарета и в течение 35 лет состоял с ним в переписке (письма святителя к о. Антонию изданы в четырех частях в 1876-1885 гг.). Скончался в Троице-Сергиевой лавре, погребен у алтаря Свято-Духовского храма. — 75, 128, 131, 132, 133, 135, 147, 148, 155.

Антоний — Оптинский старец, схиигумен, скитоначальник, настоятель Мало-ярославецкого Николаевского Черноостровского монастыря. 9 марта 1795 † 7 августа 1865. В мире Александр Иванович Путилов. Родился в городе Романове Ярославской губернии, в купеческой семье. В роду его было много монашествующих. В юности служил в Москве по откупам, был в плену у французов. В 1816 г. удалился в Рославльские леса, где уже подвизался его старший брат Тимофей, впоследствии настоятель Оптиной Пустыни архимандрит Моисей, и прожил там пять лет. С 15 января 1816 г. — послушник, на Сретение 1820 г. келейно пострижен в монашество. 6 июня 1821 г. вместе с братом перешел на жительство во вновь устроенный скит при Оптиной Пустыни. 2 марта 1822 г. определен в число братства. 24 августа 1823 г. посвящен в иеродиакона, а в 1825 г. был определен на должность скитоначальника, будучи рукоположен в иеромонаха лишь 15 августа 1827 г. Состоял в этой должности 14 лет. При нем в Оптиной упрочилось старчество. 3 декабря 1839 г. назначен настоятелем Мало-ярославецкого Николаевского Черноостровского монастыря и возведен в сан игумена. Управлял обителью 14 лет, переноса — по причине тяжелой болезни — великие скорби. В 1853 г. уволен на покой в скит Оптиной Пустыни. 9 марта 1865 г. келейно пострижен в схиму с оставлением прежнего имени. Отличительной чертой старца было его искреннее смирение, глубоко впечатлявшее всех, знавших его. Вся жизнь о. Антоний сохра-

нял благоговейное почтение к своему старшему брату архимандриту Моисею, который являлся его воспитанником от Евангелия при постриге и духовным отцом. Погребен в Казанском соборе Оптиной Пустыни рядом с братом — схиархимандритом Моисеем. — 40, 41, 47, 64, 68, 70, 77, 78, 97, 109, 116, 125, 131, 132, 133, 140, 142, 144, 146, 148, 156, 159, 173, 186, 261, 274, 278, 279, 281, 284, 288.

Антоний — игумен, настоятель Черемнецкого Иоанно-Богословского монастыря Петербургской епархии. 14 марта 1803 † 5 апреля 1872. В мире Алексей Поликарпович Бочков. Родился в Петербурге в купеческой семье, обучался в иностранном пансионе. Позднее приписался к ревельскому купечеству и посвятил себя занятиям литературой, живописью и музыкой. После смерти жены в 1827 г. перенес душевную болезнь и дал обет в случае выздоровления поступить в монастырь. С 1828 г. странствовал по разным обителям, бывал и в Оптиной. В 1837—1844 гг. жил в Сергиевой пустыни под Петербургом, когда там настоятельством будущий святитель Игнатий (Брянчанинов). В 1844 г. переведен в Троицкий Густынский монастырь Полтавской епархии. Жил в архиерейском доме преосв. Гедеоны, епископа Полтавского. Там же пострижен в монашество 9 декабря 1844 г. 13 декабря того же года посвящен в иеродиакона, а 17— в иеромонаха. В 1846 г. переведен в Старо-Ладожский монастырь С.-Петербургской епархии. В 1852 г. был на Афоне и во Св. Земле, по возвращении перешел в Новгородский Тихвин монастырь. В 1857 г. — духовник Старо-Ладожского монастыря. В 1857—1858 гг. совершил паломничество в Иерусалим. С 1859 г. — настоятель Введенского Островского монастыря. 31 марта 1861 г. возведен в сан игумена и в апреле переведен настоятелем в Черемнецкий монастырь. В 1862 г. уволен на покой. С апреля 1871 г. жил в скиту Николо-Угрешского монастыря под Москвой. Умер от тифа во время эпидемии, выполняя свой пастырский долг в Екатерининской больнице для бедных в Москве. Похоронен в скиту. О. Антоний состоял в духовном общении и переписке со свт. Игнатием Брянчаниновым, схимонахом Сергием (Святогорцем). В 1860-е гг. общался с С. А. Бурачком и А. П. Башуцким, издателями журналов православного направления “Маяк” и “Иллюстрация”. Его перу принадлежит книга “Русские поклонники в Иерусалиме” (М., 1875). — 205, 206, 293.

Антоний — скитский иеродиакон Оптиной Пустыни, письмоводитель старца Макария. 1824 † 14 декабря 1866. В мире Андрей Иванович Глушков. Из дворян, отставной подпоручик. В число братства Оптиной Пустыни определен 14 мая 1859 г., рясофором накрыт 18 февраля 1860 г., в монашество пострижен 16 апреля 1864 г. 9 сентября того же года рукоположен в иеродиакона. Исполнял разные послушания, в 1863 г. был библиотекарем в скиту. С августа 1865 г. тяжело заболел и переехал в Малоярославец к родным, где и преставился. — 52, 53, 205, 297.

Артемон Петрович — учитель Михаила Иванова в 1801—1802 гг. — 9.

Асоченский Виктор Ипатьевич — прозаик, журналист, историк, издатель журнала “Домашняя беседа”. 1 октября 1793 † 18 мая 1879. Настоящая фамилия Оскошный. Родился в Воронеже в семье священника. Окончил Воронежскую семинарию и Киевскую духовную академию, где затем преподавал языки и читал курс патрологии, досконально изучив Св. Писание и творения св. отцов. С 1846 г. — советник Волынского губернского правления в Житомире, в 1849 г. — председатель совестного суда в Каменце-Подольском. Через полгода вышел в отставку в чине титулярного советника и

занился исключительно литературной деятельностью — сначала в Киеве, а с 1857 г. — в Петербурге. В 1858—1877 гг. издавал журнал “Домашняя беседа”, державшийся православного и народного направления. Скончался в Петербурге, похоронен в Сергиевой пустыни. Перу Асоченского принадлежат книги: “В.Г.Григорович-Барский, знаменитый путешественник XVIII в.”, “Киев с древнейшим его училищем Академиею”, антиинициатический роман “Асмодей нашего времени”. Особый интерес представляет его дневник, в котором, помимо заметок автобиографического характера, содержится немало по духовному и светскому образованию, истории театра и духовному пению, богословию. — 217.

Аспнас (или Асина) — сочинитель многих духовных песнопений. Жил в г.Едесса в Месопотамии. В надежде стать известным проводил высокую жизнь и связал себя трудными подвигами. Обольщенный дьяволом, показавшим ему образ коней и колесниц, на которых он будто бы должен был взят в рай, как пророк Илия, Аспнас прыгнул с вершины горы Сторий и, разбившись о землю, умер. — 313.

Астион — монах Оптиной Пустыни. 1806 † 6 января 1856. В мире Алексей Иванович Голосов. Из брянских мещан. В число братства определен 7 мая 1834 г., рясофором накрыт 12 августа 1835 г., в монашество пострижен 28 ноября 1843 г. Исполнял послушания столярного мастера, пономаря, переплетчика книг, трудился в больнице. Был способен к чтению. Переписал уставом экземпляр “Лествицы”, сделанный при старце Макарии. 20 декабря 1854 г. в связи с неизлечимой болезнью исключен из штата монастыря. — 123.

Афанасий — схимонах Афонский. † 1811. В мире Андрей Николаевич, из сенатских секретарей. Странствовал по Афону и в Молдавии, долго жил в обители старца Паисия, который препоручил его старцу Софронию. По просьбе митрополита Петербургского Гавриила, старец Паисий послал о.Афанасия в Петербург с Добротолюбием в греческом подлиннике и в своем переводе на славянский язык. После издания Добротолюбия в 1793 г. о.Афанасий поселился в Рославльских лесах, а не позднее 1805 г. перешел в Свенский Брянский монастырь, где получил от старца Софрония житие и некоторые писания старца Паисия, которые впоследствии были изданы старцем Макарием и Киреевскими при содействии Шевырева. Скончался о.Афанасий в Свенском монастыре. — 17, 116.

Афанасий — схимонах Площанский. † 17 октября 1825. Родом из дворян, по фамилии Захаров. Проходил военную службу, был ротмистром гусарского полка. Тридцати лет поступил в Молдавский Нямецкий монастырь, где был пострижен в монашество старцем Паисием, и жил там 7 лет. Потом некоторое время пробыл во Флорищевой пустыни (где исполнял должность казначея) и в Гороховском монастыре. В 1806 г., возвращаясь с богомолья из Киева, заболел и остался в Белобережской пустыни. С 1815 г. до смерти пребывал в Площанской пустыни, где служил примером для всей братии, ибо был кроток, милостив и сострадателен, принимая каждого с любовью. Несмотря на все свои немощи, никогда не оставлял церковной службы и келейного правила. Находился в духовном общении со старцем Паисием (Величковским). — 17, 18, 20, 24, 25, 27, 28, 30, 32, 46, 47, 52, 70, 115.

Афанасия — рясофорная монахиня Троицкого Севского монастыря. В мире Александра Николаевна Глебова, племянница старца Макария. Пострижена на 23-х лет. — 11.

Базелев — городской белевский врач. — 279.

Б-в — городской козельский врач. — 279.

Блан Жак-Жозеф-Луи — французский утопический социалист, историк, журналист, деятель революции 1848 г. 29 октября 1811 † 6 декабря 1882. В своих взглядах опирался на идеи Сен-Симона. Популярность ему принесла брошюра “Организация труда” (1839 г.). В 1841—1844 гг. выпустил “Историю десяти лет”, направленную против Июльской монархии. 12-томная “История французской революции”, где содержалась одобрительная оценка якобинцев, пользовалась успехом среди революционных кругов России. В 1848 г. Блан возглавлял “правительственную комиссию для рабочих”, заседавшую в Люксембургском дворце. После революции бежал в Бельгию и Англию, где написал “Историю революции 1848”. В 1870 г. вернулся во Францию и был избран в Национальное собрание. После Парижской коммуны отошел от социалистического движения. — 101.

Брагузин Василий Петрович — блаженный. † 15 января 1851. Родом из лифляндских дворян, родился в Орле, во время войны 1812 г. служил ополченцем в Лубенском гусарском полку. Приняв на себя подвиг юродства, он странствовал по России. Возвратившись в Орел, жил там у разных благочестивых людей. Посещая различные обители, Василий Петрович особенно любил бывать в Оптиной, где общался со старцами Леонидом и Макарием и приносил большую пользу братии своими наставлениями и предсказаниями, будучи наделен от Бога даром прозорливости. Последнее время блаженный жил в Москве, где и скончался. Похоронен в Даниловом монастыре. — 201.

Булгаков П.А. — гражданский губернатор Калуги с 28 апреля 1854 г. по 7 апреля 1856 г., действительный статский советник. — 162.

Бурачок Степан Анисимович — кораблестроитель, математик, публицист, издатель журнала “Маяк”. 17 мая 1800 † 26 декабря 1876. Родился в родовом имении селе Заньки Нежинского уезда Черниговской губернии. Сын адмирала А.И.Бурачка. Окончил Петербургское училище корабельной архитектуры. В 1821—1831 гг. жил в Астрахани, где возглавляя Астраханское адмиралтейство, провел его реконструкцию. Под его руководством было построено около 30 судов. С 1834 по 1864 гг. читал курс корабельной архитектуры в офицерских классах морского корпуса в Петербурге. Издал ряд трудов по математике и кораблестроению; вклад его в эти науки оценивается весьма высоко. Закончил службу в чине генерал-лейтенанта корпуса корабельных инженеров. В 1840—1845 гг. издавал “Маяк, журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе русской народности”. “Дух народа” издатель понимал как “примерную религиозность, глубокую преданность Отечеству и Царю”. С 1851 г. увлекся гомеопатией, написав в связи с этим книгу “Человеческий организм, да и вся природа, есть гомеопатическая лаборатория жизненных производств”. Но главные интересы его по-прежнему сосредоточивались на религиозно-философских и национальных вопросах: старо-католическом движении в Германии, движении в пользу балканских славян. Бурачок выступал в печати с резкой критикой католицизма и протестантизма. В совет Общества духовного просвещения им были предоставлены книги: “Слово к западным христианам”, “Папство, протестантизм, кальвинизм и православие”, “Римский истукан”. — 117.

Барвара — св. великомученица. † 306. Память 4 декабря. — 130.

Варлаам — игумен Валаамский. 1768 † 26 декабря 1849. Родом из московских купцов, в юности поступил на Валаам в послушание к старцу Назарию. В 1798 г. пострижен в монашество, в 1801 г. посвящен в иеродиакона, в 1805 г. — в иеромонаха. Жил в Валаамском скиту со старцами Феодором и Леонидом. Некоторое время был скитона начальником и, претерпев в этой должности немало скорбей, был переведен 7 февраля 1839 г. в Оптиную Пустынь под особенный надзор настоятеля. 6 мая 1841 г. освобожден от дел по Валаамскому монастырю и оставлен навсегда в Оптином скиту. Жил уединенно на пасеке. — 100, 110.

Варсонофий Великий — преподобный. Конец V — VI вв. Родился в Египте, был обучен коптскому и греческому языкам. С юности желал вести подвижническую жизнь. Пришел в монастырь аввы Серида около г. Газы в Палестине и устроил себе рядом с ним две затворнические кельи, где пребывал в безмолвии и строгом посте. Сподобился благодатных даров бесстрастия, смирения и духовного рассуждения, а также духовной любви. 50 лет прожил отшельником, так что его могли видеть лишь немногие. Когда Иерусалимский Патриарх Евстохий не поверил в его высокую жизнь и решил подкопать стены кельи преподобного, оттуда вырвался огонь и едва не попалил Патриарха. Св. Варсонофий был духовным другом и наставником преп. Иоанна Пророка и современником препп. Дорофея и Досифея. Совершил много исцелений, имел дар прозорливости и пророчества. Известен как автор ответов на вопросы учеников, вошедших в книгу “Руководство к духовной жизни”. Его почитали как учителя подвижничества св. Патриарх Тарасий и преп. Феодор Студит. Память 6 февраля. — 27, 87, 89, 115, 120, 121, 141, 144, 145, 147, 148, 152, 166, 168, 170, 214.

Варсонофий — Оптинский старец, схиархимандрит, скитона начальник. 5 июля 1845 † 1 апреля 1913. В мире Павел Иванович Плиханков. Родился в Самаре, в купеческой семье, род его происходил из оренбургских казаков. Учился в Оренбургском военном училище и на офицерских курсах в Петербурге. В чине полковника служил при штабе Казанского военного округа. В миру жил по-монашески, проходил Иисусову молитву. В 1889 г. впервые был в Оптиной; по благословению старца Амвросия, после чудесного исцеления от смертельной болезни, поступил 25 декабря 1891 г. в Иоанно-Предтеченский скит. 24 марта 1892 г. пострижен в рясофор, десять лет провел в затворе под руководством старцев оо. Анатолия и Иосифа. В 1900 г. по болезни келейно пострижен в мантию, назначен письмоводителем скита и участвовал в подготовке к изданию рукописей духовных книг. 13 декабря 1902 г. мантия была открыта, 29 числа того же месяца о. Варсонофий рукоположен в иеродиакона, а 1 января 1903 г. — в иеромонаха. В этом же году он назначен помощником скитона начальника и старца и духовником Предтеченского скита, Шамордина и богомольцев. В 1904—1906 гг. служил военным священником в действующей армии в Манчжурии. По возвращении в Оптину 14 мая 1907 г. назначен скитона начальником и старцем с возведением в сан игумена. В его управление Предтеченский скит упрочился материально и процвел духовно. 11 июля 1910 г. о. Варсонофий в тяжелой болезни был пострижен в тайную схиму. В апреле 1912 г. вследствие нестроений в монастыре и несправедливых обвинений был переведен настоятелем в Старо-Голутвин Богоявленский монастырь под Москвой с возведением в сан архимандрита. Скончался там ровно через год по предсказанию блаженной Паши Саровской. Погребен у южной стены Введенского собора Оптиной Пустыни. О. Варсонофий находился в духовном общении со св. прав. Иоанном Кронштадтским, старцем Варнавой Геф-

симанским, митрополитом Петербургским Антонием, митрополитом Московским Трифоном. Господь сподобил его даров прозорливости, способности изгонять бесов и исцелять телесные и душевные болезни. О. Варсонофий зрел наяву бесов, его видели озаренным светом на молитве, многим он являлся по своей смерти. Его "Беседы с духовными детьми" представляют замечательный духовный и литературный памятник эпохи. — 67.

Варсонофий — иеромонах Оптинского скита. 1816 † ?. В мире Василий Светозаров. Из студентов Тамбовской духовной семинарии, друг Александра Гренкова, будущего старца Амвросия. В братство зачислен 15 мая 1843 г., пострижен в мантию 5 декабря 1848 г., рукоположен в иеромонаха 29 октября 1850 г. Отправлял чередное богослужение до 1851 г., когда по его прошению переведен в Малоярославецкий Николаевский монастырь. — 181.

Василий — старец, иеромонах, настоятель Белобережской пустыни. 1748 † 21 апреля 1831. В мире Владимир Тимофеевич Кишкин. Родился в деревне Ключниковой Фатежского уезда Курской губернии. Семи лет от роду поступил в Саровский монастырь, где прожил четыре года. Некоторое время пробыл в Киево-Печерской лавре. Пятнадцати лет был пострижен в монашество в Миропольской обители. По упразднении ее переселился в Коренскую пустынь, где прожил долго. Посещая Задонский монастырь, имел беседы со святителем Тихоном и стал его учеником. Несколько лет прожил со своими учениками в Ильинском скиту на Афоне, затем в Молдавии в Нямецком монастыре и, наконец, снова возвратился в Коренскую пустынь. В начале 1800 г. старец Василий прибыл в запущенную Белобережскую обитель, которую очень быстро восстановил и привлек туда о. Леонида (будущего старца Оптинского) и учеников преп. Паисия старцев оо. Клеопу и Феодора. Из обители вышли многие настоятели других монастырей, для которых старец Василий писал уставы по правилам Афонского устава. Испытывая гонения от своего ученика, старец перешел в Свенский монастырь и до 1810 г. жил то в нем, то в другой пустыни. В 1810 г. о. Василий собирался на Афон, но этому помешала война с Турцией. В 1811 г. начал свое странствие по юго-западным монастырям России, преимущественно живя в Кременецком монастыре. Позднее жил в Коренской и десять лет в Глинской пустыни. В 1827 г. отправился в Площанскую пустынь, где прожил до смерти. Господь наделил старца многими духовными дарами, главным из которых был дар великого смирения. — 17, 28, 33.

Василий — старец, схимонах, основатель Поляномерульского скита, наставник преп. Паисия. Жил в XVIII в. Подвизался в Молдовлахии. Будущий старец Паисий, тогда еще монах Платон, впервые встретился с ним в монастыре Трейстены в 1742 г. Старец Василий уговаривал его перейти к нему в Поляномерульский скит, но Платон, опасаясь, что старец заставит его преждевременно принять священство, отказался. Вторая их встреча состоялась на Афоне, где Платон жил в уединенном безмолвии с 1746 г. и куда старец Василий прибыл в 1750 г. Он объяснил Платону опасность его подвига и указал ему необходимость общежительного пути для новоначального подвижника. По просьбе Платона, старец постриг его в мантию с наречением имени Паисия. — 16, 119.

Василиск — пустынный Сибирский. † 29 декабря 1824. В мире Василий Гаврилович, из крестьян деревни Иваниш Калязинского уезда Тверской губернии. Три года жил в браке как вне брака, затем странствовал по монастырям, начал пустынножительство в Чувашских лесах. Некоторое время

жил в Брянских лесах у иеромонаха Адриана, который постриг его с именем Василиска. Когда о.Адриана перевели на Коневец, через некоторое время за ним последовал и Василиск. С тех пор при нем находился неотлучно инок Зосима, из дворянского рода Верховских, впоследствии описавший его жизнь. После десятилетней жизни на Коневце они перешли в Сибирь и уединились сначала в лесу Тобольской епархии, а затем в лесах вблизи города Кузнецка. Здесь под руководством о. Зосимы образовалась женская община, впоследствии преобразованная в Свято-Николаевский монастырь в городе Туринске. В этом монастыре скончался и погребен старец Василиск, имея более 80 лет от роду. При жизни он считался образцом сурового подвижничества и высочайшего смирения. — 311.

Веревкина Анна Михайловна — тетка старца Макария. — 9.

Востоков Авдий (псевдоним) — Анатолий, архиепископ Могилевский. 1793 † 8 августа 1872. В мире Августин Васильевич Мартыновский. Родился в местечке Мясновка Подольской губернии, в семье униатского священника, перешедшего в Православие. Окончил Шаргородское духовное училище и Каменецкую семинарию, где впоследствии преподавал рисование. В 1817 г. женился и поступил священником в местечко Граново Гайсинского уезда. Через год овдовел и поселился в Каменец-Подольском монастыре. В 1821 г. преподавал в Каменецком духовном училище и семинарии. В 1822 г. принял монашество с именем Анатолия. В 1825 г. окончил Киевскую духовную академию. В 1829 г. возведен в сан архимандрита и назначен ректором Курской семинарии и настоятелем Николаевского монастыря. В 1832 г. переведен ректором Новгородской семинарии и настоятелем Антониева монастыря. В 1840 г. назначен епископом Екатеринбургским, викарием Пермской епархии, через год переведен викарием на Волынь, в 1844 г. назначен епископом Могилевским, в 1853 г. возведен в сан архиепископа. В 1860 г. уволен на покой в Гербовецкий монастырь Кишиневской епархии, где и скончался. Высокопреосв. Анатолий был всесторонне образован и широко начитан, занимался иконописанием (в Гербовецком монастыре сам расписал иконостас в домовой церкви), был известен литературными трудами: “Слова и беседы” (в 5 частях), “Вера, надежда и любовь” (2 части, 2 издания), “Об отношении римской церкви к другим христианским церквям и ко всему человеческому роду” (под псевдонимом “Записки Авдия Востокова”), “Досуги архиепископа Анатолия”, “Об иконописании” и др., и многочисленными статьями. — 263.

Г. — монахиня. — 87.

Гавриил — митрополит С.-Петербургский и Новгородский. 1730 † 26 января 1801. В мире Петр Петров. Родился в Москве в семье синодального иподиакона. Учился в Славяно-греко-латинской академии, принял монашество и рукоположен в 1758 г. В 1761 г. о.Гавриил был назначен ректором Московской академии. С 1763 г. епископ Тверской, с 1770 г. — архиепископ Новгородский и Санкт-Петербургский, с 1783 г. — митрополит. В 1799 г. был отстранен от управления Петербургской митрополией, оставшись митрополитом Новгородским, в 1800 г. уволен на покой. Митрополит Гавриил — автор многих сочинений, из которых наиболее известны: “Краткое христианское нравоучение”, “О служении и чиноположении православной греко-российской Церкви”. Труды митрополита открыты многие духовные училища, благоустроена Александро-Невская лавра. Он был членом Российской Академии со дня ее основания, пользовался благорасположением Императорской семьи. Будучи сам строгим аскетом, преосвя-

щенный Гавриил состоял в духовном общении со многими подвижниками своего времени, в частности, с преп. Паисием Величковским, который, по просьбе митрополита, перевел с греческого языка на славянский Добротолюбие. — 18, 116.

Гавриил — епископ Орловский и Севский. 26 января 1781 † 8 сентября 1858. В мире Василий Федорович Розанов. Родился в семье священника Костромской епархии. Образование получил в Костромской и Троицкой лаврской семинариях. Был учителем пиитики в Костромской семинарии. В 1811 г. пострижен в монашество. Назначен префектом Вологодской семинарии и возведен в сан архимандрита Спасо-Каменского монастыря. С 1814 г. — ректор Вологодской семинарии и настоятель Спасо-Прилуцкого монастыря. В 1819 г. определен законоучителем 1-го кадетского корпуса в Петербурге. С 1820 г. — настоятель Ярославского Толгского монастыря и ректор семинарии. В 1821 г. хиротонисан во епископа Орловского, в 1828 г. переведен в Екатеринославскую епархию. В 1832 г. возведен в сан архиепископа, в 1837 г. назначен архиепископом Херсонским и Таврическим, в 1848 г. переведен в Тверь. В 1857 г. уволен на покой с правом управления Калязинским монастырем. В 1858 г. переведен в Тверской Желтиков монастырь, где и скончался. Похоронен в соборной церкви этого монастыря. Преосв. Гавриил ревностно занимался делами своих епархий, особо опекал сирот из духовного звания. Оставил два тома сочинений по истории и археологии. — 31.

Гавриил — Оптинский иеросхимонах, устроитель Белокопытской женской общины в Калужской губернии. 1817 (1818) † 2 января 1871. В мире Гавриил Лукич Спасский. Происходил из духовного звания, окончил курс в Калужской духовной семинарии. 25 февраля 1842 г. поступил в Оптину Пустынь, 19 ноября 1843 г. накрыт рясофором, 1 октября 1844 г. пострижен в мантию, 9 декабря 1845 г. рукоположен в иеродиакона, 17 апреля 1848 г. — в иеромонаха. Исполнял послушание на клиросе, занимался церковной живописью. 8 октября 1849 г. выбыл из Оптиной Пустыни в Малоярославецкий Николаевский Черноостровский монастырь, где вступил в должность казначея, но по болезни был уволен от этого послушания 3 апреля 1851 г. и возвращен в братство Оптиной Пустыни. 2 марта 1855 г. по болезни отчислен из штата монастыря. В 1869 г. о. Гавриил устроил женскую общину в имении вдовы подполковника Александры Евгеньевны Белокопытвой — селце Петропавловском Мосальского уезда Калужской губернии (впоследствии — Казанский Белокопытский монастырь) и руководил ею до смерти. — 205, 244.

Гавриил Иванович — живописец из города Зубцова Тверской губернии. Расписывал колокольню скита со святыми вратами. — 82.

Гагарин Иван Сергеевич, князь — дипломат, публицист, член ордена иезуитов. 1814 † 1882. Получив хорошее образование, недолго прослужил дипломатом и в 1843 г. оставил Россию. Поселившись в Париже, он перешел в католичество и поступил в орден иезуитов. Устроил в Париже Славянскую библиотеку, издавал журнал “Опыты теологии, философии и истории”. Написал книги, направленные против Православия: “Раскольники, русская Церковь и папа”, “Может ли быть Россия окатоличена?” (обе вышли в 1857 г. в Париже на французском языке). В 1860-е гг. кн. Гагарин вел полемику с Ю. Ф. Самариным, выпустившим книгу “Иезуиты и их отношения к России”. — 263, 264.

Геннадий — архимандрит, настоятель Боровского Пафнутиева монастыря. 1789 † 8 марта 1867. В мире Герасим Горнецкий. Родился в семье причетника села Горнецкого Новгородской губернии. В 1813 г. окончил Новгородское духовное училище и семинарию и вскоре был посвящен во священника Власиевской церкви в Новгороде. После смерти жены в 1817 г. перешел в Софийский Новгородский собор и был определен учителем греческого и латинского языка в Софийское духовное училище. В 1819 г. назначен смотрителем Кирилловских училищ в Большом Кирилловом монастыре. Здесь же принял постриг с именем Геннадия. В 1823 г. переведен законоучителем в Петербургское коммерческое училище. В 1833 г. возведен в сан архимандрита Рязанского Троицкого монастыря, а в 1837 г. переведен в Боровский Пафнутиев монастырь. О.Геннадий управлял обителью 30 лет (с 1837 по 1867 гг.) и за это время полностью благоустроил ее и составил ее описание. — 133.

Георгий — Затворник Задонский. 1789 † 25 мая 1836. В мире Георгий Алексеевич Машурин, в монашестве Стратоник. Родился в Вологде, в дворянской семье. Служил в Лубенском гусарском и Казанском драгунском полках, оставил службу с чином поручика. 7 сентября 1818 г. вступил послушником в Задонскую обитель. Через год ушел в затвор и пребывал в нем 17 лет, ведя самую суровую подвижническую жизнь. Был тайно пострижен в монашество с именем Стратоника. Господь сподобил его даров духовного совета и рассуждения, прозорливости. Георгий Задонский находился в духовном общении с преп.Серафимом Саровским. В 1839 г. послушник Оптиной Пустыни Петр Александрович Григоров (в монашестве Порфирий) впервые издал письма Затворника Георгия, и с тех пор они выдержали еще два издания. Последнее из них: “Письма в Бозе почивающего Затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия (Машурина), с присовокуплением краткого известия о жизни его, составленные из записок живших при нем келейных. Собранные Козельской Введенской Оптиной Пустыни монахом Порфирием Григоровым”. 3-е изд. М., 1850. — 68.

Геронтий — иеромонах (впоследствии игумен), настоятель Калужской Тихоновой пустыни. 1800 † 6 июля 1857. В мире Георгий Васильев, происходил из московского купеческого рода. Находился в Оптиной Пустыни с января 1829 г., в число братства определен 5 июля 1830, пострижен в монашество 29 октября 1833 г., посвящен в иеродиакона 14 сентября 1834 г., в иеромонаха — 24 июня 1836 г. Жил в скиту и был одним из ближайших учеников старца Леонида. Определен строителем Тихоновой пустыни в 1837 г., управлял ею до смерти и возродил ее. В его правление штаты и доходы обители увеличились вдвое, освящены два придела, выстроены трапеза и новая церковь в Тихоновой слободе. В 1847 г. о.Геронтий возведен в сан игумена. Скончался на Калужском подворье и погребен в своей пустыни. — 43, 44, 69.

Глаголев Иоанн Васильевич — соборный протоиерей, благочинный города Белева. Благотворил Белевскому Крестовоздвиженскому женскому монастырю и находился в дружеском общении со старцами оо.Леонидом и в особенности Макарием. — 176.

Глебов Н.В. — шурин старца Макария. — 11.

Глебов П.Н. — племянник старца Макария, действительный статский советник, генерал-аудитор морского министерства. — 11.

- Глебова Варвара Николаевна — сестра старца Макария. † декабрь 1852. В 1814 г. вышла замуж за орловского помещика Н.В.Глебова. Скончалась в Петербурге от холеры. — 8, 9, 11, 130.
- Говоров Алексей Васильевич — сын помещика Ливенского уезда Орловской губернии. — 246, 247.
- Гоголь Николай Васильевич — 20 марта 1809 † 21 февраля 1852. Вся жизнь великого русского писателя, и особенно ее вторая половина, была проникнута духовными устремлениями. Религиозные настроения были свойственны Гоголю еще в детстве и юности, но с начала 1840-х гг. они начинают преобладать в нем. Живя за границей, Гоголь основательно изучил святоотеческую литературу, работал над книгой, вышедшей уже после его смерти под названием “Размышления о Божественной Литургии”, выпустил книгу “Выбранные места из переписки с друзьями” (1847 г.), совершил в 1848 г. паломничество во Св.Землю, собирався посетить Афон. Важную роль в его духовном развитии сыграло знакомство со старцами Оптиной Пустыни. Гоголь был там по крайней мере трижды: в июне 1850 и в июне и сентябре 1851 г. Первую поездку он совершил с М.А.Максимовичем и пробыл тогда в Оптиной три дня (а не три недели, как говорится в Жизнеописании старца Макария). В этот приезд он познакомился со старцем Макарием и игуменом Моисеем. По устному преданию, сохранявшемуся в Оптиной и переданному старцем Варсонофием своим духовным детям, о.Макарий предчувствовал приход Гоголя. Писатель имел со старцем духовную беседу; вне сомнения, речь шла и о “Выбранных местах” (в библиотеке Оптиной Пустыни хранился экземпляр книги с вложенным в нее отзывом святителя Игнатия (Брянчанинова), переписанным рукой старца Макария). Тогда же Гоголь познакомился с рясофорным послушником П.А.Григоровым (в монашестве Порфирием), издателем писем Задонского Затворника Георгия, показавшим ему Оптину. Во второй раз Гоголь был в Оптиной Пустыни проездом с юга в Москву в июне 1851 г. — на один день. Он отстоял всенощную, Литургию и панихиду на могиле монаха Порфирия, скончавшегося незадолго перед тем. Об этом посещении известно из дневниковой записи иеросхимонаха Евфимия (Трунова) от 2 июня 1851 г. В этот приезд Гоголь также беседовал со старцем Макарием, и тот благословил его на написание книги по географии России для юношества (замысел не осуществился). Третий и последний раз Гоголь посетил Оптину Пустынь 23-25 сентября 1851 г. проездом из Москвы в Васильевку на свадьбу сестры. Он заехал в Оптину, где имел беседу со старцем Макарием, после чего неожиданно для всех вернулся в Москву. Существует предание, переданное старцем Варсонофием своим духовным детям, что Гоголь хотел остаться в монастыре. — 196, 197.
- Голдобина О.П. — тетка старца Макария. — 9, 11.
- Голицын Августин Петрович, князь — писатель, публицист. 1824 † 1875. Католик, жил в Париже, писал в основном на французском языке. Издал ряд материалов по истории России. Известен своими полемическими сочинениями, направленными против Православной Церкви: “Свободна ли русская Церковь?”, “Греко-российская Церковь” (обе книги вышли в Париже в 1861 г. на французском языке). — 263, 264.
- Голубинский Дмитрий Федорович — профессор Московской духовной академии. 19 мая 1832 † 23 ноября 1903. Сын Ф.А.Голубинского. Окончил Вифанскую семинарию и Московскую академию. В 1854 г. возглавил в ней

кафедру физики и геометрии, а после ее закрытия в 1870 г. организовал сверхштатную кафедру естественнонаучной апологетики. В основу преподавания Голубинским положена мысль, что изучение природы должно вестись в духе веры. Весь его курс был распространенным физико-телеологическим доказательством бытия Божия. Голубинским написан ряд работ апологетического характера. В личной жизни, по отзывам современников, являл собою образец нестяжательности и милосердия, был “монахом в миру”. — 168.

Голубинский Федор Александрович — протоиерей, профессор Московской духовной академии, основатель русской теистической философии. 22 декабря 1794 † 22 августа 1854. Родился в Костроме, в семье псаломщика (впоследствии священника). Окончил Костромскую семинарию и преподавал в ней, затем Московскую духовную академию. В 1818 г. оставлен при академии бакалавром, в 1824 г. назначен ординарным профессором, в 1826 г. — цензором духовных книг. В 1827 г. женился и принял священный сан, с 1829 г. числился священником в Москве, а служил безвозмездно в Сергиевом Посаде. Испытал в жизни немало скорбей — смерть жены, двух братьев и двух детей. Его влияние на окружающих было благотворным: под его воздействием обращались к Богу закоренелые рационалисты. Был известен своей широкой благотворительностью. Умер в Костроме. Лекции, которые Голубинский читал на кафедре философии, были изданы слушателями после его смерти. Философию Голубинский рассматривал как систему познаний о целях природы внешней и внутренней, а также о свойствах Божиих. Цель ее — возбудить, воспитать и направить любовь человека к Божественной премудрости. Вся область философии может быть названа опосредованным откровением, но она не может удовлетворить всем исканиям человеческого духа. Из различных частей философии Голубинского напечатаны “Умозрительная психология” (М., 1871) и четыре выпуска “Лекций философии” (М., 1884). — 70, 118, 124, 142, 145, 165, 167, 168, 170, 172.

Григорий Синаит — преподобный. † около 1346. Один из учителей и возобновителей исихазма. Родился в 60-х годах XIII в. в Малой Азии, в местечке Кукулы близ г.Клазомен (современное село Келисмен), в семье богатых и благочестивых родителей. Получил хорошее образование как в области светских наук, так и в Св.Писании. Был пострижен в иноческий образ на острове Кипр живущим там безмолвником, затем удалился на Синайскую гору и принял монашество. В поисках безмолвия путешествовал в Иерусалим и на остров Крит, где был обучен умному деланию и созерцанию отшельником старцем Арсением. После этого он прибыл на Афонскую гору и поселился в скиту Магула, где прославился своей высокой жизнью и аскетическими учениями. Из-за угрозы захвата Святой горы турками отправился в Созополь, а оттуда через Константинополь снова на Афон. В конце жизни удалился на гору Скрытная и основал там обитель при поддержке болгарского Царя Александра. Автор 150 глав о безмолвии и молитве, включенных в русское Добротолюбие. Ему принадлежат также “Наставления исихастам”, 7 глав аскетического содержания, сочинение под названием “О безмолвии и двух видах молитвы”. Повлиял на жизнь и учение преп. Нила Сорского. Память 8 августа. — 27, 115, 163, 165, 166, 210, 268, 314, 320.

Григорий Палама — святитель, архиепископ Фессалоникийский. 1296 † 1359. Родился в благородной и добродетельной семье, получил классическое

образование. Пострижен в монашество в Ватопедской лавре на Афоне, также жил в тамошней лавре Св. Афанасия, в скиту Глосия и, по возвращении из паломничества в Иерусалим, — в келлии св. Саввы Сербского. По пути в Иерусалим рукоположен во пресвитера в Фессалониках. Был избран игуменом Афонского монастыря Есфигмен, но скоро вернулся в лавру и выступил против Варлаама Калабрийца, отвергавшего учение афонских исихастов об умной молитве и созерцании. Разоблачая Варлаама, св. Григорий на три года переселился в Фессалоники и создал ряд творений с изложением богословия исихазма. Они сыграли решающую роль в осуждении Варлаама как еретика на поместном соборе 1341 г., который проходил в Константинополе в присутствии Патриарха Иоанна XIV, находившегося под влиянием Варлаама и еретика Григория Акиндина. Хотя св. Григорий был провозглашен учителем благочестия, а его учение признано православным, из-за личной мести Патриарха он был брошен в тюрьму в 1345 г., откуда освобожден Императором Иоанном VI Кантакузеном в 1347 г. Новый Патриарх Исидор поставил его митрополитом Солунским, но сначала преподобный не был принят паствой и жил на Афоне и на острове Лемнос. На новом соборе в Константинополе в 1351 г. своими догматическими сочинениями обличил католический характер ереси варлаамитов, которую защищал Никифор Григора. Вскоре был захвачен в плен турками и освобожден через год за выкуп болгарями. Преставился, по преданию, 14 ноября, сам предсказав свою кончину. Его последними словами были: “В горняя, в горняя”. Преп. Григорий имел дар чудотворения: совершил множество исцелений, происходивших и от прикосновения к его облачению, силой своего благословения наполнил сосуды елеем и сделал плодовитыми масличные деревья. Святой известен своей главной идеей о возможности ведения Бога как нетварной энергии, причем Он остается непознаваемым по сущности, и связанной с этим концепцией фаворского света. Преп. Григорию принадлежат 64 гом依ии, аскетические творения, помешенные в русском Добротолюбии, богословские, исторические работы, труды по естествознанию. Против католиков он написал сочинение об исхождении Св. Духа от одного Отца. Мощи св. Григория находились в соборном храме солунской митрополии, после пожара, бывшего там в 1890 г., обретыны глава преподобного и кости. Память 23 ноября и во вторую Неделю Великого Поста. — 27, 115, 166, 167.

Григорий — митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский. В мире Григорий Петрович Постников. 1774 † 17 июля 1860. Родился в селе Михайловском Никитского уезда Московской губернии в семье диакона. Учился в Перервинской и Троице-Сергиевской семинариях и Петербургской духовной академии, в которой с 1814 г. оставлен бакалавром. В этом же году пострижен в монашество, рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. В 1816 г. назначен инспектором Петербургской академии, далее последовательно был ее профессором и ректором. В 1817 г. возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Волоколамского Иосифова монастыря. В 1822 г. хиротонисан во епископа Ревельского, викария С.-Петербургской епархии. С 1825 (или 1826) г. епископ Калужский и Боровский. С 1828 г. архиепископ Рязанский и Зарайский. С 1829 г. член Св. Синода. С 1829 (или 1831) г. архиепископ Тверской и Кашинский. С 1848 г. архиепископ Казанский и Свяжский. В 1856 г. возведен в сан митрополита и назначен на Новгородскую и С.-Петербургскую кафедру. Скончался в Петербурге и погребен под алтарем Свято-Духовской церкви Александро-Невской лавры. В студенческие годы преосв. Григорий был любимым учеником

митрополита Московского Филарета, а впоследствии стал его единомысленником, сторонником в вопросе о пользе перевода на русский язык книг Св.Писания. Твердый ревнитель Православия, в личной жизни строгий аскет, преосв. Григорий вел энергичную борьбу с расколом и миссионерскую работу среди инородцев. — 68, 139.

Григорий — архиепископ Калужский и Боровский. 14 мая 1807 † 13 апреля 1881.

В мире Николай Васильевич Миткевич. Родился в селе Жукове Черниговской епархии и уезда, в семье священника. Учился в Черниговском духовном училище и семинарии. По окончании Киевской духовной академии определен в ней бакалавром. В 1831 г. пострижен в монашество в Киево-Братском монастыре, в этом же году посвящен в иеродиакона и иеромонаха, на следующий год причислен к Киево-Печерской лавре, в 1836 г. возведен в сан архимандрита. Далее о. Григорий занимал должности инспектора Казанской духовной семинарии, инспектора Киевской академии, настоятеля Киево-Братского монастыря, ректора Ярославской духовной семинарии, настоятеля Угличского Алексеевского монастыря, ректора Казанской духовной академии. В 1851 г. хиротонисан во епископа Калужского, в 1869 г. возведен в сан архиепископа; управлял своею паствою 29 лет. При нем была явлена в 1868 г. Козельско-Ахтырская икона Божией Матери. Частная жизнь преосв. Григория напоминала жизнь древних отшельников. Скончался он в день Св. Пасхи. — 68, 138, 161, 162, 164, 205, 270, 277, 293.

Грышаева Евдокия. — 303, 304, 305.

Д. — 141.

Давид — св. пророк и псалмопевец, царь израильский. Предположительно 1085 до Р.Х. † 1015 до Р.Х. Память в Неделю по Рождестве Христове. — 59, 90, 213.

Дамаскин — епископ Тульский и Белевский. 1778 † 31 июля 1855. В мире Дмитрий Россов. Родился в Тверской губернии в семье диакона, по происхождению малоросс. Учился в Троицкой лаврской и Вифанской семинариях, преподавал в Перервинской. В 1809 г. пострижен в монашество, рукоположен в иеродиакона и назначен проповедником в Московскую духовную академию. В 1810 г. рукоположен в иеромонаха, в 1812 г. причислен к соборным иеромонахам Александро-Невской лавры. С 1814 г. архимандрит Серпуховского Высоцкого монастыря. В 1816 г. переведен сначала в Петербург, затем в московский Данилов монастырь, затем определен настоятелем Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом. В 1819 г. переведен в Новгородский Юрьев монастырь. В этом же году хиротонисан во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии, которой временно и управлял в 1821 г. С 1821 г. епископ Тульский и Белевский. На Тульской кафедре прослужил 30 лет. В 1850 г. возведен в сан архиепископа и назначен в Петрозаводск, но, по прошению, уволен на покой. В 1851 г. получил в управление Белевскую Введенскую Жабынскую пустынь Тульской епархии, где и скончался. — 157.

Даниил — иеромонах, впоследствии архимандрит, инспектор Киевской духовной академии. 1810 † 17 июня 1855. В мире Дмитрий Мусатов, сын священника Орловской епархии. Окончил Орловскую духовную семинарию и Петербургскую духовную академию. Назначен в Калужскую семинарию инспектором и профессором философских наук. Состоял в духовном общении с Оптинскими старцами оо. Макарием и Антонием (был духовным сыном последнего). В 1840 г. пострижен в монашество, посвящен в иеро-

диакона и иеромонаха. В 1847—1852 гг. преподавал в Киевской духовной академии. В 1850 г. возведен в сан архимандрита. В 1852 г. назначен ректором Екатеринославской духовной семинарии. Скончался почти внезапно от холеры. О. Даниил представлял собою воплощенный образ ученого монаха-аскета, был замечательным проповедником. — 131.

Даша — племянница схимонахини Анатолии (Труновой). — 193, 194.

Делянов Давыд Иванович — генерал-майор, герой Отечественной войны 1812 года. Поступил на службу в 1773 г., произведен в генерал-майоры в 1813 г. Пожалован на дворянское достоинство в 1829 г. Был хозяином села Железники после его продажи отцом старца Макария. Похоронен в Калужском Лаврентиевом монастыре. — 7.

Д-ся (Досифея) — игуменья, настоятельница Казанского Богородичного монастыря. † 1865. В мире Веревкина, родом из дворян. Пострижена в монашество в Тихвинской пустыни Курской епархии. В 1827 г. произведена в игумении Тверского Христорождественского монастыря. В 1849 г. переведена в настоятельница Казанского монастыря. При ней были устроены пневматические печи в местном соборе, приподнят иконостас в Никольском соборе, увеличена глава на колокольне и позолочены глава, крест и яблоко. В 1851 г. м. Досифея награждена золотым наперсным крестом. В 1863 г. она представила проект на постройку в монастыре каменного двухэтажного корпуса с церковью во имя св. Софии, общей трапезой и больницей в нем, но за ее смертью проект не был осуществлен. — 195.

Димитрий — великомученик Солунский. † около 306. Память 26 октября. — 68.

Димитрий — святитель Ростовский. Декабрь 1651 + 28 октября 1709. В мире Даниил Саввич Туптало. Родился в местечке Макаров, недалеко от Киева. Его отец был сотником и ктиторм киевской Кирилловской обители. Окончил Киевское Братское училище. На 18 году жизни поселился в Кирилловском монастыре, где в 1668 г. пострижен в иночество. На Благовещение 1669 г. рукоположен во иеродиакона. В 1675 г. архиепископом Черниговским Лазарем Барановичем посвящен во иеромонаха. Около двух лет служил по его приглашению проповедником в соборном и других храмах Черниговской епархии и скоро стал известен благодаря своему красноречию. В 1677 г. отправился в Новодворский монастырь, в Литву. По дороге проповедовал в Вильне, Слуцке, Братском Преображенском монастыре. В 1679 г. прибыл в Батурин и поселился в Николаевском Крупицком монастыре. Здесь он подвизался в посте, молитве и в чтении душеполезных книг. В 1681 г. архиепископом Лазарем Барановичем поставлен во игумена Максаковского Преображенского монастыря близ р. Десны, в 1682 г. назначен настоятелем в Николаевский Батуринский монастырь, но вскоре от настоятельства отказался. С 1684 г. переселился в Киево-Печерскую лавру и занялся главным трудом своей жизни — исправлением и составлением житий святых. В 1686 г. переехал в Батурин. В этом же году вместе с гетманом Мазепой отправился в Москву, где был представлен Царю Иоанну Алексеевичу, Царевне Софье и Патриарху Иоакиму. В Троице-Сергиевой лавре его принял Царь Петр Алексеевич. Патриарх благословил св. Димитрия продолжать соби́рание житий. Вернувшись в свой монастырь, он уединился в особой келлии и продолжал трудиться над Минеями. 1692 г. оставил настоятельство в Николаевском Батуринском монастыре и принял управление Петро-Павловской обителью вблизи города Глухова. В 1697 г. назначен сначала игуменом Киевского Кириллова монастыря, а затем

посвящен в архимандрита Черниговского Елецкого Успенского монастыря. Через два года переведен в Спасскую Новгород-Северскую обитель. В 1701 г. по распоряжению Петра I вызван в Москву и поставлен в митрополита Сибирского и Тобольского. В 1702 г. назначен митрополитом Ростовским. На этой кафедре он стал известен своей духовно-просветительской деятельностью: заботился о церковном благоустройстве и благочестии пастырей, основал при архиерейском доме училище, где занималось около 200 учеников, боролся с расколом и способствовал изучению Библии. Отличался кротостью, мудростью и милосердием. В 1705 г. была завершена работа святителя над Четьими Минеями. За два с половиной года до смерти составил духовное завещание, в котором объявил своему другу митр. Стефану Яворскому желание быть похороненным в Спасо-Яковлевском монастыре. Преставился стоя на коленях, в положении молящегося, в вечер перед тем простившись со своими учениками. В 1752 г. открыты мощи святителя, в 1757 г. он причислен к лику святых. Св.Димитрий прославился как церковный писатель. Ему принадлежат следующие сочинения: “Зерцало православного исповедания” и “Розыск о раскольнической Брынской вере”, “Внутренний человек в клети сердца своего уединен поучающа и моляща в тайне”, “Поклонение Св.Троице”, “Духовные пальмы или песнопения”, “Диарий”, “Руно орошенное”, “Летопись, сказующая деяния от начала миробытия до Рождества Христова”, около 100 поучений, несколько духовных драм, из которых самая знаменитая — “Рождественская”. Память 21 сентября. — 30, 213.

Димитрий — епископ Тульский и Белевский. 16 января 1811 † 14 ноября 1883. В мире Климент Иванович Муретов. Родился в семье диакона села Лугинского Пронского уезда Рязанской губернии. Окончил Сапожковское духовное училище, Рязанскую семинарию и Киевскую духовную академию. В 1834 г. пострижен в монашество и рукоположен в иеродиакона, а в 1835 г. — в иеромонаха. В 1834—1836 гг. преподавал в Киевской академии. В 1836 г. зачислен в соборные иеромонахи Киево-Печерской лавры. В 1838 г. возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Киево-Выдубицкого монастыря с оставлением в должностях профессора и инспектора. В 1841 г. назначен ректором Киевской академии с поручением управления Киево-Братским монастырем. В 1851 г. хиротонисан во епископа Тульского и Белевского. Тульской пастырь управлял 6 лет, снискав ее горячую любовь. В 1857 г. назначен на Херсонскую кафедру с возведением в сан архиепископа, в 1874 г. — на Ярославскую, в 1875 г. — на Волынскую. Скончался в Одессе, где и похоронен. — 157, 175.

Д.К. — двоюродный брат монахини Юлии Гурьевой, служивший в драгунском полку. — 234.

Д.Л. — 217, 234.

Дометий — монах Оптиной Пустыни. 1828 † 12 апреля 1880. В мире Дмитрий Васильевич Казанцев. Из новосильских мещан. В число братства определен сверхштатным до открытия особой вакансии 9 октября 1856 г., а на послушническую вакансию — 7 октября 1857 г. Рясифором накрыт 16 февраля 1859 г., в монашество пострижен 28 августа 1866 г. Нес послушания при конном дворе, в монастырской поварне, был помощником просфорника и гостинником. — 292, 308.

Дорофей — преподобный, авва. Конец VI в. † 620. Родился в окрестностях Аскалона в Сирии, был достаточным человеком. Раннюю молодость провел

в изучении светских наук и развил в себе дар слова. Пользовался наставлениями свв. Варсонофия Великого и Иоанна Пророка и под руководством последнего принял монашество в обители преп. аввы Серида, где нес послушание в странноприимнице и был начальником больницы. Его учеником стал преп. Досифей. После смерти св. Иоанна перешел настоятелем в другой монастырь. До нашего времени дошли 30 подвижнических слов, несколько посланий и 21 аскетическое наставление преподобного, извлечения из которых помещены в русском Добротолюбии. В его записи известны поучения препп. Зосимы, Варсонофия Великого и Иоанна Пророка. Хорошо знал Св. Писание и творения св. отцов. Память 5 июля. — 21, 88, 92, 94, 121, 122, 125, 179, 207, 213, 262.

Досифей — епископ Орловский. 1751 † 16 июня 1827. В мире Ильин. Образование получил в духовном училище и Орловской семинарии, по окончании ее был в ней преподавателем, префектом и ректором. В 1788 г. пострижен в монашество. С 1793 г. — архимандрит Сергиевой пустыни и присутствующий духовной консистории. В 1795 г. хиротонисан во епископа Старорусского. С 1798 г. — епископ Орловский. В 1817 г. уволен на покой с назначением управляющим Трубчевским Спасским Чолнским монастырем, где и скончался. Преосв. Досифей заботился о просвещении детей духовенства, устраивал училища, обновлял брянские монастыри. Отличался крутым нравом. — 24, 25, 28.

Досифей — архимандрит, настоятель Оптиной Пустыни. 1827 † 31 марта 1900. В мире Илья Никифорович Силаев. Из щигровских мешан. Вступил в братство Оптиной Пустыни 4 июля 1851 г., пострижен в мантию 9 августа 1858 г., посвящен в иеродиакона 16 июня 1863 г., в иеромонаха — 7 сентября 1869 г. В 1878 г. назначен настоятелем Мещовского Георгиевского монастыря. 9 мая 1883 г. возведен в сан игумена. С 6 ноября исполнял обязанности благочинного монастырей Калужской епархии. Возведен в сан архимандрита 7 апреля 1894. С 30 сентября 1894 по август 1899 г. — настоятель Оптиной Пустыни. При нем были выплачены долги обители. Погребен в Казанском соборе Оптиной Пустыни. — 93, 103, 114, 196.

Дунаев Иван Афанасьевич — крестьянин. — 302.

Дунаев Иван Иванович — крестьянин, сын И. А. Дунаева. — 302.

Евдокия — монахиня Вяземского монастыря в Смоленской губернии. В мире Смирнова. — 301.

Евламий — архиепископ Вологодский и Великоустюжский. † 12 марта 1862. В мире Петр Никитич Пятницкий. Родился в семье священника Ярославской епархии. Учился в Ярославской семинарии и Московской духовной академии, где был оставлен бакалавром. В 1822 г. пострижен в монашество, рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. В 1826 г. возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Дмитровского Борисоглебского монастыря. С 1830 г. — настоятель Московского Знаменского монастыря, с 1831 г. — настоятель Можайского Рождество-Богородичного Лужецкого монастыря. Все эти годы о. Евламий последовательно состоял библиотекарем, инспектором и профессором Академии. С 1831 г. — ректор Вифанской семинарии. В 1834 г. хиротонисан во епископа Екатеринбургского, викария Пермской епархии. С 1840 г. епископ Орловский и Севский, в 1844—1852 гг. — епископ Вологодский и Устюжский. В 1852 г. возведен в сан архиепископа Тобольского и Сибирского. В 1856 г. уволен на покой в Свяжский Успенский монастырь Казанской епархии, где скончался и

погребен. Преосв. Евлампий отличался исключительной добротой и постыческой и благочестивой жизнью. — 157.

Евстафьева Анна — крестьянка. — 304, 305.

Елисавета — послушница Севского Троицкого монастыря. — 256, 257.

Ефрем Сирин — преподобный. Начало IV в. † около 372. Родился в Низибии, в северо-восточной части Месопотамии, в семье земледельцев. В младенчестве с ним было чудо, указывающее на его судьбу, — в видении открыто, что на его языке выросло виноградное дерево, распространившееся по всей земле. В юности удалился в горы Синджар и вел отшельническую жизнь под руководством св.Иакова Низибийского, вместе с которым присутствовал на I Вселенском Соборе (325 г.) Около 12 лет изучал Св.Писание, пользуясь наставлениями св.Иакова. После его смерти отправился через Амиду в Едессу, где поступил в пустынноческую обитель. Здесь старцу св. Ефрема было видение Ангела, вложившего свиток с письменами в уста преподобного. После этого св.Ефрем начал писать толкование на Пятикнижие Моисея, стал известен среди иноков и мирян как наставник благочестия, обличая манихеев, маркионитов, ариан и учение Вардесана. Он составил несколько догматико-полемических песнопений против этих еретиков, а также против савелиан, Аудия и евхитов. Собрал учеников и основал Едесское училище. Посетил Нитрийскую гору и Кесарию Каппадокийскую, где познакомился со св.Василием Великим, который рукоположил его во диакона и чудесным образом научил греческому языку, накрыв епитрахилью. По возвращении св.Ефрем оказал помощь жителям Едессы, страдавшим от голода, и вскоре преставился, оставив завещание. Преподобный совершил многочисленные чудеса: исцелил бесноватого арианина, воскресил мертвого юношу, наказанного за дерзость. Св.Ефрем почитается как учитель, отец Церкви и великий подвижник. Ему принадлежат около 1000 творений, в том числе толкование на все книги Св.Писания, духовно-нравственные сочинения, содержащие проповедь покаяния, догматические труды в стихотворной форме и молитвы, из которых наиболее известны великопостная “Господи и Владыко живота моего...”, “Господи, Царю Небесный...” и “Нескверная, неблазная...”. Писал на сирийском языке, знал древнееврейский. Часть работ дошла до нас в греческом переводе. С благоговением отзываются о нем св.Григорий Нисский, блаж.Иероним и другие св.отцы. Память 28 января. — 125.

Ефрем — иеросхимонах, духовник Калужской Тихоновой пустыни. 1807 † 25 июня 1884. В мире Иоанн, в схиме Иоанн. Родители его были дворовыми людьми ярославского помещика, потом откупились и переехали в город Чернь, где отец занялся торговлей. Иоанн тайно от семьи ушел сначала в Белобережскую, а затем в Оптину Пустынь, где стал келейником старца Леонида. 1829 г. пострижен в монашество. В 1837 вместе с о.Геронтием, также учеником старца, перешел в Калужскую Тихонову пустынь. 19 июля 1839 г. пострижен в мантию, в 1840 г. рукоположен в иеромонаха. Во время тяжелой болезни пострижен в схиму старцем Леонидом. После этого на некоторое время должен был покинуть Тихонову пустынь и исполнял обязанности казначея в Малоярославецком и Мещовском монастырях, а затем жил с архиепископом Калужским Григорием в качестве его духовника в С.-Петербурге. По возвращении в Тихонову пустынь немало способствовал ее процветанию, привлекая к ней симпатии столичного купечества. В 1867 г. о.Ефрем был назначен духовником обители и пребывал в этой должности до смерти. Он был свидетелем многих чудес, совершавшихся от

мощей преп.Тихона Калужского, и стал первоначальным составителем книги о нем. За четыре года до смерти о.Ефрем устроил в нескольких верстах от обители келлию с Распятием, где часто уединялся. Господь сподобил его благодатных даров совета, исцеления недугов и прозрения в будущее. — 117.

Загряжские — дворяне. — 186.

Зайцева Анна Антоновна — жена станционного смотрителя вблизи города Орла. — 303.

Зосима — преподобный. † 523. Память 4 апреля. — 262.

Иаков — апостол, брат Господень по плоти. † около 63. Сын прав.Иосифа Обручника от его первой жены Саломии, племянницы прор.Захарии, отца Иоанна Предтечи. Память 23 октября. — 48.

Иаков — архиепископ Нижегородский и Арзамасский. 4 апреля 1792 † 20 мая 1850. В мире Иосиф Иванович Вечерков. Родился в слободе Серебрянски Новооскольского уезда Курской губернии в семье диакона. Окончил Белгородскую семинарию и Петербургскую духовную академию. В 1819 г. пострижен в монашество и рукоположен в иеромонаха. Был инспектором и ректором Орловской семинарии, ректором Севских духовных училищ и Екатеринославской семинарии. В 1827 г. назначен настоятелем Бизюкова монастыря и возведен в сан архимандрита. В 1832 г. в Казанском соборе Петербурга хиротонисан во епископа Саратовского и Царицынского. В 1847 г. перемещен в Нижний Новгород. В 1849 г. возведен в сан архиепископа, в этом же году вызван в Петербург для присутствия в Св.Синоде, но заболел там горловой чахоткой и скончался. Погребен в Федоровской церкви Александро-Невской лавры. Высокопреосв. Иаков был замечательной личностью, пламенным учителем веры и борцом против раскола, горячим молитвенником, великим постником и подвижником. С юных лет он очень любил природу, в годы преподавания занимался археологией и историей. Будучи архипастырем, он отдал все силы на борьбу с расколом и достиг в этом деле небывалых результатов: им возвращено в лоно Православия около 20 тысяч раскольников. Добился этого преосв.Иаков отчасти благодаря отличному знанию старопечатной литературы и посещению самых отдаленных раскольниковых скитов Саратовской епархии, но более всего примером своей личной безупречной жизни. Значительных успехов достиг он и в деле обращения инородцев. Преосв.Иаков был блестящим проповедником, много внимания уделял образованию юношества, сооружению храмов, благотворительной деятельности. Как в Саратове, так и в Нижнем Новгороде вся паства горячо любила своего владыку. — 202.

Иванов Алексей Николаевич — младший брат старца Макария. 8 декабря 1789 † 18 февраля 1840. — 8, 9, 10, 11, 15.

Иванов Николай Михайлович — отец старца Макария. † 17 марта 1806. — 7, 9, 10, 277.

Иванов Павел Николаевич — младший брат старца Макария. † 1831. — 8, 9, 11.

Иванов Петр Николаевич — младший брат старца Макария. — 8, 9.

Иванова Елизавета Алексеевна — мать старца Макария. † 21 января 1797. Урожденная Емельянова. — 7, 8, 9.

Ивановы — родители старца Макария. — 8.

Игнатий — новый преподобномученик Афонский. † 8 октября 1814. В мире Иоанн. Родился в болгарском селении Эски-Загра Терновской епархии. В юности прекрасно изучил славянский язык и для дальнейшего образования в науках удалился в Рыльский болгарский монастырь, где прожил 6 лет. Когда он вернулся на родину, турки разорили его семью: отца обезглавили, а мать и сестер силой принудили принять мусульманство. Иоанн бежал сначала в Бухарест, где сблизился с Евфимием, будущим преподобномучеником, а затем на Афон. По дороге оба друга, вынуждаемые угрозами турок, отреклись от Христа. На Афоне Иоанн жил сначала в Григориате, затем в скиту Св.Анны и Кавсокаливском скиту и, наконец, узнав о мученической кончине своего друга Евфимия, отправился в скит Св.Предтечи к его духовнику иеромонаху Никифору, где начал подвизаться, также готовясь к мученичеству. О.Никифор постриг его в ангельский образ с именем Игнатия и дал в спутники старца Григория, сопровождавшего на страдания и св.Евфимия. Прибыв в Константинополь, Игнатий приобщился Св.Таин, оделся в турецкую одежду и отправился в Оттоманскую Порту. Там он смело исповедал Христа, за что был три дня жестоко мучим в темнице, а затем задушен и повешен на дереве в месте Пармак-капи. Тело его было выкуплено у турок и вместе с телом св.Евфимия отвезено на Афон и положено в новосозданном храме при келлии духовника Никифора. От скуфьи св.Игнатия произошли исцеления помешанного умом и расслабленного. Честная глава его находится в русской обители Св.великомученика Пантелеимона. Память 20 октября и 1 мая. — 74.

Игнатий — святитель, епископ Черноморский и Кавказский, подвижник и духовный писатель. 6 февраля 1807 † 30 апреля 1867. В мире Димитрий Александрович Брянчанинов. Родился в селе Покровское, в родовом имении отца, Грязовецкого уезда Вологодской губернии. Старинная дворянская фамилия Брянчаниновых происходила от боярина Михаила Брянка, погибшего в Куликовской битве. Во св.крещении Димитрия нарекли именем чтимого местного святого Димитрия Прилуцкого. Начальное образование получил дома и по воле отца поступил в Главное инженерное училище в С.-Петербурге, которое блестяще окончил в 1826 г. Имел успех в светском обществе и обширный круг художественных и литературных знакомств, но гораздо более сильное устремление — к духовной жизни. Живя в Петербурге, он находился под духовным руководством иноков Валаамского подворья, а затем, вместе со своим другом М.Чихачевым, — под руководством монахов Александро-Невской лавры, последователей старцев оо.Феодора и Леонида (Наголкина). Уже тогда он вел подвижническую жизнь, исповедовался и причащался каждое воскресенье. В 1827 г., вследствие тяжелой болезни, получив отставку с чином поручика, поступил послушником в Александро-Свирский монастырь, где жил тогда старец Леонид, и нес послушание на поварне. Но вскоре для него промыслом Божиим начался долгий период скитаний по разным монастырям: он жил в Площанской Богородицкой, Белобережской и Введенской Оптиной пустынях, некоторое время был дома, затем в Кирилло-Новоозерском монастыре, Вологде (где сблизился с преосв.Стефаном), Семигородной Успенской пустыни, Грушицком Дионисиевом монастыре. В 1831 г. в Вологде преосв.Стефаном, епископом Вологодским, пострижен в мантию, рукоположен в иеродиакона и иеромонаха и временно оставлен при архиерейском доме. В следующем году назначен строителем Григорие-Пельшемского Лопотова Богородицкого монастыря, который обновил и благоустроил. В 1833 г. возведен в сан игумена. В этом же году Император Николай I вызвал

его к себе в С.-Петербург и лично поручил управлять Троице-Сергиевой пустынью, расположенной близ столицы. В 1834 г. о.Игнатий возведен в сан архимандрита. В Троице-Сергиевой пустыни он обновил и восстановил храмы и корпуса, следил за благочинием братии и соблюдением устава; претерпел немало скорбей при разрешении хозяйственных вопросов. При этом он вел напряженную духовную жизнь, непрестанно творил Иисусову молитву и беседовал со многочисленными посетителями монастыря. Изнуренный скорбями и болезнями, о.Игнатий испросил себе отпуска. Один из них, в 1847 г., он провел в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии, а другой, в 1856 г., — во Введенской Оптиной Пустыни. Настоятелем Сергиевой пустыни о.Игнатий пробыл почти 24 года и оставил ее в цветущем состоянии: она украсилась тремя новыми храмами. Здесь было написано большинство его духовных произведений. В 1857 г. архимандрит Игнатий хиротонисан во епископа Кавказского и Черноморского. Своей епархией он управлял 4 года и за это время привел в порядок дела Духовной консистории, заботился о составлении устава для учебных заведений, перед крестьянской реформой разослал 2 воззвания, излагающие евангельский взгляд на этот вопрос, за что подвергся клеветническим нападкам Герцена в его журнале “Колокол”. На Кавказе свт.Игнатий продолжал писание духовных сочинений, здесь были созданы самые знаменитые его произведения. В 1861 г. свт.Игнатий по болезни был уволен по его просьбе на покой в Николо-Бабаевский монастырь. За годы пребывания там он улучшил материальное положение обители, отремонтировал здания и выстроил храм в честь Иверской иконы Божией Матери. Занимался также святитель пересмотром и дополнением своих сочинений и 4 тома их подготовил к печати. Скончался преосв.Игнатий после продолжительной болезни в Неделю Жен-мироносиц и был погребен в монастырском храме свт.Иоанна Златоуста и преп.Сергия. Свт.Игнатий — один из выдающихся русских духовных писателей, раскрывающих путь ко спасению в современном мире, новейший наставник монашества. Ему принадлежат многочисленные труды, из которых наиболее известны: “Аскетические опыты”, “Аскетическая проповедь”, “Слово о смерти”, “Приношение современному монашеству”, “О видении духов”, “О спасении и христианском совершенстве”, “О чудесах и знамениях”, “Отечник”. Известно более 800 писем преосв.Игнатия. Святитель состоял в духовном общении и переписке со свт.Филаретом Московским и митрополитом Филаретом Киевским, архиепископом Софонией Туркестанским, архимандритом Фотием (Спасским), многими другими духовными и светскими лицами. После своей смерти он являлся некоторым людям в чудесном свете, сопровождаемый ангельской песнью, которая впоследствии стала тропарем святителю. Господь сподобил его даров пророчества, духовного рассуждения, толкования Писаний и чудотворения. Причислен к лику святых в 1988 г. Мощи его покоятся в Спасском храме Ярославского Толгского Введенского монастыря. Память 30 апреля. — 30, 112.

Игнатий — архиепископ Воронежский и Задонский. 5 августа 1791 † 20 января 1850. В мире Матфей Афанасьевич Семенов. Родился в селе Покшеньге Пинежского уезда Архангельской губернии в семье пономаря. После окончания семинарии преподавал в Архангельском уездном училище и духовной семинарии иностранные языки. В 1820 г. был пострижен в монашество, рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. В 1821 г. возведен в сан игумена и назначен настоятелем Николаевского Корельского монастыря, а затем преподавателем греческого языка и библиотекарем С.-Петербургской ака-

демии. В 1822 г. возведен в сан архимандрита и через год назначен ректором Новгородской семинарии. В 1828 г. хиротонисан во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. В этом же году назначен на Олонецкую кафедру, где трудился 14 лет, ведя энергичную борьбу с расколом. В 1835 г. возведен в сан архиепископа. В 1842 г. назначен в Донскую епархию, где служил 4 года, также искореняя раскол. В 1847 г. назначен на Воронежскую кафедру, но с 1848 г. жил в Петербурге для присутствования в Св.Синоде. Там и скончался, погребен в Александро-Невской лавре. — 68.

Иерофей — Патриарх Александрийский. Имеется в виду либо Патриарх Иерофей I, возглавлявший Александрийскую Церковь в 1825—1846 гг., либо Патриарх Иерофей II, возглавлявший ее в 1847-1859 гг. — 68.

О.И-ий. — 36.

Иларион — затворник Троекуровский. 1764 † 5 ноября 1853. Из семьи крестьянина села Заньки Раненбургского уезда Рязанской губернии. В детстве бывал на богомолье в Киеве и Троице-Сергиевой лавре, рано начал подвижничать. Был женат, но притворился параличным, чтобы жить в браке как вне брака. Двадцати лет ушел странствовать, жил сначала в монастыре, а потом поселился недалеко от села Головинщины, в Воловом овраге. Тут он выкопал несколько пещер и стал вести суровую подвижническую жизнь: строго постился, неделями оставаясь без пищи, носил вериги и сорочку из медной проволоки. По людскому злословию был подвергнут церковной эпитимии. 50-ти лет переселился в дом к помещику Троекурову, где провел оставшуюся жизнь. Туда к нему приходили посетители, многим из которых он давал ответы через келейников. Находился в духовном общении с Иоанном, затворником Сезеновским. По совету старца Илариона поступил в Оптину Пустынь Александр Михайлович Гренков — будущий старец Амвросий. — 68.

Иларион — Саровский иеромонах. 1771 † 12 ноября 1841. Ученик Валаамского игумена Назария. Родился в Петербурге. Пострижен в монашество в Валаамском монастыре в 1797 г. Был общим духовником братии в Саровской пустыни. Известен чистотою своей жизни и даром утешительной беседы. — 68.

Иларион — Оптинский старец, иеросхимонах. 8 апреля 1805 † 18 сентября 1873. В мире Родион Никитич Пономарев. Родился в Пасхальную ночь в семье портного сельца Ключи Новохоперского уезда Воронежской губернии. В юности Родион дважды странствовал к Киевским святыням, три года работал в Москве. В 1828 г. семья переехала в Саратов. Там Родион прожил 9 лет и успешно вел борьбу против раскола, наполнявшего тот край. В 1838 г. объездил множество русских монастырей. 13 марта 1839 г. поступил в Оптину Пустынь. В число братства определен 26 февраля 1843 г. Старец Макарий, сделавшись в 1841 г. скитоначальником, избрал его себе в келейники. Помимо того, он нес послушания садовое, трапезное, занимался лечением братии. Пострижен в монашество 13 августа 1849 г. 10 февраля 1853 г. рукоположен в иеродиакона, 21 апреля 1857 г. в иеромонаха. После смерти старца Макария о.Иларион принял в руководство некоторых ближайших чад старца. 8 апреля 1863 г. утвержден духовником братии, а также исполнял обязанности скитоначальника. В конце 1860-х гг. о.Илариону предлагали настоятельство в различных монастырях, но он от этого уклонился. Всю жизнь старец обладал слабым здоровьем и особенно много болел в последние годы (у него была водянка), но переносил страдания с

редким терпением и смирением. 9 марта 1872 г. пострижен в схиму с сохранением прежнего имени. Погребен за алтарем Введенского собора Оптиной Пустыни. О.Иларион получил от Бога дар духовного совета и рассуждения. Среди его чад было много монахинь относящихся к Оптиной женских обителей. — 44, 54, 78, 79, 80, 111, 113, 114, 129, 159, 177, 188, 201, 244, 252, 260.

Иларион — Оптинский схимонах, в монашестве Иоанникий. 1775(6) † 6(5) сентября 1860. В мире Иларион Родионов. Из курских мешан. В число братства определен 13 ноября 1821 г., в монашество пострижен 13 февраля 1826 г. Был пономарем, а также исполнял другие послушания. В 1843 г. по его прошению уволен в Смоленскую епархию в братство Надвратной Одигитриевской церкви. 31 июля 1844 г. поступил обратно в Оптину Пустынь и по старости лет исключен из монастырского штата. 14 декабря 1857 г. пострижен в схиму с именем Илариона. — 282.

Иларион — рясофорный монах Оптинского скита. † 5 марта 1850. В мире Иван Козьмин Козлов. Из московских купцов, был богат, имел семью, детей. В 1812 г. лишился достояния, потом овдовел. В 1836 г. прибыл в Оптину, в 1837 г. пострижен в иночество. Доставлял обители щедрые благотворения через знакомых купцов. С 1845 г. ослабевал силами и зрением, в 1848 г. лишился памяти, но устную молитву не оставлял до смерти. Скончался, имея от роду, по его словам, более 100 лет, по бумагам — 96 лет. — 70.

Илиодор — архиепископ Курский и Белгородский. † 5 ноября 1860. В мире Иоанн Борисович Чистяков. Родился в селе Воскресенском Жиздринского уезда Калужской губернии в семье священника. Обучался в Калужской семинарии и Московской духовной академии. В 1820 г. определен инспектором и профессором Костромской семинарии и пострижен в монашество. В 1821 г. рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. В 1822 г. назначен инспектором Московской семинарии, в 1823 — ректором Рязанской и определен соборным иеромонахом при Московском Донском монастыре. С 1824 г. — игумен Рязанского Богословского монастыря. В 1825 г. переведен настоятелем в Рязанский Свято-Троицкий монастырь и возведен в сан архимандрита. С 1827 г. — настоятель Новгородского Антониева монастыря. В 1832 г. хиротонисан во епископа Курского, в 1844 г. возведен в сан архиепископа. В 1845 г. управлял Белгородским Троицким монастырем. С 1847 г. член секретной комиссии по делам о раскольниках и отступниках от Православия. В 1860 г. уволен на покой в Белгородский Троицкий монастырь, где и скончался. Погребен под Троицким собором Белгорода. По отзывам современников, преосв.Илиодор отличался излишней ревностью и жесткостью в борьбе с расколом. — 130, 157.

Илия — св.пророк. Память 20 июля. — 126.

Иннокентий — епископ Пензенский и Саратовский. 30 мая 1784 † 10 октября 1819. В мире Иларион Дмитриевич Егоров. Родился в Павловском Посаде Московской губернии в семье церковного причетника. Окончил Перервинскую семинарию, где за особую скромность получил фамилию Смирнов, и лаврскую семинарию, где потом был определен учителем и префектом. В 1809 г. пострижен в монашество, рукоположен в иеродиакона и иеромонаха в Свято-Троицкой Сергиевой лавре. В 1810 г. поставлен игуменом Угрешского, а затем Знаменского монастыря, в 1812 г. вызван в Петербургскую духовную академию бакалавром и произведен в архимандрита. В 1813 г. утвержден ректором семинарии и настоятелем Троице-Сергиевой пустыни

под Петербургом. Известен как вдохновенный проповедник, автор трудов “Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века”, “Богословие деятельное, подлежательное и практическое”, “Опыт изъяснения первых двух псалмов”, “Изъяснение Символа веры” и твердый борец с мистическими течениями в русской Церкви начала XIX века, за что претерпел немало гонений. В 1819 г. рукоположен во епископа и назначен на Оренбургскую кафедру, но по слабости здоровья перемещен на Пензенскую и Саратовскую, где пробыл только семь месяцев до своей кончины. Похоронен под престолом Казанского придела в Пензенском соборе. Пресв. Иннокентий с юных лет отличался добродетелями смирения, покорности, благочестия, безупречной чистоты жизни. Был нестяжателен, обладал исключительным даром проницательности. — 68.

Иннокентий — Оптинский иеромонах, в схиме Иов. 1789 † 16 февраля 1861. В мире Иван Владимиров. Сын священника. Окончив семинарию, служил диаконом в селе Воскресенское Коломенского уезда Московской губернии. Овдовев, вступил в Московский Андрониев монастырь, где был пострижен в монашество и рукоположен в иеромонаха. Был казначеем, исполнял и другие ответственные послушания. 15 декабря 1843 г. поступил в скит Оптиной Пустыни, где пробыл безвыходно 17 лет до самой кончины. О. Иннокентий проводил уединенную и безмолвную жизнь, единственным его сотоварищем был схимонах Макарий (Грузинов), страдавший болезнью ноги. О. Иннокентий ухаживал за ним, пока сам не заболел смертельно. Старец Макарий в последние годы жизни избрал о. Иннокентия своим духовником. По преставлении старца о. Иннокентий более 20 дней подряд служил в скитской церкви заупокойные литургии. — 99, 100.

Иоаким и Анна — св. и прав. Богоотцы, родители Пресвятой Богородицы. Память их 9 октября, 9 декабря — зачатие св. прав. Анной Пресвятой Богородицы и 25 июля — успение св. прав. Анны. — 285.

Иоанн — Пророк, Предтеча и Креститель Господень. Церковью празднуется: 23 сентября — зачатие Иоанна Предтечи, 24 июня — его рождение, 29 августа — усекновение честной главы, 7 января и 24 февраля — первое и второе обретение главы Иоанна Предтечи, 25 мая — третье обретение, 12 октября — перенесение десной руки Крестителя Господня из Мальты в Гатчину. — 73, 74, 76, 77, 157, 180, 185, 261.

Иоанн Кассиан Римлянин — преподобный. IV в. † 435. Память 29 февраля. — 62, 87, 88, 89, 90, 210, 282.

Иоанн Карпафийский (Карпафский) — преподобный. V в. Достоверных сведений о нем не имеется. Вероятно, родился или подвизался на острове Карпаф между островами Родос и Крит. Возможно, был современником св. Диалоха, епископа Фотики, и преп. Нила. Оставил “Утешительное слово к монахам, находящимся в Индии”, состоящее из 100 глав. Это сочинение вошло в русское Добротолюбие, о нем упоминает Патриарх Фотий. Явился наставником подвижников в скорбях и искушениях. — 81, 273, 282.

Иоанн Лествичник — преподобный, игумен Синайский и учитель подвижничества. Около 525 † нач. VII в. Память 30 марта. — 27, 43, 49, 62, 65, 76, 86, 88, 89, 90, 115, 122, 134, 163, 179, 196, 207, 209, 211, 212, 262, 312, 319, 321.

Иоанн Пророк — преподобный, палестинский подвижник, ученик и духовный друг св. Варсонофия Великого. IV в. Жил в первой келлии своего учителя, недалеко от монастыря, расположенного близ г. Газы, где безмолствовал 18 лет, вплоть до своей кончины. По свидетельству игумена монастыря, никто

не видел, чтобы он когда-либо улыбался, был смущен или без слез приобщался Св.Таин. Сподобился благодатных даров прозорливости и пророчества, исцелил одного мужа, избирал достойных для рукоположения, предугадывал день своей смерти. В духовных дарованиях был равен св.Варсонофию, который отсылал к нему приходивших за разрешением своих недоумений. Оставил множество ответов на вопросы учеников, которые вместе с ответами св.Варсонофия вошли в книгу "Руководство к духовной жизни". Память 6 февраля. — 87, 89, 115, 120, 121, 141, 144, 145, 147, 152.

Иоанн — новый мученик Афонский. 1766 † 5 марта 1784. Был родом из Болгарии, в детстве отрекся от Христа. Искушая свой грех, прибыл на Афон, где жил три года в лавре Св.Афанасия в услужении у духовного старца. Мучимый угрызениями совести, он отправился в Константинополь, оделся в турецкие одежды и, войдя в мечеть Св.Софии, стал молиться по-христиански. Турки сначала пытались отвлечь его от святого исповедания, но, видя безуспешность своих попыток, обезглавили его мечом. Юный мученик пострадал на 19-м году жизни. Память 5 марта. — 74.

Иоанн — затворник Сезеновский. 24 июня 1791 † 14 декабря 1839. В мире Иван Лукич Быков. Родился в селе Потудань Коротоякского уезда Воронежской губернии. В детстве трижды совершал с отцом паломничество в Киев, подвижничал, носил вериги, юродствовал. Жил в Киеве под лаврской колокольней. По возвращении в родное село его держал под стражей жестокий помещик, но потом оставил в покое по просьбе острожского юродивого Иоанна Васильевича. Иоанн шесть лет странствовал по святым местам Руси, некоторое время жил в Воронеже, потом обосновался в Задонском Богородицком монастыре. По совету архиепископа Воронежского Антония оставил монастырь и при содействии старицы Дарьи Дмитриевны приехал в село Троекурово Тамбовской губернии, где подвизался старец Иларион. 21 год жил в затворе в бане, а позже в специально выстроенной для него келлии в селе Сезенове, принадлежавшем князю Несвицкому. Господь сподобил подвижника многих духовных даров: прозорливости, исцеления болезней (и особо расслабленных больных), совета и рассуждения, власти над животными и гадами, борьбы с бесами. Его трудами и молитвами в Сезенове был выстроен новый каменный семипрестольный храм, а впоследствии, по смерти его, основан женский Сезеновский монастырь. — 68.

Иоанн — Оптинский иеросхимонах, в монашестве Исаакий. 2 мая 1763 † 4 сентября 1849. В мире Иван Иванович Малиновский. Был воспитан в среде старообрядцев. В 1785 г. пострижен в мантию с именем Исаакия в Высоковском скиту Костромской епархии, который до 1820 г. был раскольничьим. С 1790 г. странствовал по православным монастырям. В 1808 г. принял Православие на правах единоверия в Корсунском монастыре Екатеринбургской епархии. В 1810 г. рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. В 1820 г. переместился в Балаклавский монастырь. Состоял в числе духовенства Черноморского флота. 5 июня 1825 г. был уволен на покой в Александро-Свирский монастырь. В 1828 г. послан в Старо-Русскую духовную миссию для обращения из раскола военных поселян. Четыре года проживал в Александро-Невской лавре. В августе 1834 г. переведен в скит Оптиной Пустыни. 11 октября 1836 г. пострижен в схиму с именем Иоанна. Духовным отцом его при постриге был старец Леонид. Перу о.Иоанна принадлежат шесть книг противораскольнического содержания. — 68, 126, 157.

Иоанникий — иеромонах, настоятель Площанской Богородицкой пустыни. † около 1820. Из духовного звания. Поступил в пустынь из Чолнского монастыря, управлял ею с 1810 по 1813 г. При нем была начата постройка теплой церкви во имя Сошествия Св.Духа. Был уволен по его прошению в Свенский монастырь на покой, где и скончался. — 20, 22, 23.

Иоанникий — иеромонах Площанской Богородицкой пустыни. В схиме Игнатий. Ученик о.Макария, прожил в Площанской пустыни более 13 лет. В 1844 г. перешел в Троице-Сергиеву пустынь под Петербургом, но оттуда опять возвратился в Площанскую пустынь, где и скончался. — 35.

Иоанникий — монах Оптинского скита, в схиме Леонид. 1780 † 4 декабря 1853. В мире Иакинф Тихонович Бочаров. Из купцов г.Карачева Орловской губернии. По матери приходился племянником знаменитому старцу схимонаху Феодору, ученику преп.Паисия (Величковского). В 23 года поступил послушником в Чолнский Спасский монастырь, где подвизался Феодор. Вслед за ним в 1805 г. перешел в Брянскую Белобережскую пустынь (в число братства определен 21 сентября 1806 г.), где был пострижен в 1807 г. в рясофор с именем Иоанникия иеромонахом Леонидом (Наголкиным), бывшим в то время строителем монастыря. 1 сентября 1809 г. пострижен в мантию с оставлением прежнего имени. 12 января 1814 г. перемещен вслед за старцами Феодором и Леонидом в Валаамский монастырь, из которого 29 ноября 1824 г. поступил в братство Александро-Невской лавры. 19 апреля 1834 г. по его прошению определен в число братства Оптиной Пустыни. Исполнял разные послушания. Был способен к чтению и пению. 7 октября 1841 г. по старости лет выведен за штат монастыря. 7 октября 1849 г. выбыл в Калужскую Тихонову пустынь, где был пострижен в схиму с именем Леонида 31 марта 1851 г. 30 октября 1852 г. по его желанию перемещен в число больничных Оптиной Пустыни, где и скончался. — 69, 117.

Иоасаф — святитель, епископ Белгородский и Обоянский. 8 сентября 1705 † 10 декабря 1754. В мире Иоаким Андреевич Горленко. Родился в семье полковника города Прилуки Полтавской губернии. Окончил Киевскую Братскую академию. В 1725 г. в Межигорском монастыре близ Киева принял постриг с именем Илариона. Через два года был переведен в Братскую академию учителем, где при пострижении в мантию был назван Иоасафом. В 1737 г. назначен настоятелем Лубенского Спасо-Преображенского монастыря и возведен в сан игумена. Благодаря его трудам разрушенная обитель была восстановлена. В 1744 г. по личному указанию Императрицы Елизаветы Петровны игумен Иоасаф был возведен в сан архимандрита и вскоре назначен наместником Троице-Сергиевой лавры. Вся работа по восстановлению разрушенной пожаром обители легла на его плечи. После смерти митрополита Белгородского Антония архимандрит Иоасаф был избран Синодом и Государыней на его место. В 1748 г. состоялось его рукоположение во епископа. Святитель Иоасаф пользовался благоговейным уважением паствы за истинно благочестивую и подвижническую жизнь. 29 мая 1754 г. он отслужил последнюю Литургию в Белгородском соборе, а 10 декабря в Грайвороне, в своей архиерейской вотчине, мирно преставился о Господе. У гроба святителя и по его молитвам совершались многочисленные чудеса и знамения. В 1911 г. были обретены мощи святителя и он был причислен к лику святых. В 1991 г. произошло второе обретение мощей свт.Иоасафа (в Казанском соборе С.-Петербурга) и они были перенесены в Белгород, где почивают и ныне. Память 4 сентября (перенесение мощей), 10 декабря. — 68, 130.

Иов — Оптинский иеросхимонах, старожил, скончался во второй половине XIX в. — 258.

Иона — епископ Орловский и Севский. 1773 † 3 февраля 1828. В мире Иоанн Дмитриевич Павинский. Родился в семье священника Олонецкого края. Образование получил в Олонецкой, Архангельской и Александро-Невской семинариях. В 1793 г. рукоположен в диакона Исаакиевского собора Петербурга. В 1797 г. рукоположен в священника при русской миссии в Копенгагене. В 1802—1803 гг. — священник Захарьевской, а затем Симеоновской церквей в Петербурге. С 1806 г. законоучитель Иезуитского института. С 1809 г. духовник Великой Княгини Екатерины Павловны. В 1813 г. пострижен в монашество и определен архимандритом Ново-Иерусалимского монастыря. В 1817 г. хиротонисан во епископа Орловского и Севского. С 1821 г. — архиепископ Тверской. С 1823 г. — член Св.Синода. В 1826 г. переведен архиепископом в Казань. Управление преосв.Ионы Казанской епархией ознаменовано смутами — массовым отпадением крещеных татар от Православной Церкви. Преосв.Иона известен как духовный писатель собранием своих слов. — 29.

Иона — иеросхимонах, старец, братский духовник Площанской пустыни, первый наставник старца Макария. † 1821. Полагал начало иноческой жизни в Площанской пустыни вместе со своим учителем о.Андреаном, с которым был неразлучен всю жизнь и переходил с ним в Брянские и Рославльские леса, в Коневскую обитель. Скончался в Московском Симоновом монастыре и похоронен рядом со своим старцем. — 20, 22, 23.

Иосиф Прекрасный — святой праведный, один из сыновей ветхозаветного патриарха Иакова. Память в Недели свв. праотцев, пред Рождеством Христовым, а также в Понедельник Страстной седмицы. — 112.

Иосиф — Оптинский старец, иеросхимонах, скитоначальник. 2 ноября 1837 † 9 мая 1911. В мире Иван Ефимович Литовкин. Родился в селе Городище Старобельского уезда Харьковской губернии в благочестивой семье. Отец его был в своем селе головой. Оставшись в 11 лет сиротой, Иван претерпел много скорбей. В юности был на богомолье во Святых Горах, Борисовской Тихвинской женской пустыни. 1 марта 1861 г. пришел в Оптину Пустынь. С лета того года старец Амвросий взял его себе в келейники и поселил в своей хибарке, где о.Иосиф прожил ровно 50 лет (из них 30 лет был келейником у старца). Преп.Амвросий очень любил его, во всем доверял и никогда не разлучался с ним. 15 апреля 1864 г. Иван был накрыт рясофором, 16 июня 1872 г. пострижен в мантию, 9 декабря 1877 г. посвящен в иеродиакона, 1 октября 1884 г., в день открытия Шамординской обители, — в иеромонаха. В 1888 г. о.Иосиф тяжело заболел тифом, 14 февраля был пострижен в схиму и приготовлен к смерти, но чудесным образом выздоровел. С 1888 г. официально назначен помощником старца и в этом же году ездил поклониться Киевским святыням. Перед смертью о.Амвросий передал ему своих духовных чад, а по кончине старца о.Иосиф был официально утвержден и духовником Шамординской обители. В 1893 г., во время предсмертной болезни старца Анатолия, назначен братским духовником. 26 марта 1894 г. утвержден в должности скитоначальника и пробыл в ней 12 лет. Последние 5 лет жизни старец ослабел и много болел. Погребен за алтарем Введенского собора. Отличительными чертами старца были смирение и ровное, спокойное и ласковое отношение ко всем. Он был очень немногословен, но в кратких словах умел сказать самое важное. В пище и сне был крайне воздержан. Господь сподобил его даров прозорливости,

духовного совета, непрестанной молитвы, исцеления душ и телес. По кончине своей он являлся многим. О. Иосиф дважды при жизни удостоился явления Божией Матери. — 67.

Иосиф — иеросхимонах Площанской Богородицкой пустыни. — 70.

Иосиф — инок Карачевского Николаевского Одрин монастыря, прадед старца Макария. В мире Иоанн Иванов. — 6.

Исаак — преподобный, авва. Вторая половина IV — первая половина V в. Был избран отцами Нитрийской горы пресвитером монастыря Келлии (он находился рядом с горой) против своего желания за послушание. В молодости жил в одной келлии с аввой Кронием и аввой Феодором Фермейским, а затем с аввой Авраамом. В числе его учителей был известный старец Памво, ученик преп. Антония Великого. Прославился терпением, смирением и строгим соблюдением монашеского устава. Стяжал безмолвие под руководством аввы Аполлоса. Поучения преп. Исаака собраны в Алфавитном патерике, два его собеседования находятся в числе “Собеседований египетских подвижников” преп. Иоанна Кассиана Римлянина. — 280.

Исаак Сирий — преподобный. Вторая половина VII — первая половина VIII в. Принял постриг вместе со своим родным братом в монастыре Мар-Матфея, находившемся около Ниневии. По прохождении послушания в общежительной обители удалился в расположенную неподалеку от монастыря отшельническую келлию, где пребывал в безмолвии и уединении. Брат его, ставший к тому времени монастырским игуменом, убеждал преподобного вернуться в обитель, но тот оставался непреклонным. Преподобный Исаак прославился своей ученостью и святостью жизни. Был поставлен епископом Ниневии от Патриарха Георга в монастыре Беф-Абэ. После пяти месяцев управления Ниневийским диоцезом отказался от епископства и поселился на горе Мату, окруженной местностью под названием Беф-Гузайа, и жил в уединении вместе с отшельниками, находившимися там. Затем он ушел в монастырь Раббан-Шабур, где и преставился в глубокой старости. Преподобный вел чрезвычайно высокую подвижническую жизнь, о его посте известно, что святой питался только тремя небольшими хлебцами в неделю с малым количеством травы и вареной пищи он не касался. От непрестанного изучения Священного Писания он потерял зрение и вынужден был в своих литературных занятиях прибегать к помощи писцов. Преподобный Исаак особенно прославился своими аскетическими сочинениями, касающимися вопросов внутреннего духовного делания. Он составил 7 томов о водительстве духа, о Божественных тайнах, о судах, о благочинии. Книга св. Исаака “Словеса подвижнические” была одной из любимейших в Оптиной Пустыни. Она была издана обителью на славянском языке с примечаниями старца Макария в 1854 г. Память 12 апреля, — 15, 27, 29, 30, 33, 50, 64, 89, 116, 117, 120, 122, 126, 143, 147, 148, 149, 150, 151, 153, 160, 162, 163, 165, 166, 172, 207, 208, 209, 216, 267, 311, 312, 313, 315, 316, 320, 322.

Исаакий — схиархимандрит, настоятель Оптиной Пустыни. 31 мая 1810 + 22 августа 1894. В мире Иван Иванович Антимонов. Из богатого купеческого рода, родился в Курске, в строгой благочестивой семье. Начал подвизаться с юности. В 1847 г. поступил в скит Оптиной Пустыни к старцу Макарию. Нес послушания на пасеке, в хлебопекарне, в поварне; обладал необычайной физической силой и хорошим голосом. В число братства определен 26 апреля 1851 г., в этом же году пострижен в рясофор, 5 октября

1854 г. в мантию, 19 июня 1855 г. рукоположен в иеродиакона, 8 июля 1858 г. в иеромонаха. 19 июля 1862 г. назначен настоятелем, управлял обителью 32 года. 8 октября 1864 г. возведен в сан игумена. При о.Исаакии были уплачены большие долги обители, достроен храм во имя Всех святых на новом кладбище, украшены внутри Введенский и Казанский соборы, выстроена больница с церковью во имя св.Илариона Великого, воздвигнуто много новых строений. Как настоятеля о.Исаакия отличали строгость, простота, большое попечение о братии и крайнее смирение. О.Исаакий всецело подчинил свою волю старческому руководству: старцами его были оо.Макарий и Амвросий. 6 апреля 1885 г. возведен в сан архимандрита (ему предлагали это в 1870-е годы, но он по смирению отказался). Последние годы его настоятельства омрачены тяжкими скорбями, связанными с отъездом в Шамордино старца Амвросия, болезнью и мнением епархиального начальства, что он не способен по старости управлять обителью. В 1890 г. келейно пострижен в схиму. Погребен в Казанском соборе Оптиной Пустыни. — 102, 114, 129, 130, 188, 305, 306.

Исаия — преподобный, авва, именуется также отшельником. Возможно † 370. Существуют две версии датировки его жизни. По сообщению “Отечника” св.Игнатия Брянчанинова, он жил в эпоху после IV Вселенского Собора, был современником Александрийского Патриарха св.Евлогия и пользовался наставлениями преп.Пимена Великого. Согласно другой точки зрения, изложенной в Добротолюбии, преподобный был сыном бедных и незнатных родителей и подвизался в Скиту во второй половине IV в. Имел двух учеников — Петра и Елисея, последний злословил его во время своих искушений. Известен своим смирением, имел дар глубокого плача, его наставлениями руководствовались многие монахи. В последние годы жил один в отдаленной местности, где и преставился. О жизни св.Исаии знал Александрийский Патриарх. Был ближайшим преемником препп.Антония Великого и Макария Египетского. Ему принадлежат 29 слов и некоторые правила для новоначальных иноков, извлечения из которых включены в русское Добротолюбие. Память в субботу Сырной седмицы. — 104, 121.

Исаия — Оптинский иеродиакон, впоследствии иеросхимонах. 1819 † 1883. В мире Иван Гаврилович Лунев. Из чернских мешан. В число братства определен 15 июля 1845 г., рясофором накрыт 12 августа 1849 г., в монашество пострижен 29 июня 1852 г. Нес послушание погребного. Был способен к чтению и пению. 23 апреля 1857 г. рукоположен в иеродиакона, а 16 июня 1863 г. — в иеромонаха. 29 августа 1873 г. награжден набедренником. В 1875 г. по указу Калужской Духовной консистории назначен настоятелем Лихвинского Доброго монастыря. — 245, 246.

Исидор — митрополит С.-Петербургский и Новгородский. 1 октября 1799 † 7 сентября 1892. В мире Иаков Сергеевич Никольский. Родился в селе Никольском Каширского уезда Тульской губернии. Окончил Тульское духовное училище и семинарию, С.-Петербургскую духовную академию. В 1825 г. пострижен в монашество, рукоположен в иеродиакона и иеромонаха и определен бакалавром и профессором академии. В 1827 г. причислен к соборным иеромонахам Александро-Невской лавры. В 1829 г. возведен в сан архимандрита, назначен настоятелем Мценского Петропавловского монастыря Орловской епархии и ректором и профессором богословия Орловской семинарии, где снискал себе всеобщую любовь. В 1833 г. переведен в Московскую семинарию и назначен настоятелем Московского Заиконоспасского монастыря. В 1834 г. хиротонисан во епископа Дмитров-

ского, викария Московской епархии, и назначен управлять Звенигородским Саввино-Сторожевским монастырем. В 1837-1840 гг. возглавлял Полоцкую и Виленскую епархию, где в 1839 г. был подписан акт о добровольном и полном воссоединении униатов с Православной Церковью. В 1840 г. переведен на Могилевскую кафедру. В 1841 г. возведен в сан архиепископа. В 1844 г. назначен в Карталинскую и Кахетинскую епархию со званием члена Св.Синода и экзарха Грузии. За 13 лет управления ею преосв.Исидор преобразил и благоустроил Грузинскую Церковь. В 1856 г. возведен в сан митрополита и назначен митрополитом Киевским и Галицким. С 1860 г. митрополит Новгородский, С.-Петербургский и Финляндский и первенствующий член Св.Синода; управлял этой митрополией 32 года. Преосв.Исидора особо отличал митрополит Московский Филарет. Он активно участвовал в переводе Библии на русский язык, вел широкую благотворительную деятельность. Известен не только в Русской, но и в других Церквях. — 68.

Исихий — преподобный, пресвитер Иерусалимский, богослов и учитель Церкви. † 430 или после 450. Родился в Иерусалиме, в молодости был слушателем и учеником св.Григория Богослова. После его смерти проводил подвижническую жизнь в одной из палестинских пустынь. В 412 г. рукоположен в священнический сан Иерусалимским архиепископом, имел звание проповедника. В 429 г. вместе с Патриархом Ювеналием посетил обитель преп.Евфимия Великого. По предположению древних историков, преставился на 26-м году царствования Императора Феодосия Младшего. Ему принадлежит толкование на все Св.Писание, “Церковная история”, подвижнические слова и проповеди. Все эти сочинения дошли до нашего времени во фрагментах. В русское Добротолюбие вошло его слово к Феодулу: “Слово душеполезное о трезвении и молитве”. Память в субботу Сырной седмицы. — 319.

Иустина — монахиня Белевского Крестовоздвиженского монастыря. В мире Бурцева. — 186, 187.

Иустина — монахиня Белевского Крестовоздвиженского монастыря. В мире Попошина. — 191.

К. — иеродиакон Оптиной пустыни. Возможно, иеродиакон Каллист. 1807 † 28 октября 1857. В мире Кирилл Иванов. Из тульских мещан. В число братства определен 19 мая 1836 г., рясофором накрыт 20 июня 1836 г., в монашество пострижен 27 ноября 1843 г. 29 августа 1850 г. рукоположен в иеродиакона. Исполнял послушания канонарха, свечника и трапезного, с 1850 г. — в чередном служении. Был способен к чтению и пению. — 218, 219.

К. — 263.

Кавелин Михаил Александрович — военный, брат архимандрита Леонида. Рано умер, оставив после себя жену с четырьмя маленькими детьми. — 185.

Кавелина Мария Михайловна (урожд.Нахимова) — помещица. 1803 † 23 августа 1860. Мать архимандрита Леонида, двоюродная сестра адмирала П.С.Нахимова. Особенно любила Оптину Пустынь и ежегодно, во все посты, приезжала говеть в нее. Была известна своей добродетельной жизнью и попечением о крестьянах. Скончалась на руках о.Леонида, причастившись Св.Таин. Погребена в Оптиной Пустыни. — 182, 277, 278.

Кавелины — 103.

Каллист и Игнатий Ксанфопулы — святейший Патриарх Константинопольский и инок, авторы “Наставления безмолвствующим в сотне глав”, входящего в Добротолюбие. В точности неизвестно, какой именно из двух Патриархов Каллистов является автором “Наставления”. Оба они жили в XIV в. и подвизались на Св.Афонской Горе. Патриарх Каллист I-й был учеником преп. Григория Синаита и написал впоследствии его житие. Он взошел на престол Вселенских патриархов в 1350 г. при Императорах Иоанне Кантакине и Иоанне Палеологе и пробыл на нем до 1354 г. В 1355 г. он вторично занял первосвятительский престол и управлял Церковью до 1363 г., когда, будучи отправлен с посольством к Сербской Царице Елене, скончался по пути в городе Фераху. Память его 20 июня. Свт. Феофан Затворник придерживался мнения, что именно он был автором “Наставления”. Святейший Патриарх Каллист II-й был избран на Константинопольский престол в 1397 г. и святительствовал при Императоре Мануиле Палеологе. Удалившись с кафедры, он нашел единомышленника по имени Игнатий и вместе с ним подвизался в умной молитве. Свой духовный опыт подвижники изложили в ста главах, которые вошли в Добротолюбие. Память его 22 ноября. — 18, 86, 316, 319.

Каллист — иеромонах, строитель Площанской пустыни. † 1840. В мире Козьма Саввич Кочетков. Родом из Орла, из купеческого звания. Поступил в Площанскую пустынь из Белобережской, строителем был менее года (в 1813), встретив недостаток средств к перестройкам. Оставил вклад на вечное поминовение 1000 руб. ассигнациями. Скончался и похоронен в Симоновом монастыре. — 23.

Каллист — монах Оптиной Пустыни. 1825 † ? В мире Кондрат Никанорович Сергеев. Из государственных крестьян Щигровского уезда. В число братства определен 25 апреля 1852 г., рясофором накрыт 24 марта 1853 г., в монашество пострижен 14 августа 1860 г. Нес послушание пономаря, просфорника и при больничной церкви. В 1863 г. выбыл в Коренскую Богородицкую пустынь. — 297, 298.

Капитолина — монахиня Белевского Крестовоздвиженского монастыря. В мире Вера. — 180.

Карп — Оптинский схимонах. † 13 марта 1866. В мире Алексеев. Из государственных крестьян деревни Бараньи Рога Масальского уезда Калужской губернии. В Оптину Пустынь поступил в 1832 (или 1833) г. Был слепым, причем этот физический недостаток обратил в духовное благо, считая, что спасается своей слепотой. Первоначально нес послушание звонаря, потом более 20 лет трудился в хлебе. Был замечательным подвижником, проводил без сна все дни и почти все ночи, славился необыкновенной бдительностью. Отличительными чертами его были постоянное внимание и понуждение себя на все благое. В схиму пострижен келейно. — 110.

Кахно — помещица г.Белева Тульской губернии. — 307.

Кесарий — архимандрит, настоятель Чолнского монастыря. † после 1827. В мире Плюгин, родом из Карачева, из купеческого звания. Пострижен в монашество в 1781 г. в Площанской пустыни. Был наместником в Новгородском Варлаамо-Хутынском монастыре. В сан игумена Чолнского произведен в 1799 г. В 1804 г. Чолнский монастырь был возведен на степень архимандрии, а о.настоятель — в сан архимандрита. В 1817 г. уволен на покой в Площанскую пустынь, где прожил еще более 10 лет, скончался и погребен. — 25.

Киреевская Наталия Петровна (урожд. Арбенева) — жена И.В.Киреевского. 1809 † 14 марта 1900. Родилась в Москве в строго благочестивой семье. В юности была духовной дочерью преп.Серафима Саровского, после его кончины — старца Филарета Новоспасского и после кончины последнего — старца Макария Оптинского. Пользовалась благосклонным вниманием и духовными советами митрополита Московского Филарета. Уже в ранней молодости хорошо знала Св.Писание и святоотеческую литературу. В 1834 г. вышла замуж за И.В.Киреевского и немало способствовала становлению его православного мирозерцания. Совместно с мужем участвовала в изданиях Оптиной Пустыни. После его смерти продолжала издательскую, благотворительную и странноприимную деятельность. Скончалась в Москве, погребена в Оптиной Пустыни. — 117, 118, 127, 133, 134, 135, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 153, 154, 156, 165.

Киреевские — 117, 118, 119, 127, 134, 138, 141, 148, 149, 153, 260.

Киреевский Иван Васильевич — критик, философ, издатель. 22 марта 1806 † 11 июня 1856. Родился в Москве, принадлежал к одному из самых старинных белевских и козельских дворянских родов. Детские годы его прошли в селе Долбино близ Белева, там рано обнаружились его блестящие способности. В 1822 г. семья переселилась в Москву, где Киреевский завершил свое образование. Он мог читать в подлиннике древних классиков и творения св.отцов. В 1824 г. поступил на службу в Московский главный архив Иностранной коллегии. К концу 1820-х гг. относятся первые литературные опыты Киреевского. В 1830 г. жил в Германии — в Берлине и Мюнхене, где слушал лекции немецких профессоров. Вернувшись в Москву, в 1832 г. издавал журнал “Европеец”, запрещенный на второй книжке за усмотренный в нем политический неблагонамеренный дух. Под влиянием младшего брата, П.В.Киреевского, А.С.Хомякова и, главным образом, Наталии Петровны Арбеновой, на которой Киреевский женился в 1834 г., взгляды его изменились в пользу Православия и народности. В 1835 г. Киреевский познакомился со старцем Филаретом Новоспасским, и окончательный переворот в его мировоззрении произошел под воздействием кончины старца в 1842 г. С 1836 г. Киреевские большую часть года проводили в селе Доблине, откуда часто ездили в Оптину Пустынь. Беседы Киреевского со старцами Леонидом и Макарием (ставшим духовным отцом Киреевских) окончательно укрепили его в вере. В 1839 г. Киреевский был сделан почетным смотрителем Белевского уездного училища. В 1840 и 1845 гг. им написаны записки “О направлении и методах первоначального образования народа” и “О преподавании славянского языка совместно с русским”. В 1840-х гг. Киреевский хотел занять кафедру философии в Московском университете, но это намерение не осуществилось. В 1845 г. под его редакцией вышло три книжки журнала “Москвитянин”, издававшегося М.П.Погодиным. В четвертой было напечатано “Житие молдавского старца Паисия Величковского”, предоставленное журналу Оптиной Пустыню и выпущенное в следующем году отдельной книгой. С этого времени супруги Киреевские вместе с оптинскими иноками и С.П.Шевыревым, под непосредственным наблюдением старца Макария, занимались чтением в подлинниках, переводом и подготовкой к изданию святоотеческих творений. Из светских статей Киреевского этого времени наиболее интересны “Обозрение современного состояния русской литературы” и “О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России”. В 1856 г. Киреевский поехал в Петербург для свидания с сыном, заболел там холерой

и скончался. Похоронен в Оптиной Пустыни. — 68, 117, 118, 124, 127, 137, 153, 154, 163, 168, 196, 197, 260.

Клеопа — иеросхимонах, строитель Введенской Островской пустыни. † 9 марта 1778. По происхождению малоросс, из Киевской губернии. В юности жил в разных русских обителях и на Афоне, последнее время в Зографском монастыре. Около 1775 г. оставил Св.Гору вместе с преп.Паисием. В России переходил из монастыря в монастырь, подвигаясь к северу. Некоторое время жил в Молчанской Софрониевой пустыни и в лесной келлии около Яменской пустыни Орловской губернии. Из нее перешел во Введенскую Островскую пустынь и прожил там до смерти. В 1760 г. был избран ее настоятелем. Ввел там Афонский устав и строгое общежитие, так что в обитель переходили иноки из других монастырей. Сам о.Клеопа дважды “бежал” из пустыни — один раз из-за притеснений своего ученика иеромонаха Иринарха, другой раз — стремясь к уединению, за что каждый раз бывал строго наказан. — 17.

Клеопатра — монахиня. — 191.

Климент — Оптинский иеромонах. 1830 † 10 апреля 1878. В мире Константин Карлович Зедельгольм, сын лютеранского пастора родом из Финляндии. Окончил Московский университет. Испытал влияние Н.В.Гоголя (особенно его “Выбранных мест из переписки с друзьями”) и графа А.П.Толстого, 13 августа 1854 г. присоединен к Православию в скиту Оптиной Пустыни. В бытность гр.А.П.Толстого обер-прокурором Св.Синода (1856-1862 гг.) служил при духовном ведомстве чиновником особых поручений. Вступил в братство Оптиной Пустыни 9 сентября 1863 г., пострижен в мантию 16 декабря 1867 г., рукоположен в иеродиакона 7 сентября 1870 г., в иеромонаха — 8 августа 1873 г. Последнее посвящение было связано с предсмертной болезнью гр.А.П.Толстого в Женеве: он не желал принимать последнее напутствие от католических священников. О.Климент был спешно рукоположен и отправлен в Швейцарию напутствовать умирающего. В Оптином скиту о.Климент находился в беспрекословном послушании у старца Амвросия. Состоял в духовной дружбе с Т.И.Филипповым и К.Н.Леонтьевым. Являлся бытописателем обители, составил жизнеописания старцев Льва (Наголкина) и Антония (Путилова). — 121, 196, 216.

Ключарев Феодор Захарович — надворный советник, тульский предводитель дворянства, почетный гражданин г.Козельска, потомственный благотворитель Оптиной Пустыни. В рясофоре, мантии и схиме Феодор. 16 января 1816 † 21 июля 1872. Происходил из тульских помещиков. Поступил в число скитского братства 19 января 1860 г., в последний год жизни батюшки о.Макария и в день его Ангела. 30 января 1864 г. пострижен в рясофор. В декабре 1870 г. бывши в своем имени, заболел. Больного его привезли в монастырь и постригли в мантию. После он здоровьем поправился, но “умом был к житейским попечениям совершенной как младенец”. 14 марта 1872 г. пострижен в схиму. Погребен в Оптиной Пустыни. — 75, 299.

Косма — монах Оптиной Пустыни, впоследствии иеродиакон Кирилл. 1827 † 23 сентября 1872. В мире Козьма Семенович Пожидаев. Из государственных крестьян. В число братства определен 6 октября 1856 г., на послушническую вакансию — 31 декабря того же года. Рясофором накрыт 13 февраля 1857 г., в монашество пострижен 16 апреля 1864 г. Нес послушания при хлебопекарне и рыбной ловле. Был способен к чтению. 1 октября 1867 г. рукоположен в иеродиакона. — 291, 292.

Ксения — инокиня. Адресат посланий о страстях, добродетелях и плодах умного делания преп. Григория Паламы, вошедших в русское Добротолюбие. — 166.

Кулешов Фома Никитич — купец г. Мценска Орловской губернии. — 175, 181.

Куркин Василий — купец г. Болхова. — 178.

Кутепов Андрей — крестьянин села Нарышкина Тульской губернии. — 177.

Л-а(я) Е.Т. — духовная дочь старца Леониды, благотворительница Калужской Тихоновой пустыни. — 117.

Лаврентий — Калужский блаженный, Христа ради юродивый. † 10 августа 1515.

Мощи его почивали в монастыре, находившемся в двух верстах от Калуги и названном по его имени Лаврентиевским. Кто и откуда был родом Лаврентий, неизвестно. Предполагают, что он принадлежал к роду Хитровых, так как в книге синодика этого рода упомянут во главе всех имен Лаврентий Чудотворец, юродивый инок. Большею частью он жил в доме Симеона Иоанновича, князя Калужского, а для духовных подвигов удалялся в уединенное место, где стояла церковь, а потом монастырь, названный его именем. В 1512 г., когда на Калугу напали сыновья хана Менгли-Гирея, преп. Лаврентий внезапно появился на судне, ободряя и укрепляя князя Симеона Иоанновича. На древних иконах, хранившихся в церквях и в домах, св. Лаврентий изображался в рубахе, портах и овчине, с топором, насаженным на длинное топорщице. Память 10 августа. — 7.

Лаврентия — схимонахиня Борисовской Тихвинской пустыни в Курской епархии. В мире Ускова. — 192.

Лазарь — архиепископ Черниговский и Новгород-Северский. 1620 † 3 сентября 1693. В мире Баранович, родился в Малороссии. Обучался в школе Киевского Братского Богоявленского монастыря и в польских коллегиях, в начале 1640-х гг. состоял наставником в Киевской академии. С 1650 г. был ее ректором и игуменом Братского училищного монастыря, а с 1650 (1651) — и Киево-Кирилловского монастыря. В 1651 г. жил в Киево-Кирилловском, Купятицком и Дятловецком монастырях, в 1653 г. управлял Елецким монастырем Черниговской епархии. В 1657 г. хиротонисан во епископа Черниговского, жил в Новгород-Северском Преображенском монастыре. Около 1666 г. назначен местоблюстителем Киевской митрополии. В 1667 г. возведен в сан архиепископа. В 1692 г. уволен на покой. Погребен в Черниговском Борисоглебском монастыре. Преосв. Лазарь был ревностным поборником святой веры и благочестия (святитель Димитрий Ростовский называл его столпом Православия), красноречивым проповедником и талантливым духовным писателем. Вел активную борьбу с иезуитами и с унией, участвовал в деле исправления церковных книг. Широко известен сборник его проповедей “Меч духовный”. Народное почитание архиепископа Лазаря связано с убеждением в нетленности его тела. — 68.

Ленивцев Николай Михайлович — советник Казенной палаты в Курске. — 10.

Леонид — архиепископ Ярославский. 16 февраля 1817 † 15 декабря 1876. В мире Лев Васильевич Краснопевков. Родился в Петербурге в дворянской семье. Учился в английском и французском пансионах, Горном кадетском корпусе, служил юнкером в Балтийском флоте. Образование завершил в Петербургской и Московской духовной академиях. В 1842 г. определен преподавателем в Вифанскую семинарию. В 1845 г. пострижен в монашество, рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. С 1849 г. — ректор Вифанской

семинарии и настоятель Московского Златоустова монастыря. В 1850 г. хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской епархии. По смерти митрополита Филарета в 1867-1869 гг. управлял Московской епархией. В 1876 г. возведен в сан архиепископа Ростовского и Ярославского и в этом же году скончался. Погребен в Ярославском кафедральном соборе. Преосв. Леонид находился в близком духовном общении с митрополитом Московским Филаретом, который покровительствовал ему еще в годы обучения. Отзывы современников о преосв. Леониде говорят о нем как об одном из замечательнейших архипастырей своего времени. — 124, 167.

Леонид — епископ Екатеринославский и Таганрогский. 1802 † 3 декабря 1885. В мире Александр Васильевич Зарецкий. Родился в селе Игумнове Калужской губернии в семье священника. Окончил Калужскую семинарию и Петербургскую духовную академию. В 1827 г. пострижен в монашество, рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. В 1827-1832 гг. был учителем, инспектором и ректором в Новгородской и Смоленской семинариях. В 1832 г. возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Смоленского Авраамиева монастыря. С 1836 г. — ректор Могилевской семинарии и настоятель Братского Могилевского монастыря. В 1840 г. послан для увещания раскольников, населявших Лаврентьевский и Никольский монастыри Могилевской епархии. В 1843 г. хиротонисан во епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. С 1850 г. — епископ Костромской и Галицкий, с 1853 г. — Екатеринославский и Таганрогский. В 1864 г. уволен на покой в Симонов монастырь, а затем перемещен в Рязанский Ольгов монастырь. — 161.

Леонид — архимандрит, наместник Троице-Сергиевой лавры, церковный историк, археолог, писатель. 22 февраля 1822 † 22 октября 1891. В мире Лев Александрович Кавелин. Происходил из дворян Калужской губернии. Окончил I-й Московский кадетский корпус. С 1840 по 1852 г. служил в лейб-гвардии Волынском полку. Был близок с С.О. Бурачком и А.П. Башуцким, издателями журналов с православным направлением “Маяк” и “Иллюстрация”, где напечатан ряд литературных произведений Кавелина. Часто бывал в Оптиной Пустыни, где беседовал со старцами Макарием (впоследствии ставшим его духовником) и Леонидом. В 1847 г. была издана книга Л.А. Кавелина “Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни и состоящего при ней скита Св. Иоанна Предтечи”. В 1852 г. Кавелин вышел в отставку в чине капитана и 21 марта поступил на жительство в скит Оптиной Пустыни. Послушанием его там было писмоводительство: он вел “Летопись” скита. В 1852-1858 гг. в Оптиной под руководством старца Макария и при участии о. Леонида (Кавелина), о. Ювеналия (Половцева) и о. Амвросия (Гренкова) вышел ряд святоотеческих книг: Варсонофия и Иоанна, Феодора Исповедника, Исаака Сирина, аввы Фалассия, аввы Дорофея, Марка Подвижника. 7 сентября 1857 г. Л. Кавелин был пострижен в монашество с именем Леонида, 20 октября того же года рукоположен в иеродиакона и 29 октября в иеромонаха. В ноябре этого года они вместе с о. Ювеналием были назначены в Русскую духовную миссию в Иерусалиме, где пробыли два года. В 1859 г., посетив Афон, о. Леонид возвратился в скит и занялся литературной деятельностью. Им был напечатан ряд трудов церковно-исторического характера, в частности “Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Макария”, два тома его писем, описание ряда Калужских монастырей, очерки о Святой Земле, русских подвижниках и многое другое. В 1863 г. о. Леонид был возведен в сан архимандрита и назначен

начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме, претерпел на этом посту немало скорбей. В 1865-1869 гг. был настоятелем русской посольской церкви в Константинополе. В 1869 г. назначен настоятелем ставропигиального Воскресенского Новоиерусалимского монастыря в Московской епархии и пробыл в этой должности 8 лет. 3 июля 1877 г. назначен наместником Свято-Троицкой Сергиевой лавры, которой управлял 14 лет. Там же скончался и похоронен за алтарем Свято-Духовского храма. Архимандрит Леонид — виднейший представитель русского ученого монашества. За 50 лет своей деятельности он опубликовал около 300 работ, в числе которых — исторические описания десятков храмов и монастырей, сотни документов и памятников духовной письменности. Особое промыслительное значение этого труда состоит в том, что многие ныне утраченные архивные источники сохранились только в книгах архимандрита о.Леониды. Будучи воспитанником старца Макария, о.Леонид всегда и на всяком месте своего церковного служения оставался истинным оптинцем, преемником и хранителем древних монашеских традиций. — 5, 85, 95, 102, 103, 113, 117, 123, 124, 154, 158, 165, 184, 198, 205, 250, 252, 270, 271, 279, 281, 284, 292, 293, 294, 298, 299, 300.

Леонид — Оптинский старец, иеромонах, скитоначальник. В схиме Лев. 1768 † 11 октября 1841. В мире Лев Данилович Наголкин. Родился в городе Карачеве Орловской губернии в купеческой семье. В юности занимался торговлей. В 1797 г. оставил мир и поступил первоначально в Оптину Пустынь при игумене Авраамии. Прожив там два года, перешел в Белобережскую пустынь Орловской епархии к старцу Василию (Кишкину). В 1801 г. пострижен им в монашество с именем Леониды, 22 декабря рукоположен в иеродиакона и 24 декабря — в иеромонаха. В 1804 г. определен настоятелем Белобережской пустыни, до занятия этой должности временно пребывал в Чолнском монастыре под руководством схимонаха Феодора. Находился также в духовном общении с игуменом Филаретом, будущим митрополитом Киевским. В 1808-1811 гг. жил в уединенной кельи в двух верстах от обители вместе со старцами Феодором и Клеопой. Там был келейно пострижен в схиму; 10 марта 1811 г. три подвижника переселились в Валаамский скит, где прожили около шести лет, окормляя братию и посетителей. Там они претерпели немало скорбей от настоятеля и духовного начальства, не понимавших сути старчества. 22 июня 1817 г. старцы перешли в Александро-Свирский монастырь, где о.Феодор почил о Господе в 1822 г. В 1828 г. о.Леонид полгода жил в Площанской пустыни. С 22 августа 1829 он вместе со своими учениками, в том числе о.Макарием, поселился в Оптином скиту; ввел и упрочил в Оптиной старчество. 2 декабря 1836 г. утвержден духовником обители. Окормлял братию и паломников совместно с о.Макарием, духовником которого он был. К старцу Леониду приходили толпы людей, особенно из простонародья. Помимо того, он имел много духовных детей в различных мужских и женских монастырях — Тихоновой пустыни, Малоярославецком, Севском, Троицком, Белевском монастырях, Борисовской Тихвинской пустыни. В обращении старец был прост, прям и резок, свою мудрость и прозорливость часто прикрывал шуткой. Простота его доходила иногда до полужуровства. Как и в Валаамском скиту, в Оптиной он перенес тяжелые испытания по наветам людей, настроенных против старчества: преосв.Калужский Николай (Соколов) запретил ему принимать мирян и носить схиму и переселил из скита в монастырь. Вместе со старцем скорби терпели и его духовные дочери в Белевском Крестовоздвиженском монастыре. Положение несколь-

ко улучшилось после посещения Оптиной митрополитом Киевским Филаретом. На кончину и погребение старца Леониды прибыл провидевший их духом юродивый Василий Петрович Брагузин. Погребен о.Леонид за алтарем Введенского собора. Господь сподобил его при жизни множества духовных даров: мудрого совета и духовного рассуждения, прозорливости, исцеления болезней. Особо имел дар открывать и напоминать забытые грехи и исцелять бесноватых. — 6, 17, 21, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 54, 63, 64, 68, 69, 70, 74, 85, 95, 96, 110, 116, 117, 142, 173, 174, 178, 186, 188, 192, 195, 201, 204, 205, 219, 259, 278, 289, 293, 303, 308, 309.

Леонтин (или Леонтий) — настоятель одного из монастырей на Западе. V в. Вместе с игуменами Иовинианом, Минервием и Феодором побуждал монахов к кинувийной и отшельнической жизни своими наставлениями. Один из адресатов последних семи беседований с египетскими подвижниками Иоанна Кассиана Римлянина, написанных в 426—428 гг. — 62, 87, 88, 90, 210, 282, 317.

М. — 139.

М. — монахиня. — 88, 89, 90.

М. — родственница старца Макария. — 263.

Магдалина — монахиня Белевского Крестовоздвиженского монастыря, старица, казначей. В рясофоре Анфия. † 17 декабря 1858. Подвизалась под руководством старцев оо.Леониды и Макария в Севском Троицком девичьем монастыре, духовником которого был тогда о.Макарий (оба старца жили в Площанской пустыни). При переходе старцев в Оптину Пустынь м.Анфия также переместилась, в 1833 г., в Белевский Крестовоздвиженский монастырь, где многие сестры стали ходить к ней как к старице на откровение помыслов. По наущению диавола на м.Анфию, единомысленных с ней сестер и окормлявших их старцев было воздвигнуто гонение, причем они были обвинены в новой ереси, по непониманию обвинителями природы старчества и разницы между исповедью и откровением помыслов. В результате расследования м.Анфия и другая сестра были ненадолго удалены из обители в 1841 г. Но вскоре преосв.Дамаскин (Тульский) разобрался в сути дела и вновь принял сестер в монастырь. Через несколько лет м.Анфия была пострижена в мантию с именем Магдалины и назначена казначеей обители, а одна из подвергшихся гонению сестер, Павлина, избрана настоятельницей и посвящена в сан игумении. — 174.

Магдалина — монахиня Белевского Крестовоздвиженского монастыря. В мире Сотникова. — 180.

Макарий Египетский — преподобный, авва. Около 300 † 390. Египетский подвижник, ученик Антония Великого, прославился, старчествуя в Скиту. Пришел в пустыню тридцати лет от роду и хотя по возрасту был моложе других, вел в продолжение 10 лет такую строгую жизнь, что его стали называть отроком-старцем. В 40 лет он был рукоположен в священнический сан. Во внутренней пустыне с ним жили два ученика, один из них прислуживал ему, другой жил в отдельной кельи. Впоследствии авва сделал к кельи подземный проход и на конце его устроил пещеру, куда тайно уходил молиться. Преп.Макарий прожил в Скиту 60 лет и сподобился благодатных даров. Он имел власть над духами, дар целить болезни и дух пророчества. Окормляя скитскую братию и жителей окрестных селений, преподобный совершил множество чудес: исцелил бесноватого, который не

мог насытиться, воскресил мертвого для убеждения одного еретика. Авва Макарий, по свидетельству учеников, непрестанно приходил в восторг и гораздо больше времени проводил в беседе с Богом, чем в земных занятиях. Он был известен также своим постничеством. Из писаний св.Макария сохранилось 50 бесед и послание. В греческом и русском Добротолюбии помещены 150 глав, извлеченных оттуда Симеоном Метафрастом. Память 19 января. — 24, 27, 74, 75, 77, 85, 115, 212, 317, 318.

Макарий — архимандрит, настоятель Болховского Троицкого монастыря, миссионер, основатель и первый начальник Алтайской духовной миссии. 8 ноября 1792 † 18 мая 1847. В мире Михаил Яковлевич Глухарев. Родился в городе Вязьме Смоленской губернии в семье священника. Окончил Вяземское духовное училище, Смоленскую семинарию и Петербургскую духовную академию, когда ректором там был митрополит Филарет, взявший Михаила под свое духовное водительство. В 1817—1821 гг. служил в Екатеринославе и Костромской духовной семинарии. В 1821 г. пострижен в монашество и посвящен в иеродиакона и иеромонаха. В 1824 г. возведен в сан архимандрита и назначен настоятелем Костромского Богоявленского монастыря. В 1825 г. уволился на покой в Киево-Печерскую лавру, а оттуда перешел в Глинскую пустынь. В 1829 г. стал во главе новоучрежденной Сибирской миссии, которой управлял 15 лет, просвещая Алтай. В 1844 г. назначен настоятелем Троицкого Болховского монастыря. О.Макарий всю жизнь трудился над русским переводом Библии, который вышел в свет уже после его кончины. — 68, 134, 258.

Макарий — схимонах Оптиной пустыни. 1795 † 5 мая 1869. В мире Матфей Яковлевич Грузинов. Из петербургских купцов. Мать его, принявшая постриг с именем схимонахини Мелании, была благотворительницей Оптиной Пустыни. В монашество (в схиму) пострижен в Александро-Свирском монастыре 24 октября 1826 г. В братство Оптиной Пустыни определен по прошению 12 августа 1829 г. Ученик старца Льва, вместе с ним перешел в Оптинский скит в 1829 г., был келейником старца до его кончины. О.Макарий был хорошим чтецом, всегда читал канон на келейных бдениях у старца. По благословению о.Льва писал портреты, правда, не очень искусно владел кистью. 16 января 1849 г. отправился без благословения старца в Козельск, из-за вьюги сбился с дороги, потерял сапог и сильно обморозил ногу, после чего долго болел. В болезни отказывался от медицинской помощи и благодушно терпел страдания, считая их наказанием за самочиние. 14 августа 1850 г. по неизлечимой болезни исключен из штата монастыря. — 99.

Макария — монахиня Белевского Крестовоздвиженского монастыря, впоследствии игуменья Каширского Никитского монастыря. † 13 февраля 1894 . В мире Сомова, по происхождению из дворян. С юности жила в Белевском монастыре под руководством старца Макария. В 1862 г. избрана настоятельницей Каширской Никитской женской общины, которой управляла 27 лет и которая процвела при ней материально и духовно. В 1884 г. община была возведена в общежительный монастырь, а в 1885 г. м.Макария посвящена во игумению. Незадолго до кончины приняла тайное пострижение в схиму. — 187, 189.

Макария — монахиня сперва Великолуцкого, а затем Белевского Крестовоздвиженского монастыря. Впоследствии игуменья (?) монастыря. — 187.

Макария — монахиня Брянского монастыря. В мире (в рясофоре ?) Аполлинария. — 244.

Макария — монахиня Севского Троицкого монастыря. В мире Домогацкая. — 245, 256.

Макарова Пелагея Тихоновна — двоюродная сестра старца Макария. Возможно, жила в Севском монастыре. — 11, 12.

Максим Исповедник — преподобный. 580 = 662. Память 21 января и 13 августа. — 27, 115, 120, 166.

Малпас (или Малпа) — сирийский ересиарх, родоначальник евхитов. IV в. Происходил из г.Едесса в Месопотамии. Вел высокую подвижническую жизнь, перенося тяжелые труды и скорби. Был учеником преподобного Иулиана, называемого Сава, вместе с ним ходил на Синай и в Египет, видел великих отцов того времени, слушал преподобного Антония Великого. Неверно истолковав его слова о божественном созерцании и из-за разгоревшейся страсти славолубия, стал по возвращении жить в отшельнической келлии, где занимался непрестанной молитвой, делая это по сомнению — без смирения и не победив страсти. Находясь в прелести, поклонился диаволу, явившемуся ему в великом свете и объявившему себя утешителем, посланным от Отца, чтобы даровать Малпе бесстрастие. Подпав под власть нечистого, предался бесовским мечтаниям, надмился, оставил подвиг, а затем, в тщетной надежде бесстрастия, и христианскую жизнь. Малпа сделался ересенаачальником евхитов (мессалиан) — ереси, распространившейся во второй половине IV в. в некоторых монашеских общинах Сирии и Малой Азии. Полагая свою молитву единственным средством ко спасению, еретики учили, что каждый человек в силу происхождения от Адама приносит в мир злого демона, от которого освобождается не через крещение, а путем усердной молитвы, после чего его место занимает Всесвятый Дух, отвлекающий тело и душу от зла и страстей, так что делаются ненужными внешние подвиги, чтение Св.Писания, принятие Таинств и какой-либо закон. В догматическом плане отрицали троичность Лиц в Боге, представляя Лица формами проявления одного и того же Божества. Проводили время в праздности, презирая труд и поддерживая в себе экстатические состояния. Внешне исполняли обряды Церкви, скрывая свое учение. Обличены в конце IV в. антиохийским епископом Флавианом, в новой форме возникли в XI в., растворившись затем в богомилстве. — 313.

Мальцев Иван Акимович — секунд-майор, один из представителей дворянского рода Мальцевых (Мальцовых), крупных заводчиков и землевладельцев. 1772 = 1853. Приобрел металлургический завод в селе Людиново в Калужской губернии у П.Демидова и организовал стекольное предприятие в селе Дятьково Брянской области. Это послужило основой Мальцевского промышленного района (смежные уезды Орловской, Калужской и Смоленской губерний, расположенные по притоку реки Десны — Болве.) Умер И.А.Мальцев в Петербурге, похоронен в с.Дядьково под Брянском. — 68, 82.

Мамант — св. мученик. = 275. Память 2 сентября. — 121.

Мария — монахиня Белевского Крестовоздвиженского монастыря. В мире Добровольская. — 189.

Мария Николаевна — Великая Княгиня, дочь Императора Николая Павловича. 6 августа 1819 † 9 февраля 1876. В 1839 г. вступила в брак с Максимилианом герцогом Лейхтенбергским. В последние годы царствования Императора Николая I стала принимать личное участие в высшем управлении женскими учебными заведениями, имея в непосредственном своем заведывании Патриотический институт. По смерти супруга заняла место президента Академии художеств, а впоследствии приняла и звание председательницы Общества поощрения художников. — 140.

Марк — св.апостол и евангелист. † около 68. Память 25 апреля. — 242.

Марк Подвижник — преподобный. В житии носит имя Постник. † в первой половине V в. Принял иночество в 40 лет, в течение 60 лет подвизался на Нитрийской горе в Нижнем Египте, в 70 км к югу от Александрии. Вел строгую постническую жизнь в чистоте и кротости, совершил много чудес. По свидетельству монастырского пресвитера, во время причащения принимал Св.Дары от Ангела. Знал наизусть все Св.Писание, был слушателем св.Иоанна Златоустого. Жил и общался с учениками преп.Антония Великого. Преставился в возрасте 100 лет. По мнению Патриарха Фотия и Никифора Каллиста ему принадлежат 40 Слов. До нашего времени дошли лишь некоторые его сочинения, извлечения из которых входят в русское Добротолюбие. Память 5 марта. — 121.

Марк — Саровский схимонах. 1733 † 4 ноября 1817. В мире Михаил. Подвизался одновременно с преп.Серафимом. Родился, как и он, в Курске, в купеческой семье. В детстве ему было видение Страшного Суда. На 24-м году жизни пошел странствовать, в 1757 г. поступил в Саровскую пустынь. В 1778 г. пострижен в монашество с именем Мефодия; в 1811 г. — в схиму с именем Марка. Принял на себя подвиг юродства и молчания, скитаясь без крова по Саровским дебрям, в ветхом рубище. Господь сподобил его духовного дара прозорливости. Незадолго до смерти о.Марк был утешен таинственным видением небесных блаженств. — 68.

Марк — игумен Оптиной Пустыни. 1826(31) † 18 марта 1909. В мире Михаил Никифорович Чебыкин. Из духовного звания, окончил курс в Костромской духовной семинарии. В число братства Оптиной Пустыни определен 9 сентября 1855 г., рясофором накрыт 15 февраля 1856 г., в монашество пострижен 7 сентября 1857 г. Исполнял клиросное послушание. 9 декабря 1857 г. рукоположен в иеродиакона, а 11 июня 1863 г. — в иеромонаха. 20 июня 1869 г. определен исполняющим должность настоятеля Мещевского монастыря. Утвержден в этой должности со званием строителя 18 ноября 1870 г. 9 мая 1874 г. возведен в сан игумена. 15 марта 1879 г. по расстроенному здоровью уволен от должности настоятеля. С 15 декабря 1879 г. проживал в Боровском Пафнутиевском монастыре. 8 октября 1882 г. указом Калужской духовной консистории возвращен в Оптину Пустынь под особый надзор настоятеля. — 51, 52, 63, 83, 97, 98, 99, 114, 192.

Маркеллин — иеромонах, строитель Площанской Богородицкой пустыни. † 1834. Родом из московских купцов. 16-ти лет пришел в Белобережскую пустынь, в ней был пострижен и посвящен в иеромонаха. В 1815—1818 гг. был строителем Мценского Петропавловского монастыря, уволен оттуда по своему желанию в число братства Площанской пустыни. Некоторое время был экономом архиерейского дома в Орле при преосвященном Орловском Гаврииле. Оттуда назначен в Площанскую пустынь строителем, но, имея эту должность, еще два года жил в Орле. Был строителем пустыни 9 лет (с

1826 по 1834 г.), за это время закончена постройка соборной церкви и братского корпуса. Перед смертью о.Маркеллин 3 года болел. Скончался и похоронен в пустыни. — 31, 38.

Матвеев — орловский помещик. — 247.

Матвеева Наталья — дочь орловского помещика Матвеева. — 247, 248.

Матрона — монахиня Белевского Крестовоздвиженского монастыря, келейница м.Макарии (Сомовой). В мире Косторнова. — 189.

Матфей — св. апостол и евангелист. Память 16 ноября и 30 июня. — 207, 242.

Матфей — рясофорный послушник Оптиной Пустыни. 1830 † 18 февраля 1860. В мире Матфей Васильевич Попов. Из орловских мещан. В число братства определен на послушническую вакансию 16 октября 1859 г., рясофором накрыт 18 февраля 1860 г. Исполнял послушания будильщика и столяра. — 306.

Мелания — рясофорная монахиня Севского Троицкого монастыря с 1849 г. В мире Варвара Павловна Иванова. Племянница старца Макария. — 8, 11, 54, 174, 262.

Мелетий — архимандрит, родной брат Оптинского схиархимандрита Исаакия. 1807 † 17 октября 1865 г. В мире Михаил Иванович Антимонов. Из курских купцов. В число братства Оптиной Пустыни определен 31 июля 1835 г. Исполнял клиросное послушание. Начало монашескому подвигу положил в Предтеченском скиту Оптиной Пустыни. Впоследствии подвизался в Киево-Печерской лавре, где нес послушание еклессиарха Великой церкви. — 130, 156.

Мелхиседек — Оптинский иеромонах. 1809 † 22 октября 1870. Из духовного звания, получил образование в Калужской семинарии. Указом от 16 марта 1842 г. переведен из Мещовского Георгиевского монастыря под строжайший надзор с предписанием докладывать о его поведении к Его преосвященству по третям года. В 1846 г. делаются сношения по поданному от него прошению об увольнении его в Херсонскую епархию для службы по флоту. Отличался ревностью к подвижничеству, но временами был склонен к нетрезвости, отчего по болезни не мог служить. — 52, 290.

Мефодий — Оптинский иеродиакон. 1792 (1797) † 21 апреля 1862. В мире Михаил Георгиевич Склумбовский (Шклумбовский). Родом из польско-малорусских шляхтичей, поселенцев Харьковской губернии. Некоторое время жил в Рыжловской пустыни. В число братства Оптиной Пустыни определен 12 июня 1825 г., в монашество пострижен 18 декабря 1827 г., рукоположен в иеродиакона 1 августа 1828 г. Был первым письмоводителем обители при о.Моисее. В 1838 г. его внезапно разбил паралич, и 10 июня 1839 г. он был исключен из штата монастыря. О.Мефодий мог только лежа творить крестное знамение, перебирать четки и внятно говорить “Господи, помилуй”. В таком состоянии он находился 24 года, перенося его с ангельским терпением и неизменно пребывая в веселом расположении духа, к великой душевной пользе Оптинской братии. — 234, 239, 240, 241.

Митрофан — святитель, епископ Воронежский. В схиме Макарий. Ноябрь 1623 † 23 ноября 1703. В мире Михаил, происходил из Владимирской губернии, возможно, из священнического рода. Половину жизни провел в миру, был женат, имел сына по имени Иоанн и занимал должность приходского священника в селе Сидоровское, недалеко от города Шуи. Овдовев в 1663 г., принял иноческий постриг с именем Митрофана в Золотниковской

Успенской пустыни. В 1665 г. поставлен во игумена Успенского Космина монастыря при реке Яхроме, где настоятельствова 10 лет. В 1675 г. переведен игуменом в Унженский Троицкий монастырь. Здесь о.Митрофан в 1680 г. построил каменный Благовещенский храм, надзирал за св.храмами в ветлужских селах, заведовал Унженской церковной десятиной. Заслужив доверие Царя Феодора Алексеевича высокой подвижнической жизнью, о.Митрофан в 1682 г. посвящен во епископа новооткрытой Воронежской епархии. В Воронеже он построил Благовещенский собор, в епархии два монастыря, следил за благочестием жизни монашествующих и белого духовенства, для борьбы с расколом завел школы, раздавал милостыню нуждающимся, посещал тюрьмы. В 1696 г., во время Азовского похода, оказывал поддержку Царю Петру I и снарядил 2 корабля и 3 галеры, пожертвовал 7000 р. для ведения Северной войны. Противился неправославному влиянию иноземцев, не смущался обличать Царя в неблагочестии, как это было во время приезда того в Воронеж в 1700 г. В 1703 г. облечен в схиму с именем Макария в честь преп.Макария Унженского. На погребении святителя присутствовал Царь Петр I, сам нес гроб со словами: "Не осталось у меня такого святого старца". Известны посмертные чудеса, множество исцелений, совершенных по молитвам свт.Митрофана. В 1832 г. были открыты его св.мощи и он причислен к лику святых. Память 23 ноября. — 34, 130, 247, 248.

Митрофан — схимонах Задонский. † 27 февраля 1793. В мире Михаил Голощанов. Родом из Ельца. Был женат и имел дочь. По взаимному согласию разлучился со своею супругой (по преданию, Евдокией, в монашестве Елисаветой; скончалась 1 августа 1765 г., погребена в Елецком Знаменском монастыре) и поселился при ограде вне Задонского монастыря. Был близок святителю Тихону Задонскому, который сердечно его любил, постоянно беседовал с ним, раздавал через него милостыню и позволил быть с собой до самой своей кончины. Схимник Митрофан много потерпел скорбей от людского злоречия, ему даже было предписано переселиться в келлии внутри монастыря. Обладал даром прозорливости. Погребен в усыпальнице монастыря, на его гробнице многие получали исцеление. — 68.

Михаил — св.Великий Князь Тверской. 1272 † 22 ноября 1319. Прозван Тверским, так как княжил в Твери, еще не быв Великим Князем, и первый утвердил независимость Тверского княжения. Его племянник Георгий соперничал с ним в борьбе за великокняжеский престол и в отсутствие Михаила занял его. Михаил дважды отвоевывал свой престол и, наконец, отправился в Орду к хану Узбеку для окончательного определения, кто будет владеть престолом. Но Георгий успел очернить его перед ханом, обвинив в смерти своей супруги и сестры хана Кончаки. В Орде Михаил был принят ханом милостиво и полтора месяца жил спокойно, но затем неожиданно был вызван на суд. Ему вменялось в вину утаение собранной дани, битва с ханским послом и отравление Кончаки. Михаилу положили на шею тяжелую колодку и повлекли за Ордой. Недруг его полководец Кавгадый, бывший в свое время в плену у князя, сумел склонить хана на смерть Михаила. Князь, узнав об этом, безбоязненно ждал кончины. Еще на пути из Владимира он несколько раз приобщился Св.Таин и все ночи проводил в чтении Псалтири. В день смерти он отслушал заутреню и благословил сына Константина. Злодеи повергли его на землю, мучили, били пятами, а затем один из них вонзил ему нож в ребра и вырезал сердце. Тело князя привезли сперва в Москву и положили в церкви Спаса на Бору, а затем перевезли в Тверь. Когда была открыта рака, мощи князя оказались

неповрежденными. Погребены в Тверском Преображенском соборе. В 1655 г. св. мощи обретены нетленными. Память св. Михаила 22 ноября. — 7.

Моисей — пророк и Боговидец, вождь и законодатель еврейского народа, первый священный бытописатель. Память 4 сентября. — 158.

Моисей — преподобный, авва, Синайский подвижник. IV в. Происходил из Фарана. Подвизался в Раифе, в одной пещере. С юности посвятил себя Богу, провел в иночестве 73 года, все это время не вкушая хлеба и питаясь небольшим количеством фиников и воды. Прославился подвигами бодрствования, безмолвия и поста. Святостью своей жизни и проповедью обратил в христианство весь окрестный народ. Имел дар чудотворения, исцелил начальника измаильян Оведиана от нечистого духа. Известен его ученик по имени Моисей. — 62, 317.

Моисей Мурин — преподобный. † около 400 г. Память 28 августа. — 77.

Моисей — Оптинский старец, схиархимандрит, строитель Оптиной Пустыни. 15 января 1782 † 15 июня 1862. В мире Тимофей Иванович Путилов. Родился в городе Борисоглебске Ярославской губернии, в благочестивой купеческой семье; отец его был родом из Серпухова. Двое братьев Тимофея, Александр и Иона, впоследствии также были в монашестве: один — игумен Малоярославецкого Николаевского монастыря Антоний, а другой — игумен Саровской обители Исайя. В юности Тимофей служил у откупщика в Москве. Вместе с братом Ионой они были у затворницы Ивановского монастыря Досифеи и у Новоспасских старцев Александра и Филарета. 13 мая 1805 г. оба брата против воли родителя поступили в Саровскую пустынь. Тимофей нес послушание на хлебне и ходил за большим старцем Исаиею. В 1808 г., по совету о. Серафима, казначея Брянского Свенского монастыря, поступил в этот монастырь, 3 августа 1809 г. определен в число послушников. В 1811 г., по совету иеромонаха Московского Симонова монастыря Алексия (Адриана), ушел к Рославльским пустынножителям. Там он прожил 10 лет под руководством иеросхимонаха Афанасия и был им келейно пострижен в монашество, причем восприемным отцом его от Евангелия был старец Досифей. Во время нашествия французов в 1812 г. недолго жил в Свенском монастыре, а затем еще 8 лет в Рославльских лесах. В 1816 г. вместе с братом Александром был на богомолье в Киеве, а в 1819 и в 1820 гг. в Оптиной Пустыни. 6 июня 1821 г. с четырьмя пустынножителями, по благословию тогдашнего Калужского преосвященного Филарета (впоследствии митрополита Киевского), поселился на монастырской пасеке Оптиной Пустыни и основал там скит во имя Св. Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. 3 июня 1822 г. была открыта мантия о. Моисея, 22 декабря того же года он был рукоположен в иеродиакона, 25 декабря — в иеромонаха и определен общим духовником обители. 17 августа 1826 г. о. Моисей назначен строителем Оптиной Пустыни и находился в этой должности 37 лет. В его правление был расширен Введенский собор, построена церковь во имя Преп. Марии Египетской и кладбищенская церковь, новые братские корпуса, каменная ограда и множество других зданий, разведено монастырское хозяйство, собрана библиотека, расцвела книгоиздательская деятельность Оптиной Пустыни — все это при постоянном недостатке средств и больших долгах обители. Но главное внимание о. Моисея как настоятеля было обращено на духовное воспитание братии: при нем было учреждено и упрочилось в Оптиной старчество, с помощью оо. Леониды и Макария. На этом пути пришлось претерпеть множество скорбей и препятствий, так как преосвященный Калужский

Николай (Соколов), не принимая старчества, относился к Оптиной особенно строго: забирал у о.Моисея в другие монастыри самых нужных ему людей, неохотно принимал в братию Оптиной, запрещал старчествовать о.Леониду. 12 июля 1853 г. о.Моисей принял пострижение в схиму с оставлением прежнего имени. Погребен у алтаря Казанского собора. О.Моисей всегда относился к братии с полным доверием и любовью, покрывая все недостатки смирением. Отличался крайней нестяжательностью, милосердием и кротостью. — 37, 40, 47, 64, 70, 77, 78, 95, 97, 101, 104, 109, 111, 116, 118, 125, 126, 128, 132, 136, 137, 138, 140, 144, 148, 156, 157, 159, 167, 168, 171, 258, 260, 261, 273, 274, 275, 278, 281, 288, 293, 305.

Моисей — архимандрит, настоятель Калужской Тихоновой пустыни. 1814 (1815) † 4 ноября 1895. В мире Михаил Федорович Красильников. Из купеческого сословия города Болхова Орловской губернии. Вступил в братство Оптиной Пустыни 14 апреля 1839 г., покрыт рясофором 6 апреля 1840 г. Исполнял клиросное послушание. 17 ноября 1846 г. пострижен в мантию, в 1847 г. рукоположен в иеродиакона, 19 июня 1855 г. — в иеромонаха. В 1858 г. определен в Тихонову пустынь строителем. В 1862 г. возведен в сан игумена. В 1865 г. определен благочинным монастырей Калужской епархии. В 1868 г. его надзору была поручена Белокопытовская Казанская Боголюбивая женская община. В 1871 г. возведен в сан архимандрита и назначен председателем комиссии, наблюдающей за постройками на подворье Пафнутиева Боровского монастыря и в Оптиной Пустыни. При о.Моисее богослужения в Тихоновой пустыни приобрели большую торжественность. Устроены две гостиницы, закончена новая колокольня и сделано много других различных улучшений. — 114, 173, 287, 288.

М.П. — 262.

Муравьев Андрей Николаевич — духовный писатель, богослов и историк. 12 мая 1806 † 30 августа 1874. Родился в Москве в семье известного математика генерал-майора Н.Муравьева. Получил хорошее домашнее образование, рано увлекся литературой, переводил, писал стихи и драмы. С 17 лет находился в военной службе. В 1828—1829 гг. служил в дипломатической канцелярии при 2-й армии князя Витгенштейна, участвовавшей в войне с Турцией. С 1831 г. — столоначальник Азиатского департамента Министерства иностранных дел. С 1833 г. — секретарь при обер-прокуроре Св.Синода. В Синоде Муравьев всегда держал сторону духовных лиц, за что после ряда столкновений с обер-прокурором Н.А.Пратасовым был уволен из Синода в 1846 г. и назначен чиновником особых поручений Азиатского департамента Министерства иностранных дел. С 1836 г. Муравьев состоял в чине камергера, с 1855 г. — в чине действительного статского советника. С 1836 г. он был членом “Общества любителей российской словесности”, с 1837 г. — Российской Академии наук. Муравьев дважды совершал паломничества во Св.Землю — в 1829 и в 1849—1850 гг. Плодом последнего были “Письма с Востока”. В 1832 г. вышла книга Муравьева “Путешествие по святым местам русским”, доставившая ему широкую известность. Помимо того, ему принадлежат: “Письма о богослужении Восточной Кафолической Церкви”, “История Российской Церкви”, переведенная на многие европейские языки, “Письма о спасении мира Сыном Божиим”, “Первые века христианской Церкви” и многие другие. Муравьев обработал по первоисточникам, составил и издал “Жития святых Российской Церкви, также иверских и славянских” (в 12-ти томах), а также множество работ по отдельным святым и святыням. Современники видели главную заслугу

Муравьева в том, что благодаря его сочинениям русское общество повернулось к духовной теме. — 197.

Н. — монахиня. — 88, 164.

Н., С.И. — послушница (?). — 91.

Навуходоносор — царь Вавилонский. † около 561 г. до Р.Х. — 214.

Надежда Егоровна — послушница Белевского Крестовоздвиженского монастыря, бывшая помещица. — 301.

Назарий — игумен Валаамского монастыря. 1735 † 23 февраля 1809. В мире Николай. Родился в семье причетника села Аносово Тамбовской губернии. На 17-м году жизни ушел в Саровскую пустынь. В 1760 г. пострижен в монашество с именем Назария, в 1776 г. посвящен в иеромонаха. В 1781 г. о.Назарий был вытребован в Петербург и по настоянию митрополита Гавриила определен строителем Валаамской обители для заведения в ней общежития и порядка по правилам и примеру Саровской. В течение двадцатилетнего управления о.Назарий совершенно устроил вновь монастырь. В 1801 г. он получил увольнение от настоятельства и удалился в отшельническую келью, устроенную им еще во время управления обителью. В 1804 г. был уволен, по его прошению, в Саровскую пустынь на всегдашнее пребывание. В Сарове он устроил себе пустынную келью на речке Саровке недалеко от обители и часто в ночное время ходил по лесу, совершая на память молитвословие двенадцати псалмов. О.Назарий прожил в Саровской пустыни пять лет, там же скончался и погребен. Игумен Назарий проводил жизнь неизменно постническую и нестяжательную. Строгий с виду, он привлекал любовь и уважение всех и свободно мог говорить даже людям сильным. Слова его были прямы, правдивы и резки. Он был одарен от Бога даром духовного рассуждения; сохранились его наставления братии. Смиранный сам, он и других учил прежде всего смирению. Многие отшельники и уединенно живущие приходили к о.Назарии на откровение помыслов. Под его началом в Тамбовской и Нижегородской епархиях образовалось несколько женских общежитий. Господь сподобил игумена Назария даров прозорливости и чудотворения: он предсказал митрополиту Гавриилу благополучный исход морского сражения со шведами близ Петербурга в царствование Императрицы Екатерины II; преклонил через молитвы нищих к милости сердце Императора Александра I, гневавшегося на одного из своих сановников. — 68.

Нарышкин С.К. — отставной штаб-ротмистр, временно проживавший в Оптиной. — 74.

Немытов Иван Михайлович — орловский купец. † 5 мая 1875. Родился в Орле, в купеческой семье. Первую половину своей жизни занимался торговыми делами, вторую проводил в молитве, посте, бдении и воздержании. Его духовным отцом был Площанский иеросхимонах Афанасий. Иван Михайлович имел свое келейное правило, подвизался в делах милосердия и страннолюбия, пользовался приходящих к нему мудрыми духовными советами, строго содержал своих домашних, несколько раз избирался на различные обществственные должности. Состоял в духовном общении со старцами: архимандритом Белобережской пустыни Моисеем, Оптиной Пустыни — оо.Леонидом и Макарием. — 178, 308.

Никандра — монахиня Белевского Крестовоздвиженского монастыря. В мире Зайцева. — 178.

Никанор — митрополит С.-Петербургский и Новгородский. 26 ноября 1787 † 17 сентября 1856. В мире Николай Степанович Клементьевский. Родился в семье священника Сергиева Посада. По окончании лаврской семинарии преподавал в ней. В 1812 г. пострижен в монашество, рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. В 1813 г. назначен проповедником академии и соборным иеромонахом Московского Донского монастыря. В 1814 г. возведен в сан архимандрита и назначен наместником Троице-Сергиевой лавры и настоятелем Спасо-Вифанского монастыря. В 1818 г. перемещен в Коломенский Голутвин, а в 1819 г. — в Московский Высокопетровский монастырь. В 1826 г. хиротонисан во епископа Ревельского, викария Петербургской епархии, с поручением управления Троице-Сергиевой пустынью. С 1831 г. — епископ Калужский, с 1834 г. — епископ Минский. В 1835 г. возведен в сан архиепископа. С 1840 г. — архиепископ Волынский и Житомирский и архимандрит Почаевской лавры. В 1843 г. назначен архиепископом Варшавским и Новогеоргиевским с оставлением в должности архиепископа Волынского. С 1848 г. — архиепископ Новгородский. В том же году возведен в сан митрополита Новгородского и С.-Петербургского. Погребен в Духовской церкви Александро-Невской лавры. Преосв. Никанор прославился необыкновенно ревностной точностью в исполнении своих обязанностей. — 68, 156.

Никита — кучер старца Макария. Жил в скиту около 30 лет. — 137.

Никифор Уединенник — преподобный, Афонский подвижник-исихаст. † ранее 1340. Родом латинянин, принявший Православие и поселившийся в пустынных местах св. горы Афон. Вместе с преп. Феолитом, епископом Филадельфийским, был наставником и руководителем преп. Григория Паламы в изучении подвижнического любомудрия. Жил в безмолвии, имел дар умной молитвы. Оставил “Слово о трезвении и хранении сердца многополезное”, в котором собрал высказывания св. отцов о трезвении, внимании и молитве и изложил свое учение по этому вопросу. Это слово вошло в русское Добротолюбие. Память 4 мая. — 319.

Никифор — архиепископ Астраханский и Ставропольский. 15 февраля 1731 † 31 мая 1800. В мире Феотоки. Родился в Греции, на острове Корфу. Закончил Болонскую академию в Италии. Принял монашеский постриг в 1748 г. на родине. В 1776 г. приехал в Россию. С 1779 г. — архиепископ Славенский и Херонский, с 1786 г. — Астраханский и Ставропольский. Преосв. Никифор много сил положил на борьбу с расколом. В 1792 г. уволен от управления епархией и окончил свои дни в Москве в должности настоятеля Московского Данилова монастыря, где и был погребен. Оставил после себя множество богословских и научных трудов, написанных на греческом и русском языках. — 68, 119.

Никодим — епископ Орловский и Севский. † 30 декабря 1839. В мире Николай Андреевич Быстрицкий. Родился в селе Воскресенском Ковровского округа Владимирской губернии в семье священника. Обучался в Суздальской и Владимирской семинариях. В 1808 г. назначен учителем в Переяславское духовное училище, в 1811 г. переведен в Суздальское училище. В 1814 г. пострижен в монашество, в 1815 г. рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. С 1816 г. — строитель Переяславского Залесского Николаевского монастыря, с 1820 г. — игумен Благовещенского Муромского монастыря. С 1825 г. — архимандрит Боголюбского монастыря. В 1827—1828 гг. — настоятель московских Златоустава и Богоявленского монастырей. В 1828 г. хиротонисан во епископа Орловского и Севского. Скончался в

Орле, погребен в Успенском монастыре. Преосв. Никодим отличался подвижнической жизнью и был неумолимо строг к подчиненным. — 35.

Никодим — схиархимандрит, настоятель Малоярославецкого Черноостровского Николаевского монастыря. 1800 (1799) † 7 февраля 1864. В мире Николай Петрович Демутье. Родился в Петербурге, в дворянской семье. Окончил морской кадетский корпус, произведен в чин офицера. Будучи командирован в Николаев, по пути оставил все и пешком пошел до Успенского Фонтанного монастыря близ Одессы. Некоторое время пробыл там, затем едва не попал в старообрядческий монастырь. Восемь месяцев жил в Площанской пустыни, но как не имеющий паспорта был задержан, отправлен в Петербург и вынужден был продолжать службу. После болезни вышел в отставку и уехал в Москву, некоторое время жил вблизи Сергиевой лавры и в Киеве, а затем несколько лет провел в Площанской пустыни со старцем Макарием. 23 октября 1835 г. поступил в Сергиеву пустынь под Петербургом и нес послушание канонарха; там был пострижен в рясофор. 4 декабря 1836 г. переместился за старцем Макарием в Оптину Пустынь, где прожил 5 лет, усердно исполняя послушание сборщика. 5 августа 1840 г. пострижен в мантию с именем Никодима. В 1842 г. рукоположен в иеродиакона и иеромонаха и 25 августа перемещен настоятелем в Мещовский Георгиевский монастырь, который благоустроил внешне и внутренне. В 1853 г. назначен настоятелем Черноостровского Николаевского монастыря. В 1857 г. возведен в сан архимандрита. За несколько дней до кончины пострижен в схиму. Погребен на монастырском кладбище. — 34, 35, 114, 173, 270, 283.

Николай — святитель, архиепископ Мир Ликийских, чудотворец. Память 6 декабря и 9 мая (перенесение мощей). — 185, 241.

Николай I — Император Всероссийский. 25 июня 1796 † 18 февраля 1855. — 234, 270.

Николай — епископ Калужский и Боровский. 1780 † 17 сентября 1851. В мире Иоанн Поликарпович Соколов. Родился в городе Медыни Калужской губернии в семье священника. Обучался в Московской Славяно-греко-латинской академии. В 1800—1816 гг. служил на разных должностях — от учителя до ректора — в Калужской семинарии, Боровском и Тамбовском духовных училище и семинарии. В 1821 г. возведен в сан архимандрита Шацкого Николаевского Чернеева монастыря. С 1822 г. — ректор и учитель Иркутской семинарии и настоятель Иркутского Вознесенского монастыря. С 1826 г. — ректор Тамбовской семинарии и настоятель Козловского Троицкого монастыря. В 1829 г. вызван на чреду священнослужения в Петербург. В 1831 г. хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской епархии. С 1834 г. — епископ Калужский и Боровский. Скончался в Лаврентьевском монастыре, погребен в кафедральном соборе. Преосв. Николай был простым, внимательным и отзывчивым пастырем. Серьезные недоразумения были у него в бытность епископом Калужским в отношении Оптиной Пустыни. Не разобравшись в сути старчества и поверив наветам недоброжелателей, преосв. Николай в 1835—1836 гг. перевел старца Льва из скита в монастырь, запретил ему принимать посетителей и носить схиму. Но милостью Божией и заступничеством митрополита Киевского Филарета эти искушения вскоре миновали. Старец и преосвященный расстались в этой жизни в добрых чувствах друг к другу. — 43, 138, 157, 164.

Николай — схимонах, сподвижник преп. Паисия Величковского. Вместе со старцем Феодором подвизался сначала на Украине, затем в Молдавии у старца Паисия, а потом в Поляномерульском скиту. Там к ним вскоре присоединился старец Онуфрий. После кончины последнего старец Феодор возвратился в Нямецкий монастырь. Старец Николай еще зиму оставался в скиту, а затем также перешел в монастырь, где и скончался незадолго до старца Паисия. Отличался особым смирением. — 116.

Никон — Патриарх Московский и всея Руси. 25 мая 1605 † 17 августа 1681. — 68.

Никон — Оптинский иеромонах. 1805 † 2 октября 1850. В мире Николай Иванович Огиевский (Огневский). Из дворян г. Глухова Черниговской губернии, коллежский секретарь. Оставив службу, поступил в Оптинский скит в 1832 г. и находился под руководством старца Леонида. В 1834 г. пострижен в рясофор, 3 июня 1839 г. — в мантию. В иеродиакона рукоположен 3 декабря 1839 г., в иеромонаха — 1 февраля 1842 г. 25 января 1843 г. избран казначеем обители, но по усиленной просьбе уволен от этой должности 22 марта 1843 г. и опять возвратился в скит, где и оставался до самой смерти. — 129.

Нил Сорский — преподобный. Около 1433 † 7 мая 1508. Происходил из крестьянской семьи Майковых. До поступления в монастырь занимался переписыванием книг. Монашеский постриг принял еще в молодости — в Кирилло-Белозерском монастыре. Его учителем и старцем был иеромонах Паисий (Ярославов), восприемник Великого Князя Василия III от св. купели, будущий игумен Троице-Сергиева монастыря. В 70-х годах XV в. преподобный совершил путешествие в Палестину, Константинополь и на Афон, где познакомился с учением и практикой исихазма. Вернувшись на Русь, он удалился из монастыря в келлию, находящуюся недалеко от его стен, а затем основал скит на берегу реки Соры, где учредил пустынножительство по образу афонских и древних египетских обителей. Согласно такому уставу, братия жили в келлиях по одному, ничего кроме книг, икон и самого нужного иметь не полагалось, предписывалось заниматься рукоделием, но только таким, которое можно было делать под крышей дома, милостыню разрешалось принимать только в крайних случаях и умеренную. Встречались жители скита два раза в неделю, собираясь в храм в среду вечером и в воскресенье. Вводя такое устройство монашеской жизни, преподобный Нил следовал примеру св. Кирилла Белозерского. Выступив проповедником нестяжательной духовной жизни, преподобный не порывал с традиционными формами подвижничества, он ограничил прием в скит требованием о прохождении послушания в общежительном монастыре. На Соборе 1503 года в Москве Нил Сорский поднял вопрос о монастырских владениях, выступив за то, чтобы у монастырей не было сел и имений. Он осудил ересь жиждовствующих и на Соборе 1490 г. повлиял на принятие решения об их наказании. Многие идеи преподобного впоследствии по своему развил его ученик Вассиан Патрикеев. Духовные сочинения преподобного Нила состоят из “Устава скитского” в 11 главах, “Предания ученикам”, ряда посланий к ученикам и “Завещания”. Память 7 мая. — 62, 89, 119, 135, 145, 318.

Нифонт — святитель, епископ Кипрский. IV в. Происходил из Пафлагонии в северной части Малой Азии, из города Плагiona. В детстве отличался смирением и кротостью, часто ходил в храм. Повзрослев, он развратился от дурных товарищей, предавшись сквернословию, воровству и нечистым

грехам, и ожесточился настолько, что совсем не мог молиться. Обличенный своим другом Никодимом, покаялся и обратился с мольбой ко Пресвятой Богородице. В знак ее милости, приходя в храм, видел икону Владычицы улыбающейся. Во время болезни Нифонт сподобился в сонном видении посещения Божией Матери вместе со св.мученицей Анастасией Узорешительницей и получил от Пречистой благословение, в виде масличной ветви, на подвиг борьбы с бесами. Выздоровев Нифонт оставил прежнюю жизнь, удалился от мира и стал иноком. Противостоя диаволу, он часто постился, не вкушая хлеба и воды. По бесовскому навождению, ему было попущено четырехлетнее искушение, состоявшее в помрачении ума, так что святой должен был принуждать себя молиться словами, когда нечистый смущал его хульными помыслами. Однажды, усомнившись в бытии Божиим, обратился к Его иконе с молитвой и увидел ее сияющей и двигающейся. С этого времени на святого сошла благодать Божия, у него открылись духовные очи, он стал побеждать бесов и явно видел Ангелов. Св.Нифонт построил в столице церковь во имя Пресвятой Богородицы, жил при ней и обращал многих в христианство. Во время Литургии он видел Евхаристию, совершаемую Ангелами, принесшими с Неба Отрока и закланными его, причем после окончания службы Отрок таинственно оказывался целым и возносящимся на небо. Св.Нифонту в видении явился св.апостол Павел и повелел принять святительский сан. Не желая быть епископом, он вместе со своим учеником отправился в Александрию, где был посвящен в степень клирика, затем во диакона и пресвитера, а после во епископа города Констанции на о.Кипр. Св.Нифонт проводил жизнь в заботах о спасении своей паствы и делах милосердия, отгнав от города одного беса. После недолгого управления Церковью преставился, за 3 дня предузнав свою кончину. Перед смертью его посетил св.Афанасий Великий, после беседы с ним святой видел духовным зрением сонмы Ангелов, пророков и преподобных во главе с Пресвятой Богородицей. Погребен в храме Св.апостолов. Св.Нифонт известен как наставник и утешитель; он выступал против бесчинных игр, исцелил женщину, страдавшую от зубной боли, чудесным образом видел воздушные мытарства и проходящих их души праведников и грешников, сподобился даров духовного рассуждения и прозорливости. Память 23 декабря. — 214.

Оболенский Дмитрий Александрович, князь — статс-секретарь, член Государственного совета, сенатор. 26 октября 1822 † 22 января 1881. Родился в Петербурге, сын сенатора князя А.П.Оболенского. По окончании Императорского училища правоведения в 1842 г. определен в канцелярию 2-го отделения департамента Правительствующего Сената, в следующем году причислен к департаменту Министерства юстиции. В 1844 г. — Казанский губернский уголовных дел стряпчий, в 1845 г. — товарищ председателя палаты гражданского суда сначала в Туле, а затем в Петербурге. Входил в кружок Великой Княжны Елены Павловны. В 1852 г. — директор С.-Петербургского комитета Общества попечительного о тюрьмах, произведен в коллежские советники. В 1853—1863 гг. служил в Морском министерстве на должности директора комиссариатского департамента, где произвел много преобразований. В 1858 г. удостоен звания статс-секретаря. Был членом различных комиссий, особенно плодотворной была его деятельность в комиссии по книгопечатанию, приведшая к закону о печати 1865 г. и открытию Главного управления по делам печати. В 1863—1870 гг. — директор Департамента таможенных сборов, с 1870 г. — товарищ министра государственных имуществ, с 1872 г. и до конца жизни — статс-секретарь

сенатора и член Государственного совета. Был отмечен многими наградами и знаками монаршей милости. По политическим симпатиям принадлежал к "московской партии", был близким другом многих славянофилов. Скончался в Петербурге, в чине тайного советника. Похоронен на кладбище Александро-Невской лавры. — 279, 281.

Опта (в схиме Макарий) — легендарный атаман разбойников, по преданию, основатель Оптиной Пустыни. — 258.

Орсисий — преподобный. † 376. После смерти преп. Пахомия Великого, в 348 г. избран настоятелем основанного св. Пахомием монастыря Тавеннис. Пробыл на этой должности недолго, передав ее преп. Феодору Освященному. Удалился на покой в Хеновосскую киновию, после кончины св. Феодора вернулся на игуменство в прежнюю обитель и не оставлял его до своей смерти. Был известен как экзегет, до нашего времени дошло его "Учение об устройении монашеского жития", являющееся толкованием Ветхого и Нового Заветов специально для монахов. — 121.

П. (Палладия) — игуменья Великолуцкого Вознесенского монастыря. В мире Юрьевич. Монахиня с 1855 по 1859 г. Управляла монастырем в 1860—1869 гг. — 195.

Павел — св. первоверховный апостол. Память 29 июня. — 51, 208, 313, 319.

Павел — иеромонах, строитель Площанской пустыни. † 1835. Родом из ростовских купцов. Пострижен в монашество на Афоне. По возвращении оттуда жил в Белобережской пустыни и Свенском монастыре, потом определен в Орловский монастырь казначеем, а оттуда — в строители Площанской пустыни, которой управлял 5 лет — с 1813 по 1818 г. Постриг там в монашество о. Макария. При нем освящена церковь Св. Духа и построен братский корпус. В 1818 г. о. Павел перешел в Калугу, в казначей архиерейского дома, где и скончался. Похоронен в Калужском Лаврентьевом монастыре. — 23, 24, 28, 277.

Павел — рясофорный монах Оптиной Пустыни, впоследствии иеродиакон Порфирий. 1824 † ? В мире Павел Алексеев. Из московских мещан. В число братства определен 13 октября 1856 г., на послушническую вакансию — 31 декабря того же года, рясофором накрыт 13 февраля 1857 г., в монашество пострижен 17 ноября 1862 г. Был келейником у настоятеля. В 1863 г. выбыл из Оптиной и определен на послушание в Калужском архиерейском доме. 18 апреля 1864 г. рукоположен в иеродиакона, о чем дано знать в Оптину указом от 20 мая 1864 г. — 291.

Павлина — игуменья Белевского Крестовоздвиженского монастыря. 10 апреля 1813 † 20 июня 1877. В мире Пелагея Ефимовна Овсянникова. Родилась в семье государственных крестьян подгородной слободы города Мценска Орловской губернии. В 1829 г. поступила в Белевский монастырь. В 1837 г. пострижена в рясофор с именем Глафиры, в 1840 г. — в мантию с именем Павлины. Была духовной дочерью старца Леониды, переноса с ним гонения на старчество, а потом — старца Макария. В 1848 г. возведена в игумении Белевского монастыря. При ее правлении владения монастыря были увеличены втрое, а штат — вдвое. — 42, 174, 175, 177.

Паисий — преподобный, схиархимандрит, основатель Нямецкого монастыря в Молдавии. 21 декабря 1722 † 15 ноября 1794. В мире Петр Иванович Величковский. Родился в Полтаве, в семье соборного протоиерея Успенской церкви. Некоторое время учился в Киевской духовной академии,

затем странствовал, жил в Любечском и Медведовском монастырях. В последнем был в 1740 г. пострижен в рясофор с именем Платона. Некоторое время жил в Киево-Печерской лавре при ее типографии, изучал резьбу на меди. В 1742 г. направился в Молдовлахийский скит Трейстены, где познакомился со старцем Василием. Затем странствовал по разным скитам, жил со старцем Онуфрием в скиту Карнул. В 1846 г. переселился на Афон. В 1850 г. был пострижен там в мантию старцем Василием с именем Паисия. Старец указал ему на опасность пустынножительства и посоветовал избрать общежительный путь. О.Паисий поселился сначала в монастыре Пантакратор, а затем с несколькими учениками жил в келлии Св.Константина, где по их усиленным просьбам был в 1758 г. рукоположен в иеромонаха. Впоследствии им был основан скит Св.пророка Илии. В нем на основах полной нестяжательности и послушания сложилось общежительное братство старца Паисия. Сам он с особым усердием изучал святоотеческую письменность, собирал и сличал отеческие книги, сначала на славянском языке, а затем исправлял славянские переводы по греческим подлинникам. Из-за притеснения турецких властей братия вынуждены были сначала на короткое время перейти в монастырь Симонопетру, а затем и вовсе покинуть Афон и переселиться в Молдовлахийскую землю. В 1763—1774 гг. старец Паисий жил в монастыре Св.Духа, именуемом Драгомирн (в Буковине). В этом монастыре он принял схиму без перемены имени. Когда по заключении мира между Россией и Турцией в 1774 г. монастырь отошел к Австрии (помогавшей Турции), братия переселилась сначала в монастырь Секул, а затем, в 1779 г., по предложению молдовлахийского господара Константина Мурузи, в Нямецкий монастырь. Там старец Паисий продолжал свои книжные труды. Всего им переписано около 50 книг, в том числе Добротолюбие, Слова Исаака Сирина, Огласительные слова Феодора Студита, труды Варсонофия Великого, Григория Паламы, Максима Исповедника, аввы Фалассия. Для своего братства старец Паисий составил устав по примеру Афонской горы и изложил учение об Иисусовой молитве в шести главах. В 1790 г. возведен в сан архимандрита. Скончался в Нямецком монастыре, погребен в Великой церкви Вознесения Господня. Гласный сподобил старца Паисия многочисленных даров — прозорливости, пламенной молитвы, премудрости и разума, духовного совета, знания языков, долготерпения и кротости. Преп.Паисий возродил на Руси старчество и оказал огромное влияние на все православное монашество XVIII—XIX вв. — на Афоне, в Молдовлахии и в России, где подвизалось множество его учеников и последователей в различных обителях, в том числе и в Оптиной Пустыни. — 16, 17, 24, 26, 27, 28, 69, 70, 103, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 134, 145, 146, 147, 148, 154, 165, 166, 170, 209, 260, 268, 289, 310, 311.

Паисий — иеромонах Оптиной Пустыни. 1803 † 3 декабря 1870. В мире Павел Иванович Аксенов. Из ливенских купеческих детей. В число братства определен 29 апреля 1837 г., рясофором накрыт 3 августа 1837 г., в монашество пострижен 24 декабря 1841 г. Нес послушание пономаря. 15 августа 1842 г. рукоположен в иеродиакона, а 8 ноября 1845 г. — в иеромонаха. С 1843 по 1848 г. был келлиархом. Указом от 21 мая 1848 г. определен в помощь духовнику иеромонаху Макарию для облегчения в духовнической должности. Указом от 26 февраля 1854 г. определен духовником братии. 19 июня 1855 г. награжден набедренником. В 1857 г. определен строителем Калужской Тихоновой пустыни. В 1859 г. из-за болезни уволен по его прошению от должности строителя Калужской Тихоновой пустыни и 11 де-

кабря 1859 г. определен в число братства Оптиной Пустыни на открывшуюся иеромонашескую вакансию. С 1861 г. был на должности благочинного. — 129, 192, 237, 239, 305.

Палладий — Оптинский иеродиакон. 1782 = 5 ноября 1861. В мире Павел Иванов (?). Из мещан города Глухова. Первоначально жил в Площанской пустыни с о.Макарием, там был накрыт рясофором с именем Паисия. С 1813 г. — в Оптиной Пустыни, в число братства определен 7 мая 1815 г. 11 мая 1818 г. пострижен в монашество, 20 августа 1830 г. определен в иподиакона, 13 мая 1831 г. рукоположен в иеродиакона. С 1836 г. очередного служения по болезни не исправлял, 17 декабря 1843 г. по старости исключен из штата монастыря. О.Палладий прожил в Оптиной 46 лет, проходил различные послушания, в том числе пчельника, пономаря и ризничего. Был великим подвижником и знатоком устава. Характер его был строгий, твердый, прямой и простой. — 20, 29, 34.

Памва — иеромонах Оптиной Пустыни. 1822 = 13 февраля 1891. В мире Петр Иванович Панов. Из вольноотпущенных крестьян. В число братства определен 27 февраля 1850 г., рясофором накрыт 22 февраля 1852 г., в монашество пострижен 7 сентября 1857 г. Нес послушание при рыбной ловле. 13 июня 1863 г. рукоположен в иеродиакона, а 30 сентября 1867 г. — в иеромонаха. С 1888 г. был духовником богомольцев. — 298.

Пантелеимон — св.великомученик и целитель. Честная глава его находится в русском Пантелеимоновом монастыре на Афоне. Память 27 июля. — 74.

Парфений — старец, иеросхимонах Киево-Печерский. 24 августа 1790 = 25 марта 1855. В мире Петр Иванович Краснопевцев. Родился в селе Симоново Алексинского уезда Тульской губернии в семье причетника. Учился в Тульском духовном училище, но не окончил его, почувствовав влечение к иночеству. В 1814 г. был на богомолье в Киево-Печерской лавре, а с 1819 г. окончательно поселился в ней. Нес послушание в просфорне. В 1824 г. пострижен в монашество с именем Пафнутия наместником архимандритом Антонием, в этом же году рукоположен в иеродиакона, в 1830 г. — в иеромонаха. В 1834 г. назначен духовником лавры. В 1838 г. в пещерах преп.Антония принял пострижение в схиму с наречением имени Парфения. По принятии схимы несколько лет провел в тесной келлии, единственное окно которой было заграждено иконой Пресвятой Богородицы. 17 лет со дня принятия схимы он ежедневно совершал Литургию в домовой церкви преосв.Антония, епископа Воронежского, наместника лавры, а весну и лето проводил вместе с ним в Голосеевой пустыни. Последние годы жизни старец провел в уединенных келлиях, расположенных при Ближних пещерах, и ежедневно совершал Литургию в пещерном храме преп.Антония. Служение его имело особую благодатную силу. Старец заранее готовился к смерти и уготовал себе гроб, стоявший в его келлии. Скончался в Великой пяток, погребен в храме Живоносного источника в Голосеевой пустыни. О.Парфений был строг и ревностен в исполнении послушаний, невозмутимо кроток и незлобив, поражал всех удивительным нестяжанием и сам свидетельствовал о себе, что даже в самых юных годах избежал борьбы с плотию, в том числе и мысленных браней. О.Парфений был автором многих молитвенных песнопений, им, в частности, сложено молитвенное призывание преподобных Киево-Печерских отцов. Старец имел особую умиленную любовь к Божией Матери и не раз сподоблялся Ее видения, а также других благодатных явлений — так, ему еще в отроческом возрасте явился Дух Святый в виде голубя. — 68.

- Пафнутий — преподобный Боровский. Около 1395 † 1 мая 1477. Память 1 мая. — 133, 176.
- Пафнутий — Оптинский иеромонах, скитоначальник и братский духовник, впоследствии архимандрит, настоятель Малоярославецкого Черноостровского Николаевского монастыря. 1807 † 23 июня 1891. В мире Петр Мартынович Осмоловский. Из дворян. В число братства определен 29 января 1836 г., в монашество пострижен 27 мая 1839 г. Исполнял клиросное послушание. 9 сентября 1839 г. рукоположен в иеродиакона, а 30 января 1843 г. — в иеромонаха. Был уставщиком (1844 г.) и скитоначальником (с 30 ноября 1853 г.). Указом от 26 февраля 1854 г. определен духовником братии. 22 ноября 1862 г. посвящен в Калуге во игумена Малоярославецкого монастыря. 8 декабря 1862 г. приехал прощаться с обителью, в которой пробыл почти 27 лет, и 17 декабря окончательно отправился на место своего назначения. С о. Пафнутием из скита выбыли его келейники о. Георгий, его брат послушник Николай и послушник Иван Андреевич (родом из Московской губернии). 17 апреля 1886 г. о. игумен Пафнутий был посвящен в архимандрита. Перед кончиной во время продолжительной болезни был пострижен в схиму. — 114, 137, 140, 177, 261, 262, 296.
- Пахомий Великий — преподобный. Около 295 † около 347. Память 15 мая. — 81, 272.
- Передельская Дарья Михайловна (урожд. Иванова) — тетка старца Макария. — 9.
- Передельские — родственники старца Макария. — 10.
- Передельский Алексей Семенович — двоюродный брат старца Макария. — 9, 10, 13, 14.
- Передельский Семен Федорович — дядя старца Макария. — 9.
- Петр — св. первоверховный апостол. Память 29 июня. 16 января особо празднуется поклонение честным веригам апостола Петра. — 208.
- Петр Дамаскин — священномученик, преподобный. † около 775 или в XII в. Согласно Синаксарнику Никодима Святогорца, было два св. отца с таким именем. Преосв. Филарет (Гумилевский) считал, что этот святой жил позднее VIII в., был священноиноком и принял мученическую смерть от меча. Греческое предисловие к творениям св. Петра, изданным в Венеции в 1782 г., сообщает о другом преподобном, подвизавшемся при императоре Константине V Копрониме (VIII в.). Он вел отшельническую жизнь, не имея при себе никаких книг, даже Св. Писания, был трудолюбив, впоследствии поставлен епископом Дамаска. Его подвижничество сменилось мученичеством — за обличение манихеев и мусульман сын аравийского начальника Исима Валид урезал ему язык и отправил в заточение в Аравию, где ему чудесным образом был возвращен дар речи. Он смог священнодействовать и вскоре преставился. Священномученик Петр известен как учитель духовного ведения, ему принадлежит одна книга и 24 слова, вошедшие в греческое Добротолюбие. Славянский перевод его сочинений сделан преп. Паисием Величковским. Память 9 февраля. — 91, 215, 268, 322.
- Петр Иванов — рясофорный монах Оптиной Пустыни, скитский старожил. 1784 † 12 декабря 1867. В мире отставной обер-аудитор. — 56.
- Петр — крестьянин Крапивенского уезда Тульской губернии. — 307.

Петровский Андрей Андреевич — послушник Оптиной Пустыни, в монашестве Андрей. 1786 † 23 января 1867. Происходил из дворян Харьковской губернии. В течение 36 лет военной службы Петровский был в 85 сражениях и дослужился до генерал-майора. Выйдя в отставку, он жил в имении близ Задонска, а последние 9 лет жизни провел послушником Оптиной Пустыни. Любимым занятием его было чтение и переписывание святоотеческих книг. О.Андрей имел редкий духовный дар слез. За три недели до смерти был пострижен в мантию. — 248, 249.

Пимен — иеросхимонах Оптиной Пустыни. 1803 † 1 сентября 1881. В мире Петр Яковлевич Пашенко. Из войсковых обывателей г.Изюма. В число братства определен 16 октября 1840 г., рясофором накрыт 16 сентября 1842 г., в монашество пострижен 27 ноября 1843 г. Исполнял послушания маляра и клиросное. 24 июня 1848 г. рукоположен в иеродиакона, а 23 апреля 1857 г. — в иеромонаха. Указом от 11 июля 1858 г. определен помощником иеромонаха Пафнутия в духовнической должности. С 1873 г. был духовником братии. О.Пимен был любим всеми за кротость и смирение. Все замечания он принимал без всякого самооправдания, сложив смиренно на груди руки, просил молиться о нем. Имел редкое усердие к церковной службе. — 109, 110, 113.

Платон — иеромонах Оптиной Пустыни. 1816 † 11 сентября 1889. В мире Павел Степанович Покровский. Из учителей Липецкого Духовного уездного училища. Образование получил в Тамбовской семинарии (окончил курс по 1-му разряду). В число братства определен 14 декабря 1850 г., рясофором накрыт 24 марта 1853 г., в монашество пострижен 20 декабря 1858 г. Нес послушания на клиросе и при письмоводстве монастырских дел. 2 февраля 1859 г. рукоположен в иеродиакона, 17 июня 1863 г. — в иеромонаха. С 1875 г. из-за потери зрения чередного священнослужения не исправлял. С 1881 г. — монастырский духовник, с 1886 г. духовник богомольцев. О.Платон, родной дядя по матери схиархимандрита Агапита (Беловидова), был близким другом преподобного Амвросия до поступления в Оптину, а впоследствии его духовником. Перевел на русский язык со славянского из 3-й части “Камня веры” Стефана Яровского “Учение православной восточной кафедральной Церкви о святых постах” и “Учение о благих делах, необходимых для вечного спасения”. О.Платоном изданы и его собственные сочинения: “Размышления о вечном блаженстве праведных при воспоминании видений о сем св.Андрея, Христа ради юродивого” и “О вечных мучениях грешников”. — 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 113, 123, 205.

Плетнер Иван Львович — козельский врач. — 282, 285.

Поликарп — епископ Орловский и Севский. 14 августа 1798 † 22 августа 1867 г. В мире Феодосий Иванович Радкевич. Родился в предместье города Каменец-Подольска Русские Фольварки Подольской губернии. Окончил Подольскую семинарию и Киевскую духовную академию. В 1824 г. пострижен в монашество, в 1825 г. рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. В 1823—1829 гг. был инспектором Волынской и Орловской и ректором Могилевской семинарий. С 1829 г. — настоятель Могилево-Братского и Буйницкого Свято-Духова монастырей. В этом же году возведен в сан архимандрита. В 1836 г. перемещен ректором Смоленской семинарии и настоятелем Спасо-Авраамиева монастыря. С 1843 г. — настоятель Афинской посольской церкви в Греции. В 1850 г. — настоятель Нежинского монастыря и Бахчисарайского Успенского скита. В 1852 г. — настоятель Балаклавского Георгиевского монастыря. В 1853 г. хиротонисан во епископа Одесского, вика-

рия Херсонской епархии. В 1857 г. — начальник миссии в Иерусалиме. С 1858 г. — епископ Орловский и Севский. Погребен в Орле, в Успенской церкви архиерейского дома. Преосв. Поликарп был строг, но милостив, особенно следил за воспитанием учащихся. В личной жизни — великий аскет, постник и нищелюбец, творец Иисусовой молитвы. Благодатью Божией в юности четыре раза был избавлен от смерти. — 125.

Половцев Александр Андреевич — брат архиепископа Ювеналия, действительный тайный советник, член Совета Министерства Государственных имуществ. 1805 † 9 мая 1892. Принадлежал к дворянскому роду Псковской губернии, происходившему из Малороссии от белоцерковского полковника и войскового писаря Симеона Половца, сподвижника Богдана Хмельницкого, одного из приближенных Царя Петра I. По окончании Инженерного корпуса в 1821 г. выпущен прапорщиком в Пионерный батальон и участвовал в турецкой кампании 1828 г. В 1832 г. по болезни оставил военную службу в чине штабс-капитана и поступил в Министерство внутренних дел чиновником особых поручений. Составил статистику Российской Империи для К.И.Арсеньева, который на основе ее читал курс лекций наследнику Цесаревичу Александру Николаевичу. В 1839 г. перешел на службу в Министерство юстиции, в 1845 г. причислен к Министерству Государственных имуществ, в 1846 г. назначен инспектором по постройке православных церквей в казенных имениях Западного края России, в 1848 г. избран депутатом С.-Петербургского дворянского депутатского собрания по Лужскому уезду. В 1857 г. назначен членом Совета министерства государственных имуществ. В 1882 г. произведен в действительные тайные советники и вышел в отставку. Погребен в Черемнецком монастыре Лужского уезда Петербургской губернии. — 100, 101.

Половцев А.В. — племянник архиепископа Ювеналия. — 100, 101.

Половцев Михаил Андреевич — брат архиепископа Ювеналия. — 100.

Полугарская Мария Павловна — жена И.И.Полугарского. — 83.

Полугарский Илья Иванович — помещик, благотворитель Оптиной Пустыни. † 1858. В 1821 г. жил в Москве и был избран в члены-корреспонденты Вольного общества любителей российской словесности. Известен переводом с французского “Заиры”, трагедии Вольтера (издан в Москве в 1821 г.). — 83.

Полунина Мария Павловна — сестра монахини Алевтины. — 185.

Потемкин Григорий Александрович, князь — знаменитый деятель Екатерининской эпохи, фаворит Императрицы Екатерины II. Около 1739 † 5 октября 1791. Родился в селе Чижове близ Смоленска, в дворянской семье. В юности прекрасно знал греческий язык и церковную историю, что впоследствии дало повод к мнению, что он своими родителями был назначен к монашеству. Учился в Московском университете. Участием в государственном перевороте 28 июня 1762 г. обратил на себя внимание Императрицы Екатерины II и был сделан камер-юнкером. Во время перенесенной в юности тяжелой болезни затворился на полтора года и положил себе непременно постричься в монахи, чтобы достигнуть архиерейства, но с выздоровлением оставил это намерение. В 1763 г. назначен помощником обер-прокурора Св.Синода, в 1768 г. пожалован в камергеры. В 1769 г. отправился на Турецкую войну, где отличился во многих сражениях. В ближайшие годы Потемкин был сделан последовательно генерал-адъютантом, подполковником Преображенского полка, членом Государственного

совета, “главным командиром”, генерал-губернатором Новороссийского края, возведен в графское достоинство и стал, по отзывам иностранных послов, “самым влиятельным лицом в России”. Потемкина особо занимал вопрос о южных границах России: он овладел Крымом, выработал “греческий проект”, согласно которому Турция должна была быть уничтожена, а корона нового Византийского царства возложена на одного из внуков Императрицы Екатерины II. Потемкин провел ряд военных реформ, построил флот на Черном море, заложил и благоустроил ряд южно-русских городов. В войне с Турцией 1797 г. действовал успешно и получил титул гетмана казачьих екатеринославских и черноморских войск. Скончался скропостижно от перемежающейся лихорадки вблизи Ясса, похоронен в Херсоне. Князь Потемкин всегда имел искреннее уважение к догматам и обрядам Церкви, почитал духовенство, был дружен с митрополитами Гавриилом и Платоном. Своими беседами со старообрядцами он привлек несколько тысяч семей в Православную Церковь. — 16.

Прокопович Петр Иванович — первый русский пчеловод-теоретик и выдающийся практик. 29 июня 1775 † 22 марта 1850. Родился в селе Миценках Черниговской губернии близ города Батурина, в дворянской семье. Окончил Киевскую духовную академию. Служил в Переяславском конно-егерском и гусарском Боура полках. В 1799 г. по болезни вышел в отставку с чином поручика и поселился в имении отца, где с 1802 г. занялся исключительно пчеловодством на основе собственных опытов, которое из промысла он возвел на степень науки. В 1828 г. открыл в Батурине первую в России школу пчеловодства, куда приезжали пчеловоды со всей России. Был замечательным практиком, изобрел улей нового сложения и придумал целую систему ульев. Прокоповичем написаны ряд статей по своему делу и книга “Школа пчеловодства” (1866, 1874). — 79.

Протасов (Пратасов) Николай Александрович, граф — генерал-адъютант, обер-прокурор Св.Синода, член Государственного совета и Главного управления училищ. 27 декабря 1798 † 16 января 1855. Родился в Москве, сын сенатора А.Я.Протасова. Служил в лейб-гвардии гусарском полку, участвовал в Турецкой войне 1828 г. и в походах в Царстве Польском в 1831 г., затем был адъютантом при графе Бенкендорфе, графе Дибиче-Забалканском. С 1834 г. перешел в гражданскую службу: член Главного правления училищ (1834), товарищ министра народного просвещения (1835), член комиссии духовных училищ, обер-прокурор Св.Синода (с 1836 по 1855). Под его управлением была образована специальная обер-прокурорская канцелярия, фактически подчинившая всю систему духовного управления обер-прокурору и лишившая Синод его прежнего значения. Скончался в Петербурге, погребен в Московском Донском монастыре. — 165.

Протасова (Пратасова) Наталья Дмитриевна, графиня — жена Н.А.Протасова. Урожд. княжна Голицына. 28 июня 1803 † 17 февраля 1880. Родилась в Москве, дочь московского военного генерал-губернатора князя Д.В.Голицына. С 1861 г. статс-дама, с 1865 г. — обер-гофмейстерина при Государыне Императрице. Скончалась в Петербурге, погребена рядом с мужем в Московском Донском монастыре. — 281.

Протасьева Мария Петровна — настоятельница Арзамасской Алексеевской общины. В схиме Марфа. 2 марта 1760 † 30 апреля 1813. Происходила из старинного дворянского рода Костромской губернии, родилась в Ростове. 15-ти лет ушла из дому странствовать. Поступив в Костромской монастырь, ездила в Соловки к сосланному туда о.Феодору Санаскарскому. По его

благословению поступила в Алексеевскую Арзамасскую общину, которой руководил старец. В 1785 г. сделана ее настоятельницей. Приняла тайную схиму с именем Марфы. При ее управлении община процвела духовно, м.Марфа явно и тайне благовостила многим. После кончины старца Феодора м.Марфа искала советов у о.Амфилохия, иеромонаха Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря, переписывалась со старцем Паисием Величковским и хотела ехать к нему, но получила извещение от Бога о своей скорой кончине. Имела дар духовной беседы. — 119.

Пфель К.К. — главный доктор Московского сухопутного госпиталя. — 142.

Раиса — монахиня Белевского Крестовоздвиженского монастыря. В мире Е.С.Загряжская. Ею принесен в дар монастырю серебряный киот с частью Ризы Господней. — 299.

Рафаила — монахиня Белевского Крестовоздвиженского монастыря. — 192.

Савватий — иеросхимонах Оптиной Пустыни. 1833 † 1895. В мире Сергей Адрианович Нехорошев. Из болховских мещан. В число братства Оптиной Пустыни определен 12 августа 1857 г., на послушническую вакансию — 17 сентября 1858 г. Рясофором накрыт 16 февраля 1859 г., в монашество пострижен 22 октября 1866 г. Был пономарем в скиту. 31 декабря 1872 г. рукоположен в иеродиакона, а 31 декабря 1878 г. — в иеромонаха. С 1879 г. из-за болезни чередного служения не исправлял. — 55.

Самуил — в 1819 г. иеродиакон, после 1822 г. — иеромонах Глинской Богородицкой пустыни, ученик Глинского игумена Филарета. В 1824 г. исполнял послушание ризничего. — 16, 29.

Сандулов С.Я. — родственник старца Макария, казначей уездного казначейства в городе Льгове Курской губернии. — 10.

Сандулова Авдотья Ивановна — двоюродная сестра старца Макария. — 9.

Семей — вениамитянин, сын Геры из рода Саулова. Встретил царя Давида и его свиту с грубыми проклятиями и камнями, когда тот бежал из Иерусалима при возмущении Авессалома. Когда Давид возвращался с торжеством в Иерусалим, Семей первый вместе с друзьями вышел ему навстречу. Он пал ниц к царским ногам, умоляя его о прощении своего греха, и был пощажён Давидом. Далее до последних дней жизни Давида в Библии нет никаких сведений о Семее. Умиравший Царь в наставлениях сыну Соломону особенно предостерегает его против Семей, в верности которого он, очевидно, сильно сомневался. По смерти Давида Семеею было приказано не оставлять Иерусалима и ни под каким предлогом не переходить потока Кедронского под страхом неминуемой смерти. Однако спустя три года Семей нарушил царское приказание: он удалился в Геф, чтобы найти двух своих убежавших слуг. Узнав об этом, Соломон, по возвращении Семей, велел предать его смерти. — 213.

Сенявин — 11.

Серапион — Оптинский иеродиакон. 1817 † 28 января 1867. В мире Стефан Федосеевич Шкретковский. В число братства Оптиной Пустыни определен 7 октября 1840 г., рясофором накрыт 19 ноября 1843 г., в монашество пострижен 14 августа 1849 г. Исполнял клиросное послушание, был канонархом. 8 декабря 1857 г. рукоположен в иеродиакона. — 53.

Серафим — преподобный, Саровский чудотворец. Память 2 января (преставление, второе обретение мощей) и 19 июля (первое обретение мощей). — 68.

Серафим — иеромонах, строитель Белобережской и Площанской пустыней. † 1826. В мире Веденисов. Родом из купцов города Сызрани. Некоторое время был казначеем Брянского Свенского монастыря, затем строителем Белобережской пустыни. С 1818 г. — строитель Площанской пустыни, куда ему было позволено взять 10 человек братии для улучшения церковного чина и порядка. Переменил столповое пение на киевское и благоустроил монастырь. Был добрым наставником для братии, которая при нем увеличилась до 100 человек (при штате в 7 человек). Пустыню управлял 6 лет, в ней скончался и погребен. О.Серафим был одним из любимых учеников старца Василия (Кишкина), жизнь вел воздержную, нравом был приветлив и кроток. — 17, 28, 31.

Сергий — преподобный Радонежский, всея России чудотворец. Память 25 сентября (преставление) и 5 июля (обретение мощей). — 131, 132, 133, 136, 140, 142, 170, 295.

Сергий — митрополит Московский и Коломенский. 9 мая 1820 † 11 февраля 1898. В мире Николай Яковлевич Ляпидевский. Родился в Туле, в семье протоиерея. Окончил Тульскую семинарию и Московскую духовную академию. В 1844 г. пострижен в монашество, рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. Был бакалавром, инспектором, профессором и ректором Московской академии. В 1850 г. возведен в сан архимандрита. В 1858 г. настоятель Высокопетровского, в 1859 г. — Заиконоспасского монастыря. В 1861 г. хиротонисан во епископа Курского и Белгородского. С 1880 г. — архиепископ Казанский и Свияжский, с 1893 г. член Св.Синода, с 1893 г. — митрополит Московский и Коломенский и Свято-Троицкой Сергиевой лавры священноархимандрит. Скончался в Петербурге, отпевание совершено в Чудовом монастыре, погребен в склепе Успенского собора лавры. Высокопреосв.Сергий был глубоко проникнут верой в истину Православной Церкви и являлся строгим хранителем церковности. Нес подвиг часто-го совершения крестных ходов. Отличался мудростью, осторожностью и благоразумием, был требователен к себе и другим. — 124, 142, 149, 164, 166, 167, 168, 170, 171, 172.

Сергий — Оптинский иеродиакон, впоследствии схииеродиакон. 1817 † 31 августа 1884. В мире Симеон Федотович Трунов. Из дворян, помещик Курской губернии Щигровского уезда. В Оптиной находился с июля 1833 г., в монастырь поступил вместе с братом Павлом тайно от родителей. В число братства определен 4 декабря 1853 г., в монашество пострижен 7 сентября 1857 г. Отличался твердым и точным знанием церковного устава, который он усвоил под руководством старца Макария. Келейным занятием о.Сергия было письмо по уставу. Он переписал “Лествицу” св.Иоанна Лествичника. Кроме того, искусно вырезал параманные кресты из дерева и кости. 13 августа 1862 г. рукоположен в иеродиакона. С февраля 1873 г. не служил из-за потери голоса. В июле 1884 г. заболел внутренней болезнью и перебрался из скита в монастырскую больницу, где 30 июля был осoboрован и пострижен в схиму без перемены имени. — 123, 180, 297.

Сергий — рясофорный монах Оптиной пустыни, в мантии Симон. 1816 † 13 августа 1856. В мире Сергей Егорович Лактионов. Из государственных крестьян. В число братства определен 31 декабря 1846 г., рясофором накрыт 31 декабря 1850 г. Нес послушания в братской поварне, при монастырской гостинице, при рыбной ловле, был помощником эконома. В монашество пострижен 30 апреля 1855 г. — 306.

Симеон Новый Богослов — преподобный. 949 † 12 марта 1022. Происходил из Пафлагонии, воспитывался в Константинополе у своего дяди, одного из придворных. После завершения образования находился некоторое время при императорском дворе. Поступил под руководство старца Симеона Благоговейного и принял иночество в столичном монастыре св.Феодора Студита. Его строгая подвижническая жизнь вызвала неудовольствие среди братии. С благословения старца он был вынужден перейти в обитель Св.Маманта, где по смерти настоятеля избран во игумена и рукоположен во пресвитера Патриархом Николаем Хрисовергом. Благоустроив монастырь, он уединился в безмолвии, оставив после себя игуменом опытного о.Арсения. Установил празднование в честь Симеона Благоговейника после его блаженной кончины. Это вызвало неудовольствие в Константинополе, и преподобный должен был покинуть город. Он поселился недалеко от храма Св.Марины в окрестностях столицы. Один из императорских вельмож, Христофор Фагура, почитавший св.Симеона, уступил ему всю эту местность и помог устроить там монастырь. Преставился святой после 30 лет пребывания в безмолвии. Мощи его открыты в 1050 г. Преп.Симеон является одним из величайших православных подвижников-мистиков и созерцательных богословов. Оставил множество общехристианских и подвижнических сочинений, переписанных его учеником Никитой Стифатом. Ему принадлежат 92 Слова, деятельные и богословские главы, вошедшие в русское Добротолюбие. Известен своей духовной поэзией, создал 60 Божественных гимнов богословского содержания. Память 12 марта. — 27, 88, 96, 121, 165, 166, 171, 208, 315, 321.

Симеон — схимонах, основатель Белобережской Брянской пустыни. 1672 † 15 ноября 1741. В мире Симеон. Родился в семье священника села Архангельского Тульской губернии. В 1707 г. женился, но через полгода оставил семью и начал странствовать по святым местам. В 1710 г. в Карачевском Николаевском Одринском монастыре пострижен в рясофор с именем Серафима. В Полбиной Предтеченской пустыни Орловской губернии пострижен в мантию с именем Серапиона. В 1714 г. удалился в Брянские леса на уединение. Прожив там три года, о.Серапион стал строителем новооткрытой Белобережской пустыни, составившейся из братии, вышедшей из Белопесоцкого Предтеченского Брянского монастыря. В 1722 г. там была построена церковь в честь Рождества св.Иоанна Предтечи. С 1725 г. о.Симеон претерпел немало скорбей: его обвиняли в самовольном устройении пустыни и в самовольной же отлучке от нее, в присоединении к расколу и даже в распутной жизни. В 1726 г. он был отрешен от настоятельства и, закованный в цепи, отправлен в московский Спасо-Андроньев монастырь. Вскоре начальство убедилось в его невинности, и о.Серапион был помещен на жительство в Николаевский Одрин монастырь, а с 1727 г. вновь назначен строителем Белобережской пустыни. В его управление пустыни было пожертвовано много земельных угодий, построена каменная церковь. В 1741 г. о.Серапион был келейно облечен в схиму с именем Симеона. В том же году скончался и погребен в новопостроенной Владимирской церкви. По смерти являлся болящим, и они по его молитвам получали исцеления. — 68, 70.

Смарагд — архиепископ Орловский и Севский. 9 марта 1796 † 11 ноября 1863. В мире Александр Крыжановский. Родился в селе Великой Березянке Тарашенского уезда Киевской губернии в семье священника. Учился в Киевской семинарии и в Киевской и Петербургской духовных академиях. В 1819 г. рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. Преподавал в Петер-

бургской и Киевской академиях. В 1824 г. возведен в сан архимандрита. В 1826 г. назначен ректором Киевской семинарии и настоятелем Киево-Выдубицкого монастыря. В 1828 г. переведен в Вифанскую семинарию и Высокопетровский монастырь, а затем назначен ректором Киевской академии и настоятелем Киево-Братского монастыря. В 1830 г. переведен ректором в Петербургскую академию и настоятелем в Пинский Богоявленский монастырь. В 1831 г. хиротонисан во епископа Ревельского, викария Петербургской епархии и назначен управлять Троице-Сергиевой пустынью под Петербургом. В 1833 г. назначен на Полоцкую кафедру, где вел энергичную борьбу за присоединение униатов к Православию. Ту же задачу выполнял и в Могилевской епархии, куда был переведен в 1836 г. В 1840 г. назначен в Харьков, в 1841 г. — в Астрахань, в 1844 г. перемещен в Рязанскую епархию. Погребен в Рязани, в Архангельском соборе. Из-за резкого, решительного и внешне грубоватого характера у преосв.Смарагда всю жизнь было много недоброжелателей, но заслуги его перед Русской Церковью неоспоримы. — 131, 158, 161, 162, 163, 164.

Соломон (правильно: Саломон) Петр Петрович — член Государственного Совета, сенатор, действительный тайный советник, благотворитель Оптиной Пустыни. 19 ноября 1819 † 9 марта 1905. Потомственный дворянин, получил образование в Императорском царскосельском лицее. В 1840 году поступил на службу в ведомство Министерства юстиции. Через два года переведен старшим помощником секретаря Пятого департамента Правительствующего Сената. С 1845 года исполнял должность обер-секретаря Первого департамента Сената, затем служил помощником статс-секретаря Государственного Совета, был директором-управляющим письмоводством Санкт-Петербургского Опекунского Совета, а впоследствии состоял членом Высочайше утвержденного при IV отделении Собственной его Императорского Величества канцелярии секретного комитета под председательством принца Петра Георгиевича Ольденбургского. Далее он назначался исполняющим должность директора канцелярии Государственного контроля и членом Комитета отчетности и ревизии. В 1857 году перешел на службу в ведомство православного исповедания и был назначен старшим чиновником за обер-прокурорским столом в Св.Синоде, а также управляющим синодальной канцелярией. В 1860 году командирован для собирания сведений о состоянии православных церквей и монастырей на Востоке. В 1863 году определен членом консультации при Министерстве юстиции. С 1864 года — сенатор, с 1889 — член Государственного Совета. В 1856 г. П.И.Саломон возведен в ранг действительного статского советника, в 1864 г. — тайного советника, с 1883 г. — действительный тайный советник. Награжден орденом св.Владимира I степени. Скончался в Петербурге. — 196, 286.

Степанида — крестьянка. — 198.

Татиана — монахиня Белевского Крестовоздвиженского монастыря. В мире Иванова. Бывшая крепостная Кавелиных. — 99, 103, 182.

Тихон — преподобный, Калужский чудотворец. † 1492. Ученик преп.Пафнутия Боровского. Пустынничеством занимался в лесах недалеко от г.Малоярославца на берегу реки Вепрейки. Проводил высокую подвижническую и постническую жизнь, пребывая в дупле большого дуба и питаясь дикими растениями вместе с водой из колодца, выкопанного им самим. Владелец тех мест князь Василий Ярославич Боровский дерзнул при встрече с преподобным приказать ему удалиться и замахнулся на него плетью — за что был наказан: у него онемела рука. После чудесного исцеления он раскаялся и

обещал устроить обитель для иноков. Преп.Тихон основал монастырь в честь Успения Божией Матери на берегу р.Оки и, собрав в нем своих учеников, стал их наставником и настоятелем. Преставился в глубокой старости, приняв схиму. Св.Тихон прославился множеством исцелений, происходящих от его мощей, а также от воды из его колодца и от частей дуба, в дупле которого он подвизался. Мощи преподобного погребены в Успенской церкви монастыря. Память 16 июня. — 173.

Тихон — святитель, епископ Воронежский и Елецкий, Задонский Чудотворец. 1724 † 13 августа 1783. В мире Тимофей Савельевич Кириллов (носил также фамилии Савельев — по имени отца и Соколовский — данную в семинарии). Родился в селе Короцко Валдайского уезда Новгородской губернии в семье причетника. Обучался в Новгородской семинарии, где впоследствии был учителем греческого языка, риторики и богословия. В 1757 г. пострижен в монашество, рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. В 1759 г. сделан инспектором семинарии, в этом же году возведен в сан архимандрита и назначен последовательно настоятелем Желтикова монастыря, настоятелем Отроча монастыря (оба в Тверской епархии), ректором Тверской семинарии и преподавателем богословия, и вместе с этим членом духовной консистории. В 1761 г. хиротонисан во епископа Кексгольмского и Ладожского; был викарием епископа Новгородского, управлял Хутынским монастырем. В 1763 г. назначен на Воронежскую кафедру. Там он пробыл менее пяти лет, но успел многое сделать для блага паствы. Он обратил внимание на улучшение нравственного состояния духовенства, для чего напечатал свое сочинение “Должность священническая о седми святых тайнах” и разослал послание к духовенству о трезвом и скромном поведении. Святитель заботился об образовании духовного юношества. Для наущения народа установил в Воронеже открытое преподавание закона Божия по воскресным дням и для этой же цели издал свое сочинение “Плоть и дух”. Св.Тихон являлся строгим обличителем современных пороков, уничтожив народный праздник Ярилы и бесчинные масленичные забавы, а также ревностным искоренителем раскола. Нищие и бедные имели всегда свободный доступ к св.Тихону и обильную от него милостыню. Здоровье святителя от непомерных трудов, забот и различных скорбей надорвалось, и он в 1767 г. был вынужден уйти на покой, избрав для своего пребывания Спасо-Преображенский Толшевский монастырь, а затем Богородицкий Задонский монастырь. Здесь он предался подвигам уединенной иноческой жизни: целыми ночами простаивал на молитве, причем достигал такой высоты богомыслия, что видел наяву на молитве Божественный свет, нес различные труды, вел широкую благотворительную деятельность, заботился о заключенных в темницах, построил богадельню в городе Ливны Орловской губернии, докончил и составил вновь некоторые свои сочинения: “Об истинном христианстве”, “Сокровище духовное, от мира собираемое”, “Краткие поучительные слова” и другие. За три дня предсказал свою кончину. Погребен в особо устроенном склепе под алтарем соборного храма Задонского монастыря. В 1846 г. мощи св.Тихона обреты нетленными и пребывающими в том положении и виде, в каком находятся мощи св.угодников Киево-Печерских. В 1861 г. было совершено торжественное их открытие. Ныне почитают в Богородицком соборе. Св.Тихон еще при своей жизни получил от Господа дары прозорливости, исцеления и чудотворения. После его кончины люди служили панихиды при гробе святителя и по вере своей получали исцеление. Случаи исцелений по открытии и перенесении мощей св.Тихона не поддавались исчислению. В 1825—

1826 г. митрополит Евгений (Болховитинов) издал полное собрание сочинений святителя Тихона в 15-ти томах, впоследствии не раз переиздававшееся. Память 13 августа. — 70, 247, 248.

Толстой Александр Петрович, граф — генерал-адъютант, обер-прокурор Св.Синода, член Государственного совета. 28 января 1801 † 21 июня 1873. Происходил из рода грузинского царя Вахтанга VI. В 1817 г. вступил в военную службу. В 1824-1826 гг. находился в экспедиции по обозрению берегов Каспийского и Аральского морей. В 1826 г. назначен в Коллегию иностранных дел с причислением к посольству в Париже. В 1827 г. командирован в Константинополь для военно-топографических описаний и с секретными целями. В 1828 г. вновь поступил в военную службу, участвовал в войне с Турцией, имел награды за храбрость. В 1829 г. пожалован флигель-адъютантом, в 1830 г. оставил военную службу. В звании камергера был первым секретарем миссии в Турции, затем чиновником особых поручений в Министерстве внутренних дел. В 1834 г. произведен в действительные статские советники и назначен губернатором в Тверь, где служил до 1837 г. В 1837—1840 гг. был генерал-губернатором в Одессе. После конфликта с князем М.С.Воронцовым, Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором, в 1840 г. вышел в отставку и уехал за границу. Вернулся к службе только в 1855 г. В 1856—1862 гг. он был обер-прокурором Св.Синода, в 1862—1864 гг. — членом Государственного совета, в 1864—1866 гг. — членом Департамента государственной экономики. В 1873 г. совершил путешествие в Иерусалим и скончался на обратном пути в Женеве. Погребен в Москве. Граф Толстой находился в духовной дружбе с Н.В.Гоголем и окормлялся у Оптинских старцев. Современники отмечали в нем природную доброту, склонность к созерцательной жизни и аскетизму; передавали, что он тайно носил вериги. Н.П.Гиляров-Платонов относил Толстого к разряду “оптинских христиан” — людей, жаждущих, чтобы православное христианство в России было осуществлением того, что читаем в Исааке Сирине, Варсонофии и проч.”. — 196.

Ф. — 141.

Фалассий — преподобный. † около 660. Был пресвитером и настоятелем одного монастыря в Ливийской пустыне близ города Карфагена. Вел подвижническую жизнь, занимался изучением Св.Писания. В греческом тексте “Душеполезной повести” об одном мертвце, воскресшем для покаяния в грехах, сообщается, что воскресший карфагенский воин был приведен к преподобному и рассказал ему о виденных им мытарствах. Чудо это имело место во времена экзарха Никиты. Св.Фалассий был духовным другом преп. Максима Исповедника, который называл его своим наставником. Состоял с ним в переписке, по его просьбе св.Максимум созданы широко известные “Вопросоответы к Фалассию”. Был знаменитым подвижником и учителем подвижничества, ему принадлежат 400 изречений о любви, воздержании и духовной жизни, посвященные пресвитеру Павлу. Все они преимущественно нравственно-аскетического и отчасти догматического характера, повлиять на богословское творчество св.Иоанна Дамаскина. Включены в русское Добротолюбие. — 27, 121, 145, 146, 147, 171.

Феогност — преподобный. Точных сведений о жизни и подвигах не имеется. Возможно, был тем толковником из Александрии, о котором упоминается в 106-м чтении “Библиотеки” Патриарха Фотия. Известны его главы о жизни деятельной и созерцательной и о священстве, посвященные “преподобным отцам Лазарю и Варлааму”. В них содержатся наставления в

области подвижнического опыта и о долге священства. Вошли в русское Добротолюбие. — 212.

Феодор Студит — преподобный. 759 † 826. Память 11 ноября. — 27, 115, 120, 144.

Феодор — святитель Едесский. † 9 июля 848. Память 9 июля. — 88, 90, 92.

Феодор — схимонах Александрo-Свирский. 1756 † 5 апреля 1822. Родился в городе Карачеве Орловской губернии, из купеческого звания. В юности дважды уходил в Площанскую пустынь и один раз в Белобережскую и каждый раз был возвращаем домой матерью. После тяжелого искушения отправился на богомолье в Киев, а оттуда в Молдавию, в Нямецкий монастырь, под руководство старца Софрония. Некоторое время подвизался в пустыне со старцами Онуфрием и Николаем, затем снова возвратился в Нямецкий монастырь, где принял схиму. Впоследствии, гонимый людской молвой, завистью и клеветой, старец жил в Чолнском монастыре, Белобережской пустыни, Новоезерском монастыре, Палеостровской пустыни, в Валаамском скиту с оо.Клеопой и Леонидом и, наконец, в Александрo-Свирском монастыре, где и почил о Господе. — 17, 29, 47, 69, 70, 116, 117.

Феодосий — старец, архимандрит, настоятель Софрониевой пустыни в Курской епархии. † 1802. В мире Феодор Маслов. Родился в городе Глухове. Иноческое воспитание получил в молдавском Поляномерульском монастыре под руководством старца схимонаха Василия, по смерти которого некоторое время управлял этой обителью. Здесь он вступил в духовный союз со старцем Паисием Величковским. В 1772 г. избран настоятелем Тисманской обители, но из-за притеснений турок вынужден был переселиться в Россию со всей братией. В 1779 г. назначен строителем Софрониевой пустыни, где ввел общежительный Афонский устав. При нем обитель стала образцом и источником иночества для других монастырей. Отличительными чертами характера старца Феодосия были строгость и духовное рассуждение. — 16, 29, 268, 310.

Феодосий — игумен, настоятель Свято-Троицкого Лютикова монастыря. 1 февраля 1824 † 20 октября 1903. В мире Феодор Афанасьевич Попов. Родился в селе Большой Карай вблизи города Балашова Саратовской губернии, в семье откупщика. В детстве подвижничал, был на богомолье в Киеве, два года прожил в Троице-Сергиевой лавре. В 1845 г. поступил в Оптину Пустынь к старцам Макарию и Амвросию. Затем некоторое время, по семейным обстоятельствам, должен был жить в миру и служить, а потом, пробыв недолго в Лебедянском монастыре, вернулся в Оптину. После этого жил в Площанской пустыни, вновь в миру и, наконец, в 1760 г., по благословению Троекуровского затворника Илариона, поступил окончательно в Свято-Троицкий Лебедянский монастырь. Там он прожил 15 лет, претерпев немало искушений, так как монастырь был неустроен духовно. Был пострижен в рясофор без изменения имени, 28 июля 1863 г. пострижен в монашество, 15 июля 1864 г. рукоположен в иеродиакона, а 28 января 1868 г. — в иеромонаха. Перемещен в Оптину Пустынь 19 апреля 1875 г. С 8 апреля 1877 г. определен настоятелем Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря, а 23 апреля 1879 г. утвержден его строителем. 31 марта 1885 г. возведен в сан игумена. В должности настоятеля Лютикова монастыря о.Феодосий находился до 10 февраля 1894 г. Последние годы (1894—1909) провел на покое в скиту Оптиной Пустыни, где им были написаны

записки о своей жизни. Литературно обработанные С.А.Нилусом, они вошли в его книгу "Сила Божия и немощь человеческая" (Сергиев Посад, 1908). По воспоминаниям оптинской братии, отличительными чертами игумена Феодосия были необыкновенная незлобивость, смирение и редкий дар умиленных слез во время совершения богослужения, а также дар прозорливости. О.Феодосий находился в духовном общении с о.Филаретом Пловчанским, архимандритом Троицкого Даниловского монастыря в Переяславле-Залесском о.Герасимом и другими. — 111, 112, 114.

Феофан — святитель, Затворник Вышенский. 10 января 1815 † 6 января 1894. В мире Георгий Васильевич Говоров. Родился в селе Чернавское Елецкого уезда Орловской губернии в семье священника. Учился в Ливенском духовном училище, Орловской семинарии, Киевской духовной академии. В 1841 г. пострижен в монашество в Киево-Братском монастыре, в этом же году рукоположен в иеродиакона и иеромонаха в Киево-Печерской лавре. Был ректором Киево-Софийского духовного училища, инспектором Новгородской семинарии и Петербургской академии. В 1847—1853 гг. служил в Русской духовной миссии в Иерусалиме, где собрал немало святоотеческих рукописей и печатных изданий на греческом языке. За труды в миссии в 1853 г. был возведен в сан архимандрита. По возвращении в Россию преподавал право в Петербургской академии, в 1855—1856 гг. был ректором Олонецкой семинарии. В 1856—1857 гг. служил настоятелем Посольской церкви в Константинополе. В 1857—1859 гг. был ректором и профессором Петербургской академии. В 1859 г. о.Феофан хиротонисан во епископа Тамбовского и Шацкого в Александро-Невской лавре. Преосв.Феофан служил на Тамбовской кафедре четыре года и прославился как замечательный проповедник. Время его правления ознаменовано как скорбными — беспорядками в Дивеевской обители, пожарами в Тамбовской губернии, — так и радостными событиями — началом выхода "Тамбовских епархиальных ведомостей", открытием мощей святителя Тихона Задонского. В 1860 г. вышла книга епископа Феофана "Письма о христианской жизни", вызвавшая большой интерес в обществе. В 1863 г. преосв.Феофан перемещен на Владимирскую кафедру и пробыл на ней три года. За это время за ним окончательно укрепилась слава проповедника, основано Богоявленское православное братство для борьбы с расколом, начали выходить "Владимирские епархиальные ведомости", открыто училище для девиц духовного звания. В 1866 г. преосв.Феофан подал прошение об увольнении его на покой с правом пребывания в Вышенской пустыни Тамбовской епархии. Сначала он был назначен ее настоятелем, но вскоре от этой должности отказался и стал вести подвижническую жизнь в уединении, продолжавшемся 28 лет. Первые шесть лет он не уединялся окончательно. Главным занятием его в это время были молитва и богослужение, он охотно принимал посетителей и даже выезжал из монастыря. После Пасхи 1872 г. преосв.Феофан затворился в отдельном флигеле, принимая к себе лишь духовника и келейника, а с миром сносясь только письменно. В одной из келлий была устроена церковь во имя Богоявления, в которой святитель служил в последние годы ежедневно. Помимо постоянной молитвы преосв.Феофан занимался богословскими и учено-литературными трудами, у него была обширная библиотека, В 1868 г. издан его главный труд — "Путь ко спасению. Краткий очерк аскетики", в основу которого легли лекции, читанные в Петербургской академии, и сборник "О покаянии, причащении Святых Христовых Таин и исправлении жизни", состоящий из проповедей, произнесенных в Тамбовской и Владимирской епархиях. В последующие

годы было издано еще 10 книг на основе проповедей. Многие произведения епископа Феофана печатались в журнале “Домашняя беседа” — в частности “Письма о духовной жизни”. С 1872 г. стали выходить труды святителя экзегетического характера — толкования посланий апостола Павла, 118-го псалма, изложение Евангелий в последовательном порядке, исследования и переводы святоотеческих творений. С 1875 по 1890 гг. святитель трудился над составлением русского Добротолюбия. В 1877 г. вышла книга в виде писем “Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться”, в ясной и простой форме излагающая пути ко спасению, в 1885 г. — книга “Невидимая брань” (переложение труда Никодима Святогора). Последним, неоконченным, трудом святителя стал сборник “Иноческие уставы”. Преосв.Феофан вел обширную переписку — она составила впоследствии 8 выпусков его писем. Святитель и в затворе вел энергичную борьбу словом с раскольниками и новыми сектами — пашковцами, штундистами, последователями Льва Толстого. Преосв.Феофан горячо болел духом за Россию, живо интересовался всеми внешнеполитическими событиями (особенно русско-турецкой войной), следил за развитием богословской мысли. В короткие минуты отдыха святитель занимался иконописью, резьбой по дереву, токарным и переплетным искусством, игрой на фисгармонии. В последние годы готовился принять схиму. Скончался в праздник Богоявления, особо им почитаемый. Погребен во Владимирском приделе Казанского собора Вышенской пустыни. Преосв.Феофан отличался крайней нестяжательностью, широкой благотворительностью, совершенным постничеством, даром богомудрого совета и рассуждения, бесстрашием. На могиле его происходили исцеления, и сам почивший являлся страждущим, утешая и исцеляя их. Причислен к лику святых в 1988 г. Память 10 января. — 63, 216, 228, 267.

Феофан — архимандрит, настоятель Калужского Лаврентьева монастыря в 1786—1799 гг. Сперва управлял монастырем в сане игумена. В 1798 г. возведен в сан архимандрита Платоном, митрополитом Московским и Калужским. В 1799 г., когда монастырь был обращен в архиерейский дом, о.Феофан остался в Московской епархии. Сначала управлял Можайским Лужецким монастырем, а потом Спасо-Андрониевым, который он возобновил и благоустроил после пожара 1812 года. — 8.

Филарет — св.праведный, Милостивый. † 1 декабря 792. Память 1 декабря. — 76, 154.

Филарет — св.митрополит Московский и Коломенский. 26 декабря 1782 † 19 ноября 1867. В мире Василий Михайлович Дроздов. Родился в городе Коломне Московской губернии. Отец его был соборным протоиереем. Учился в Коломенской и Троицкой лаврской семинариях, в последней по окончании преподавал греческий и еврейский языки. Здесь рано проявились его блестящие способности проповедника. В 1808 г. пострижен в монашество и рукоположен в иеродиакона. В 1809 г. вызван в Петербург, определен на должность инспектора Петербургской духовной семинарии и посвящен в иеромонаха. В этом же году назначен ректором Александро-Невского духовного училища, в 1810 г. перемещен в духовную академию. В 1811 г. за “отличие в проповедании слова Божия” пожалован наперсным крестом и возведен в сан архимандрита. В 1812 г. назначен ректором Петербургской академии, настоятелем Новгородского Юрьева монастыря и сделан присутствующим членом С.-Петербургской духовной консистории. В 1816 г. определен настоятелем Московского Новоспасского монастыря. За

эти годы о.Филарет был удостоен многих знаков монаршей милости. В 1817 г. хиротонисан во епископа Ревельского, викария С.-Петербургской епархии. В 1819 г. — архиепископ Тверской и член Св.Синода, в 1820 г. — архиепископ Ярославский, с 1821 г. — архиепископ и с 1826 г. — митрополит Московский и Свято-Троицкой Сергиевой лавры священноархимандрит. Московской епархией высокопреосв.Филарет управлял почти полвека, и это был самый блестящий период в ее истории. Без святителя не решалось ни одно дело как в Московской епархии и в Св.Синоде, так и в делах высшего управления. Он неутомимо проповедывал слово Божие, следил за учебными заведениями, вел борьбу с расколом, участвовал в деле воссоединения униатов с Православной Церковью, занимался уставом для бедных духовного звания, мужественно заботился о своей пастве в холерные эпидемии 1830—1831, 1848 и 1853—1854 гг., вел широкую благотворительную деятельность и обширную переписку, пекая о чистоте древнецерковного пения, благоговейно почитал старца Серафима и издал его житие, следил за современной ему литературой (широко известна его стихотворная переписка с А.С.Пушкиным), всемерно поддерживал старцев Оптиной Пустыни. Делом всей жизни митрополита Филарета был перевод Св.Писания на русский язык, начатый еще в петербургский период и увидевший свет уже после смерти святителя. Деятельность его выходила за пределы России и простиралась на дела Православного Востока. В 1885—1888 гг. было издано многотомное “Собрание мнений и отзывов митрополита Филарета по учебным и церковно-государственным вопросам”, а в 1873—1885 гг. пяти-томное издание проповедей “Сочинения Филарета, митрополита Московского и Коломенского”. Помимо того, перу святителя принадлежат еще многие сочинения, из которых особо следует упомянуть “Христианский катихизис Православной восточной греко-российской Церкви”, неоднократно переиздававшийся со значительными изменениями и в сокращенном виде. Особенную ценность представляют письма митрополита Филарета к разным лицам (например, переписка его с духовником, наместником Троице-Сергиевой лавры архимандритом Антонием обнимает 4 тома). Преосв.Филарет находился в духовном общении с преосв.Иннокентием, будущим митрополитом Московским, архимандритом Макарием, просветителем Алтая, митрополитом Филаретом Киевским, наместником лавры архимандритом Антонием, Оптинскими старцами Львом, Макарием и Амвросием. Глубокое впечатление на современников производила личность митрополита Филарета. Святитель отличался сильным и острым умом, необыкновенной проницательностью, мудростью, прекрасной памятью, осторожностью и тактом, твердой волей и непоколебимостью убеждений. Вся неутомимая деятельность святителя соединялась с подвижнической личной жизнью. Ему всегда были присущи строгий пост и горячая молитва. Преосв.Филарет постоянно стремился к уединению и с этой целью основал Гефсиманский скит в окрестностях Троице-Сергиевой лавры, где любил бывать, особенно в последние годы жизни. Господь сподобил его даров пророчества, прозорливости, чудотворения, духовного совета и рассуждения, понимания и толкования Св.Писания. Еще при жизни святителя по его молитвам происходили исцеления — расслабленной девочки, немой в продолжение 13 лет девицы. Много подобных случаев было и по его кончине. Чудесна была и сама кончина святителя, предсказанная ему явившимся во сне покойным отцом. Погребен в южном приделе Свято-Духовского храма лавры. В 1994 г. обретены св.мощи митрополита Филарета, и в этом же году он причислен к лику святых. Память 19 ноября.

— 67, 68, 77, 83, 105, 118, 123, 124, 125, 128, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 139, 140, 142, 144, 146, 148, 149, 150, 153, 154, 155, 165, 172, 258, 266, 267, 281, 285, 295.

Филарет — митрополит Киевский и Галицкий. В схиме Феодосий. 17 апреля 1779 † 20 декабря 1857. В мире Феодор Георгиевич Амфитеатров. Родился в семье священника села Высокое Кромского уезда Орловской губернии. По окончании Севской семинарии был назначен туда преподавателем, а впоследствии был ее инспектором и ректором. В 1798 г. пострижен в монашество и рукоположен в иеродиакона, в 1799 г. — в иеромонаха, в 1802 г. возведен во игумена и архимандрита. С 1804 по 1813 гг. ректорствовал в Севской, Уфимской и Тобольской семинариях. В 1813 г. назначен настоятелем Иосифова Волоколамского монастыря. Занимал должность инспектора в Петербургской, а затем в Московской духовных академиях, в последней с 1816 г. был ректором. В 1818 г. определен настоятелем Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. В 1819 г. хиротонисан во епископа Калужского и Боровского. Будучи Калужским архиереем, он основал при Оптиной Пустыни скит во имя Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Занимал впоследствии другие кафедры (Рязанскую, Казанскую, Ярославскую и Киевскую). Преосв.Филарет поддерживал связь с Оптиной Пустынью в течение всей жизни. Состоял в близкой духовной дружбе с митрополитом Московским Филаретом. В частной жизни был строгим аскетом. С 1840 г. — в тайной схиме. По молитвам преосв.Филарета при жизни его и по смерти совершено немало чудес. — 68, 77, 130, 154, 156, 157, 276.

Филарет — игумен, настоятель Глинской Рождество-Богородицкой пустыни. 1777 † 31 марта 1841. В мире Фома Данилевский, родился на Украине. Хорошо зная устав и пение, в юности исполнял обязанности канонарха и келейника у старца Трифиллия, настоятеля Дальних пещер в Киеве. После чудесного исцеления от болезни по молитвам Киево-Печерских угодников, пел на клиросе Великой церкви в лавре. В 1802 г. он пришел в Софрониеву пустынь к архимандриту Феодосию, который в этом же году постриг его в мантию. В 1803 г. посвящен в сан иеродиакона, в 1806 г. — в иеромонаха, с возложением послушания благочинного. В 1817 г. назначен строителем Глинской пустыни, которой управлял до смерти. При нем в обители был введен Афонский устав, старчество с откровением помыслов (в чем немало помогли старцы Василий и Феодот), построены здания по новому плану, основан ближний скит, увеличен штат братии. О.Филарет находился в духовном общении с Антонием, архиепископом Воронежским, Филаретом, митрополитом Московским, слепым Петром, преп.Серафимом Саровским. В Москве и Петербурге он вел борьбу с мистическим направлением в русской Церкви и полемику в защиту монашества. Им составлено описание Глинской пустыни, уставы для трех женских монастырей, переписаны многие святоотеческие и богослужебные книги. При постоянном упражнении он получил от Бога дар непрестанной умно-сердечной Иисусовой молитвы. О.Филарет удостоился при жизни явления Божией Матери. — 16, 29.

Филарет — старец, Новоспасский иеромонах. В схиме Феодор. 9 мая 1758 † 27 августа 1842. В мире Феодор Николаевич Пуляшкин. Родился в семье купца города Вязьмы Смоленской губернии. Тринадцати лет поступил в Саровскую пустынь, а затем в Московский Симонов монастырь. В 1785 г. пострижен в монашество и рукоположен в иеродиакона. В 1788 г. переме-

щен в Александро-Невский монастырь, а в следующем году рукоположен в иеромонаха. В 1794 г. определен в больничную церковь Московского Новоспасского монастыря, в 1798 г. избран братским духовником, но уже на следующий год от всех должностей уволен по болезни и оставлен на больничном содержании. Нескольким лет провел в безмолвии, затем вышел на открытое служение ближним. В 1826 г. был келейно пострижен в схиму с именем Феодора. Похоронен в усыпальнице Новоспасского монастыря под алтарем Знаменской церкви. Старец Филарет находился в духовном общении с архимандритом Александром Арзамасским, схимонахом Афанасием (Захаровым), иеромонахом Ростовского Спасо-Яковлевского монастыря Амфилохием. Обладал в высокой степени духовными дарами мудрого совета и прозорливости. Старец Макарий по его совету перешел из Плотчанской в Оптину Пустынь. — 37, 70, 118.

Филофей — преподобный Синайский. Начало IX в. Инок и впоследствии игумен обители Купина на горе Синай. Известен своими трудами аскетического характера, ему принадлежат “40 глав о трезвении”, “О бодрствовании и молитве” и другие сочинения, часть из которых вошла в русское Добротолюбие. — 316.

Филофей — епископ Костромской и Галичский. 1808 † 29 января 1882. В мире Тимофей Григорьевич Успенский. Родился в селе Заколякине Даниловского уезда Ярославской губернии. В 1832 г. окончил Московскую духовную академию и тогда же пострижен в монашество. С 1832 по 1842 гг. был бакалавром Московской и инспектором Петербургской духовных академий. С 1842 по 1849 гг. служил ректором духовных семинарий: Харьковской, Вифанской и Московской. В 1849 г. хиротонисан во епископа Дмитровского, викария Московской епархии. С 1853 по 1857 гг. был епископом Костромским. В 1857 г. перемещен в Тверскую епархию. В 1861 г. возведен в сан архиепископа, а в 1876 г. назначен митрополитом Киевским и Галицким со званием священноархимандрита Киево-Печерской лавры. По отзывам современников, отличительною чертою высокопреосв. Филофея было подвижничество в самых высоких и строгих формах, не умеряемое ни болезнью, ни старостью, и особый благодатный характер. — 169.

Флавиан — иеросхимонах, казначей Оптиной Пустыни. 24 марта 1823 † 30 мая 1890. В мире Феодосий Матвеевич Маленков (Маленьков). Родился в Орле, в купеческой семье. В юности бывал на богомолье в Киеве, Софрониевой, Глинской и Оптиной пустынях. С 1844 г. — в Оптином скиту. Определен в число братства 18 августа 1849 г., посвящен в стихарь 29 августа 1850 г., накрыт рясофором 22 февраля 1852 г., пострижен в монашество 29 апреля 1855 г., рукоположен в иеродиакона 14 июня 1858 г., в иеромонаха — 29 августа 1862 г. Исполнял послушания пономаря и ризничего, с 23 октября 1862 г. исправлял должность казначея (утвержден в ней с 23 июля 1865 г.). О. Флавиан постоянно находился при старцах Макарии и Иларионе. В 1863 г. переведен из скита в монастырь. В 1890 г. принял пострижение в схиму. — 77, 188, 297.

Флавиана — монахиня Белевского Крестовоздвиженского монастыря. В мире (в рясофоре ?) Анна. Келейница м. Макарии, впоследствии игумении. — 187.

Фотий — святитель, Патриарх Константинопольский. † 6 февраля 886. С юных лет был воспитан родителями в истинах св. веры, кроме того, получил и прекрасное светское образование. Высокое развитие и благочестие давали ему возможность занять патриарший престол, но св. Фотий решительно

отказывался от этой чести, предпочитая смиренное иночество. Однако, несмотря на нежелание Фотия принять патриарший сан, собор епископов 861 г. подтвердил его избрание, совершенное по инициативе Императора Михаила III. Св.Фотий ревностно подвизался в устроении дел Церкви. Особенно важна его роль в распространении христианства среди славян. По случаю крещения болгарского князя Бориса он послал в Болгарию архиепископа и священников для христианского просвещения, а по просьбе греческого Императора Михаила и моравского князя Ростислава отправил в Моравию свв.братьев Кирилла и Мефодия для распространения там христианской веры. Будучи ревностным защитником Православия, Патриарх Фотий боролся с нововведениями римской церкви и притязаниями римского папы Николая I, за что в 867 г. был удален в ссылку. Спустя 10 лет он вновь был признан законным Патриархом и снова занял свою кафедру. Однако происками папы Иоанна VIII и его преемников, а также императора Льва VI в 886 г. Фотий опять был удален с патриаршего престола. Умер в изгнании в 891 г. После него остались многочисленные сочинения. Память 6 февраля. — 266.

Цицури́н — начальник стола счетной экспедиции в казенной палате города Курска. — 10.

Чури́лин Дми́трий Ни́китич — козельский мещанин, рабочий по найму в Оптиной Пустыни. — 289, 290.

Шевы́рев Степа́н Петро́вич — профессор Московского университета, историк русской словесности, критик, поэт. 18 октября 1806 † 8 мая 1864. Родился в Саратове, в образованном дворянском семействе. Окончил Московский университетский благородный пансион, служил в архиве Государственной коллегии иностранных дел, участвовал в кружках Раича и Веневитинова. В 1827—1829 гг. издавал вместе с М.П.Погодиным журнал “Московский вестник”. В 1829—1832 гг. жил в Италии в качестве учителя сына княгини З.А.Волконской. Занимался переводами, писал стихи и статьи романтического направления. В 1834—1838 гг. читал в Московском университете курсы лекций по истории всеобщей словесности, русского языка и русской словесности (в 1845—1860 гг. на основе их были изданы 4 тома “Истории русской словесности”). В 1838 г. Шевырев снова уехал за границу, где посещал лекции западных ученых, работал в библиотеках и откуда вывез еще более усилившееся нерасположение к Западу. Летом 1847 г. совершил паломничество в Кирилло-Белозерский монастырь и издал книгу “Путешествие в Кирилло-Белозерский монастырь”. В университете Шевырев последовательно занимал должности старшего профессора русской словесности, декана философского факультета, профессора кафедры педагогики. В 1851 г. избран ординарным академиком Императорской Академии наук. К юбилею Московского университета (в 1855 г.) им написаны его история и биографический словарь профессоров. В 1857 г. в результате конфликта с графом Бобринским, оскорблявшим русские порядки (Шевырев горячо вступился за Россию), был уволен со службы и выслан из Москвы. В 1860 г. уехал за границу. В 1861—1862 гг. читал во Флоренции и Париже публичные лекции по русской литературе. Скончался в Париже. Как критик Шевырев часто выступал в защиту славянофилов, был дружен с Гоголем. В 1840—1850 годы совместно с Киреевским активно участвовал в святоотеческих изданиях Оптиной Пустыни. — 118, 119, 125.

Ювена́лий — архиепископ Литовский и Виленский. 21 октября 1826 † 12 апреля 1904. В мире Иван Андреевич Половцев. Родился в городе Ораниенбауме

Петербургской губернии. Образование получил в Михайловской артиллерийской академии, состоял на военной службе. После тяжелой болезни оставил службу с чином подпоручика артиллерии и 15 марта 1847 г. поступил послушником в Предтеченский скит Оптиной Пустыни. 29 апреля 1855 г. пострижен в монашество, в 1856 г. посвящен в иеродиакона, 11 июля 1857 г. — в иеромонаха. С 22 октября 1857 г. по октябрь 1861 г. был вместе с иеромонахом Леонидом (Кавелиным) членом Иерусалимской духовной миссии. 10 октября 1861 г. назначен настоятелем Глинской Богородицкой пустыни с возведением в сан игумена. С 8 мая 1862 г. — настоятель Коренной Рождество-Богородицкой пустыни с возведением (15 августа) в сан архимандрита. 21 декабря 1867 г. переведен наместником в Александро-Невскую лавру. 26 июня 1871 г. уволен по болезни на покой в Оптину Пустынь. 21 мая 1884 г. назначен наместником Киево-Печерской лавры. 25 октября 1892 г. хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии. С 3 сентября 1893 г. возведен в сан архиепископа и назначен архиепископом Литовским и Виленским. С 1899 г. — почетный член Казанской духовной академии. Скончался в городе Вильно и погребен в Свято-Духовом монастыре. Высокопреосв. Ювеналий с детства отличался благочестием. В юности его товарищи-артиллеристы сулили ему в насмешку белый клобук. В Оптиной Пустыни подвизался под руководством старца Макария, будучи у него в беспрекословном послушании. Главным занятием его была подготовка к печати святоотеческой литературы; перевел с новогреческого на русский книгу преп. Дамаскина. В совершенстве владел языками французским, немецким и английским, а приняв монашество, прекрасно изучил греческий, латинский и сирийский языки. О. Ювеналий был связан узами тесной духовной дружбы с о. Леонидом (Кавелиным), игуменом Исаакием (Антимоновым), имел особое расположение к старцу Агапиту (Беловидову), который за пять-шесть лет до возведения его во епископы в Киево-Печерской лавре увидел его (еще архимандритом) сияющим в архиерейском саккосе и омофоре. В продолжении многолетнего служения Церкви являл собою образец твердой веры и благочестия, горевший любовью к обездоленным, неимущим, вдовам и сиротам. Особо заботился о просвещении юношества. Во время его управления в Вильно был сооружен величественный Знаменский собор, выстроены и отремонтированы многие другие храмы. Высокопреосв. Ювеналию принадлежит “Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной Пустыни архимандрита Моисея”. — 100, 101, 102, 103, 113, 122, 123, 133, 134, 136, 158, 167, 171, 205, 294, 295, 297.

Юлия — схимонахиня Шамординской Казанской Амвросиевской пустыни. В мире Гурьева. Автор воспоминаний о старце Макарии. — 234.

ОПТИНСКОЙ СВЯТОСТИ МУДРЫЙ ХРАНИТЕЛЬ

(Архимандрит Агапит —
автор Жизнеописания старца Макария)

Оптина Пустынь, одна из старинных обителей нашего Отечества, расположена в удивительном по красоте месте. Но не дивной природой и не чудотворными святынями привлекала к себе обитель многочисленных паломников, а своей высокой духовностью, целой плеядой великих старцев, ибо до начала старчества маленький монастырь в глухом лесу на безвестной до этого реке Жиздре ничем не выделялся. Благодатное старчество, это древнее монашеское делание, возродили в Оптином скиту последователи учеников преподобного Паисия Величковского. В период своего расцвета Оптина была очагом духовной жизни Православной Руси, лечебницей многих заблудших и израненных душ. А процветало Оптиное старчество целое столетие — с двадцатых годов прошлого века и до двадцатых годов века нынешнего, — передаваясь по преемству от одного духоносного мужа к другому: келейник или письмоводитель старца нередко сам становился старцем.

Однако свет Оптиной Пустыни проливался не только через старцев обители, но и через ее книжные труды. За восемь десятилетий оптинского книгоиздательства вышло около двухсот книг, брошюр и листов (примерно сто названий) общим тиражом до полумиллиона экземпляров. То, о чем говорили и писали отцы первых веков христианства, вновь ожило — сначала в Оптиной и других монастырях, а затем и в разных слоях русского общества.

“Все русское монашество, — подчеркивал святитель Игнатий Брянчанинов, — обязано особенной благодарностью Оптиной Пустыни за издание многих творений святых отцов перевода старца Паисия, столь точно передавшего отеческие мысли.” Святоотеческие издания были продолжены книгами об Оптиных старцах и настоятелях — Льве, Макарии, Моисее, Антонии, Иларионе, Амвросии, Анатолии (Зерцалове), Исаакии и Иосифе, — а также сборниками их писем и наставлений. В начале века богатейшие архивы Оптиной Пустыни привлекли внимание Сергея Александровича Нилуса, ставшего бытописателем обители. Все его книги по сути представляют собой обширную оптинскую эпопею. “Неисчерпаемое чудес море” духовных сокровищ оптинских архивов таит в своих таинственных глубинах еще немало драгоценных жемчужин.

Одной из таких драгоценностей, без сомнения, является и издаваемая ныне замечательная рукопись — полное жизнеописание Оптиного старца иеросхимом-

наха Макария. Подготовленное к печати оптинскими насельниками в начале нынешнего века, оно так и не было издано и до 1989 года оставалось под спудом, пока митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим не передал рукопись в возрождающуюся Оптину.

Рукопись сохранилась в хорошем состоянии и представляет собой объемистый переплетенный фоллиант, в котором пронумеровано 416 листов. Первые 25 листов напечатаны на пишущей машинке в старой орфографии, а остальные последовательно переписаны тремя разными почерками, очень красиво и аккуратно, орешковыми чернилами, на почтовой бумаге большого формата.

Составитель Жизнеописания некоторое время оставался неизвестным. Установить авторство помогла Летопись скита Оптиной Пустыни за 1900—1916 годы. 11 сентября 1901 года скитский летописец инок Павел (Плиханков), будущий старец Варсонофий, записал в ней:

“По благословению начальника скита о.Иосифа, рясофорным послушником скита о.Павлом собраны материалы для составления нового, более полного жизнеописания старца о.Макария. Материалы составляют: сказания о жизни о.Макария некоторых старожилов братий монастыря и скита, современников старца, а также братий и сестер других монастырей, с коими он имел духовные сношения при жизни. Сегодня все эти материалы переданы о.архимандриту Агапиту, которому благословлено составление нового жизнеописания о.Макария.”

Эти материалы до разгрома Оптиной Пустыни покоились в архиве обители, а ныне хранятся в составе фонда № 214 Отдела рукописей Российской государственной библиотеки. К ним относятся:

Сказания о старце Оптиной Пустыни Макарии (Иванове), собранные скитоначальником иеросхимонахом Анатолием (2-ая половина XIX века, скоропись, 115 листов; ед. хр. 298);

Последние дни Оптинского старца иеросхимонаха Макария (2-ая половина XIX века, скоропись, 11 листов; ед. хр. 299-1) — брошюра с таким названием стала первой книгой, изданной Оптиной Пустынью о старце Макарии (М., 1860);

Воспоминания о старце Оптиной Пустыни иеросхимонахе Макарии (2-ая половина XIX века, скоропись, 22 листа; ед. хр. 299-2);

Воспоминания о старце Оптиной Пустыни иеросхимонахе Макарии (2-ая половина XIX века, скоропись, 24 листа; ед. хр. 299-3);

Сказания инокинь Белевского монастыря Марии Добровольской, Клеопатры и Рафаилы — о старце Макарии Оптинском (1900 г., скоропись, 4 листа; ед. хр. 299-4);

Опись материалам для жизнеописания старца иеросхимонаха Макария, собранным в 1900 и 1901 гг. Составлена 12 сентября 1901 г. (скоропись, 2 листа; ед. хр. 299-5). Составлена в виде таблицы, в конце — подпись: “Грешный послушник Оптинского скита Павел”. На рукописи стоит штамп библиотеки скита с шифром: отд. 1, № 491.

Точно неизвестно, когда именно архимандрит Агапит закончил работу над рукописью и по каким причинам она не вышла в свет. Возможно, издать книгу помешали война и революция. Но одно можно сказать с уверенностью — работа

над Жизнеописанием старца Макария продолжалась не менее полутора десятков лет. Свидетельства этому есть в самом Жизнеописании: так, упоминается о перестройке начальнического корпуса в скиту при игумене Варсонофии летом 1910 года; о святителе Иоасафе Белгородском, причисленном к лику святых в 1911 году, говорится как о "еще не прославленном в то время" (при жизни старца Макария); Санкт-Петербург назван Петроградом (он был переименован в августе 1914 года, после вступления России в Первую мировую войну)*. Интересно, что начиная с 253-го листа и до последних слов Жизнеописания "Конец, и Богу слава и благодарение" книга писана рукой самого архимандрита Агапита — это тот же свособразный почерк, каким написано стихотворение "Злоумный разбойник" (автограф о.Агапита).

"Архимандрит Агапит — одна из таинственнейших фигур истории Оптиной, — писала духовная дочь его близкого ученика, Оптинского старца Нектария, Надежда Александровна Павлович. — Он был исключительно образован (в мирском смысле) и вместе — духовно одарен."

Архимандрит Агапит, в мире Андрей Иванович Беловидов, родился в 1842 году в семье канцеляриста Лебединского духовного правления. В Тамбовской духовной семинарии Андрей был возведен на степень студента — это означало, что он прошел полный курс наук, которые там преподавались. Окончив семинарский курс, 23-летний студент богословия 28 июля 1865 года поступил послушником в скит Оптиной Пустыни. Выбор монастыря, по-видимому, был не случаен: в Оптином скиту уже пятнадцать лет подвизался о.Платон — родной дядя Андрея по матери. Иеромонах Платон, в мире Павел Степанович Покровский, до поступления в Оптину преподавал в Липецком духовном училище. Он был близким другом Александра Михайловича Гренкова, будущего Оптинского старца Амвросия, а поселившись в скиту, помещен с ним в одном корпусе и еще рясофорным послушником привлечен старцем Макарием к переводам святоотеческих творений. Ко времени прихода в скит своего племянника о.Платон уже плодотворно трудился в оптинском книгоиздательстве: в 1862 — 1863 годах в Москве были изданы его собственные сочинения "Размышления о вечном блаженстве праведных при воспоминании видений о сем святого Андрея, Христа ради юродивого" и "О вечных мучениях грешников", там же в 1863 и в 1865 годах были напечатаны переложенное о.Платоном из 3-ей части "Камня веры" митрополита Стефана Яворского "Учение Православной Восточной Кафолической Церкви о святых постах" и "Учение о благих делах, необходимых для вечного спасения". Не исключено, что литератур-

* В предисловии к Жизнеописанию указан один из источников, использованных при его составлении: "устные рассказы оптинских монахов-старожилов, которые теперь уже все отошли в жизнь вечную". Последний современных старца Макария дожил до революционных потрясений. После того как, по дневниковой записи С.А.Нилюса, "окончил подвиг своего земного жития один из коренных столбов Оптинского благочестия, игумен Марк, старейший из всех подвижников Оптиных" ("На берегу Божьей реки"), таких "монахов-старожилов" оставалось трое, как это отмечено в скитской летописи:

"1909 г. Март 18. Скончался в монастыре живший на покое игумен Марк, глубокий старец, современник покойного Оптинского старца неросхимонаха Макария. Таких Оптиных старожилов, состоявших в числе Оптинского братства при жизни о.Макария, остается в настоящее время трое, а именно: иеромонах о.Иованний, поступивший в обитель в 1859 г., и монахи: о.Феофан — в 1857 г. и о.Антоний — в 1858 г. (согласно данным канцелярии о.Оптинского настоятеля)."

Первым из них отошел ко Господу о.Иованний:

"1912 г. Ноябрь 8. Св<ятого> Архистр<атига> Михаила. <...> На трапезу скитяне ходили в мон<асты>рь, по случаю похорон неросхимонаха Иованния, умершего 5 ноября от воспаления в легких. В священном сане служил 47 лет."

Затем, 16 февраля 1915 года, почил 82 лет о.Феофан, а 19 апреля 1917 года преставился 85 лет о.Антоний.

В числе тех, кто помнил старца Макария, С.А.Нилюс называет схимонаха Нафанаила (Жураковского), скончавшегося 14 октября 1917 года.

ные труды о. Платона повлияли и на род деятельности его племянника — будущего агнографа.

В скиту брат Андрей стал учеником и письмоводителем преподобного Амвросия. Первое послушание он исправлял клиросное — был канонархом в Предтеченском храме. Затем, 27 марта 1867 года, его назначают скитским библиотекарем, а по отъезде в Задонск трапезного, инока Иоанна Побойнина (будущего иеросхимонаха Иеронима), посещавшего Оптину еще при старце Макарии, в мае того же года, — трапезным.

28 марта 1868 года послушник Андрей был пострижен в рясофор, а 17 июня 1872 года, в субботу, в скитском Предтеченском храме — в мантию с наречением имени Агапит, в честь преподобного Агапита Исповедника, епископа Синадского (память 18 февраля).

28 августа 1873 года монаха Агапита посвятил в сан иеродиакона приехавший в Оптину Калужский епископ Григорий, к которому преподобный Амвросий питал особенное благоговение: “умен и свят” — таков был всегдашний отзыв старца об этом святителе. По прошествии трех лет, 28 июля 1876 года, владыка Григорий, освящавший храм во имя Преподобного Илариона Великого при монастырской больнице, рукоположил иеродиакона Агапита в сан иеромонаха.

1 августа 1881 года епископ Владимир, заместитель Калужской кафедры по кончине архиепископа Григория, наградил иеромонаха Агапита набедренником. Три года спустя, 4 августа 1883 года, вышел Указ Святейшего Синода о назначении иеромонаха Агапита настоятелем Лихвинского Покровского Доброго монастыря, и 26 сентября он уехал из скита*.

18 марта 1886 года иеромонаха Агапита наградили наперсным крестом, а 13 апреля 1890 года возвели в сан игумена.

Через полтора года игумен Агапит приехал в Шамординскую Казанскую женскую общину, где преставился ее основатель преподобный Амвросий, на погребение своего наставника — об этом он впоследствии упомянет в Жизнеописании почившего старца: “12 октября в субботу настоятелем Лихвинского Покровского Доброго монастыря, игуменом Агапитом, прибывшим к погребению старца, прежде жившим при нем немалое время в Оптином скиту, отслужены были соборные: молебен с акафистом пред чудотворною Казанскою иконою Божией Матери, Литургия и панихида над гробом старца. Затем опять продолжались весь день и ночь частные панихиды.” В Воскресенье, 13 октября 1891 года, о. Агапит участвовал в отпевании старца.

15 мая 1894 года игумен Агапит был “всемилоостивейше награжден знаком ордена Святой Анны III степени”, а 30 сентября того же года переведен настоятелем в Мещовский Георгиевский монастырь — на место о. Досифея, который стал настоятелем Оптиной Пустыни после кончины схиархимандрита Исаакия.

На Вознесение 1896 года игумен Агапит был произведен в архимандрита, а 19 сентября того же года Указом Калужской Духовной Консистории назначен исправляющим должность благочинного половинной части монастырей Калужской епархии. На этом послушании архимандрит Агапит пребывал недолго: 24 октября 1897 года

* Добрый монастырь был связан с Оптиной поэтическим преданием, о котором упоминал в беседах с духовными чадами старец Варсонофий. Когда-то в лесах, окружавших Оптину Пустынь, жили три знаменитых разбойника: Опа и два брата — Добрый и Лютый. Раскаявшись в своих злодеяниях, они изменились и сделались монахами, основав монастыри, впоследствии названные их именами: Оптин, Добрый и Лютиков.

В Добрый монастырь 9 мая 1885 года в келейники к о. Агапиту по благословению преподобного Амвросия был принят инок Оптинского скита Афанасий Меньев, будущий иеромонах Лютикова монастыря о. Амвросий (скончался в Оптиной 5 ноября 1903 года). Он благословил С. А. Нилуса на поездку к святому праведному Иоанну Кронштадтскому, после встречи с которым произошло окончательное обращение духовного писателя.

Определением Святейшего Синода, согласно прошению, по болезненному состоянию он был уволен от должности настоятеля и согласно его желанию 4 ноября того же года помещен на жительство в Оптину Пустынь. 10 ноября о.Агапит переехал в Оптинский скит — там его поселили на покой в Климентовский корпус.

Основным занятием архимандрита Агапита в родном скиту стали духовно-литературные труды. Начало им он положил еще при жизни старца Амвросия. О.Агапит, как сам рассказывал об этом на покое, некогда “пришел к о.Амвросию и просил совета: взяться ли ему за составление жизнеописания старца Илариона Троекуровского, о чем просили его монахини, или нет? Старец о.Амвросий на это с ласковою улыбочкою ответил: “Возьмись, возмись, да и поучись, как надо будет писать жизнеописание-то.” А сам все улыбается и улыбается... Точно он предвидел, что приведет Господь мне писать его жизнеописание”. “Жизнеописание в Бозе почившего Троекуровского затворника Илариона Мефодиевича Фокина, основателя Богородичного Иларионовского женского монастыря” (М., 1888), составленное будущим агиографом своего духовного отца, тогда было признано лучшим и самым полным житием Троекуровского старца, который за три года до рождения о.Агапита благословил преподобного Амвросия в Оптину Пустынь.

В 1898 году в журнале “Душеполезное чтение” был опубликован новый труд о.Агапита — жизнеописание Оптинского старца-настоятеля схиархимандрита Исаакия. В 1899 году “Очерк жизни настоятеля Оптиной Пустыни архимандрита Исаакия” вышел в Москве отдельной книжкой. О.Исаакий принял управление обителью по завету старца Макария — быть ему преемником архимандрита Моисея — в 1862 году, за три года до поступления в Оптинский скит о.Агапита.

Архимандрит Агапит пробовал силы и в духовной поэзии. Ровно через год после возвращения в скит им было написано стихотворение “Злоумный разбойник” — о разбойнике, распятом ошуюю Спасителя. Оно оканчивалось монашеским самоукорением с покаянной мольбой ко Господу:

О, Боже, Боже милосердый!
Услышь мой плач, мой вопль усердный;
Дабы и мне с ним не подпасть,
С моей душой высокосердой,
Дракона лютого под власть.

Впоследствии о.Агапит иногда перечитывал и правил это так никогда и не напечатанное стихотворение — после подписи: “Фантазия А<рхимандрита> Агапита” и даты: “Окончено — 10 ноября 1898 года. Ровно год моего приезда в скит из Мещовского монастыря” имеется приписка: “Выправка же закончена в декабре 1902 г.”

Очевидно, вскоре после того как о.Агапит поселился на покое в Оптином скиту, ему было поручено составление жизнеописания старца Амвросия. Летопись скита сообщает:

“1900 г. Март 10. Пятница. О.архимандрит Агапит составил полное жизнеописание старца иеросхимонаха о.Амвросия. Рукопись одобрена преосвященным Макарием, епископом Калужским и Боровским. Вопрос о том, когда и на какие средства будет печататься рукопись, еще окончательно не решен.

Материалом для составления сего жизнеописания послужили преимущественно сказания о жизни старца братий монастыря и скита, которые собирал и редактировал один из братий скита.”

* Вместо зачеркнутой строки: “Смягчи мой нрав жестокосердый”.

“1900 г. Сентябрь 10. Воскресенье. Получена в скиту книга: Жизнеописание в Бозе почившего старца иеросхимонаха Амвросия с его портретом и факсимиле. Книга отпечатана в Москве в типографии Снегиревой в количестве 1900 экземпляров. Из цензуры вышла 27 августа сего года и предназначена в пользу Оптиной Пустыни. Книга представляет собой полное жизнеописание старца, так как в ней собраны сведения, как появлявшиеся в печати, так равно и рукописные и устные сведения о жизни старца. Книга составлена живущим в скиту на покое архимандритом Агапитом.”

Эти записи в скитской летописи были сделаны рясофорным монахом Павлом (Плиханковым) — будущим старцем Варсонофием. По всей видимости, он и был “одним из братьев скита”, собиравшим и редактировавшим материалы, — как позже он сделал это и для жизнеописания старца Макария. В подготовке одной главы книги о преподобном Амвросии участвовал иеромонах Нектарий (Тихонов) — тоже будущий старец Оптинский.

Когда о.Варсонофий стал начальником скита, он поручил о.Агапиту составить краткие жизнеописания всех похороненных на скитском кладбище. Монахиня Амвросия (Оберучева), духовная дочь Оптинских старцев Анатолия (Потапова) и Никона, пишет в своих воспоминаниях, что во время ее болезни осенью 1928 года к ней пришел оптинский монах о.Викентий и принес ей “собственноручную рукопись схиархимандрита Агапита”, которая “заключала в себе краткие, иногда только в несколько строк, жития всех схороненных на скитском кладбище Оптиной Пустыни братьев, но в каждом житии были выражены несколькими словами главные черты подвижнической жизни и смерти этого инока”.

В начале двадцатого века архимандрит Агапит трудится и над другими изданиями. Так, в 1906 году вышло его переложение на современный русский язык первой оптинской аскетической книги — “Житие и Писания Молдавского старца Паисия Величковского” (М., 1847). Толкование на “Господи помилуй”, которым начинаются Писания старца Паисия, о.Агапит, переложив на современное наречие, впоследствии издал отдельным листком.

Архимандрит Агапит также существенно переработал и дополнил составленное иеромонахом Климентом (Зедергольмом) “Жизнеописание Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схиме Льва)” (М., 1876). В Журнале заседаний собора старшей братии Оптиной Пустыни имеется запись от 28 июля 1915 года:

“Слушали: Предложение настоятеля обсудить, следует ли издать 2-ым изданием Жизнеописание старца иеросхимонаха Льва, дополненное архимандритом Агапитом.

Определили: Издать Жизнеописание старца иеросхимонаха Льва.”

Книга под названием “Первый великий старец Оптинский иеромонах Леонид (в схиме Лев)” в 1917 году была издана в Шамординской типографии.

Живя на покое в Предтеченском скиту, архимандрит Агапит иногда вместе со скитона начальником о.Иосифом выезжал на скитскую и монастырскую дачи, о чем упоминается в скитской летописи:

“1900 г. Июль 13. Четверг. Вчера скитона начальник о.Иосиф, вместе с о.архимандритом Агапитом, проживающим в скиту на покое (с осени 1897 года), ездили на скитскую дачу, а сегодня возвратились.”

“1901 г. Июль 7. Суббота. Вчера вечером о.архимандрит Агапит, скитона начальник о.Иосиф, игумен о.Феодосий и иеромонахи о.Венедикт и о.Даниил отправи-

* В этой работе принимали участие заведующий скитской библиотекой рясофорный монах Иоанн Полевой (будущий иеромонах Иосиф), письмоводитель старца Варсонофия послушник Николай Беляев (будущий старец иеромонах Никон), послушник Александр Аваев и некоторые другие скитские послушники.

лись в Шамордино, куда 8 сего июля ожидают епископа Макария для освящения церкви на даче монастырской близ села Руднева.”

О.Агапит продолжал также служить Литургию, молебны, панихиды и погребения. Так, 18 января 1900 года он отпевал своего преданного ученика схимонаха Феодота (Герасимова) — постриженника Оптинского скита, сопровождавшего духовного отца в Добром и Мещовском монастырях; 2 апреля 1900 года, в Вербное Воскресение, в сослужении с о.игуменом Ксенофонтом, монастырскими и скитскими иеромонахами в Казанском соборе отпевал архимандрита Досифея — настоятеля Оптиной Пустыни и предшественника о.Агапита по Мещовскому монастырю; 14 апреля 1904 года служил в Предтеченском храме панихиду по настоятельнице Шамординского монастыря игуменнии Евфросинии; 26 октября 1905 года в том же скитском храме служил молебен о даровании здоровья о.скитоначальнику Иосифу.

“1917 г. Октябрь 10. Память блаженных старцев Льва и Амвросия. Богослужение в скиту свое. Литургию совершал о.скитоначальник совместно с о.Адрианом и о.Пиором. На панихиде собор священнослужителей возглавил маститый о.архимандрит Агапит, ученик и письмоводитель покойного батюшки Амвросия.”

Летопись скита отмечает и участие архимандрита Агапита в богослужениях, посвященных памяти старца Макария:

“1906 г. Январь 19. Скитский праздник пр<еподобного> Макария Египетского. В 5 ч. утра было совершено водоосвящение. Пред Литургиею отслужена панихида по приснопамятному Оптиному старце иеросхимонахе Макарии. Как панихиду, так и Литургию и последовавший за ней молебен празднуемому святому служил пребывающий в скиту о.архимандрит Агапит в сослужении о.о.иеромонахов Варсонофия и Нектария с иеродиаконами монастырским о.Георгием и скитским о.Анатолием.”

“1916 г. Сентябрь 7. День кончины (1860 г.) старца иеросх<имонаха> Макария. Торжественное богослужение в Макарьевском приделе Предтечевского храма совершено скитоначальником о.игуменом Феодосием соборне, а на панихиду соборне выходил маститый о.архимандрит Агапит.”

В марте 1904 года Калужская Духовная Консисто́рия обратилась к настоятелю Оптиной Пустыни игумену Ксенофону с предписанием отобрать отзыв от архимандрита Агапита, “позволят ли его физические силы и есть ли желание быть назначенным для несения пастырского служения в лазаретах и госпиталях на театре военных действий”. Но для этой миссии о.Агапит был уже слишком слаб.

После нескольких лет жизни в скиту он перешел на жительство в монастырскую больницу. Вот что говорит об этом скитская летопись:

“1907 г. Декабрь 31. В сем году из состава скитского братства выбыл живший в скиту на покое архим<андрит> Агапит. О.архимандрит еще в декабре 1906 г., вследствие болезни ног, поместился в монастырской больнице для лечения; ввиду же необходимости иметь под рукою медицинское пособие, нашел более удобным остаться на постоянное пребывание в больнице и освободил занимавшуюся им в скиту келлию.”

Великим Постом 1907 года в монастырской больнице лежал младший брат Оптинского старца Никона Иван Митрофанович Беляев, в то время 16-летний гимназист, впервые приехавший в Оптину Пустынь. На склоне лет он с большой теплотой вспоминал об о.Агапите:

“В то время моими соседями были любвеобильнейший и мудрейший о.архимандрит Агапит и старый, старый слепец иеросхимонах о.Иустин. Скоро по приходе в больницу я был в состоянии ходить и стоять, и дано было мне сладостное послушание вычитывать этим отцам все утреннее и вечернее правило.

Им я тоже доставлял немалое утешение. Много хорошего и поучительного сказано было ими мне. И хоть я и не помню отдельных их слов, но они касались всего, что мне пришлось в то время видеть и переживать. Это были мои, собственно говоря, первые наставники, которых я никогда не забываю поминать со всею любовью. Тут же из коридора (жил я во втором этаже) была дверь на хоры больничной церкви во имя Преподобного Илариона Великого. По субботам, воскресеньям и иногда по другим дням там была служба.”

Духовным окормлением аввы Агапита пользовались все последние старцы “старой” Оптины: Варсонофий, Анатолий (Потапов), Нектарий и Никон. При этом, будучи современником и учеником преподобного Амвросия, архимандрит Агапит “в старости маститей” стал как бы связующим звеном между поколениями обители.

Так, самый молодой Оптинский старец, иеромонах Никон, в беседе с духовными чадами рассказывал о толковании старцем Амвросием псаломских слов *Всипутие Господни милость и истина* (Пс. 24, 10), переданном ему о.Агапитом:

“По толкованию батюшки Амвросия, которое сообщил мне отец Агапит, эти слова означают, что пути Господни требуют от человека двух вещей: милости и истины. Как же следует понимать это? А вот как: все, желающие непорочно проходить пути Господни, должны оказывать всякую милость и снисхождение по отношению ближних, хотя бы и согрешающих, а от себя требовать исполнения всякой истины, всякой законной правды; по отношению к себе мы должны быть неумытными судиями, все свои поступки мы должны строго выправлять по заповедям закона Божия, а к ближним мы должны быть всегда милостивыми и снисходительными...”

Архимандрит Агапит исполнил на себе этот завет величайшего из Оптинских старцев. Хранитель Оптинских преданий стал носителем и Оптинского духа — духа истинного монашества, которое есть не что иное, как совершенное христианство. Такие столпы благочестия живым исповеданием веры Христовой свидетельствовали, что святость — это не удел избранных, а жизненный идеал, к которому должен стремиться каждый христианин по заповеди Господа, рекшего: *Да освятитесь и будете святы, яко свят есмь Аз Господь Бог ваш* (Лев. 11, 44).

Последний соборно избранный Оптинский старец иеросхимонах Нектарий ходил к о.Агапиту исповедываться и советоваться в больницу и ничего не делал без его благословения. Духовная дочь старца Нектария, монахиня Белевского Крестовоздвиженского монастыря Наталия, вспоминала:

“Батюшка ходил на исповедь в монастырскую больницу к архимандриту Агапиту, и мы иногда его провожали. Он был слаб, уставал, и помню, ему однажды сказали: “Батюшка, вы бы палочку взяли, вам бы легче было ходить с палочкой.” Батюшка ответил: “У меня нет еще на это благословения.” Этим он показал, что даже на такую мелочь он спрашивает благословения духовного отца, или аввы, — отца архимандрита.”

Другим близким учеником о.Агапита был последний духовник Оптинской братии иеромонах Досифей (Чучурыкин) — он же стал и духовником о.Нектария. Взаимоотношения наставника и учеников подчас были окрашены нередко встречающимся у подвижников легким юродством. Это вполне очевидно из воспоминаний шамординской монахини Любви, которая по благословению старцев несла послушание в аптеке при оптинской больнице:

“Архимандрит Агапит был, на покое жил у нас в больнице. Батюшка Нектарий у него исповедывался. И вот один раз он приходит, говорит: “Я пришел к батюшке исповедываться.” Я говорю: “Он обедает, подождите.” Вышла пойти к о.Агапиту сказать, а он за мною вслед идет. Батюшка Агапит за столом сидит,

какая-то пища была, он как раз взял ложку, а батюшка Нектарий не дает, отнимает у него. Спорили, спорили, потом батюшка Нектарий отдал.

А один раз батюшка Нектарий лежал в больнице. О.Досифей разносил обед. Принес батюшке все, а ложку забыл. Я пришла, а батюшка мне говорит. — “Батюшка, значит он забыл.” А батюшка Нектарий видит, что все есть, а ложки нет — через край все поел. О.Досифей опомнился, несет батюшке ложку, вот так обеими руками держит. — “Батюшка, вот вам ложечка.” Смотрит, а уж батюшка все съел. “Батюшка, как же вы без ложки?” — “А я думал, у вас так полагается.”

12 марта 1912 года, после перевода старца Варсонофия в Старо-Голутвин монастырь, старшая Оптинская братия собралась, чтобы избрать скитоначальника и братского духовника. Н.А.Павлович пишет:

“Сначала старчество предложили о.архимандриту Агапиту, жившему в Оптиной на покое. Это был человек обширных познаний и высокого духа, автор лучшего жизнеописания старца Амвросия, но решительно уклонявшийся и от архиерейства, не раз ему предлагаемого; от старчества он отказался наотрез. Он спасался, имея лишь несколько близких учеников. Одним из них был иеромонах Нектарий. Когда братия стала просить его указать им достойного, он назвал о.Нектария.”

Действительно, в “покорнейшем доношении” настоятеля Козельской Введенской Оптиной Пустыни архимандрита Ксенофонта преосвященнейшему Александру, епископу Калужскому и Боровскому, говорилось:

“Занять должность скитоначальника и братского духовника старшая братия просила проживающего на покое в пустыни архимандрита Агапита, который, по преклонным летам, от сего предложения отказывался. Ввиду же неполучения от него окончательного ответа временно исполняющим должность скитоначальника и братского духовника с совета старшей братии назначен иеромонах Нектарий, 59 лет от роду, живущий в скиту с 1873 года; человек добродетельной жизни, отличающийся кротостью и смирением.”

По свидетельству старца Нектария, архимандрит Агапит, прозревая грядущие страшные события и будущее разорение обители, решил, что не в силах будет перенести столь тяжелой скорби. Пять лет спустя о.Агапит предсказал и закрытие основанного преподобным Амвросием Шамординского женского монастыря — Александре Дмитриевне Оберучевой, будущей монахине Амвросии (на Страстной седмице 1916 года он благословил Александру Дмитриевну ехать фронтным врачом туда, где воевал ее брат). Матушка Амвросия записала:

“Этот знаменательный для меня день, 12 июня 1917 года (Онуфрия Великого, Петра Афонского, Иоанна, Андрея, Ираклемона, Феофила, Арсения Коневского, св. Анны Кашинской, прп. Онуфрия Мальского; Онуфрия и Авксентия Вологодских, Вассиана и Ионы Пертоминских, Стефана Комельского), — навсегда остался в моей памяти. Батюшка о.Анатолий благословил меня образом “Моление о чаше” и сказал: “Благословляю послужить на пользу обители”, — и добавил: “Можно каждую неделю писать.” Благословил меня четками. И послал к батюшке о.Агапиту, который был уже очень слаб и находился в больнице; для него была отдельная келья; все старцы и монахи с особенным благоговением относились к этому старцу, живущему в Оптике на покое. Он был еще на ногах, ласково принял меня и на просьбу благословить меня в Шамординский монастырь сказал: “Что ж, погости, погости, благословляю тебя, но ведь монастыри закрываются” (у большинства тогда была надежда, что такое время скоро пройдет, и потому эти слова, как камень, пали мне на сердце). И батюшка продолжал: “Монастыри все разойдутся, на два месяца хлеба только достанет... А мужские тоже, только до нас черед еще не дошел...” — “Помолитесь, батюшка, чтобы духовно устроилась моя

жизнь.” — “Молись и ты, и смирайся.” — “В суете все живу.” — “Сама с собою если будешь, помыслы пойдут. А доброе дело для ближнего заменяет молитву. Благословляю, погости, погости...”

Осенью 1917 года Оптину посетил Сергей Алексеевич Сидоров — будущий новомученик протоиерей Сергей (расстрелян 27 сентября 1937 года, на Воздвижение Креста Господня). Его записки об Оптиной Пустыни заканчиваются описанием встречи с архимандритом Агапитом:

“Мои воспоминания об Оптиной Пустыни были бы неполны, если бы я не описал свое свидание с архимандритом Агапитом, лучшим другом и первым биографом старца Амвросия. Жизнеописания Оптинских подвижников, написанные их учениками, отличаются особенной духовной яркостью. Климент Зедергольм и Леонид Кавелин сумели не только передать дух учения своих великих старцев. Они сохранили в своих писаниях звуки их речи, они начертали их внешний облик и заставили почитать в Оптинских старцах не только мужей мудрых, но преисполненных любовью к грешникам, святых. Среди биографий старцев на первом месте безусловно стоит жизнеописание старца Амвросия, написанное архимандритом Агапитом. К сожалению, быстро распроданная, эта биография отца Амвросия давно стала библиографической редкостью и многие любители духовного чтения даже не подозревают о существовании подобного труда.

Сергей Николаевич Дурылин, желая приобрести эту книгу, отправился к ее автору-архимандриту и взял меня с собою. Это было в конце сентября 1917 года. Архимандрит жил в монастырской больнице, занимая там отдельную комнату. Оптинская больница и обстановка ее произвели на меня необычайно светлое впечатление. Чистота и блеск белых стен и полов, огромные окна, озаренные свежим сентябрьским солнцем, а главное, обилие цветов из скитской знаменитой оранжереи, устроенной старцем Макарием, — все это делало больницу похожей на мирный приют отдыха, а не на дом печали. Приветливые лица монахов-докторов и санитаров еще более прибавляли радости и успокоения. Один из врачей, окончивший Московский университет отец П., любезно проводил нас к архимандриту. Нам навстречу вышел белый старик с длинными седыми кудрями, одетый в белую рясу, с небольшой серебряной бородкой, опирающийся на белый костыль. Это был отец Агапит. Дурылин назвал себя, и он пригласил нас в свою комнату. Небольшая его комната с койкой и столиком была особенно светла и утопала в цветах. В углу стоял образ Царицы Небесной, у которой горела большая лампада и стояло несколько горшков цветущих гиацинтов и нарциссов, которых отец архимандрит был чрезвычайный любитель. Разговор шел об отце Амвросии, его прозорливости. О том, что им была предсказана великая скорбь в первые десятилетия XX века. Отец архимандрит говорил тихо и с трудом благодаря преклонному возрасту, ему было около девяноста лет. Биографии старца Амвросия у него не оказалось, но он обещал Сергею Николаевичу достать ее в ближайшее время у одного из своих духовных детей. Пробыли мы у отца архимандрита около часа и, не желая утруждать его, простились с ним. Сергей Николаевич еще раз через несколько дней посетил отца архимандрита и застал его в постели, он тогда заболел своей смертельной болезнью, воспалением легких, простудившись на всенощной во Введенской церкви.

Книгу свою отец архимандрит завещал Сергею Николаевичу, и после его смерти он получил ее. Вот то немногое, что оставила мне память о моем пребывании в Оптиной Пустыни. Но кроме ликов образов, прекрасной природы, кроме звуков колоколов и песнопений в моей душе остались неизъяснимые светлые блики ее святыни. В минуты недоумений и скорбей, в минуты тоски и горя я всегда внимаю этому свету великой обители, и легче становится мне идти по трудному пути жизни.”

Внутренняя духовная жизнь архимандрита Агапита была глубоко сокрыта от окружающих. О том, какой высоты молитвенного делания он достиг, красноречиво свидетельствует эпизод с его четками, записанный Н.А.Павлович:

“О старце Агапите очаровательно рассказывала сиделка Дунечка, ходившая за ним в больнице. Однажды она тихонько сняла его четки с перекладкины постели, где они всегда висели, и взяла их с собой в храм. “Вот-то, — думает, — помолюсь я по его четкам!” Старец Агапит словно бы и не заметил, как она четки брала. Стоит Дунечка в церкви, пробует молиться по его четкам, а ее в сон клонит. Никогда в жизни она так спать не хотела — засыпает стоя и все. Тут она видит, что неладно что-то, раскаялась и понесла четки обратно. Хочет их незаметно повесить на место, а старец Агапит открыл глаза, смотрит на нее и смеется: “Открой-ка мой ящик.” Дуня открыла. “Вот возьми там четочки. Те легонькие, а эти мои слишком тяжелы для тебя.”

Невольно вспоминается эпизод в одной из любимых оптинских книг о молитве Иисусовой — “Откровенные рассказы странника духовному своему отцу”: святость старца передалась его четкам, и когда странник отмахнулся ими от волка, то был спасен от растерзания хищным диким зверем.

В последние годы своего земного жития о.Агапит порой впадал как бы в слабоумие, хотя в просветах сохранял и прозорливость и духовную высоту. Старец Нектарий говорил, что болезнь ему попущена за отказ от общественного служения. Небесный покровитель архимандрита Агапита преподобный Агапит Исповедник был против его желания рукоположен в сан пресвитера епископом города Синады. Тот епископ вскоре скончался, и тогда по избранию духовенства и народа на его место был поставлен святой Агапит, который с принятием святительского сана был удостоен от Господа дара пророческого прозрения.

О.Нектарий и сам не хотел выходить из полузатвора — он тоже предвидел разгром Оптиной и все последующие страдания, — поэтому подвиг старчества принял только тогда, когда от него этого потребовали “за послушание”. За два года до избрания старцем о.Нектарий в таинственном сне видел огромное поле, на котором происходила “страшная битва между бесчисленным полчищем богоотступников и небольшой ратью христиан”. *И будет в последние дни, говорит Бог, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут* (Деян. 2, 17). О своем пророческом сновидении о.Нектарий поведал в оптинской больнице Сергею Александровичу Нилусу, причем начало рассказа совпало с приходом о.Агапита. В дневниковой записи от 17 марта 1910 года С.А.Нилус трогательно описывает беседу двух блаженных старцев:

“Ходил сегодня в нашу оптинскую больницу навещать больного друга нашего, отца Н<ектария>. Уже 4-й день идет, как его привезли из скита и поместили в ту

* Достоин внимания, что именно о.Агапит был одним из тех двух “писарей” (вместе с монахом Иннокентием), которые в 1879 году переписали для старца Амвросия “Рассказы странника” с рукописи, присланной преподобному казначей Спасо-Влахернского монастыря Московской губернии монахиней Леонидой (Фризель), — это было первым появлением книги в Оптиной Пустыни. Существует предположение, что впоследствии о.Агапит стал автором поучения в шестом (“дополнительном”) рассказе под названием “Тайна спасения, открываемая непрестанною молитвою” — схимник, главный персонаж рассказа, читающий своим слушателям этот вполне самостоятельный текст (позднее даже публиковавшийся отдельно), представляет его как “очень вразумительную тетрадку одного духовного писателя”, а в примечании к “Тайне спасения” отмечено: “С рукописи автора, полученной о.Амвросием из Доброго монастыря”.

В современном архиве Оптиной Пустыни хранится рукопись пятого-седьмого (так называемых “дополнительных”) рассказов странника, обнаруженная в 1957 году Е.А.Булгаковой в козельской квартире оптинского иеромонаха Рафаила (Шейченко) после его кончины. Рукопись содержит такие разночтения с известными текстами рассказов, которые указывают на ее редактирование при первой публикации в 1911 году. При подготовке настоящей статьи было установлено, что эта рукопись переписана рукой о.Агапита.

самую келью, в которой только что скончался о.Феодосий. К великой радости, нашел батюшку на пути к выздоровлению. Отец Н<ектaрий> встретил меня сообщением, что его всю ночь беспокоил страшный сон, виденный им с необыкновенной ясностью.

— Что же видели вы? — спросил я с особым интересом, зная духовную высоту нашего батюшки.

— Революцию в России видел, страшный мятеж.

Дальнейшее повествование было прервано появлением больничного монаха-фельдшера, пришедшего измерять температуру больного. К великой моей радости, температура оказалась уже нормальной.

По уходе фельдшера мне довелось быть свидетелем умильной и незабвенной сценки. Не успели мы обратиться к прерванному повествованию, как вошел, помолитившись, один из самых уважаемых Оптиных старцев, живущий в больнице на покое. Смотрю: в руках у старца что-то есть, что-то припасено вроде “утешения” для болящего... После взаимного приветствия взошедший старец раскрыл свою ручку, и на ее ладони, на чистенькой бумажке, оказались три фигурные мармеладинки. Старец, с несравненно-милой улыбкой на детски-ясном лице, стал степенно снимать с бумажки одну мармелинку за другой и подносить их поодиночке нашему другу, приговаривая:

— Вот вам, батюшка отец Н<ектaрий>, как изволите видеть, лапоточек. Простите только, что с подошвы его мы снежку стряхнуть не успели.

А снежок на мармелядном лапотке — несколько песчинок сахарного песка.

— А это, — продолжал в том же духе старец, — среди зимы вам земляничка!

И “земляничка” таким же образом перешла из рук в руки о.Н<ектaрия>.

— А это, уж извините, один только ломтик апельсина.

И тут оба старца засмеялись таким ангельски-детским смехом, что глупые мои глаза даже слеза прошибла.

Принял о.Н<ектaрий>й богатые эти дары, положил их бережно на спальный столик и сказал:

— А лапоток-то ваш, мой батюшка, вишь ведь, что привел мне на память! Великий Царь, Петр, до всего, как вам известно, старался доходить своим умом и личным опытом: он и плотничал, и столярничал, и на кузне работал; добрался, наконец, и до лаптей — задумал сам попробовать лапти сплести. Вот он и стал их ковырять, плел, плел, а там взял их да и отбросил к сторонке, примолвив с неудовольствием: “Зело, — говорит, — дело многодельное и малоприбыльное.” — Так вот, мой батюшка, захотелось Царю лапти плести, а как не царское то дело, то пришлось и бросить.

И оба старца опять засмеялись, до слез без слов рассмеялись, и только старец-даритель, сквозь смех, успевал, нет-нет, да и вставить словечко:

— Ну и о<тец> Н<ектaрий>й! Ну и затейник! и откуда только он все это знает?

А у меня слезы — кап, кап! Надо знать, как я, глубину смиренномудрия и духовного разума обоих святых старцев, чтобы по достоинству оценить успех и для них, и для меня этих невинных шуток, этого наивного смеха — всей этой евангельской чистоты сердца, этой детскости духа во плоти Ангелов, выну зрящих лице Отца Небесного... Вот она, старая великая Россия!

Не поймет и не оценит
Гордый взор иноплемennyй,
Что сквозит и тайно светит.
В красоте твоей смиренной...”

* У Ф.И.Тютчева — “не заметит” и “в наготe” (“Эти бедные селенья...”, 1855 г.)

Когда архимандрит Агапит принял схиму, осталось неизвестным — по-видимому, незадолго до кончины. Он отошел ко Господу 23 февраля 1922 года — через пять дней после того как в 50-й раз отметил в монастыше день Ангела, — и похоронен за алтарем Введенского собора Оптиной Пустыни.

На деревянном кресте была сделана надпись:

“Схи-архимандрит Агапит, в мире Андрей Иванов Беловидов, из духовного звания Тамбовской епархии”.

На средней перекладине:

“Много трудился в книгоиздательстве Оптиной Пустыни. Прилежал усердно безмолвию и молитве”.

А на подножии креста:

Аще не обратитесь, и будете яко дети, не увидите в Царство Небесное (Мф. 18, 3) и *Блаженни нищии духом, яко тех есть Царство Небесное* (Мф. 5, 3).

Евгений Лукьянов
16/29 июня 1995 года —
священномученика Тигрия пресвитера,
преподобного Тихона Калужского,
схиархимандрита Моисея Оптинского

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архимандрит *Агапит*. Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия, в двух частях. М., 1900, ч. 1, с. 14—16, 45—46, 50—51, 92—93; ч. 2, с. 138—139. Репринт. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. Р.Багдасаров. Краткие сведения об авторе.

2. Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Месяц февраль. М., 1905, с. 334—335.

3. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь. М., 1909, с. 529, 531, 593, 604. Ноябрь. М., 1910, с. 76—77.

4. *С.Нилус*. На берегу Божьей реки. Записки православного. Сергиев Посад, 1916, с. 72—73, 98—99.

5. *С.Нилус*. На берегу Божьей реки. <Дневниковые записи за 1910 год.> — Троицкое слово, 1917, №№ 387, 388, 389, с. 469—471.

6. *С.Нилус*. Великое в малом. Сергиев Посад, 1911, с. 17—22.

7. Сергей Александрович Нилус (1862—1929). Жизнеописание. Сост. С.М.Половинкин. М., 1995, с. 26—29, 273.

8. *Сергей Фомин*. “Паче злата и сребра” (Издательская деятельность Оптиной Пустыни). — Град-Китеж, 1992, № 3(8), с. 8—9.

9. *Илья Басин*. К вопросу о происхождении пятого, шестого и седьмого “Рассказов странника”. — Вестник Русского Христианского Движения, 1995, № 171, с. 71—76.

10. Проповеди и наставления Оптинского старца Никона. Публ. послушника Евгения Лукьянова. — Литературная учеба, 1992, книга пятая и шестая, с. 125.

11. Дневник последнего старца Оптиной Пустыни иеромонаха Никона (Белыева). СПб., 1994, с. 212—213, 275—276.

12. <*Н.А.Павлович*> Старец Нектарий Оптинский. — Православная жизнь (Джорданвилль), 1983, № 11 (407), с. 12.

13. Воспоминания о старце Нектарии. — Надежда. Вып 15. Цюрих — Мюлуз, <1991,> с. 93—95, 144—145, 162.

14. Рассказ монахини Любви <записи Е.А.Булгаковой>. — В сборнике Н.Г.Чулковой “Цветочки Оптиной Пустыни”. 1925. Машинопись. Архив Оптиной Пустыни.

15. Н.Г.Чулкова. Некрополь Оптиной Пустыни. 1925. Машинопись. Библиотека Оптиной Пустыни.

16. И.М.Беляев. Воспоминания. 1959. Рукопись. Семейный архив Т.И.Беляевой.

17. Монахиня Амвросия (Оберучева). Очерки из многолетней жизни одной старушки, которую Господь не по заслугам не оставлял Своею милостию и которая считала себя всегда счастливой, даже и среди самых тяжелых страданий. Книга 2-я. 1914—1934 гг. Машинопись. Библиотека Оптиной Пустыни.

18. Беседы старца схиархимандрита Варсонофия. Список Л.Е.Межековой. Архив Оптиной Пустыни. Беседа от 17 июля 1912 г.

19. Дни памяти настоятелей и старцев О<птиной> П<устыни>. <Дни кончины и дни Ангела.> Архив Оптиной Пустыни.

20. <Игумен Марк (Лозинский). Сведения о последних насельниках Оптиной Пустыни.> Рукопись. Архив Троице-Сергиевой Лавры.

21. <Н.А.Павлович.> “Невода памяти”. Глава III. Монах отец Агапит <Таубе>. Машинопись. Архив Оптиной Пустыни.

22. Материалы о <б> иеросхимонахе Нектарии. Машинопись. Библиотека Оптиной Пустыни.

23. Записки протоиерея Сергея Сидорова. М., 1989. Машинопись. Публикуется с разрешения дочери автора Веры Сергеевны Бобринской.

24. “Брату Константину благословляется записывать замечательные случаи Оптиной Пустыни и Предтечева Скита. 20-го Сентяб<ря> 1862 года. Многог<решный> и <еромонах> Амвросий.” РГАЛИ. Ф. 548, оп. 1, ед. хр. 440, л. 12, 16 об., 33 об., 36 об., 63 об.

25. Амвросий (Гренков), иеросхимонах. Письма к Леониде (Фризель), казначее Влахернского Спасского монастыря Дмитровского уезда, Московской губернии. 1874—1891. Штамп библиотеки скита с шифром: отд. 1, № 469. ОР РГБ. Ф. 213, карт. 55, ед. хр. 4, л. 88—88 об.

26. Агапит, архимандрит. “Злоумный разбойник” — стихотворение. Черновой вариант с авторской правкой. 1898—1902. ОР РГБ. Ф. 213, карт. 53, ед. хр. 14.

27. Летопись скита Оптиной Пустыни за 1900—1916 гг. ОР РГБ. Ф. 214, ед. хр. 367.

28. “Летопись выдающимся событиям скитской жизни” за 1916 (с октября)—1918 (по 4-е июня) гг. ОР РГБ. Ф. 214, ед. хр. 368.

29. Журнал заседаний собора старшей братии Козельской Введенской Оптиной Пустыни и материалы к ним (№ 483). 1913—1918. ОР РГБ. Ф. 213, карт. 3, ед. хр. 26, л. 34.

30. Дело о выборе: скитоначальника, казначея, братского духовника и ризничего Козельской Введенской Оптиной Пустыни (№№ 438, 472). 1912. ОР РГБ. Ф. 213, карт. 3, ед. хр. 23, л. 16, 18—19.

31. Формулярные списки монашествующих и послушников Козельской Введенской Оптиной Пустыни. 1802—1889 гг. ОР РГБ. Ф. 213, карт. 1, ед. хр. 1.

32. Формулярные списки монашествующих и послушников Козельской Введенской Оптиной Пустыни. 1890—1906 гг. ОР РГБ. Ф. 213, карт. 1, ед. хр. 3.

33. Формулярный список монашествующих Оптиной Пустыни и Иоанно-Предтеченского скита, 1914 г. Государственный архив Калужской области. Ф. 903, оп. 1, ед. хр. 339, л. 3—3 об.

34. Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, из Калужской Духовной Консистории. Настоятелю Козельской Введенской Оптиной Пустыни игумену Ксенофону <от 20 марта 1904 года>. Государственный архив Калужской области. Ф. 903, оп. 1, ед. хр. 285, л. 49.